This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 862,096

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES · 1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES 1817

Мк 1505
Bobrov, Evgenii Aleksandrovich

Проф. Евгеній Бобровъ.

ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВѢЩЕНІЕ

въ Россіи XIX в.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

ТОМЪ II.

КАЗАНЬ
Типо-литографія Императорскаго Университета
1902.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ.*

ПАМЯТИ

Алексѣя Александровича

КОЗЛОВА.

891.79
B663Ci
v. 2

Stacks
ch
L. Acad of Sci
19-74
069354-293

Въ I части этого нашего труда (стр. 65—70 и примѣчанія) мы сгрупировали стихотворенія на смерть поэта Д. В. Веневитинова. Здѣсь приводятся еще два стихотворенія, посвященныя его же памяти.

Вздохъ на могилѣ Веневитинова.

Какія думы въ глубинѣ
Его души таились, зрѣли?
Когда-бъ онѣ сказалися (*вар.*: проискрились) вполнѣ—
Кого-бъ мы въ немъ, друзья, узрѣли?
Но онъ, нашъ сѣверный поэтъ,
Какъ юный лебедь величавый,
Средь волнъ тоскуя, пѣсню славы
Едва начàлъ—и стихъ средь юныхъ лѣтъ.

(Отъ 1830—31 гг.)

(Стихотворенія А. В. Кольцова, изд. Арс. И. Введенскаго, стр. 122).

На смерть Веневитинова.

Дѣва.

Юноша милый! На мигъ ты въ наши игры вмѣшался!
Розѣ подобный красой, какъ Филомела, ты пѣлъ.
Сколько любовь потеряла въ тебѣ поцѣлуевъ и пѣсенъ,
Сколько желаній и ласкъ новыхъ, прекрасныхъ, какъ ты!

Роза.

Дѣва, не плачь! Я на прахѣ его въ красотѣ расцвѣтаю,
Сладость онъ жизни вкусилъ, горечь оставилъ другимъ.
Ахъ! и любовь бы измѣною душу пѣвца отравила!
Счастливъ, кто прожилъ, какъ онъ, вѣкъ соловьиный и мой!

Бар. **А. А. Дельвигъ.**

Въ „Пушкинскомъ Сборникѣ. Статьи студентовъ Московскаго университета подъ редакціею проф. А. И. Кирпичникова," М. 1900, есть рефератъ *Ѳ. Некрасова* „Д. В. Веневитиновъ, какъ поэтъ и критикъ," стр. 41—99, не представляющій, впрочемъ, ничего оригинальнаго.

Оглавленіе.

Стр.

I. И. И. Давыдовъ и Ѳ. И. Буслаевъ 3

II. Генезисъ одной книги 46

III. Нѣкоторыя свѣденія о научно-литературной дѣятельности Д. М. Велланскаго 86

IV. Критическая дѣятельность Д. В. Веневитинова 150

Приложенія.

I 175
II. 182
III 187
IV 189
V. 192

Проф. Евгеній Бобровъ.

ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВѢЩЕНІЕ

въ Россіи XIX в.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

ТОМЪ II.

I.

И. И. Давыдовъ и Ѳ. И. Буслаевъ.

Имена, поставленныя нами въ заголовкѣ этюда, знаменуютъ собою два поколѣнія въ рядахъ русскихъ подвижниковъ науки,—двѣ эпохи въ исторіи изученія русской словесности, языка и старины,—въ частности, два періода въ исторіи Московскаго университета. Какъ тотъ, такъ и другой были и воспитанниками, и профессорами Московской alma mater—вдобавокъ по той же самой каѳедрѣ. Ѳ. П. Буслаевъ былъ ученикомъ и однимъ изъ преемниковъ И. И. Давыдова: многимъ, какъ увидимъ ниже, Ѳ. И., по собственному сознанію, былъ обязанъ своему учителю. Но, какъ очень часто бываетъ, между представителями двухъ послѣдовательныхъ поколѣній, между „отцами" и „дѣтьми" дѣло не обошлось безъ столкновеній, безъ стычекъ и борьбы. О такомъ эпизодѣ изъ взаимныхъ сношеній Ѳ. И. Буслаева и И. И. Давыдова мы и намѣрены здѣсь разсказать, пользуясь различными свидѣтельствами.

Предоставимъ прежде всего слово самому Ѳ. И. Буслаеву, начертавшему подробныя характеристики большинства своихъ учителей, въ томъ числѣ И. И. Давыдова:

„Въ свое время онъ считался человѣкомъ очень образованнымъ, но не былъ спеціалистомъ ни въ одномъ изъ предметовъ, которымъ посвящалъ свои ученыя занятія. Впрочемъ, тогда вообще господствовалъ энциклопедизмъ, и особенно въ нашемъ словесномъ отдѣленіи философскаго факультета. Каченовскій до своихъ лекцій о литературахъ славянскихъ нарѣчій по Шафарику—читалъ намъ статистику Россіи на третьемъ курсѣ, а прежде того, еще до насъ—даже эстетику, хотя по призванію, какъ скептикъ, былъ онъ особенно расположенъ къ исторической критикѣ. Знаменитый профессоръ латинскаго языка Тимковскій, не стѣсняясь своею спеціальностью, издалъ Несторову лѣтопись по Лаврентьевскому списку. По слѣдамъ этого филолога, Иванъ Михайловичъ Снегиревъ еще при насъ читалъ лекціи римской словесности на старшихъ курсахъ, когда мы были на первомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ особенно любилъ заниматься русской народностью и стариною, о чемъ свидѣтельствуютъ его многочисленные труды по этимъ предметамъ. Давыдовъ былъ хорошій математикъ и знатокъ римской словесности, свободно и складно говорилъ по латыни. Какъ энциклопедистъ, онъ былъ достаточно подготовленъ для философіи, и до насъ читалъ лекціи по этому предмету, но еще больше простора для своихъ энциклопедическихъ свѣдѣній нашелъ онъ на поприщѣ педагогическомъ. Уже при насъ онъ былъ инспекторомъ такъ называвшагося тогда „холерваго" заведенія, превращеннаго потомъ въ Александровское военное училище (что̀ на углу Знаменки и Пречистенскаго бульвара), а въ 1847 году вовсе оставилъ профессорскую каѳедру и водворился въ Петербургѣ, занявъ мѣсто директора педагогическаго института, переименованнаго теперь въ филологическій. Кромѣ того, состоя въ званіи ординарнаго академика, онъ былъ избранъ предсѣдателемъ второго отдѣленія Императорской академіи наукъ.

Намъ онъ читалъ, на третьемъ и четвертомъ курсахъ,

теорію словесности по руководству Блера, которое онъ старался перестроить на новыхъ основаніяхъ философіи Шеллинга, по эстетикѣ его ученика Аста, и сверхъ того дополнилъ примѣрами изъ русской и изъ иностранныхъ литературъ. Эти лекціи, нами тогда составленныя со словъ Давыдова и по его программамъ, онъ издалъ въ двухъ томахъ и присовокупилъ къ нимъ третій, содержащій въ себѣ сочиненіе Августа-Вильгельма Шлегеля о драматической поэзіи, въ сокращенномъ переводѣ Лавдовскаго, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить вамъ, когда знакомилъ васъ съ нѣкоторыми изъ моихъ казеннокоштныхъ товарищей. Въ предисловіи къ первому тому переименованы мы всѣ, какъ участники въ составленіи этого изданія. Теперь рѣшительно не могу отличить, которую изъ лекцій составлялъ я, а очень жаль, потому что это—была вторая моя работа, удостоившаяся печати; что же касается до первой, то о ней будетъ рѣчь впереди.

Впрочемъ, и изъ всего курса, за исключеніемъ Шлегелева сочиненія, я ровно ничего не помню, кромѣ отрывочныхъ эстетическихъ тезисовъ, основанныхъ, по философіи Шеллинга, на принципѣ противоположностей, которыя сливаются между собою въ примиряющемъ ихъ сосредоточіи, какъ напримѣръ: образъ и звукъ, а сліяніе ихъ—въ словѣ; такъ называемыя образовательныя искусства и музыка, а сліяніе ихъ—въ поэзіи; эпосъ и лирика, а сліяніе ихъ—въ драмѣ [1]).

Въ предисловіи къ I тому „Чтеній", стр. III—IV Иванъ Ивановичъ Давыдовъ указываетъ, что въ изданіи I курса или тома принимали участіе студенты: *Буслаевъ*, Іоаннесъ, *Новакъ* (о немъ см. у Буслаева, „Мои воспоминанія", стр. 30—32), Преображенскій, *Самаринъ*, *М. Строевъ*; II же и III курсы или томы обработывали студенты: *Андрѐ* (у Буслаева, стр.

---

[1]) «Мои воспоминанія» академика Ѳ. И. Буслаева, стр. 119—121.

105—впослѣдствіи директоръ коммерческаго училища въ Москвѣ), Васьяновъ, Каменскій, *Катковъ*, Ключаревъ, Кодраковъ, Людоговскій, Миско и Нѣмцовъ.

„Изъ чтеній Ивана Ивановича", продолжаетъ Буслаевъ, „живѣе сохранились въ моей памяти три эпизода, выходившіе изъ рамокъ общей системы курса. Такія отступленія на лекціяхъ были тогда въ обычаѣ и у другихъ профессоровъ, когда они чувствовали потребность подѣлиться съ нами тѣмъ, что въ данную минуту ихъ особенно интересовало. Одинъ изъ эпизодовъ состоялъ въ риторическомъ разборѣ предисловія Карамзина къ его Исторіи государства россійскаго. Разборъ этотъ тогда произвелъ на меня сильное впечатлѣніе авторитетной строгостью въ неукоснительномъ преслѣдованіи нелогическаго сопоставленія и порядка мыслей при неточности ихъ выраженія, какъ въ отдѣльныхъ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; но и теперь на основаніи этого мастерского опыта полагаю, какимъ образцовымъ инспекторомъ и директоромъ учебныхъ заведеній могъ быть Иванъ Ивановичъ Давыдовъ.

Другой его эпизодъ былъ далеко не такъ удаченъ. Въ то время прогремѣлъ въ литературѣ и публикѣ нѣкій Бенедиктовъ своими звонкими и фигуристыми стихотвореніями, которыя какъ разъ совпали съ появленіемъ вычурной прозы Марлинскаго, еще не совсѣмъ заглохшей тогда, благодаря господствовавшему у насъ въ тридцатыхъ годахъ шовинизму. Увлекшись прелестью новизны и громкою молвою, Иванъ Ивановичъ горячо ускорилъ подѣлиться съ нами своимъ восторгомъ и принесъ на лекцію стихотворенія Бенедиктова; прочиталъ изъ нихъ нѣсколько выдержекъ и превознесъ новоявленнаго поэта чуть не до уровня съ самимъ Пушкинымъ. Но Бенедиктовскій пустоцвѣтъ не продержался и одного года, завялъ и былъ выброшенъ за окно. Къ чести Давыдова я

долженъ сказать, что онъ настолько уважалъ себя, что откровенно сознавался въ своемъ увлеченіи.

Третій эпизодъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, свидѣтельствуя о примѣрномъ педагогическомъ тактѣ, съ какимъ Давыдовъ умѣлъ пользоваться подходящимъ случаемъ для умственнаго развитія и усовершенствованія своихъ слушателей. Чтобы пріобрѣсти степень доктора, профессоръ петербургскаго университета Никитенко напечаталъ небольшую книжку и съ успѣхомъ защитилъ ея тезисы. Теперь не помню ни ея заглавія, ни содержанія, только хорошо знаю, что въ ней говорилось вообще объ изящныхъ искусствахъ, о прекрасномъ, о поэзіи, при полнѣйшемъ отсутствіи положительныхъ фактовъ. Давыдовъ роздалъ намъ нѣсколько экземпляровъ этого сочиненія, и когда мы внимательно прочли его, устроилъ для насъ въ своей аудиторіи, такъ сказать, „примѣрный" диспутъ, въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ манёвры примѣрно изображаютъ сраженіе. Профессоръ, укрѣпившись на каѳедрѣ, стойко защищалъ позицію, а мы вразсыпную громили крѣпость со всѣхъ сторонъ и разнесли ее въ пухъ и прахъ.

И по образованію своему, а можетъ быть, и по врожденной наклонности, Давыдовъ рѣшительно *предпочиталъ философское умосозерцаніе* подробному разрабатыванію фактическихъ мелочей и, какъ философъ, ограничивая свои лекціи теоріею словесности, вовсе и не занимался исторіей литературы. Онъ былъ убѣжденъ, что русская словесность въ настоящемъ ея смыслѣ начинается только со временъ Петра Великаго, а древне-русскимъ письменнымъ и старопечатнымъ памятникамъ не придавалъ никакого собственно-литературнаго значенія. Въ языкѣ Нестора или „Слова о полку Игоревѣ" видѣлъ безсмысленную порчу церковно-славянской грамматики и хаотическое броженіе не установившихся, грубыхъ элементовъ русской рѣчи, а къ народному языку былинъ и пѣсенъ от-

носился съ презрительнымъ снисхожденіемъ. Какъ математикъ, онъ больше всего умѣлъ цѣнить точность въ соразмѣрности между словомъ и выражаемою имъ мыслію и не владѣлъ эстетическимъ чутьемъ настолько, чтобы въ неистощимо-обильныхъ сокровищахъ нашего языка подмѣчать разнообразіе въ колоритѣ и оттѣнкахъ, которые математической точности выраженія придаютъ ясность и наглядность пластической и живописной формы. Какъ академикъ строгаго закала, онъ наблюдалъ безукоризненную чистоту слога и брезгливо выметалъ малѣйшую соринку, навѣянную изъ безыскуственной и обиходной разговорной рѣчи въ тѣсный кругъ языка книжнаго, заколдованный для профановъ законами свѣтскаго приличія.

Оканчиваю свои воспоминанія объ Иванѣ Ивановичѣ Давыдовѣ изъявленіемъ ему *моей сердечной благодарности.* По его указанію и совѣту, я впервые познакомился съ такимъ филологическимъ сочиненіемъ, которое впослѣдствіе оказало рѣшающее вліяніе на мои ученыя работы.

Это было изслѣдованіе Вильгельма Гумбольдта о сродствѣ и различіи языковъ индогерманскихъ (т. е. индоевропейскихъ)" [1]).

И. И. Давыдовъ обращалъ, надо полагать, особенное вниманіе на даровитаго юношу Буслаева, старался быть ему полезнымъ, протежировалъ его и, введя его въ аристократическій домъ, далъ ему возможность завязать тѣ весьма вліятельныя знакомства и связи, которыя впослѣдствіи такъ пригодились Ѳедору Ивановичу:

„Давыдовъ далъ мнѣ для изученія такъ называемую „Общую грамматику" извѣстнаго французскаго филолога *Дю-Саси* въ нѣмецкой передѣлкѣ *Фатера* съ дополненіями

---

[1]) Тамъ же, стр. 121—123.

изъ нѣмецкаго языка. Эту книгу я перевелъ всю сполна и добавилъ грамматическія подробности Дю-Саси и Фатера русскими и церковно-славянскими. Мой переводъ былъ одобренъ факультетомъ для напечатанія, но остался въ рукописи. По счастливой случайности она сохранилась у меня до послѣдняго времени, и недавно я отдалъ ее вмѣстѣ со всѣми моими лекціями въ рукописное отдѣленіе Московскаго музея, что̀ на Знаменкѣ"....

„По окончаніи университетскаго курса я тотчасъ же по *рекомендаціи* проф. *И. И. Давыдова* и инспектора студентовъ *П. С. Нахимова* поступилъ домашнимъ учителемъ въ семейство гофмаршала барона Льва Карловича *Бо́де*" [1]).

Несмотря на всѣ эти доказательства вниманія и отличія, Ѳ. И. Буслаевъ уже чрезъ 7 лѣтъ послѣ окончанія курса возмутился противъ своего учителя. Молодой, но окрѣпшій ученый далъ попробовать нѣсколько отставшему отъ движенія науки—эстетику и философскому грамматисту свое критическое ex ungue leonem! Къ сожалѣнію, Ѳ. И. Буслаевъ внесъ въ свою критику studium et iram, личный элементъ... вотъ какъ онъ самъ сообщаетъ объ этомъ, на старости лѣтъ раскаиваясь въ юношеской своей продѣлкѣ со своимъ первымъ менторомъ въ обширной области лингвистики:

„Въ другой рецензіи я критически разбиралъ главу о мѣстоименіяхъ изъ общей или философской грамматики, которую составлялъ тогда для Академіи Наукъ И. И. Давыдовъ. Будучи вооруженъ достаточными свѣденіями по сравнительной грамматикѣ *Боппа* и по исторіи русскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій, я легко открылъ въ этой статьѣ значительные промахи. Этимъ, конечно, я не оскорбилъ бы своего наставника и профессора, которому былъ во *многомъ* обязанъ, если

---

[1]) Стр. 131.

бы выразился спокойно и прилично, а не запальчиво и насмѣшливо. Сверхъ того, угораздило меня задѣть *его личность* довольно прозрачными намеками, которые кое-гдѣ я вставилъ *въ видѣ примѣровъ*, какъ употребляются мѣстоименія *синтаксически* въ цѣломъ предложеніи. Цензоръ не замѣтилъ этихъ непристойныхъ выходокъ и пропустилъ статью цѣликомъ; когда же онѣ были обнаружены и подхвачены злословіемъ, Ив. Ивановичъ не на шутку разсердился и обзывалъ меня *молокососомъ и нахаломъ*; впрочемъ, къ великой моей радости, впослѣдствіи смилостивился ко мнѣ"... [1])

Ив. Ив. дѣйствительно былъ очень обиженъ. Черезъ 2 года, въ 1847 г. онъ уже изъ Петербурга писалъ М. П. Погодину, который жаловался на С. М. Соловьева, завязавшаго съ нимъ грубую полемику: „Вамъ прискорбно, что ученикъ Вашъ поноситъ Васъ? А помните ли, *какъ мой ученикъ* поносилъ меня въ *Вашемъ же журналѣ*? Ужели Вы ожидаете благодарности отъ тѣхъ, кому Вы оказали добро?" (Н. П. Барсуковъ, Ж. и т. Погодина, т. IX, стр. 142—143).

Указанная рецензія, помимо своего полемическаго характера, дающаго матеріалъ для опредѣленія причинъ раздора и личныхъ несогласій, имѣетъ большой интересъ: она сразу ставитъ насъ въ курсъ дѣла и показываетъ громадную разницу между двумя научными направленіями въ лингвистикѣ: прежнимъ—направленіемъ абстрактно-философскимъ (И. И. Давыдова) и нынѣ еще господствующимъ—*историко*-сравнительнымъ, однимъ изъ первыхъ представителей котораго у насъ на Руси былъ Ѳ. И. Буслаевъ, авторъ первой „Исторической грамматики русскаго языка". Мы позволимъ себѣ изложить эту рецензію или приговоръ новой школы надъ старою, какъ любопытный эпизодъ изъ исторіи русской лингвистики.

---

[1]) Стр. 297.

Матеріалы для русской грамматики.

О мѣстоименіяхъ вообще и о русскихъ въ особенности. I-я статья по отдѣленію русскаго языка и словесности, напечатанная въ особомъ прибавленіи къ журналу Bulletin Scientifique, издаваемому отъ историко-филологическаго отдѣленія Императорской академіи наукъ. Москвитянинъ, за 1845 г. Часть II, № 2, февраль. Стр. 41—55 (отдѣлъ критики).

Статьею о мѣстоименіяхъ начинается изданіе Академической грамматики, честь составленія которой предоставлена Московской коммиссіи; послѣдняя принимаетъ на себя разработку матеріаловъ со стороны философской и исторической (по образцу Гримма).

Ни малѣйшаго нѣтъ сомнѣнія, что въ филологіи направленіе историческое и сравнительное не въ примѣръ важнѣе философскаго. Философская грамматика возможна только такая, которая основывалась бы на самомъ подробномъ изученіи лингвистическомъ (какъ понималъ *Гумбольдтъ*). Исключительно же философское направленіе терпимо быть не можетъ, ибо выказываетъ въ авторѣ несамостоятельность, а въ его системѣ натяжку.

Мысль, кажется, проста, а между тѣмъ до сихъ поръ часто случается слышать, будто бы тотъ (т. е. Давыдовъ), кто умѣетъ судить, напр., хоть объ искусствѣ по результатамъ эстетики *Бахмана* или *Гегеля*,—гораздо самостоятельнѣе и глубокомысленнѣе того, кто самъ изучаетъ изящныя произведенія путемъ историческимъ по памятникамъ, соображаясь съ *Винкельманомъ* и *Отфр. Миллеромъ* (какъ самъ Буслаевъ, изучавшій ис-

торію искусства заграницею именно съ этими книгами въ рукахъ). *Такіе философствующіе теоретики* позволяютъ себѣ даже *издѣваться* надъ скромными изслѣдователями фактовъ, клеймятъ ихъ именемъ *людей недалекихъ*, для которыхъ будто бы частное явленіе ограничиваетъ весь умственный горизонтъ, и *которымъ вовсе недоступны высокія и отвлеченныя идеи* [1]).

Если перевести изъ какой-нибудь нѣмецкой философской грамматики общія начала, и къ нимъ приклеить нѣкоторыя частныя явленія языка русскаго, то русская грамматика будетъ сколкомъ съ чужой, и, какъ подраженіе, не будетъ имѣть никакого значенія: *выписывать легко*. Намѣреніе взять за образецъ *Гриммову* Историческую Грамматику заслуживаетъ похвалы самой безпристрастной. Но вотъ въ чемъ бѣда. Философствующіе составители грамматическихъ теорій слишкомъ презираютъ нашу старину, говоря, что исторіи русскаго языка, что-нибудь *раціональное*, нельзя обосновать на ошибкахъ безграмотныхъ писцовъ. Нарушая непрерывную связь современнаго съ преданіемъ, эти господа противорѣчатъ и самимъ себѣ, ибо думаютъ видѣть въ грамматикѣ *завѣтъ* отъ предковъ (выраженіе И. И. Давыдова). Заднею потаенною причиною такихъ мыслителей, кажется, надобно, почесть то, что легче жить *чужимъ умомъ*, нежели своими трудами. Нельзя же предположить, чтобы, ослѣпленные упрямствомъ, они не видѣли, что *тупо* всякое заморское *философствованіе* тамъ, гдѣ оно надувается натяжками объяснить частный фактъ, который можно уразумѣть только при условіяхъ мѣстныхъ и своевременныхъ, что, наконецъ, чужими глазами ничего не увидишь самъ и прозѣваешь множество замѣчательныхъ явленій [2]).

Всѣми доказанное основаніе исторической критики то, что прошедшее надобно измѣрять его же мѣриломъ; его то и

---

[1]) Стр. 42—43.

[2]) Стр. 44.

не понимаютъ многіе грамотеи, которыхъ можно характеризовать именемъ *пуристовъ*. Они воображаютъ себя заключенными въ магическомъ кругу нѣкоторыхъ грамматическихъ правилъ, которыми стрѣляютъ во все, что̀ имъ не по сердцу, *чего не понимаютъ*, или что̀ изучить трудно; они порицали даже самого Пушкина за грамматическія ошибки противъ дюжинныхъ учебниковъ. Языкъ русскій кажется имъ уже мертвымъ, отжившимъ, какъ латинскій или греческій; потому то они даже хотѣли оцѣпить современный языкъ *цикломъ* (какъ они выражаются) образцовыхъ писателей, такъ чтобы уже никто не смѣлъ долѣе показать и носу изъ-за принятаго въ образецъ авторитета. Этотъ планъ былъ отвергнутъ Академіею.

Не признавая законности прошедшаго, они сковываютъ и будущее преуспѣяніе языка, ибо хотятъ наложить тяжелыя цѣпи на теперешнее употребленіе. О послѣдовательности своихъ началъ пуристы не думаютъ: они не понимаютъ слога образцоваго, ибо не разумѣютъ существенныхъ стихій онаго, источниковъ слога авторитетныхъ писателей, языка древняго, народнаго [1]). Старина имъ кажется запустѣлымъ кладбищемъ бѣдняковъ, отъ коихъ не осталось ни роду, ни племени; народность же они не умѣютъ отличить отъ простонародности. Отстраняясь отъ неизмѣнной, стоячей народности, туристы не терпятъ въ слогѣ и движенія впередъ; хватаясь за школьную грамматику, они хлопотливо подмѣчаютъ, нѣтъ ли у писателя (если онъ выступаетъ изъ колеи дюжинныхъ писакъ) ошибки противъ согласованія и управленія словъ. Они хотятъ учить тому, что̀ всѣмъ извѣстно, и не учатся сами, думаютъ надъ всѣми господствовать и попадаютъ въ просакъ. Съ тяжеловѣсною гордостью онѣ обѣщаются построить науку о языкѣ русскомъ на общихъ, непреложныхъ законахъ слова

---

[1]) Стр. 45.

человѣческаго. И подумаешь, что они изучили вконецъ всю современную лингвистику, и на ея основаніи полагаютъ свое ученіе: а между тѣмъ они только *по наслышкѣ* знаютъ *Гримма* или *Ренуара* или даже самого *Добровскаго*. Чѣмъ же, если не равнодушіемъ и посредственностью, объясняется въ нашей литературѣ существованіе таковыхъ отступниковъ отъ всего, что̀ *„хранитъ и утверждаетъ языкъ“* [1]) (слова Давыдова).

Философская часть разсужденія о мѣстоименіяхъ по своему исключительному характеру стоитъ въ рѣшительной противоположности съ историческою грамматикою *Гримма*, хотя послѣдняя будто бы и принята въ образецъ. Оставивъ въ сторонѣ глубокомысленную философію языка *Гумбольдта*, и не соображаясь съ историческою и сравнительною лингвистикою современною, авторъ слишкомъ увлекся ученіемъ *Беккера* (Organism der Sprache [2]). Буслаеву кажется, что 1) значеніе мѣстоименій не опредѣлено во всей глубинѣ и точности; 2) потому раздѣленіе ихъ является какимъ то случайнымъ дробленіемъ безъ основной мысли: т. е. раздѣленіе не исходитъ изъ опредѣленія, согласуясь съ основаніемъ дѣленія; 3) не показано прямое отношеніе и связь мѣстоименій личныхъ и указательныхъ съ адвербіальными; 4) не обращено вниманія, какъ и почему мѣстоименія являются суффиксами именъ и родственны съ нѣкоторыми частицами, именно съ союзами и предлогами. Слѣдовательно, значеніе мѣстоименій въ языкѣ не объяснено въ надлежащей полнотѣ [3]). Буслаевъ рекомендуетъ Давыдову ознакомиться съ трудами *В. Гумбольдта* (Ueb. d. Verwandschaft der Ortsadverbien mit dem Pronomen), *Боппа* (Ueb. einige Demonstrativ - Stämme) и съ „Логическими изслѣдованіями“ *Тренделенбурга*.

---

[1]) Стр. 46.

[2]) Стр. 47.

[3]) Стр. 48.

Для точнѣйшаго опредѣленія мѣстоименій слѣдовало бы обратить вниманіе на отношеніе къ понятію вообще—съ одной стороны, и къ личности говорящаго, съ другой. Имя и глаголъ выражаютъ представленія общія, мѣстоименія же еще общѣй. Напр., въ предложеніи: *„это человѣкъ ученый“*, [1]) всѣ понятія общія—и „этотъ“, и „ученый“, и „человѣкъ“; мѣстоименіе же „это“ можетъ означать всѣ предметы, какіе только говорящему угодно разумѣть. Отношеніе частное выражается ими потому только, что *я указываю* на извѣстное лице, притомъ схватываю всѣ общія эти понятія въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстную минуту, и потому что свою личность ставлю передъ тѣмъ, о комъ говорю. Слѣдовательно, въ мѣстоименіяхъ надлежитъ отличать обозначеніе самого общаго понятія отъ обозначенія личности говорящаго. Языкъ живетъ въ разговорѣ. Отсюда видно, почему мѣстоименія личныя должны быть источникомъ прочихъ. Это то личное обособляющее отношеніе между говорящими и должно служить основаніемъ дѣленію мѣстоименій. Давыдовъ же объясняетъ ихъ только изъ логическихъ началъ.

Отношеніе мѣстоименій къ нарѣчіямъ Давыдовъ понимаетъ только внѣшнимъ, формальнымъ образомъ. По мнѣнію Буслаева, слѣдовало бы глубже вникнуть въ значеніе личныхъ мѣстоименій, и изъ нихъ самихъ вывесть необходимость сродства съ нарѣчіями. Отличіе мѣстоименій личныхъ частію основывается на понятіи *мѣста* [2]), и изъ этого начала можно бы глубже постигнуть смыслъ адвербіальныхъ мѣстоименій.

Такъ какъ философія языка основывается на историческихъ и сравнительныхъ изслѣдованіяхъ, то недостатки первой всегда зависятъ отъ недостатка послѣднихъ. Давыдовъ не обратилъ, напр., вниманія на значеніе мѣстоименія *онъ*, *оный*, [3])

---

[1]) Стр. 49.

[2]) Стр. 50.

[3]) Стр. 50—51.

хотя это есть у Боппа (на 51 стр. прим. 1 опечатка Сорр.). Производства Давыдова отличаются оригинальностью безъ соображенія съ изслѣдованіями современныхъ лингвистовъ; напр., *который* онъ производитъ изъ *кто+іетеръ* и не отличаетъ его отъ *иже*. Ни къ чему не ведетъ и объясненіе „самъ" или „*самый*"; не выясненъ и коренный звукъ *д* (означающій мѣсто) въ *туда*, *всегда* и т. д. [1]). Давыдову слѣдовало бы припомнить общепринятыя въ ученомъ мірѣ положенія, съ тѣмъ, чтобы или принять ихъ, или отвергнуть.

Неполно и сбивчиво выражено правило о вставкѣ придаточнаго *н* между предлогомъ и мѣстоименіемъ *имъ, ихъ, ими*. Вставляется *н* и передъ *его, ея, ей*; притомъ иногда не вставляется, хотя имѣется предлогъ. Напр., „*отъ его дружбы ожидай себѣ больше зла, чѣмъ отъ его непріязни*" [2]).

Неточно опредѣлены въ § 23 относительныя мѣстоименія: они объясняютъ не только подлежащее и сказуемое, но и другія части главнаго предложенія. Напр., не подходитъ къ правилу Давыдова: „*нельзя уважать человѣка, который вредитъ многимъ своими продѣлками*" [3]).

Ошибается Давыдовъ, исключая кельтскій языкъ изъ индогерманскихъ, вопреки Пиктету и Боппу. Да и вмѣсто *Индогерманскіе* всѣми принято называть языки *Индоевропейскими*. Впрочемъ, весь грѣхъ падаетъ на Беккера, котораго Давыдовъ здѣсь въ § 9 и 11 перевелъ слово въ слово; даже и ссылки выписалъ оттуда же и въ томъ же порядкѣ. Даже указаніе на Добровскаго сдѣлано по Беккеру. Неужели же нѣмцы должны учить насъ даже и тому, какъ разбирать славянскую грамматику?

---

[1]) Стр. 53.

[2]) Стр. 53. Вѣроятно, это сознаніе и побудило Буслаева выступить противъ Давыдова.

[3]) Стр. 54.

Несомнѣнно, между строкъ рецензіи Ѳ. И. Буслаева на трактатъ И. И. Давыдова можно прочесть много. Одной изъ причинъ гнѣва рецензента нельзя не видѣть въ томъ, что философствующій теоретикъ позволилъ себѣ издѣваться надъ Ѳ. И., какъ надъ *недалекимъ*(!) человѣкомъ, неспособнымъ къ абстрактному мышленію (см. выше, стр. 12), и считалъ себя лучшимъ знатокомъ искусства, изучавъ однако же одну лишь теорію. Зато и Ѳ. И. не щадитъ высокомѣрнаго грамотея-пуриста: его заморское философствованіе—тупо, онъ лишь выписываетъ изъ чужихъ, нѣмецкихъ грамматикъ, не понимаетъ новой историко-грамматической школы, разрушаетъ въ языкѣ связь съ презираемою имъ стариною, считаетъ русскій языкъ мертвымъ; Давыдовъ, отстраняясь отъ народности и древней письменности, не понимаетъ и живого развитія языка, хочетъ учить, и ничему самъ не учится, по наслышкѣ знаетъ Добровскаго и Гримма, выхватываетъ свои философско-лингвистическія начала изъ Беккера (даже и славистику) и не изучалъ В. Гумбольдта. Наконецъ Ѳ. И. прямо *указываетъ* (стр. 15 выше) на *личность* И. И.: это—человѣкъ ученый (иронія?), но „отъ его дружбы ожидай себѣ больше зла, чѣмъ отъ его непріязни", и заключаетъ: „нельзя уважать (Давыдова), человѣка, который вредитъ многимъ своими продѣлками".

Теперь для сравненія приведемъ другой отзывъ объ ученыхъ заслугахъ И. И. Давыдова, — оффиціальную оцѣнку его

„Опыта русской грамматики“, произнесенную отъ лица II-го отдѣленія Императорской академіи наукъ адъюнктомъ ея И. И. Срезневскимъ.

II. (Отчетъ Имп. Академіи Наукъ по отд. русскаго языка и словесности за 1850 годъ), СПБ. 1851 г. Приложеніе II, стр. 51—52.

„Важность этого труда опредѣлится вполнѣ только практическимъ его примѣненіемъ къ надобностямъ житейскимъ, когда онъ будетъ наконецъ изданъ, и когда сдѣлается настольною книгою образованныхъ Русскихъ, нуждающихся въ повѣркѣ своихъ знаній отечественнаго языка, ручною книгою молодого поколѣнія, еще не упрочившаго себѣ правилъ разумнаго пользованія богатствами родного слова. «Опытъ» нашего сочлена явится въ свѣтъ не только, какъ трудъ ученаго, но и какъ произведеніе писателя, упрочившаго свою славу искусствомъ владѣть роднымъ языкомъ, какъ голосъ художника, который самъ высказываетъ, чѣмъ онъ руководствовался въ своихъ произведеніяхъ, когда облекалъ ихъ въ слово, и этому слову давалъ жизнь, понятную для всякаго Русскаго. Грамматика чисто ученая можетъ быть написана всякимъ ученымъ и выйдетъ изъ-подъ рукъ всякаго ученаго, не отставшаго отъ современнаго состоянія филологіи, тѣмъ лучше, чѣмъ богаче будетъ наблюденіями оттѣнковъ языка временныхъ и мѣстныхъ и ихъ умнымъ соображеніемъ и объясненіемъ. Грамматика практическая, грамматика живого языка образованнаго общества и литературы, можетъ имѣть истинный успѣхъ только тогда, когда написана писателемъ, котораго уму и вкусу привыкли довѣрять, въ которомъ знаніе

языка оправдалось умѣньемъ имъ пользоваться. Такой именно практической грамматикой явится въ свѣтъ произведеніе нашего знаменитаго сочлена, подъ скромнымъ названіемъ «Опыта». Пусть въ ней будутъ и несовершенства, пусть и не все въ ней будетъ ново: несмотря на все это, она явится, какъ авторитетъ, заранѣе утвержденный, и слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, какъ явленіе новое и въ высшей степени замѣчательное. Произведеніе Давыдова будетъ явленіемъ тѣмъ болѣе новымъ въ области литературы нашей, что оно будетъ первымъ въ своемъ родѣ по мысли и по выполненію".

Мы привели заключеніе отзыва. Весь отзывъ цѣликомъ былъ еще разъ перепечатанъ въ книгѣ „Отчеты Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности за первое десятилѣтіе съ его учрежденія". СПБ. 1852. За 1850 г. Приложеніе II, см. стр. 310—312. Отчетъ составленъ орд. акад. *П. А. Плетневымъ* и читанъ имъ въ публичномъ торжественномъ собраніи Академіи 29 декабря 1850 г.

Сравнимъ еще отзывъ А. В. Никитенка, „Моя повѣсть", т. I, стр. 521, октябрь 1850 г.: (21) „Управл. министерствомъ (А. С. Норовъ) передалъ мнѣ секретно для разсмотрѣнія „Грамматику русскаго языка" И. И. Давыдова—съ тѣмъ, чтобы я сдѣлалъ на нее свои замѣчанія". (29) „Разсмотрѣлъ грамматику Давыдова. Въ ней самостоятельно только предисловіе и введеніе: остальное заимствовано изъ разныхъ уже существующихъ у насъ трудовъ по части языка. Вообще книга эта полезна для учащихъ, но не для учащихся, ибо изложеніе ея крайне туманно, а введеніе напыщенно, отъ чего парализуются ея достоинства".

Приступая къ разбору дальнѣйшихъ мотивовъ нападенія или вылазки Ѳ. И. Буслаева противъ своего учителя, мы можемъ отмѣтить, что, кромѣ личнаго раздраженія, Ѳ. И-чемъ могло руководить и чувство, такъ сказать, партійной вражды. Припомнимъ, что Ѳ. И. былъ излюбленнымъ протеже графа С. Г. Строганова, который и опредѣлилъ его въ Московскій университетъ—въ помощь Степану Петр. Шевыреву,—причемъ не отступилъ передъ препирательствомъ съ С. С. Уваровымъ, покровительствовавшимъ Шевыреву и его друзьямъ (объ этомъ любопытномъ препирательствѣ читай документы у Н. П. Барсукова, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VII, стр. 157—159); тотъ же графъ Строгановъ ввелъ Ѳ. И. Буслаева впослѣдствіи во дворецъ въ качествѣ преподавателя для безвременно опочившаго Наслѣдника-Цесаревича Николая Александровича. Строгановъ терпѣть не могъ И. И. Давыдова (см. ниже, стр. 37), протеже Уварова, съ которымъ былъ онъ самъ во враждѣ, и отъ котораго получилъ coup de grâce на мѣстѣ попечителя Московскаго учебнаго округа. Нападая на И. И. Давыдова, разоблачая истинный уровень его учености, Ѳ. И. Буслаевъ зналъ, что не дѣлаетъ неугодное своему благодѣтелю—графу С. Г. Строганову.

Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, въ этой схваткѣ „отцовъ“ и „дѣтей“ были и болѣе чистые мотивы, чѣмъ оскорбленное самолюбіе и партійная вражда. Это была также борьба двухъ міровоззрѣній въ ихъ приложеніи къ спеціальной области

изученія языка: одно міровоззрѣніе стремилось создать раціональную систему языка,—систему, обоснованную на незыблемыхъ законахъ ума; и прекрасное признавало оно таковымъ только, если оно оправдывало апріорныя, заранѣе построенныя формулы нѣмецкой эстетики; другое міровоззрѣніе изъ живыхъ единичныхъ явленій и фактовъ языка, и только—на основаніи ихъ считало возможнымъ когда-либо потомъ построить общіе выводы: въ поискѣ за живыми и типичными явленіями новые лингвисты не брезговали (какъ прежніе „пуристы") ни разговорнымъ народнымъ языкомъ съ его діалектами, ни старинною письменностію съ ея „безграмотностью"; настоящую ступень развитія языка полагали они должнымъ изучать единственно въ связи ея съ цѣлою исторіею языка и всей совокупностью старины; ту же общеисторическую точку Буслаевъ примѣнялъ и къ искусству, и къ прекрасному; его интересовалъ самый памятникъ, исторія и условія его возникновенія, его историческій raison d'être, а не его эстетическая цѣнность по §§ №№ курса эстетики Бахмана или Гегеля.

Эти два міровоззрѣнія toto coelo разнились между собой, и не имѣя никакихъ общихъ точекъ соприкосновенія, не могли не враждовать другъ съ другомъ. Каждое изъ нихъ: и философское, и историческое, имѣли и имѣютъ законное право на существованіе: они дополняютъ другъ отъ друга; но служа въ своей отдѣльности знаменами двухъ партій, они влекли своихъ поклонниковъ въ бой. Имѣя свои достоинства, оба страдали, благодаря разособленности другъ отъ друга, и важными недостатками: философъ-лингвистъ терялъ чутье жизни и въ настоящемъ, и въ прошломъ языка; историкъ, не имѣя готовыхъ формулъ и рубрикъ для обобщенія и сортировки явленій, терялся въ ихъ многообразіи и многочисленности, упускалъ лѣсъ изъ-за деревьевъ.

И. И. Давыдовъ обладалъ большими философскими дарованіями. Философъ-медикъ Д. М. Велланскій сообщалъ Н И. Розанову, что, по его мнѣнію, „*Давыдовъ болѣе М. Г. Павлова* способенъ къ философскимъ воззрѣніямъ, и что онъ съ большими свѣдѣніями по части философіи“ [1]). Наконецъ, И. И. Давыдовъ писалъ по философіи статьи и брошюры, былъ профессоромъ философіи, но, какъ извѣстно, въ самомъ началѣ своей карьеры въ 1826 г. пострадалъ и лишился каѳедры, благодаря доносу (тогда еще флигель-адъютанта) того же графа С. Г. Строганова, усмотрѣвшаго въ его лекціяхъ по философіи вредъ.....

Ѳ. И. Буслаевъ не былъ рожденъ философомъ, не любилъ философіи, мало зналъ ее: хоть и пытался заниматься ею, но безуспѣшно. Объ этомъ онъ самъ сообщаетъ въ „Воспоминаніяхъ“ съ рѣдкою откровенностью.

„Я готовился къ своему магистерству по предварительному взаимному соглашенію съ экзаменаторами. Они хорошо знали о моихъ успѣшныхъ занятіяхъ заграницею и отнеслись ко мнѣ благодушно и снисходительно, не въ примѣръ другимъ, можетъ быть, отчасти и *изъ уваженія къ графу*(!) [2]), который меня любилъ и жаловалъ, заботясь о моемъ образованіи. Ихъ было четверо: деканъ факультета Иванъ Ивановичъ Давыдовъ долженъ былъ экзаменовать меня изъ теоріи словесности и языка (изъ такъ называемой общей грамматики); Степанъ Петровичъ Шевыревъ—изъ исторіи иностранной и русской литературы; Осипъ Максимовичъ Бодянскій—изъ славянскихъ нарѣчій, и Дмитрій Львовичъ Крюковъ—изъ *философіи*, такъ какъ спеціальнаго профессора по этому предмету въ московскомъ университетѣ тогда не было.

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 113.

[2]) Т. е. къ С. Г. Строганову.

Явиться съ отвѣтомъ на судъ передъ Давыдовымъ и Шевыревымъ я чувствовалъ себя вполнѣ готовымъ. Но *философія была для меня темнымъ лѣсомъ. Никогда не любилъ я отвлеченностей, не люблю и теперь.* Крюковъ пощадилъ меня и назначилъ для экзамена изъ головоломной философіи Гегеля только эстетику и этимъ однимъ ограничилъ свои требованія" [1]).

Еще наивнѣе повѣствуетъ нашъ великій знатокъ русской „живой старины" о своихъ философскихъ штудіяхъ въ отрочествѣ и о попыткахъ самостоятельнаго философствованія, дѣйствительно, совсѣмъ дѣтскихъ и неумѣлыхъ (стр. 84—85).

„Если съ семинаристами младшихъ классовъ я дѣлилъ свои игры и забавы, то риторы и философы нашего надворнаго флигеля приносили мнѣ существенную пользу, расширяя кругъ моихъ гимназическихъ свѣденій. Они познакомили меня съ двумя руководствами на латинскомъ языкѣ, принятыми тогда въ семинаріи. Это были: риторика Бургія и философія Баумейстера.

Русскіе учебники, по которымъ я проходилъ риторику и логику въ гимназіи, достаточно подготовили меня къ пониманію обоихъ семинарскихъ руководствъ, которыя, сверхъ того, были мнѣ полезны, какъ практическое упражненіе въ латинскомъ языкѣ.

Тогда я былъ очень заинтересованъ философіею: „philosophisch gesinnt", какъ говорятъ нѣмцы. Случайно увидѣлъ я у Дмитрія Осиповича Львова рукописныя лекціи Голубинскаго, впослѣдствіи знаменитаго профессора философіи въ московской духовной академіи; выпросилъ ихъ у своего наставника и сталъ читать ихъ съ живѣйшимъ увлеченіемъ,

---

[1]) Стр. 276.

но *едва-ли съ толкомъ*. Меня особенно занимало философское ученіе о я и не-я, а также о пространствѣ и времени и о безконечномъ. Передамъ вамъ, сколько помню, какіе дѣлалъ я надъ собою *опыты* для *нагляднаго уразумѣнія* философскихъ терминовъ я и не-я. Напримѣръ: умъ—мой, чувство—мое, рука моя, но это все не есть я, то-есть не-я: что-же такое есть это загадочное, неуловимое я? Давай смотрѣться въ зеркало: вотъ и лицо съ глазами и носомъ, и грудь, и руки, и ноги, и весь я—все это не-я:, такимъ образомъ оба эти термина начинаютъ спотыкаться и перепутываться въ моей головѣ, а я все смотрю на себя въ зеркало: и мое лицо кажется уже не моимъ, а чужимъ, и руки кажутся чужими, и весь являюсь я для себя чужимъ; это ужъ не я, а мой страшный двойникъ. Въ испугѣ я трясу головой, махаю надъ нею обѣими руками, будто гоню изъ нея дьявольское навожденіе, и бѣгу стремглавъ отъ своего страшнаго двойника на волю—подъ открытое небо. Что же касается до философіи о пространствѣ и времени и о безконечномъ, то въ ней обращалъ на себя мое вниманіе вопросъ о безконечномъ. Я ухищрялся разрѣшить его себѣ также путемъ *наглядности*. Для времени я бралъ настоящую минуту и отъ нея велъ самого себя и назадъ, въ безпредѣльное прошедшее, и впередъ, въ безпредѣльное будущее; то же дѣлалъ и для пространства, исходя отъ того пункта, гдѣ сижу или стою, и также направляясь мысленно назадъ и впередъ въ безконечную даль. Мнѣ очень понятно и ясно представлялась возможность вѣчно идти впередъ или вѣчно впередъ жить до безконечности и въ безконечности; но когда мысли мои обращались назадъ для пространства и времени, я никакъ не могъ представить себѣ вразумительно и наглядно ни безпредѣльности, ни безначальности, и становился втупикъ, а чѣмъ сильнѣе напрягалъ свои мысли и воображеніе, тѣмъ глубже тонулъ въ потемкахъ своей философской путаницы. Этотъ

умозрительный кошмаръ сильно меня озадачивалъ тогда и потому засѣлъ клиномъ въ моей памяти".

Особенно интересно въ этомъ отрывкѣ стремленіе Буслаева къ *„наглядности"* при уразумѣніи даже наиотвлеченнѣйшихъ философскихъ *понятій*. Символизація понятія въ *образъ* есть отличительная способность художника: эта художническая черта, противоположная строго-абстрактному философскому мышленію въ понятіяхъ, и была отличительною въ характерѣ Kunstenthusiast 'а Ѳ. И. Буслаева. И. И. Давыдовъ былъ правъ: Ѳ. И. не былъ философомъ и Kunsttheoretiker, но былъ Kunsthistoriker.

Что касается философскаго образованія Ѳ. Ив—ча, то мы узнаёмъ, что онъ проходилъ философскія науки и въ гимназіи, и въ университетѣ. „Какой-то учебникъ логики и риторики *Кошанскаго* былъ у насъ въ рукахъ только во время класса, и мы шутя заучивали все, что̀ было намъ надобно, со словъ преподавателя этихъ предметовъ, Насона Петровича *Евтропова*. Въ логикѣ забавляли насъ различные виды силлогизмовъ, и мы любили между собою играть въ сориты, энтимемы, дилеммы и въ различные софизмы, завязывая и распутывая хитросплетенные узлы умозаключеній" (стр. 60). „Моею охотою философствовать Дм. Ос. удачно воспользовался для практическихъ занятій въ латинскомъ языкѣ. Онъ читалъ со мною Баумейстера и изъ прочитаннаго и объясненнаго дѣлалъ мнѣ вопросы по латыни, и я долженъ былъ отвѣчать ему на томъ же языкѣ" (стр. 85). „Собственно намъ, первокурсникамъ, Надеждинъ читалъ логику по руководству шеллингиста Бахманна очень толково, понятливо и ясно" (стр. 123).

Рѣзкій отзывъ дѣлаетъ о философіи Ѳ. И. Буслаевъ въ письмѣ къ своему ученику, пажу, барону Михаилу Львовичу *Боде*— въ Петербургъ, изъ Москвы отъ 26 октября 1841 г. („Мои воспоминанія", стр. 273): „Найду ли въ читателяхъ сочувствіе въ тѣхъ мысляхъ, которыми наполняются теперь всѣ мои думы (sic)?

Вотъ вопросъ, который и занимаетъ, и спутываетъ меня! Пишутъ же въ нашихъ журналахъ *для кого-нибудь философскую галиматью*, немилосердно коверкая прусскую философію Гегеля! Образъ *моихъ* воззрѣній, по крайней мѣрѣ, могъ бы быть *животворнѣе* для нравственнаго чувства и ближе къ душѣ".

Для полноты объясненія, какъ возникла эта рецензія Ѳ. И. Буслаева, упомянемъ еще объ одномъ пикантномъ эпизодѣ (за 2 года передъ тѣмъ) изъ отношеній его къ И. И. Давыдову, сохраненномъ намъ М. Н. Катковымъ:

„Буслаевъ прилежно занимается своими археологическими и филологическими изученіями. Съ нимъ недавно случилась вотъ какая исторія. Онъ былъ у *И. И. Давыдова*; разговоръ коснулся книги *Павскаго*. „Что Вы о ней думаете"? вопросилъ ученый мужъ.—„У меня кое-что набросано", отвѣчаетъ Буслаевъ. — „Принесите мнѣ взглянуть Ваши замѣтки". Буслаевъ ихъ приноситъ—и что же? Недѣли черезъ двѣ имѣетъ удовольствіе читать ихъ четко напечатанными въ „Москвитянинѣ", въ критической статьѣ, подписанной именемъ Ив. Ив. Давыдова" [1]).

Рецензія И. И. Давыдова на „Филологическія наблюденія надъ составомъ Русскаго языка; три разсужденія" протоіерея *Г. Павскаго,* дѣйствительно, появилась въ журналѣ „Москвитянинъ" за 1843 г.—въ трехъ книжкахъ, соотвѣтственно тремъ разсужденіямъ автора. I. статья помѣщена въ I части, № 2, въ отдѣлѣ „Критика", ст. I, стр. 521—536 (I. Воззрѣ-

---

[1]) Письма М. Н. Каткова къ А. Н. Попову (1843—1857), письмо № 2—отъ 20 февраля 1843 г. изъ Москвы, стр. 482 въ «Русскомъ Архивѣ» (т. 26-й), за 1888 г., II, 8, ст. 5.

ніе на развитіе языка вообще, стр. 523, II. Органическое звукообразованіе, стр. 529). II статья („Критика", ст. II) — въ части II, № 3, стр. 195—206 (III. Составъ именъ существительныхъ, стр. 196, IV. Различные изгибы именъ существительныхъ, стр. 202). III статья (въ томъ же отдѣлѣ, ст. II) въ части III, № 5, ст. II, стр. 178—195. V. Общія свойства глагола, стр. 178 (съ особенною похвалою о теоріи *Ѳ. А. Лангеншельда*, стр. 181—183). VI Система русскаго глагола, стр. 184. Подписано И. Д.

Воспользовался ли И. И. Давыдовъ замѣтками Буслаева, или нѣтъ, несомнѣнно, что и самъ И. И. очень усердно трудился надъ изученіемъ труда Павскаго. 23 февраля 1843 г. онъ писалъ Погодину, редактору „Москвитянина": „Всю масленицу просидѣлъ надъ статьею: боюсь, чтобы она не отзывалась блинами. Съ протоіереемъ возиться не какъ съ своимъ братомъ. При томъ я только масленицу посидѣлъ надъ этимъ дѣломъ, а онъ, думаю, нѣсколько великихъ постовъ имъ занимался. Пріятно съ такимъ ученымъ было бесѣдовать". Препровождая Погодину конецъ своей статьи—черезъ 2 мѣсяца, т. е. 23 апрѣля, Давыдовъ признается: „*Измучилъ* отецъ протоіерей; съ нимъ толковать *трудновато*. Надѣюсь, что *завтра* мы увидимся *на экзаменѣ Буслаева*" [1]).

Это сообщеніе имѣло бы особенную пикантность. Учитель, вымапивающій у своего ученика его замѣтки передъ экзаменомъ, т. е. въ тотъ моментъ, когда онъ *не можетъ* отказать, и затѣмъ печатающій эти чужія замѣтки отъ своего имени, заслуживалъ бы полнаго отвращенія. Но намъ кажется, что этотъ плагіатъ (въ крайнемъ случаѣ, можно допустить, что И. И. воспользовался нѣкоторыми мыслями Ѳ. И. Буслаева, заимствуя ихъ изъ устной бесѣды) едва ли не относится къ области *сплетенъ*, какими всегда преизобилуетъ исторія всякаго

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, Ж. и т. Погодина, т. VII, стр. 186.

университета.... Ознакомляясь съ рецензіей, мы скорѣе готовы приписать авторство ея самому И. И. Давыдову (напр., увлеченіе Беккеромъ и т. д.).

Возникновеніе такого гадкаго слуха можно объяснить лишь тѣмъ, что за И. И-чемъ дѣйствительно водились многіе грѣхи и грѣшки, и что относительно его готовы были вѣрить всему. Повидимому, дѣйствительно, И. И. Давыдова трудно было уважать, какъ человѣка. О немъ гуляли по Москвѣ цѣлыя сказанія, имѣвшія въ большей или меньшей степени реальную основу. Что касается рецензіи на трудъ Павскаго, то самъ Буслаевъ, конечно, не преминулъ бы упомянуть объ этой исторіи, и разумѣется, не могъ бы столь примирительно относиться къ И. И—чу впослѣдствіи....

Изъ богатой сокровищницы сказаній о дѣяніяхъ И. И. Давыдова почерпаемъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ. Не забудемъ, впрочемъ, что эти сказанія исходятъ, частію, изъ устъ его заклятыхъ враговъ—или личныхъ, или въ угоду графу С. Г. Строганову, который, хотя и не создавалъ себѣ клики льстецовъ, какъ это дѣлалъ С. С. Уваровъ, но, покровительствуя упорно лишь одной партіи въ университетѣ, какъ бы записывалъ себя въ ея ряды [1]....

На особенную роль западниковъ, группировавшихся подъ крыломъ гр. С. Г. Строганова, и бывшихъ почти поголовно приверженцами нѣмецкой науки и философіи Гегеля, надо полагать, указываетъ О. М. Бодянскій въ своемъ письмѣ къ М. П. Погодину: „Въ запискѣ своей поручаете Вы сказать мнѣ графу Строганову о томъ, какъ Вы думаете объ его дѣйствіи въ этомъ дѣлѣ и вообще объ отношеніяхъ его къ Вамъ и Вашихъ къ нему. Признаюсь, никогда не ждалъ я этой

---

[1]) К. Д. Кавелинъ свидѣтельствуетъ въ письмѣ къ Н. П. Барсукову: «Графъ Строгановъ поддерживалъ въ университетѣ западную партію» (Ж. и т. Погодина, т. IX, стр. 247).

чести отъ Васъ: развѣ я *вѣстовщикъ* какой, *переносчикъ*, посредникъ между спорящими лицами? Развѣ я *гегелистъ*? Нуждаюсь въ этихъ *нѣмецкихъ фортецахъ* для чего бы то ни было?" [1]).

Переходимъ къ повѣсти о дѣяніяхъ И. И. Давыдова. На первомъ мѣстѣ помѣстимъ разсказъ его ученика, а потомъ коллеги, С. М. Соловьева.

„Деканомъ факультета былъ И. И. Давыдовъ. Это былъ человѣкъ, безспорно, очень даровитый, способный къ многосторонней дѣятельности, могшій принести большую пользу наукѣ, если бъ посвятилъ ей всего себя. Но онъ посвятилъ всего себя удовлетворенію одной страсти — честолюбія — и честолюбія самаго мелкаго. Мало того, что, думая, хлопоча только о почестяхъ, онъ пренебрегъ наукою, скоро сдѣлался ученымъ отставшимъ, онъ продалъ дьяволу свою душу, ибо для достиженія почестей считалъ всѣ средства позволенными: ни по чемъ было ему очернить человѣка, загораживавшаго ему дорогу, погубить его въ общественномъ мнѣніи, ни по чемъ ему было унизиться до самой невообразимой лести предъ человѣкомъ сильнымъ и предъ лакеями человѣка сильнаго. Не обращая никакого вниманія на умственныя и нравственныя достоинства человѣка, онъ уважалъ только людей сильныхъ, могущихъ быть ему полезными или вредными.

Не имѣя ни вѣры, ни совѣсти, этотъ человѣкъ, смотря по надобности, притворялся самымъ благочестивымъ: равнодушный къ вѣрѣ съ равнодушнымъ къ ней министромъ *Уваровымъ*, онъ благоговѣйно молился на колѣняхъ съ набожнымъ министромъ *Ширинскимъ-Шихматовымъ*. Однажды ему нужно было снискать благосклонность нѣкоторыхъ богомольныхъ

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. VIII, стр. 153.

барынь: вотъ онъ явился въ ихъ общество; ходя по комнатѣ, пошелъ въ карманъ за платкомъ и, какъ будто ненарочно выронилъ изъ кармана маленькую книжку. Ему ее подняли, и любопытная барыня спросила, что это за карманная книжка у профессора: оказалось, что это *Ѳомы Кемпійскаго* „О подражаніи Христу"! [1]).

Этотъ любитель Ѳомы Кемпійскаго встрѣтилъ на своей дорогѣ *Каченовскаго*. Чтобы повредить ему, онъ прикинулся ему другомъ, сталъ безпрестанно къ нему ѣздить и уговорилъ его посѣщать клубъ, сталъ увлекать его туда безпрестанно, и это-то была главная цѣль его дружества: онъ началъ съ сожалѣніемъ разсказывать всѣмъ и каждому, что вотъ какое несчастіе! такой достойный ученый, какъ Каченовскій, пристрастился къ клубу, къ игрѣ, покинулъ семейство, науку, и онъ, Давыдовъ, изъ дружбы къ нему слѣдитъ за нимъ, не покидаетъ его, ища случая отвратить отъ пагубной страсти.

Жалкое зрѣлище представлялъ изъ себя Давыдовъ, когда ждалъ чина или ордена; безпокойство и волненіе его не имѣли границъ. Даже узнавъ, что представленіе подписано Императоромъ, онъ не могъ успокоиться, спрашивалъ, не можетъ ли случиться, что курьера, везущаго орденъ или чинъ, постигло какое-нибудь несчастіе на дорогѣ, и не можетъ ли этотъ случай отдалить новое представленіе на неопредѣленное время; не бывало ли тому прежде примѣровъ? Получивъ первую звѣзду Станислава, Давыдовъ не постыдился объявить, что высшіе ордена производятъ удивительное дѣйствіе, что онъ чувствуетъ себя нравственно лучше, выше, получивъ звѣзду. Получивъ орденъ Владимира 2 степени, онъ встрѣтился съ профессоромъ Никитенко и началъ внушать ему, что во всей

---

[1]) Изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева, гл. I; «Русскій Вѣстникъ», годъ 40-й, т. 242, февраль 1896 г., ст. II, стр. 13.

Россіи чрезвычайно мало людей, которые имѣли бы Владимирскую звѣзду въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника [1]).

Но что было въ Давыдовѣ хуже всего—это страшная мстительность: пресмыкаясь передъ сильными, онъ требовалъ пресмыканія передъ собою отъ всѣхъ, которые были ниже, слабѣе его—и горе человѣку, въ которомъ онъ заподозрилъ чувства враждебныя къ себѣ, или, по крайней мѣрѣ, недостатокъ раболѣпства; понятенъ вредъ, который причинялъ Давыдовъ своимъ характеромъ: понятно, что нашлось много людей, которые соглашались предъ нимъ раболѣпствовать, получали чрезъ него мѣста, выгоды—и все это были люди дрянные; люди порядочные, не соглашавшіеся предъ нимъ раболѣпствовать, подвергались гоненію [2]). Крайне вредно было его деканство тѣмъ, что онъ изъ низкихъ видовъ явно оказывалъ поблажку студентамъ—отецкимъ дѣтомъ, выводилъ ихъ, давалъ высшіе баллы, высшія степени не по достоинству, въ предосужденіе другимъ, болѣе достойнымъ, но отъ которыхъ деканъ не надѣялся получить ничего.

При страшномъ честолюбіи не оставлялъ удовлетворять и другой страсти—корыстолюбію: онъ сильно пользовался казеннымъ добромъ, когда былъ инспекторомъ университетскаго пансіона, любилъ брать и отъ студентовъ, т. е. отъ ихъ родителей—богатые подарки въ благодарность за покровительство сынкамъ.....

Я долженъ былъ слушать Давыдова съ перваго курса и слушалъ очень долго, потому что второй профессоръ—Шевыревъ былъ въ это время заграницею. Содержаніемъ лекцій Давыдова было то, что̀ уже мы знали изъ напечатаннаго въ

---

[1]) Стр. 14.

[2]) Возстановленное мѣсто въ примѣчаніи на стр. 54 статьи въ мартовской книжкѣ.

его „Чтеніяхъ о словесности"; книга извѣстна: слѣдовательно, мнѣ не нужно распространяться о ея достоинствѣ. Но Давыдову не хотѣлось читать слово въ слово по книгѣ, и потому онъ прибѣгалъ къ средству, возможному только для него, именно, цѣлый годъ переливать изъ пустого въ порожнее. Вся лекція состояла изъ набора словъ для выраженія извѣстнаго и преизвѣстнаго уже; студенты слушали сначала со вниманіемъ, ожидая, что̀ же выйдетъ; подъ конецъ ничего не выходило,—и потому курсу Давыдова дали названіе „*Ничто о ничёмъ* или теорія краснорѣчія". Къ счастію профессоръ избавлялъ студентовъ отъ большого утомленія слѣдующимъ средствомъ: ему нужно было читать 2 часа сряду, но онъ приходилъ въ половинѣ перваго часа, уходилъ въ половинѣ второго и читалъ только часъ" [1]).

„Я сказалъ: Погодинъ смѣлъ на доброе дѣло [2]): значитъ, въ немъ были побужденія къ добрымъ дѣламъ; это не былъ Давыдовъ, способный только *на одно дурное*, хотя съ другой стороны, даже и Давыдовъ не такъ оскорблялъ своимъ поведеніемъ, какъ Погодинъ, ибо у Давыдова не было такого цинизма, какъ у Погодина".

Гр. А. Н. Панинъ, представившій попечителю московскаго учебнаго округа кн. С. М. Голицину записку о профессорахъ университета въ апрѣлѣ 1831 г., говоритъ о Давыдовѣ: „Ума палата, но смотритъ въ лѣсъ отъ безнадежности его судьбы на поприщѣ наукъ" („Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ", за 1870 г. октябрь—декабрь, кн. IV, отд. V, Смѣсь, „Памятная записка" (изд. О. М. Бодянскимъ, стр. 217).

---

[1]) Февраль, стр. 14—15.

[2]) Тамъ же, стр. 21—22.

К. С. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ („Воспоминаніе студентства“ [1832—1835 годовъ] въ журналѣ „День“, за 1862 г., № 40 отъ 6 октября, Общій отд.): „О Давыдовѣ И. И. скажу только, что въ его напечатанномъ курсѣ есть слѣдующія слова: „О великихъ людяхъ пишемъ мы *длинными* стихами, потому что воображаемъ ихъ себѣ *большого* роста“ (стр. 4, столбецъ I).

Отъ него же узнаёмъ, что И. И., когда нужно было, не прочь былъ заискивать и подмазываться даже къ студентамъ: „Въ 1835 г. праздновали день основанія университета.... мнѣ было 17 лѣтъ. Однажды Давыдовъ послѣ или прежде своей лекціи объявилъ мнѣ, что профессора просятъ меня написать стихи на этотъ день; Давыдовъ, говоря это, обнималъ меня— какъ то съ боку, называлъ „*товарищъ*“ (!) (стр. 6, ст. I).

Весьма характерно и столкновеніе И. И. Давыдова съ А. Д. Галаховымъ изъ-за „Христоматіи“. Здѣсь вполнѣ оправдывается мнѣніе С. М. Соловьева о злопамятности и мстительности И. И—ча (стр. 31 выше):

„Уже при VI изданіи моей книги („Христоматіи“) въ 1853 г. грянулъ на нее громъ съ той стороны, откуда менѣе всего его ожидалось. Я жилъ въ Москвѣ, и экземпляръ моей книги, поданный въ цензуру, былъ отправленъ въ СПБ на разсмотрѣніе директору педагогическаго института И. И. Давыдову, бывшему прежде инспекторомъ Александровскаго сиротскаго института въ Москвѣ, гдѣ и я состоялъ преподавателемъ. Въ то время я пользовался его благосклонностью. Но это чувство замѣнилось противоположнымъ съ тѣхъ поръ, какъ я по порученію *Я. И. Ростовцева*, начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, составилъ для нихъ конспектъ и программы русскаго языка и словесности. Указывая пособія, нужныя для ознакомленія съ этими предметами, я не включилъ въ ихъ число „Чтеній о словесности“, т. е. лекцій, читанныхъ Давыдовымъ въ Московскомъ университетѣ. Отсюда

гнѣвъ и немилость. Цензоръ задумалъ, если не совсѣмъ забраковать мою книгу, то, по малой мѣрѣ, задержать ее, поприжать. Я былъ поставленъ въ непріятное положеніе: экземпляровъ предъидущаго изданія оставалось немного, а приступать къ новому, не дождавшись цензурнаго разрѣшенія, было дѣломъ рискованнымъ. Подумавъ, я рѣшился прибѣгнуть къ посредничеству Я. И. Ростовцева, въ то время бывшаго въ большой силѣ. И вотъ Давыдовъ, волей-неволей, хотя-нехотя долженъ былъ исполнить мое желаніе. Просматривая возвращенный мнѣ экземпляръ, нѣтъ ли какихъ замѣчаній или перемѣнъ, я съ изумленіемъ остановился на отрывкѣ изъ „Похвальнаго Слова" Карамзина Екатеринѣ Великой. Извѣстно, что въ этомъ словѣ авторъ обращается къ читателямъ съ воззваніемъ: „Сограждане!" И что же? Это воззваніе вездѣ было зачеркнуто, какъ нѣчто запретное. Нельзя было удержаться отъ смѣха при мысли, до чего довела свою боязливость цензура: даже Карамзина чуть-чуть не причислила къ поклонникамъ революціи. При свиданіи съ Давыдовымъ я признался въ моемъ изумленіи. — „Чему жъ тутъ изумляться?" отвѣчалъ онъ спокойно и равнодушно. „Въ настоящее время (1853 г.) и французы не смѣютъ говорить „concitoyen". Дѣлать было нечего, реставрировать опальное слово не дозволялось, и вотъ изъ 20 слишкомъ изданій моей „Русской Христоматіи" въ *шестомъ* (т. I) похвальная рѣчь Карамзина Екатеринѣ такъ и осталась безъ *согражданъ*, благодаря перевороту, учиненному въ Франціи Наполеономъ III" [1]).

О способахъ И. И.—ча воздѣйствовать на графа С. С. Уварова, знаменитаго наслѣдника по молодому богачу „Лу-

---

[1]) А. Галаховъ, «Исторія одной книги», стр. 566—567, «Историческій Вѣстникъ», г. 12-й, т. 44, 1891 г., іюнь, ст. II.

куллу", послушаемъ человѣка правдиваго и безпристрастнаго, проф. *А. В. Никитенка.*

„Профессоръ *Давыдовъ* въ большой милости у Уварова. Онъ добился этого *грубою лестью*, которую министръ всегда принимаетъ съ простодушіемъ ребенка, чему нельзя не удивляться, ибо у него нельзя отнять ума, если не глубокаго, то во всякомъ случаѣ, сметливаго. Давыдовъ особенно завоевалъ его сердце статьею о „Порѣчьѣ", деревнѣ Уварова,—статьею до того льстивою, что она насмѣшила всѣхъ въ Петербургѣ, гдѣ нравы не такъ уже наивны, какъ въ Москвѣ. Уваровъ теперь принялъ здѣсь Давыдова съ распростертыми объятіями. Недавно онъ заставилъ его прочитать по одной лекціи въ Екатерининскомъ институтѣ и Смольномъ монастырѣ, объявивъ предварительно дѣвицамъ этихъ заведеній, что онѣ услышатъ „русскаго *Вильмена*". Давыдовъ явился и не произвелъ ожидаемаго эффекта. Особенно не по вкусу пришелся онъ въ Смольномъ монастырѣ. Дѣлая тамъ обзоръ русской литературѣ, онъ отказалъ въ поэтическомъ дарѣ Державину и вовсе не упомянулъ о Пушкинѣ,—разумѣется, изъ желанія угодить Уварову, который никакъ не можетъ забыть „Лукулла". Въ заключеніе Давыдовъ сказалъ, что всему въ Россіи даетъ жизнь и направленіе министерство народнаго просвѣщенія. И все это въ присутствіи Уварова, который не покраснѣлъ и тогда даже, когда Давыдовъ торжественно объявилъ, что, если онъ (Давыдовъ) сказалъ что-нибудь хорошее, то обязанъ этимъ не себѣ, а присутствію его высокопревосходительства: самъ *онъ* (Давыдовъ) только „Мемнонова статуя, возбужденная лучезарнымъ *солнцемъ*".

Послѣ лекціи Уваровъ подошелъ къ начальницѣ М. П. Леонтьевой и сказалъ ей: „Вѣдь Вы напишете Государю о моемъ посѣщеніи?" Затѣмъ онъ уѣхалъ и увезъ съ со-

бою оратора. А вѣдь и тотъ, и другой слывутъ за умныхъ людей" [1]).

Нелестны для И. И. Давыдова и отзывы тоже серьезнаго и безпристрастнаго *А. Н. Аѳанасьева*, какъ извѣстно, въ своемъ безпристрастіи не пощадившаго въ своихъ воспоминаніяхъ даже прославленнаго Т. Н. Грановскаго:

„*И. И. Давыдовъ* (теперь, въ 1855 г., директоръ педагогическаго института, предсѣдатель II отд. Академіи Наукъ) такой же былъ на своихъ лекціяхъ, какъ и въ изданныхъ имъ книгахъ: „Чтенія о словесности": тотъ же напыщенный метафорическій языкъ, тотъ же подборъ ненужныхъ эпитетовъ и тотъ же въ сущности пустоцвѣтъ. Я раза два слушалъ его лекціи, читанныя полякамъ и состоявшія въ критикѣ ихъ сочиненій; помню, какъ о „Ревизорѣ" Гоголя замѣтилъ онъ, что здѣсь есть сальныя сцены, какъ напр., Хлестаковъ ковыряетъ въ зубахъ, а лакей Осипъ лежитъ передъ публикою на диванѣ. Какъ о человѣкѣ, о немъ носятся самые невыгодные слухи и розказни о его низкопоклонничествѣ и интригахъ. Разсказываютъ, что *Лазарева* (именемъ котораго названъ Восточный въ Москвѣ институтъ) онъ цѣловалъ въ плечо; что женившись *на старости* лѣтъ на молоденькой институткѣ и произведя на свѣтъ сына, онъ письменно и словесно увѣрялъ графа *Сергія* Григорьевича Строганова, министра *Сергія* Семеновича Уварова, кн. *Сергія* Михайловича Голицина и кн. Гагарина, каждаго отдѣльно, что именно въ честь его-то и нарекъ своего сына „*Сергіемъ* [2])".

---

[1]) Никитенко, Записки и дневникъ, I, стр. 425—426, подъ 16 января 1842 г.

[2]) А. Н. Аѳанасьевъ, Воспоминанія (Московскій университетъ—1843—1849 г.) гл. II, стр. 389—390 въ «Русской Старинѣ», т. LI за 1886 г., августъ, ст. VI.

А. Д. Галаховъ („Сороковые Годы", „Историческій Вѣстникъ" за 1892 г., т. 47, январь, ст. V, гл. I—VI, стр. 126—152 и февраль, гл. VII—XII, ст. IV, стр. 396—415) сообщаетъ:

„Погодинъ обращался съ высшими лицами безъ боязни, говорилъ свободно, не понижая голоса, даже часто разнорѣчиво съ ними въ обсужденіи какихъ-либо вопросовъ. И. И. Давыдовъ изумлялся такой отвагѣ, особенно въ то время, когда онъ вмѣстѣ съ другими лицами (въ числѣ которыхъ находился и М. П.) гостилъ у графа Уварова въ его Тускулумѣ, т. е. селѣ Порѣчьѣ: „Я не позволю себѣ", говорилъ онъ, „обращаться такъ развязно съ лицемъ, выше меня стоящимъ: какъ я могу забыть, что это лицо—министръ и мой начальникъ?" Такъ разсуждалъ выдающійся профессоръ, имѣвшій уже генеральскій чинъ и звѣзду. У него и на мѣдной доскѣ, прибитой ко входной двери, было вырѣзано: *дѣйствительный статскій совѣтникъ* Иванъ Ивановичъ Давыдовъ" (стр. 396—397).

„Всѣ знали, что графъ *С. Г. Строгановъ* не жаловалъ 4 профессоровъ, хотя по своимъ лекціямъ они стояли на видномъ мѣстѣ. Одинъ (*И. И. Давыдовъ*) отталкивалъ его *чрезмѣрнымъ самолюбіемъ и непрямыми путями* въ своихъ дѣйствіяхъ, другой (*Д. М. Перевощиковъ*) — непотизмомъ и хитростью, прикрываемой простотой „себѣ на умѣ"; третій (*С. П. Шевыревъ*)—раздражительностію и педантизмомъ; четвертый (*М. П. Погодинъ*)—многостороннею, разбросанною дѣятельностію, мѣшавшею ему всецѣло посвятить себя избранному имъ предмету исторіи. Утверждали, будто графу не нравились эти лица потому, что къ нимъ въ особенности благосклонно относился министръ *С. С. Уваровъ*, бывшій съ нимъ не въ ладахъ. Можетъ статься, это и справедливо, но только отчасти, а не вполнѣ. Обращеніе этихъ личностей съ ихъ меценатомъ при поѣздкѣ въ его подмосковное помѣстье Порѣчье—заставляло многихъ пожимать плечами, особенно послѣ

статьи Давыдова въ „Москвитянинѣ“, повѣствующей о провожденіи времени въ означенномъ имѣніи. Прочитавъ ее, графъ Строгановъ при свиданіи съ авторомъ обратился къ нему съ такимъ вопросомъ: „Не знаете ли, *кто* написалъ эту *лакейскую* статью! Не думаю, чтобы она могла понравиться Сергію Семеновичу“ (стр. 128—129).

М. П. Третьяковъ, долгое время служившій въ канцеляріяхъ университета и попечителя учебнаго округа, подтверждаетъ извѣстіе (стр. 31, выше) С. М. Соловьева о корыстолюбіи и взяточничествѣ И. И. Давыдова:

„Я зналъ, да и всѣмъ было извѣстно, что инспекторъ пансіона *Давыдовъ* и помощникъ его *Чернявскій*, племянникъ Антонскаго, имѣли у себя въ комнатахъ отъ 10—15 челов. воспитанниковъ (благ. пансіона) за условленную плату. Эти воспитанники *какъ-то лучше* успѣвали въ ученіи и получали зато первыя награды. То же дѣлали и надзиратели, только въ маломъ видѣ. Бываетъ же время, когда и черное принимается за бѣлое“ [1]).

Замѣтимъ, впрочемъ, что mutantur tempora—mutantur mores: тогда на взятки профессора смотрѣли совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь.... Алексѣй Михайловичъ Кубаревъ, другъ М. П. Погодина, прекрасный латинистъ, изслѣдователь „Патерика“, былъ удаленъ изъ университета и лишенъ каѳедры по обвиненію въ взяткахъ [2]), причемъ молодые профессора „кознодѣйствовали“. *Ф. Л. Ляликовъ* разсказываетъ, какъ по поступленіи въ университетъ онъ съ матерью ходилъ къ профессорамъ *М. М. Снегиреву* и *Н. Н. Сандунову* и приносилъ имъ

---

[1]) Имп. Моск. Ун. въ воспоминаніяхъ Михаила Прохоровича Третьякова (1799—1830), въ «Русской Старинѣ» за 1892 г., т. 75, сентябрь, стр. 534.

[2]) Н. П. Барсуковъ, Ж. и т. Погодина, т. V, стр. 378, запись въ «Дневникѣ» Погодина.

дары: тѣ брали не только деньгами, но даже „*полотенцами*“(!) [1]). Сандуновъ былъ научная сила и авторитетъ того времени, да вдобавокъ занималъ должность инспектора студентовъ. Профессора, происходившіе большею частью изъ бурсаковъ, приносили съ собою и въ университетъ нравы и обычаи, царившіе въ духовныхъ семинаріяхъ. Припомнимъ еще и другую язву въ университетскихъ нравахъ того времени—содержаніе профессорами пансіоновъ для приготовленія состоятельныхъ недорослей и помѣщичьихъ сынковъ въ студенты. Плата, напр., у Погодина, бралось не малая: 1500 руб. асс. въ годъ, а со студентовъ (поступившихъ въ университетъ) 800 р.—1500 р., *смотря по состоянію* [2]). Самъ М. П. Погодинъ, сообщая министру С. С. Уварову, пишетъ: „....доходъ съ пансіонеровъ, которыхъ живетъ у меня всегда отъ пяти до *десяти* человѣкъ, и которые платятъ мнѣ по *двѣ тысячи рублей* асс. за *приготовленіе* подъ моимъ руководствомъ *къ поступленію въ университетъ* и другія высшія учебныя заведенія“ [3]).

Неизвѣстно, много ли могъ удѣлять времени своимъ многоплатящимъ пансіонерамъ тотъ же Погодинъ, ведшій постоянно по сту дѣлъ сразу. „Много хлопотъ и непріятностей доставлялъ Погодину и пансіонъ его, находившійся въ зависимости отъ университета (т. е. благодаря пріемнымъ экзаменамъ). „*Непріятные* отзывы *Дядьковскаго* (шеллинговца и профессора медицины)“, записываетъ онъ въ „Дневникѣ“, „о моемъ мнимомъ наслѣдствѣ и *невниманіи къ пансіонерамъ, которые выходятъ студентами* по пословицѣ: „*рука руку моетъ*“. Съ чего взялъ такой вздоръ этотъ безумецъ? Онъ

[1]) Ф. Л. Ляликовъ, Студенческія воспоминанія (1818—1822), «Русскій Архивъ» за 1875 г. III, 11, ст. 10, стр. 377. «То было время сюрпризовъ, и съ пустыми руками не ходили. Матушка запаслась полотенцами хорошими съ вышивками и кружевами». Каждому профессору пришлось ихъ по полудюжинѣ.

[2]) Н. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, стр. 203.

[3]) То же, т. VI, стр. 34.

меня знаетъ 20 лѣтъ! Что же скажетъ человѣкъ, не знающій и нерасположенный? Въ деревню. Сказываютъ, что *Давыдовъ* (т. е. конкуррентъ) вопилъ противъ меня у Павлова *съ ожесточеніемъ*: „Это—вертепъ у него, чему учатъ у него? и пр.“ Нѣтъ, въ деревню отъ этихъ мошенниковъ—и воображалъ свои труды тамъ“. Наконецъ, *Комаровскій* сообщаетъ Погодину, что профессорамъ запретится имѣть пансіонеровъ. „Въ такомъ случаѣ“, пишетъ Погодинъ, „я въ деревню. Можетъ быть, это—благопріятное указаніе судьбы“ [1]).

Замѣтимъ притомъ, что содержаніе этихъ пансіоновъ не могло обходиться особенно дорого. Пансіонъ Погодина часто переѣзжалъ въ его имѣніе Сѣрково, гдѣ продовольствовался, конечно, своими деревенскими продуктами и припасами. Что же касается надзирателей и преподавателей, то М. П. пристраивалъ къ себѣ въ пансіонъ людей нуждающихся и безъ мѣста: служили у него и Иринархъ Ивановичъ Введенскій, и П. С. Билярскій, и наконецъ даровитый ученый, но жалкій алкоголикъ, Юрій Ив. *Венелинъ*. Послѣдній былъ особенно полезенъ своему содержателю: онъ же сходилъ и за управляющаго имѣніемъ [2]), наблюдалъ за жатвою, за починкою плотины, за продажею извести, рубкою лѣса, покупкою мяса и крупъ, продавалъ коровъ и т. д. Подконецъ же оборотливый Н. И. Надеждинъ пытался пристроить его у себя—въ корректоры для „Телескопа“, противъ чего бѣдный Венелинъ возмутился [3]).

Когда запретили, наконецъ профессорамъ содержать пансіонеровъ, то Погодинъ рѣшился подать въ отставку. И тутъ орудовалъ И. И. Давыдовъ. Погодинъ писалъ Максимо-

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, Ж. и т. Погодина, т. IV, стр. 202.

[2]) Тамъ же, стр. 58—59.

[3]) Тамъ же, стр. 167—169.

вичу въ Кіевъ: „Экзамены ректоръ хотѣлъ производить подъ наблюденіемъ декановъ. Попечитель утвердилъ. Начались. Вдругъ на первый же день предложеніе, чтобы декановъ не было, и власть сосредоточилась въ рукахъ экзаменаторовъ, т. е. Давыдова и его подчиненнаго Снегирева и т. п. *Это устроилъ Давыдовъ, чтобъ пропустить своихъ.* Между тѣмъ экзаменами министръ остался недоволенъ. Вина и сворочена на тѣхъ профессоровъ, у коихъ есть пансіонеры. Присылается *бумага*, чтобы тѣ, кои будутъ имѣть пансіонеровъ, впредь *не участвовали на экзаменахъ.* Въ совѣтѣ *Давыдовъ* и Каченовскій указываютъ на меня. Ахъ, мерзавцы! Меня взорвало"...[1])

Въ 1837 г. Погодинъ опять таки воюетъ съ И. И. Давыдовымъ изъ-за пансіона: (12 авг.) „Давыдовъ мои возраженія въ Комитетѣ приписываетъ тому, что *мои пансіонеры отстранены отъ продолженія экзамена.* Между тѣмъ какъ ему, подлецу, при самомъ началѣ я говорилъ, что *они не годятся.* Какова каналья, и руку жметъ! Въ типографію—и Давыдовъ тамъ. Руку жметъ. До меня онъ былъ у Строганова, къ которому залѣзаетъ.—(10 сент.) Смѣялся безъ памяти надъ глупостью Каченовскаго. Положительно и отрицательно. *Плутни* Давыдова.—(18 сент.) Въ университетѣ. Разсказы о козняхъ, приписываемыхъ Давыдову, о намѣреніи ссорить Уварова съ Строгановымъ и прочія гадости.—(23 сент.) Перевощиковъ разсказываетъ о гадостяхъ Давыдова. Ни одинъ ректоръ не осмотрѣлъ ни одной переправки, а ихъ на 100 т. въ годъ. Каково! Все это общія плутни"! Въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Погодинъ смягчаетъ свое мнѣніе: „Намъ казалось, что *всѣ интриги въ университетѣ* происходятъ отъ Давыдова, чрезъ письмоводителей, которыхъ онъ всегда умѣлъ забирать къ себѣ въ руки, чрезъ Каченовскаго, который его

---

[1]) Тамъ же, стр. 203—204.

слушался. Сколько тутъ было справедливаго, или сколько онъ былъ тутъ виноватъ, съ умысломъ и безъ умысла, Богъ знаетъ. А между тѣмъ это былъ человѣкъ примѣчательный и во многихъ отношеніяхъ достойный" [1]).

Пансіоны и т. п. давали возможность скромнымъ адъюнктамъ съ жалованьемъ въ нѣсколько сотенъ р. въ годъ покупать 30-тысячные дома въ Москвѣ и пріобрѣтать стотысячныя имѣнія..... Язву лихоимства и взяточничества болѣе или менѣе выдворилъ изъ Московскаго университета, повидимому, графъ С. Г. Строгановъ съ молодыми профессорами: въ этомъ его большая и несомнѣнная заслуга предъ отечественнымъ просвѣщеніемъ [2]).

Закончимъ эпопею объ И. И-чѣ суммарною оцѣнкою его, которую произнесъ одинъ изъ его благодарныхъ учениковъ, И. П. Клюшниковъ (—Ѳ—). Стихотвореніе сохранено въ „Воспоминаніи" К. С. Аксакова, къ сожалѣнію, въ отрывкахъ (№ 40, стр. 4, столбцы I и II).

Въ немъ грудь полна *стяжанья* мукой,
Полна *разсчетовъ* голова,
И тащится онъ за наукой,
Какъ за Минервою сова.

Сквернитъ своимъ прикосновеньемъ
Науку Божію *педантъ*.

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, Ж. и т. П., т. V, стр. 18.

[2]) Но и при немъ существовалъ Н. И. Крыловъ, о которомъ А. С. Хомяковъ пишетъ: «Jus Romanum одержалъ, какъ кажется полную побѣду, и я этому бы очень радовался, если бы ученый не былъ такой ужасный взяточникъ» («Изъ писемъ А. С. Хомякова къ А. Н. Попову», № 13, отъ 15 дек. 1848 г. въ «Русскомъ Архивѣ» за 1884 г., II, 4. стр. 304). Крыловъ былъ знаменитый профессоръ римскаго права и деканъ юридическаго факультета (отъ 1839—1847 г., Біогр. Словарь, т. I, стр. 437).

Такъ школьникъ тѣшится обѣдней,
Такъ *негодяй оффиціантъ* [1])
Ломаетъ барина въ передней.

Учитель нашъ былъ истинный педантъ,
Сорокоумъ,—дай Богъ ему здоровья!
Манеры важныя,—что твой *оффиціантъ*,
А голосъ,—что мычаніе коровье.
Къ тому жъ талантъ, рѣшительный талантъ,
Нѣтъ мало,—даже *геній пустословья* [2]):
Бывало, онъ часа три говоритъ
О томъ, кто постигаетъ, кто творитъ.

Возьмемъ, бывало, оду для примѣра
За голову и за ноги вдвоемъ
И разберемъ по руководству Блера,
Въ ней недостатки и красы найдемъ,
Что̀ худо въ ней, что̀ хорошо,—оцѣнимъ,
Чего жъ недостаетъ, своимъ замѣнимъ.

[1]) Такова была кличка И. И. Давыдова среди студентовъ.

[2]) Ср. выше, стр. 32, у Соловьева.

Повторяемъ, трудно было сохранить полное уваженіе къ И. И. Давыдову. Не сохранилъ его и С. М. Соловьевъ, обязанный ему, однако, за протекцію, ибо И. И. Давыдовъ устраивалъ его при университетѣ—въ пику М. П. Погодину, неразчетливо удалившемуся изъ университета какъ разъ во время, чтобы очистить путь своему молодому ученику и конкурренту. Не сохранилъ его и Ѳ. И. Буслаевъ.

Большую честь сердцу и благородству Ѳ. И—ча дѣлаетъ то обстоятельство, что онъ потомъ черезъ 3 года послѣ своей вылазки послѣдовалъ мудрому правилу А. С. Пушкина:

„Наставникамъ, хранившимъ юность нашу, не помня зла, *за благо* воздадимъ". Онъ первый сдѣлалъ шагъ къ примиренію. И. И. Давыдовъ въ своемъ отвѣтѣ на письмо Ѳ. И—ча указалъ ему на свои заслуги; онъ де направилъ Буслаева на тотъ путь, на которомъ тотъ стяжалъ себѣ такую славу. Впрочемъ, это сознавалъ и самъ Буслаевъ (стр. 8, выше).

„Я былъ *кругомъ виноватъ* передъ своимъ наставникомъ И. И. Давыдовымъ въ дерзкихъ выходкахъ, которыя себѣ позволилъ въ критикѣ на его статью о мѣстоименіяхъ. Теперь, чтобы очистить совѣсть, я послалъ ему въ Петербургъ свою диссертацію при письмѣ, въ которомъ *искренно прошу извинить* меня за нанесенное ему мною оскорбленіе. Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаю его отвѣтъ въ письмѣ отъ 9 іюня 1848 г.

„Приношу Вамъ душевную благодарность за присылку мнѣ прекраснаго Вашего разсужденія: о вліяніи христіанства

на славянскій языкъ. Я думаю, на книгу Вашу такъ много сдѣлано возраженій во время диспута, что Вамъ скучно бы было возобновлять подобныя пренія въ письмѣ. Возраженія же вызываются и по новости, и по важности предмета. Сближеніе индо-европейскихъ языковъ съ санскритскимъ нынѣ стало общимъ мѣстомъ университетскихъ, даже гимназическихъ преподавателей филологіи, но Вамъ принадлежитъ честь совершенно новаго дѣла: сличенія славянскаго перевода Библіи съ готскимъ. Эта часть разсужденія весьма любопытна.

Еще благодарю Васъ за добрыя Ваши чувствованія ко мнѣ, возбуждаемыя въ Васъ, вѣроятно, воспоминаніями о *студенческой* Вашей жизни въ университетѣ. Дѣйствительно, я съ радостью вижу въ ученыхъ трудахъ Вашихъ то направленіе, какое *я старался* дать занятіямъ Вашимъ въ продолженіе курса. Тогда о *Боппѣ*, *В. Гумбольдтѣ*, *Гриммѣ* только въ Московскомъ университетѣ говорили на лекціяхъ, и именно на лекціяхъ русской словесности. Тутъ познакомились студенты и съ *Добровскимъ*, котораго славянская грамматика переведена по моему экземпляру. Правда, было время, когда Вы *не сознавали* этого, но теперь, въ періодъ нравственнаго сознанія, Вы не можете скрыть отъ самихъ себя того, что̀ извѣстно всѣмъ и каждому изъ Вашихъ товарищей. Такова сила нравственнаго закона!

Желаю Вамъ новыхъ успѣховъ литературныхъ; съ истиннымъ уваженіемъ къ Вашимъ достоинствамъ имѣю честь быть Вашимъ почитателемъ—Иванъ Давыдовъ [1]).

---

[1]) Стр 311—312

II.

Генезисъ одной книги.

(„Россія“ Ѳ. В. Булгарина и сотрудничество въ ней Н. А. Иванова).

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго XIX столѣтія появилась любопытная книга подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Ручная книжка для русскихъ всѣхъ сословій Ѳаддея Булгарина. СПБ. 1837.

Всего вышло 6 томиковъ: 4 части исторіи и 2 ч. статистики.

Положеніе вопроса всего лучше опредѣляется слѣдующими словами К. Н. Бестужева-Рюмина въ его „Русской Исторіи“, т. I, Введеніе, X, Научная обработка исторіи, стр. 231 (изд. 1872 г.)

„Въ 1836 г. появилось начало въ высшей степени замѣчательнаго труда „Россія“, которому не суждено было окончиться; онъ остановился на смерти Ярослава. Книга эта, *подписанная Ѳ. Булгариным*ъ, въ значительной степени, *если не вполнѣ*, писана *Н. А. Ивановымъ* (+1869), который былъ впослѣдствіи проф. Казанскаго, а потомъ Дерптскаго университета. Книга эта, отличающаяся нѣкоторымъ чисто юношескимъ увлеченіемъ, построена на чрезвычайно вѣрной мысли

русская исторія должна быть изучаема въ связи съ славянскою и вообще европейскою; большая, хотя неупорядоченная начитанность, ясность мысли и талантъ изложенія выдвигаютъ высоко эту книгу".

Примѣчаніе 75-е на стр. 231—232 прибавляетъ: „Вышло 4 т. О принадлежности Иванову см. „Заря", 1871, № 4: „Четверги у Греча", гдѣ *указана статья Крузе*. Изъ сочиненій Иванова укажемъ „о лѣтописяхъ и хронографахъ" въ „Каз. Уч. Зап." 1843, кн. II и III и „Прогр. преп. Русск. ист." Д. 1869. (Подробный конспектъ, къ сожалѣнію, не оконченный). Самая злая критика на „Россію" въ „Моск. Набл." 1837 г. (*О. М. Бодянскаго?*)".

Много рѣшительнѣе развиваетъ свою мысль К. Н. Бестужевъ въ біографіи Ешевскаго, гдѣ онъ вспоминаетъ и о Н. А. Ивановѣ:

„Недавняя могила приняла въ себя этого замѣчательнаго человѣка, и я не могу удержаться, чтобы не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ. Обширный и многосторонній умъ, громадная память и необыкновенный даръ слова отличалъ его, какъ профессора. Онъ мало сдѣлалъ для науки; но въ этомъ виновата была, преимущественно, та обстановка, которую онъ нашелъ въ Казани: буйные, дикіе нравы господствовали въ студенчествѣ этого полувосточнаго города, и почти то же можно сказать и о нравахъ профессоровъ, а отчасти и всего общества казанскаго той эпохи, когда Ивановъ началъ свою дѣятельность. Но этого мало: университетъ былъ бѣденъ профессорами. Иванову пришлось занять нѣсколько каѳедръ: онъ читалъ въ одно время русскую исторію и древности (едва ли это не единственный профессоръ, за исключеніемъ харьковскаго—*Успенскаго*, который читалъ русскія древности), всеобщую исторію (да еще съ особымъ курсомъ для юристовъ) и исторію философіи. Во всѣхъ этихъ предметахъ Ивановъ старался приносить съ собою самостоятельное знаніе, и от-

того ему недоставало времени выработать что-нибудь до той степени, чтобы выработанное могло быть напечатано. Печатно Ивановъ извѣстенъ мало, отчасти *и оттого, что лучшее его* сочиненіе „Россія“ появилось *подъ чужимъ* именемъ, да еще подъ именемъ, не пользовавшимся въ литературѣ почетною извѣстностію (стр. XII). Тѣмъ не менѣе по замыслу, да частію и по исполненію это—книга замѣчательная. Молодой человѣкъ, только что кончившій курсъ въ Казани, гдѣ исторію слушалъ у Булыгина, большого чудака, отчасти скептика, человѣка, судя по нѣкоторымъ статьямъ и по разсказамъ, *весьма неглупаго*, но мало образованнаго и *мало даровитаго* [1]), этотъ-то молодой человѣкъ, побывъ немного въ Дерптѣ, почитавъ кое-что, задумалъ перестроить русскую исторію: онъ первый поставилъ ее въ среду исторіи другихъ славянскихъ народовъ и связалъ съ общею исторіею Европы. Къ сожалѣнію, книга оканчивается на смерти Ярослава Владимировича; но самый планъ долженъ когда-нибудь пробудить даровитаго человѣка (?), заставить его (?) поработать и осуществить то, что̀ бродило въ головѣ молодого дерптскаго студента, и что̀ онъ покусился осуществить со всею дерзостію молодости, не подозрѣвающей ни обширности предмета, ни слабости еще неопытныхъ силъ. Эта книга, встрѣченная привѣтомъ Шафарика, была погребена для русской публики громовою рецензіею *О. М. Бодянскаго* въ „Москов. Наблюдателѣ“. Впослѣдствіи въ одномъ изъ примѣчаній къ своей докторской диссертаціи О. М. воздалъ должное этой книгѣ; но было уже поздно: его рѣзкую статью въ журналѣ прочли всѣ, а диссертацію читали весьма немногіе. Отъ того, или отъ другого—все равно, но этотъ замѣчательно-даровитый человѣкъ не оставилъ по себѣ замѣтнаго слѣда. Позднѣйшія поколѣнія строго осудили Ива-

[1]) Странное противорѣчіе въ словахъ Бестужева-Рюмина: весьма неглупъ, но мало даровитъ!

нова: отголосокъ этихъ сужденій можно видѣть въ „Воспоминаніяхъ о *С. В. Ешевскомъ*“ *А. С. Гацисскаго*, Нижегор. Вѣд. 1865 г. № 23. Дѣйствительно, Ивановъ послѣднихъ годовъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть. Грустное чувство овладѣваетъ невольно, когда подумаешь о томъ, что разныя обстоятельства, вольныя и невольныя вины отнимали у русской мысли и русской науки не менѣе дѣятелей, чѣмъ и самая смерть [1])“.

„Н. А. Ивановъ, читавшій русскую исторію, произвелъ на меня какое-то *странное* впечатлѣніе: онъ еще пользовался своей прежней славой, и я положительно, какъ ни силился, не могъ увлекаться его лекціями, казавшимися мнѣ холодными, *ходульными*, но молчалъ въ виду общаго поклоненія ему, которое однако мгновенно испарилось, когда со II семестра его замѣнилъ у насъ С. В. Ешевскій“. (Слова А. С. Гацисскаго въ статьѣ Н. Я. Агафонова, „Сборникъ въ память Гацисскаго“, I, стр. 33).

Изъ сказаннаго явствуетъ, что мысль К. Н. Бестужева Рюмина можно резюмировать такъ: „Россія“ есть произведеніе профессора Н. А. Иванова, написанное имъ, когда онъ жилъ въ Дерптѣ въ качествѣ профессорскаго стипендіата— и притомъ изданное подъ именемъ Ѳаддея Булгарина. Принадлежность этого сочиненія Иванову (стр. 47, выше) Бестужевъ основываетъ на статьѣ „Зари“, о которой будетъ у насъ рѣчь ниже (стр. 66—69). Самъ Бестужевъ ничего подлиннаго по этому дѣлу не знаетъ, и замѣтимъ, говоритъ лишь съ *чужихъ* словъ.

Всякій читающій знаетъ, конечно, о Ѳаддеѣ Булгаринѣ, „Видокѣ Фигляринѣ“, какъ его окрестилъ А. С. Пушкинъ.

---

[1]) Стр. XII—XIII. К. Бестужевъ-Рюминъ, Степанъ Васильевичъ Ешевскій, біографическій очеркъ при I части «Сочиненій С. В. Ешевскаго»; изд. К. Солдатенкова, М. 1870 г. Статья перепечатана при недавно вышедшемъ собраніи: «С. В. Ешевскій», Сочиненія по русской исторіи, стр. VIII—IX.

Менѣе извѣстна личность Н. А. Иванова, и объ немъ мы вспомнимъ здѣсь важнѣйшія біографическія данныя.

Николай Алексѣевичъ Ивановъ (1813—1869), сынъ канцелярскаго служителя, родился въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1813 г. По окончаніи курса въ мѣстной гимназіи въ 1830 г. онъ поступилъ казеннымъ студентомъ въ Казанскій университетъ по словесному отдѣленію. Еще студентомъ онъ обратилъ на себя вниманіе попечителя *М. Н. Мусина-Пушкина.*

По окончаніи унив. курса со степенью кандидата въ 1833 г.. онъ былъ посланъ въ Профессорскій Инст. въ Дерптъ, гдѣ и учился слишкомъ 5 лѣтъ. Еще въ Казани Ивановъ научился по нѣмецки. Въ Дерптѣ онъ уже овладѣлъ языкомъ настолько, что писалъ статьи политико-экономическаго и статистическаго содержанія въ Dorpater Jahrbücher. Эти статьи были одобрены ученою нѣмецкою критикою. Въ Дерптѣ Ивановъ познакомился съ Булгаринымъ.

Въ 1839 г. Ивановъ получилъ степень доктора философіи за диссертацію: Cultus popularis in Rossia originis ac progressus adumbratio. Dorpati. Преданіе говоритъ, что латинскій языкъ въ этой диссертаціи помогалъ обработывать В. И. Григоровичъ, хорошо знавшій по латыни, какъ воспитанникъ базиліанской школы.

Въ 1839 г. Ивановъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ русской исторіи въ Казанскій университетъ на мѣсто умершаго Булыгина. Ему же было поручено и преподаваніе всеобщей исторіи.

Въ 1843 г. онъ сдѣлался ординарнымъ проф., а съ 1844 г. руководилъ занятіями по исторіи, географіи и статистики въ Педагогическомъ институтѣ при Казанскомъ

университетѣ. Кромѣ университетскихъ лекцій, онъ читалъ и публичные курсы, както въ 1839—40, 43—44, 44—45 гг. Его чтенія привлекали много слушателей и доставляли большіе сборы. Съ 1850 г. Ивановъ теряетъ видное положеніе, какое занималъ ранѣе въ университетѣ. Несчастія (въ семейной жизни и по службѣ) преслѣдовали его. Впрочемъ, и его характеръ навлекалъ на него не мало непріятностей. Въ 1856 г. Ивановъ былъ переведенъ по той же каѳедрѣ въ Дерптскій университетъ, но покинулъ мѣсто и тамъ черезъ 3 года. Пробывши нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ, Ивановъ поступилъ учителемъ русскаго языка въ Митавскую гимназію. Въ 1869 г. онъ снова былъ приглашенъ въ Дерптъ *доцентомъ* русскаго языка, но едва прибывъ туда, заболѣлъ и скончался 30 марта 1869 г.

Одинъ изъ его учениковъ, г. Евгеній Бѣловъ въ „Древней и Новой Россіи" за 1877 г. II, № 7, стр. 274—276 г., „Къ исторіи русскаго просвѣщенія"—посвятилъ нѣсколько сочувственныхъ строкъ несчастному Н. А. Иванову. Онъ вспоминаетъ, что Ивановъ читалъ одно время и исторію философіи [1])... „Въ первый разъ, въ курсъ 1842—43 г. обратилъ онъ вниманіе на исторію философіи исторіи, а другой разъ на исторіоматію"... Къ числу наиболѣе содержательныхъ лекцій относятся лекціи о философіи исторіи Гегеля, которую онъ къ сожалѣнію не довелъ до конца. Вѣроятно, слушателямъ пришлось бы услышать какую либо замѣчательную лекцію о мнѣніи Гегеля касательно роли славянъ въ исторіи. Кажется, говоря о воззрѣніи Гердера на славянъ, онъ коснулся Гегеля, упрекнувъ его въ односторонности; курсы [2]) исторіи философіи и всеобщей исторіи много отнимали времени отъ его собственнаго предмета, т. е. русской исторіи"....

---

[1]) Стр. 275, столбецъ II.

[2]) Стр. 275—276.

„Его тяжелый характеръ много создалъ ему враговъ, много принесъ ему бѣды и горя при жизни, и мнѣ нѣтъ охоты говорить теперь объ этомъ предметѣ“.

Замѣтимъ еще, что Н. А. Ивановъ съигралъ некрасивую роль на диспутѣ В. И. Григоровича, попытавшись—и безуспѣшно—провалить его и не допустить до магистерства. Любопытно, кромѣ того, еще то обстоятельство, что *Н. Н. Буличъ*, будучи студентомъ, писалъ на предложенную Ивановымъ тему о философіи Гегеля и получилъ золотую медаль, а это его къ философіи такъ пріохотило, что по окончаніи курса онъ сталъ продолжать спеціальныя занятія по философіи, получилъ по этой наукѣ ученую степень магистра и былъ по каѳедрѣ философіи адъюнктомъ вплоть до упраздненія ея съ передачей преподаванія философіи духовнымъ лицамъ.

Н. А. Ивановъ погибъ и умеръ отъ несчастія или „слабости“—алкоголизма.....

„Профессоръ Ивановъ тянетъ сиволдай: выпьетъ хоть пять жбановъ—только подавай!“ гласитъ студенческая пѣсня того времени (въ статьѣ Н. Я. Агафонова „Воспоминаніе“ и т. д., „Сборникъ въ память А. С. Гацисскаго“, I; стр. 36—37).

Прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію или слѣдствію о плагіатѣ, послушаемъ, что показываетъ по этому дѣлу самъ обвиняемый Ѳаддей Булгаринъ въ предисловіи къ I части статистики, стр. VII—XI.

„Для приведенія въ порядокъ этихъ матеріяловъ надлежало употребить много труда и имѣть предварительныя и основательныя свѣдѣнія. При моихъ занятіяхъ, *мнѣ* никакъ невозможно было исполнить *одному предположенный планъ* цѣлаго сочиненія въ столь короткое время. Долго искалъ я свѣдущаго и трудолюбиваго *сотрудника*, и наконецъ нашелъ его въ *Николаѣ Алексѣевичѣ Ивановѣ*, кандидатѣ философскихъ наукъ Казанскаго университета, питомцѣ профессорскаго института при Дерптскомъ университетѣ. Къ избранію

Н. А. Иванова побудили меня помѣщенныя имъ въ ученомъ Дерптскомъ журн. (Dörpt Jahrbücher) превосходныя статьи (на Нѣмецкомъ языкѣ): О Нижегородской ярмаркѣ и вообще о внутренней торговлѣ Россіи, и о современномъ состояніи мануфактурной промышленности въ Россіи.—Статьи эти были похвалены въ Германіи знаменитымъ Шлоссеромъ (въ Heidelberger Jahrbücher) а первый современный Германскій Статистикъ, Шубертъ ссылался на труды г. Иванова въ своей Статистикѣ Европейскихъ государствъ.—Сверхъ того, г. Ивановъ, въ часы отдохновенія отъ постоянныхъ своихъ занятій науками написалъ много дѣльныхъ статей для „Сѣверной Пчелы", которыя были похвалены въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. Н. А. Ивановъ тѣмъ охотнѣе принялъ мое предложеніе къ сотрудничеству, что это занятіе не только не отвлекало его отъ цѣли его университетскаго ученія, а напротивъ того, приближало къ ней, ибо Статистика составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ его курса. Г. Иванову даже пріятно было припоминать на чужбинѣ собранныя имъ свѣдѣнія о Россіи и дополнять ихъ новыми: въ каждомъ отдѣленіи наукъ познаніе Россіи должно быть первымъ и главнымъ предметомъ, потому что каждый Русскій обучается для того только, чтобъ быть полезнымъ Россіи по мѣрѣ своихъ способностей и по волѣ Отца-Государя.—При этомъ случаѣ почитаемъ нашею обязанностію упомянуть, что Н. А. Ивановъ обязанъ своимъ образованіемъ Казанскому университету и великодушной заботливости попечителя Казанскаго университета Михаила Николаевича Мусина-Пушкина.

Составивъ вмѣстѣ съ Н. А. Ивановымъ планъ Статистическаго обозрѣнія Россіи, я отдалъ въ полное его распоряженіе всѣ матеріялы и предоставилъ *ему исполненіе.*—Самъ я дѣйствовалъ, какъ *редакторъ*, и какъ *хозяинъ* цѣлаго сочиненія. Но какъ Н. А. Ивановъ долженъ былъ сообразоваться съ планомъ *цѣлаго сочиненія* и съ *моими* видами, и какъ мы

предварительно совѣщались съ нимъ о каждомъ предметѣ, то я беру на себя *отвѣтственность* за всѣ могущіе встрѣтиться въ сочиненіи недостатки, и, по всей справедливости, предоставляю Н. А. Иванову заслуженное имъ право на похвалы за все хорошее. Я убѣжденъ, что всѣ благомыслящіе люди повторятъ вмѣстѣ со мною благодарность Н. А. Иванову за его полезный трудъ и за *его участіе со мною* въ дѣлѣ, столь близкомъ сердцу русскому.

Мы рѣшились съ Н. А. Ивановымъ основываться въ Статистическомъ обзорѣ главнѣйше на свѣдѣніяхъ, обнародованныхъ самимъ Правительствомъ и на сообщенныхъ намъ рукописныхъ офиціяльныхъ извѣстіяхъ о различныхъ предметахъ.—Предпочитая всему истину, мы говоримъ откровенно, что не можемъ похвалиться большимъ числомъ послѣднихъ. Видя чрезвычайныя затрудненія и потерю драгоцѣннаго времени при ходатайствѣ о полученіи самыхъ маловажныхъ свѣдѣній, я вовсе отказался отъ этого источника и тѣмъ съ большею рѣшимостью, что все важное или возможное къ обнародованію сдѣлалось гласнымъ посредствомъ Журналовъ; издаваемыхъ Министерствами, или находится въ сочиненіяхъ частныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ текстѣ нашего Статистическаго обзора или въ исчисленіи пособій. Что̀ закрыто по какимъ либо причинамъ для насъ, то закрыто и для всѣхъ.— Впрочемъ, мы убѣждены, что въ сочиненіи столь тѣснаго объема мы сообщаемъ довольно свѣдѣній для познанія Россіи. —Рама есть, каждый можетъ дополнить, по мѣрѣ своихъ познаній и собранныхъ свѣдѣній, недоступныхъ всѣмъ и каждому, и лежащихъ въ неизвѣстности на огромномъ пространствѣ Россіи. Мы просимъ всѣхъ и каждаго сообщать намъ поправки и дополненія, которыя мы примемъ съ благодарностью и употребимъ на общую пользу.

Изъ частныхъ сочиненій мы заимствовали въ такомъ только случаѣ, когда сочинители описывали то, что̀ сами на-

блюдали на мѣстѣ; но и тогда мы поступали съ самою строгою разборчивостью и ручаемся только за вѣрность данныхъ, за которыя ручается само Правительство.

Самыя занимательныя части статистики: народное просвѣщеніе, фабричная и мануфактурная промышленность и торговля—впереди. Эти части будутъ у насъ обработаны полнѣе и отчетистѣе, потому что объ нихъ есть болѣе положительныхъ свѣдѣній.

Заключаю краткое предисловіе словами нашего древняго лѣтописца, повторяя ихъ отъ имени моего и отъ имени *сотрудника* моего Н. А. Иванова: „Отцы и братья, аще же гдѣ описахъ, не дописахъ, или переписахъ, чтите, исправляя, бога для, а не кляните“.

Ѳ. Булгаринъ.

Такимъ образомъ Булгаринъ ничего не говоритъ объ сотрудничествѣ Иванова по исторической части: по его словамъ, Ивановъ былъ его сотрудникомъ только по части статистики. Планъ, концепція цѣлаго труда принадлежатъ де самому Булгарину.

Почти одновременно съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ или немногимъ ранѣе то же самое обвиненіе въ плагіатѣ было возведено на Ѳаддея Булгарина еще и съ другой стороны. К. Н. Бестужевъ ссылался на статью «Зари», въ которой *указана* статья *Крузе* (стр. 47 выше). Другой доноситель, А. А. Котляревскій обвиняетъ Ѳаддея Б. со словъ самого потерпѣвшаго, т. е. Н. А. Иванова, но дѣло опять-таки сводится въ концѣ концовъ на ту же загадочную статью Крузе.

Статья А. А. Котляревскаго представляетъ собою собственно некрологъ Н. А. Иванова. А. А. Котляревскій зналъ несчастнаго алкоголика-ученаго въ самый печальный періодъ его жизни, въ періодъ полной, кажется, физической и духовной дезорганизаціи, когда Ивановъ, утративъ профессуру въ Дерптѣ, потерялъ затѣмъ и учительское мѣсто въ Митавѣ, находился безъ мѣста и только незадолго до смерти былъ избранъ въ помощники (доценты) А. А. Котляревскому, занимавшему тогда каѳедру русской литературы при дерптскомъ университетѣ. Надобно полагать, что А. А. Котляревскій, какъ излюбленный (*тогда*, т. е. до франко-прусской войны) [1]) человѣкъ балтійской партіи, имѣвшій въ числѣ ея сторонниковъ въ университетѣ вліятельныхъ друзей, постарался пристроить, обезпечить жалкаго больного на его печальной старости. Но помощь пришла поздно.....

---

[1]) См. біографію А. А. Котляревскаго при IV томѣ его «Сочиненій» (изд. А. Н. Пыпинымъ), стр. XCVIII—XCIX.

Некрологъ Н. А. Иванова былъ помѣщенъ въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1869 г. № 103. Другой некрологъ, посвященный памяти Иванова, имѣется въ „Иллюстрированной Газетѣ“, т. 23, за 1869 г. № 17.

Некрологъ А. А. Котляревскаго былъ затѣмъ перепечатанъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1869 г., часть 142, апрѣль, современная лѣтопись, стр. 263—266. Такимъ образомъ неправильно утвержденіе, будто этотъ некрологъ, появившись сначала въ „Журналѣ М. Н. Пр.“, былъ потомъ *повторенъ* въ „СПБ. Вѣдомостяхъ“. Дѣло было совсѣмъ наоборотъ. Читавшій самъ статью въ „Журналѣ“, конечно, замѣтилъ бы, что тамъ прямо (стр. 263 въ прим.) сказано: „изъ № 103 СПБ. Вѣдомостей“. Статья перепечатана и въ „Сочиненіяхъ“ А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 128—132.

Пораженный утратою человѣка, замѣчательнаго даже въ своемъ паденіи и убожествѣ, историка, когда то подававшаго столь блистательныя надежды для русской науки, ученаго, обладавшаго превосходною школою и обширною эрудиціею, А. А. Котляревскій высказался объ опочившемъ очень тепло и отнесся къ его разсказамъ вполнѣ довѣрчиво. Вотъ что пишетъ Котляревскій по интересующему насъ вопросу.

„Изъ такой (дерптской) школы Ивановъ вынесъ не только основательное знакомство съ историческими источниками и критическую отчетливость, но и цѣльность общаго воззрѣнія на историческія судьбы родной земли. Только при условіи этого общаго взгляда можно объяснить себѣ, что въ двадцатичетырехлѣтнемъ юношѣ возникла мысль написать сочиненіе, которое представило бы полную картину Россіи въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ; но *мысль*, конечно, и осталась бы мыслью за недостаткомъ средствъ къ приведенію ея въ исполненіе, если бы г. Булгарину не вздумалось обратить ее

въ свое прославленіе; онъ принялъ на себя доставить Иванову всѣ средства къ исполненію задуманнаго труда съ обязательствомъ, однако, чтобы сочиненіе вышло въ свѣтъ не подъ именемъ настоящаго автора, а подъ псевдонимомъ издателя. Молодой ученый былъ настолько чуждъ литературнаго самолюбія, что принялъ это условіе, и въ 1837 г. появилась такимъ образомъ „Россія", 4 части исторіи и 2 части статистики. Объ Ивановѣ упомянуто только, какъ о сотрудникѣ по статистической части, а настоящимъ авторомъ объявленъ Булгаринъ. Дѣло прошлое: оба виновника лежатъ въ могилахъ, и можно, кажется, *объявить истину*, и безъ того, впрочемъ, *многимъ извѣстную*. Самъ Ивановъ *не любилъ* разсказывать объ этомъ происшествіи: на мои *неоднократные вопросы* онъ отсылалъ меня къ статьѣ проф. *Крузе* въ Jenaische Allg. Litteraturzeitung, гдѣ, *по его словамъ*, описано все, какъ было; но *однажды въ добрую минуту самъ разсказалъ все дѣло*, прибавляя, что всетаки онъ обязанъ г. Булгарину доставленіемъ важнѣйшихъ литературныхъ пособій. Трудъ, о которомъ говоримъ, теперь забытъ многими, но едва ли потому, что онъ заслуживалъ забвенія, а, кажется, по милости своего *ложнаго паспорта*; по крайней мѣрѣ, такой глубокій знатокъ славянскаго міра, какъ *Шафарикъ*, въ свое время отозвался объ этомъ сочиненіи съ полнымъ уваженіемъ (см. „Часопись чешскаго музея" 1837 г. стр. 372—374); да и теперь тридцатилѣтніе успѣхи науки не сдѣлали его совершенно лишнимъ" [1]).

Изъ разсказа А. А. Котляревскаго мы видимъ, что дѣло обстояло такъ. Онъ неоднократно задавалъ вопросы Иванову, касательно любопытнаго обстоятельства—его сотрудничества съ Булгаринымъ. Очевидно, что нѣкоторые слухи, полагавшіе авторство Булгарина въ „Россіи" мнимымъ, еще ранѣе до-

---

[1]) Стр. 263—264 (Соч., т. II, стр. 129—130).

стигли до А. А. Котляревскаго, и онъ хотѣлъ теперь лично провѣрить правдивость этого слуха. Но—обратимъ вниманіе—Ивановъ *отнѣкивался* отъ *прямого* отвѣта и отсылалъ допросчика опять-таки *къ статьѣ Крузе*, гдѣ, по его словамъ, все *будто бы* разъяснено. Но однажды „въ добрую минуту" (т. е. внѣ всякаго сомнѣнія, подъ наитіемъ „*добраго* Вакха") онъ *все* разсказалъ, т. е. подтвердилъ слухи съ любопытною оговоркою о своей *непрекратившейся* благодарности Ѳаддею за „пособія". На томъ, повидимому, А. А. Котляревскій и успокоился, повѣривъ разсказу „подобрѣвшаго" Иванова,—но отыскалъ ли, *искалъ ли* онъ вообще статью Крузе, въ которой долженъ скрываться ключъ къ разгадкѣ? Статьи Крузе А. А. Котляревскій *не видалъ*; это явствуетъ изъ его ссылки: „по словамъ" Иванова (стр. 58, выше); и если онъ искалъ ее, то, очевидно, не нашелъ; а можетъ быть, что онъ ея и не искалъ. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется несомнѣннымъ, что великій библіографъ и библіофилъ, — А. А. Котляревскій, обладатель громадной библіотеки рѣдкостей и авторъ „Опыта", не преминулъ бы указать и цитировать статью Крузе (какъ цитируетъ рецензію Шафарика), если бы онъ ее читалъ—вообще, отыскалъ бы. Итакъ, замѣтимъ, А. А. Котляревскій повѣрилъ Н. А. Иванову *на слово* въ одну изъ его „*добрыхъ*" минутъ, но *статьи Крузе самъ не зналъ*.

К. Н. Бестужевъ (стр. 47, выше) ссылался на статью „Зари“. Пора ознакомиться намъ и съ этимъ свидѣтельствомъ.

Авторомъ этой статьи, смѣло обвиняющей Ѳаддея Булгарина въ литературномъ воровствѣ, былъ старый его знакомый и сотрудникъ—Владимиръ Петровичъ *Бурнашевъ*.

В. П. Бурнашевъ родился въ 1809 г. и происходилъ изъ бѣдной, но образованной дворянской семьи; въ очень молодые годы—почти мальчикомъ онъ сталъ сотрудничать въ „Сѣверной Пчелѣ“ и въ „Сынѣ Отечества“ съ „Сѣвернымъ Архивомъ“,—т. е. въ изданіяхъ приснопамятныхъ *Н. И. Греча* и *Ѳ. В. Булгарина*. Онъ очень скоро вошелъ въ составъ редакціи и въ число ближайшихъ сотрудниковъ. Сотрудничалъ Бурнашевъ по преимуществу—въ отдѣлѣ политической экономіи, финансовъ, промышленности и мануфактуръ. Одновременно съ тѣмъ онъ служилъ въ различныхъ вѣдомствахъ и министерствахъ, както: военномъ, внутреннихъ дѣлъ, удѣловъ и т. д. Служилъ у почтеннаго (по своимъ освободительнымъ тенденціямъ) Д. Г. Бибикова (позднѣе Кіевскаго генералъ-губернатора), но съ нимъ не поладилъ, служилъ у Л. А. Перовскаго и т. д. Черезъ Греча Бурнашевъ завязалъ очень обширныя знакомства со „всѣмъ Петербургомъ“—въ частности съ литературнымъ міромъ того времени, съ тѣми литераторами, которые тогда жили въ сѣверной столицѣ. Случайное знакомство привело его въ удѣльное земледѣльческое училище, находившееся въ завѣдываніи хитраго малоросса М. А. Бай-

кова. Черезъ нѣкоторое время Байковъ пригласилъ Бурнашева къ себѣ на службу въ помощники (на мѣсто Ѳедора Ив. Сухомлинова). Земледѣльческое училище, посѣщенія его и служба тамъ привели Бурнашева къ новой спеціальности—агрономіи. Съ тѣхъ поръ его литературная дѣятельность принимаетъ почти исключительно агрономическій характеръ. Кромѣ „Сѣверной Пчелы“ и „Сына Отечества“, В. П. Бурнашевъ сотрудничалъ еще въ „Русскомъ Инвалидѣ“, въ „Журналѣ Общеполезныхъ свѣдѣній“ у *А. П. Башуцкаго* и редактировалъ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія „Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества“; несмотря на большое число изданныхъ имъ сочиненій, его работа не спасла его отъ большой нужды, въ которой онъ и померъ 31 января 1888 г.

Бѣдность заставила В. П. *промышлять* литературой; поэтому въ нижеприведенномъ спискѣ мы увидимъ его сочиненія de omnibus rebus scibilibus et quibusdam aliis. Статей его еще никто не перечислялъ. Мы приводимъ книги и брошюры, вышедшія отдѣльно—по сочиненію С. А. Венгерова, Русскія книги, СПБ. 1899, т. III, стр. 318—319, дополняя ихъ своими указаніями. Замѣтимъ, что В. П. Бурнашевъ подписывалъ свои труды еще псевдонимами *Вадимъ Байдаровъ*, *Викторъ Бурьяновъ*, *Викторъ Басковскій* и *Борисъ Волжинъ* (не указаны у Венгерова).

Труды В. П. Бурнашева.

Горчица. О воздѣлываніи и уходѣ, какъ за кормовымъ и масличнымъ растеніемъ. Харьковъ 1889. Тип. Бирюкова. 8-°. 16 стр. (400 экз.) ц. 20 к.

1) Очеркъ исторіи мануфактуръ въ Россіи. Соч. Вл—ръ Б—шевъ. СПБ, 1833. Тип. Греча. 8°. 1 нен.+55 стр.

2) Описаніе удѣльнаго земледѣльческаго училища. СПБ, 1834. Тип. Греча. 8°. 100 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

а) Тоже. СПБ, 1839. Тип. Губерн. правл. 8°. XIII+228 стр.

3) Дѣтская книжка на 1835 г., которую составилъ для умныхъ, милыхъ и прилежныхъ маленькихъ читателей и читательницъ Влад. Бурьяновъ СПБ, 1835. Тип. Департ. внѣшней торговли. 12°. 2 нен.+417 стр. Ц. 2 р.

4) Награда добродѣтели и благонравія. Новыя сказки для юношества обоего пола. 2 части (съ картинками). Пер. съ фр. Орестомъ Сомовымъ и Влад. Бурнашевымъ. Издано у книгопродавца бр. Матв. и Мих. Заикиныхъ. СПБ, 1835. Тип. К. Крайя. 12°. ч. I. VIII (предисловіе В. Бурнашева)+263+3 нен. (картинки); ч. 2-ая 216+2 нен. стр. (картинки). Ц. 2 р. 30 к.

5) Прогулка съ дѣтьми по земному шару. 2 ч. СПБ. 1836. Тип. Крайя. 16°. IV+IV+311+VI+228 стр.

а) Тоже. Изд. 2-ое, испр. СПБ, 1837. Тип. Греча. 16°. X+312+X+291 стр.

б) Тоже. Изд. 3-ье, испр. и доп., съ раскрашен. картою всего свѣта. СПБ, 1844. Тип. Соломона. VII+400+347 стр. Ц. 1 р. 50 к.

6) Дѣтскій разскащикъ, или собраніе повѣстей, сказокъ, разсказовъ и театральныхъ піесъ, 2 части. Изд. А. В. Глазунова. СПБ, 1836. Тип. Греча. 12°. 389+391 стр. Ц. 2 р. 85 коп.

7) Дѣтскія игрушки, театръ и камеръ-обскура. Книжка —гостинецъ. Съ картинками. СПБ, 1837. Тип. Глазунова, Смирдина и К°. 16°. 230 стр. Ц. 1 р. 50 к.

8) Прогулка съ дѣтьми по Россіи. 4 части (съ 4 картинками). СПБ, 1837. Тип. Россійск. Акад. 12° (XI+378+XIV+1 нен.)+(506+X+1 нен.)+(421+XI+1 нен.)+(391+XIII+1 нен.) стр.

а) Тоже. Изд. 2-ое, книгопрод. Жебелева исправленное и умножен., съ картинами, искусно иллюминованными. СПБ. 1839. Тип. та же. 12°. XI+378+XIV; 506+X; 421+XI и 391+XIII стр. Ц. 4 р. 30 к.

9) Библіотека дѣтскихъ повѣстей и разсказовъ. 4 части. СПБ. 1837. Тип. Греча. 12°. Ч. I: 202 стр. 1838. Части: II, III, IV. 169, 170 и 174 стр. съ картинкой въ каждой части. Ц. 3 р.

10) Бесѣды съ дѣтьми о хозяйствѣ: домашнемъ, сельскомъ, мануфактурномъ, и о торговлѣ. СПБ, 1837. Тип. Греча. 8°. 14+287 стр. Ц. 1 р. 40 к.

11) Совѣты для дѣтей, или разсказы занимательныхъ анекдотовъ, новостей, произшествій и другихъ назидат. примѣровъ, посвящен. сыновьямъ и дочерямъ. Новое соч. Г. Бульи, съ картинками. Изданіе бр. Заикиныхъ. Пер. съ фр.

В. Бурьяновъ (Бурнашевъ) СПБ, 1838. Тип. Росс. Акад. 12°. 240 стр.+6 нен. (съ картинками). Ц. 1 р. 50 коп.

12) Зимніе вечера, или бесѣды отца съ дѣтьми объ умственныхъ способностяхъ, нравахъ и проч. всѣхъ народовъ земного шара. Деппингъ. Перев. В. Бурьяновъ. СПБ, 1838. 8°.

13) Новая энциклопедич. русс. азбука и общеполезная дѣтская книга для чтенія. Составилъ по иностран. образцамъ, съ приноровленіемъ къ отечественному воспитанію Викторъ Бурьяновъ. Изд. Ив. Глазунова. СПБ. 1838. Тип. Газенберга. 12°. XII+359 стр. и 10 картинокъ.

а) Тоже. Изд. 2-е, испр. и умнож. СПБ. 1843 Тип. Жернакова. 16°. 338 стр. и 10 картинокъ. Ц. 1 р.

14) Прогулка съ дѣтьми по СПБ. и его окрестностямъ. 3 части. СПБ, 1838. Тип. „Главн. управл. путей сообщенія" (части I и II) и тип. „Гуттенбергова" (ч. III). 12°. 286+2 нен.; 381+IV и II+249+19+2 нен. стр.

15) Практич. руководство къ кожевенному производству и всѣхъ его отраслей, съ обстоятельнымъ наставленіемъ, какъ устроить сельскій кожевенный заводъ. Со многими чертежами и фасадами. Изд. Вас. Полякова. СПБ, 1843. Тип. Жернакова. 8°. 100 стр. Ц. 1 р.

16) Практич. руководство къ валяльно-войлочному производству. Съ чертежами. Изд. Вас. Поляковъ. СПБ. 1844. Тип. Жернакова. 12°. 36 стр.; 2 нен. (чертежи) и 1 картинка. Ц. 75 к.

17) Практическое руководство къ гребенному и роговому производствамъ. Со многими чертежами. СПБ, 1844. Тип. Жернакова. 8°. 3+57+3 стр. и 4 таблицы.

18) Опытъ терминологич. словаря сельскаго хозяйства, фабричности, промысловъ и быта народнаго. 2 части. СПБ. 1843—1844. Тип. Жернакова. 8°. 487+415 стр. Ц. 3 р.

19) Воспоминанія объ эпизодахъ изъ моей частной и служебной дѣятельности (1834—1850) М. 1873. Тип. унив. 8°. 460 стр.

20) Сатана въ образѣ красавицы. Основано на истинномъ происшествіи. СПБ. Тип. „Общественная Польза". 1886. 8°-. 195 стр.

21) Старо-рязанскій кладъ. Истинное происшествіе. Изд. ред. журн. „Досугъ и Дѣло". СПБ. 1886. Тип. тов. „Общ. Польза". 8°-. 24 стр. (500 экз.) Ц. 15 к.

22) Кавалеристъ-дѣвица Александрова-Дурова. Изд. ред. журн. „Досугъ и Дѣло". СПБ. 1887. Тип. тов. „Общ. польза". 8°-. VIII+255 стр. (2300 экз.) Ц. 1 р.

23) Отечественная война 1812 г. Съ картою и 30 портретами. Изд. ред. журн. „Досугъ и Дѣло". СПБ. 1888. Тип. тов. „Общ. П". 8°-. 1+138 стр. (2000 экз.). Ц. 25 к.

24) Разсказы о нар. войнѣ 1812 г. Изд. ред. журн. „Д. и Дѣло". СПБ. 1888. Тип. тов. „Общ. П." 8°-. 110 стр. (1200 экз.).

25) Перстъ Божій. Ист. разсказъ. Изд. ред. журн. „Д. и Дѣло". СПБ. 1889. Тип. тов. „Общ. Польза". 8°-. 1 нен. +238 (500 экз.) [1]).

---

[1]) Венгеровъ, Русскія книги, т. II, стр. 27, № 3808.

Приведенный списокъ Венгерова, повидимому, далеко не полонъ. Не вошли книги, изданныя подъ псевдонимомъ *Борисъ Волжинъ*: Бесѣды Петербургскаго жителя о сельскомъ хозяйствѣ и домоводствѣ съ воспитанниками удѣльнаго земледѣльческаго училища, СПБ. 1838.

Деревенскій староста Миронъ Ивановъ. СПБ. 1837.

Руководство къ приготовленію молочныхъ скоповъ на училищной фермѣ.

Собраніе ариѳметическихъ задачъ съ примѣрами, заимствованными изъ практики земледѣлія и скотоводства.

Для насъ наиболѣе всего интересны отрывки изъ его мемуаровъ, которые онъ печаталъ въ разныхъ журналахъ:

Въ „Русскомъ Мірѣ" за 1871 г. въ ноябрьскихъ № № есть его статья: „Мое знакомство съ И. Н. Скобелевымъ".

«Русскій Міръ" за 1872 г., № № 89, 91, 101 и 103. „Моя служба при Д. Г. Бибиковѣ".

„Памятники новой русской исторіи", сборникъ, издаваемый *В. Кашпиревымъ*, т. II, СПБ. 1872. В. Б. Изъ воспоминаній *Петербургскаго Сторожила*, стр. 33—102.—два эпизода. II. *Четверги у Н. И. Греча* (стр. 60—102) и есть та статья, на которую (выше, стр. 47) ссылался К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Статьи „Памятниковъ" представляютъ собою сброшюрованные оттиски статей изъ журнала „Заря", гдѣ помѣщена интересующая насъ статья В. П. Бурнашева: „За-

ря" за 1871 г., годъ 3, апрѣль, № 4, ст. I, „Изъ воспоминаній Петербургскаго старожила" В. Б. II. Четверги у Н. И. Греча, стр. 3—45.

„Мое знакомство съ Воейковымъ въ 1830 г. и его пятничные литературные вечера". *Петербургскаго Сторожила В. Б.* „Русскій Вѣстникъ" за 1871 г., т. 95, сентябрь, стр. 250—283 (гл. I—V) и октябрь, стр. 599—636 (гл. VI—VIII; опечатка въ оглавленіи (стр. 2 тома 95-го: VI—IX), т. 96-й, ноябрь, ст. 5. стр. 133—203 (гл. IX—XIII).

„Воспоминанія объ эпизодахъ изъ моей частной и служебной дѣятельности (1834—1850) *Петербургскаго Сторожила.* „Русскій Вѣстникъ" за 1872 г., т. 99, май, ст. 2, стр. 47—129 (гл. I—V), іюнь, ст. 5, стр. 647—716 (гл. VI—VIII); т. 100, іюль, ст. 2, стр. 69—155 (гл. IX—XIII), августъ, ст. 4, стр. 660—737 (гл. XIV—XVIII; опечатки въ оглавленіи: стр. I—гл. IX—XI вм. XIII и стр. 2., гл. XI вм. гл. XIV и—XVI вм. XVIII); т. 101, сентябрь, ст. 2, стр. 104—156 (гл. XIX—XXI), октябрь, ст. 3, стр. 555—613 (гл. XXII—XXIII), т. 102, декабрь, ст. 4, стр. 670—707 (гл. XXIV—XXVII). „Воспоминанія" вышли и отдѣльною книгою.

В. П. Бурнашевъ, повидимому, не исполнилъ своего намѣренія продолжать свои мемуары. Онъ обѣщалъ, напр. (т. 102, стр. 707), статью „Моя служба въ Удѣльномъ земледѣльческомъ училищѣ съ ея послѣдствіями"; но, кажется, эта статья не появлялась въ свѣтъ. Такъ же обѣщаны, но, сколько мы знаемъ, не напечатаны, а можетъ быть, и не написаны статьи: „Моя служба въ военномъ министерствѣ" (т. 101, стр. 106) и „Петербургскія редакціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ" (т. 102, стр. 676 и т. 95, стр. 620).

Мемуары Бурнашева весьма интересны, ибо тамъ собрано множество всякаго рода литературныхъ слуховъ, циркулировавшихъ въ редакціяхъ и въ публикѣ въ 30-е и 40-е годы.

Но насколько они достовѣрны, и въ какой мѣрѣ можно на нихъ ссылаться, это вопросъ совсѣмъ иной. Не вдаваясь въ подробную ихъ критику, отмѣтимъ лишь одну черту воспоминаній Бурнашева, рѣзко бросающуюся въ глаза: онъ постоянно съ очевидною насильственностью старается вмѣстить въ *одинъ* вечеръ событія, имѣвшія мѣсто въ различные періоды.

Вотъ почему авторъ статейки о Бурнашевѣ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ", кн. IX. стр. 42, совершенно правъ, говоря: „интересныя, но мало достовѣрныя *и полныя сплетенъ* „Воспоминанія Петербургскаго Сторожила". Впрочемъ, и самъ авторъ знаетъ за собою грѣхъ недостовѣрности, ибо (т. 102, стр. 703) замѣчаетъ: „моихъ воспоминаній, основанныхъ лишь *на памяти*, способной иногда и *измѣнять* мнѣ". Намъ же думается, что въ этихъ мемуарахъ дѣло не только въ *измѣнѣ* памяти, но подчасъ и въ произвольномъ *измѣненіи* ради большей пикантности и т. п.

Вотъ каковъ источникъ, изъ котораго К. Н. Бестужевъ-Рюминъ почерпнулъ свое безапелляціонное сужденіе о принадлежности „Россіи" Булгарина—Н. А. Иванову. Послушаемъ же, что̀ разсказываетъ В. И. Бурнашевъ объ интересующемъ насъ обстоятельствѣ.

„Въ одинъ изъ четверговыхъ вечеровъ, помню, *Булгаринъ* въ особенности важничалъ, чванился и надувался: и обычный штатъ его съ Владиміромъ *Строевымъ* во главѣ сильнѣе обыкновеннаго льнулъ около своего принципала и прославлялъ его знаменитость. Даже люди степенные и серьезные, не расположенные подличать предъ кѣмъ бы то ни было, а передъ Булгаринымъ въ особенности, не могли, однако, не выражать своего уваженія къ новому труду, который издавался тогда *отъ имени* Булгарина, объявлявшаго во всѣхъ газетахъ, что трудъ этотъ явится черезъ годъ или черезъ $1^1/_2$; между тѣмъ для ознакомленія публики съ этимъ знаменательнымъ произведеніемъ были напечатаны въ „Сѣверномъ Архивѣ" отрывки изъ него; то было обширное сочиненіе, которое должно было явиться въ свѣтъ подъ названіемъ „Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ" въ 6 частяхъ. Причина, почему именно въ этотъ четвергъ Булгаринъ былъ, какъ говорится, выше лѣса стоячаго, заключалась въ томъ, что въ тотъ самый день въ редакціи полученъ былъ послѣдній нумеръ того какого то иностраннаго журнала, въ которомъ глубокій знатокъ славянскаго міра, безсмертный *Шафарикъ*, съ полнымъ уваженіемъ отзывался объ отрывкахъ, напечатанныхъ въ „Сѣверномъ Архивѣ", съ простодушіемъ ученаго мужа *принимая ихъ за трудъ* Булгарина, и выражая только наивное удивленіе о томъ, что въ Булгаринѣ трудно было подозрѣвать такую обширную ученость. Это—можете себѣ представить, до какой

степени раздувало спѣсь Булгарина. Къ тому же восторги и восхваленія сонма льстецовъ усиливали его самообольщеніе. Булгаринъ носилъ отзывъ Шафарика въ карманѣ и то и дѣло всѣмъ показывалъ и читалъ его—въ подлинникѣ или въ переводѣ, сдѣланномъ однимъ изъ сыновей *Греча*; затѣмъ дня черезъ два, въ субботней „Всякой всячинѣ" „Сѣверной Пчелы" этотъ переводъ явился съ самовосхвалительными комментаріями Булгарина.

Изъ многочисленнаго общества, бывшаго въ этотъ четвергъ у Греча, одинъ только баронъ *Розенъ* скептически и недовѣрчиво относился къ труду Булгарина и къ славѣ, этимъ трудомъ уже порожденной [1]). Онъ вообще скептически относился къ литературной и гражданской дѣятельности Булгарина, и всегда, когда послѣдній объявлялъ, что онъ въ своей субботней „Всякой всячинѣ" ругнетъ какое-нибудь изъ произведеній барона, баронъ обращался къ *Н. И. Гречу*, котораго также не очень жаловалъ, и просилъ обыкновенно его о защитѣ своимъ нѣмецко-русскимъ акцентомъ, но рѣчью чисто-русскою безъ малѣйшаго германизма. Вотъ что мнѣ не разъ случалось слышать изъ отзывовъ Розена о Булгаринѣ: „Пожалуйста, скажите этому Вашему Булгарину, что я при первой встрѣчѣ сломаю стулъ объ его голову".—„Только, пожалуйста, не однимъ изъ моихъ стульевъ, любезнѣйшій баронъ", подхватывалъ забавникъ Гречъ, „я только-что обзавелся новою мебелью". Но какъ бы то ни было, а дѣло въ томъ, что еще ни разу Булгаринъ не позволилъ себѣ манкировать чѣмъ бы то ни было вспыльчивому остзейскому барону, и баронъ на основаніи этой своей неприкосновенности постоянно держалъ себя очень безъ чиновъ съ Булгаринымъ [2]). Розенъ [3]) рѣши-

---

[1]) Стр. 90—91.

[2]) Стр. 77.

[3]) Стр. 91.

тельно утверждалъ, что надо имѣть эрудицію далеко не Булгарина, чтобъ написать то, что̀ заключали въ себѣ напечатанные отрывки изъ „Россіи“, которымъ давалась усиленнѣйшая гласность чисто съ издательскими цѣлями, чтобъ благовременно завлечь публику. Баронъ шелъ далѣе и энергически при всѣхъ спорилъ съ Гречемъ и другими, увѣряя, что отрывки эти непремѣнно *куплены* Булгаринымъ у какого-нибудь *бѣднаго ученаго въ Дерптѣ*. Впрочемъ, Гречъ при этихъ спорахъ отстаивалъ Булгарина далеко не съ особенною горячностью, а повидимому, единственно лишь потому, что неловко же было ему отдавать своего такъ называемаго и считавшагося по наружности друга на съѣденіе его врагамъ. Но въ защитѣ его звучала для всякаго сколько-нибудь наблюдательнаго человѣка какая-то сатирическая и насмѣшливая нота. Замѣтно было, что Гречу кое-что извѣстно, но что онъ связанъ даннымъ словомъ хранить секретъ того далеко не искренно любимаго имъ человѣка, съ которымъ связала его судьба по какимъ-то неразгаданнымъ причинамъ, оставшимся, кажется, тайною и по смерти, какъ того, такъ и другого изъ этихъ, какъ ихъ въ то время называли, „Сіямскихъ близнецовъ“.

Въ 1837 г., т. е. $1^1/_2$ года послѣ того четвергова вечера, о которомъ здѣсь разсказано, вышла, наконецъ, эта затѣянная Булгаринымъ книга; заглавіе ея давало инымъ поводъ острить, называя книгу эту „Россія Булгарина“; другіе же съ напускною наивностью замѣчали, читая цѣну этого изданія: „Не дешево же Булгаринъ продаётъ Россію“. Послѣдняя острота, кажется, создалась не безъ участія Греча, или, по крайней мѣрѣ, вышла изъ его дома. Но какъ бы то ни было, слава Булгарина, какъ историка и статистика, благодаря этой истинно замѣчательной книгѣ, крѣпчала и росла, поднимая все выше и выше его имя, такъ что даже самые неблагопріятные ему критики довольствовались лишь упор-

нымъ молчаніемъ, не смѣя сказать ничего основательнаго противъ этого сочиненія. Но вдругъ на горе Булгарину является въ Петербургѣ одинъ нумеръ литературной германской газеты Jenaische Allgemeine Litteraturzeitung со статьею дерптскаго профессора *Крузе*, который немилосердно сорвалъ съ Булгарина тотъ чужой нарядъ, въ какомъ онъ позволилъ себѣ щегольнуть, чтобы пріобрѣсти незаслуженную репутацію ученаго европейскаго. Дѣло въ томъ, что въ числѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ Дерптскаго Профессорскаго Института былъ *Н. А. Ивановъ*, богатый талантами и эрудиціею, но, какъ водится, бѣдный средствами, который, будучи 24-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, возымѣлъ мысль написать сочиненіе, которое представило бы полную картину Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Но мысль, конечно, и осталась бы мыслью—за недостаткомъ средствъ къ приведенію ея въ исполненіе, еслибъ Булгарину не вздумалось обратить идею Иванова въ свое личное прославленіе; онъ принялъ на себя доставить Иванову всѣ средства къ исполненію задуманнаго имъ труда—съ обязательствомъ, однако, чтобы сочиненіе вышло въ свѣтъ не подъ именемъ настоящаго его автора, а подъ псевдонимомъ издателя. Молодой ученый былъ настолько чуждъ литературнаго самолюбія и такъ скуденъ матеріальными средствами, что принялъ это условіе; и вотъ въ 1837 г. явилась *его* книга, истинно знаменательная и прекрасная, но *подъ именемъ не его, а издателя ея*, Ѳ. Булгарина. Трудъ этотъ теперь несправедливо забытъ въ нашей литературѣ и читающей публикѣ; онъ и теперь съ пользою можетъ быть прочитанъ. Безъ сомнѣнія, причиною этого забвенія служитъ стоящее на немъ имя Булгарина, имѣвшаго такъ мало симпатій къ себѣ во всей читающей и мыслящей Россіи, хотя, будучи строго безпристрастнымъ, нельзя не сказать, что вѣдь въ свое время, лѣтъ около 50 передъ симъ Булгаринъ своимъ „Выжигинымъ“ принесъ таки намъ изрядную пользу, разшевеливъ въ

публикѣ желаніе читать русскіе романы, впервые тогда появившіеся; какъ бы то ни было, статья профессора Крузе нанесла въ 1837 же году жестокій ударъ Булгарину, который принужденъ былъ послѣ этого скандала уѣхать изъ Петербурга, не докончивъ изданія своей „Россіи", и долго, долго не возвращаться въ столицу" [1]).

---

[1]) Стр. 93.

Какъ мы видимъ, В. П. Бурнашевъ очень смѣло приписываетъ Ѳаддею Булгарину плагіатъ надъ книгою Н. А. Иванова. Но мы знаемъ, что источникъ этотъ довольно мутный,—и ссылаться на него, совершенно подчиняясь этимъ свѣдѣніямъ, какъ это сдѣлалъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, по меньшей мѣрѣ, рискованно.

Но это „свидѣтельство" Бурнашева теряетъ рѣшительно *всякую* цѣну, если внимательный читатель замѣтитъ, что весь разсказъ Бурнашева объ отношеніяхъ Иванова къ Булгарину—со словъ „мысль написать сочиненіе" etc. (выше, стр. 72, строчка 12-я сверху)—13 строчекъ далѣе есть простая и *дословная* выписка изъ некролога Н. А. Иванова, составленнаго А. А. Котляревскимъ (Ср. выше, стр. 57, строчка 3-я снизу и стр. 58).

Итакъ извѣстіе Бурнашева, какъ мы видимъ, заимствовано у Котляревскаго, некрологъ котораго является единственнымъ первоисточникомъ.

Во всякомъ случаѣ, ни Бестужевъ, ни Бурнашевъ, ни Котляревскій не видали № Jenaische Allgemeine Litteraturzeitung, въ которомъ будто бы было помѣщено разоблаченіе плагіата, сдѣланное профессоромъ Крузе.

Источникъ сплетенъ указывается Бурнашевымъ: изумленіе Шафарика (выше, стр. 69) учености Булгарина породило недовѣріе къ его авторству, напр., въ баронѣ Розенѣ (выше, стр. 71). Булгаринъ жилъ подъ Дерптомъ, гдѣ тогда было

много *ученыхъ*, отъ которыхъ можно было бы позаимствоваться ихъ трудами. Булгаринъ былъ богатъ, а есть ученые бѣдные; значитъ, у нихъ можно сочиненіе *купить* и заставить ихъ деньгами же *молчать*. Настоящій дерптскій нѣмецъ не могъ бы написать „Россію" изящнымъ литературнымъ *русскимъ* языкомъ; значитъ, былъ подкупленъ *русскій* ученый въ Дерптѣ, т. е. кто-либо изъ воспитанниковъ профессорскаго института. Булгаринъ самъ указалъ на Н. А. Иванова, какъ на сотрудника: Ивановъ занимался исторіею и статистикою и пріобрѣлъ уже себѣ нѣкоторую извѣстность. Чего же проще предположить, что именно его то и объегорилъ Ѳаддей Венедиктовичъ? Вотъ приблизительно тѣ ассоціаціи идей, которыя могли привести къ мысли о плагіатѣ и породить новый скверный слухъ о противномъ многимъ Булгаринѣ.

В. П. Бурнашевъ указываетъ на Н. И. Греча, „сіамскаго близнеца" Ѳаддея Булгарина, который якобы зналъ его тайну и только не хотѣлъ ея выдавать. Не оставилъ ли онъ чего-либо относящагося къ нашему вопросу въ своихъ „Запискахъ"?

Всякій, кто читалъ „Записки“ Н. И. Греча, знаетъ, что онъ крѣпко не любилъ своего „ляха“, какъ онъ величаетъ Ѳаддея Булгарина, и ничего, повидимому, не потаилъ изъ запаса своей памяти, что̀ могло бы скомпрометтировать память „Видока Фиглярина“. Не щадилъ своими знаменитыми остротами онъ Ѳаддея при жизни и въ глаза, не пощадилъ его по смерти и въ своихъ „Запискахъ“. Онъ разоблачилъ его самыя неприглядныя дѣянія и стороны характера. Не утаилъ бы Н. И. и исторіи съ плагіатомъ въ „Россіи“, если бы былъ въ немъ увѣренъ,—тѣмъ болѣе, что онъ разсказываетъ про своего друга Ѳаддея одну совершенно аналогичную, и даже прямо параллельную исторію:

„Ему (Булгарину) хотѣлось заработать что-нибудь литературною работою. Онъ вздумалъ издать „Оды“ Горація съ комментаріями *Ежевскаго* и другихъ критиковъ; но самъ онъ зналъ по латыни очень плохо, просто сказать, зналъ этотъ языкъ, какъ какая-нибудь полька, посѣщающая католическую церковь. Ему помогъ одинъ мой родственникъ, и книжка вышла изрядная. Ежевскій и нѣкоторые другіе латинисты жаловались на заимствованіе ихъ примѣчаній, но *Булгаринъ оправдывался тѣмъ, что упомянулъ объ этихъ заимствованіяхъ въ своемъ предисловіи*“ [1]).

---

[1]) Н. И. Гречъ, Записки о моей жизни, изд. Суворина, 1886, стр. 449.

Булгаринъ упомянулъ о позаимствованіяхъ въ предисловіи къ „Одамъ“ и считалъ себя совершенно правымъ, свободнымъ отъ упрека въ плагіатѣ. Точно такъ же поступилъ онъ и въ предисловіи къ „Статистикѣ“ въ „Россіи“: онъ *упомянулъ* о сотрудничествѣ Н. А. Иванова. Не даетъ ли это намъ права провести аналогію плагіата и по отношенію къ „Россіи“? Но Гречъ и прямо высказалъ свое мнѣніе о „Россіи“: см. статью—„Исторія перваго энциклопедическаго лексикона въ Россіи“ (изъ записокъ Н. И. Греча) въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1870 г., г. VIII, № 7, столбцы 1247—1272 (сообщено изъ бумагъ Н. И. Греча):

....„Булгаринъ, живя въ Дерптѣ, собиралъ разные историческіе и статистическіе матеріалы о Россіи, *при помощи* проф. Н. А. Иванова (бывшаго потомъ въ Казани и наконецъ опять въ Дерптѣ), и *облившй* ихъ мнимо патріотическимъ *соусомъ*, вздумалъ издать подъ заглавіемъ „Россія“ etc... Сочиненіе это ограничилось 4 томами и оказалось слабою, вялою компиляціею. Булгаринъ взялся не за свое дѣло“ (прим. при столбцѣ 1267).

Что же говоритъ здѣсь Н. И. Гречъ? Онъ вовсе не выдаётъ труда Ѳ. В. Булгарина за плагіатъ, а полагаетъ лишь, что тотъ, обработывая этотъ трудъ *самъ*, взялся не за свое дѣло. Участіе Иванова (не только въ статистической, но и въ исторической части) Гречъ принимаетъ, но лишь при *собираніи* матеріаловъ, но никакъ не въ *обработкѣ* (которая принадлежитъ Булгарину), т. е. приписываетъ Иванову гораздо меньше, чѣмъ самъ Булгаринъ, который признавалъ за Ивановымъ сотрудничество даже въ обработкѣ статистики. Значитъ, и столь недоброжелательный къ своему сотруднику и союзнику—и вообще злорѣчивый Н. И. Гречъ всецѣло признавалъ *авторство* (т. е. идею и принципы построенія

изложенія—*исторіи* во всякомъ случаѣ, ибо въ статистикѣ и самъ Булгаринъ не признавалъ себя достаточно самостоятельнымъ) Булгарина и—замѣтимъ—даже вовсе не упоминаетъ о статьѣ Крузе, которой бы онъ не могъ не знать, если бы В. П. Бурнашевъ былъ правъ въ своемъ разсказѣ (выше, стр. 71).

Теперь мы видимъ, насколько вопросъ объ участіи Н. А. Иванова въ „Россіи" Булгарина рѣшается „авторитетными" свидѣтельствами К. Н. Бестужева, А. А. Котляревскаго и Н. И. Греча.....

Предшествующее наше изслѣдованіе можно резюмировать слѣдующимъ образомъ:

Нѣкоторая доля участія Н. А. Иванова въ собираніи матеріаловъ для книги „Россія", а можетъ быть, и въ ея обработкѣ, участіе, которое призналъ даже самъ Ѳ. В. Булгаринъ въ предисловіи къ „Статистикѣ", подало поводъ къ различнаго рода сплетнямъ въ литературныхъ кружкахъ. Плагіатъ былъ де разоблаченъ въ статьѣ дерптскаго профессора *Крузе*, хорошо знакомаго и съ Ивановымъ, какъ своимъ ученикомъ, и, вѣроятно, съ Булгаринымъ, какъ жителемъ Дерпта, втиравшимся въ ученые кружки. Въ печать эти слухи проникли уже по смерти Иванова—и притомъ двумя путьми: 1) въ некрологѣ Иванова, составленномъ А. А. Котляревскимъ, который не разъ допрашивалъ его лично объ исторіи съ Булгаринымъ и добился отъ него упоминанія о статьѣ Крузе, и 2) въ мемуарахъ В. П. Бурнашева, тоже ссылавшагося на статью Крузе, но тоже ея не видавшаго и, повидимому, все заимствовавшаго изъ того же некролога у Котляревскаго. Тогда К. Н. Бестужевъ-Рюминъ смѣло положился на показаніе Бурнашева и помѣстилъ даже въ своемъ учебникѣ (см. выше, стр. 47), какъ положительный и *доказанный* фактъ, извѣстіе о плагіатѣ Булгарина, ссылаясь опять таки на статью Крузе по ссылкѣ (!) на него Бурнашева, взявшаго эту ссылку у Котляревскаго.

Для того, чтобы окончательно рѣшить вопросъ, необхо-

димо, слѣдовательно, разыскать статью Крузе, которая, однако, *никѣмъ* изъ ссылающихся на нее точно не цитируется—по той очень простой причинѣ, что они лишь *слышали* о ней, но никогда ея не видали.

Такъ мы и сдѣлали—стали разъискивать статью Крузе по цитатѣ: Jenaische Allgemeine Litteraturzeitung (!). Кто когда-либо видалъ эту газету, знаетъ, какъ легко отыскать въ ней—безъ указателя и безъ точнаго обозначенія—одну отдѣльную рецензію.

Карлъ Германъ Фридрихъ фонъ Крузе (1790—1866 г.) былъ профессоромъ исторіи при Дерптскомъ университетѣ съ 1828—1854 г. Свѣдѣнія о немъ и списокъ его сочиненій помѣщены у Recke u. Napiersky, Allgemeines Schriftsteller— und Gelehrten-Lexicon, B. II (G—K). Mitau, 1829, p. 566—567 и въ I томѣ Nachträge und Fortsetzungen, 1859, p. 335 - 342. Статьи объ Ивановѣ и Булгаринѣ въ спискѣ его трудовъ не числится. Правда, сказано (стр. 341), что Крузе былъ сотрудникомъ и въ *Іенской*, и въ *Халльской* „Литературныхъ газетахъ".

Затѣмъ я взялъ года Jenaische Allgemeine Literatur-Zeitung съ 1837 по 1842 г., т. е. перелистовалъ журналъ, листъ за листомъ—за 6 лѣтъ, перелистовалъ неоднократно, но *никакой статьи Крузе*, разоблачающей плагіатъ Булгарина надъ книгою Иванова, *не нашелъ*! Продолжать поиски въ 1843 г. и далѣе я считалъ уже безцѣльнымъ, ибо и Бурнашевъ указываетъ, якобы эта статья Крузе появилась въ Jenaische Literatur-Zeitung въ 1837 г. (выше, стр. 72—73).

Статьи Крузе попадаются въ „Іенской Газетѣ" за 1837 годъ. Но о Булгаринѣ статьи Крузе здѣсь не имѣется.

Мы отыскали рецензію на трудъ Булгарина и въ „Іенской газетѣ", но рецензію не Крузе, и не на русскій подлинникъ, а на нѣмецкій переводъ „Россіи".

Russland in historischer, statistischer, geographischer und literarischer Beziehung dargestellt von *Thaddaeus Bulgarin.* Ein Handbuch für Gebildete jeden Standes. Mit Genehmigung und unter Mitwirkung *des Verfassers* aus dem Russischen übersetzt von *H. v. Brackel*, Riga und Leipzig, bei Eduard Frantzen, 1839 (4 Rthlr). Вышелъ, сколько я знаю, одинъ томъ исторіи и одинъ томъ статистики.

Рецензія подписана A. H. L. и помѣщена въ № 90 Jenaische Allgemeine Literatur-Zeitung, Mai 1840, стр. 233—239. На стр. 234—235 стоитъ:

Die erste Abtheilung der Statistik hat eine allgemeine und eine besondere Einleitung in die russische Statistik, ihre Quellen und wichtigsten Hülfsmittel *gesammelt unter Mitwirkung des* Gelehrten *Ivanow,* welchen Dorpat für diese und andere gemeinnützige Wissenschaften bildete.

Разоблаченій никакихъ нѣтъ. Свѣдѣнія, очевидно, заимствованы изъ предисловія Булгарина (см. выше).

Принимая въ соображеніе, что Крузе, кромѣ Іенской, сотрудничалъ еще въ Халльской Газетѣ, которая тоже называется Allgemeine Literatur-Zeitung и издавалась одновременно съ Іенскою, я взялъ еще *шесть годовъ* Халльской газеты и тоже перелистовалъ ихъ, страницу за страницей—и съ тѣмъ же самымъ успѣхомъ, или вѣрнѣе, неуспѣхомъ: *никакой статьи Крузе*, разоблачающей плагіатъ Булгарина, *я не нашелъ.*

Равнымъ же образомъ я нашелъ и здѣсь рецензію на нѣмецкій переводъ „Россіи“: Allgemeine Literatur-Zeitung. Halle u. Leipzig, за 1840 г. September, № 165, стр. 97—104 (двустолбцовыя), № 166, стр. 105—$^1/_2$110. Рецензія подписана n. Въ № 165, стр. 101—102 мы читаемъ: Uebrigens dürfen wir es aber nicht unerwähnt lassen, dass Hr. Bulgarin die *Verarbeitung* der *von ihm gesammelten Data* nicht selbst übernommen, sondern dem Herrn *Iwanov* überlassen, mit dem er jedoch fortwährend über die Art der Verarbeitung Rücksprache genommen hat.

Разоблаченій никакихъ нѣтъ и здѣсь. Свѣденія тоже изъ предисловія.

Любопытно, что рецензентъ *Іенской* газеты обратилъ вниманіе на помощь Иванова при *собираніи* матеріала, а критикъ *Халльской* газеты приписываетъ Иванову *обработку* данныхъ, собранныхъ *Булгаринымъ*.

Итакъ, статья Крузе, которую упоминаютъ Котляревскій и (съ его словъ?) Бурнашевъ, несмотря на самые тщательные поиски, *не могла* быть мною отыскана. Да существовала она и вообще реально? Кто ее самъ видѣлъ или читалъ?

Предположимъ, что мнѣ, несмотря на неоднократные, самые тщательные поиски, не посчастливилось найти статьи Крузе, и она ускользнула отъ моего вниманія. Но, какъ мнѣ извѣстно, эту статью разыскивалъ и до меня еще одинъ ученый, съ которымъ мнѣ пришлось вести о томъ бесѣду. Это—почтенный славистъ *М. П. Петровскій*, который былъ лично знакомъ съ Н. А. Ивановымъ, слушалъ его курсы, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма интересовался въ книгѣ „Россія" мыслями о славянской исторіи. Ему очень хотѣлось опредѣлить настоящаго хозяина этихъ мыслей..... Но и его поиски статьи Крузе были, подобно моимъ, совершенно *тщетны*. М. П. Петровскій вообще склоненъ отрицать существованіе этой загадочной статьи. Хозяиномъ и владѣльцемъ идей „Россіи" М. П. Петровскій, какъ передавалъ онъ мнѣ, готовъ считать скорѣе Булгарина, а не Иванова.

Я отклоняю отъ себя,—предоставляю спеціалистамъ по славянской исторіи—внутренній анализъ мыслей „Россіи" и не стану разбирать, кому вѣроятнѣе онѣ могутъ принадлежать—Н. А. Иванову, или Ѳ. В. Булгарину. Одно кажется мнѣ безспорнымъ: предположеніе о полномъ плагіатѣ Булгарина, какъ его со словъ Бурнашева повторяетъ К. Н. Бестужевъ, нужно считать вполнѣ неосновательнымъ. Булгаринъ *не укралъ* книги Н. А. Иванова. А въ какой мѣрѣ содѣй-

ствовалъ Н. А. Ивановъ Ѳ. В. Булгарину при собираніи матеріаловъ, или и при обработкѣ ихъ, и притомъ по одной ли статистикѣ, или также по исторіи, этихъ вопросовъ нельзя рѣшить окончательно—за недостаткомъ данныхъ. Все дѣло о сотрудничествѣ Н. А. Иванова въ „Россіи“ Ѳ. В. Булгарина, вѣроятно, навсегда останется темнымъ.

III.

Нѣкоторыя свѣденія о научно-литературной дѣятельности Д. М. Велланскаго.

Имя Д. М. Велланскаго теперь довольно часто упоминается въ разныхъ статьяхъ и этюдахъ, гдѣ заходитъ рѣчь объ исторіи русской мысли, и въ частности объ одномъ эпизодѣ ея—шеллинговскихъ увлеченіяхъ. Но такъ какъ у насъ до сихъ поръ все еще, что̀ касается области исторіи философіи въ Россіи, заботятся только о построеніи „общихъ схемъ", опуская предварительный, „чернорабочій", но необходимый трудъ детальнаго и монографическаго изслѣдованія первоисточниковъ (Quellenstudien), то и, говоря о Велланскомъ, ограничиваются почти исключительно общими мѣстами, да нѣкоторыми случайными фактами, наудачу выхваченными изъ статьи *Н. И. Розанова*, представляющей неисчерпаемый источникъ для такихъ позаимствованій [1]).

Замѣчая этотъ недостатокъ подлинныхъ свѣденій о Д. М. Велланскомъ, мы уже дважды обращались къ этой личности и ея трудамъ, во II и III томахъ книги „Философія въ Россіи".

---

[1]) О Н. И. Розановѣ см. «Философія въ Россіи», т. II, стр. 244—255.

Тамъ мы сопоставили по возможности полную библіографію и литературу предмета, собрали въ едино письма Д. М-ча и наконецъ впервые ознакомили читателя съ неизданнымъ еще, отысканнымъ нами, послѣднимъ трудомъ Велланскаго о животномъ магнетизмѣ, въ свое время не появившимся въ свѣтъ въ силу цензурнаго запрещенія. Тамъ же мы привели и полное описаніе содержанія этого сочиненія, и нѣкоторые изъ него отрывки. На этотъ разъ мы намѣрены представить нѣкоторыя свѣденія о научно-литературной дѣятельности Д. М. Велланскаго, преимущественно, изъ ранняго ея періода.

Какъ извѣстно, Велланскій открылъ свое литературное поприще очень рано, еще студентомъ—переводомъ съ нѣмецкаго языка на русскій медицинскаго учебника. То были „Начальныя основанія врачебныя науки“ *Мецгера.* Будучи кандидатомъ медицины и хирургіи (т. е. не имѣя еще званія лекаря) [1]), онъ къ Мецгеру прибавилъ еще переводъ большого учебника клинической медицины *Селле.*

При современныхъ успѣхахъ и прогрессѣ медицины вновь появляющіяся терапевтическія средства и теоріи рѣдко живутъ въ наукѣ долѣе нѣсколькихъ лѣтъ. Насколько же любопытно должно быть для современнаго медика ознакомиться съ учебниками медицины, употреблявшимися въ одномъ изъ главныхъ русскихъ разсадниковъ медицинскаго знанія—въ Медико-хирургической (нынѣ Военно-медицинской) академіи—за столѣтъ до настоящаго времени!

Ради экономіи мѣста мы должны при ознакомленіи съ этими учебниками довольствоваться немногимъ. Мы приведемъ лишь общіе планы обоихъ учебниковъ (Мецгера и Селле). Къ этому присовокупимъ краткія біографическія свѣдѣнія объ указанныхъ медицинскихъ авторахъ.

Исторія русской медицинской терминологіи и номенклатуры, лексикографія русскаго медицинскаго языка—предметъ,

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 62.

еще совсѣмъ не затронутый. А между тѣмъ даже и наши краткіе матеріалы, приводимые ниже, даютъ богатый матеріалъ для такого будущаго историческаго лексикона русской медицины. Для Wellansky-Forscher не можетъ не быть интереснымъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Д. М. являлся, повидимому, самъ творцемъ неологисмовъ и новыхъ терминовъ.

Іоганнъ Даніель *Metzger* родился 7 февраля 1739 г. въ Страсбургѣ, изучалъ тамъ же медицину подъ руководствомъ Лобштейна и въ 1766 г. удостоенъ степени доктора медицины по защитѣ диссертаціи De primo pare nervorum (анатомическое описаніе обонятельныхъ нервовъ на основаніи собственныхъ изслѣдованій). При томъ же университетѣ онъ сталъ приватъ-доцентомъ, а затѣмъ принцъ Bentheim in Steinfurt назначилъ его своимъ лейбъ-медикомъ, надворнымъ совѣтникомъ и санитарнымъ инспекторомъ своей столицы. Въ 1777 г. онъ перешелъ въ кёнигсбергскій университетъ профессоромъ и преподавалъ постепенно анатомію, физіологію, патологію, хирургію, въ особенности же судебную медицину. Умеръ онъ 16 сентября 1805 года.

Мецгеръ обладалъ трезвымъ умомъ и большими свѣдѣніями въ области медицины и естественныхъ наукъ. Особенно цѣнились его труды по судебной медицинѣ, както:

Gerichtlich-medicinische Beobachtungen, 2 тома. 1778, 1779.

Neue ger.-med. Beobachtungen, 1798.

Handbuch der Staatsarzneikunde, enthaltend die medicinische Polizei und gerichtliche Arzneiwissenschaft, 1787.

Ueber die Kennzeichen des Todes und den auf die Ungewissheit derselben gegründeten Vorschlag, Leichenhäuser zu errichten, 1792.

Animadversiones ad docimasiam pulmonum, 1787.

Materialien für Staatsarzneikunde und Jurisprudenz, 2 Stücke, 1792, 1795.

System der gerichtl. Arzneiwissenschaft, 1793—1798; V изданіе, приготовленное *W. H. G. Remer*'омъ, 1820.

Gerichtlich-med. Abhandlungen (какъ приложеніе къ третьему изданію „Системы") въ 2 частяхъ, 1803, 1804.

Работы меньшаго объема появлялись либо въ университетскихъ изданіяхъ, либо въ Vermischte med. Schriften 3 т. 1781—84 и Neue vermischte med. Schriften, 1800.

Кромѣ того, существуетъ рядъ работъ Мецгера по анатоміи, физіологіи, хирургіи, практической медицинѣ и исторіи медицины.

Всѣ труды Мецгера перечислены въ Bibliographie médicale, VI, 268; у Энгельманна (не всѣ) въ Bibliotheca med.-chir., 1848, 375—376.

Наконецъ, нужно отмѣтить брошюры и книги Мецгера, въ которыхъ онъ отзывался на дебатировавшіеся тогда медицинскіе вопросы общаго характера. Таковы:

Ueber Irritabilität und Sensibilität als Lebensprincipien in der organischer Natur, 1794 (противъ Броуна),

Programma, quo somnambulismus magneticus hodie solemnis perstringitur, 1787 (противъ Месмера и его послѣдователей).

Ueber den menschlichen Kopf in anthropologischer Rücksicht, 1803 (критика теоріи Галля).

Д. М. Велланскій перевелъ на русскій языкъ нижеслѣдующее сочиненіе Мецгера:

Grundsätze der sämmtlichen Theile der *Krankheitslehre*. Ein Lehrbuch von D. Iohann Daniel *Metzger*, Hofrath und der A. W. ordentl. Professor. Königsberg, 1792, bey Gottlieb Leberecht Hartung (съ виньеткой: Эскулапъ). Титулъ + Vorrede III—XII (подп. Ostermesse, 1792. M.) + Inhalt XIII—XVI + Einleitung 1—4 (12 §§) + тит. (I. Pathologie) + 7—50 (§§ 13—205) + тит. (II. Semiotik) 53—136 (§§ 1—480) + тит. (III. Therapie) 139—176 (§§ 1—190). Форматъ—8.

Въ патологіи: A). Nosologie, §§ 18—33 (стр. 8—11), B). Aetiologie, §§ 34—49 (стр. 11—15), C). Symptomatologie, §§ 50—66 (стр. 15—18), D). Verschiedenheiten der Krankheiten unter sich, §§ 67—166 (стр. 18—41), E). Zufällige Verschiedenheiten der Krankheiten, §§ 167—199 (стр. 41—49), F). Ursprünge der Krankheiten, §§ 200—204 (стр. 49—50), G). Wirkungen der Krankheiten—§ 205, стр. 50.

Въ семіотикѣ: I) Veränderte äussere Beschaffenheit des Körpers, §§ 27—64 (стр. 57—63), II) Lebensverrichtungen, §§ 65—128 (стр. 63—75) III) Thierische Verrichtungen, §§ 129—215 (стр. 75—89), IV) Natürliche Verrichtungen, §§ 216—268 (стр. 90—98), V) Geschlechts-Verrichtungen, §§ 269—301 (стр. 99—104), VI) Ausführungen, §§ 302—438 (стр. 104—127), VII) Von der Coction, Crisis und den kritischen Tagen, §§ 439—462 (стр. 127—132), VIII) Von der Bösartigkeit in Krankheiten, §§ 463—469 (стр. 132—134), IX) Kennzeichen des Todes, §§ 470—480 (стр. 134—136).

Въ терапіи: I) Heilkräfte der Natur, §§ 8—32 (стр. 140—145), II) Heilkräfte und Wirkungsart der Arzeneymittel, §§ 33—101 (стр. 145—158), III) Die Indicationen, §§ 102—111 (стр. 158—160), IV) Aetiologische Classification der Krankheiten, und darauf anwendbare Heilmethoden, §§ 112—190 (стр. 160—176).

Теперь для сравненія мы приведемъ то же расположеніе содержанія и общій планъ сочиненія Мецгера по его русскому переводу. Книга появилась подъ такимъ заглавіемъ:

Начальныя основанія всеобщихъ частей врачебныя науки. Учебная книга сочиненная Д. Іоанномъ Даниломъ *Мецгеромъ*, надворнымъ совѣтникомъ и врачебнаго искусства ординарнымъ профессоромъ. Въ Кенигсбергѣ 1792 г. Перевелъ съ нѣмецкаго С.П. Медико-Херургической Академіи студентъ *Данило Веллански*. Иждивеніемъ Государственной Медицинской Коллегіи. Въ Санктпетербургѣ, 1799 года. Его Превосходительству Господину Тайному Совѣтнику, Его Императорскаго Величества дѣйствительному каммергеру, Государственной Медицинской Коллегій Президенту и Кавалеру *Василію Николаевичу Зиновьеву*, Милостивому Государю посвящается сей трудъ въ знакъ глубочайшаго почитанія, благодарности и преданности отъ переводчика.—Малая 8°, стр. 222+2 ненум. „оглавленіе содержанія".

Послѣ введенія въ книгѣ изложена I) *патологія*, которая раздѣляется: A) *нозологія* (стр. 11), B) *этіологія* (16), C) *симптоматологія* (21), D) различія болѣзней, каковыми бываютъ: 1) болѣзни жизненныхъ силъ (26), 2) органическія болѣзни (31), 3) порчи соковъ (35) (остроты, недостатки каждой жидкости порознь), 4) неравное содержаніе между твердыми и жидкими частями (48); пороки въ сосудахъ, совратность жидкостей, ненадлежащее ихъ количество и непорядочное движеніе соковъ. E) Случайныя различія болѣзней по 1) ихъ происхожденію, 2) мѣстопребыванію, 3) прохожденію, 4) степени, 5) свойству и 6) окончанію. F) Происхожденіе и G) Дѣйствія болѣзней.

II) *Семіотика* (стр. 70) излагаетъ: I) измѣненіе наружныхъ качествъ тѣла (лицо и его части, все тѣло и каждая часть онаго, цвѣтъ и теплота тѣла, положеніе и поступки больного), II) Жизненныя дѣйствія (84) (біеніе сердца и

боевыхъ жилъ, дѣйствительные роды пульса, недовольно опредѣленные роды пульса, дыханіе), III) Животныя (стр. 99) дѣйствія; произвольное движеніе мышцъ: А) умноженное, Б) умаленное; употребленіе чувствъ, чувствительность вообще, поврежденіе чувственныхъ орудій, внутреннія чувства; IV) Естественныя дѣйствія (стр. 118), V Дѣйствія пола (стр. 130): А) мужескаго и Б) женскаго, VI) Испражненія (стр. 137): кровотеченія, свойство вытекшей, или изъ жилы выпущенной крови, потъ, слюнотеченіе, харкотина, моча, рвота, испражненіе низомъ, VII) О свареніи, переломѣ и переломныхъ дняхъ (165), VIII) О злости въ болѣзняхъ (172), IX) Признаки смерти (стр. 174).

III) *Терапія* трактуетъ о I) Спасительныхъ силахъ природы (178), II) О цѣлительныхъ силахъ и дѣйствіи лекарствъ (184), о ядахъ, III) Показаніяхъ (стр. 200) и IV) о расположеніи болѣзней, основанномъ на причинахъ и пристойныхъ къ тому способахъ лѣченія.

Христіанъ Готлибъ *Selle* (собственно Sell), врачъ и философъ, сынъ кузнеца, родился 7 октября 1748 г. въ Штетинѣ, ребенкомъ переѣхалъ въ Берлинъ, изучалъ у своего вотчима, аптекаря Кёлера, фармацію, готовился выселиться въ Швецію—аптекарскимъ помощникомъ, но случайно остался въ Берлинѣ, гдѣ и сдѣлался вольнослушателемъ медицинскаго факультета. Затѣмъ онъ изучалъ медицину въ Гёттингенѣ, гдѣ занимался спеціально ученіемъ о лихорадкѣ. Въ 1770 г. въ Халле С. получилъ степень доктора медицины за диссертацію Methodi febrium naturalis rudimenta. Послѣ защиты ея онъ занимался вольною практикою въ Берлинѣ, издалъ переводы *Brocklesby*, Medicinische und ökonomische Beobachtungen zur Verbesserung der Kriegslazarethe, Berlin, 1772 и *Cadohan*, Von der Gicht, а также оригинальное сочиненіе Rudimenta pyretologiae methodicae, Berlin, 1773 (III изданіе 1789), доставившее ему извѣстность, и сразу троекратно переведенное на французскій языкъ—*Montblanc*, Lyon, 1802, *Clanet*, Toulouse, 1802 и *Nauche*, Paris, 1802 и 1817. Въ 1774 г. онъ сопровождалъ въ Петербургъ невѣсту Цесаревича Павла. По возвращеніи онъ сдѣлался врачемъ при князѣ-епископѣ Эрмеландскомъ съ пребываніемъ въ Heilsberg, но въ 1777 году отказавшись отъ этого мѣста, возвратился въ Берлинъ, гдѣ и прожилъ всю жизнь до смерти. Онъ умеръ въ 1800 г. 9 ноября отъ чахотки.

Въ Берлинѣ онъ былъ назначенъ врачемъ при Charité, гдѣ онъ собралъ матеріалы для своей Medicina clinica oder Handbuch der med. Praxis, имѣвшей за время 1781—1801 г. восемь изданій и переведенной на французскій языкъ *Coray*, 1796, Montpellier, и на латинскій Куртомъ *Шпренгелемъ*, Berlin, 1797. Тамъ же Селле издалъ свои извѣстные Neue Beyträge zur Natur-und Arzneiwissenschaft (первыя 2 части, 1782, 3-я—1786), переведенные на французскій языкъ *Coray*, Paris, 1796. По смерти Муцеля Селле сталъ лейбъ-медикомъ Фридриха Великаго, котораго онъ пользовалъ до самой смерти, и о которомъ онъ составилъ Krankheitsgeschichte des höchstseligen Königs von Preussen Friedrich's II Majestät. Berlin, 1786. Онъ былъ также лейбъ-медикомъ Фридриха-Вильгельма II. Въ 1798 г. онъ былъ назначенъ вторымъ директоромъ въ Collegium medico-chirurgicum. Съ 1786 г. Селле былъ членомъ королевской академіи наукъ и 10 лѣтъ (до самой смерти) состоялъ директоромъ ея философскаго класса.

Литературная дѣятельность Селле не ограничивалась медициною. Онъ извѣстенъ и въ философіи, какъ противникъ Канта и защитникъ „эмпиризма".

Селле написалъ Philosophische Gespräche, 2 ч., Berlin, 1780, Grundsätze der reinen Philosophie, 1788, Berlin, и рядъ статей философскаго содержанія, помѣщенныхъ, частью въ Berliner Monatschrift (1783—90), частью въ „Мемуарахъ"; философскія соображенія имѣются и въ Urbegriffe von der Beschaffenheit, dem Ursprunge und Endzwecke der Natur, Berlin, 1776, и въ Einleitung in das Studium der Natur und Arzneiwissenschaft, тамъ же, 1777, II изд. 1787 г., французскій переводъ *Coray*, Montpellier, 1795.

Кромѣ того, Селле перевелъ еще нѣсколько книгъ съ французскаго языка на нѣмецкій и написалъ сочиненіе о животномъ магнитизмѣ (помѣщено въ Berliner Monatschrift за 1789 г.)

По смерти Селле *Merian* читалъ въ академіи éloge въ его честь.

Сочиненіе Селле, послужившее Велланскому для перевода, было, повидимому, въ Германіи очень распространено и пользовалось широкою извѣстностію. Въ подлинникѣ оно носитъ слѣдующее заглавіе:

D. Christian Gottlieb *Selle*, Königlichen Geheimen Raths und Professors; der Königlichen Akademieen der Wissenschaften zu Berlin und zu Stockholm, der Königl. Societät der Aerzte zu London und der Gesellschaft schweizerischen Aerzte; des Königl. Armendirectorii Mitgliedes nnd Arztes des Charitee-Hauses zu Berlin, *Medicina clinica* oder *Handbuch* der medicinischen Praxis. Siebente verbesserte Auflage. Mit Königl. Preuss. wie auch Churfürstl. Sächs. Privilegien. Berlin, 1797. Bei Christian Friedrich Himburg. Тит. (съ виньеткой: богиня подъ деревомъ льетъ изъ чаши) + III—IV (предисловіе) + Inhalt V—XVI + Medicina clinica 1—4 + тит. (Pathologische und theraupeutische *Bestimmung* der Krankheiten) + 7—522 + тит. (Auswahl und nähere Bestimmung der *Arzeneymittel*) + 525—526 + Arzeneymittel 527—648.

Къ VIII посмертному изд. прибавленъ гравированный портретъ автора. Подъ нимъ печатно: Christian Gottlieb Selle. Geb. zu Stettin den 7. ten Oct 1748. Gest. in Berlin den 9. ten Nov. 1800. Титулъ тотъ же, но безъ виньетки. Achte, *unveränderte* Auflage. Mit Königlich—Preussischem Privilegium. Berlin, 1802 etc. Перепечатано страница въ страницу, за исключеніемъ Inhalt (V—XIV).

Переводъ Велланскаго вышелъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Практическая медицина или книга о познаніи и лѣченіи болѣзней человѣческихъ. Соч. Д. Христіана Готлиба Селле. Перевелъ съ нѣмецкаго, изъ седмаго изданія С. П. Медико-хирургической Академіи Кандидатъ Медицины и Хирургіи

Данило Велланскій. СПБ, 1802, 8-°, 16+792+12 стр. (ненум. „оглавленіе“). Второе изданіе вышло въ 1806 г. въ 8-°.

Ознакомимся теперь съ содержаніемъ книги. Она носитъ чисто практическій характеръ и разбита на множество отдѣльныхъ маленькихъ главокъ, изъ коихъ каждая посвящена какой-либо одной болѣзни,—нѣчто вродѣ нынѣшнихъ „самолѣчебниковъ“. Послѣ симптомовъ указывается терапія болѣзни и средства. Посмотримъ же, какія болѣзни извѣстны были нашимъ медикамъ сто лѣтъ тому назадъ, сколько бичей человѣческаго здоровья они насчитывали.

Паѳологическое и Ѳерапевтическое изъясненіе болѣзней. О лихорадкахъ: непрерывныя лихорадки, простая воспалительная л., гнилая л, послабляющія, желчныя лихорадки (воспалительная ж. л., гнилая ж. л.), слизистыя, неправильныя, скоротечная чувственножильная л., тихая ч. л., перемѣжающіяся лихорадки (желчная, желчновоспалительная, желчногнилая, злая, продолжительная пер. лих.).

О лихорадочныхъ припадкахъ: жаръ, ознобъ, жажда, недостатокъ позыва на пищу, тошнота и рвота, вѣтры, запоръ брюха, поносъ, кровотеченіе, потъ, лихорадочная слабость, бдѣніе, изумленіе (stupor), бредъ, сонливость (sopor), судороги, тоска. О воспаленіяхъ; жаба, воспаленіе легкихъ, колотье въ бокахъ (pleuritis), воспаленіе надлегочной плевы (pleuroperipneumonia), грудобрюшной преграды, печени, желудка, кишекъ, почекъ, мочевого пузыря, матки. Лихорадка съ рожею. Огненный вередъ (carbunculus). Сыпи. Моровая язва. Оспа; ложная оспа или лопуха. Корь; краснушки (rubeolae). Пурпуровая лихорадка (febris scarlatina), кропивная л. (febris urticata), лих. съ просообразною сыпью (f. miliaris), пузырьчатая л. (f. bullosa), молочница (aphthae), кровавыя пятна (petechiae). Ревматизмы: скоротечный, продолжительный. Ломотныя болѣзни, ломоты (arthritis), подагра. Простуды (cararrhus); насморкъ (coryza), простудная жаба, прост.

кашель; ложное воспаленіе легкихъ. Кровавый поносъ (dysenteria), холера. Кровотеченіе (изъ рта—stomacace, изъ носа), кровохарканіе (haemoptysis), кровавая рвота. Непорядочное очищеніе, недостатокъ его, противоестественное кровотеченіе изъ дѣтор. женскихъ частей. Почечуйные припадки (кровавый текучій почечуй, тек. слизистый п., п—й мочеваго ствола, слѣпой п.). Глисты или черви (мѣлкіе—ascarides et trichurides, круглые —lumbrici, плоскіе—taenia). Желтуха. Любострастныя болѣзни (закоренѣлая люб. бол., шанкеръ, люб. бѣлая грыжа, люб. теченіе бѣли, паховикъ—bubo, люб. опухоль яичекъ, опухоль красной плоти—phimosis et paraphimosis, любострастное поврежденіе предстоящей желѣзы, люб—ыя шишки—condylomata, пятнышки и любостр—я бородавки, люб. болѣзни костей). Цынга. Желваки (scrophulae). Аглинская болѣзнь (rachitis). Педартрокація (paedarthrocace). Продолжительныя сыпи (exanthemata chronica): золотуха (crusta lactea), тѣменица (achores), струпъ (favus), шолуди (tinea capitis), ковтунъ (plica polonica), лишай (herpes), чесотка, проказа (lepra), слоновая кожа. Продолжительныя язвы: мѣстная хорошая язва (ulcus locale benignum), мѣстная злокачественная язва (u. l. pravum); язвы, отъ желчной остроты происходящія, любострастныя, цынготныя, скрофулозныя язвы. Разрѣшающій лишай (herpes exedens), ракъ (cancer), костоѣдица (caries), антоновъ огонь (gangraena). Опухоли (пасочныя, ревматическая опухоль въ членахъ, скрофулозная оп. въ составахъ, костоѣдица въ позвонкахъ (caries vertebrarum); водяныя опухоли, хладная оп. ногъ, повсюдная водяная болѣзнь и обрюзглость (hydrops anasarca et leucophegmatica). Водяная болѣзнь брюшная, грудная; водяная б. брюшины, яичника (ovarii), маточная, мошонки (hydrops scroti), яичекъ (hydrocele), головная (hydrocephalus), мозга; раздвоенная ость (spina bifida), вод. болѣзнь въ составахъ. Воздушныя опухоли, закожная возд. оп. (emphysema). Вѣтренная немочь (tympanitis).

Изнурительныя болѣзни (macies). Дѣтская сухотка (atrophia infantum), чувственножильная чахотка, спинная сухотка (tabes dorsalis), старческое изнуреніе (marasmus senilis). Изнурительныя лихорадки (febres hecticae), чахотныя лих. Чахотка легкихъ (phtisis pulmonalis), печеночная, селезенки, почечная, маточная, брижейки, кишечная. Чувственножильныя болѣзни. Противность (antipathia), ипохондрія и истерика. Душевныя болѣзни: слабость памяти (amnesia), частное безуміе (amentia partialis), меланхолія и съумазбродство; судорги, сведеніе (crampus), подскакиваніе сухихъ жилъ, скрежетъ зубовъ (trismus), сардоновъ смѣхъ, песья корча (spasmus cynicus), пляска святаго Витія (chorea Sancti Viti), падучая болѣзнь или черная немочь (epilepsia), скоротечная пад. б. (eclampsia), злая судорга (raphania), столбнякъ (tetanus), дрожаніе (tremor), стянутіе (contractura), главокруженіе (vertigo), обмороки, безсонница (agrypnia), сонливость, параличъ или разслабленіе въ тѣлѣ, пострѣлъ (apoplexia), изступленіе (ecstasis), неизмѣнимость (catalepsis), оцѣпѣненіе (catochus), бдѣніе во снѣ (somnambulismus), боязнь отъ воды (hydrophobia). Болѣзни каждой части порознь. Накожныя болѣзни: веснушки и чечевичники (ephelis et lentigo), розовая капля (gutta rosacea), летучій огонь, лишай (lichen), родимое пятно (naevus maternus), песья оспа (therminthus), ночницы (epinyctis), угри (varus), мертвая сыпь (malum mortuum), прѣлость (intertrigo), съѣдатели (comedones), вшивость (phtiriasis). Головныя болѣзни: главоболѣніе (cephalalgia); воспаленіе мозговыхъ оболочекъ. Глазныя болѣзни: глазовоспаленіе (ophthalmia), пятна роговой оболочки, завалъ въ сосудахъ соединительной плевы (pterygium), выпуклость или выпаденіе роговой оболочки (staphyloma), выступленіе глаза (ophthalmoptosis), глазная водяная бол. (hydrophthalmia), заворотъ рѣснишниковъ въ глазу (trichiasis) и двойственный рядъ рѣсницъ (distichiasis), выворотъ глазнаго вѣка къ наружи (ectropium) и заворотъ

онаго внутрь (entropium), ослабленіе верхняго глазнаго вѣка (blepharoptosis s. ptosis), раскрытіе глаза (lagophtalmus), истеченіе слезъ (epiphora) и гноеобразной жидкости изъ глазъ (lippitudo), бѣльмо (cataracta s. suffusio), порча и потемнѣніе стекловидной влажности (glaucoma), противуестественное расширеніе и несжимаемость зѣницы (mydriasis), темная вода (amaurosis s. gutta serena), слабое зрѣніе (amblyopia), ночная и дневная слѣпота (hemeralopia et nyctalopia), сугубозрѣніе (diplopia). Ушныя болѣзни: воспаленіе уха (otalgia s. otites), звонъ и шумъ въ ушахъ (tinnitus et susurrus aurium), глухота. Зубныя болѣзни: зубовыхожденіе (dentitio), зубоболѣніе (odontalgia). Шейныя болѣзни: зобъ (bronchocele s. struma), хрипота. Грудныя болѣзни: кашель, одышка (asthma), чиханіе, икота; давленіе во снѣ (incubus). Трепетаніе сердца. Болѣзни первыхъ путей. Трудное глотаніе; недостаточный позывъ на ѣду (anorexia), болѣзненный позывъ на ѣду, жженіе въ желудкѣ или изгага (ardor ventriculi), желудочная корча (cardialgia), колика, тошнота и рвота, поносъ (diarrhoea), кишечный поносъ (fluxus coeliacus), желудочный п. (lienteria), печеночный поносъ (fluxus hepaticus). Черная болѣзнь (morbus niger). Болѣзни мочевыхъ путей: боли, отъ камня происходящія, воспящаемое мочеиспусканіе, кровавое мочетеченіе (mictus cruentus), неудержаніе мочи, чрезмѣрное мочеиспражненіе, (diabetes). Болѣзни дѣтородныхъ частей. Хладная опухоль ногъ (oedema pedum), и повсюдная водяная болѣзнь (anasarca); водоизліяніе (aquae profusio). Кровоистеченіе (sanguinis profusiones). Выкидышъ (abortus). Сложность беременности съ другими болѣзнями. О болѣзняхъ роженицъ, питающихъ грудью и родильницъ. Ложныя боли или перехваты (dolores spurii). Трудные роды (partus difficilis). Боли послѣ родовъ (dolores post partum). Родовое очищеніе (fluxus lochiorum). Отдѣленіе молока (secretio lactis). Млечные переносы (metastases lactis). Родовая лихорадка (febris puerperarum). Воспа-

леніе матки (inflammatio uteri). Воспаленіе легкихъ (inflammatio pulmonum). Рожевая лихорадка (febris erysipelacea). Скоротечная падучая немочь (eclampsia). Меланхолія и съумасшествіе (melancholia et mania).

Указомъ Государственной медицинской коллегіи отъ 28 іюня 1801 г. [1]) было назначено послать заграницу трехъ лекарей или кандидатовъ въ чужіе края съ наставленіемъ отъ коллегіи. Для этой цѣли конференція медико-хирургической Академіи избрала бывшихъ репетиторовъ: Семена Гаевскаго (будущаго лейбъ-медика и директора медицинскаго департамента), Михаила Крамарева (который на обратномъ пути въ Россію умеръ въ Копенгагенѣ) и Даніила Велланскаго. Гаевскій и Велланскій возвратились на родину въ 1805 г. и были назначены помощниками профессоровъ.

Пребываніе заграницею имѣло громадное и рѣшающее значеніе для склада научныхъ убѣжденій Велланскаго. Здѣсь —заграницею, въ Германіи и въ этотъ періодъ своей жизни онъ сталъ натурфилософомъ и приверженцемъ Шеллинга. Нѣкоторыя философскія познанія и подготовку Велланскій могъ вынести изъ лекцій Кіевской духовной академіи, гдѣ онъ сначала учился. „Самое ретивое прилежаніе и наиглубочайшее изученіе", по словамъ доктора Максимиліана Гейне, друга Велланскаго и его некрологиста, [2]) „посвятилъ Велланскій заграницею лекціямъ Шеллинга, сочиненія котораго до самой смерти были у него въ наибольшемъ почетѣ". „Шеллингъ самъ обратилъ вниманіе [3]) на воспріимчивый

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 63.

[2]) Стр. 87.

[3]) Стр. 86.

умъ русскаго ученаго и *поощрялъ* его къ философскимъ занятіямъ". „Самъ Шеллингъ далъ ему лестное свидѣтельство, что Велланскаго онъ считаетъ однимъ изъ своихъ *наиболѣе знающихъ* и *совершеннѣйшихъ учениковъ*". И впослѣдствіи еще (въ 1819 г.) нѣмецкіе ученые, напр. F. Weisse, удивлялись, по поводу сочиненія Велланскаго о животномъ магнетизмѣ, что „въ Россіи могутъ идти въ ровень съ нѣмецкою философіею новѣйшаго времени, тогда какъ англичане и французы, даже сами нѣмцы ея не понимаютъ".

Заграницею же Велланскій завязалъ сношенія не только съ самимъ Шеллингомъ, но и съ его поклонниками, болѣе всего съ самыми вѣрными изъ нихъ, притомъ же, подобно самому Велланскому, державшимися на почвѣ естествовѣденія, т. е. съ *Океномъ* (сочиненія котораго Велланскій потомъ переводилъ и передѣлывалъ для русской публики: „О свѣтѣ и теплотѣ, какъ извѣстныхъ состояніяхъ всемірнаго элемента", 1816 и „Обозрѣніе главныхъ содержаній философическаго естествознанія,. начертанное изъ сочиненій *Окена*", 1815) и *Стеффенсомъ*.

Окенъ слушалъ лекціи Шеллинга въ одно время съ Велланскимъ, какъ онъ самъ говорилъ лично П. Д. Шипулинскому въ бытность послѣдняго въ Цюрихѣ, распрашивая его съ живѣйшимъ любопытствомъ о бывшемъ однокурсникѣ своемъ. Въ послѣдніе годы профессорской службы Велланскаго, Окенъ писалъ къ нему. Въ Германіи Велланскій слушалъ курсы у Шеллинга и Стеффенса: идеи и взгляды ихъ на природу были для него основаніемъ и свѣтильникомъ *всѣхъ знаній*, пріобрѣтенныхъ заграницей. Явившись въ 1805 г. по миновеніи срока путешествія въ Петербургъ въ медико-хирургическую академію на службу, онъ желалъ получить для профессуры каѳедру философіи [1]).

---

[1]) Розановъ, стр. 118.

Характеръ той необыкновенной эпохи въ исторіи нѣмецкой мысли, когда Велланскій штудировалъ въ Германіи, всего лучше обрисовывается біографіями тогдашнихъ дѣятелей. Біографіи Шеллинга, Окена и Стеффенса весьма любопытны. Эти три лица оставались любезными Даніилу Михайловичу всю жизнь. Ихъ портреты висѣли у него на стѣнѣ его кабинета, и въ тѣ рѣдкіе минуты, когда онъ, какъ ему казалось, прозрѣвалъ (въ періодъ его слѣпоты), онъ, по его увѣренію, видѣлъ „какбы черéзъ самую узкую трубочку именно портреты Шеллинга, Окена, Стеффенса“ [1]). Ознакомимся же съ жизнью, напр., Стеффенса, пользуясь мастерскимъ очеркомъ извѣстнаго философа *Otto Liebmann*'а въ Allg. D. B—ie, т. 35, стр. 555—558.

Генрихъ Steffens, по происхожденію норвежецъ, по образованію, жизни и собственному выбору—нѣмецъ, многосторонне одаренный естествовѣдъ, философъ и поэтъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей Шеллинга, старше его на 2 года, родился 2 мая 1773 г. въ *Stavanger*; онъ былъ сынъ хирурга, выселившагося изъ Holstein. Отецъ передалъ ему стремленіе къ кипучей внѣшней дѣятельности; мать, серьезная и благочестивая,—жажду глубокомысленнаго умозрѣнія и поэтическую мечтательность. Изъ Stavanger его отецъ перешелъ на службу въ *Trondhiem*, оттуда въ *Helsingör*, и потомъ въ *Копенгагенъ*, гдѣ умерла у него мать, весьма заботившаяся объ его религіозномъ воспитаніи. Благодаря частымъ переѣздамъ, школьное образованіе Стефенса нерѣдко прерывалось. Съ 1790 г. онъ обучался въ Копенгагенскомъ университетѣ богословію; но начитавшись Бюффона и Линне, и будучи очень чутокъ къ природѣ, Стеффенсъ обратился къ естествовѣдѣнію, спеціально къ

---

[1]) Н. И. Розановъ, «Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ», «Русскій Вѣстникъ», т. 72, ноябрь 1867 г., ст. IV, стр. 103, прим.

минералогіи. Въ 1792 г. на средства ученаго общества онъ собираетъ моллюсковъ по западному берегу Норвегіи; на возвратномъ пути оттуда претерпѣлъ на морѣ кораблекрушеніе, которое имъ описано позднѣе въ особомъ разсказѣ. Затѣмъ онъ жилъ въ Гамбургѣ и въ *Rendsburg* у отца въ уединеніи. Въ 1796 г. онъ сочинилъ свой первый нѣмецкій трудъ Ueber die Mineralogie und das mineralogische Studium, на основаніи котораго сталъ приватъ-доцентомъ при университетѣ въ Кійлѣ. Въ этотъ періодъ жизни онъ начинаетъ увлекаться изящною литературой и философіею, читаетъ Канта и Фихте; но „эпоху въ его жизни" произвели, по признанію самого Стеффенса — извѣстныя письма Якоби о Спинозѣ. Черезъ Якоби онъ перешелъ къ собственному изученію теоріи Спинозы, весьма ему симпатичной, о Всеединствѣ міра. Послѣ потрясенія, вызваннаго смертью отца, возвратившись изъ Рендсбурга, онъ сталъ читать сочиненіе Шеллинга Ideen zu einer Philosophie der Natur, а также Ueber die Weltseele. Эти труды Шеллинга опредѣлили всю дальнѣйшую дѣятельность Стеффенса. Получивъ стипендію отъ датскаго правительства, онъ отправляется изъ Гамбурга въ 1798 г. черезъ Harz и Эрфуртъ въ Іену, проводитъ нѣсколько недѣль за геогностическими изысканіями въ Тюрингенскомъ лѣсу, изучаетъ въ уединеніи Фихте Wissenschaftslehre и возвращается въ Іену незадолго до пріѣзда туда А. В. Шлегеля и Шеллинга. Онъ слышалъ пробную лекцію Шеллинга о натурфилософіи и о необходимости познавать природу изъ ея единства. Увлеченный идеями Шеллинга, Стеффенсъ навѣстилъ его и завязалъ съ нимъ дружбу. Также посѣщалъ онъ лекціи Фихте, ходилъ въ гости къ Шлегелю и снискалъ благосклонность Гёте. Въ 1799 г. Стеффенсъ побывалъ въ Берлинѣ, гдѣ вошелъ въ сношенія съ Тикомъ, Шлейермахеромъ и Фр. Шлегелемъ, а отсюда поѣхалъ въ Фрейбергъ, чтобы продолжать свои занятія по минералогіи при тамошней горной академіи подъ руководствомъ

знаменитаго Вернера. Геогнозія Вернера и философія Шеллинга ужились въ душѣ Стеффенса. Плодомъ его думъ явился трудъ въ 1801 г.: Beiträge zur inneren Naturgeschichte der Erde.

Съ помощью не только своихъ спеціальныхъ познаній, но и поэтической фантазіи Стеффенсъ проводитъ здѣсь ту мысль, что природа созидаетъ постепенно, начиная неорганическими продуктами и процессами, и кончая свободною человѣческою личностью. Авторъ хотѣлъ „прослѣдить всѣ явленія жизни въ единствѣ природы и исторіи, и изъ единства обѣихъ—найти слѣды божественной цѣлесообразности въ величественномъ развитіи вселенной". Это было основной темою его жизни. Шеллинговцы приняли сочиненіе Стеффенса съ восторгомъ.

Возвратившись на родину, Стеффенсъ прожилъ 2 года въ Копенгагенѣ. По предложенію шеллинговца Рейля его пригласили въ Халле ординарнымъ профессоромъ натурфилософіи, физіологіи и минералогіи. Въ Сентябрѣ 1804 г. онъ вступилъ на прусскую службу и сталъ товарищемъ по службѣ Ф. А. Вольфу, Рейлю и Шлейермахеру. Прославленію Шеллинга посвящено его слѣдующее сочиненіе „Grundzüge der philosophischen Naturwissenschaft", 1806 г. По свидѣтельству Фарнхагена фонъ Энзе (Denkwürdigkeiten), Стеффенсъ производилъ увлекательное впечатлѣніе на молодежь.

Послѣ Іены и Ауэрштедской битвы Наполеонъ закрылъ Халльскій университетъ. Стеффенсъ уволился въ отпускъ и два года пробылъ эмигрантомъ въ Гольстейнѣ, Гамбургѣ и Любекѣ, а въ 1808 г., когда университетъ былъ снова открытъ новымъ вестфальскимъ правительствомъ, хотя и влачилъ жалкое существованіе, вернулся на свою каѳедру. Стеффенсъ принималъ участіе въ заговорахъ противъ правительства, подвергаясь опасности отъ шпіоновъ.

Въ 1811 г. онъ получилъ приглашеніе въ Бреславль, которому и послѣдовалъ. Здѣсь онъ устроилъ физическій институтъ, читалъ лекціи по физикѣ и философіи, приготовилъ учебникъ по минералогіи и по прежнему интересовался политикою. Когда Фридрихъ Вильгельмъ III въ Бреславлѣ издалъ свое воззваніе, Стеффенсъ держалъ къ молодежи зажигательныя рѣчи и самъ объявилъ о своемъ рѣшеніи взяться за оружіе. Сорока лѣтъ, кабинетный ученый, отецъ семейства вступилъ въ ряды вольноопредѣляющимся съ правомъ носить офицерскую форму и продѣлалъ всю компанію $18^{13}/_{14}$ годовъ, былъ съ Блюхеромъ при Гросъ-Гёршенѣ, Бауценѣ, Вартенбургѣ, Лейпцигѣ, участвовалъ въ зимнемъ походѣ на Францію, а по взятіи Парижа былъ уволенъ въ маѣ изъ военной службы и украшенъ желѣзнымъ крестомъ за храбрость.

Возвратившись домой, онъ издалъ два политическія сочиненія: Die gegenwärtige Zeit und wie sie geworden, 1817 и Caricaturen des Heiligsten, 1819—21.

Затѣмъ онъ опять принялся за философію: онъ издалъ „Антропологію“ въ 2-хъ томахъ, 1822, гдѣ человѣкъ изображается, какъ живое единство духа и природы, какъ микрокосмическій представитель вселенной. Книга написана совершенно въ духѣ Шеллинга и подкрѣплена фактами изъ физики, геологіи и физіологіи, но изобилуетъ фантастическими аналогіями и произвольною символикою. Это сочиненіе вызвало горячія похвалы, но также жестокія и рѣзкія рецензіи, напр., Гербарта.

Изъ Бреславля Стеффенсъ предпринималъ путешествія: напр., въ 1817 г. онъ съѣздилъ въ южную Германію, причемъ недѣлю прожилъ въ Мюнхенѣ у стараго друга и своего учителя Шеллинга, познакомился со старикомъ Ф. Г. Якоби и мистикомъ Францемъ фонъ Баадеромъ. Въ 1824 г. онъ сдѣлалъ путешествіе по Скандинавіи.

Стеффенсъ очень часто вступалъ въ ожесточенную по-

лемику и не по философскимъ вопросамъ. Такъ онъ выступилъ противъ Яновой гимнастики, указывая на болѣе высокія этико-педагогическія основанія. Онъ выступалъ и за строгое лютеранство противъ распоряженій прусскаго правительства, созывалъ религіозныя собранія у себя въ Бреславлѣ и издалъ въ 1824 г. книгу Von der falschen Theologie und dem wahren Glauben. Свое вѣроисповѣданіе онъ высказалъ въ сочиненіи Wie ich wieder Lutheraner wurde, 1831. Борьба съ министерствомъ, которое обижало его, испортила ему положеніе въ Бреславлѣ, такъ что онъ неоднократно просился въ отставку, которая, однако, во вниманіе къ его заслугамъ, не была ему разрѣшаема.

Въ это время Стеффенсъ подъ старость принялся за беллетристику и написалъ нѣсколько романовъ и повѣстей, нашедшихъ себѣ у публики одобреніе, както Die Familie Walseth und Leith въ 3 т., 1827 и Die vier Norweger въ 6 томахъ, 1828. Въ нихъ недурны описанія сѣверной природы, а также тонкія психологическія наблюденія.

Стеффенсу, наконецъ, удалось таки вырваться изъ Бреславля. Кронпринцъ, будущій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, благорасположенный къ Стеффенсу, настоялъ на его приглашеніи въ Берлинскій университетъ (уже 59 лѣтъ). 14 апрѣля 1832 г. онъ прибылъ въ Берлинъ. Здѣсь онъ читалъ лекціи по натурфилософіи, антропологіи и философіи религіи. По прошествіи трехъ семестровъ онъ былъ избранъ въ ректоры. Но онъ не сближался со своими коллегами, державшимися уже совсѣмъ иного духа. Послѣднимъ научнымъ сочиненіемъ Стеффенса была „Christliche Religionsphilosophie“ въ 2 т, 1839. Затѣмъ онъ принялся за свою объемистую автобіографію, которая не безъинтересна по описанію многихъ порядковъ и случаевъ того времени и по изображенію разныхъ выдающихся людей. Она появилась подъ заглавіемъ „Was ich erlebte“ въ 10 томахъ, Бреславль, 1840—1844. Умеръ Стеф-

фенсъ 13 февраля 1845 г. По его смерти вышли Nachgelassene Schriften von H. Steffens mit einem Vorwort von Schelling, 1846.

„Жизнь Стеффенса“ служила предметомъ обширнаго біографическаго этюда Ив. Вас. Кирѣевскаго (вошелъ въ II т. его „Полнаго собранія сочиненій“, стр. 58—171). Этюдъ ранѣе появлялся частями въ „Москвитянинѣ“; онъ составленъ именно на основаніи автобіографіи Стеффенса и состоитъ, преимущественно, изъ выдержекъ. Переводчикомъ твореній Стеффенса на русскій языкъ явился профессоръ Одесскаго Ришельевскаго лицея и цензоръ Ник. Дм. Курляндцевъ [1]): „О постепенномъ развитіи природы“. Одесса, 1835.

---

[1]) О немъ см. «Философія въ Россіи», т. IV, стр. 93—98.

Д. М. Велланскій первый привезъ въ Россію философію Шеллинга: „я—*первый* возвѣстилъ Россійской публикѣ о новыхъ познаніяхъ естественнаго міра, основанныхъ на ѳеософическомъ понятіи, которое, хотя зачалось у Платона, но образовалось и созрѣло въ *Шеллингѣ*“ [1]). Велланскій до конца жизни и своей литературной дѣятельности оставался вѣренъ Шеллингу, но нельзя сказать, чтобы его пропаганда сопровождалась большимъ успѣхомъ. Какъ извѣстно, Шеллинга (и Окена), притомъ—именно *физическія* теоріи шеллинговой натурфилософіи насадилъ въ Россіи (не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ) М. Г. Павловъ, привезшій эти идеи въ Россіи 15 годами позже, чѣмъ Д. М. Велланскій. Объ натурфилософіи, говоритъ послѣдній, „въ Россіи до моего возвращенія изъ чужихъ краевъ, т. е. до 1806 г. [2]), не было ни малѣйшаго понятія“ [3]).

„Вотъ проходитъ 30 лѣтъ, какъ я въ Россійскомъ ученомъ мірѣ вопію, „аки гласъ въ пустынѣ!“ восклицаетъ Д. М. Велланскій въ 1834 г. „Съ начала ученые *старики* злились на меня, говоря съ *презрѣніемъ*: „что за молокососъ явился къ намъ съ нѣмецкими бреднями!“ Теперь *новая* генерація

---

[1]) Письма его: «Философія въ Россіи», т. II, письмо № I (къ князю В. Ѳ. Одоевскому), стр. 221.

[2]) Собственно до 1805 г., года выхода въ свѣтъ «Прологзіи».

[3]) Письмо № VII (М. Г. Павлову), тамъ же, стр. 226.

ученыхъ. Птенцы, вылупившіеся подъ старыми насѣдками дряхлой учености, не оперились еще, не вылетѣли изъ своего гнѣзда, и уже пищатъ на орловъ, парящихъ выше сферы ихъ зрѣнія!"

Первымъ опытомъ натурфилософской пропаганды въ Россіи была Д. М. Велланскаго „Пролюзія къ медицинѣ, какъ основательной наукѣ", брошюра въ 79 стр. СПБ, 1805. „Пролюзія", т. е. вступленіе, предуготовленіе—была написана очень фразисто. Особенно запала въ память читавшихъ одна изъ первыхъ же фразъ: „Уже довольно протекло времени, какъ Шеллингово огненное перо начало жечь бренныя селенія дряхлой учености. И въ отечествѣ моемъ не видно еще ни одной искры отъ полезнаго сего пожара" и т. д. Этотъ отрывокъ вошелъ въ „Исторію русской философіи" архим. Гавріилъ, стр. 96. Это же „огненное перо" все еще продолжаетъ горѣть и жечь въ рукахъ пишущихъ о Велланскомъ и въ наши дни. Слабости молодого писателя и крайности его увлеченій были весьма ѣдко отмѣчены тогда же, въ одной современной рецензіи, съ которою мы и желаемъ ознакомить читателя, какъ съ любопытнымъ образчикомъ полемики начала прошлаго вѣка. Эта рецензія (не подписанная) появилась въ журналѣ Ивана Мартынова „Лицей" на 1806 г. часть I, книжка I, отд. V, Критика, стр. 65—73. Критикъ полагаетъ:

Не мое дѣло входить въ существо книги: врачи должны сдѣлать ей достойный приговоръ. Но критикъ, не сказавши ничего о книгѣ Велланскаго—въ отношеніи ея къ словесности не исполнилъ бы своего долга журналиста. Издатель обязанъ хвалить то, что̀ достойно похвалы, и осуждать, что̀ не заслуживаетъ одобренія; обнаруживать недостатки, которымъ на первыхъ шагахъ рѣдко не слѣдуютъ молодые писатели—даже важнѣе, чѣмъ открывать совершенства, которыя легко чувствовать всякому. Часто плавающая вверху солома (по выра-

женію *Драйдена*) при всемъ множествѣ не бываетъ примѣтна для самыхъ проницательныхъ взоровъ.

Одно заглавіе уже болѣе походитъ на иностранное, чѣмъ на русское. Для чего не сказать: „Предувѣдомленіе къ врачебной наукѣ, сочиненное“ (такимъ то)? что значитъ „основательной наукѣ“? Прилагательныя, оканчивающіяся на *тельный*, замѣняютъ причастія дѣйствительнаго, возвратнаго или средняго залога. „Основательный“ будетъ къ стати, если употреблено вмѣсто „основывающій, служащій основаніемъ“. Поелику же не сказано, *чему* служащій основаніемъ, то это подтверждаетъ, что слово употреблено, какъ мы привыкли, т. е. вмѣсто „имѣющій основательность“; и потому оно здѣсь вовсе излишне: ибо кто не хочетъ вѣрить, что всякая наука основательна? наводится подозрѣніе, что или всѣ науки не основательны, или нѣкоторыя изъ нихъ таковы.

Самой высокопарной лирической стихотворецъ не сказалъ бы вступительной фразы (объ „огненномъ перѣ Шеллинга, жгущемъ бренныя селенія дряхлой учености“). Къ чему такое витійство? Писатель врачебныхъ книгъ долженъ предлагать свои истины повѣствовательнымъ, простымъ слогомъ; онъ въ своемъ кругу—историкъ. Что пользы отъ такой громкой аллегоріи? Авторъ „въ маленькую свирѣлку изъ всего рта дуетъ“ (по словамъ греч. поэта). Таковы ли сочиненія Шеллинга, я не знаю.

Въ словѣ „огненное“ мы видимъ метафору, а въ словѣ „перо“ (орудіе вмѣсто вещи, имъ произведенной)—метонимію. Читая ихъ, мы чувствуемъ то, чего авторъ не хотѣлъ въ насъ произвести,—смѣхъ и негодованіе на то, что авторъ употребляетъ ребяческое краснорѣчіе. „Жечь“ употреблено для „огненнаго пера“, „бренныя селенія“ (старыя книги)—для слова „жечь“, „дряхлой учености“ для „бренныхъ селеній“—какой металепсисъ въ угодность „огненному перу“!

Аллегорія продолжается („въ отечествѣ моемъ не видно еще ни одной искры отъ полезнаго сего пожара"). Авторъ хочетъ сказать, что въ Россіи никто не бросилъ старую систему. Но то ли должно заключить изъ его словъ?

Шеллингъ „огненнымъ перомъ"—или его сочиненія опровергаютъ старыя системы. „Не видно искры" должно означать или то, что въ Россіи нѣтъ еще ни одного сочиненія, ни одной черты изъ сочиненій Шеллинговыхъ, или то, что въ Россіи ни одно еще сочиненіе Шеллингомъ не опровергнуто, что̀ весьма забавно. Г. сочинитель или забылъ, или съ намѣреніемъ пренебрегъ правиломъ: verba valent sicut nummi.

Вооружимся терпѣніемъ и пойдемъ вслѣдъ за авторомъ, который, кажется, не хотѣлъ, чтобы его понимали. Идетъ рѣчь, напр., о новой щастливой „реформѣ" (*перемѣнѣ* или *преобразованіи* можно было бы сказать). Не наше дѣло разсматривать, чья система справедливѣе, Шеллингова ли или старая, которой слѣдуютъ нѣсколько вѣковъ. Примѣчено, что и—въ науки съ нѣкотораго времени вкралась мода одѣвать старое въ новый нарядъ и тѣмъ только и отличаться [1]).

Критикъ, разсмотрѣвъ еще два мѣста, говоритъ: Мы разсмотрѣли только не болѣе 12 строчекъ, и то только изъ „предувѣдомленія" сего сочиненія—и уже видимъ столько недостатковъ. Что-жъ будетъ, если строго разсмотрѣть все? Однако ознакомимъ читателей еще болѣе, чтобъ потомъ оставить на волю каждаго имъ заниматься.

Хотя авторъ говоритъ, что онъ помѣстилъ для сообразнѣйшаго представленія понятій и пристойности штиля „нѣкоторыя" ученыя слова, но противъ слова *нѣкоторый* онъ весьма много погрѣшилъ: ученыя слова (греч. и лат.) щедрою рукою

---

[1]) Стр. 70.

разсыпаны почти безъ всякой нужды: одни можно бы замѣнить русскими, а другія—тоже иностранными, но принятыми уже въ употребленіе. Примѣры съ 1 стр. *сціенціяльный* (свойственный наукѣ), *литеральные скрибенты* (?), *парадъ* науки, *объектъ*, *циркулируетъ*, *рефлексія*, механическая *матеріальность*, *форма* совершенства, *организмъ*, *идеальность съ реальностью*, *гистріонъ* (пред. стр. 1)—вмѣсто шутъ, скоморохъ.

Какой слогъ произходитъ изъ таковаго набора иностранныхъ словъ, увидимъ, напр., на стр. 44: „Ежели бытіе *конкретнаго* въ самомъ себѣ безъ трехъ *деменсій*: *лонгитудинальной*, т. е. поверхностной, *массивной*, произойти не можетъ; то и *органическое*, *репрезентантъ* дѣятельнаго въ *пассивномъ*, по тѣмъ же самимъ категоріямъ образуется и живетъ; а *схема* образованія органической природы представлена явственно въ ея *продуктахъ*“ и пр. и пр. Для кого написано сіе сочиненіе? Для ученыхъ ли, знающихъ латинскій языкъ? для нихъ лучше бы все написать на лат. языкѣ. Для ученыхъ ли, не знающихъ по латынѣ? Оно во многихъ мѣстахъ будетъ для нихъ непонятно. Для всѣхъ ли вообще, въ томъ числѣ и неученыхъ? Въ такомъ случаѣ надлежало бы писать такимъ языкомъ, который былъ бы всѣмъ понятенъ; въ настоящемъ же видѣ—оно сдѣлалось безполезнымъ для всѣхъ.

Но въ семъ сочиненіи, заканчиваетъ критикъ, я собралъ, по словамъ *Драйдена*, только самую малую часть соломы; оставляю прочимъ искать въ немъ жемчугу.

Въ этюдѣ о М. Г. Павловѣ мы подробно изложили его полемическую схватку съ *Эмиліемъ Ленцемъ* [1]). Эта полемика представила намъ много интереса, какъ борьба двухъ міровоззрѣній: философско-динамическаго и механическо-матеріалистическаго—въ приложеніи ихъ къ спеціальной области физики. Столь же любопытна и параллельная ей (имѣвшая мѣсто 20 годами ранѣе) полемика Д. М. Велланскаго съ знаменитымъ астрономомъ *Фр. Шубертомъ*. И здѣсь предъ нами борьба тѣхъ же двухъ міровоззрѣній: динамическаго и атомическаго—только приложенныхъ къ другой сферѣ, а именно къ астрономіи.

Статья Д. М. Велланскаго, съ которою мы намѣрены ознакомить читателя,—первая его журнальная статья, имѣетъ для біографа Д. М-ча особенное значеніе. Это есть первый опытъ изложенія его собственныхъ взглядовъ въ области общаго естествознанія, первый эскизъ или набросокъ его извѣстной „Физики", вышедшей въ свѣтъ 17 годами позже. „Физика" есть наиболѣе распространенное и самое главное сочиненіе Д. М. Велланскаго.

Статья, которую мы имѣемъ въ виду, есть: „О солнцѣ, свѣтѣ и теплотѣ". Вѣстникъ Европы, издаваемый Владиміромъ *Измайловымъ*, М., 1814 г., часть 75-я, май, № 9, отд. II. Науки. Стр. 16—29. Датировано 1 марта 1814 г.

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 193—210.

Статья написана по поводу статьи въ академическомъ мѣсяцословѣ. См. „Санктпетербургскій карманный мѣсяцословъ". Печатано при Императорской Академіи Наукъ на лѣто 1814, которое есть простое, содержащее въ себѣ 365 дней; XXIV стр.+312.

Его отдѣлъ: „Разныя сочиненія" заключаетъ:

1) Продолженіе „Начертанія системы міра"—„*Солнце*" (Въ оглавленіи ошибка: не съ 1, а со 2), стр. 1—128.

Это „Краткое начертаніе системы міра", написанное очень популярно и удобопонятно, притомъ вполнѣ литературнымъ и весьма хорошимъ языкомъ, тянется черезъ много лѣтъ мѣсяцослововъ. Такъ въ „Мѣсяцословѣ" за 1812 г. находимъ: „Краткое начертаніе системы міра", стр. 35—206, заключающее слѣдующія статьи: О суточномъ движеніи земли, стр. 37, Годовое движеніе земли, 54, Система міра, 81, Кеплеровы законы, 108, Физическая астрономія, 135, Законъ недѣйственности, 137, О средоклонной силѣ солнца, 141, Законъ средоклонной силы, 143, Притягательная сила есть общее свойство вещества, 148, Она—то же, что и тяжесть, 151, О всеобщемъ тяготѣніи, 156, О вѣсѣ небесныхъ тѣлъ, 164, Еллиптическое движеніе планетъ, 181, О возмущеніяхъ еллиптическаго движенія, 187, О колебаніи земли и луны, 190, О приливѣ и отливѣ, 193, О воздушныхъ камняхъ, 197, О погодѣ, 202.

Мѣсяцословъ на 1813 г. заключаетъ въ себѣ: I). Краткое начертаніе системы міра (продолженіе), стр. 25—134, а именно: Топографія неба, 37, Земля, 38, Луна, 50. Мѣсяцословъ на 1815 г. посвящаетъ той же статьѣ (продолженіе) стр. 1—100; Венера—стр. 13, Меркурій—71 и Марсъ—84. На 1816 годъ: стр. 1—115, а именно, Юпитеръ—1, Сатурнъ, 47, Ураній, 95, О четырехъ новѣйшихъ планетахъ, 102. На

1817 годъ—стр. 25—200: О кометахъ—25, Число кометъ, 32, О путяхъ кометъ, 59, О физическомъ состояніи кометъ, 126. Мѣсяцословъ на 1818 г. даетъ подъ тѣмъ же общимъ заголовкомъ статью: Планетная система, стр. 1—190. 1819 г. вмѣщаетъ „продолженіе" той же статьи и трактуетъ „О неподвижныхъ звѣздахъ", стр. 1—114.

Статья Велланскаго вызвала рѣзкую отповѣдь въ Мѣсяцословѣ за 1815 г.: Смѣсь. „Ни мало не отвѣтъ на критику", стр. 185—216. Авторъ не называетъ В-аго по имени: (стр. 188) „критикъ нашъ (коего мы для избѣжанія всякой личности, означимъ ученою буквою Д.....)"... Докторъ?—6 точекъ послѣ Д?

Санктпетербурскій карманный мѣсяцословъ издавался съ 1812—1819 года астрономомъ Фр. (Ѳед. Ив.) *Шубертомъ*, а съ нѣмецкаго переводилъ статьи А. С. (*Александръ Севастьяновъ* (Геннади, Словарь, т. II, стр. 368 по показанію Сопикова). Шубертъ былъ тогда очень знаменитый ученый.

Friedrich Theodor (Theophilus) Schubert родился 30 окт. н. с. 1758 г. въ Helmstädt, былъ съ 1780—1783 г. домашнимъ учителемъ, затѣмъ съ 1783—1785 г. ревизоромъ гапсальскаго уѣзда въ въ Эстляндіи. Въ 1785 г. онъ переходитъ въ академію наукъ географомъ, потомъ въ 1786 г. избирается въ адъюнкты, а въ 1789 г. и въ ординарные академики. Въ 1797 г. онъ нарисовалъ карту европейской и азіатской Россіи на 2 листахъ. При этомъ Шубертъ съ 1800—1819 завѣдывалъ библіотекою и мюнцкабинетомъ академіи, съ 1813 г. былъ почетнымъ членомъ Совѣта въ адмиралтействѣ. Въ 1816 г. Шубертъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Онъ скончался 21 окт. н. с. 1825 г. въ Петербургѣ.

Отмѣтимъ, что Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія была издана на счетъ Главнаго правленія училищъ „Популярная Астрономія" Шуберта, переведенная на русскій языкъ по порученію попечителя округа С. С. Уварова профессоромъ

Главнаго педагогическаго института *Николаемъ Щеголевымъ* (*А. Вороновъ*, Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 г., СПБ. 1849, стр. 197. Журн. гл. пр. учил. 2 мая и 25 іюля 1818 г., 9 янв. 1819 г.).

Приводимъ списокъ научныхъ мемуаровъ и трактатовъ Шуберта, стяжавшихъ ему по справедливости, громкую научную славу.

(J. C. Poggendorff, Biographisch-literarisches Handwörterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften. Zweiter Band. M.—Z., Leipzig, 1863, столбцы 850—852).

Theoretische Astronomie, 3 Bde. 4°, St.-Petersb. u. Riga 1798 (французское изданіе 1791), 3 Vol. 4°, St.-Petersburg. 1822.

Anleit. zu astronom. Beobb., um d. Breite u. Länge d. Orte zu bestimm., 8°, Ib. 1803.

Geschichte d. Astronomie, 8°, ib. 1804.

Populäre Astronomie, 3 Bde. 8°, ib, 1804—10.

Vermischte Schriften, 3 Bde. 8°, Stuttg. u. Tübing. 1823—25.

De projectione sphaerae in superficiem conicam (Nov. Act. Acad. Petrop. II, 1788).

De projectione sphaerae ad determinandam aream maxime idonea (Ib. id).

Annotationes ad theorema XVI, libr. V Pappi Alexandrini (Ib. III, 1788).

De curva loxodromica (Ib. IV, 1789).

De projectione sphaeroidis ellipticae geographica (Ib. V, 1789).

Projectio stereographica horizontalis seu obliqua (Ib., VI, 1790).

Problemata duo astronomica (Ib., id).

Projectio parvae superficiei telluris (Ib. VII, 1793).

De cursu navis in sphaeroide elliptico (Ib. VIII, 1794).

Réflexions sur les logarithmes imaginaires (Ib.. id.).

Problemata e methodo tangentium inversa (Ib. IX, 1795).

Solutio dubii circa rectificationem curvarum (Ib., id.).

Commentatio in Pappi Alexandrini theor. XVI, libr. IV (ib., X, 1797).

De perturbatione motuum Martis (Ib., id).

De variatione obliquitatis eclipticae et anni solaris (Ib., id).

De inventione divisorum (Ib. XI, 1798).

De perturbatione motus Urani diss. I et II (Ib., id.).

Trigonometria sphaerica e Ptolemaeo (Ib. XII, 1801).

Problémata ex doctrina sphaerica (Ib., id.).

De evolutione sectionum cylindri (Ib., XIII, 1802).

Supplementum ad theoriam lunae Eulerianam (Ib., id.).

Sur les passages de Mercure sur le soleil dans le dix-neuvième siècle (Ib., id.).

Fortsetz. u. Suppl. dazu (Ib. XIV. 1805).

Théorie de Mars (Ib., id).

Sur les perturbations de la nouv. planète par l'action de Jupiter (Ib., id).

Observationes nonnullae in specula acedemiae institutae (Ib., id.).

Continuatio dissertationis de curva loxodromica etc. (Ib., XV, 1806).

Obss. de l'éclipse de Soleil le 11 Févr. 1804 etc. (Ib., id.).

Animadversiones de methodo determinandi locum cometae ope projectionis (Ib., id.).

Déterminations de la latitude et de la longitude de quelques endroits de l'Empire Russe (Ib., id).

Détermination astronom. de quelques villes de l'Empire Russe (Mém. Acad. St.-Petersb. I, 1809 et IV, 1813).

Demonstratio theorematis algebraici (Ib., II, 1810).

Remarques sur quelques équations de la lune (Ib., id).

Calcul des oppositions d'Uranus et de Saturne (Ib., id).

Calcul des obss. de la grande comète de 1807 (Ib. id).

Obss. faites à l'observatoire de l'acad. (Ib. III, 1811).

Obss. méridiennes de la comète de 1811 (Ib. IV, 1813).

De l'usage du micromètre annulaire (Ib. V, 1815).

Réflexions sur la théorie du calcul différentiel (Ib. VI, 1818).

Des Máxima et Minima d'une fonction des plusieurs variables (Ib., id).

Calcul des obss. de la comète 1815 (Ib., id).

Oppositions de Jupiter et occultations (Ib., id).

Démonstration du théorème de Taylor (Ib., VII, 1820).

De transformatione seriei in fractionem continuam (Ib., id).

De l'aberration des étoiles fixes (Ib., id).

Réflexions sur les points de rebroussement (Ib., VIII, 1822).

Tables de la correction du midi (Ib., id).

Passages de la comète de 1819 au méridienne; съ Wisniewsky'мъ (Ib. IX, 1824).

Remarques sur la méthode des anciens, pour déterminer la parallaxe de la Lune (Ib., id).

De quadratura superficierum curvarum (Ib., id).

Réflexions sur les principes de la mécanique (Ib., X, 1826).

De la précession en ascension droite et en déclinaison (Ib., id).

Détermination de la position géographique de Bacou (Ib., id).

De la solution des équations implicites à deux variables (Ib. XI, 1830, посмертная статья, равно и три послѣдующія)

Da la sommation des suites (Ib., id).

Nou èthode pour réduire des distances lunaires (Ib., id).

De l'accourcissement des diamètres apparents du soleil et de la lune causé par la réfraction (Ib., id).

Über d. Problem, vermittelst ausser d. Meridian gemess. Höhen, d. Polhöhe zu finden (Bode's Jahrb. f. 1790).

Über d. Halbmesser d. Erdschattens bei Mondfinsternissen (Ib. 1794).

Über d. Parallaxe d. Fixterne (Ib., id).

Berechn. d. scheinbar. Gestalt d. Ringes vom Saturn (Ib., id).

Von d. Perturbation d. Uranus (Ib., 1799).

Über d. Veränder. d. Schiefe d. Ecliptik u. d. Sonnenjahrs (Ib., id.).

Über d. Bewegung d. Planeten im Aether (Ib., 1802).

Beitr. z. Berechn. d. Durchgänge d. unteren Planeten durch d. Sonne (Ib., 1803).

Über d. Ptolemäische Mondstheorie (Ib., id).

Über d. Vorübergänge d. Mercurs im 19. Jahrh. (Ib., 1804).

Über d. Anzahl d. Fixsterne (Ib., 1805).

Über d. Störungen d. neuen Planeten (Ceres) durch d. Jupiter (Ib., id).

Astronom. Bemerkk. (Ib., 1806).

Einige astron. Nachrr. (Ib., 1807).

Beob. d. Sonnenfinsterniss vom 16. Aug. 1803 u. 11 Febr. 1804 (Ib., id).

Berechn. d. wahren Zusammenkunft bei d. Sonnenfinsterniss vom 16. Aug. 1803 usw.; съ Wisniewsky'мъ (Ib., id).

Astron. Beobb. u. Nachrr. (Ib. id. u. 1808).

Geogr. Lage verschiedn. Orte in Russland; Abweich. d. Magnetnadel usw. (Ib. 1809 и 1811).

Über d. Keppler'sche Problem (Ib., 1820).

Berechn. d. wahren Anomalie e. Planeten aus d. mittleren bis zur 3. Potenz (Ib., id).

Über d. Marsstörungen (v. Zach's Mon. Corr. IV, 1801).

Кромѣ того, Шубертъ помѣстилъ нѣсколько астрономическихъ статей въ различныхъ русскихъ журналахъ и издавалъ по нѣмецки и по французски St. Petersburgischer Kalender, 8-°, von 1788 bis 1825 и St. Petersburger. Taschenkalender съ 1808 до 1818 г., а также St. Peterburgische Zeitung, fol., съ 1810 до 1825 года.

О солнцѣ, свѣтѣ и теплотѣ.

Велланскій начинаетъ съ краткаго изложенія (стр. 16—18) теоріи *Шуберта* [1]) о существѣ солнца, свѣта и о дѣйствіи его на нашу землю. Шубертъ справедливо отрицаетъ горѣніе солнца, ибо солнце должно было бы, примѣтно уменьшаясь въ объемѣ, наконецъ превратиться въ пепелъ и головню. Солнечный свѣтъ, по его мнѣнію, отличается отъ свѣта, происходящаго при горѣніи земныхъ тѣлъ; лучи солнца сами по себѣ холодны, но грѣютъ землю ея же теплотворомъ, который они освобождаютъ изъ тѣлъ своимъ прикосновеніемъ и треніемъ съ атмосферою и поверхностію земли. Масса солнца—не жидкій свѣтотворъ, а холодная, твердая и темная масса, окруженная атмосферою свѣта. Шубертъ, отвергая теорію *Эйлера*, отдаетъ предпочтеніе *Невтоновой* теоріи о происхожденіи свѣта отъ солнца, подобно пахучему веществу, исходящему отъ курящагося свѣта. Вещество свѣта такъ тонко, что нельзя рѣшить, принадлежитъ ли оно тѣлесному міру. И въ 1000-чи лѣтъ не уменьшится поперечникъ солнца на 1 секунду. Солнце—какъ море, испускающее множество рѣкъ. Незамѣтно, чтобы вещество солнца хоть малѣйше убывало отъ безпрестаннаго истеченія. Солнце де возвращаетъ *себѣ*

---

[1]) Котораго, впрочемъ, Велланскій называетъ просто «Авторъ», и нигдѣ по имени.

свою потерю посредствомъ притягательной силы отъ кометъ, пробѣгающихъ по всей солнечной системѣ и вездѣ собирающихъ свѣтъ. Кромѣ того, солнце, теряя свой свѣтъ въ другія системы міровъ, притягиваетъ къ себѣ и чужой свѣтъ. Это обращеніе свѣта подобно кровообращенію и связываетъ всю вселенную въ одно цѣлое.

Велланскій полагаетъ [1]), что эта мысль есть „неудачное покушеніе разума человѣческаго представить *механическимъ* образомъ то, что находится *внѣ* области механизма". Разъ свѣтъ не состоитъ изъ какихъ-либо тонкихъ атомовъ и не принадлежитъ къ числу никакихъ ощущаемыхъ, то безъ всякаго значенія остается и матеріальное о немъ понятіе.

„Величайшее чудо Природы состоитъ въ томъ, что она въ явственнѣйшихъ своихъ видахъ пребываетъ сокровеннѣйшею" [2]). Огонь, свѣтъ, теплота, всѣ виды ощущаемой Природы суть внѣшнія токмо явленія внутренней сущности, не подлежащей чувственнымъ нашимъ понятіямъ. Сущность явленій ощутительныхъ одинаково непостижима и для простыхъ людей, и для тѣхъ ученыхъ, которые стараются узнать ее по чувственнымъ и механическимъ соображеніямъ: изъяснять ее чувственно—то же что ловить тѣнь, или отраженные въ зеркалѣ предметы считать вещественными. Нематеріальность свѣта доказывается тѣмъ, что онъ, вопреки физическому закону, свободно занимаетъ и проходитъ мѣсто, уже наполненное прозрачнымъ тѣломъ: воздухъ, вода, стекло и т. п. такъ проницаемы для свѣта, что онъ заполняетъ занятое ими мѣсто, какъ совершенно пустое: а вѣдь два тѣла въ одно и то же время не могутъ занимать одного и того же мѣста. Нельзя согласить съ матеріальнымъ качествомъ и то, что свѣтъ отъ

---

[1]) Стр. 18.

[2]) Стр. 19

одного свѣтила, наполняя все пространство, не мѣшаетъ, чтобы его же наполнялъ свѣтъ отъ множайшихъ другихъ свѣтилъ, но не смѣшиваясь другъ съ другомъ. Какою бы упругой и тонкой матеріею свѣтъ ни былъ, онъ не могъ бы въ одно мгновеніе проходить и наполнять неизмѣримое пространство отъ неподвижныхъ звѣздъ до нашихъ глазъ. По этимъ и другимъ еще доказательствамъ свѣту нельзя приписать никакой вещественности [1]). Но онъ и не ничтоженъ: онъ существуетъ очевидно и преимущественнѣе всякой матеріи. Объемля все освѣщаемое пространство, но не занимая ни малѣйшей въ немъ точки, и не требуя времени для прохожденія, свѣтъ безпредѣленъ. А въ веществѣ всякій атомъ занимаетъ свое мѣсто въ пространствѣ и проходитъ нѣкоторое время отъ одного мѣста къ другому: посему всякое вещество ограничено. Если свѣтъ (какъ и самъ *Ш.* сомнѣвается) не принадлежитъ къ тѣлесному міру, то онъ относится къ духовному міру: поэтому его неможно ни словить, ни запереть, ни взвѣшивать, ни разлагать, ни составлять. *Свѣтъ есть духъ неорганической природы*, тотъ самый духъ, который въ собственномъ или духовномъ видѣ обнаруживается *мыслями человѣка*, какъ совершеннѣйшаго на землѣ *существа* въ органической природѣ [2]).

Матеріалисты не могутъ увѣриться о невещественности свѣта потому, что они отнюдь не касаются неосязаемой и невидимой стороны природы, не касаются сущности свѣта, доступной токмо для умозрѣнія. Отсюда всѣ противорѣчія въ физическихъ теоріяхъ, т. е. отъ односторонности познаванія природы: всѣ явленія происходятъ отъ цѣлости, недѣлимой и единственной; не зная причины, не поймешь и ея дѣйствій.

---

[1]) Стр. 20.

[2]) Стр. 21.

Свѣтъ солнечный и свѣтъ отъ горѣнія земныхъ тѣлъ и электрическихъ дѣйствій—одинъ и тотъ же [1]). По большей части, онъ соединенъ съ теплотою, но она (и такъже не вещественна, и) есть особенное явленіе. Солнечные лучи, не будучи тѣлесными, не теплы и не холодны, и не трутся съ атмосферою и съ земною поверхностію, подобно сѣченію стали съ кремнемъ. При невещественности свѣта его истеченіе, разсѣяніе, его собираніе кометами—игра воображенія и произвольное опредѣленіе.

И солнце не горитъ, и кометы не изъ огненнаго вещества: ихъ свѣтъ не показываетъ настоящаго пламени, а болѣе имѣетъ видъ электрическаго сіянія. Кометы сіяютъ собственнымъ свѣтомъ, а не солнечнымъ, какъ планеты и ихъ спутники. Чрезвычайно скорый бѣгъ ихъ въ пространнѣйшемъ, неопредѣленномъ пути солнечной системы доказываетъ ихъ большую неограниченность и меньшую зависимость отъ солнца. Кометы поэтому должны быть гораздо превосходнѣе планетъ, движущихся медленнѣе—по извѣстному пути около солнца, которымъ онѣ освѣщаются и согрѣваются.

Механическіе способы (Невтоново истеченіе и Эйлерово сотрясеніе), какъ поверхностные, не могутъ объяснить происхожденія свѣта въ солнцѣ и согрѣтія онымъ земли. Сіяніе солнца и его дѣйствіе на планеты происходитъ *внутреннимъ органическимъ процессомъ солнечной системы, какъ единаго живаго тѣла, образовавшагося въ разные члены* [2]). Въ самомъ солнцѣ представлена цѣлость солнечной системы; кометы и планеты съ ихъ спутниками суть части, дѣйствующія взаимно между собою: они принадлежатъ и влекутся къ солнцу, какъ части къ цѣлому.

---

[1]) Стр. 22.

[2]) Стр. 23.

Наружность сего совершеннѣйшаго организма видимъ мы въ самобытности каждаго изъ членовъ, въ ихъ разстояніи, движеніи и опредѣленномъ теченіи около главнаго ихъ центра. Внутренность состоитъ въ особливомъ веществѣ каждаго, въ свойственномъ оному произведеніи, въ сообразномъ вліяніи на составъ цѣлаго организма и въ извѣстной отъ онаго зависимости. Кометы и планеты—безъ солнца—что члены безъ головы, а солнце—безъ нихъ—голова безъ членовъ.

Свѣтъ солнца происходитъ вліяніемъ на оное планетъ, которыхъ теплота въ нихъ же самихъ происходитъ, но дѣйствіемъ солнца. Эта взаимность совершается электрическимъ образомъ [1]). Солнце, какъ положительное тѣло съ отрицательнымъ, находится въ безпрерывной электризаціи съ планетами. Внутреннее его состояніе обнаруживается свѣтомъ, который есть величайшая электрическая искра въ мірѣ. Солнце—безъ планетъ, тотчасъ бы угасло. Какъ въ солнцѣ свѣтъ, такъ происходитъ на землѣ теплота, которая есть произведеніе ихъ электрическаго дѣйствія съ отрицательной его стороны. Электрическій процессъ [2]) вообще есть живое дѣйствіе неорганическихъ тѣлъ (въ животномъ организмѣ оно же оказывается раздражительностію и движеніемъ). Электризація состоитъ въ дѣйствительномъ усиліи двухъ разнокачественныхъ тѣлъ притти изъ различнаго въ одинаковое качество, общее обоимъ. Нѣтъ никакой электрической матеріи; всѣ явленія электрическія суть наружныя произведенія внутренней перемѣны состава одного тѣла на счетъ и по мѣрѣ таковой же перемѣны въ другомъ.

Солнце въ электризаціи силится содѣлать себѣ планеты равнокачественными (притягиваніе планетъ, какъ однород-

---

[1]) Стр. 24.

[2]) Стр. 25.

выхъ частей къ цѣлому); свѣтъ его изъявляетъ происходящую въ немъ одинаковость центральнаго тѣла съ периферическими членами. Солнечный свѣтъ есть настоящій образъ единственной души міра, представляемой въ цѣлости его системы; свѣтъ отъ пламени на землѣ показываетъ душу токмо въ частномъ отраженіи [1]).

Планеты также усиливаются быть одинаковыми съ солнцемъ, но въ собственномъ ихъ качествѣ. Поэтому въ нихъ два состоянія: одно, когда подвергаются могуществу солнца, другое, когда онѣ преимуществуютъ въ своей силѣ. Подъ экваторомъ владычествуетъ солнце (стремленіе земли къ солнцу, годовое обращеніе, всегдашняя дневная теплота на семъ поясѣ). Въ полосахъ господствуетъ сила земли (удерживается на оси, обращается вокругъ себя, холодъ). Подъ экваторомъ и полюсами состоянія земли постоянны, между экваторомъ и поворотными кругами—перемѣнны, смотря по преимущественному въ нихъ качеству экватора (лѣтомъ для сѣвернаго пояса, отчего и теплота) или полюсовъ (зимою стужа). Теплота и стужа не отъ особыхъ веществъ проистекаютъ, а суть внѣшнія явленія внутренняго состоянія земли относительно къ солнцу [2]). Объясненія („обыкновенной физики") присутствіемъ и отсутствіемъ теплотвора, тончайшаго вещества, неосновательны, когда мнимаго теплотвора нѣтъ и въ природѣ.

Свѣтомъ изъявляется сущность природы со стороны дѣйствія или духа, теплотою—со стороны бытія или тѣла. Теплота тѣлъ происходитъ отъ ослабленія связи атомовъ состава, и холодъ—отъ усилія той же связи. Теплота есть напряженіе къ разрушенію особенности тѣлъ и прехожденію въ одинакое жидкое состояніе. Холодъ состоитъ въ напряженіи тѣла къ

---

[1]) Стр. 26.

[2]) Стр. 27.

утвержденію своей особенности и пребыванію въ ней. Посему же въ теплотѣ тѣла расширяются, а въ холодѣ сжимаются. Горящее тѣло находится въ дѣйствительномъ разрушеніи своего состава; обнаруживаются при этомъ свѣтъ (начало дѣйствія) и теплота (единообразіе бытія матеріи).

Лѣтній зной и зимняя стужа не зависятъ отъ развитія изъ тѣлъ теплотвора, или сокрытія его въ тѣлахъ: онѣ суть слѣдствія различныхъ напряженій земли, которая лѣтомъ приходитъ въ состояніе, сообразное солнцу, а зимою пребываетъ въ усиленной особенности. Перемѣнная температура и погода также зависятъ отъ безпрерывнаго напряженія земли въ электрическомъ дѣйствіи ея съ солнцемъ.

Шубертъ правъ въ томъ, что мы не можемъ знать вещества солнца, но трудно повѣрить, чтобы удѣльная тяжесть его массы равнялась тяжести воды [1]).

Вещество солнца, кометъ, планетъ и ихъ спутниковъ должно быть различно, отъ чего зависитъ отдѣльное пребываніе каждаго и взаимное ихъ дѣйствіе. Важность солнца въ системѣ міра и его наружное великолѣпіе требуетъ, чтобы его вещество и всѣ на немъ произведенія были *несравненно* превосходнѣе тѣхъ, изъ которыхъ состоитъ наша земля.

Докторъ Велланскій.

1 марта 1814 г.

Въ Санктпетербургѣ.

Эта подпись „докторъ“ и дала поводъ Шуберту (см. выше, стр. 117) называть его въ своемъ отвѣтѣ именно „докторомъ“.

---

[1]) Стр. 28.

Обратимся теперь еще къ двумъ трудамъ Д. М. Велланскаго, а именно къ его переводамъ учебниковъ *Г. Прохаски* и *Ф. Гартмана.*

Прохаска и Гартманъ были почетными членами Петербургской медицинской академіи [1]), гдѣ Д. М. Велланскій состоялъ профессоромъ. Очевидно, что оба эти заграничные медика пользовались авторитетомъ въ Академіи, ибо по распоряженію конференціи въ руководство студентамъ, слушавшимъ у Велланскаго лекціи физіологіи и патологіи, назначались именно учебники—физіологіи Прохаски и патологіи—Гартмана [2]).

Слѣдуя общему плану, мы обратимся сначала къ жизни и трудамъ поименованныхъ свѣтилъ медицинской науки того времени.

---

[1]) Георгій Прохаска, Императорско-Королевскій Правленія Совѣтникъ и Вѣнскаго Университета высшей Анатоміи и Физіологіи Профессоръ, былъ избранъ въ почетные члены академіи 5 августа 1811 г. (№ 49), а Филиппъ Карлъ Гартманъ, профессоръ патологіи и фармакологіи Вѣнскаго университета—19 октября 1818 г. (№ 88). «Приложенія къ исторіи Императорской Военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) Академіи». 1798—1898. СПБ. 1898; стр. 199, столбецъ 2, и 201, ст. 1.

[2]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 65.

Georg Prochaska родился въ Lispitz въ Моравіи 10 апрѣля 1749 г., на 18-мъ году получилъ степень доктора философіи, а затѣмъ посвятилъ себя изученію медицины въ Прагѣ и Вѣнѣ, былъ 2 года ассистентомъ въ медицинской клиникѣ *de Haën*'а и въ 1776 г. былъ промовированъ въ доктора медицины. При вѣнскомъ медицинскомъ факультетѣ онъ сталъ доцентомъ анатоміи и вмѣстѣ съ тѣмъ помогалъ офтальмологу Barth въ его работѣ и практикѣ. За два труда De carne musculari tractatus и De structura nervorum онъ получилъ экстраординарнаго профессора анатоміи въ 1776 г., а въ 1778 г. по рекомендаціи Барта выбранъ въ Прагѣ профессоромъ анатоміи и офтальмологіи, въ каковомъ званіи пробылъ 11 лѣтъ. Сначала преподавалъ Прохаска анатомію и физіологію, а потомъ ограничивался одною физіологіею. За это время онъ опубликовалъ Quaestiones physiologicae, quae vires cordis et motum sanguinis per vasa animalia concernunt (гдѣ онъ пытался доказать, что давленіе отъ сокращенія сердца на кровяной столбъ простирается за предѣлы капиллярной системы, и что такимъ образомъ оно помогаетъ обратному теченію крови черезъ венозную систему) и Adnotationes academicae continentes observationes et descriptiones anatomicas (III fasc. 1780—1784). Третье изъ этихъ изслѣдованій трактуетъ о нервной системѣ. По мнѣнію Прохаски, дѣятельность ея можно уподобить электрическому возбужденію. Моторные нервы берутъ свое начало въ centrum commune— тамъ же, гдѣ оканчиваются чувствительные нервы; здѣсь то впечатлѣнія отъ внѣшнихъ воздѣйствій передаются или рефлектируются на двигательные нервы, причемъ уголъ отраженія не всегда равенъ углу паденія. Этого centrum commune нельзя искать только въ мозгу, ибо и у обезглавленныхъ лягушекъ обнаруживаются рефлекторныя движенія; значитъ, sensorium commune заключается и въ нервныхъ гангліяхъ и т. д. Неизвѣстно, былъ ли знакомъ Прохаска съ теоріями Декарта.

Но онъ первый занимался этими вопросами экспериментально и является достойнымъ предшественникомъ Marshall Hall'я. Въ 1791 г. Прохаска былъ приглашенъ въ Вѣну на мѣсто Барта профессоромъ анатоміи, физіологіи и офтальмологіи; но имѣя большую практику по глазнымъ болѣзнямъ, онъ ограничился преподаваніемъ одной физіологіи. Въ 1819 г онъ достигъ предѣльнаго возраста для профессоровъ—70 лѣтъ и вышелъ въ отставку, а 17 іюля 1820 г. умеръ. Въ Вѣнѣ онъ издалъ свои Institutiones physiologiae humanae въ 1805—6 годахъ. Совершенная переработка этого сочиненія вышла въ 1820 г. подъ заглавіемъ Physiologie oder Lehre von der Natur des Menschen. Въ первой редакціи Прохаска весьма рѣшительно признаетъ анимистическую теорію Шталя, родственную виталисму, считая вмѣстѣ съ нимъ „душу за причину всѣхъ функцій человѣческаго тѣла, происходятъ ли онѣ съ сознаніемъ, или и безъ него". Согласно съ Рейлемъ, [1]) Прохаска называетъ силу, проистекающую изъ anima—Lebenskraft, жизненною силою. Но во второй редакціи онъ замѣчаетъ, что физическія (както: механическія, гидравлическія и т. п.) и химическія силы не составляютъ еще жизни, а жизненный принципъ или жизненная сила сводится на гальваническія полярности.

Такими же натурфилософскими размышленіями наполненъ его Versuch einer empirischen Darstellung des polarischen Naturgesetzes und dessen Anwendung auf die Thätigkeiten der organischen und unorganischen Körper mit einem Rückblicke auf den thierischen Organismus, 1815.

Въ сочиненіи Bemerkungen über den Organismus des menschlichen Körpers und über die denselben betreffenden arteriösen und venösen Haargefässe nebst der darauf gegründeten Theorie der Ernährung, 1810, Прохаска сообщаетъ свои

---

[1]) См. о Рейлѣ мое сочиненіе «Философія въ Россіи», т. V, стр. 90—91.

интересные опыты надъ явленіями диффузіи въ тканяхъ стѣнокъ артерій и предлагаетъ свои взгляды на образованіе костей.

Его лучшею работою А. Хиршъ считаетъ Disquisitio anatomico-physiologica organismi corporis humani ejusque processus vitalis, 1812; здѣсь онъ излагаетъ свою теорію о нервахъ спинного мозга, изъ которыхъ одни идутъ центрифугально, другіе—центрипетально. Здѣсь же Прохаска восклицаетъ: Limites non constant, ultra quos progredi ingenio humano non datur.

Въ Schriften der Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften, въ Wiener Beiträge zur practischen Arzneikunde и въ Abhandlungen der K. K. Joseph. med.-chirurg. Akademie имѣются еще статьи Прохаски по физіологіи, патологической анатоміи и офтальмологіи.

Прохаска встрѣчалъ при жизни мало похвалы и признанія. Послѣ смерти лишь признали въ немъ мыслителя и основательнаго ученаго, который пересоздавалъ науку не только философски, но и на почвѣ экспериментальнаго изслѣдованія.

Что касается интересующаго насъ учебника физіологіи, то Прохаска издалъ свое руководство сначала по латыни подъ заглавіемъ Institutiones physiologiae humanae in usum praelectionum conscriptae въ 2 томахъ, Вѣна, 1805—6. Нѣмецкій текстъ этого сочиненія вышелъ, правда, не въ полномъ видѣ, еще ранѣе подъ заглавіемъ Lehrsätze aus der Physiologie des Menschen въ 2 томахъ, 1797, II изданіе въ 1802 г., и III-е въ 1810 г. Полная переработка руководства физіологіи вышла наконецъ въ 1820 г.—и съ нея то былъ сдѣланъ переводъ Д. М. Велланскимъ [1]).

Въ предисловіи къ переводу, изданному въ 1822 г., Велланскій ни словомъ не упоминаетъ о прежнемъ переводѣ ла-

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 78.

тинскаго изданія: „Наставленія естествословія человѣческаго для руководства при преподаваніи. Сочиненіе Г. Прохаски. Переводъ съ латинскаго". 2 ч. СПБ. 1809. 8-°, 290+241 стр. Этотъ переводъ тоже приписывается Д. М. Велланскому, но вполнѣ ошибочно, какъ доказали мы въ своей библіографической замѣткѣ [1]). Переводъ съ латинскаго былъ сдѣланъ не Велланскимъ, а его соперникомъ и конкуррентомъ Ясономъ Васильевичемъ Петровымъ (сыномъ извѣстнаго одописца екатеринина вѣка). Ясонъ Петровъ въ 1809 г. по смерти профессора ботаники и фармакологіи Рудольфа, при которомъ Д. М. Велланскій состоялъ адъюнктомъ, перехватилъ у послѣдняго вакантную каѳедру [2]). За свой переводъ труда Прохаски Я. В. Петровъ получилъ 470 р. награжденія (стр. 77).

Переводъ Велланскаго вышелъ подъ такимъ заглавіемъ:

Физіологія или наука о естествѣ человѣческомъ. Сочиненіе доктора и профессора Георгія Прохаски, переведено съ Нѣмецкаго, изъ послѣдняго изданія 1820 года, академикомъ, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Даниломъ Велланскимъ. СПБ. 1822. 8-°. Титулъ+„Оглавленіе содержаній"—2 ненум. стр.+Предисловіе—4 ненум.,+текста 634 стр.+„Опечатки"—2 ненум. стр. Всего 408 §§.

Предисловіе подлинника оставлено безъ перевода.

Въ подлинникѣ это сочиненіе озаглавлено такъ:

Physiologie oder Lehre von der Natur des Menschen. Von Dr. u. Prof. Georg *Prochaska*, k. k. N. Ö. Reg. Rath, des österreichisch-kaiserlichen Leopolds-Orden Ritter und mehrerer gelehrten Gesellschaften Mitglied. Wien, 1820.

Bey Carl Ferdinand Beck. Тит.+Vorrede III—XIV+Inhalts-Überblick XV—XVI+текста 608 стр. (Lettern und Druck von Anton v. Haykul)+Verbesserungen ($^1/_2$ стр.). Форматъ: 8.

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 76—78.

[2]) Тамъ же, стр. 63—64.

Erster Abschnitt. Von der äussern Beschaffenheit des Menschen, §§ 1—18, стр. 1—13. *Zweyter Abschnitt.* Von den Bestandtheilen des menschlichen Körpers und ihrer Mischung, §§ 19—36, стр. 14—25. *Dritter Abschnitt.* Das Leben überhaupt aus den Gesetzen electrischen Prozesses abgeleitet, §§ 37—66, стр. 26—72. *Vierter Abschnitt.* Von den Nerven—und Seelenverrichtungen überhaupt, §§ 67—151, стр. 73—220. *Fünfter Abschnitt.* Von dem Kreislauf des Blutes überhaupt, §§ 152—187, стр. 221—268. *Sechster Abschnitt.* Von dem Athmen und dessen Nutzen für das Leben überhaupt, §§ 188—228, стр. 269—333. *Siebenter Abschnitt.* Von dem Ernährungs—oder Reproductionsprozesse überhaupt, §§ 229—319, стр. 334—474. *Achter Abschnitt.* Von der Zeugung überhaupt, §§ 320—386, стр. 475—575. *Neunter Abschnitt.* Von dem Alter überhaupt und seinen Eintheilungen, §§ 387—408. стр. 576—608.

Въ предисловіи къ переводу Прохаски учебника физіологіи Велланскій высказываетъ слѣдующія мысли:

Предметъ Физической антропологіи (которую обыкновенно называютъ физіологіею) есть познаніе естественныхъ свойствъ человѣка. Подобно другимъ физическимъ наукамъ, она имѣетъ неодинакій способъ изложенія одного и того же. Физіологическое сочиненіе цѣнится различно по различному понятію или *предубѣжденію разсматривающихъ оное.* Сочиненіе Прохаски въ нѣкоторыхъ училищахъ служитъ руководствомъ; оно гораздо совершеннѣе всѣхъ прежнихъ его изданій и болѣе способно для руководства въ физіологіи, особенно для медицинскихъ свѣденій. Послѣднее изданіе передѣлано сообразно *другому* понятію о жизни и дѣятельности человѣческаго организма, разсматриваемаго здѣсь болѣе въ связи съ общею природою и частными ея произведеніями. Но жизнь организма разсматривается въ однихъ видахъ дѣйствительнаго образованія, безъ всякаго отношенія къ понятію возможной ея сущ-

ности; а посему *все физіологическое изложеніе* остается *неудовлетворительнымъ*. Животный организмъ не представленъ въ сообразіи и различіи его съ растительнымъ по происхожденію, состоянію и значенію ихъ въ природѣ. Дѣйствія человѣческаго организма разсмотрѣны не въ надлежащемъ порядкѣ: слѣдовало бы начинать съ низшихъ и восходить къ высшимъ. Пищевареніе, отдѣленіе и питаніе, низшія дѣйствія, свойственныя и растеніямъ, изложены послѣ чувствованія и произвольнаго движенія, свойственныхъ только высшей жизни животныхъ. Однако, по обстоятельности изложенія (физическихъ и химическихъ опытовъ, анатомическихъ и физіологическихъ наблюденій и т. п.) и обилію примѣровъ, сочиненіе Прохаски лучшее въ своемъ родѣ. Въ переводѣ не сдѣлано никакихъ замѣчаній, толкованій и прибавленій: они должны быть предоставлены изустному толкованію учащаго.

Отдѣленіе *первое* „Физіологіи" Прохаски трактуетъ о внѣшнихъ качествахъ человѣка. Отдѣленіе *II*—О составныхъ частяхъ человѣческаго тѣла и смѣшеніи оныхъ (стр. 14). Отдѣленіе *третье* (стр. 28) имѣетъ своимъ предметомъ „общую жизнь, происходящую по законамъ електрическаго процесса". Отдѣленіе *IV* говоритъ о нервныхъ и душевныхъ дѣйствіяхъ вообще (79), объ ощущеніи, вкусѣ, обоняніи, слухѣ, зрѣніи, о внутреннихъ чувствахъ (179), мышечномъ движеніи, стояніи и хожденіи, о снѣ (222).

Въ отдѣленіи *пятомъ*: о кровообращеніи вообще (232), крови, сердцѣ, артеріяхъ и венахъ, о кругообращеніи крови въ особенности (260), о силахъ, приводящихъ кровь въ обращеніе, о различномъ движеніи крови (272). Предметомъ *шестого* отдѣленія служитъ разсужденіе о дыханіи и пользѣ онаго для жизни вообще, о воздухѣ, дыхательныхъ органахъ, о механизмѣ дыханія и различномъ употребленіи онаго, о разныхъ измѣненіяхъ въ дыханіи, о голосѣ, пѣніи и о рѣчѣ (328). Отдѣленіе *седмое* трактуетъ о питательномъ или возстановительномъ процессѣ вообще (349), объ испаринѣ, о

мочѣ, голодѣ и жаждѣ, пищи и питіи, жеваніи и глотаніи, пищевареніи и о происхожденіи млечнаго сока (chylificatio). При этомъ разсматриваются сальникъ (421), селезенка, поджелудочная желѣза, печень и желчь, кишечный каналъ и дѣйствіе онаго. Затѣмъ говорится о всасываніи млечнаго сока и другихъ жидкостей (448), кровотвореніи, питаніи въ особенности, о происхожденіи жира и отдѣленіи соковъ. Отдѣленіе *осьмое* излагаетъ процессы половой жизни. Излагается теорія и факты: о рожденіи вообще (494), о различіи пола, мужскихъ и женскихъ дѣтородныхъ частяхъ, женскихъ грудяхъ, мѣсячномъ очищеніи, произведеніи и зачатіи плода и образованіи зародыша. Къ этому присоединено: объ уродливости зародыша (561), о жизни зародыша, о беременности и родахъ. Отдѣленіе *девятое*, наконецъ, имѣетъ общій характеръ: говорится о возрастѣ, и раздѣленіи онаго (600), о дѣтскомъ, юношескомъ и мужскомъ возрастѣ, о старости и смерти, объ измѣненіи человѣческаго тѣла послѣ смерти (626).

Philipp Karl Hartmann родился 20 января 1773 г. въ Heiligenstadt im Eichsfelde. Учился сначала въ Гёттингенѣ, потомъ въ Вѣнѣ у Петра Франка [1]) и въ 1799 г. получилъ здѣсь доктора медицины. Свою карьеру онъ началъ ассистентомъ у полицейскаго врача Барта, а потомъ въ 1803 г. онъ былъ назначенъ физикомъ при домѣ призрѣнія въ Mauersbach у Вѣны. Своими критическими трудами о броуніанисмѣ и о новой натурфилософской школѣ онъ быстро обратилъ на себя вниманіе ученаго міра, и уже въ 1806 г. былъ приглашенъ въ Ольмюцъ профессоромъ теоретической и практической медицины при тамошнемъ лицеѣ, а въ 1810 г. сталъ ректоромъ его. Въ 1811 году онъ былъ уже приглашенъ въ Вѣну ординарнымъ профессоромъ общей патологіи и ученія о врачебныхъ средствахъ. Въ 1814 г. его приглашали въ Россію, въ 1819 г. въ Боннъ проф. мед. клиники, и въ 1823 директоромъ Charité въ Берлинъ, но онъ отклонилъ всѣ эти приглашенія, а въ 1829 г. онъ сдѣлался въ Вѣнѣ же профессоромъ медицинской клиники при общей больницѣ, каковой профессуры онъ долго добивался. Многочисленныя служебныя занятія надорвали его силы; онъ умеръ отъ удара 5 марта 1830 года. Гартманъ отличался скромностью и общительностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣчательною энергіею въ проведеніи своихъ убѣжденій, что̀ однако не

---

[1]) См. о П. Франкѣ мое сочиненіе «Философія въ Россіи», т. V, стр. 85—89. О Гартманѣ: Holger, Hartmann aus seinem Wirken geschildert, 1831, Wawruch, Oratio funebris in sacris parentalibus P. C. Hartmanni, 1830, Wiener Zeitung, 1830, 188 (перепеч. въ Salzburg. med.—chir. Zeitung, 1830, II, p. 317). Работы Гартмана перечислены всѣ у Callisen, Lex., т. XXVIII, p. 396.

озлобляло его враговъ и противниковъ. Первыя работы Гартмана были направлены противъ шеллинговцевъ и броуніанцевъ. Analyse der neueren Heilkunde, 2 части, 1802 рѣзко раскрываетъ ошибки и односторонность теоріи возбужденія (Erregungstheorie); Броунъ и Röschlaub, обративъ вниманіе на явленія организма, забыли, по мнѣнію Гартмана, о самомъ организмѣ и о матеріи: такъ какъ функція исходитъ изъ органовъ, то измѣненіе функцій предполагаетъ де необходимо— измѣненіе матеріи. Врагомъ натурфилософіи онъ выступаетъ въ статьѣ Einfluss der Philosophie in die Theorie der Heilkunde (Salzb. med.-chirg. Zeitung, 1805, № 28, 29, II, стр. 19—58); апріорное изслѣдованіе свело естествознаніе и медицину на ложные пути: только въ кантовомъ критицисмѣ можно де найти философскія положенія, годныя для обработки теоріи медицины. Эта же мысль проводится и въ Beiträge zur Theorie der Heilkunde (Oesterr. med. Jahrbb., 1813, II, Heft I, стр. 79, Heft 2, стр. 99): врачъ, желающій съ успѣхомъ теоретизировать, долженъ быть философомъ, изслѣдующимъ природу (naturforschender Philosoph).

Между его позднѣйшими трудами особенно замѣчательна Theoria morbi seu pathologia generalis, 1814, II изд. 1828, нѣмецкое изданіе 1823. Гартманъ изложилъ предметъ съ точки зрѣнія эклектика, и такъ удачно, что его учебникъ долгое время употреблялся вездѣ съ особенною любовью. Такъ же понравилась большинству и его опытная психологія Der Geist des Menschen in seinen Verhältnissen zum physischen Leben oder Grundzüge zu einer Physiologie des Denkens, 1820, 2-е изд., 1831. Кромѣ того, у Гартманна были еще разныя небольшія работы. Свои наблюденія въ Ольмюцѣ надъ тифомъ онъ изложилъ въ Sicherungsanstalten und Verwahrungsmittel gegen ansteckende Nerven—und Faulfiber, 1810 и Theorie des ansteckenden Typhus und seine Behandlung, 1812. Притомъ, онъ составилъ еще учебникъ Pharmacolo-

gia dynamica, 2 т., 1816, 2-е изд. 1829, сотрудничалъ въ обработкѣ австрійской фармакопеи изд. 1812 и 1820 гг. и редактировалъ изданные вѣнскими профессорами 6 томовъ Beobachtungen und Abhandlungen aus dem Gebiete der practischen Heilkunde, 1819—28 и первые 9 томовъ Medicinische Jahrbücher des österreichischen Staates. Его лекціи по общей терапіи появились послѣ смерти въ 1835 году въ анонимномъ изданіи подъ заглавіемъ Therapia generalis и въ 1836 Institutiones medicae therapiae generalis съ примѣчаніями Knolz'a.

Учебникъ Гартмана, переведеный Д. М. Велланскимъ, вышелъ въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Общая Паѳологія Филиппа Карла Гартмана, Доктора и Профессора Медицины въ Вѣнскомъ университетѣ. Переведена съ нѣмецкаго академикомъ, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Даниломъ Велланскимъ. СПБ. 1825 года, 8-°. Титулъ +3 ненум. стр. „Предисловіе" + 1 пустая стр. + 6 ненум. „Оглавленіе содержаній" + текста 650 стр. + 2 ненум. „Погрѣшности". Всего 865 §§.

Послѣ введенія предлагается опредѣленіе и раздѣленіе *общей паѳологіи* (стр. 13), излагается ея исторія (18), раздѣляющаяся на двѣ эпохи (вторая начинается отъ „возстановленія наукъ"). *Первая часть*, общая носологія трактуетъ о болѣзни вообще (56) и о предметѣ, подверженномъ болѣзни (стр. 65). Слѣдуетъ общее раздѣленіе болѣзней на *динамическія* и *органическія* (механическія). *Первое* отдѣленіе разсматриваетъ: I) динамическія болѣзни вообще (76) и трактуетъ II) о болѣзняхъ органическаго образованія (103). Изслѣдуется: болѣзненное состояніе пищеваренія, неправильное превращеніе чуждыхъ веществъ въ организмъ и ненадлежащее кровотвореніе, болѣзненное состояніе образовательнаго процесса, зависящее отъ неправильнаго отдѣленія, болѣзненное питаніе плотныхъ частей тѣла, ненадлежащее испражненіе,

болѣзненное рожденіе. III) О болѣзняхъ органическаго движенія: болѣзненное движеніе клѣтчатой плевы, болѣзненное возбужденіе нервовъ и мышицъ. Отдѣленіе *второе* посвящено болѣзнямъ органическимъ (209): Нарушеніе цѣлости состава, органическіе недостатки касательно неправильной величины и несообразнаго вида органовъ, неправильная связь органовъ, неправильное ихъ положеніе, неправильное механическое содержаніе жидкостей къ ихъ сосудамъ.

Часть *вторая*, *симптоматологія* (249), посвящена болѣзненнымъ явленіямъ вообще. Отдѣленіе *первое* трактуетъ о болѣзненныхъ явленіяхъ въ *растительной* системѣ: I) болѣзненныя явленія въ дѣйствіяхъ пищеварительнаго канала, II) Припадки болѣзненнаго плотоуподобленія, III) О явленіяхъ болѣзненнаго дыханія; припадки голоса и рѣчи, IV) О болѣзненныхъ явленіяхъ въ кровообращеніи, V) О явленіяхъ болѣзненнаго отдѣленія, VI) Болѣзненное питаніе, VII) О припадкахъ болѣзненныхъ испражненій, разстройство кожной испарины и припадки болѣзненнаго мочеиспражненія, VIII) Припадки дѣтородныхъ дѣйствій въ a) мужескомъ и b) женскомъ полѣ. Отдѣленіе *второе* трактуетъ о болѣзненныхъ явленіяхъ въ *животной* системѣ: I) болѣзненныя явленія внѣшнихъ чувствъ, припадки осязанія, вкуса, обонянія и слуха (385), II) О припадкахъ мысленныхъ дѣйствій и состоянія духа, III) Припадки произвольнаго движенія мышицъ, IV Припадки сна. *Общая исторія болѣзни* обнимаетъ I) мѣстныя содержанія болѣзни: 1) Содержанія болѣзней по ихъ мѣстопребыванію и распространенію въ организмѣ (417), Содержаніе болѣзни къ болящему лицу и 3) къ человѣческому обществу и членамъ онаго,—и II) Содержанія болѣзни относительно къ времени (427): 1) начало болѣзни во времени, 2) ея прохожденіе, 3) премѣненіе болѣзней во времени, 4) продолженіе и 5) исходъ болѣзни (446).

Часть третья, этіологія. Отдѣленіе *первое* трактуетъ о *расположеніи* къ болѣзнямъ (466) (общее и особенное расположеніе къ болѣзни): I) Наслѣдственное и врожденное расположеніе, II) Расположеніе къ болѣзнямъ, зависящее отъ возраста, III) Болѣзненное расположеніе, зависящее отъ свойствъ пола, IV) отъ темперамента, V) тѣлосложенія. VI) отъ рода жизни и привычки (стр. 489). Отдѣленіе *второе* трактуетъ о *болѣзнетворныхъ вліяніяхъ*: I) Внѣшнія вредоносныя вліянія, A) Внѣшнія *динамическія* вліянія, вліяніе всемірныхъ содержаній на происхожденіе болѣзней (497), вліяніе Солнца на человѣческій организмъ, свѣтъ, електричество, внѣшняя теплота и стужа, болѣзненныя вліянія атмосфернаго воздуха, годовыя времена и непогоды, климатъ. Затѣмъ авторъ говоритъ о динамическихъ содержаніяхъ человѣка къ Землѣ и ея произведеніямъ: питательныя средства, пища, питіе (573), вредное употребленіе лекарствъ, яды (584), заразительныя вещества или заразы. Затѣмъ разсматриваются B) Внѣшнія *механическія* вліянія (604). II) Внутреннія вредоносныя вліянія: A) внутреннія *динамическія* вліянія: вредное дѣйствіе внѣшнихъ чувствъ, вредное вліяніе воображенія, ненадлежащее состояніе высшихъ способностей духа, вредное вліяніе нравственныхъ поступковъ на здравіе человѣка, произвольное движеніе мышицъ, наносящее вредъ, сонъ и бдѣніе, какъ причина болѣзни (629), злоупотребленіе похоти, произведенія дезорганизаціи и неправильнаго образованія въ тѣлѣ (634). B) § 865, стр. 650. Внутреннія *механическія* поврежденія (движенія собственныхъ органовъ тѣла, измѣняющія мѣстныя содержанія онаго, накопившіяся жидкости, превратно образованныя плотныя части, каменистыя сращенія).

Въ подлинникѣ книга озаглавлена такъ:

Ph. C. *Hartmann's*, Drs und K. K. Professors der Heilkunde an der Universität in Wien, Theorie der Krankheit, oder allgemeine Pathologie. Nach dem lateinischen Originale frey bearbeitet vom Verfasser. Wien, 1823. Gedruckt und im Verlage bey Carl Gerold. Vorrede III—VI (датировано In der Universität zu Wien, den 20. August 1822. Der Verfasser) + Inhalt VII—XXXVI + текста 644 стр. (865 §§).

Мы приведемъ здѣсь краткій обзоръ содержанія книги.

Einleitung (§ 1—17)—стр. 1—12. Титулъ: Allgemeine Pathologie. Bestimmung und Eintheilung derselben (§§ 18—25), стр. 15—19. Geschichte der allgemeinen Pathologie (§§ 26—62), стр. 19—45. Literatur der Pathologie, стр. 46—55.

Allgemeine *Nosologie*. Von der Krankheit überhaupt (§§ 63—76), стр. 56—64. Von dem Subjecte der Krankheit (§§ 77—83), стр. 64—70. Allgemeine Eintheilung der Krankheiten (§§ 84—92), стр 70—75. Erster Abschnitt. Von den dynamischen Krankheiten. Erstes Hauptstück. Von den dynamischen Krankheiten überhaupt (§§ 93—132), стр. 76—101, Zweytes Hauptstück. Von den Krankheiten der organischen Bildung (§§ 133—150), стр. 102—114, Krankhafter Zustand der Verdauung (§§ 151—162), стр. 114—125, Krankhafte Bildung, in so fern sie aus gestörter Assimilation und Blutbereitung hervorgeht (§§ 163—182), стр. 125—142, Krankhafter Zustand des Bildungsprozesses, begründet durch regelwidrige Secretion (§§ 183—199), стр. 142—157, Krankhafte Bildung, in so fern sie sich durch krankhafte Ernährung der festen Gebilde offenbart (§§ 200—215) стр. 157—170, Von der regelwidrigen Excretion in Beziehung auf den krankhaften Bildungsprozess (§§ 216—219), стр. 170—173, Von der krankhaften Zeugung (§§ 220—222), стр. 173—175. Drittes Hauptstück. Von den Krankheiten der organischen Bewegung (§§ 223—239), стр. 176—188,

Von der krankhaften Zellenbewegung (§§ 240—244), стр. 188—191, Von der krankhaften Nervenerregung (§§ 245—250), стр. 191—194, Von der krankhaften Muskelerregung (§§ 251—255), стр. 194—197. Zweyter Abschnitt. Von den Organisationskrankheiten (§§ 256, 257), стр. 198—200, Erstes Hauptstück. Von den Verletzungen des Zusammenhanges (§§ 258—265), стр. 200—205, Zweytes Hauptstück. Von den Organisationsfehlern, welche sich auf regelwidrige Grösse und unverhältnissmässige Gestaltung der Organe beziehen (§§ 266—280), стр. 205—215, Drittes Hauptstück. Von der regelwidrigen Verbindung der Organe unter einander (§§ 281—285), стр. 216—219, Viertes Hauptstück. Von der regelwidrigen Lage der Organe (§§ 286—302), стр. 219—231, Fünftes Hauptstück. Von dem regelwidrigen mechanischen Verhältnisse der Flüssigkeiten zu ihren Gefässen (§§ 302—308), стр. 232—235.

Symptomatologie, Bestimmung der Symptomatologie (§§ 309—312), стр. 236 [1])—238. Eigentliche Symptomatologie. Krankheitserscheinungen überhaupt (§§ 313—319), стр. 239—242, Erster Abschnitt. Von den Krankheitserscheinungen im vegetativen Systeme (§ 320), стр. 243, Erstes Hauptstück. Von den Krankheitserscheinungen in den Verrichtungen des Speisekanals (§§ 321—346), стр. 243—263. Zweytes Hauptstück. Von den Erscheinungen der krankhaften Assimilation (§§ 347, 348), стр. 263, 264, Drittes Hauptstück. Von den Erscheinungen des krankhaften Athmens (§§ 349—370), стр. 265—280, Die Symptome der Stimme und Sprache (§§ 371—377) стр. 280—283, Viertes Hauptstück. Die krankhaften Erscheinungen im Kreislaufe des Blutes (§§ 378—394), стр. 283—299, Fünftes Hauptstück. Die Erscheinungen krankhafter Absonderungen (§ 395—406), стр. 300—310, Sechstes Hauptstück. Die Symptome der Ernährung (§ 407), стр.

---

[1]) Въ оглавленіи (стр. XV) опечатка: 237.

310, Siebentes Hauptstück. Die Symptome der Ausleerungen (§ 408), стр. 311, Von den Erscheinungen gestörter Hautausdünstung (§§ 409—417), стр. 311—319, Erscheinungen der Harnausleerung im krankhaften Zustande (§§ 418—442), стр. 319— 337, Achtes Hauptstück. Die Krankheitszufälle in den Geschlechtsverrichtungen. A. Beym männlichen Geschlechte (§§ 443—449), стр. 338—344. B. Beym weiblichen Geschlechte (§§ 450—471), стр. 344—358. Zweyter Abschnitt. Krankheitserscheinungen im animalischen Systeme (§ 472), стр. 359, Erstes Hauptstück. Von den Krankheitserscheinungen der äussern Sinnlichkeit (§§ 473), стр. 360, Von den Symptomen des Gemeingefühls (§§ 474—482), стр. 360—366, Von den Symptomen des Tastsinnes, des Geschmackes und Geruches (§§ 483—486), стр. 366—369, Die Symptome des Gehörsinnes (§§ 487—490), стр. 369—371, Die Symptome des Gesichtsinnes (§§ 491—507), стр. 371—383. Zweytes Hauptstück. Von den Zufällen, welche sich auf die Aeusserungen des Erkenntnissvermögens und des Gemüthes beziehen (§§ 508—521), стр. 383 [1])—394, Drittes Hauptstück. Die Symptome der willkürlichen Muskelbewegung (§ 522), стр. 395—396, Viertes Hauptstück. Von den Symptomen, welche der Schlaf darbietet (§§ 523—526), стр. 396—399. Allgemeine Geschichte der Krankheit (§ 527), стр. 400, Erstes Hauptstück. Allgemeine Raumverhältnisse der Krankheit (§ 528), стр. 400: 1) Verhältnisse der Krankheiten, welche durch ihren Sitz und durch ihre Ausbreitung im ergriffenen Organismus bestimmt werden (§§ 529—534), стр. 401—404; 2) Verhältnisse der Krankheit zum erkrankten Individuum (§ 535) стр. 405; 3) Verhältnisse der Krankheit zur menschlichen Gesellschaft und ihren Gliedern (§§ 536—542), стр. 405—411. Zweytes Hauptstück. Die zeitlichen Verhältnisse der Krankheit (§ 543), стр. 412: 1) Von der Entstehung der Krank-

[1]) Въ оглавленіи (стр. XXII) опечатка: 338.

heit in der Zeit (§§ 544—546), стр. 412—413; 2) Von dem Verlaufe der Krankheit (§§ 547—556), стр. 414—420; 3) Von dem Typus der Krankheiten (§§ 557—571), стр. 421—430; 4) Von der Dauer der Krankheit (§§ 572—573) [1]), стр. 430—432; 5) Von dem Ausgange der Krankheit (§§ 574—592), стр. 432—449. *Aetiologie.* Allgemeine ätiologische Begriffe (§§ 593—601), стр. 450—454, Erster Abschnitt. Von der Krankheitsanlage (§ 602), стр. 455, Von der allgemeinen Krankheitsanlage des Menschen (§ 603), стр. 455—456, Von der besondern Krankheitsanlage (§§ 604, 605), стр. 456—457, Erstes Hauptstück. Von der erblichen und angebornen Krankheitsanlage (§ 606), стр. 457, Zweytes Hauptstück. Von der durch das Alter bedingten Krankheitsanlage (§§ 607—616), стр. 458—463, Drittes Hauptstück. Von der Krankheitsanlage, welche aus den Eigenthümlichkeiten des Geschlechtes hervorgeht (§§ 617—620), стр. 464—468, Viertes Hauptstück. Von der Krankheitsanlage, in so fern sie vom Temperamente abzuleiten est (§§ 621—628), стр. 468—473, Fünftes Hauptstück. Von der mit dem Körperbau in Verbindung stehenden Krankheitsanlage (§§ 629—634), стр. 474—477, Sechstes Hauptstück. Von der duch die Lebensweise und Gewohnheit bestimmten Krankheitsanlage (§§ 635—638), стр. 477—479. Zweyter Abschnitt. Von den krankheiterregenden Schädlichkeiten (§§ 639—650), стр. 480 [2])—486, Erstes Hauptstück. Von den äussern Schädlichkeiten. A. Von den äussern dynamischen Schädlichkeiten (§ 651), стр. 486, 487, Von dem Einflusse der kosmischen Verhältnisse auf die Entstehung der Krankheiten (§§ 652—653), стр. 487, 488, Von den ätiologischen Verhältnissen der Sonne zum menschlichen Organismus (§ 654), стр. 489, Von dem Lichte (§§ 655—658), стр. 489—491, Von der Elektricität (§§ 659—665), стр. 492—

---

[1]) Опечатка § 773.

[2]) Въ оглавленіи (стр. XXVII) опечатка: 479

495, Von der äussern Wärme (§§ 666—681), стр. 495—511, Von den krankmachenden Einflüssen der atmosphärischen Luft (§§ 682—697), стр. 511—524, Von den Jahreszeiten und der Witterung (§§ 698—711), стр. 525—533, Von dem Klima (§§ 712—718), стр. 533—539 [1]), Von den dynamischen Verhältnissen des Menschen zur Erde, ihren Erzeugnissen und Bewohnern (§§ 719—720), стр. 539—540, Von den Nahrungsmitteln (§§ 721—722), стр. 540—541, Von den Speisen (§§ 723—752), стр. 541—562, Von dem Getränke (§§ 753—763), стр. 563—572, Von den Arzneyen als Schädlichkeiten (§§ 764—766), стр. 572—573, Die Gifte (§§ 767—776), стр. 573—581, Von den Ansteckungsstoffen (§§ 777—793), стр. 581—596. B. Von den äussern mechanischen Schädlichkeiten (§§ 794—800), стр. 596—600. Zweytes Hauptstück. Von den innern Schädlichkeiten. A. Von den innern dynamischen Schädlichkeiten (§ 801), стр. 600—601. Von den Anstrengungen der Geistesthätigkeit in ihren ätiologischen Beziehungen (§ 802), стр. 601—602, Von dem Erkenntnissvermögen und dessen Verrichtungen in Bezug auf ihre ätiologischen Verhältnisse (§ 803), стр. 602, Von den nachtheiligen Wirkungen der äussern Sinne (§§ 804—807), стр. 602—605, Von dem Einflusse der Einbildungskraft auf die Erzeugung von Krankheiten (§§ 808—811), стр. 605—607, Von dem Missbrauche der höhern Geistesvermögen (§§ 812, 813), стр. 607—609, Von der nachtheiligen Macht der Gemüthszustände auf die Gesundheit des Menschen (§§ 814—828), стр. 609—618, Von der willkürlichen Muskelbewegung als Schädlichkeit (§§ 829—835), стр. 619—623, Vom Schlafe und Wachen, in ihrer Beziehung zur Erzeugung der Krankheit (§§ 836—839), стр. 623—626, Vom Missbrauche des Geschlechtstriebes (§§ 840 [2])—845), стр. 626—628, Von den Er-

---

[1]) Опечатка въ оглавленіи (стр. XXX): 559.

[2]) Опечатка въ оглавленіи (стр. XXXV): § 480.

zeugnissen der Desorganisation und der regelwidrigen Vegetation als Schädlichkeiten (§§ 846—864), стр. 628—643, B. Von den innern mechanischen Schädlichkeiten (§ 865), стр. 643—644.

Несомнѣнно, что учебникъ Гартмана совсѣмъ не удовлетворялъ Д. М. Велланскаго. Ранѣе, когда физіологія, соединявшаяся прежде съ анатоміею, въ 1819 г. вмѣстѣ съ патологіею составили особую каѳедру, онъ преподавалъ патологію по *собственнымъ* запискамъ [1]). Потомъ же ему, очевидно, навязали учебникъ Гартмана, который имъ былъ и переведенъ для руководства студентамъ, но не безъ нѣкоторыхъ, повидимому, измѣненій текста, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ переводчикъ въ предисловіи къ книгѣ.

Предисловіе Велланскаго къ „Общей Паѳологіи" Филиппа Гартмана кратко. Такъ какъ эта книга есть де руководство въ Медико-Хирургической Академіи, то необходимость и польза учащихся требовали изданія на русскомъ языкѣ, на которомъ и вообще нѣтъ такихъ сочиненій. Нѣмецкое изданіе 1823 г. лучше и полнѣе латинскаго отъ 1814 г. По особливому порядку въ раздѣленіи и способу изложенія предметовъ сочиненіе Гартмана *многими* признано способнымъ къ руководству въ публичныхъ наставленіяхъ. Оно весьма согласно съ *обыкновеннымъ нынѣ* ученіемъ медицины, гдѣ не признаютъ господствующею *никакой системы*, и не слѣдуютъ исключительно *никакой сектѣ*; но по примѣру *Эклектиковъ* избираютъ то, что̀ кому покажется лучшимъ, основательнѣйшимъ и понятнѣйшимъ.

Будучи собрана и составлена изъ премногихъ древнихъ и новыхъ писателей, эта книга можетъ быть весьма полезна для молодыхъ врачей въ практическомъ ихъ занятіи, показывая имъ случаи, собранныя за многія времена разными опытными практиками-наблюдателями.

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 65.

Переводъ вѣрно сходствуетъ съ оригиналомъ, но *странныя* изрѣченія автора всѣ замѣнены другими выраженіями, сообразнѣйшими ясности и чистотѣ слога, которыя стоили немалаго труда *переводившему* (?) *оныя* [1]).

Такое неблагосклонное отношеніе Велланскаго къ книгѣ Ф. Гартмана объясняется отчасти тѣмъ, что въ нѣмецкомъ предисловіи къ своей книгѣ авторъ—Гартманъ довольно рѣзко выразился о натурфилософіи, какъ о направленіи крайнемъ и для медицины столько же вредномъ, сколько и простой, слѣпой эмпирисмъ. Гартманъ въ своемъ руководствѣ хотѣлъ одинаково избѣжать обѣихъ крайностей. Понятно, что воззрѣнія Гартмана не могли прійтись по сердцу столь горячему натурфилософу, какимъ былъ нашъ Д. М. Велланскій.

Гартманъ желаетъ: meine Zuhörer sowohl gegen die Verirrungen einer *üppigen Phantasie*, die sich unter dem stolzen Nahmen *philosophischer Speculation* so vieler junger Aerzte in der neusten Zeit bemeistert, sie zu *emphysematischen Riesengestalten* verbildet, und ihrem edlern Berufe, heilbringend in das wirkliche Leben einzugreifen, gänzlich entzogen hat, als auch gegen das geistlose Anstarren einzelner Erscheinungen am kranken Organismus, zu welchem die von dem Lichte der Vernunft gänzlich abgewendete Empirie verführt, zu bewahren (предисловіе, стр. V). Это предисловіе автора Велланскій оставилъ совсѣмъ безъ перевода, равно какъ и богатѣйшія литературныя указанія, какими Гартманъ заканчиваетъ каждый § текста.

---

[1]) Если Велланскій отъ себя замѣнялъ изрѣченія Гартмана, то онъ уже не переводилъ ихъ?!

IV.

Критическая дѣятельность Д. В. Веневитинова.

Литературная дѣятельность Д. В. Веневитинова, рано угасшаго поэта и философа, была весьма разносторонняя. Его жизнь въ связи съ его поэзіею мы уже изложили въ своемъ этюдѣ, вошедшемъ въ I томъ этой серіи. О его философскихъ статьяхъ мы трактовали во II томѣ нашего сочиненія „Философія въ Россіи". Третьею такъ же очень любопытною стороною литературной дѣятельности Веневитинова были его критическія статьи, которымъ мы теперь посвятимъ свое вниманіе [1]).

Но прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію критическихъ статей Д. В—ча, необходимо указать на одинъ факторъ, игравшій весьма важную роль при образованіи его литературно-критическихъ взглядовъ и убѣжденій. Мы разумѣемъ его участіе въ тогдашнихъ московскихъ литературно философскихъ кружкахъ, и главнымъ образомъ, въ литературномъ обществѣ *С. Е. Раича* и въ философскомъ обществѣ „Во

---

[1]) Касательно цитатъ замѣтимъ, что сочиненія самого Веневитинова цитируются нами по изданію, признаваемому лучшимъ—посмертному 1829—1831 г. въ 2 ч. (I ч.—стихотворенія, ч. II—проза), при чемъ въ скобкахъ мы ставимъ пагинацію по изданію Пятковскаго. Біографію Д. В. Веневитинова цитируемъ по послѣдней ея обработкѣ въ книгѣ «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія» А. П. Пятковскаго, II изд. 1888 г., ч. II, стр. 304—354; въ скобкахъ же приводятся страницы по ея прежней редакціи—при изданіи сочиненій Д. В. Веневитинова.

имя любомудрія", собиравшемся у князя В. Ѳ. Одоевскаго. Философское общество повліяло на юнаго поэта-мыслителя Д. В. гораздо болѣе, нежели кружокъ Раича. Поэтому мы приведемъ здѣсь тѣ извѣстія объ этомъ любопытномъ философскомъ кружкѣ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, которыя собраны *Н. П. Колюпановымъ* въ его цѣнномъ трудѣ „Біографія А. И. Кошелева", т. I, кн. II, гл. II, стр. 72—75:

„Отдѣлившееся отъ Раичевскаго общества меньшинство составило другое общество—болѣе интимное и солидарное, гдѣ сошлись главнымъ образомъ „архивные юноши": братья Кирѣевскіе, Веневитиновы, князь Одоевскій, Кошелевъ, Шевыревъ, Соболевскій, Мельгуновъ; сюда же Веневитиновы ввели Рожалина и Максимовича. Погодинъ посѣщалъ это общество, но онъ всегда холодно относился къ чисто-философскимъ занятіямъ. Центромъ этого кружка былъ Д. В. Веневитиновъ, а собирались его члены обыкновенно въ квартирѣ князя Одоевскаго. Здѣсь господствовали Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Окенъ, Гёрресъ и др. Члены читали свои философскія сочиненія, но чаще и по большей части вели бесѣды о прочтенныхъ сочиненіяхъ нѣмецкихъ философовъ. Веневитиновъ прочелъ прозаическіе отрывки: „Скульптура, живопись и музыка", „Утро, полдень и вечеръ", „Анаксагоръ",—единственное, что̀ осталось напечатаннымъ изъ чтеній на этихъ бесѣдахъ (Венев. сочин., изд. Пятковскаго, стр. 151—164)[1]. „Въ то время,—по словамъ Кошелева,—кружокъ совершенно предался изученію умозрительной философіи и считалъ христіанское ученіе годнымъ только для народныхъ массъ. Особенно высоко цѣнило общество Спинозу, творенія котораго оно ставило выше Евангелія и другихъ священныхъ писаній. Предсѣдателемъ общества былъ князь Одоевскій, а главнымъ ора-

[1]) Всѣ эти статьи изложены у насъ: «Философія въ Россіи», т. II, стр. 4—9.

торомъ—Дм. Веневитиновъ, который своими рѣчами приводилъ въ восторгъ и заставилъ Кирѣевскаго выразиться, что Веневитиновъ „рожденъ болѣе для философіи, чѣмъ для поэзіи". Кружокъ, собиравшійся у кн. Одоевскаго, былъ крайне оживленный; Алекс. Ив. говоритъ въ своихъ „Запискахъ", что „далеко за полночь продолжались ихъ вечернія бесѣды и приносили несравненно болѣе пользы, нежели уроки профессоровъ. Это былъ кружокъ тогдашней либеральной молодежи въ Москвѣ, неизвѣстно почему казавшійся подозрительнымъ и опаснымъ". Такимъ признаётъ его обвинительная записка противъ Полевого, поданная въ III-е отдѣленіе 23 августа 1827 года: „Всѣ замѣченные въ якобинизмѣ москвичи: Титовъ, Кирѣевскій, Соболевскій—сотрудники „Телеграфа". Покровители онаго—князь Вяземскій и бывшій профессоръ Давыдовъ, самый отважный якобинецъ [1]). По всѣмъ извѣстіямъ, духъ молодежи въ Москвѣ весьма дуренъ. Соболевскій, побочный сынъ Соймонова, замѣченный въ весьма либеральныхъ правилахъ и извѣстный по письму сомнительнаго содержанія къ Кирѣевскому, прибылъ въ Петербургъ. Кирѣевскаго также ожидаютъ. Титовъ здѣсь служитъ въ Иностранной Коллегіи. Молодой человѣкъ развратныхъ правилъ. Извѣстный Соболевскій (молодой человѣкъ изъ Московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ за границу. Было бы жаль. Пушкина надо беречь, какъ дитя. Партія, къ которой принадлежитъ Соболевскій, проникнута дурнымъ духомъ. Атаманы—кн. Вяземскій и Полевой; пріятели—Титовъ, Шевыревъ, Рожалинъ и др. москвичи" (Сухомлиновъ, „Истор. Вѣстн.", III, стр. 522 и 523). Этимъ отчасти объясняется то особенное преслѣдованіе, которому подвергались славянофилы въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ, хотя знамя ихъ было вполнѣ русское и благонадежное. Этимъ же доносомъ объясняется, по всей вѣ-

---

[1]) Ср. про этого «самаго отважнаго якобинца» приведенное выше, стр. 26—43.

роятности, и нерасположеніе къ Александру Ивановичу покойнаго государя Николая Павловича, не разрѣшавшаго заслуженныя Кошелевымъ по службѣ награды. Александръ Ивановичъ принималъ самое живое участіе въ дѣятельности этого кружка. А. С. Норовъ, въ письмѣ отъ 14 іюня 1825 г., говоритъ: „Скажи мнѣ, началась ли у тебя переписка съ Веневитиновыми? Какъ люблю я вспоминать наши зимніе вечера по субботамъ! Скажу чистосердечно, этими бесѣдами я много пріобрѣлъ,—болѣе, нежели книгами или собственнымъ размышленіемъ. Всего интереснѣе для меня были твои жаркія диссертаціи съ Веневитиновымъ. Физіономіи одушевлены были энтузіазмомъ. Ты спорилъ чистосердечно, съ жаромъ дѣлалъ возраженія, но съ радостію и соглашался".

Кружокъ молодежи остановился на Шеллингѣ, котораго философія получила тогда наибольшее распространеніе въ обществѣ. Питомцы университетскаго пансіона принесли шеллигинизмъ изъ своего учрежденія, гдѣ, какъ мы видѣли, посѣялъ его И. И. Давыдовъ; Кирѣевскій вынесъ его изъ дому и посвятилъ въ него Кошелева; Веневитиновыхъ познакомилъ съ нимъ Павловъ. Занятія Шеллинговою философіей для членовъ кружка, какъ для большинства русскихъ людей, мало увлекающихся отвлеченностью, были простою, но безъ сомнѣнія полезною гимнастикой ума. Только для Кирѣевскаго и Одоевскаго эти занятія имѣли существенное значеніе: для перваго это было необходимою стадіей серьезнаго философскаго изученія, которое продолжалъ онъ и впослѣдствіи; а для послѣдняго шеллигинизмъ составилъ заманчивый фонъ его литературныхъ произведеній.

Общество просуществовало до 14 декабря 1825 года, когда члены сочли необходимымъ его прекратить потому, что не хотѣли навлечь на себя подозрѣнія полиціи, а также и потому, что политическія событія сосредоточили на себѣ вниманіе ихъ и всего общества. „Живо помню",—разсказываетъ Александръ Ивановичъ,—„какъ послѣ этого несчастнаго числа

(14 декабря) князь Одоевскій созвалъ членовъ и съ особенною торжественностью предалъ огню въ своемъ каминѣ и уставъ, и протоколы нашего общества любомудрія".

Веневитиновъ не ускользнулъ отъ обаянія, производимаго философіею; этому благопріятствовали и природная вдумчивость, и ревностныя занятія древними писателями; философское сѣмя падало уже на готовую почву. Горячій поклонникъ Платона не могъ не заинтересоваться и новою философіею, особенно еще въ блестящемъ изложеніи даровитаго оратора — М. Г. Павлова. Притомъ-же мистицизмъ Шеллинга родственъ мистицизму Платона, и даже въ значительной степени заимствованъ у него, такъ что чтеніе Платона въ ранней юности, могущественно дѣйствуя на развитіе юноши, давало твердую и основательную подготовку для дальнѣйшихъ штудій. Касательно Шеллинга отмѣтимъ, что Льюисъ, извѣстный англійскій философъ и критикъ, бывшій (стр. 612) лично знакомъ съ Шеллингомъ, и слушавшій его лекціи, приступая въ своей „Biographical history of philosophy" (у меня былъ подъ руками нѣмецкій переводъ: G. H. Lewes, Gesch. der Philos., цитирую Band. II, Gesch. d. neueren Philos. Deutsch nach der IV. Ausgabe von 1871. Berlin, 1876; Шеллингъ занимаетъ X эпоху: глава 2-я) къ изложенію философіи Шеллинга, откровенно признается: „Der Leser muss sich nicht beklagen, wenn er das Folgende *nicht versteht*. Verständlichkeit characterisirt die deutsche Speculation nicht; und wir geben hier nur S.'s Worte, *ohne es zu unternehmen, ihre Dunkelheit aufzuklären* (стр. 618 примѣч.).

Шеллингъ сильно повліялъ на Д. Вл.-ча. Слѣды этого вліянія можно видѣть на его собственныхъ философскихъ произведеніяхъ; цвѣтистость языка, поэтичность изложенія, очевидно, навѣяны тѣмъ же Шеллингомъ. Одно, чѣмъ, однако, Д. В. рѣзко отличается отъ шеллинговцевъ, это — сильное стремленіе къ ясности и понятности изложенія (здѣсь ска-

зывается вліяніе Павлова). „Я самъ“, говоритъ онъ въ письмѣ къ княгинѣ Трубецкой [1]), „начиная письма мои, прошу Васъ не забывать одного условія, и вотъ оно: если я на одну минуту перестану быть *яснымъ*, то изорвите мои письма, запретите мнѣ писать объ этомъ предметѣ“. Отчасти, конечно, эти слова объясняются тѣмъ, что письма были адресованы къ дамѣ, свѣтской женщинѣ, не привыкшей къ дикой терминологіи и варварскому изложенію нѣмецкихъ философовъ.

О дальнѣйшей участи членовъ кружка и нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ ихъ взглядахъ и симпатіяхъ (такъ, напр., политика скоро начала вытѣснять философію въ интересахъ юныхъ метафизиковъ) см. наше сочиненіе „Философія въ Россіи“, т. V, этюдъ III, стр. 150—156. Объ учителѣ же Д. В. Веневитинова по философіи—университетскомъ профессорѣ М. Г. Павловѣ см. въ томъ же сочиненіи, т. II, стр. 106—219, 239—243 и т. IV, стр. 18—92, 228—242.

Кромѣ М. Г. Павлова, въ числѣ университетскихъ профессоровъ, которыхъ лекціи слушалъ Д. В. Веневитиновъ, нельзя не указать еще и на *А. Ѳ. Мерзлякова*, съ которымъ Д. В. имѣлъ близкія сношенія. Но помимо личныхъ отношеній, своими сочиненіями Мерзляковъ пробудилъ въ Веневитиновѣ критику господствовавшихъ эстетическихъ воззрѣній; М—овъ много способствовалъ уясненію его собственныхъ взглядовъ на дѣло, и такимъ образомъ съигралъ не послѣднюю роль въ его развитіи. А. Ѳ. Мерзляковъ (1778—1830), сынъ далматовскаго мѣщанина, уроженецъ далекой окраины (Пермской губ.), самородокъ, по чистой случайности получившій образованіе, и ставшій профессоромъ поэзіи и краснорѣчія, и потомъ деканомъ словеснаго отдѣленія, былъ самъ человѣкъ недюжинный. Онъ былъ поэтъ и ученый. Какъ поэтъ, онъ прославился своими пѣснями, сочиненными въ подражаніе русскимъ на-

---

[1]) Ч. II, стр. 6—7 (175).

роднымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ (особенно, „Среди долины ровныя“) получили довольно широкое распространеніе и попали даже въ среду народа. Какъ ученый, онъ сталъ извѣстенъ своими публичными курсами словесности, читанными въ 1812 и 1816 годахъ; предназначая эти курсы для людей, не могшихъ въ силу служебныхъ обязанностей или по чему-либо другому—заняться спеціальнымъ изученіемъ словесности, онъ разсмотрѣлъ въ I курсѣ общую теорію поэзіи и краснорѣчія, и частныя теоріи различныхъ родовъ сочиненій, а во II курсѣ примѣнилъ эти правила на практикѣ и представилъ подробные эстетическіе разборы всѣхъ извѣстнѣйшихъ русскихъ стихотворцевъ, начиная съ Ломоносова. Чтенія пользовались громаднымъ успѣхомъ и до извѣстной степени сблизили университетъ съ обществомъ. Лекціи были посѣщаемы не только любознательною молодежью, но и дамами, сановитыми и чиновными людьми, также извѣстными литераторами и учеными. Кромѣ того, въ силу условій времени эти разборы произведеній отечественной литературы, читанные въ 1816 году, когда послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи появилась довольно сильная реакція противъ всего французскаго, бывшаго до тѣхъ поръ идеаломъ, и сталъ замѣтенъ подъемъ патріотическаго духа, удовлетворяли до нѣкоторой степени потребности общества, незнакомаго со своею словесностью, воспитаннаго на французскихъ образцахъ XVIII вѣка. Мерзляковъ еще заслуживалъ вниманія, какъ критикъ, и переводчикъ многихъ классическихъ произведеній древнихъ и новыхъ литературъ на русскій языкъ. Такъ, онъ перевелъ стихами съ итальянскаго Тассовъ „Освобожденный Іерусалимъ“, съ греческаго оды Пиндара, идилліи Теокрита, съ латинскаго переводилъ изъ Вергилія, Горація. Онъ же переводилъ изъ греческихъ трагиковъ Софокла, Эврипида, и приложилъ къ переводу разсужденіе „о началѣ и духѣ древней трагедіи“, на которое Веневитиновъ написалъ впослѣдствіи критическій раз-

боръ. Мерзляковъ же издавалъ въ 1815 году журналъ „Амфіонъ“, гдѣ принимали участіе лучшія литературныя силы того времени, какъ-то Жуковскій, Батюшковъ, Вяземскій, Денисъ Давыдовъ и др., съ большинствомъ коихъ Мерзляковъ былъ связанъ тѣсною дружбой. Въ критическихъ разборахъ Мерзляковъ придерживался ложно-классической теоріи, но былъ способенъ наслаждаться и новѣйшими произведеніями въ романтическомъ духѣ, хотя иногда не могъ отдать себѣ логическій отчетъ въ красотахъ послѣднихъ. Такъ, по словамъ Шевырева, [1]) онъ плакалъ при чтеніи „Кавказскаго Плѣнника“ Пушкина, инстинктивно, сердцемъ, а не разсудкомъ, не теоріею проникая, чуя новое направленіе, и находя его прекраснымъ.

Веневитиновъ усердно посѣщалъ его лекціи, а особенно, частныя педагогическія собесѣдованія М-ва, гдѣ, вѣроятно, было чему поучиться. Впрочемъ, Д. В. былъ воспитанъ на настоящей, а не на ложной классической литературѣ, но въ то же время изучилъ лучшіе образцы новой романтической (въ общемъ смыслѣ термина) школы, былъ поклонникомъ Гёте и Байрона и даже Захаріи Вернера. Онъ называетъ себя ученикомъ Байрона:

....И *смѣлый ученикъ Байрона*—
Я устремлюсь на крыліяхъ мечты....

[Ч. I, стр. 17 (84), посланіе „Къ Скарятину“]. Ср. отзывъ о Байронѣ въ „Разборѣ“ статьи Полеваго объ „Евг. Онѣгинѣ“: „Но для чего же всегда сравнивать его (Пушкина) съ Байрономъ, съ поэтомъ, который, духомъ принадлежа не одной Англіи, а нашему времени, въ пламенной душѣ своей сосредоточилъ стремленіе цѣлаго вѣка, и еслибъ могъ изгладиться въ исторіи частнаго рода поэзіи, то вѣчно остался бы въ лѣтописяхъ ума человѣческаго“? [ч. II, стр. 48 (200)]. Смерть Байрона воспѣта Веневитиновымъ въ особомъ произведеніи [2]).

---

[1]) Пятковскій, стр. 309 (7).

[2]) «Литература и просвѣщеніе въ Россіи», т. I, стр. 24—28.

Онъ, естественно, не могъ подчиниться взглядамъ Мерзлякова и сталъ на собесѣдованіяхъ возражать профессору. По отзывамъ очевидцевъ [1]), Дм. Вл. въ этихъ возраженіяхъ (между прочимъ, онъ препирался съ Мерзляковымъ и о Жуковскомъ, модномъ поэтѣ того времени) выказывалъ съ одной стороны полную самостоятельность и оригинальность взглядовъ, съ другой невольно обращалъ на себя общее вниманіе стройностью и логичностью своей рѣчи. Впрочемъ, несмотря на постоянныя словопренія, Веневитиновъ, вѣроятно, сошелся съ Мерзляковымъ на дружеской ногѣ, ибо онъ, видимо, относится въ своемъ разборѣ къ Мерзлякову съ уваженіемъ, начиная и кончая его, при всей строгости критики, изреченіемъ Amicus Plato, sed magis amica veritas; да и общій тонъ разбора далеко не тотъ, что̀, напр., въ полемикѣ съ Полевымъ: Веневитиновъ какъ будто боится обидѣть заслуженнаго и почтеннаго старика.

Обратимся теперь къ статьѣ Веневитинова „Разборъ [2]) разсужденія г. *Мерзлякова* о началѣ и духѣ древней трагедіи и проч., напечатаннаго при изданіи (въ 1825 г.) его подражаній и переводовъ изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ“. Юный ученикъ выступаетъ здѣсь противъ своего стараго учителя. Впрочемъ, Веневитиновъ, несмотря на полную самостоятельность мнѣнія, и даже порою рѣзкое его выраженіе, относится къ Мерзлякову очень почтительно, почти любовно. Онъ и начинаетъ тѣмъ, что „прискорбно возставать на мнѣнія вѣрнаго жреца отечественной словесности;—но чѣмъ отличнѣе заслуги М—ва, тѣмъ опаснѣе его ошибки по обширности ихъ вліянія“—и любовь ко истинѣ побуждаетъ его высказаться. Главную ошибку въ теоріи Мерзлякова авторъ видитъ въ „недостаткѣ теоріи“. Тотъ, кто чувствуетъ, не

---

[1]) Пятковскій. стр. 311 (9).

[2]) Ч. II, стр. 58—72 (181—191).

всегда можетъ отдать себѣ и другимъ *вѣрный отчетъ* въ своихъ чувствахъ. Въ разсужденіи нѣтъ систематическаго порядка. На первомъ же шагу онъ обличаетъ Мерзлякова въ незнаніи новыхъ теорій о происхожденіи трагедіи и комедіи, и предлагаетъ ему показать „развитіе обѣихъ изъ соединенія лирической поэзіи и эпопеи"; изъ этого слѣдовало бы, что онѣ неотъемлемо принадлежатъ человѣку, какъ необходимыя формы, въ которыя выливаются его чувства. Затѣмъ по поводу одной выходки Мерзлякова противъ романтизма онъ осмѣливается вступиться за „честь нашего вѣка". Новѣйшія произведенія не могутъ сравняться съ древними въ разсужденіи полноты и подробнаго совершенства; въ нихъ еще не опредѣлены отношенія частей къ цѣлому. Поэзія древнихъ превосходитъ новѣйшую въ совершенствѣ соразмѣрностей; но уступаетъ ей въ силѣ стремленія и въ обширности объема. Новая,—какъбы потокъ, рвется къ безконечному; древняя,—какъ ясное озеро, отражаетъ небо, эмблему безконечнаго. Науки и искусства еще не близки къ своему паденію, когда умы находятся въ сильномъ броженіи, стремятся къ цѣли опредѣленной и дѣйствуютъ по врожденному побужденію къ дѣйствію. Гдѣ видны усилія, тамъ жизнь и надежда.—Слѣдуетъ опроверженіе мысли Мерзлякова, что трагедіею мы обязаны мудрымъ правителямъ первобытныхъ обществъ. Тотъ, кто питаетъ въ сердцѣ страсть къ искусствамъ, страсть къ просвѣщенію, эту мысль отброситъ. Въ первобытномъ состояніи Греціи политика умѣла извлекать пользу изъ произведеній великихъ поэтовъ (напр., Гомера). Можно ли изъ сего заключить, что поэзія была орудіемъ правителей? Нѣтъ, она была принаровлена къ современнымъ нравамъ и узаконеніямъ потому, что сама философія была въ то время болѣе нравоучительною, чѣмъ умозрительною. Былъ ли Гомеръ философомъ? Вся философія Гомера заключается, кажется, въ ясной простотѣ разсказовъ и въ совершенной искренности чувствъ. Въ немъ

нѣтъ усилій ума, нѣтъ опредѣленнаго стремленія; но вездѣ видно вѣрное созерцаніе окружающаго міра, вездѣ слабыя, но пророческія предчувствія высокихъ истинъ; онъ былъ зеркаломъ минувшаго, являлся въ атмосферѣ высокихъ, ясныхъ понятій, дышалъ свободнымъ чувствомъ красоты, въ пѣсняхъ своихъ открывалъ великолѣпный міръ со всѣми его отношеніями къ мысли человѣка. Въ заключеніе Веневитиновъ увѣряетъ, что, появись разсужденіе за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, то безспорно бы имѣло успѣшное вліяніе; но теперь уже можно требовать отъ литератора болѣе самостоятельности; одобряя въ общемъ поэтическіе переводы М—ва, онъ указываетъ на пристрастіе къ архаизмамъ; чего нельзя сказать о прозѣ, которая всегда останется увлекательною.

Кромѣ полемики со своимъ учителемъ А. Ѳ. Мерзляковымъ, Д. В. Веневитиновъ имѣлъ случай высказать свои эстетическія воззрѣнія въ полемикѣ изъ-за Пушкина—съ Н. А. Полевымъ. Теперь остается намъ лишь изложить статьи о Пушкинѣ. Для этого предварительно надо коснуться исторіи сближенія Веневитинова съ Пушкинымъ.

Въ 1825 году по поводу напечатанной тогда I главы „Онѣгина“ Полевой помѣстилъ въ своемъ „Телеграфѣ“ (№ 5) [1]) рецензію, на которую отвѣчалъ Веневитиновъ своею замѣткою въ „Сынѣ Отечества“ № 8, что̀ послужило началомъ дальнѣйшей полемики. Пушкину очень понравилась статья Веневитинова: „это единственная статья“, говоритъ онъ, „которую я прочелъ съ любовью и вниманіемъ. Все остальное или брань, или переслащенная дичь“. Пріѣхавши въ 1826 г. въ Москву, Пушкинъ [2]) изъявилъ свое желаніе познакомиться съ крити-

---

[1]) Пятковскій, стр. 345 (49—50).

[2]) Тамъ же, стр. 321 (20—21).

комъ; общій ихъ другъ Соболевскій, у котораго остановился Пушкинъ, исполнилъ его желаніе.

Былъ у Соболевскаго устроенъ литературный вечеръ, гдѣ читали „Бориса Годунова“ [1]): оба поэта здѣсь встрѣтились, и кажется, произвели другъ на друга хорошее и сильное впечатлѣніе. На другой же день Пушкинъ читалъ своего „Бориса“ у Веневитиновыхъ. Что Пушкинъ любилъ Веневитинова, видно изъ того, что по смерти послѣдняго Пушкинъ горько упрекалъ общихъ друзей: „Comment donc vous l'avez laissé mourir?“ Вліянію Веневитинова приписываетъ Анненковъ (хотя, быть можетъ, ошибочно) и созданіе Пушкинымъ довольно неудачной сцены между Фаустомъ и Мефистофелемъ. Веневитиновъ же, со своей стороны, незадолго до смерти написалъ цѣлое посланіе къ Пушкину [2]).

Извѣстно мнѣ: доступенъ *Геній*
Для гласа искреннихъ сердецъ.
Къ тебѣ, возвышенный пѣвецъ,
Взываю съ жаромъ пѣснопѣній.
Разсѣй на мигъ восторгъ святой,
Раздумье творческаго духа,
И снисходительнаго слуха
Младую Музу удостой!
Когда пророкъ свободы смѣлый (*Байронъ*),
Тоской измученный поэтъ,
Покинулъ міръ осиротѣлый,....
....Хвалебнымъ громомъ прозвучали

---

[1]) «Матеріалы» Анненкова, стр. 184, 1857 г.; у Пятковскаго, стр. 321 (21). На первомъ чтеніи были: Чаадаевъ, Кирѣевскій, М. Ю. Віельгорскій. На второмъ—Хомяковы, Кирѣевскіе, Мицкевичъ, Баратынскій, Рачъ, Погодинъ, Шевыревъ и др.

[2]) Ч. I, стр. 64—66 (101—102).

Твои стихи ему во слѣдъ...
Ты тише, слаще воспѣвалъ
У Музъ похищеннаго Галла (*Андре Шенье*);
Волнуясь пѣснію твоей,
Въ груди восторженной моей [1])
Душа рвалась и трепетала.
Но ты еще не доплатилъ
Каменамъ долга вдохновенья:
Къ хваламъ оплаканныхъ могилъ
Прибавь веселыя хваленья;
Ихъ ждетъ еще одинъ пѣвецъ: *(Гёте)*
Онъ нашъ—жилецъ того же свѣта....
Наставникъ нашъ, наставникъ твой,
Онъ кроется въ странѣ мечтаній—
Въ своей Германіи родной.
Досель хладѣющія длани
По струнамъ бѣгаютъ порой....
Досель въ немъ сердце не остыло,
И вѣрь, онъ съ радостью живой
Въ пріютѣ старости унылой
Еще услышитъ голосъ твой,
И можетъ быть, тобой плѣненный,
Послѣднимъ жаромъ вдохновленный,...
Въ восторгѣ дивнаго мечтанья
Тебя, о Пушкинъ, назоветъ!...

Горячимъ почитателемъ Пушкина Веневитиновъ заявилъ себя и во французской статьѣ, написанной имъ уже въ Пе-

---

[1]) Здѣсь Веневитиновъ какъ будто говоритъ о литературномъ на него воздѣйствіи Пушкина? Ср. въ полемикѣ съ Полевымъ: «Я не разъ читалъ сочиненія Пушкина, и всегда наслаждался ихъ красотами».

тербургѣ для Journal de St-Pétersbourg[1]) (Analyse d'une scène détachée de la tragédie de Mr. Pouchkin) [2]), по приглашенію графа Лаваля, его начальника по службѣ [3]). Прослѣдимъ ходъ мыслей въ этой статьѣ. Веневитиновъ начинаетъ съ того, что до сихъ поръ Пушкинъ жертвовалъ своею оригинальностью—удивленію предъ англійскимъ бардомъ Байрономъ; но при развитіи поэта необходимо, чтобы воздѣйствіе уже зрѣлой силы обнаружило предъ нимъ самимъ, какимъ возбужденіямъ онъ доступенъ. Первый толчекъ не всегда рѣшаетъ направленіе духа, но сообщаетъ ему полетъ, и въ этомъ отношеніи Байронъ былъ де для Пушкина тѣмъ же, чѣмъ были для самого Байрона бурныя приключенія его жизни. Нынѣ поэтическое воспитаніе г. Пушкина, повидимому, окончено. Независимость его таланта—вѣрная порука его зрѣлости. Поэтъ внесъ въ свое твореніе величавую строгость исторіи. Напечатанная сцена (изъ „Бориса Годунова"—въ Чудовомъ монастырѣ) со своей поразительною простотой и энергіею можетъ быть смѣло поставлена на ряду со всѣмъ, что есть лучшаго у Шекспира и Гёте. Личность поэта не выступаетъ ни на одну минуту: все дѣлается такъ, какъ требуютъ духъ вѣка и характеры дѣйствующихъ лицъ. Въ этомъ дивномъ драматическомъ отрывкѣ античная простота является рядомъ съ гармоніею и вѣрностью выраженія—отличительными качествами стиховъ Пушкина. Мы видимъ, съ какимъ глубокимъ пониманіемъ литературныхъ достоинствъ произведеній Пушкина, съ какимъ признаніемъ ихъ говоритъ нашъ критикъ. Но онъ же, когда Полевой вздумалъ въ 1825 г. расхвалить Пушкина за первую пѣснь „Евгенія Онѣгина" и

---

[1]) Статья напечатана не была въ Journal'ѣ: Пятковскій, стр. 324 (25).

[2]) Ч. II, стр. 73—78 (191—198).

[3]) Тамъ же у Пятковскаго.

исполнилъ это гиперболически и крайне неумѣло,— выступилъ съ рѣзко ограничивающимъ мнѣніемъ [1]) противъ „пересла-щенной дичи“ Полевого. Поводъ къ написанію своего отвѣта Веневитиновъ выставляетъ тотъ же, что̀ и въ рецензіи книги Мерзлякова: обязанность всякаго благонамѣреннаго человѣка— замѣтить погрѣшности издателя и противиться потоку заблуж-деній, ибо „Московскій Телеграфъ“ имѣетъ много читателей, и несправедливое мнѣніе, въ немъ провозглашаемое, должно необходимо имѣть вліяніе на сужденіе многихъ. При этомъ онъ дѣлаетъ предположеніе, нѣсколько обидное для Полевого, что „перомъ его, можетъ быть, управляло, отчасти, и желаніе обогатить свой журналъ произведеніями Пушкина“. „Первая ошибка Полевого состоитъ въ томъ, что онъ полагаетъ воз-высить достоинство Пушкина, унижая до чрезмѣрности кри-тиковъ нашей словесности“. Въ статьѣ своей Полевой не предположилъ себѣ одной цѣли и разсуждалъ, не опираясь на одну основную мысль. Веневитиновъ хочетъ ограничиться однѣми „тѣми ошибками, которыя могутъ распространять ложное понятіе о Пушкинѣ и вообще о поэзіи“. Затѣмъ онъ переходитъ къ поставленной Полевымъ параллели между Байрономъ и Пушкинымъ. Кто отказываетъ Пушкину въ истинномъ талантѣ? Но для чего всегда сравнивать его съ Байрономъ,—съ поэтомъ, въ пламенной душѣ коего сосредо-точивалось стремленіе цѣлаго вѣка. Всѣ произведенія его носятъ отпечатокъ одной глубокой мысли—мысли о человѣкѣ въ отношеніи къ окружающей его природѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою, съ предразсудками, врѣзавшимися въ его сердце, въ противорѣчіи со своими чувствами. Характеръ его про-изведеній истинно новый, но въ твореніяхъ Пушкина „я не вижу пріобрѣтеній, подобныхъ Байроновымъ, „дѣлающихъ честь вѣку“. Онъ не только не подвинулъ вѣкъ, но просто

---

[1]) Ч. II, стр. 45—57 (198—206).

не отсталъ отъ него. Байронъ оставляетъ въ сердцѣ Пушкина глубокія впечатлѣнія, которыя отражаются во всѣхъ его твореніяхъ. Затѣмъ В. задѣваетъ причину романтической поэзіи, указанную Полевымъ въ „неопредѣленномъ состояніи сердца", и его склонность смѣяться надъ ложноклассическою теоріею. „Въ наше время не судятъ о стихотворцѣ по піитикѣ". Но не забываемъ ли мы, что въ критикѣ основаніе должно имѣться положительное, что всякая наука положительная заимствуетъ свою силу изъ философіи, что и поэзія не разлучна съ философіей [1])? Веневитиновъ опровергаетъ сравненіе „Евгенія Онѣгина" съ музыкальнымъ capricciо и мнѣніе Полевого, что до „Евгенія Онѣгина" не было сносныхъ шуточныхъ русскихъ поэмъ; В. отрицаетъ народность въ „Онѣгинѣ" и приписываетъ національность „Руслану и Людмилѣ". Онъ напоминаетъ, кромѣ того, что съ опредѣленностью ничего нельзя заключить о романѣ по первой главѣ его. Въ заключеніе Веневитиновъ повторяетъ, что „поэзія не есть неопредѣленная горячка ума", „но имѣетъ въ себѣ самой постоянныя свои правила". Въ статьѣ Полевого онъ „желалъ бы найти критику, болѣе основанную на правилахъ положительныхъ, безъ коихъ всѣ сужденія шатки и сбивчивы". На этотъ спокойный, но уничтожающій разборъ Полевой отозвался очень задорной антикритикою, вызвавшей новый „Отвѣтъ г. Полевому" [2]). Этотъ отвѣтъ написанъ совсѣмъ въ иномъ тонѣ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько такихъ-же мелочныхъ придирокъ къ словамъ, какъ и статья самого Полевого. Онъ упрекаетъ противника, что тотъ отвѣчаетъ ему слишкомъ поздно, и что „его антикритика не отвѣтъ литератора, а голосъ досады". Послѣ нѣсколькихъ мелочныхъ возраженій онъ приходитъ къ тому обвиненію,

---

[1]) Дословно—мнѣніе Шеллинга.

[2]) Изд. Пятковскаго, стр. 212—225. Въ первое изданіе 1831 г. этотъ «Отвѣтъ» не вошелъ.

которое заставило его „взять перо и отвѣчать“, именно: будто „онъ (т. е. В.) имѣетъ скрытное предубѣжденіе противъ Пушкина и „почитаетъ его не великимъ поэтомъ, а просто подражателемъ Байрона“ (220). Пушкинъ, по его мнѣнію, „пишетъ не съ памяти, но выражаетъ сильныя чувства, сильныя впечатлѣнія, поселенныя въ немъ самимъ вѣкомъ, наклоннымъ къ глубокой мечтательности, и Байрономъ, представителемъ своего вѣка“. Онъ „не думалъ писать противъ Онѣгина, возставалъ противъ разбора Онѣгина, не отказывалъ г. Пушкину въ похвалахъ, но вооружался противъ тѣхъ, которыя наполняли „Телеграфъ“. Онъ „почитаетъ безполезнымъ писать противъ всякаго поэта“. „Я раздѣляю поэтовъ вообще на два класса: на хорошихъ и дурныхъ; хорошихъ читаю, перечитываю, и стараюсь опредѣлить себѣ ихъ характеръ; дурныхъ кладу въ сторону. Похвала изъ устъ неизвѣстнаго не польститъ поэту, *но.... я не разъ читалъ сочиненія Пушкина и всегда наслаждался ихъ красотами*“. Отмѣтимъ въ этомъ отвѣтѣ и мнѣніе критика о народности. „Народность отражается не въ картинахъ, принадлежащихъ какой либо особенной странѣ, но въ самихъ чувствахъ поэта, напитаннаго духомъ одного народа и живущаго, такъ сказать, въ развитіи, успѣхахъ и отдѣльности его характера. Не должно смѣшивать понятія о народности съ выраженіемъ народныхъ обычаевъ“ (224). Здѣсь Веневитиновъ предвосхищаетъ ставшее въ наше время общимъ мѣстомъ опредѣленіе національности. И о второй пѣсни „Евгенія Онѣгина“ нашъ поэтъ помѣстилъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ за 1828-ой годъ коротенькую замѣтку [1]). Вторая пѣснь по изобрѣтенію и изображенію характеровъ несравненно превосходнѣе первой. Въ ней уже совсѣмъ изчезли слѣды впечатлѣній, оставленныхъ—Байрономъ. Характеръ Онѣгина при-

---

[1]) Ч. II, стр. 57 (225—226).

надлежитъ нашему поэту и развитъ оригинально". Будучи въ Петербургѣ, и услышавши, что Улыбышевъ намѣревается бранить Пушкина, Веневитиновъ опять собирался полемизировать за Пушкина. „Я очиню перышко, говорилъ онъ, и мы перевѣдаемся" (стр. 25 изд. Пятковскаго).

„На произведеніяхъ Пушкина наша критика развилась, окрѣпла и выросла", говоритъ *С. С. Трубачевъ*: „Пушкинъ въ русской критикѣ" (1810—1880), стр. 2. Статьи Веневитинова о Пушкинѣ играютъ въ этой литературѣ важную роль. Странно, что Трубачевъ проглядѣлъ всѣ статьи Веневитинова о Пушкинѣ, кромѣ маленькой замѣтки о II пѣсни „Евгенія Онѣгина" (см. тамъ же, стр. 187—188).

Д. В. Веневитиновъ не успѣлъ развернуть всѣхъ своихъ силъ и въ полномъ ихъ размѣрѣ; но онъ далъ прекрасные образчики своего таланта во всѣхъ трехъ областяхъ своей дѣятельности: и въ поэзіи, и въ философіи, и въ критикѣ.

Что касается общаго значенія дѣятельности Д. В. Веневитинова, то, хотя онъ и несомнѣнно обладалъ большими способностями къ мышленію философскому и вообще абстрактному, однако, философское наслѣдіе его не настолько велико, чтобы обезпечить ему видное мѣсто въ исторіи философіи не только общеевропейской, но даже и въ болѣе скромной области—исторіи философіи въ Россіи. Его философскіе трактаты имѣли значеніе болѣе для его сочленовъ по „Обществу Любомудрія". Да и самый этотъ кружокъ необходимо разсматривать, прежде всего, какъ результатъ философской пропаганды того высокозамѣчательнаго человѣка, о заслугахъ котораго мы такъ скоро и съ такимъ легкимъ сердцемъ забыли: мы говоримъ о Михаилѣ Григорьевичѣ *Павловѣ*...

Въ нашей литературѣ Д. В. Веневитиновъ извѣстенъ болѣе всего, какъ поэтъ. Но онъ не обладалъ и такимъ громаднымъ поэтическимъ дарованіемъ, чтобы отвоевать себѣ мѣсто во всемірной литературѣ; даже въ отечественной онъ

можетъ занять лишь второразрядное мѣсто. Притомъ, эпоха, въ которую онъ выступилъ, была не особенно благопріятна: для него было не по силамъ состязаніе съ Пушкинымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ. Его поэтическая область была гораздо уже (онъ только лирикъ), онъ не обладалъ такимъ, какъ они, блестящимъ стихомъ. Но за нимъ нужно оставить одно: полную оригинальность и полную самостоятельность. Онъ какъ бы иностранецъ и стоитъ внѣ связи съ предшествующимъ развитіемъ русской литературы. Это объясняется его широкимъ, философскимъ и историко-литературнымъ образованіемъ, позволившимъ ему сбросить съ себя узкіе путы традиціи. Притомъ же онъ рѣзко отличается отъ другихъ нашихъ поэтовъ и тѣмъ, что тогда, какъ всѣ наши поэты (развѣ, за исключеніемъ Жуковскаго), преимущественно, находились подъ вліяніемъ французской (и отчасти) англійской литературы, Веневитиновъ—явился проповѣдникомъ германской словесности. (ср. мнѣніе Кирѣевскаго: „напитанный великими идеями германскихъ писателей“).

Въ пользу же самобытности нашего поэта говоритъ и то обстоятельство, что, когда Пушкинъ увлекъ за собою всѣхъ своихъ современниковъ, поэтовъ съ менѣе крупными дарованіями—даже юноша Лермонтовъ (замѣтимъ, что развѣ одинъ лишь Лермонтовъ могъ бы поспорить съ Веневитиновымъ по широтѣ литературнаго образованія)—повторяетъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ цѣлые стихи изъ Пушкина,—нашъ поэтъ остался вѣренъ себѣ, своему намѣченному пути, и не сдѣлался однимъ изъ членовъ „Пушкинской плеяды“. Но въ этомъ изолированномъ положеніи заключалась и невыгода для популярности поэта: не будучи достаточно сильнымъ, чтобъ создать свою школу, свое литературное теченіе, и не принадлежа къ школѣ модной, онъ, естественно, остался въ сторонѣ, въ тѣни—и такъ—до нашихъ дней, не смотря на изящество

и выразительность своего стиха, на глубокую искренность своихъ чувствъ, на продуманность сюжетовъ.

Поэзія Веневитинова не оказала большого вліянія ни на современниковъ, ни на потомковъ, хотя онъ лично и надѣялся, какъ мы видимъ изъ стихотвореній, что его стихи не пройдутъ незамѣченными. Его поэзія должна была имѣть и общественно-историческое значеніе: для общества безполезенъ поэтъ, „который наслаждается въ собственномъ своемъ мірѣ, котораго мысль внѣ себя ничего не ищетъ, и слѣдственно, *уклоняется отъ цѣли всеобщаго усовершенствованія*“, пишетъ онъ(стр. 153—изд. Пятк.).

Въ поэзіи Д. В. оставилъ самые большіе слѣды своей дѣятельности. Но если судить не только о дѣйствительномъ, но и о возможности, то, надобно признаться, что Веневитиновъ могъ бы стяжать себѣ обильнѣйшіе лавры въ области литературной критики. Правда, и здѣсь все таки нельзя согласиться съ размашистымъ и скороспѣлымъ обобщеніемъ *Ив. Иванова*: „Веневитиновъ оставилъ русской критикѣ почетное и богатое наслѣдство“ (Исторія русской критики, ч. I и II, стр. 416).

Кромѣ статей о Пушкинѣ и Мерзляковѣ, Д. В. Веневитинову принадлежитъ замѣчательный планъ журнала, который онъ собирался издавать со своими друзьями, сочленами по раичевскому кружку. Общія сужденія о судьбѣ русской литературы и о желательномъ ея направленіи въ будущее время изложены Веневитиновымъ именно въ этомъ планѣ (стр. 24—32 или 164—169), содержаніе котораго мы приведемъ здѣсь.

Исходною мыслію служитъ то положеніе, что страсть къ познанію и необходимое желаніе дѣйствовать влекутъ человѣка къ „самопознанію“. Науки и искусства суть развитіе этой начальной идеи. Исторія убѣждаетъ, что сія цѣль человѣка есть цѣль всего человѣчества, а любомудріе ясно открываетъ въ ней законъ всей природы. Съ этой точки зрѣнія каж-

дый народъ является отдѣльнымъ лицомъ, который всѣ свои нравственныя усилія, носящія особый, племенной характеръ, направляетъ къ самопознанію. Просвѣщеніе есть та степень, на который онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія. У всѣхъ *народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала отечественнаго*; ихъ произведенія, даже входящія въ составъ всемірныхъ пріобрѣтеній ума, не теряли отличительнаго характера. Примѣняя всѣ эти условія къ Россіи, мы получимъ, что россійское просвѣщеніе есть *заимствованное*: оттуда это чувство подражательности и раболѣпство, оттуда совершенное отсутствіе свободы и истинной дѣятельности. Что же служитъ причиною такого печальнаго явленія?—Та быстрота, съ которою Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое зданіе литературы. Если бы развитіе русской мысли шло естественнымъ путемъ, то характеръ народа развился бы собственной своею силою и принялъ бы направленіе самобытное: мы получили форму литературы прежде ея сущности. Мы не можемъ похвалиться ни однимъ памятникомъ, который бы носилъ печать свободнаго энтузіасма и истинной страсти къ наукѣ. Современные журналы служатъ пищею нашему невѣжеству.

Затѣмъ Веневитиновъ высказываетъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и чрезвычайно глубокихъ мыслей о ходѣ развитія и общемъ характерѣ исторіи русской литературы. Псевдоклассицисмъ палъ; его слѣды остались лишь въ немногихъ твореніяхъ, которыя съ безсильною упорностью стараются представить прошедшее настоящимъ. Но мы отбросили французскія правила не оттого, чтобы мы могли ихъ опровергнуть какою-либо положительною системой; правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Причина нашей слабости въ литературномъ отношеніи заключалась не столько въ образѣ мыслей, сколько въ бездѣйствіи мысли.

Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій этого была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ. *Многочисленность стихотворцевъ во всякомъ народѣ* есть *вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія.* У насъ языкъ поэзіи превращается въ механисмъ и дѣлается орудіемъ безсилія; у насъ чувство освобождаетъ отъ обязанности мыслить и отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствованія [1]). Легче дѣйствовать на умъ, когда онъ пристрастился къ заблужденію, нежели, когда онъ равнодушенъ къ истинѣ. При такомъ положеніи дѣла представляется одно лишь средство къ возвращенію русской словесности на путь правильнаго развитія—совершенно остановить нынѣшній ходъ ея развитія и заставить ее болѣе думать, чѣмъ производить: для сей цѣли надлежало бы *устранить* Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, и *опираясь на твердыя начала философіи*, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, въ которой бы она видѣла свое предназначеніе. Такой цѣли удовлетворило бы сочиненіе, въ которомъ разнообразіе предметовъ представляло бы различныя примѣненія одной постоянной системы—т. е. *журналъ*, раздѣленный на двѣ части: теоретическую—изслѣдованія ума и свойствъ его (философскій отдѣлъ), и практическій—примѣненіе общихъ началъ къ исторіи наукъ и искусствъ, причемъ надобно обратить особенное вниманіе на произведенія древняго міра,—ибо духъ древняго искусства представляетъ обильную жатву мыслей, безъ которыхъ новѣйшее искусство теряетъ большую часть своей цѣны [2]). Въ философіи и въ философской критикѣ изящныхъ произведеній найдетъ Россія залогъ своей самобытности и нравственной свободы въ литературѣ.

---

[1]) См. выше, стр. 169.

[2]) Это даетъ Скабичевскому («Сорокъ лѣтъ русской критики») поводъ считать В-а предвѣстникомъ классицисма на Руси. Соч., т. I, стр. 351). Ср. однако выше, въ рецензіи на сочиненіе Мерзлякова, стр. 159, гдѣ Веневитиновъ вступается «за честь нашего вѣка».

Такова, въ общихъ чертахъ, программа, намѣченная поэтомъ для предполагаемаго журнала. Вся она проникнута одною строго и блестяще проведенною мыслію: будущій журналъ, въ противность другимъ существующимъ, долженъ имѣть исключительно общественно-воспитательное значеніе.

Планъ журнала, рецензія на разсужденіе Мерзлякова и статьи о Пушкинѣ—вотъ наслѣдіе Д. В.—ча въ области литературной критики. Если даже и согласиться съ мнѣніемъ Иванова („Исторія русской критики", ч. I и II, стр. 421), что это—статьи „незначительныя по размѣрамъ, но въ высшей степени содержательныя", и что „отголоски ихъ будутъ встрѣчаться намъ вплоть до самаго зрѣлаго періода критики Бѣлинскаго", то всетаки нельзя не признаться, что оставленное наслѣдіе Веневитинова даетъ право говорить не столько о наличномъ, сколько о возможномъ, поучаетъ насъ, сколько русская критика потеряла въ лицѣ Веневитинова.

Преувеличено, безъ сомнѣнія, также и другое мнѣніе Иванова (стр. 423): „Насъ часто поражаетъ *буквальное* совпаденіе идей Веневитинова и Бѣлинскаго, и уже этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, по какому пути направилась бы критика молодого автора".

Во первыхъ, подобное совпаденіе вовсе уже не такъ часто и не такъ буквально. Да и что могла бы доказывать буквальность? Неужели Бѣлинскій списывалъ или заимствовалъ у Веневитинова? Могъ ли Бѣлинскій нуждаться въ такихъ заимствованіяхъ, когда объемъ и значеніе его критической дѣятельности въ неизмѣримое число разъ превосходятъ размѣры и значеніе критическихъ статей Веневитинова? Во вторыхъ, путь и идеи Бѣлинскаго, которые якобы предвосхищены Веневитиновымъ, по мнѣнію Ив. Иванова, все же не были единственно возможными и не были кодексомъ абсолютной истины. Идеи Бѣлинскаго, во многихъ случаяхъ, неудовлетворительныя для нашей эпохи, часто являлись ошибочными и для своего времени.

И въ ту эпоху многое можно бы сказать основательнѣе и справедливѣе, чѣмъ было формулировано Бѣлинскимъ. А для Веневитинова было бы немного чести, если бы онъ постоянно предвосхищалъ идеи Бѣлинскаго, которыя потомъ оказывались невѣрными. Такая похвала плохая услуга Веневитинову.

Не *идеи* Бѣлинскаго долженъ или могъ предвосхищать Веневитиновъ, по нашему мнѣнію, а *мѣсто* Бѣлинскаго въ русской литературѣ и критикѣ, значеніе, авторитетъ Бѣлинскаго... И думается намъ, что, если бы дожилъ Веневитиновъ до тѣхъ великихъ литературныхъ явленій (кромѣ Пушкина), которыя пришлось оцѣнивать Бѣлинскому, то нерѣдко оцѣнка изъ устъ Веневитинова вышла бы иная и даже болѣе основательная. Мы думаемъ, что Веневитиновъ и по натурѣ, и по образованію былъ хорошо подготовленъ къ обязанностямъ критика. Веневитиновъ былъ самъ поэтъ, хорошо знавшій по собственному опыту условія творчества и набившій себѣ руку въ поэтической техникѣ. Онъ былъ мыслитель, получившій серьезную философскую подготовку, черпавшій свои знанія изъ первоисточниковъ, а не по наслышкѣ. Онъ обладалъ прекраснымъ знаніемъ языковъ и самостоятельно изучилъ въ подлинникахъ классическіе образцы и древнихъ, и новыхъ литературъ. Онъ получилъ отличное и широкое эстетическое воспитаніе и имѣлъ уже въ юности самобытные взгляды по эстетикѣ, подкрѣпляемые большою теоретическою начитанностью. Вотъ преимущества Веневитинова надъ Бѣлинскимъ. Наконецъ прибавимъ еще преимущества темперамента. Веневитиновъ въ 20 лѣтъ пишетъ спокойнѣе, обдуманнѣе, цѣльнѣе, лаконичнѣе, съ большимъ самообладаніемъ и осмотрительностью, чѣмъ „неистовый Виссаріонъ“, вѣчно переходившій отъ одного и крайняго увлеченія къ другому—столь же крайнему и писавшій подъ наитіемъ и вдохновеніемъ минуты... Веневитиновъ былъ бы серьезнымъ соперникомъ Бѣлинскаго по критической каѳедрѣ... Но все это лишь возможности, и

притомъ возможности не оправдавшіяся. Бѣлинскій же при всѣхъ своихъ ошибкахъ и увлеченіяхъ отвоевалъ себѣ почтеннѣйшее и опредѣленное мѣсто въ исторіи русской литературы. Дѣятельность Бѣлинскаго есть не возможность, а уже свершившійся историческій фактъ, и притомъ фактъ огромной важности... Предъ факеломъ Бѣлинскаго меркнетъ скромная лампада двадцатиодноголѣтняго Веневитинова...

Приложенія.

Къ стр. 50—52.

Для характеристики нравственной личности Н. А. Иванова можетъ послужить еще одинъ прелюбопытный разсказъ:

„Въ 1852 г. осенью Казань посѣтилъ министръ народнаго просвѣщенія, кн. Ширинскій-Шихматовъ. Министръ прибылъ въ Казань около 10 сентября.... Онъ посѣтилъ многія лекціи... между прочимъ лекцію профессора Иванова....

Профессоръ Ивановъ зналъ свой предметъ превосходно и отлично читалъ всеобщую и русскую исторію, считался однимъ изъ лучшихъ профессоровъ того времени. Такъ какъ лекціи русской исторіи только что начались (съ открытіемъ учебнаго года), то Ивановъ читалъ изъ русской исторіи въ это время удѣльный періодъ, и конечно, въ присутствіи министра долженъ былъ продолжать упомянутый періодъ. Каково же было изумленіе студентовъ, когда въ присутствіи министра профессоръ вдругъ сдѣлалъ огромный скачекъ къ царствованію Императора Николая I и сталъ читать при министрѣ о декабрьскихъ событіяхъ 1825 года. Читалъ онъ увлекательно и закончилъ лекцію словами: „но поступки этихъ людей нужно оплакать кровавыми слезами“. При этомъ профессоръ вынулъ платокъ изъ кармана и сталъ утирать лившіяся изъ глазъ его слезы. Говорятъ, что примѣру про-

фессора послѣдовалъ министръ, а затѣмъ утирали слезы свои попечитель, ректоръ и прочія лица, сопровождавшія министра. Можетъ быть легко, что эти слезы, по крайней мѣрѣ, со стороны министра, были искреннія, такъ какъ онъ, сколько извѣстно, отличался не только въ высшей степени патріотическимъ, но и религіознымъ настроеніемъ и вообще принадлежалъ къ весьма впечатлительнымъ натурамъ. Результатъ пріема, употребленнаго профессоромъ Ивановымъ, былъ слѣдующій: министръ былъ въ высшей степени доволенъ лекціею Иванова, благодарилъ его и расцѣловалъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда министра профессоръ Ивановъ получилъ орденъ св. Анны 2-й степени, кажется, съ Императорскою короной" [1]).

Впрочемъ, и другіе преподаватели поревновали и тоже удружили министру:

„Инспекторъ первой гимназіи ловкій *Сахаровъ* просто обворожилъ министра. Нужно замѣтить, что 14 сентября, день Воздвиженія—храмовой праздникъ въ университетской церкви и въ церкви I гимназіи. Поэтому министръ наканунѣ праздника былъ у всенощной въ гимназической церкви. Инспекторъ гимназіи Сахаровъ употребилъ всѣ усилія, чтобы выставить ввѣренныхъ его попеченію воспитанниковъ въ высшей степени религіозными. Говорятъ, что послѣдніе не только усердно молились, но даже при пѣніи „Великаго славословія" стояли на колѣняхъ съ воздѣтыми къ небу руками и возведенными горѣ глазами. Результатъ былъ тотъ, что Сахаровъ вскорѣ по отъѣздѣ министра получилъ орденъ св. Анны II степени" [2]).

„На университетскомъ актѣ была произнесена рѣчь

---

[1]) «За полстолѣтія». 1841—1892. Воспоминанія о пережитомъ доктора А. И. Ильинскаго. Ч. I (1841—1854), гл. V, стр. 26 въ «Русской Старинѣ», г. 25, за 1894 г., т. 81, апрѣль, ст. I.

[2]) Тамъ же, стр. 27.

профессоромъ *Котельниковымъ*, читавшимъ въ университетѣ „чистую математику". Темой рѣчи была избрана разница между временемъ Казани и Петербурга. Котельниковъ заключилъ свою рѣчь словами: „Итакъ, Казань счастливѣе Петербурга, потому что она раньше просыпается, раньше спѣшитъ въ храмы, чтобы принести молитву Царю Царей о здравіи и благоденствіи возлюбленнаго Монарха и всего Царствующаго Дома". Конечно, рѣчь эта, не лишенная многихъ ораторскихъ пріемовъ, очень понравилась министру" [1]).

Повидимому, разсказы доктора Ильинскаго довольно точны и заслуживаютъ довѣрія. Вотъ для сравненія окончаніе весьма любопытной рѣчи Котельникова (по печатному тексту):

„Въ ожиданіи сей вожделенной минуты возвращенія въ безсмертіе Отца, не пребудемъ въ унынiи, но паче же съ бодрымъ духомъ и съ упованіемъ на промыслъ Всевышняго будемъ преходить земное наше поприще. Особенно же мы, такъ называемые наставники, ученію которыхъ ввѣряется неопытное юношество, примемъ къ сердцу три слова: *Богъ*, *Царь*, *Отечество*. *Симъ трегранным копіемъ мы поразимъ змія лжемудрованія* и защитимъ святость нашего призванія. Провидѣнію угодно было поставить насъ на почетную ступень въ лѣствицѣ гражданственной жизни. Намъ досталась завидная участь быть дѣятелями на поприщѣ народнаго просвѣщенія, въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи. И если мы удалены на значительное разстояніе отъ центра Россіи, не посѣтуемъ на то. Такое удаленіе не препятствуетъ намъ осѣняться лучами любви и заботливости Помазанника Божія. Не въ сію-ли самую минуту мы зримъ среди насъ одного изъ Сановниковъ, предстоящихъ предъ Его трономъ?— Мужа-блюстителя Его священной воли: да развивается въ

---

[1]) Стр. 28.

юномъ поколѣніи самобытно Русскій духъ, да поучаясь человѣческой мудрости, сохранитъ оно цѣломудріе разума и евангельскую простоту сердца, да обогащается разнообразными свѣдѣніями на пользу отечеству и ближнимъ— однимъ словомъ, да красуется Русская младость доблестями Русскаго. Его Сіятельство Г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія почтилъ насъ своимъ присутствіемъ: онъ прибылъ изъ за тысячи верстъ, дабы лично удостовѣриться въ нашемъ усердіи къ дѣлу нашего служенія. Казань не забыта въ помыслахъ мужей государственныхъ, и по сей причинѣ, она не завидуетъ обѣимъ столицамъ. Она даже имѣетъ преимущество передъ ними въ томъ отношеніи, что, по восточному своему положенію, она ранѣе встрѣчаетъ восходъ солнца, слѣдовательно, *ранѣе отправляется на службу Царскую*, ранѣе спѣшитъ во храмъ на молитву о сохраненіи дней обожаемаго нами Императора Николая. Когда въ Казанскомъ Соборѣ въ Санктъ-Петербургѣ звучитъ двѣнадцать часовъ, въ тотъ самый моментъ въ Казанскомъ соборѣ въ Казани считается уже *одинъ часъ, пятнадцать минутъ, десять секундъ.*

Рѣчь и начинается словами: „Одинъ часъ, пятнадцать минутъ, десять секундъ, шесть десятыхъ долей секунды". Далѣе авторъ размышляетъ:

„Кто изъ насъ, размышляя, напримѣръ, объ общественномъ благѣ, не дорожитъ каждою секундою, каждымъ мгновеніемъ жизни Того, Кому 22-го августа, въ Православномъ Русскомъ Царствѣ, Святая Церковь испрашивала предъ престоломъ Всемогущаго многая лѣта? Кто изъ насъ не благословляетъ каждой минуты, которую посчастливилось употребить на исполненіе Воли Того, Кому въ теченіе цѣлой четверти столѣтія ниспосылалось благословеніе свыше на всѣ Его благія начинанія? Кто изъ насъ не ведётъ хронологическаго счета, когда, созерцая развитіе вещественныхъ и духовныхъ силъ нашего отечества, исполняемся чувствомъ бла-

гоговѣйной признательности къ Тому, Чьи дѣянія предрекаютъ Ему въ исторіи удѣлъ безсмертія? Кто изъ насъ не знаетъ, что наконецъ можно потерять всякой счетъ времени, если захотимъ высказывать все, что у Русскаго, при думѣ о Царѣ, бываетъ нà-сердцѣ?—Не дерзая касаться этого святилища, я возвращаюсь къ началу нашей бесѣды"...

См. „Судьбы астрономической географіи Россіи въ благополучное царствованіе Государя Императора Николая I". Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета, ординарнымъ профессоромъ прикладной математики, докторомъ философіи, *Петромъ Котельниковымъ*, 16 сентября 1851 г. Казань, 1851, стр. 3 и 41—42.

Возвращаясь къ Н. А. Иванову, мы должны отмѣтить еще его участіе въ исторіи *Мельгунова*.

Н. А. Мельгуновъ (о немъ см. монографію *А. И. Кирпичникова*: „Между славянофилами и западниками", „Русская Старина" за 1898 г. (г. 29), т. 96, ноябрь, ст. IV, стр. 297—330 и декабрь, ст. IV, стр. 551—585) сообщилъ нѣмецкому литератору *Кенигу* свѣдѣнія о русскихъ литераторахъ. Кёнигъ издалъ книгу (H. Koenig, Literarische Bilder aus Russland, 1837), гдѣ невыгодно отозвался о Гречѣ и Булгаринѣ. Послѣдніе подняли противъ Мельгунова цѣлый походъ (см. у Кирпичникова, стр. 324 и далѣе) и на публичныхъ лекціяхъ (Греча), и въ своихъ журналахъ, и въ заграничной печати: въ брошюрѣ: H. Koenig's Literarische Bilder aus Russland in ihrem wahren Lichte dargestellt von N. Gretsch, и въ статьѣ журнала Hamburger Correspondent.

Эта послѣдняя статья была подписана Iwanow. Н. А. Ивановъ жилъ въ это время въ Дерптѣ, уже творилъ съ Булгаринымъ „Россію" и успѣлъ сплестись со всею компаніею „Сѣверной Пчелы" тѣсными узами. Хорошо владѣя нѣ-

мецкимъ языкомъ, Н. А. Ивановъ принялъ „особое“ порученіе Булгарина сдѣлать вылазку въ заграничной печати. Какова была статья Иванова по содержанію и тону, можно судить изъ письма Мельгунова къ Шевыреву изъ Москвы въ Римъ отъ 1(13) ноября 1838 г. [1]): „повторено противъ меня все, что̀, помнишь, сказано въ первой статьѣ „Сѣверной Пчелы“ съ прибавкою *нѣсколькихъ подлостей*. Тутъ такъ же досталось и *тебѣ*, и особенно *Гоголю*... Про тебя Ивановъ говоритъ: авторъ плодовитыхъ gelehrt sein sollenden Kritiken, которыхъ никто не читаетъ.... О Гоголѣ наговорены тамъ *мерзости*, что онъ освистанъ студентами и долженъ былъ со стыдомъ оставить каѳедру. Что за *гадина* (т. е. Ивановъ)!“

О немъ же Мельгуновъ въ своей апологіи „Исторія одной книги“, М. 1839 (брошюра была разослана при „Отечественныхъ Запискахъ“), стр. 15 замѣчаетъ: „Не знаю, въ *какихъ отношеніяхъ* г. Ивановъ находится къ литературной редакціи „Сѣверной Пчелы“; но изъ статьи явно, что онъ написалъ ее подъ вліяніемъ упомянутой газеты. Это отчасти повтореніе, отчасти распространеніе ея словъ, къ которымъ г. Ивановъ позволилъ себѣ прибавить два, три замѣчанія, которыхъ *добрая цѣль* показываетъ, что *есть* возможность *превзойти* даже „Сѣверную Пчелу“ въ *деликатности и благородствѣ*“.

Н. А. Ивановъ въ угоду Гречу и Булгарину обругалъ даже вѣрнаго служителя „оффиціальной народности“ и присяжнаго патріота С. П. Шевырева.

Любопытно, что Н. А. Иванова еще такъ мало знали въ литературныхъ кружкахъ, что Мельгуновъ называетъ Иванова въ письмѣ (стр. 326): „Ивановъ, *мнимый* или истинный“, а въ

---

[1]) Кирпичниковъ, стр. 326.

брошюрѣ (стр. 15) „*какой-то* г. Ивановъ". Очевидно, предполагали, что за этою общеупотребительной фамиліею скрывается кто-либо изъ извѣстныхъ писакъ грече-булгаринской команды. Это мнѣніе самого Мельгунова ввело въ заблужденіе и Кирпичникова, который (стр. 556) упоминаетъ „отзывъ *предполагаемаго* Н. Иванова" и (стр. 330) прямо полагаетъ: „съ *псевдо*-Ивановымъ Мельгуновъ раздѣлывается только попутно". Но это дѣло рукъ не псевдо,—а настоящаго Н. А. Иванова изъ дружины Булгарина,—Иванова, котораго нѣкоторые напрасно пытаются реабилитировать....

Къ стр. 39-й.

Н. П. Барсуковъ въ своей многотомной біографіи М. П. Погодина совершенно оставляетъ безъ изслѣдованія одну сторону его жизни (очень важную, однако, для пониманія нравственнаго характера Погодина), именно, его имущественныя обстоятельства и довольно быстрый ростъ его матеріальнаго благосостоянія. Между тѣмъ въ свое время ходили на этотъ счетъ разные слухи, несправедливость которыхъ желательно было бы видѣть не игнорированною, а доказанною....

Одна изъ самыхъ смѣлыхъ явныхъ нападокъ на Погодина была сдѣлана въ альманахѣ: „Первое апрѣля" [1]. (Н. П. Барсуковъ упоминаетъ объ этой вылазкѣ—т. VIII, стр. 354, но не сообщаетъ, въ чемъ она).

Первое апрѣля, Комическій иллюстрированный альманахъ, составленный изъ разсказовъ въ стихахъ и прозѣ, достопримѣчательныхъ писемъ, куплетовъ, пародій, анекдотовъ и пуфовъ, СПБ. 1846, содержалъ вообще нѣсколько очень рѣзкихъ вылазокъ противъ славянофиловъ и представителей такъ называемой нынѣ „оффиціальной народности": приведены анекдоты о Шевыревѣ, приводящемъ въ восторгъ итальянскихъ

---

[1] 1 апрѣля есть день всякаго рода шутокъ и мистификацій.

ящерицъ декламированіемъ стиховъ Пушкина, о Константинѣ Аксаковѣ, котораго будто бы на московскихъ улицахъ по его „русскому“ платью народъ принимаетъ за „настранца“ и— слѣдующій, злой разсказъ о Погодинѣ, который въ виду большой рѣдкости альманаха [1]) приводимъ цѣликомъ.

Погодина, какъ извѣстно, въ западническихъ кружкахъ величали Вёдринымъ (погода—вёдро), и на его „Путевыя Записки“ нападали жестоко. Въ Альманахѣ онъ такъ и поименованъ, только съ замѣною *в* черезъ *б*, т. е. *Б*едринымъ (стр. 23—26). „Отечественныя записки“ за 1846 г., т. 45, кн. 2, апрѣль, Библіографическая хроника, русская литература, № 152, $^3/_4$ I столбца 87 стр.—89 стр. посвятили альманаху рецензію, гдѣ такъ о немъ отзываются (87, I): „Вся эта книжка не больше, какъ болтовня, но болтовня живая и веселая, мѣстами даже *лукавая и злая*. Вотъ, для образчика прозы два анекдота изъ „Перваго Апрѣля“. Перепечатано три, именно вышеупомянутыхъ анекдота (о Шевыревѣ, Погодинѣ—$^3/_4$ I ст. 87 I ст. 88 и Аксаковѣ). Чтобы сдѣлать намекъ на Погодина еще прозрачнѣе, изъ Бедрина возстановили опять *В*едрина.

Какъ одинъ господинъ пріобрѣлъ себѣ за безцѣнокъ домъ въ полтораста тысячь.

Г-нъ Бедринъ, столь прославившійся своими путевыми записками, нажилъ себѣ домъ слѣдующимъ остроумнымъ и простымъ способомъ.—Жилъ въ Парижѣ русскій князь, который до самой смерти своей, послѣдовавшей на 73 году, бралъ уроки танцованія и фектованія. Учители танцованія и

---

[1]) Даже у графа Е. Путятина, «Перекличка Альманахамъ», стр. 43—44, № 160 онъ описанъ не по автопсіи: форматъ «Перваго Апрѣля» не 8(?), а 16.

фектованія являлись къ нему и тогда, когда он:
на смертномъ одрѣ; къ нимъ выходилъ камерд
платилъ имъ за урокъ, говоря, что „князь зан
князя былъ, между прочимъ, домъ, находившій
ваніи управляющаго. Г-нъ Бедринъ съ свойстве
безностію предложилъ однажды этому управл
тысячь съ тѣмъ, что бы тотъ написалъ князю,
сіятельства пришелъ въ ветхость и угрожаетъ па
вляющій, взявъ съ г. Бедрина предложенную имъ
(предосторожность, которую вообще совѣтуютъ
г. Бедринымъ) поспѣшилъ исполнить невинну
Бедрина. Сколь ни мало заботился князь о св
помѣстьяхъ, извѣстіе управляющаго удивило ег
нилъ, что четыре гола тому назадъ, уѣзжая
оставилъ домъ свой въ цвѣтущемъ положеніи.
написалъ письмо къ одному своему пріятелю
въ которомъ просилъ осмотрѣть его домъ, и е
управляющаго справедливо, то велѣть ему пос
домъ повуда и совсѣмъ не развалился, хоть за
деньги немедленно выслать въ Парижъ. Пріятел
далъ знать управляющему, что въ такой-то ден
часъ онъ пріѣдетъ осматривать домъ князя и ч
готово. Встревоженный управляющій поскакалъ
рину. Г-нъ Бедринъ, писавшій въ то время р
добродѣтели, выслушавъ разсказъ управляющаго
чилъ къ потолку единственно потому, что востор
явленіе радости не считалъ теперь для себя выг
ограничился тѣмъ, что поспѣшилъ включить въ
деніе о добродѣтели нѣсколько счастливыхъ стро
шихъ въ умѣ его во время разсказа, и какъ
очередь почерпнувъ изъ разсужденія своего вдох
настоящаго случая, вскочилъ и съ жаромъ сказал
правляющему нѣсколько словъ, которыя *сему послѣднему* [1]) возвра-

[1]) Курсивъ подлинника.

Зъ назначенный день пріятель князя въ
пей, но запряженной четверкой каретѣ
гь домъ. Здѣсь все было уже готово,
ась; въ стѣнахъ были диры чуть не на
ѳръ, щебень, обломки кирпича. Пріятель
Идутъ внутрь. Пріятель князя занесъ
остановился. Лѣстница вся на подпор-
провалились, иныхъ нѣтъ вовсе. „По-
льство!“ (пріятель князя былъ тоже сія-
правляющій... „Ничего... ей Богу ничего!
ѣпки; не могу вамъ доложить что теперь,
ходилъ, къ осмотру вашего сіятельства
Богъ пронесъ! Пожалуйте.... вотъ что
. да ничего.... ничего, Богъ милостивъ!“
ометью бросился вонъ, и написалъ въ
о того гнилъ, что въ него и войти нѣтъ
. Г-нъ Бедринъ купилъ домъ у управ-
го приказаніе продать его хоть за что
ь, употребилъ двѣ тысячи на поправку
ку стѣнъ, и теперь ему даютъ за него сто
очетъ взять и полутораста. Онъ переби-
Желающимъ нанять у него квартиры, со-
потому что опоздавъ, легко не найти ни
гіе за честь почитаютъ жить въ домѣ
нъ пользуется блестящею репутаціей, и
сужденіе его о добродѣтели написано
роникнуто чистѣйшею нравственностію.

ка возмутила даже западниковъ, особенно
А. Мельгунова и А. И. Герцена, во-
ъ знаетъ, кто это писалъ: все это и
глупо, и скверно“, называлъ выходку о Погодинѣ „дрянною“,
и писалъ, что она выходитъ „за предѣлъ всякой деликатно-
сти“. Ср. у Н. П. Барсукова, т. VIII, стр. 355—356.

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY

Что касается происхожденія клички Вёдрина, то создана она Погодину А. И. Герценомъ. Вотъ что пишетъ онъ самъ:

„Шероховатый, неметеный слогъ Погодина, грубая манера бросать корноухія, обгрызенныя отмѣтки и нежеваныя мысли вдохновилъ меня какъ то въ старые годы, и я написалъ въ подражаніе ему небольшой отрывокъ изъ „Путевыхъ записокъ Ведрина". Строгановъ (попечитель), читая ихъ, сказалъ: „А вѣдь Погодинъ вѣрно думаетъ, что онъ это въ самомъ дѣлѣ написалъ" (А. И. Герценъ, Сочиненія, т. VII, „Былое и думы", т. I, стр. 309).

Въ „Отечественныхъ Запискахъ" за 1843 г., т. XXXI, Смѣсь, стр. 58—60 была помѣщена эта жестокая пародія на „Записки" Погодина. Введеніе гласило между прочимъ: „Одинъ неизвѣстный литераторъ, впрочемъ, очень почтенный человѣкъ, г. Вёдринъ, объѣхавшій съ большой пользой многія страны, намѣренъ издать въ весьма непродолжительномъ времени свои „Путевыя Записки" какъ для покрытія *издержекъ, неминуемыхъ при путешествіяхъ*, такъ отчасти для пользы и удовольствія читателей"... Ср. у Н. П. Барсукова, Жизнь и труды Погодина, т. VII, стр. 76—79, гдѣ разсказана вся исторія. Въ Ведринѣ узнали Погодина сразу всѣ: и свои, и чужіе.

Къ 38-й стр.

Къ приведеннымъ выше - прибавимъ еще нѣсколько свидѣтельствъ о томъ, какъ въ эпоху „золотого вѣка“ университетскіе профессора поправляли свои дѣлишки насчетъ слушателей, учениковъ и нахлѣбниковъ.

„Полный до сего безпредѣльнаго уваженія къ профессорамъ, я сильно разочаровался *Сандуновымъ*, *Цвѣтаевымъ* и *Василевскимъ*. Я освѣдомился отъ *Кирьякова* и *Шостака*, что они и еще *Загряжскій*, да *Воронцы* двое, берутъ у сказанныхъ лицъ частные уроки съ платою: Сандунову—15 р., Цвѣтаеву 12 р., Василевскому—меньше. Это, по общему говору студентовъ, означало, что всѣ эти слушатели при окончаніи курса выступятъ кандидатами. Предполагая, по крайней мѣрѣ, въ Кирьяковѣ стремленіе къ бо̀льшимъ знаніямъ, я не вѣрилъ и не слушалъ злорѣчія. Но, къ душевному прискорбію, мнимое злорѣчіе оказалось сущею правдою. Всѣ, кромѣ одного изъ Воронцовъ, прошли кандидатами. Видно, овощи Курія Дентата не пришлись по желудку престарѣлыхъ профессоровъ“. (Записки Н. Н. Мурзакевича (1806—1883), гл. VII, стр. 272—273 въ „Русской Старинѣ“ за 1887 г., г. 18-й, т. 53).

П. Ѳ. Вистенгофъ (Изъ моихъ воспоминаній, „Историческій Вѣстникъ“, г. V, за 1884 г., т. XVI, май, стр. 329—353) сообщаетъ: „Подъ конецъ лѣта, передъ самымъ *началомъ* вступительныхъ экзаменовъ ко мнѣ пригласили на домъ ординарнаго профессора Московскаго университета *Ивашковскаго*, постоянно назначавшагося *экзаменаторомъ* греческаго языка, въ которомъ я былъ очень слабъ и страшился его болѣе всего. Профессоръ, давъ нѣсколько уроковъ, заранѣе

предупредилъ меня о томъ, что̀ будетъ *спрашивать* на экзаменѣ, и *указалъ* то мѣсто въ греческой христоматіи, которое я долженъ былъ вызубрить" (стр. 331). Въ Казани съ Вистенгофомъ было нѣчто подобное. „Я переѣхалъ жить на полное иждивеніе къ профессору *Фогелю*, постоянно содержавшему у себя студентовъ-нахлѣбниковъ за довольно *значительную* плату. Онъ, разумѣется, всегда поддерживалъ ихъ на экзаменахъ и при переходѣ изъ одного курса въ другой, ходатайствовалъ за нихъ и у другихъ профессоровъ... Отъ попечителя не укрылось мое переселеніе къ проф. Фогелю и новая замкнутая жизнь моя. По прошествіи нѣкотораго времени Мусинъ-Пушкинъ встрѣтилъ меня при выходѣ изъ университета. Я поклонился ему. Онъ остановилъ меня и сказалъ довольно мягко:

„Ну вотъ! давно бы такъ. Ты хорошо сдѣлалъ, что переѣхалъ на жительство къ профессору Фогелю и перемѣнилъ образъ своей сумасбродной жизни; теперь я попробую смотрѣть на тебя другими глазами" (стр. 343—344).

„Деканомъ юридическаго факультета былъ *Н. И. Крыловъ*. Не смотря на его серьезное знаніе римскаго *„Самоката"* (такъ онъ пластично желалъ изобразить стройную гармонію юридическаго римскаго быта), Никита Ивановичъ не принадлежалъ къ числу симпатичныхъ натуръ. Нѣсколько грубоватый, съ сохранившимися типичными чертами бурсака-семинариста, Крыловъ, весь погрузившійся въ Corpus juris и его литературу, былъ вообще мало развитъ: вопросы и задачи жизни его не волновали, наука не облагородила; разсказывали, что въ качествѣ профессора онъ былъ *не прочь и отъ благодарности*, такъ что иной разъ его *отмѣтки* на экзаменахъ *поражали*. Во хмѣлю Н. И. былъ неспокоенъ". (Н. П. Колюпановъ, Изъ прошлаго, гл. II, стр. 15, „Русское Обозрѣніе" за 1895 г., мартъ). Ср. выше, стр. 42, прим. 2.

Къ стр. 104—109.

Какое впечатлѣніе производила личность, и самая наружность Стефенса, и какъ онъ читалъ лекціи, можемъ мы видѣть изъ нижеслѣдующаго сообщенія одного изъ его слушателей:

„Слушаю лекціи Стефенса объ антропологіи: впечатлѣніе, которое онѣ оставляютъ, такъ сильно, что поневолѣ забываешь о своемъ правѣ судить учителя и указывать ему мѣсто въ ряду другихъ философовъ; его рѣчь имѣетъ что-то выходящее за границы школы, что-то живое, существенно важное, неразгаданное,... неумѣстимое въ формулахъ, и потому дѣйствующее на умъ такъ же точно, какъ всякое увлекательное явленіе природы, или искусства. Потому не удивитесь, что Русскій, въ первый разъ услышавшій краснорѣчивую рѣчь, будетъ вамъ описывать не содержаніе лекцій Стефенса, а его самого. Представьте себѣ величественнаго старика, густые сѣдые локоны, правильныя строгія черты лица, живые, большіе глаза, которые загораются иногда огнемъ неподдѣльнаго восторга... Подобныя наружности чаще встрѣчаются на древнихъ Греческихъ медаляхъ и камеяхъ, нежели въ новѣйшихъ обществахъ. Съ первыхъ словъ его лекція стала непохожа на лекцію,—больше на бесѣду подъ яснымъ небомъ Аттики. Право, какъ будто бы невзначай сошлась толпа Аѳинскихъ юношей вокругъ Греческаго философа, и онъ

невзначай разговорился, а народъ и радъ, и боится, чтобъ старикъ не кончилъ.,. а онъ, кажется, намѣренъ сказать только нѣсколько словъ, и того и гляди уйдетъ, оглядываешься, нѣтъ ли кого изъ его учениковъ, чтобы удержать его вопросомъ или возраженіемъ... Стефенсъ не читаетъ курса, не ораторствуетъ, не преподаетъ, а просто бесѣдуетъ, и кажется, будто его не перерываютъ потому только, что неприлично, неестественно перервать такую одушевленную рѣчь. Мнѣ удалось слушать у насъ и въ чужихъ краяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ, одаренныхъ высокою простотою изложенія, но не въ одномъ не помню такого совершеннаго отсутствія всего книжнаго, такого умѣнья заставить забыть душную, кабинетную ученость, такого дара переносить свою аудиторію въ безконечный просторъ вселенной. Смотря на Стефенса, убѣдишься, что краснорѣчіе не то, что даръ произносить изящныя рѣчи. Стефенсъ говоритъ на языкѣ чужомъ, ищетъ словъ, иногда даже дѣлаетъ грубыя грамматическія ошибки; въ его произношеніи нѣмецъ всегда слышитъ Норвежскій акцентъ,—и при всемъ томъ едва ли кто изъ природныхъ Нѣмцевъ въ Берлинѣ такъ очаровываетъ своимъ словомъ. Чувствуешь, что не въ словѣ сила, не въ томъ, *что* говорится, а въ томъ, *кто* говоритъ, въ симпатическомъ, неизъяснимомъ дѣйствіи его личнаго присутствія. Передъ вами стоитъ человѣкъ, котораго рѣчь дышетъ вдохновеніемъ времени, незабвеннаго для Германскихъ университетовъ, восторгомъ той эпохи творчества, когда воскресала и пластическая красота языческой Греціи, и поэзія среднихъ вѣковъ, и доблести древнихъ Германцевъ; онъ самъ живетъ высокою жизнію, которою жили Гёте и Шиллеръ, Фихте и Шеллингъ, которая изъ университетовъ разошлась по цѣлой Германіи и освободила ее.—Такой человѣкъ будетъ краснорѣчивъ, не смотря на нестройность періодовъ и даже грамматическія ошибки. Впрочемъ, надобно отдать честь и слушателямъ: сначала меня удивляло, какъ могутъ слушать и хвалить

Стефенса даже Гегельянцы; и отъ чего они не возстаютъ, напримѣръ, на отсутствіе строгой системы, даже на безпорядокъ его преподаванія. Дѣло въ томъ, что нашему брату трудно понять, что̀ такое ученое направленіе Нѣмецкихъ студентовъ? Каждый талантъ, даже самый односторонній, находитъ здѣсь свое мѣсто и своихъ цѣнителей: между самыми крайними противоположностями гораздо больше общаго, нежели мы думаемъ. Духъ партіи ослѣпляетъ немногихъ и вообще обузданъ любовью къ общему дѣлу: студентъ прежде всего наслаждается наукою, а послѣ, и то съ Нѣмецкою осторожностію, составляетъ свое мнѣніе о профессорѣ; вообще здѣсь сильнѣе жажда знанія, нежели потребность имѣть собственное мнѣніе. Отъ того то, можетъ быть, и хорошія качества профессора узнаются прежде, чѣмъ недостатки".

Приведенная выписка есть „отрывокъ изъ письма, полученнаго изъ Берлина отъ одного русскаго путешественника"; она помѣщена въ статьѣ *И. В. Кирѣевскаго*, „Жизнь Стефенса", стр. 60—62 (Полное собраніе сочиненій, т. II, М. 1861).

Къ стр. 28.

Избитымъ и ходячимъ мѣстомъ стала у насъ постоянно повторяемая фраза о „блестящемъ періодѣ“ въ исторіи Московскаго университета и Московскаго учебнаго округа вообще подъ эгидою попечителя графа С. Г. Строганова. Однако, до сихъ поръ еще недостаточно обращаютъ вниманіе на то обстоятельство, что этотъ похвальный отзывъ несется почти исключительно изъ устъ *одной* партіи, которую графъ С. Г. особенно протежировалъ, именно западнической. А между тѣмъ нельзя забывать и другого locus topicus: audiatur et altera pars. Еще во время попечительства С. Г. Строганова находились люди, которые совсѣмъ не находили этого періода „блестящимъ“ даже по сравненію его съ прежними періодами — патріархальнаго устройства университета. Такимъ правдолюбцемъ былъ, напр., тотъ же М. П. Погодинъ (загадочная натура, умѣвшая совмѣщать въ себѣ и пошлость, и высокіе порывы). Онъ безбоязненно рѣзалъ правду-матку въ глаза графу, который отплатилъ ему постепеннымъ удаленіемъ его изъ университета. „Убѣдившись, что двери Московскаго университета передъ нимъ навсегда закрылись, Погодинъ излилъ свою горечь въ письмѣ къ попечителю“ (Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды Погодина“, т. VIII, гл. XV, стр. 96). Напрасно біографъ успокаиваетъ читателя: онъ де имѣетъ достовѣрныя данныя, что письмо осталось въ портфелѣ Погодина „безъ дальнѣйшаго движенія“ (стр. 100). Въ самомъ письмѣ

есть указаніе—въ началѣ и въ концѣ, что то же самое Погодинъ говорилъ графу устно, на словахъ... Непосыланіе письма, если было такъ, вовсе не возвышаетъ Погодина въ глазахъ читателя. Правда остается правдою, а Погодинъ умѣлъ ее говорить не одному гр. С. Г. Строганову. Указанное письмо весьма любопытно именно, какъ altera pars, необходимый, дополнительный голосъ въ хору панегиристовъ графа-попечителя:

...„Университетъ Московскій спитъ глубокимъ сномъ, какого никогда въ немъ не бывало. Ученой жизни между профессорами никакой. Укажите мнѣ хоть на одинъ трудъ, которымъ бы занимался какой профессоръ, кромѣ нѣкоторыхъ старыхъ. Даже руководства не выдалъ никто. Въ десять лѣтъ пора бы сдѣлать это. Не выходило никакого перевода. Университетъ съ своей типографіей не издаетъ ничего, ни ученаго журнала, не издалъ никакой книги. Когда это бывало? Сочиненіе рѣчей ежегодныхъ подвергается величайшимъ затрудненіямъ.... Это о профессорахъ. Между студентами, кромѣ ученья тетрадокъ, участія, жизни также никакой!... Отчаянная мертвенность!... Литература убита. Никто въ Москвѣ ничего не пишетъ...., ссылаясь по русской лѣни на цензуру, которой ужаснѣе вообразить трудно... Одинъ журналъ [1]), который цѣлая партія считаетъ оффиціальнымъ, а между тѣмъ ни одного нумера не проходитъ безъ затрудненія, такъ что нѣсколько разъ я хотѣлъ уничтожить его [2])... Литература убита въ тѣхъ поколѣніяхъ, которыя воспитались подъ Вашимъ попечительствомъ: въ первые годы Вы просто *запрещали вслѣдствіе нелѣпыхъ навѣтовъ пріѣхавшихъ юношей*. Никто изъ студентовъ не смѣлъ писать; кончивъ курсъ, они не могутъ уже писать, какъ ихъ профессора, ибо, чтобы писать хоро-

---

[1]) «Москвитянинъ» самого Погодина.

[2]) Стр. 96.

шо, надо прежде писать дурно, а дурно писать совѣстно кандидату, какъ и профессору; они и обречены на всегдашнее безмолвіе. Когда я вышелъ изъ университета, одинъ острякъ сказалъ: „Ну вѣдь теперь Шевыреву и Давыдову съ Перевощиковымъ выходитъ срокъ, и графъ Строгановъ будетъ имѣть удовольствіе сказать, что онъ оставилъ университетъ безграмотнымъ!"

Московскій университетъ, храмъ русской словесности, безграмотный!—А согласитесь, что это такъ. Вмѣстѣ съ литературой убито и словесное отдѣленіе. Ужаснѣе его положенія нельзя придумать.... Вы выставляете *юридическое отдѣленіе*, которому уже и публика начинаетъ произносить судъ. Безграмотность есть еще самый сносный порокъ его... Студентъ—выучившій наизусть нѣсколько тетрадей и разучившійся писать по русски и читать по латыни. Это со всякимъ годомъ хуже. Если бы Вы отдали мнѣ Вашего камердинера лѣтъ пять тому назадъ, Вы имѣли бы теперь кандидата къ Вашимъ услугамъ, впрочемъ, даже имѣете подобныхъ.... Что Вы мнѣ говорите о гимназіяхъ? Неужели три человѣка, положимъ, отличные изъ каждой, могутъ служить мѣриломъ ихъ усовершенствованія.... Я знаю московскія гимназіи, въ коихъ *Васъ обманываютъ* даже до жалости!.. Знаю даровитыхъ Вашихъ педагоговъ, знаю, что происходитъ за ихъ кулисами, а Вы сидите въ царской ложѣ. Профессора знаютъ, что *ничѣмъ нельзя огорчить Васъ* болѣе, какъ *осужденіемъ* гимназіи, и присутствуютъ молча на экзаменахъ и *хвалятъ по чувству самосохраненія*....

Вы говорите, что Вамъ и другіе говорятъ правду, и что имѣете средства узнавать ее, что всѣ утверждаютъ Васъ въ мнѣніи объ успѣхахъ. У Александра Македонскаго шея была немножко наклонена, и все войско стало кривить шею.... *Вы любите латинскій языкъ, хотя его не знаете*, и *всѣ учителя* запѣли въ рѣчахъ своихъ панегирики классическому образо-

ванію, *котораго ни духу, ни смысла не понимаютъ*. Я былъ на актѣ въ гимназіи, видѣлъ лица учителей!!

Заключу, какъ Карамзинъ сказалъ въ IX томѣ: „Отселѣ начало злу“, а такимъ образомъ: Вы пріѣхали съ гордою мыслью *начать новую эру*, я самъ думалъ такъ, и привезли *новыхъ людей*: все старое негодится, по Вашему мнѣнію, и профессора, и учителя... Вы роздали имъ мѣста, а изъ нихъ одинъ жену пояхъ, другой село купихъ, третій спился, четвертый *проигрался* [1]), пятый излѣнился, шестой одурѣлъ, *имъ— жизнь* поддерживать Ваше старое мнѣніе, а Вамъ *горько* разставаться съ своими мечтами.... *Богъ наказалъ Васъ за гордость* и не благословилъ Вашихъ трудовъ... Десять Вашихъ фаворитовъ оказались уже негодными и разъѣхались. *Съ каждымъ годомъ Вы будете* удостовѣряться и *во всѣхъ прочихъ*, ибо истина возьметъ свое. *Горько* Вы будете *плакать*, а мнѣ жаль Васъ, ибо я ненавижу Васъ умомъ, а сердцемъ болѣю о Васъ. Вы боитесь, какъ и многіе изъ нашихъ государственныхъ людей, держать при себѣ такихъ совѣтниковъ, которые публично могли бы приписать себѣ часть Вашихъ дѣйствій, и *остаетесь во власти посредственности*, которая всегда бываетъ *хитрѣе* способностей, и дѣлаетъ съ нами рѣшительно все, что угодно, подъ видомъ покорнѣйшаго исполненія Вашихъ приказаній. Нѣтъ, графъ, система *пагубная*. Если Вы будете слушать какого бы то ни было дѣльнаго человѣка, всетаки слово будетъ принадлежать Вамъ большею частью, нежели ему, ибо безъ Васъ онъ не могъ же сдѣлать ничего. Меценатъ не поправлялъ стихотвореній Виргилія, за что *Вы беретесь* ежеминутно, а только доставлялъ ему возможность писать стихи, и имя его произносится рядомъ съ Виргиліемъ, Гораціемъ, Овидіемъ. Таковъ

---

[1]) Грановскій.

былъ и Муравьевъ. А Вы сами во все вступаетесь, *считая себя умнѣе всѣхъ*.... Неужели такъ дурно, такъ отчаянно? Да, такъ дурно и такъ отчаянно, какъ на Кавказѣ. Но явись туда Ермоловъ, а можетъ быть, и Воронцовъ, все будетъ хорошо, и тѣ же люди будутъ не тѣ.... [1]) Въ заключеніе двадцать человѣкъ университетскихъ профессоровъ я могу убѣдить подписать мою картину, а другихъ двадцать заставить.

Не читайте моего письма такъ легко, какъ Вы меня слушаете, стараясь только отпарировать мои несвязные удары, въ чемъ Вы всегда успѣете, какъ свѣтскій умный человѣкъ!" [2]).

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ родился въ Москвѣ въ 1793 г., воспитывался въ Институтѣ путей сообщенія, произведенъ въ офицеры въ 1811 г., служилъ въ арміи, былъ губернаторомъ въ Ригѣ и въ Минскѣ въ 1831 г.; произведенъ въ генералъ-адъютанты въ 1835 г. и назначенъ въ томъ же году попечителемъ Московскаго учебнаго округа, каковымъ состоялъ съ 1835—1847 г. Послѣ этого—въ 1858 г. былъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ, а съ 1859 года занималъ высокій постъ воспитателя при Цесаревичѣ Наслѣдникѣ Николаѣ Александровичѣ. Состоялъ наконецъ членомъ Государственнаго совѣта. Умеръ 27 марта 1882 г. въ Петербургѣ. С. былъ одно время предсѣдателемъ Общества исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ, основатель Строгановскаго училища въ Москвѣ, членъ-учредитель Общества древней письменности.

О графѣ С. Г. Строгановѣ:

„Чтенія въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей" за 1882 г., кн. 2, отд. I, стр. 1—10, 1883 г., кн. IV, отд. IV,

---

[1]) Стр. 99.

[2]) Стр. 100.

стр. 17—18 и „Русская Старина“ 1887 г., кн. IV, стр. 83—88 „Историческій Вѣстникъ“, 1882 г., кн. 5, стр. 476—477, „Газета Гатцука, 1882 г., № 14, „Нива“, № 22, „Московскія Вѣдомости“, № 88, 89, 94 и 96, „Современныя Извѣстія“, № 89 и 91, „Художественный Журналъ“, кн. IV, стр. 260, и „Свѣтъ“, № 70.

Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Выпускъ II, Русскіе писатели, умершіе въ 1882 г., стр. 47 (и прим. 3)—48, Выпускъ IV, стр. 7 и Выпускъ V, стр. 8.

Труды графа С. Г. Строганова:

О серебрянныхъ вещахъ, найденныхъ во Владимірѣ и Ярославской губерніи въ 1836 и 1837 годахъ („Русскій Историческій Сборникъ, изданный Обществомъ исторіи и древностей“, М. 1840 г., т. IV, кн. 2 и 3).

Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ. М. 1849.

Русское искусство Віолле ле-Дюка и архитектура въ Россіи, отъ X по XVIII столѣтія. СПБ. 1878 г. съ XVI таблицами.

Полемика съ С. П. Шевыревымъ (изъ за Лухмановскихъ холстовъ Рафаэля) помѣщена въ февральскихъ №№ «Московскихъ Вѣдомостей“ за 1851 г.

Подъ руководствомъ графа изданы:

Древности Россійскаго государства. М. 1849—1853 г.

Записка князя Адама Чарторижскаго объ его политическомъ положеніи („Русскій Архивъ“, 1876 г., кн. I).

Главные пункты обвиненія, которые выставляетъ М. П. Погодинъ противъ С. Г. Строганова, суть слѣдующіе: 1) Строгановъ, пренебрежительно относясь къ старому университету, всю надежду свою возлагалъ на молодыхъ профессоровъ, которые, однако, не оправдываютъ его упованій. Ученая жизнь Университета заглохла. Даже юридическое отдѣленіе, которымъ Строгановъ особенно интересовался—болѣе, чѣмъ словеснымъ,—

не отличается. Въ гимназіяхъ попечителя обманываютъ, и дѣло поставлено хуже, чѣмъ прежде. Самъ Строгановъ, какъ личность, многаго (напр., классицизма) не понимаетъ изъ того, что̀ поддерживаетъ.

Онъ воображаетъ себя умнѣе всѣхъ, мѣшается во все, даже въ мелочи, думаетъ, что все устраивается по его предначертаніямъ, а самъ между тѣмъ находится во власти посредственности и слушаетъ—нелѣпые навѣты юношей...

Трудно доказать, но трудно и окончательно опровергнуть справедливость упрековъ Погодина, ибо мы не имѣемъ еще достаточно фактовъ для рѣшенія вопроса.

Мы не думаемъ здѣсь писать біографію графа С. Г. Строганова или давать полную оцѣнку его дѣятельности. Мы просто приводимъ нѣсколько собранныхъ нами свидѣтельствъ и предоставляемъ читателю произнести свое сужденіе. Замѣтимъ, что графъ С. Г. Строгановъ могъ бы многое сдѣлать для своего округа, что̀ даже было бы недоступно для всякаго другого, ибо, по свидѣтельству Ѳ. И. Буслаева, онъ „могъ дѣйствовать въ управленіи учебнымъ округомъ *вполнѣ самостоятельно и независимо* отъ... министерскихъ предписаній,... благодаря милостивому расположенію, которымъ всегда пользовался со стороны Императора Николая Павловича, и всякій разъ сносился *съ нимъ лично*, когда *не соглашался* съ распоряженіями министра народнаго просвѣщенія („Мои воспоминанія“, стр. 305—306).

Насчетъ университета прибавимъ сюда слова того же М. П. Погодина въ его „Школьныхъ воспоминаніяхъ“ (1814—1820 гг.). Изъ моихъ записокъ, „Вѣстникъ Европы“ за 1868 г., т. IV, кн. VIII, августъ, стр. 614:

„Всѣ эти господа (новые профессора) возмечтали быть преобразователями и, надменные филистерскою гордостью, объявили, что имъ предлежитъ начинать дѣло науки, которой до нихъ въ университетѣ будто не существовало, и что все старое должно подвергнуть остракизму!

Начальства увлеклись ими и бросились имъ въ объятія: одинъ (т. е. Строгановъ) думалъ начать съ ними новую эру. Это—*эра* въ университетѣ! „Нѣтъ", отвѣчалъ я, „а развѣ *ера*"!

Еще объективнѣе судитъ М. П. Погодинъ о графѣ С. Г. Строгановѣ въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ: „Этотъ попечитель дѣятельный (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IX, стр. 248—250) и *совершенно преданный* своей обязанности. Съ утра до вечера онъ занимался Университетомъ по крайнему своему разумѣнію. Онъ умѣлъ возбудить къ себѣ уваженіе и *даже страхъ*, чему, разумѣется, содѣйствовало его имя, значеніе, *сила, богатство*. Профессоры и всѣ чиновники, сознавая его бдительное наблюденіе, старались быть исправными. Это очень важно. Съ студентами обходился онъ очень хорошо, входилъ въ ихъ состояніе, помогалъ имъ, былъ снисходителенъ, чѣмъ и пріобрѣлъ ихъ расположеніе. Много помогъ ему въ этомъ отношеніи инсп. *П. С. Нахимовъ* (братъ севастопольскаго героя. Это, дѣйствительно, одинъ изъ тѣхъ скромныхъ дѣлателей, кои создали блескъ строгановскаго періода въ жизни университета), очень способный для исполненія этой должности. Система же его оставалась тогда *тайною* для большинства, и слѣдовательно, не могла подавать повода къ его обвиненію. На *профессоровъ* онъ смотрѣлъ, *какъ на орудія*, и покровительствовалъ только *своимъ*, т. е. привезеннымъ съ собою молодымъ путешественникамъ, съ которыми думалъ начать *новую эру* въ университетѣ. Всѣхъ старыхъ по тѣмъ или другимъ причинамъ онъ старался стѣснять или *удалять*: меня, Дядьковскаго, Павлова [1]), Перевощикова, Давыдова, Шевырева, Кубарева. Молодые профессоры, вѣроятно, *содѣйствовали* ему въ этомъ настроеніи и поддерживали его, но сами они недолго оставались на этой степени, да и онъ *не умѣлъ* поддержать въ нихъ того жара, съ которымъ они начали свое поприще.... *Ни одной* черты

[1]) Т. е. всѣхъ, кѣмъ блисталъ и славился старый университетъ

добродушія въ графѣ Строгановѣ я никогда не подмѣтилъ; кажется, это человѣкъ *сухой*, *эгоистъ*, аристократъ и систематикъ.

Гимназіи при графѣ Строгановѣ находились въ *удовлетворительномъ* положеніи, потому что онъ занимался ими еще больше, чѣмъ университетомъ. Онъ имѣлъ *строгій* надзоръ за употребленіемъ казенныхъ денегъ, и при немъ тратить ихъ попусту для правленія было гораздо труднѣе.

Выбирать людей онъ не имѣлъ способности, и *выборы* его большею частью были не только неудачные, но даже *нелѣпые*. Напримѣръ, я въ началѣ, при хорошихъ еще съ нимъ отношеніяхъ приставалъ къ нему о порученіи *Венелину* словенскихъ нарѣчій, а онъ доставилъ ему мѣсто инспектора въ Екатерининскомъ женскомъ институтѣ, къ чему онъ былъ совершенно неспособенъ. Послѣ онъ представилъ туда *Брашмана*, который одной своею фигурою, поселясь въ воображеніи молодыхъ дѣвушекъ, долженъ былъ, кажется, испортить нѣсколько поколѣній, имѣющихъ отъ нихъ произойти. Въ Воспитательный Домъ онъ представилъ *Армфельда*, также не очень пригоднаго по своей распущенности и лѣности.

Въ Дворянскомъ Институтѣ Ржевскій, провинившійся въ другомъ отношеніи, въ типографіи Грековъ не оправдали его ожиданій.

Въ университетѣ графъ Строгановъ не умѣлъ отличить искренней преданности наукѣ отъ *шарлатанства* и своекорыстныхъ цѣлей.

Отчужденіе его отъ меня смѣю считать несчастіемъ для русскаго просвѣщенія, ибо, оставаясь посредникомъ между имъ и министромъ,—съ полнымъ знаніемъ дѣла, усердіемъ и безпристрастіемъ я могъ бы принести много пользы.

Обвиню и себя, что не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго себѣ насилія и шелъ всегда напроломъ. Надо бы пожертво-

вать сколько нибудь своею гордостью и поприладиться ради общей пользы" (тамъ же, стр. 250).

Весьма блестящую характеристику графа С. Г. Строганова во весь ростъ, со всѣми его достатками и недостатками далъ А. И. Герценъ, который близко зналъ графа, бывалъ у него запросто, несомнѣнно пользовался его благорасположеніемъ. Вотъ что онъ сообщаетъ намъ о личности Строганова, о томъ впечатлѣніи, какое тотъ производилъ:

„На мѣсто князя *Сергій* Михайловича Голицина поступилъ *Сергѣй* Григорьевичъ Строгановъ. Понятія Строганова, сбивчивыя и неясныя, были все же несравненно образованнѣе. Онъ хотѣлъ поднять университетъ въ глазахъ государя, отстаивалъ его права, защищалъ студентовъ отъ полицейскихъ набѣговъ и былъ либераленъ, насколько можно быть либеральнымъ, нося на плечахъ генералъ-адъютантскій чинъ, и будучи смиреннымъ обладателемъ строгановскаго маіората. Въ этихъ случаяхъ не надо забывать la difficulté vaincue... Графъ Строгановъ иногда заступалъ постромку, дѣлался чисто—на чисто... взбалмошно-грубымъ, особенно, когда у него разыгрывался желчный почечуй, но генеральской выдержки у него не доставало, и въ этомъ снова выражалась добрая сторона его натуры. Для объясненія того, что̀ я хочу сказать, приведу одинъ примѣръ.

Разъ кончившій курсъ казенный студентъ, очень хорошо занимавшійся и опредѣленный потомъ въ какую то губернскую гимназію старшимъ учителемъ, услышавъ, что въ одной изъ Московскихъ гимназій открылась по его части вакансія младшаго учителя, пришелъ просить у графа перемѣщенія. Цѣль молодого человѣка состояла въ томъ, чтобы продолжать заниматься своимъ дѣломъ, на что̀ онъ не имѣлъ средствъ въ губернскомъ городѣ. По несчастію Строгановъ вышелъ изъ кабинета желтый, какъ церковная свѣчка.

—„Какое Вы имѣете право на это мѣсто?“ спросилъ онъ, глядя по сторонамъ и подергивая усы.

—„Я потому прошу, графъ, этого мѣста, что именно теперь открылась вакансія“.

—„Да и еще одна открывается“, перебилъ графъ, „вакансія нашего посла въ Константинополѣ. Не хотите ли ее?“

—„Я не зналъ, что она зависитъ отъ Вашего Сіятельства“, отвѣтилъ молодой человѣкъ, „я приму мѣсто посла съ искренней благодарностію“.

Графъ сталъ еще желтѣе, однако, учтиво просилъ его въ кабинетъ.

У меня лично съ нимъ бывали прекурьезныя сношенія; самое первое свиданіе наше не лишено того родного колорита, по которому съ разу узнается русская школа.

Вечеромъ какъ то во Владимирѣ сижу я дома за своей Лыбедью; вдругъ является ко мнѣ учитель гимназіи, нѣмецъ, докторъ Іенскаго университета, по прозванію *Деличъ*, въ мундирѣ. Докторъ Деличъ объявилъ мнѣ, что утромъ пріѣхалъ изъ Москвы попечитель университета, графъ Строгановъ и прислалъ его пригласить меня завтра въ 10 часовъ утра къ себѣ.

—„Не можетъ быть; я его совсѣмъ не знаю, и Вы, вѣрно, перемѣшали“.

—„Это не фозможно. Der Herr Graf geruhten auf's freundlichste sich bei mir zu beurkunden über Ihre Lage hier. Увы ѣдете?“

Русскій человѣкъ, я поборолся еще съ Деличемъ, убѣдился еще больше, что ѣздить совсѣмъ не нужно, и поѣхалъ на другой день....

Строгановъ звалъ меня, какъ рѣдкость, принадлежавшую прежде къ университету, какъ блуднаго кандидата. Ему просто хотѣлось меня видѣть и сверхъ того хотѣлось,—такова слабость души человѣческой,... похвастать передо мной своими

улучшеніями по университету. (Не забудемъ, что А. И. Герцена Строгановъ считалъ человѣкомъ своего круга и, разумѣется, не сталъ бы предлагать ему мѣсто „Константинопольскаго посла“).

Онъ меня принялъ очень хорошо. Наговорилъ мнѣ кучу комплиментовъ и скорымъ шагомъ дошелъ, до чего хотѣлъ. „Жаль, что Вамъ нельзя побывать въ Москвѣ, Вы не узнаете теперь университетъ; отъ зданія и аудиторій до профессоровъ и объема преподаванія, все измѣнилось“, и пошелъ, и пошелъ.

Я очень скромно замѣтилъ, чтобы показать, что я внимательно слушаю, и не пошлый дуракъ, что, вѣроятно, преподаваніе оттого такъ измѣнилось, что много новыхъ профессоровъ возвратилось изъ чужихъ краевъ.

—„Безъ всякаго сомнѣнія“, отвѣчалъ графъ, „но сверхъ того духъ управленія: единство, знаете, моральное единство“...

Впрочемъ, отдадимъ ему справедливость: онъ своимъ „моральнымъ единствомъ“ больше сдѣлалъ пользы университету, чѣмъ Земляника—своей больницѣ „честностію и порядкомъ“. Университетъ очень много обязанъ ему, но все же нельзя не улыбнуться при мысли, что онъ хвастался этимъ передъ человѣкомъ, сосланнымъ подъ надзоръ за политическіе проступки. Вѣдь это стòитъ того, что человѣкъ, сосланный за политическіе проступки, безъ всякой необходимости поѣхалъ по зову генералъ-адъютанта. О Русь! что же тутъ удивительнаго, что иностранцы ничего не понимаютъ, глядя на насъ!

Второй разъ я видѣлъ его въ Петербургѣ, именно въ то время, когда меня ссылали въ Новгородъ. Сергѣй Григорьевичъ жилъ у брата своего, министра внутреннихъ дѣлъ. Я входилъ въ залу въ то самое время, какъ Строгановъ выходилъ. Онъ былъ въ бѣлыхъ штанахъ и во всѣхъ своихъ регаліяхъ, лента черезъ плечо; онъ ѣхалъ во дворецъ. Увидя меня, онъ остановился и, отведя меня въ сторону, сталъ распрашивать о моемъ дѣлѣ. Онъ и его братъ были возмущены безобразіемъ моей ссылки.

Это было во время болѣзни моей жены, нѣсколько дней послѣ рожденія малютки, который умеръ. Должно быть, въ моихъ глазахъ, словахъ было видно большое негодованіе или раздраженіе, потому что Строгановъ вдругъ сталъ меня уговаривать, чтобы я переносилъ испытанія съ христіанскою кротостью. „Повѣрьте", говорилъ онъ, „каждому на свой пай достается нести крестъ".

„Даже и очень много иногда", подумалъ я, глядя на всевозможные кресты и крестики, застилавшіе его грудь, и не могъ удержаться, чтобъ не улыбнуться.

Онъ догадался и покраснѣлъ: „Вы, вѣрно, думаете", сказалъ онъ, „хорошо молъ ему проповѣдывать. Повѣрьте, что tout est compensé—по крайней мѣрѣ, такъ думаетъ Азаисъ". Сверхъ проповѣди, онъ и Жуковскій, дѣйствительно, хлопотали обо мнѣ, но....

Поселившись въ 1842 г. въ Москвѣ, я сталъ иногда бывать у Строганова. Онъ ко мнѣ благоволилъ, но иногда будировалъ. Мнѣ очень нравились эти приливы и отливы. Когда онъ бывалъ въ либеральномъ направленіи, онъ говорилъ о книгахъ и журналахъ, восхвалялъ университетъ и все сравнивалъ съ тѣмъ *жалкимъ* положеніемъ, въ которомъ онъ былъ въ мое время[1]). Но, когда онъ былъ въ консервативномъ направленіи, тогда упрекалъ, что я не служу, и что у меня нѣтъ религіи, бранилъ мои статьи, говоря, что я развращаю студентовъ, *бранилъ молодыхъ профессоровъ*, толковалъ, что они его больше и больше ставятъ въ необходимость измѣнить присягѣ или закрыть ихъ каѳедры. „Я знаю, какой крикъ поднимется отъ этого, Вы первый будете меня называть вандаломъ".

Я склонилъ голову въ знакъ подтвержденія и прибавилъ: „Вы этого никогда не сдѣлаете, и потому я Васъ могу искренно поблагодарить за хорошее мнѣніе обо мнѣ".

---

[1]) Ср. выше, стр. 198—199.

—„Непремѣнно сдѣлаю“, ворчалъ Строгановъ, потягивая усъ и желтѣя, „Вы увидите“.

Мы всѣ знали, что онъ ничего подобнаго не предприметъ, за это можно было позволить ему періодически пострашать, особенно взявъ въ разсчетъ его маіоратъ, его чинъ и почечуй“. (А. И. Герценъ, Сочиненія, т. VII, „Былое и думы“, т. I, стр. 346—351).

„Сторону ненаходчивости у Строганова, надъ которой часто зло подсмѣивался Чаадаевъ, я совсѣмъ напротивъ ставлю ему въ большое достоинство.

Говорятъ, что... послѣ февральской революціи увлекся и Строгановъ. Онъ будто бы настоялъ въ новомъ цензурномъ совѣтѣ на воспрещеніи пропускать что бы то ни было изъ писаннаго мною“ (стр. 352).

Что касается гимназій, то судьба ихъ у насъ въ Россіи—совсѣмъ еще не обслѣдована. Одно извѣстно намъ: что̀ касается обращенія съ учениками, то порка процвѣтала при графѣ С. Г. Строгановѣ въ гимназіяхъ въ полномъ размѣрѣ. Въ самой Москвѣ въ I гимназіи, на глазахъ графа дѣйствовалъ извѣстный инспекторъ Василій Михайловичъ Поповъ, о сѣкуторскихъ подвигахъ коего повѣствовали мнѣ два нелицемѣрные свидѣтеля, тогдашніе ученики гимназіи—проф. А. А. Козловъ и генералъ-маіоръ К. И. Дрожинъ.

Еще лучше обрисовывается положеніе дѣла въ гимназіяхъ, а именно невыносимый гнетъ, какой испытывали учителя, въ „Воспоминаніяхъ“ Буслаева. Онъ весьма трогательно разсказываетъ исторію своего гоненія, доведшаго его до полнаго отчаянія. Замѣтимъ, что Буслаевъ былъ отличнымъ учителемъ, спеціально занимался вопросами методики преподаванія русскаго языка, и самъ отыскивалъ новые методы, обладалъ прекраснымъ, уживчивымъ характеромъ, наконецъ, былъ излюбленнымъ протеже самого попечителя, графа С. Г. Стро-

ганова и даже жилъ у него въ домѣ, въ качествѣ воспитателя его сына. Но ничто не спасло его отъ директорской прижимки:

„Теперь поразскажу вамъ кое-что о моемъ учительствѣ въ III гимназіи... Дѣло, казалось бы, налажено, какъ быть должно, но именно съ этого то пункта и началась разладица между мною и директоромъ Погорѣльскимъ. Онъ требовалъ настоятельно, чтобы я принялъ указанный *начальствомъ* учебникъ, и по его §§ въ послѣдовательномъ порядкѣ располагалъ свои уроки. Я наотрѣзъ отказался и продолжалъ идти своимъ путемъ. Съ тѣхъ поръ Погорѣльскій сталъ меня преслѣдовать и допекать. Бывало, придетъ ко мнѣ въ классъ и остается до самаго конца урока; усядется гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, а самъ чертитъ что то карандашомъ въ своей записной книжкѣ, взглянетъ на меня и покачаетъ головой, а то руками разведетъ. Послѣ урока позоветъ съ собой въ учительскую комнату и во время смѣны при другихъ учителяхъ примется давать мнѣ нагоняй по пунктамъ, которые онъ настрочилъ у меня въ классѣ. Я отстаиваю себя, препираюсь съ нимъ зубъ за зубъ и не уступаю ему ни на волосъ. Я потѣшался и злорадствовалъ всякій разъ, когда приводилось мнѣ при свидѣтеляхъ немножко поглумиться надъ ихъ принципаломъ, котораго они такъ боялись, и чѣмъ больше онъ горячился, чѣмъ сдержаннѣе и вѣжливѣе я издѣвался.

Когда напечаталъ я свою работу о преподаваніи русскаго языка и слога, казенная служба потеряла для меня всякій интересъ. А мой директоръ все не унимался и пуще прежняго сталъ нападать на меня, оскорбляя въ моей ненавистной ему особѣ не просто своего подчиненнаго, но и злосчастнаго автора безполезной книги, переполненной никому ненужною всякою всячиной. Мнѣ стало наконецъ невтерпежъ. III гимназія надоѣла мнѣ и опротивѣла до нельзя. Я завидовалъ даже извозчику, который подвозилъ меня къ ея крыльцу:

онъ поѣдетъ прочь на вольную волю, а меня запрутъ въ застѣнокъ, гдѣ будутъ пытать разными пытками....

Высоко цѣня достоинства Погорѣльскаго и всегда *относясь къ нему благосклонно*, графъ С. Г., разумѣется, зналъ отъ него самого о моихъ съ нимъ пререканіяхъ и ссорахъ и не разъ полушутливо журилъ меня, внушая мнѣ быть почтительнѣе къ старшимъ и не раздражать болѣзненнаго человѣка, который и безъ того страдаетъ припадками желчи. Я оправдывался, какъ могъ, говорилъ, что директору гимназіи не подобаетъ выносить соръ изъ избы, да еще прямо въ кабинетъ самого попечителя учебнаго округа, что я не лѣкарь и не могу отличить, когда человѣкъ ругается со злости, и когда отъ прилива желчи,—графъ разсмѣется и махнетъ рукой.

Въ 1846 г. я рѣшилъ бросить гимназію, а также и всякую другую службу въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, только опасался препятствій со стороны графа, да и совѣстно мнѣ было говорить съ нимъ объ этомъ... Будь у меня средства, я бы, кажется, совсѣмъ экспатріировался по слѣдамъ княгини Волконской или нашего профессора Печерина, который и году не усидѣлъ на каѳедрѣ московскаго университета" („Мои Воспоминанія", ч. II, гл. XXIII, стр. 302—304).

Какой порядокъ вещей сложился въ гимназіяхъ при Строгановѣ, можно видѣть еще изъ сообщенія О. М Бодянскаго, тоже протеже Строганова, который стоялъ даже подъ вліяніемъ этого хитраго малоруса. Разсказъ заимствуемъ изъ статьи Ив. Фр. Павловскаго, „О. М. Бодянскій въ его дневникѣ (1849—1850 г.)" въ „Русской Старинѣ" за 1888 г. (г. 19), ноябрь, т. 60, стр. 410 (запись 15 декабря):

„Вечеромъ зашелъ Николай Васильевичъ Закревскій, малороссіянинъ изъ Кіева, учившійся въ Дерптскомъ университетѣ, а потомъ служившій нѣсколько лѣтъ учителемъ въ Ригѣ русскаго языка, гдѣ и женился на нѣмкѣ. Послѣ переѣхалъ въ Москву и получилъ мѣсто старшаго наставника въ пансіонѣ при Рязанской гимназіи съ обѣщаніемъ вслѣдъ затѣмъ и мѣста учительскаго, но смерть попечителя Московскаго университета Д. П. Голохвастова, доставившаго ему это мѣсто, не допустила его до осуществленія второго. Находясь среди людей нерусскаго происхожденія: директора-нѣмца, окружившаго себя преимущественно своими соотчичами и поляками, тоже какъ то туда насланными, онъ принужденъ былъ подать въ отставку послѣ 8 мѣсяцевъ службы. Когда онъ однажды просилъ директора представить его къ должности учителя, тотъ отвѣтилъ ему вопросомъ:

„Какъ Вы хотите, чтобы я Васъ представилъ къ этому мѣсту, когда *столько нѣмцевъ* безъ мѣста!“

Единственные русскіе въ этомъ посадѣ нѣмецкомъ были: онъ, инспекторъ Егоровъ и еще кто-то третій; но два первые вышли, а послѣдній на выходѣ; инспектора *до того тѣснили*, что онъ самъ перепросился въ другую гимназію (кажется, Тверскую)“.

Такое своеволіе нѣмцевъ, несомнѣнно, объясняется тѣмъ довѣріемъ и расположеніемъ, какимъ пользовалась у графа „нѣмецкая наука“...

Графу С. Г. Строганову были присущи рыцарскія чувства; но у него же подчасъ проявлялись крайне странныя, несимпатическія черты, недостойныя человѣка съ его образованіемъ и положеніемъ: мелочность, злопамятство, мстительность, издѣвательство и гоненіе людей бѣдныхъ, слабыхъ, отъ него зависящихъ. Мы видѣли выше, стр. 201—202, какъ отнесся онъ къ бѣднягѣ-учителю, просившему мѣста. Еще болѣе поучительна исторія преслѣдованій великаго палеолога и ар-

хеографа П. М. Строева, ничѣмъ, кромѣ науськиваній со стороны О. М. Бодянскаго, не объясняемая. Всесильный графъ не побрезговалъ пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы великаго ученаго, и безъ того уже обиженнаго и неоцѣненнаго, лишить мѣста библіотекаря Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ (секретаремъ Общества былъ тогда Бодянскій).

„И вотъ при рукоплесканіи такихъ то цѣнителей и судей [1]) завязалась въ Обществѣ Исторіи и Древностей интрига, имѣвшая цѣлію свергнуть П. М. Строева съ должности библіотекаря Общества. Для сего пущены были въ ходъ всѣ дозволенные и недозволенные способы. Добились даже того, что предсѣдатель Общества графъ С. Г. Строгановъ 31 декабря 1846 г. написалъ слѣдующее письмо Строеву: „Еще въ прошломъ году вы сами лично мнѣ обѣщались бывать въ библіотекѣ Общества два раза въ недѣлю—въ извѣстные дни и часы для удовлетворенія гг. членовъ Общества, и кромѣ того, по обязанности библіотекаря являться въ засѣданія Общества съ ключами отъ шкафовъ; но между тѣмъ и донынѣ не исполнили своего обѣщанія, а члены общества непрестанно жалуются на такое стѣсненіе съ вашей стороны. А потому Общество въ прошломъ засѣданіи (28 декабря 1846 г.) опредѣлило: просить васъ покорнѣйше представить въ слѣдующее засѣданіе свои объясненія по этому предмету, чтобы, разсмотрѣвъ ихъ, можно было принять ему свои мѣры для устраненія такого стѣсненія въ пользованіи членовъ библіотекою Общества“.

Какъ бы возраженіемъ на эту оффиціальную бумагу могутъ служить слѣдующія строки изъ письма М. П. Пого-

---

[1]) Какъ изгнанный изъ университета за взятки проф. латинскаго языка (см. выше, стр. 38) А. М. Кубаревъ, считавшій П. М. Строева «ничтожествомъ»!

дина къ Строеву: „Что за обязанность взяли вы на себя, и для чего сидѣть въ библіотекѣ? Развѣ не могутъ нуждающіеся относиться записками?“

Но Пав. Мих. хорошо понималъ, что дѣло вовсе не въ стѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ будто бы членами Общества. *Нужно было во что бы то ни стало очистить мѣсто* библіотекаря, и Строеву оставалось *покориться* необходимости. По полученіи вышеприведенной бумаги графа Строганова онъ къ радости враговъ своихъ просилъ увольненія отъ званія библіотекаря.

Въ ближайшемъ засѣданіи Общества (25 января 1847 г.) на мѣсто Строева въ библіотекари избранъ былъ *В. М. Ундольскій*, которому и поручили принять библіотеку въ присутствіи депутата *П. В. Хавскаго*. Повидимому, Пав. Мих. находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ своимъ преемникомъ; они дружески переписывались между собою, не смотря на то, что жили въ одномъ городѣ и чуть ли не по сосѣдству“... И Ундольскій неоднократно обращался къ Строеву съ просьбою выдать ему нужныя книги и рукописи.

„Не смотря однако на эти отношенія, Ундольскій, вспомоществуемый заклятымъ врагомъ Строева, Бодянскимъ (тоже однимъ изъ Строгановскихъ подручниковъ), былъ душою интриги; сдача библіотеки Общества сопровождалась для Строева *большими непріятностями*, причиною которыхъ былъ именно В. М. Ундольскій. *Не успѣли* еще подписать протокола 25-го января о сдачѣ библіотеки Общества, какъ П. М. Строевъ получаетъ *грозное письмо* отъ графа Строганова, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „такъ какъ Общество *по сію пору* не видитъ съ вашей стороны никакого начала, то я, желая *какъ можно скорѣе* доставить Обществу свободное пользованіе его библіотекою, рѣшаюсь *самъ* присутствовать при сдачѣ вами оной“. (Попечитель учебнаго округа находилъ *время* досаждать скромному археологу). Письмо это было отправлено 4 марта, а 18-го А. М. Кубаревъ *съ восторгомъ* писалъ

И. П. Сахарову: „Графъ Сергѣй Григорьевичъ самъ принимаетъ библіотеку у Строева“...

Но Строева не устрашило грозное письмо графа Строганова, и онъ спокойно отвѣчалъ ему: „На письмо Вашего Сіятельства (отъ 4 марта), мною сего утра полученное, имѣю честь отвѣтствовать: Протоколъ засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 25 января о сдачѣ библіотеки Общества г. Ундольскому подписанъ только 28 февраля и напечатанъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ вчера: слѣдовательно, *къ сдачѣ нельзя было приступить ранѣе нынѣшняго дня.* Библіотека въ порядкѣ, и я готовъ сдавать хоть сейчасъ: сдачу можно произвести въ четыре пріема, но это будетъ зависѣть отъ степени расторопности новаго библіотекаря, въ которой я не такъ то увѣренъ. Намѣреніе Ваше, Сіятельный Графъ, присутствовать лично при сдачѣ библіотеки *я принимаю* не только съ живѣйшимъ удовольствіемъ, но съ особенной Вашему Сіятельству *благодарностью* и осмѣливаюсь за такое вниманіе нижайше вамъ поклониться. Въ пятницу 7-го марта, чтобы упредить пріѣздъ Вашего Сіятельства въ библіотеку, я явлюсь въ $12^1/_2$ часовъ и потомъ совершенно готовъ приходить къ сдачѣ хоть ежедневно“.

21 мая 1847 г. П. М. Строевъ, покончивъ сдачу библіотеки, развязался навсегда съ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ...

Впослѣдствіи самъ В. М. Ундольскій разсказывалъ *не безъ раскаянія*—близкимъ къ нему людямъ, что ему *велѣно* было произвести пріемъ библіотеки *самый строгій*, что̀ онъ и исполнилъ съ точностію.

Такъ печально закончилъ П. М. Строевъ свою почтенную дѣятельность въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, вѣчнымъ памятникомъ которой остается составленное имъ *Описаніе библіотеки Общества*....

А годъ спустя, когда Общество постигло крушеніе за

напечатаніе Флетчера, при которомъ слетѣлъ Бодянскій и уцѣлѣлъ Ундольскій, тотъ же Кубаревъ пишетъ и тому, и другому, и третьему такой панегирикъ: „Графъ Строгановъ до такой степени былъ ослѣпленъ Бодянскимъ, что далъ ему власть дѣлать, что̀ онъ хочетъ. Вѣрьте мнѣ, что *нельзя было противорѣчить*, чтобы не подвергнуться *гнѣву* графа. Объяснить себѣ такое пристрастіе можно только тѣмъ, что графъ *по незнанію дѣла*, видя, какъ Бодянскій тискаетъ каждый мѣсяцъ по толстой книгѣ, считалъ его чудомъ учености"... (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды П. М. Строева, гл. XXI, стр. 431—434 passim).

Мы видѣли, какъ П. М. Строевъ сдавалъ библіотеку Общества; не такъ онъ ее принималъ:

„Строевъ при самомъ вступленіи своемъ въ библіотекари Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ встрѣтилъ разныя затрудненія. Библіотеку пришлось принимать отъ Е. Ѳ. Корша, который, не окончивъ сдачи, уѣхалъ въ С.-Петербургъ. Такъ что П. М. былъ поставленъ въ недоумѣніе: „какимъ образомъ долженъ онъ докончить пріемъ общественной библіотеки"? Вообще библіотекарство это принесло ему много непріятностей и огорченій.

31 янв. 1843 г. Общество, имѣя въ виду, что „библіотека его еще не описана, не смотря на многократные вызовы многихъ членовъ, опредѣлило: отнестись къ г. библіотекарю Общества П. М. Строеву оффиціальною бумагою и просить его приступить къ описанію въ скорѣйшемъ времени, объяснивъ, что Общество не можетъ по многимъ причинамъ оставить ее въ такомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые члены, какъ напр., г. *Бодянскій*, *требуютъ неотлагательно* доступа къ библіотекѣ" (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды П. М. Строева, стр. 408).

Но за того же П. М. Строева судьба жестоко наказала графа С. Г. Строганова, какъ увидимъ ниже.

„Во дни секретарства Бодянскаго въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійск. былъ поднятъ вопросъ объ изданіи перевода сочиненія Флетчера „О государствѣ Россійскомъ“ etc.; *противъ* этого предпріятія Общества *возсталъ* П. М. Строевъ, доказывая, что это предпріятіе можетъ лишить Общество драгоцѣннаго права собственной цензуры; но за это *предвидѣніе* почтенный археографъ *испыталъ оскорбленіе* со стороны президента Общества. Подъ 4-мъ марта 1847 г. Погодинъ записалъ въ своемъ „Дневникѣ“: „Бѣляевъ разсказывалъ, какъ Строгановъ *прогналъ* Строева *изъ собранія*“. Слухъ объ этомъ скоро достигъ Петербурга, и И. И. Давыдовъ съ справедливымъ негодованіемъ писалъ Погодину: „Ему съ рукъ сошла и *дерзость* со Строевымъ, и тогда никто не двинулся съ мѣста, когда непремѣнно должно было всѣмъ встать и выдти изъ собранія, оставивъ его съ секретаремъ и актуаріемъ“.

27 декабря 1847 г. князь М. А. Оболенскій представилъ Обществу подлинникъ и переводъ Флетчерова сочиненія, снабженный предисловіемъ, и по распоряженію предсѣдателя графа Строганова переводъ Флетчера былъ напечатанъ въ „Чтеніяхъ“. Книжка вышла въ октябрѣ 1848 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ находился въ это время въ Москвѣ и распорядился пріостановкою выдачи книжки, отобраніемъ уже розданныхъ экземпляровъ и вырѣзкою изъ нихъ статьи Флетчера. 27 ноября 1848 г. Общество было увѣдомлено, что Государь Императоръ повелѣлъ разсматривать изданія Общества на общемъ основаніи, что̀ и было поручено цензору Флерову.

„Такимъ образомъ *оправдалось* предвидѣніе *П. М. Строева*, и Общество лишилось своего драгоцѣннаго права собственной цензуры“ (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. X, стр. 157—159 passim). Строгановъ же попалъ подъ опалу Государя и лишился мѣста.

Постоянное стремленіе графа С. Г. Строганова къ самовластію явственно проступаетъ и въ его дѣйствіяхъ въ каче-

ствѣ предсѣдателя Комитета, учрежденнаго въ 1844 г. въ Москвѣ для изданія Описанія Древностей Россійскаго Государства, членомъ котораго былъ назначенъ между прочимъ и Строевъ. На изданіе было отпущено 98,600 р. Положеніе дѣлъ въ комитетѣ отлично обрисовано Строевымъ въ его докладной запискѣ:... „Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я возобновленія засѣданій Комитета (за два года ихъ было всего 4), чтобы узнать свои обязанности и будущій ходъ дѣлъ; но до сего времени (то есть до 7 января 1846 г.) не было ни одного засѣданія, и какъ сказываютъ, *не будетъ*. *Г. Предсѣдатель* Комитета *поручилъ* составленіе текста, присмотръ за литографіею и вообще все изданіе книги „Древностей Россійскаго Государства" членамъ Вельтману и Снегиреву, *назначивъ* первому 900 р., второму 600 р. ежегодно; а на г. Загоскина *возложилъ* обязанность казначея хранить получаемыя изъ Кабинета деньги и заносить въ шнуровую книгу расходы. До сего времени получено 12000 руб. сер. Все это мнѣ извѣстно *по дошедшимъ слухамъ*. Г. Предсѣдатель хранитъ молчаніе и *въ засѣданія не приглашаетъ*, члены дѣйствующіе отъ вопросовъ о дѣлахъ Комитета *уклоняются* рѣшительно. Положеніе мое совершенно странное: я членъ Комитета, отъ совѣщаній и занятій его *отстраненъ*, въ случаѣ же какой-либо отвѣтственности подвергаюсь ей *наравнѣ* съ участвующими. Согласенъ, что ничего подобнаго не произойдетъ, но человѣку съ малымъ состояніемъ и большимъ семействомъ всякая боязнь извинительна: 98,600 руб. сер. приводятъ въ трепетъ невольно. Профессоръ Шевыревъ при свиданіи со мною очень недавно сказывалъ, что положеніе его, какъ члена комитета, совершенно такое же".

По обстоятельствамъ, изъясненнымъ въ запискѣ, П. М. Строевъ просилъ уволить его отъ званія члена Комитета для изданія „Древностей Россійскаго Государства" (Н. П. Бар-

суковъ, Жизнь и труды П. М. Строева, гл. XXI, стр. 414—416 passim).

„Меценатство“ графа С. Г. Строганова не можетъ не подвергнуться сомнѣнію, если мы вспомнимъ жестокую ненависть его къ философіи. Еще въ ту пору, когда онъ былъ офицеромъ, ему удалось, благодаря доносу, сильно повліять на судьбы этой науки въ Россіи. Случилось это такимъ образомъ:

„Въ 1826 г. Давыдовъ началъ было читать въ университетѣ философію по системѣ Шеллинга. Но послѣ пробной лекціи, напечатанной особенною книжечкой („О возможности философіи, какъ науки“), чтенія его не продолжались. На лекціи былъ находившійся въ Москвѣ по случаю коронаціи императора Николая I, графъ С. Г. Строгановъ, тогда еще флигель-адъютантъ, и направленіе и духъ чтенія признаны несогласными съ тогдашнимъ взглядомъ правительства на университетское преподаваніе“ (Н. Розановъ, Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ, стр. 125—„Русскій Вѣстникъ“ за 1867 г., т. 72, ноябрь).

„На лекціи налагалось иногда veto, какъ, напр., на лекціи Давыдова.

Онъ прочелъ всего двѣ или три лекціи исторіи философіи; на этихъ лекціяхъ, между прочимъ, говорятъ (я еще не былъ тогда въ университетѣ), присутствовалъ пріѣзжій изъ Петербурга флигель-адъютантъ, и вслѣдствіе его донесенія будто бы лекціи были закрыты. Говорили, что въ нихъ проявлялось свободомысліе, противное... не знаю чему. Я не читалъ этихъ лекцій.

Гдѣ же, казалось бы, и проявляться свободомыслію, какъ не въ философіи? Но, какъ бы то ни было, лекціи были закрыты“. (И. А. Гончаровъ, Изъ университетскихъ воспоминаній. Какъ насъ учили, 50 лѣтъ назадъ, стр. 492. „Вѣстникъ Европы“ за 1887 годъ, апрѣль, или полное собраніе сочиненій, 1889 г., т. IX, стр. 7).

Еще подробнѣе о томъ разсказываетъ *Третьяковъ*:

„Въ маѣ мѣсяцѣ 1826 г. осматривалъ университетъ по Высочайшему повелѣнію новаго государя флигель-адъютантъ Е. В. гр. С. Г. Строгановъ. Случилось такъ, что въ это самое время проф. Давыдовъ читалъ вступительную лекцію свою „О возможности философіи, какъ науки". Гр. Строгановъ, выслушавъ лекцію, запретилъ дальнѣйшее чтеніе объ этомъ предметѣ. Такое неожиданное распоряженіе флигель-адъютанта Строганова произвело на всѣхъ членовъ университета сильное впечатлѣніе. Впрочемъ, я имѣю причину полагать, что Писаревъ имѣлъ отъ директора Языкова свѣдѣніе о томъ, что бывшій министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицинъ въ 1825 г. доносилъ Императору Александру I-му, что открытое распространеніе философіи въ университетѣ ввергаетъ въ близкую опасность и церковь Господню, и отечественное правленіе, а потому умолялъ Государя уничтожить это зловредное ученіе въ самомъ его началѣ. Но при всемъ томъ Писареву не было извѣстно, этимъ ли донесеніемъ руководствовался гр. Строгановъ, или чѣмъ либо другимъ, а равно и о томъ, въ какомъ видѣ описалъ онъ Государю все касающееся университета, ибо въ скоромъ времени пронеслась въ Москвѣ вѣсть, что Писаревъ будетъ уволенъ отъ должности попечителя, и на мѣсто его поступитъ графъ Строгановъ" (Воспоминанія Михаила Прохоровича Третьякова, Императорскій Московскій Университетъ въ 1799—1830 гг., гл. VII, стр. 545—546, „Русская Старина" за 1892 г., т. 75, сентябрь).

Доносъ графа С. Г. Строганова имѣлъ очень прискорбныя послѣдствія. И. И. Давыдовъ, попавшій въ „отважные якобинцы" (см. выше, стр. 152), измѣнилъ философіи и совершенно измѣнился также въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ нравственномъ упадкѣ склонившагося предъ грозою, слабаго И. И. Давыдова не мало виноватъ вышеуказанный поступокъ графа, который былъ впрочемъ, какъ видно, принципіальнымъ гони-

телемъ философіи, ничуть не уступая въ этомъ отношеніи ни Магницкому, ни Руничу, ни Карнѣеву: „Я“, говорилъ онъ А. И. Герцену 7 января 1844 года (Сочиненія, Дневникъ, т. I, стр. 158), „*всѣми мѣрами буду противодѣйствовать* гегелизму и нѣмецкой философіи. Она противорѣчитъ нашему богословію. На что намъ раздвоенность, два разные догмата, догматъ откровенія и догматъ науки? Я даже не приму того направленія, которое афишируетъ примиреніе науки съ религіею: религія въ основѣ“. Благодаря инциденту съ Давыдовымъ, преподаваніе философіи въ Московскомъ университетѣ прекратилось чуть не на 20 лѣтъ. Даже потомъ, когда графъ самъ сталъ подумывать о замѣщеніи каѳедры философіи, какъ нарочно вышло, что было отказано лучшимъ кандидатамъ: *С. С. Гогоцкому*, *П. С. Авсеневу*, славянофилу *И. В. Кирѣевскому*, и былъ выбранъ бездарный невѣжда, съ духовно-академическимъ образованіемъ—*И. М. Терновскій* (братъ проф. П. М. Терновскаго), котораго самому же графу по жалобѣ студентовъ пришлось черезъ годъ уволить (см. V т. „Философіи въ Россіи“, стр. 36—37).

Печальное впечатлѣніе производитъ преслѣдованіе „опасныхъ славянофиловъ“:

„Когда диссертація К. С. Аксакова была напечатана, съ нею приключилась непріятная исторія. Строгановъ, по свидѣтельству Шевырева, „велѣлъ остановить ее черезъ полицію“. Дѣйствительно, 3 января 1847 г. Строгановъ писалъ Уварову: „Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1845 г. одобрено было къ напечатанію Совѣтомъ Московскаго университета писанное на степень магистра разсужденіе кандидата Аксакова подъ заглавіемъ: „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка“. Книга эта нынѣ вышла изъ печати, и одинъ

экземпляръ оной доставленъ ко мнѣ самимъ авторомъ. По разсмотрѣніи этого сочиненія я нашелъ въ немъ многія мысли и выраженія, отъ страницы 44 до 60, *весьма рѣзкія и неприличныя*, относящіяся до Петра Великаго и политическихъ его преобразованій. *Можетъ быть*, ученое содержаніе книги и допускаетъ такого рода сужденія о дѣйствіяхъ Великаго Преобразователя,—сужденія, выраженныя въ формѣ, не для всякаго доступной, но тѣмъ не менѣе *я призналъ* ихъ съ своей стороны вовсе неумѣстными и непозволительными—въ диссертаціи, назначенной для публичнаго диспута; почему и предписалъ ректору Московскаго университета, пріостановивъ продажу оной, подвергнуть ее новой цензурѣ декана 1-го отдѣленія филологическаго факультета и выпустить при этомъ весь отдѣлъ, заключающійся отъ 44 до 60 страницы, а также предложилъ и здѣшнему цензурному комитету, чтобы ни въ одномъ изъ выходящихъ въ Москвѣ повременныхъ изданій не дозволять никакихъ разборовъ помянутаго сочиненія. Для предупрежденія же могущихъ дойти до свѣдѣнія Вашего Сіятельства какихъ-либо извѣстій объ этой книгѣ *отъ посторонняго вѣдомства* я считаю долгомъ представить при семъ на Ваше благоусмотрѣніе одинъ экземпляръ оной, съ тѣмъ, что если Вы найдете нужнымъ сдѣлать относительно ея какія-либо *новыя* распоряженія, то я буду *ожидать* объ этомъ Вашего, Милостивый Государь, увѣдомленія. (Здѣсь Строгановъ какъ будто старается подстрекнуть министра еще увеличить гоненіе на К. Аксакова отъ себя и запугиваетъ его возможностью вмѣшательства въ дѣло жандармской полиціи).

Вмѣстѣ съ симъ, имѣя въ виду направленіе нѣкоторыхъ С.-Петербургскихъ журналовъ, готовыхъ воспользоваться выходомъ подобнаго рода сочиненія, чтобы толковать и объяснять его къ соблазну другихъ, я полагалъ бы съ своей стороны необходимымъ, если бы противъ этого приняты бы та-

кія же мѣры, какія предложены мною Московскому цензурному комитету".

Мы видимъ, что графъ С. Г. Строгановъ не удовольствовался тѣмъ преслѣдованіемъ, какое было воздвигнуто въ предѣлахъ Московскаго учебнаго округа, но хотѣлъ поразить книгу К. С-ча даже и въ *чужихъ* округахъ... Эти поступки удивили и огорчили брата гонимаго—Ивана Сергѣевича Аксакова, который писалъ 11 января 1847 г. своему отцу: „*Я не думалъ*, чтобы графъ *могъ* поступить *такъ*! Дѣло гласно, и наступаетъ *серьезная развязка*, такъ что *не диспутъ* и участь книги меня занимаютъ, а *судьба автора*... Графа, вѣрно, кто-нибудь *подучиваетъ*"... (Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ, т. I, стр. 406—407).

Очевидно, въ обществѣ уже считали возможнымъ переселеніе автора *куда-либо*, подальше отъ Москвы. Но, благодаря Бога, дѣло обошлось не такъ плохо, какъ хотѣлъ графъ Строгановъ. 6 марта 1847 г. К. С. Аксаковъ съ успѣхомъ защитилъ свою диссертацію [1]), надъ которою работалъ 5 лѣтъ, и которую читали въ факультетѣ 8 мѣсяцевъ.

Гоненію отъ графа С. Г. Строганова подвергался не только К. С. Аксаковъ, попавшій въ сферу его вліянія—въ университетъ, благодаря магистерскому экзамену и защитѣ диссертаціи, но и другіе члены славянофильскаго кружка, какъ то: А. С. Хомяковъ. Правда, тутъ мотивы были нѣсколько иные. А. С. Хомяковъ, какъ членъ аристократическаго круга общества, отставной кирасиръ и *неслужащій* помѣщикъ, могъ позволять себѣ больше, чѣмъ другіе, и далъ попробовать С. Г—чу остроту своего языка.

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VIII, стр. 343—344.

П. Бартеневъ сообщаетъ (при письмахъ А. С. Хомякова къ А. Н. Попову, между письмами № 13 и 14 („Русскій Архивъ", г. 22, за 1884 г., II, 4, стр. 305) слѣдующее:

„Графъ Блудовъ спрашивалъ Хомякова, что̀ за причина нерасположенія къ нему бывшаго попечителя. Хомяковъ въ отвѣтъ на это повинился въ невоздержности языка своего и разсказалъ, что однажды случилось ему поспорить съ графомъ Строгановымъ, который на замѣчаніе Хомякова, почему онъ не хочетъ чего то сдѣлать, отвѣчалъ: Noblesse oblige! Хомяковъ возразилъ ему слѣдующимъ апологомъ. Въ Парижѣ воспитывались два друга—островитянина съ Отаити и очень усердно учились. Обстоятельства потребовали одного изъ нихъ домой, и на своемъ островѣ онъ сдѣлался виднымъ дѣятелемъ. Прошли года. Другой островитянинъ докончилъ ученіе и тоже возвратился на родину. Бывшій парижскій пріятель очень ему обрадовался, но перервалъ первое же свиданіе, отозвавшись, что на этотъ разъ ему недосужно, и что онъ непремѣнно долженъ отправиться на жертвоприношеніе, что будетъ заколоно нѣсколько человѣкъ плѣнниковъ, и что его отсутствіе на такомъ торжествѣ невозможно.—„Помилуй", говоритъ ему его другъ: „ты ли это? Какъ же ты можешь участвовать въ людоѣдствѣ?"—„Что дѣлать, мой милый! Noblesse oblige!"

О томъ же есть запись *О. М. Бодянскаго* въ его дневникѣ подъ 21 декабря 1850 г.

„А. С. Хомяковъ на обѣдѣ у Аксаковыхъ разсказалъ анекдотъ (самимъ имъ выдуманный, но выданный за слышанный или вычитанный) на вечерѣ у графини Апраксиной въ присутствіи графа С. Г. Строганова о томъ, что на какомъ то островѣ велось испоконъ, кто вступалъ на престолъ царскій,—съѣсть непремѣнно человѣка. Когда спросили разъ вступившаго только что на престолъ царя, каково нравится ему это кушанье, и что за причина такого страннаго вкуса, отвѣчалъ:

—„Оно вовсе мнѣ не по нутру, но видите, такъ ведется де изстари“.

Графъ и графиня *поняли намекъ* и съ тѣхъ поръ не жаловали анекдотиста, который прибавилъ:

—„И правду сказать, есть за что. Я никогда не могъ ужиться съ аристократами, никогда не покланялся имъ!“

—„За то, конечно“, поддержалъ *Свербеевъ*, „готовъ валяться въ ногахъ черни“.

Общій смѣхъ удовольствія разразился со всѣхъ сторонъ, даже самъ разсказщикъ видимо былъ доволенъ этимъ“ (Ив. Фр. Павловскій,—О. М. Бодянскій въ его дневникѣ [1849—1850], „Русская Старина“, за 1888 г. [г. 19], ноябрь, т. 60, стр. 411).

Графъ С. Г. Строгановъ подводилъ славянофиловъ подъ гибель безъ всякаго сожалѣнія, распространяя о нихъ ложныя и несправедливыя мнѣнія даже предъ Царскимъ лицомъ.

„Графъ С. Г. Строгановъ такъ и оставилъ Московское попечительство, не узнавъ ближе Хомякова и друзей его, и предубѣжденный противъ нихъ не столько лично, какъ по *навѣтамъ* литературныхъ противниковъ Хомяковскаго ученія. Весною 1849 г. находясь въ Москвѣ во время празднества по случаю освященія кремлевскаго дворца (передъ Венгерскою войною), онъ не скрывалъ своего неодобренія къ ихъ дѣятельности. Во дворцѣ на вечерѣ у Государя за чаемъ, къ которому были приглашены немногіе, въ томъ числѣ графъ Д. Н. Блудовъ, Императрица Александра Ѳеодоровна спросила: „Что это такое славянофилы? Я бы желала увидать ихъ“.—„Вашему Величеству не слѣдуетъ ихъ видѣть“, замѣтилъ графъ Строгановъ: „это—люди *опасные*!“—„Ну опасность то не очень велика“, возразилъ графъ Блудовъ, „такъ какъ *всѣ они* могли

бы помѣститься на одномъ этомъ диванѣ". Разговоръ шелъ при Государѣ" [1]). Замѣтимъ, что это было въ эпоху ожесточеннѣйшаго гоненія на славянофиловъ со стороны цензуры и III-го отдѣленія.

Ненависть графа не смолкала даже предъ холодною крышкою гроба и въ виду сырой могилы.

26 декабря 1846 г. умеръ извѣстный поэтъ, русакъ, патріотъ, славянофилъ—Николай Михайловичъ Языковъ. Шевыревъ почтилъ его память статьею, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ посвятить ему первую свою публичную лекцію; но въ этомъ встрѣтилъ неожиданное препятствіе. „Не могу не передать тебѣ", писалъ онъ Погодину,—„того горькаго, стѣсненнаго чувства, которое я испыталъ сегодня у Строганова. Пріѣзжаю къ нему просить позволенія посвятить мою первую лекцію при возобновленіи курса—памяти Языкова и разбору его стихотвореній".—„Нельзя, это будетъ *неумѣстно*".—„Умеръ поэтъ, котораго оплакивать будутъ Жуковскій и Вяземскій, котораго цѣнилъ Пушкинъ. Я, какъ профессоръ словесности, прошу Васъ о томъ, чтобы Вы мнѣ позволили сказать публично *о заслугахъ литературныхъ* этого человѣка.—„Умеръ,—ну такъ его и похоронили (sic). (Странный цинизмъ въ устахъ аристократа, графа С. Г. Строганова). Я не могу этого позволить. Это будетъ précédent. Послѣ этого пойдутъ рѣчи и *панегирики* въ университетѣ. Этого *никогда* не бывало".—„Нѣтъ, прежде *всегда* бывало. Это—наша обязанность."—„Я нахожу это *неприличнымъ*. Къ тому же послѣднія шесть лѣтъ онъ былъ въ *оппозиціи*!"—„Графъ, я не понимаю этого слова въ Россіи. Его не должно быть, какъ нѣтъ и понятія".—„Помилуйте, я запрещаю самъ его стихи".—„Какіе? „На памятникъ Карамзину"?—напечатаны!"—„Нѣтъ, не объ тѣхъ, а другіе. Словомъ, я *не желаю этого*". (Всегдашняя замашка

---

[1]) Сообщеніе П. Бартенева, тамъ же, стр. 304—305.

его: sic volo, sic jubeo. И при всемъ томъ въ данномъ случаѣ С. Г. слѣпо исполнялъ внушенія западниковъ, не могшихъ простить покойному Языкову стихотворенія „Не наши“).— „Какъ угодно Вашему Сіятельству“.—Поклонъ, да и вонъ. Не могу быть спокойнымъ. Такъ мнѣ сталъ онъ тяжелъ. Пусть эта записочка сохранится у тебя въ томъ *грозномъ доносѣ*, который ты (т. е. Погодинъ) пишешь на нашего *усача* потомству“ [1]). Очевидно, пока былъ попечителемъ графъ С. Г. Строгановъ, на него нельзя было найти управы... и жаловаться можно было лишь—потомству!

Позднѣе графу С. Г. Строганову пришлось нѣчто въ своихъ мнѣніяхъ перемѣнить и на кое-что взглянуть иными глазами. Такъ г. Бартеневъ (тамъ же, стр. 305) свидѣтельствуетъ:

„Позднѣе графъ Строгановъ (пережившій Хомякова слишкомъ на 20 лѣтъ) значительно измѣнилъ свое мнѣніе о такъ называемыхъ „славянофилахъ“. Пишущему эти строки случилось слышать отъ него такой отзывъ про К. С. Аксакова: „Это былъ *святой* человѣкъ“. А вѣдь этого самаго „святого“ стараніями графа-попечителя чуть было не упекли въ качествѣ политически вреднаго человѣка (ср. выше стр. 219).

Безпощадно и неустанно преслѣдуя славянофиловъ, графъ усердно поддерживалъ западниковъ, особенно Т. Н. Грановскаго, который позже, однако, не одобрялъ его.

Мы видѣли, что графу пришлось измѣнить свое мнѣніе насчетъ славянофиловъ. Еще ранѣе онъ начинаетъ (уже утративъ власть надъ Московскимъ учебнымъ округомъ) разочаровываться въ нѣкоторыхъ западникахъ, и въ частности въ Грановскомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ человѣкъ,

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VIII, стр. 504–505.

близкій къ графу, О. М. Бодянскій [1]) по поводу докторской диссертаціи Грановскаго объ аббатѣ Сюжерѣ (или Сугеріи):

„Графъ С. Г. Строгановъ перебралъ всѣ положенія (тезисы) диссертаціи и нашелъ, что одно лишь изъ нихъ, собственно, достойно имени положенія, кажется, то самое, въ которомъ говорится объ отношеніи общинъ во Франціи къ монархіи, и въ заключеніи *признался*, что *теперь онъ лишь видитъ, что это профессоръ-декламаторъ, но не писатель*; что *чужое* онъ очень умѣетъ передать въ приличномъ видѣ, въ формахъ привлекательныхъ и т. п., *но самъ создавать, выражать созданное не въ состояніи* и вообще показываетъ неумѣнье, *неловкость обращаться* съ перомъ. Я внутренно сочувствовалъ эму, зная это давнымъ-давно“ (18 дек. 1849 г.). М. П. Погодинъ давно предсказывалъ это графу С. Г. Строганову (ср. выше стр. 195).

„Другіе хвалили этотъ диспутъ, но не безусловно, вообще же всѣ согласны въ томъ, что онъ былъ заранѣе подготовленъ и состоялъ во взаимномъ восхваленіи. Этого и надобно было ожидать, потому что обязанными возражателями (назначенными деканами завременно) были его два ученика С. М. Соловьевъ и П. Н. Кудрявцевъ, первый профессоръ русской исторіи, а второй—адъюнктъ докторанта. Кромѣ того, всѣ находили предметъ диссертаціи „Аббатъ Сугерій“ слишкомъ частнымъ, мелочнымъ. Впрочемъ, говорятъ, что это заглавіе избрано было поневолѣ, и что диссертація носила заглавіе „Объ общинахъ (communes) во Франціи“, но по распоряженію ректора (Перевощикова) измѣнено, какъ имя, такъ и многое другое въ ней, отчего она и съузилась, обмелѣла. Я думаю, что богатаго содержаніемъ изслѣдованія ничто не можетъ довести до такой судьбы“(19 дек.).

---

[1]) См. цитированную статью Павловскаго, стр. 398 и 400.

О томъ же диспутѣ О. М. Бодянскій разсказываетъ (стр. 400, запись 19 декабря 1849 г.):

„М. А. Максимовичъ говоритъ о диспутѣ Грановскаго: безконечный панегирикъ отъ возражателей, такъ что сдѣлалось со стороны приторно. Да иначе быть не могло. Представьте, что деканъ (Шевыревъ) хотѣлъ было что-то замѣтить изъ недостатковъ диссертаціи, какъ вдругъ раздалась въ залѣ пальба хлопушками.“—„Что же возражатель?“—„Перемѣнилъ паруса, разумѣется. Говорятъ, что и у васъ что то подобное было съ Грановскимъ на его преніи магистерскомъ“.

„Тутъ я разсказалъ эту исторію“.

Особенно поучительно для характеристики графа его отношеніе къ М. П. Погодину, котораго онъ подвергалъ всякаго рода притѣсненіямъ, униженіямъ и наконецъ таки выжилъ изъ университета, очистивъ мѣсто его неблагодарному ученику, С. М. Соловьеву. Причины гоненія на Погодина были разнообразныя. Погодину покровительствовалъ министръ С. С. Уваровъ, котораго терпѣть не могъ графъ С. Г. Строгановъ. Затѣмъ графъ, вѣроятно, презиралъ Погодина за его крестьянское происхожденіе (котораго, повидимому, Погодинъ имѣлъ слабость стыдиться [1]). Погодинъ раскидывался: онъ занимался и наукою, и практикою, разработывалъ сразу по сотнѣ темъ, торговалъ древностями и рукописями, покупалъ дома и заводилъ пансіоны: онъ не могъ преобразовать себя въ кабинетнаго „гелертера“, какими возхищался графъ. Несомнѣнно, шокировали графа и демократическія манеры Погодина: по опредѣленію С. М. Соловьева, [2]) Погодинъ былъ „*Болотниковъ* во фракѣ Министерства На-

---

[1]) Комично читать въ письмахъ и сочиненіяхъ Погодина, какъ онъ выражается о народѣ: «*чернь*».

[2]) Изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева, «Извлеченія изъ записокъ, относящіяся къ 50 и 60-мъ годамъ», гл. I, стр. 22 въ «Русскомъ Вѣстникѣ», т. 242 (г. 40-й) за 1896 г., февраль.

роднаго Просвѣщенія". Но самое непріятное для графа С. Г. Строганова: Погодинъ былъ изъ тѣхъ, кто „смѣлъ свое сужденіе имѣть" и высказывалъ его не только рѣзко, но подчасъ даже и безтактно. Любопытно, что графъ, вообще считавшійся человѣкомъ прямодушнымъ, съ Погодинымъ какъ бы хитрилъ и скрывалъ себя, по крайней мѣрѣ, въ началѣ ихъ сношеній. Потомъ—графъ пересталъ уже стѣсняться и выказывалъ по отношенію къ „Болотникову XIX вѣка" свою взбалмошность, самомнѣніе и самовластіе, не скрывая ихъ, и въ полномъ размѣрѣ. Въ „Дневникѣ" Погодина мы находимъ любопытныя замѣтки.

Подъ 17 апрѣля—31 іюля 1837 г. „Откровенныя бесѣды съ графомъ Строгановымъ. *Кажется*, и любитъ, и вѣритъ, а *выходитъ* все *не такъ*. Онъ *хочетъ* быть всѣмъ и недовѣрчивъ, и *мнителенъ*".

Подъ 21 августа: „Цѣлый часъ просилъ графа Строганова о *Чистяковѣ*. Нѣтъ: *попалось* ему въ голову; возвышеніе гимназій и только. Не понимаетъ причинъ, ибо *не знаетъ* Русскихъ, но добръ и любезенъ".

Подъ 21 сентября: „Къ графу Строганову. Очень любезенъ. Я опасался было, что не *говорятъ* ли ему обо мнѣ какихъ-либо *клеветъ*. Говорилъ съ нимъ о гимназіяхъ, онъ все слушаетъ. О церкви".

Подъ 3 октября: „Къ Строганову, для разсужденія о газетѣ и журналѣ. Слушаетъ, *но не слышитъ*."

Подъ 2 ноября: „Строгановъ говорилъ Черткову, что я *унижаю себя изданіемъ книгъ*. Каково невѣжество! И каково *натолковано* ему" [1]).

„Сказалъ ему просто, что я его не понимаю, и что онъ часто *поступаетъ дурно*. Досадовалъ на себя цѣлый вечеръ,

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 15.

зачѣмъ говорилъ ему такъ искренно. Онъ впрочемъ разсыпается въ комплиментахъ, жметъ руку, увѣряетъ *въ любви и уваженіи*, изъ коихъ впрочемъ не шубу шить" [1]).

„Смѣялись съ Давыдовымъ нѣмецкимъ privatissime, кои заводятъ Нѣмцы, прокладывая дорогу нѣкоторымъ Русскимъ, и *обманывая кругомъ слѣпого* попечителя, который *считаетъ* себя зрячимъ" (тамъ же, стр. 379).

Потомъ, однако, начались дѣйствія со стороны графа, по меньшей мѣрѣ, странныя, и несомнѣнно, недоброжелательныя.

Во время пребыванія въ Москвѣ въ концѣ 1837 г. Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича графъ С. Г. Строгановъ объявилъ Погодину, что Цесаревичъ „желаетъ получать отъ него письма о русской исторіи (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 165). „Въ концѣ 1838 г.", повѣствуетъ самъ Погодинъ (тамъ же, стр. 175), „собравшись ѣхать въ чужіе края, я написалъ первое, вступительное письмо и передалъ его графу Строганову. О письмѣ я не имѣлъ никакого извѣстія. Воротясь изъ чужихъ краевъ, я спросилъ графа о судьбѣ моего письма.

Графъ Строгановъ. Я не отправлялъ Вашего письма.

Погодинъ. Почему же?

Графъ Строгановъ. Потому что оно заключаетъ только введеніе. Я ожидалъ отъ Васъ *продолженія*, чтобы отправить *вмѣстѣ*.

Погодинъ. Да какой же смыслъ имѣло бы отправленіе двухъ писемъ съ одною почтою? Притомъ эти два письма имѣли бы совершенно различный характеръ. Вступительное письмо—лирическое. Въ немъ господствуетъ чувство, во-

---

[1]) Тамъ же, стр. 378.

ображеніе. А—въ слѣдующемъ письмѣ должно начаться положительное разсужденіе. Они никакъ не могутъ быть отправлены вмѣстѣ, даже по самому содержанію.

Графъ Строгановъ. А я думалъ иначе.

Погодинъ. Прошу Васъ покорнѣйше возвратить мнѣ мое письмо.

Графъ Строгановъ. Извольте, я отыщу его въ своихъ бумагахъ.

„Послѣ я спрашивалъ у графа Строганова нѣсколько разъ, и всегда получалъ въ отвѣтъ, что онъ не находитъ письма. Наконецъ уже черезъ годъ, кажется, онъ возвратилъ мнѣ письмо. Перелистывая его, вдругъ нахожу я на оборотѣ послѣдняго листа собственноручную подпись графа Строганова: „Словъ много, мысль новая одна, да и то ложная!"

Тридцать лѣтъ это замѣчательное письмо пролежало подъ спудомъ и было наконецъ напечатано только въ 1867 году (тамъ же, стр. 176).

Спрашивается, для чего же нужно было графу Строганову извертываться и скрываться, когда онъ могъ прямо объяснить Погодину причины своего съ нимъ несогласія. И какое онъ имѣлъ право не отсылать письмо Погодина? вѣдь его желалъ прочитать самъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, который могъ бы согласиться и съ мнѣніями Погодина, а не графа Строганова. Но разъ мнѣніе было другое, а не его, графъ Строгановъ не далъ бумагѣ хода и самовольно задержалъ письмо, адресованное Наслѣднику и написанное по вызову послѣдняго.

Въ служебныхъ отношеніяхъ Погодинъ часто попадалъ между двухъ „пановъ", министра и попечителя, и чувствовалъ, что отъ ихъ „драки его чубъ трещитъ".

Въ отвѣтъ на письмо Погодина о продолженіи ему срока отпуска (въ заграничное путешествіе 1842 года) для *оффи-*

ціальной поѣздки въ Копенгагенъ—графъ С. Г. Строгановъ писалъ: „Имѣю честь увѣдомить, что какъ предположеніе о порученіи Вамъ посѣтить Копенгагенъ.... было сдѣлано отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія (т. е. С. С. Уварова), то о предположенной *Вами* (sic) поѣздкѣ въ Копенгагенъ *гораздо лучше* будетъ обратиться къ его высокопревосходительству, а я *со своей стороны не могу* дать подобнаго порученія, да *и согласія* моего на эту отстрочку, потому что она будетъ *вредна* (Погодинъ опоздалъ всего на 6 недѣль) для университета, гдѣ Васъ ожидаетъ два курса студентовъ. Передъ отъѣздомъ Вашимъ, предвидя невозможность исполнить прежнее предположеніе ѣхать въ Копенгагенъ, Вы говорили, что будете довольствоваться (sic) свиданіемъ въ Веймарѣ съ протоіеремъ Сабининымъ [1]). Какъ же Вы это забыли, *милостивый государь?* что же касается до страннаго недоразумѣнія, которому приписываете позднее доставленіе Вамъ заграничнаго отпуска, долгомъ считаю отвѣтствовать, что.... Вы получили его только 15 іюля, потому что *забыли просить* объ увольненіи своемъ *ближайшее свое начальство* (т. е. самого С. Г.). Я полагаю, что приличнѣе было бы Вамъ, *милостивый государь*, возвратиться въ срокъ къ должности своей и отложить поѣздку Вашу въ Копенгагенъ до другого, болѣе благопріятнаго времени". (*Н. П. Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VII, стр. 46—47).

Письмо это отъ попечителя учебнаго округа, столь горячо протестовавшаго противъ научнаго предпріятія, порученнаго по службѣ профессору—волею министра („ближайшаго начальства" для самого графа С. Г. Строганова, который все таки

---

[1]) Однако, надо провести маленькую разницу между свиданіемъ съ протоіереемъ Сабининымъ и поѣздкою въ Копенгагенъ, гдѣ Погодинъ долженъ былъ завязать научныя сношенія съ датскими учеными, печатавшими знаменитое изданіе Antiquitates Rossicae.

никакъ не хотѣлъ признавать въ С. С. Уваровѣ начальство, за что̀ впослѣдствіи жестоко поплатился) не могло не смутить Погодина; но онъ, однако, скоро „пустилъ на вѣтеръ налетѣвшую *тоску*, которая по предмету своему не сто̀итъ моего вниманія“;—тѣмъ болѣе, что его жена прислала ему копію съ письма самого министра, писавшаго Погодину: „Вы не должны *безпокоиться* на счетъ срока Вашего возвращенія, имѣя *порученіе быть* въ Копенгагенѣ.... Будьте здоровы и возвращайтесь съ обновленными силами въ свояси. Весь вашъ“ и т. д.

— „Ну не мило ли это письмо?“ замѣчаетъ жена Погодина: „на сердцѣ дѣлается теплѣе“ (тамъ же, стр. 47—48).

Однако, когда Погодинъ вмѣсто 22 сентября 1842 г. вернулся только 10 ноября, то велѣно было считать опозданіе Погодина „по силѣ законовъ, *просрочкою*“ съ отмѣткою въ формулярѣ.

Но вскорѣ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ графа Строганова, что просрочка Погодина „произошла дѣйствительно отъ исполненія возложеннаго на него Министромъ порученія войти въ сношенія съ Копенгагенскимъ Обществомъ Изыскателей Древности“ (тамъ же, стр. 61—62).

Какъ начальникъ Московской цензуры, графъ-попечитель тоже тѣснилъ и прижималъ издателя „Москвитянина“, М. П. Погодина [1]).

Печатаніе „Похвальнаго Слова“ Погодина Карамзину встрѣтило затрудненіе въ Московскомъ Цензурномъ комитетѣ. М. А. Дмитріевъ, племянникъ знаменитаго И. И. Дмитріева, писалъ Погодину: „Увѣдомьте меня, любезный Михайла Петровичъ, успѣли ли Вы сладить какъ-нибудь съ цензурой?.... Долго ли терпѣть эти притѣсненія? И неужели *несчастная* Москва не подъ тѣми же законами, подъ которыми Петер-

---

[1]) Ср. выше, стр. 193.

бургъ?.... Въ Евангеліи сказано: „не бойтесь убивающихъ тѣло, а бойтесь убивающихъ душу"! *Строгановъ* и Голохвастовъ —*убиваютъ душу*. И Государь этого не знаетъ! онъ самъ покровительствовалъ Карамзину; а *они преслѣдуютъ* его память" (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VIII, стр. 208—209).

Погодинъ въ своей замѣткѣ въ „Москвитянинѣ" о русской промышленной выставкѣ, бывшей въ Москвѣ въ 1843 г. задѣлъ русскихъ ученыхъ политико-экономовъ, впрочемъ, довольно невинно, говоря въ обычномъ своемъ патріотическомъ тонѣ: „Политическою экономіею, какъ и многими другими науками, занимаются у насъ incognito и не представляютъ никакого мнѣнія объ ея предметахъ во всеобщее поученіе. Только казанскій профессоръ *Горловъ* издаётъ въ свѣтъ свои изысканія и замѣчанія. Впрочемъ, ни изъ Кіева, ни изъ Харькова, ни изъ Москвы, ни изъ Петербурга не слышится отъ господъ профессоровъ и ихъ воспитанниковъ ни единаго слова, какъ будто бы не существовало и каѳедръ.... Сколько любопытнаго могла бы сказать умная наука! А мы молчимъ!"

Эта замѣтка очень не понравилась графу С. Г. Строганову, и онъ, какъ всегда, не уважая чужого мнѣнія и не признавая за своимъ подчиненнымъ даже права имѣть иное мнѣніе, чѣмъ онъ самъ, *сдѣлалъ* Погодину *выговоръ*, такъ что Погодину пришлось еще письменно просить извиненія предъ московскимъ профессоромъ политической экономіи А. И. Чивилевымъ: послѣдняго сами его товарищи и единомышленники-западники считали бездарностью (онъ скоро сошелъ съ ученаго поприща), но онъ былъ протеже попечителя.... пришлось Погодину объяснять, что „наша ученая литература бѣдна, а эти слова сдѣлались общимъ мѣстомъ," что „молчаніе нашихъ

ученыхъ я почитаю непростительнымъ, вреднымъ, постыднымъ и стараюсь, ничьего не трогая лица, выражать это при всякомъ случаѣ.... Я сталъ теперь повторять Вамъ то, что̀ я говорилъ графу.... Что же касается вообще до всего этого направленія (не писать и не печатать), подъ которымъ такъ ловко и *благоприлично прячется лѣность, посредственность и ничтожество*, то я слишкомъ вооруженъ противъ него, и колоть, шпынять etc. готовъ былъ прежде, буду и впередъ, дондеже есмь". Это благородное и смѣлое заявленіе Погодина въ его извинительномъ письмѣ Чивилеву есть своего рода eppur si muove (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VII, стр. 272—275 passim).

Графъ С. Г. Строгановъ преслѣдовалъ Погодина не только какъ попечитель, какъ глава мѣстнаго цензурнаго комитета, но даже и какъ президентъ Общества Исторіи и Древностей. Любопытно дѣло объ изданіи Малороссійской лѣтописи. Погодинъ пишетъ: „Представилъ я Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ „Малороссійскую лѣтопись" Велички и предложилъ ее напечатать, поруча изданіе по взаимному согласію—Бодянскому. Когда предложеніе было принято, я объявилъ своимъ условіемъ предоставленіе въ мою пользу сотъ двухъ экземпляровъ. С. Г. Строгановъ, какъ предсѣдатель, никакъ не хотѣлъ согласиться, [1]) говоря, что эти экземпляры повредятъ экземплярамъ издателя. Напрасно я возражалъ ему, что этого не можетъ быть, ибо, если изданіе пойдетъ, то какъ мои, такъ и его экземпляры продадутся одинаково; если же не пойдетъ, то останутся на нашихъ рукахъ одинаково. Спросите самого Бодянскаго, а плутъ-хохолъ Бодянскій молчалъ. Графъ Строгановъ же говорилъ, что его

---

[1]) Т. е. хотѣлъ, чтобы Общество пользовалось правомъ изданія совсѣмъ даромъ, не вознаграждая ничѣмъ владѣльца рукописи, Погодина.

нечего спрашивать, а Общество должно стараться о соблюденіи его выгодъ. Вышедъ изъ терпѣнія, я сказалъ:

Погодинъ. Если Общество не согласно на мои условія, то я отдамъ свою рукопись въ другія руки для изданія. Возвратите мнѣ ее.

Графъ Строгановъ. Нѣтъ, *мы* Вамъ ее *не* возвратимъ, Вы ужъ *отдали* ее Обществу.

Погодинъ. Помилуйте, какъ можете Вы *отнимать* у меня мою *собственность?*

Графъ Строгановъ. Что же Вы пойдете *жаловаться* на меня въ *надворный* судъ?

Погодинъ. Нѣтъ, жаловаться я не пойду, потому что при нашемъ ходѣ дѣлъ надворный судъ *Васъ* оправдаетъ, а меня *обвинитъ*, но неужели Вы думаете, что, *кромѣ* этого суда, нѣтъ никакого *другого?* Я запишу въ своихъ „Запискахъ", что графъ Строгановъ среди бѣлаго дня *отнялъ* у меня *мою* рукопись.

Графъ Строгановъ. Какъ *попечитель*, [1]) не совѣтую Вамъ этого дѣлать (сказалъ онъ, крутя свой усъ).

Погодинъ. Какъ профессоръ, *я совѣтую Вамъ* оставить такой образъ дѣйствій.

Этотъ любопытный діалогъ происходилъ въ университетѣ въ присутствіи И. И. Давыдова и О. М. Бодянскаго. Погодинъ послѣ этой схватки захворалъ. „Проснувшись, я не могъ поворотиться ни однимъ своимъ членомъ, точно какъ былъ отколоченъ палками по всему тѣлу. Вотъ чего стоилъ мнѣ этотъ споръ съ графомъ Строгановымъ" (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VIII, стр. 150—152).

---

[1]) Въ странномъ преувеличеніи своей попечительской власти графъ хочетъ отнять у Погодина даже право жаловаться потомкамъ въ своихъ мемуарахъ—единственное утѣшеніе безсильнаго (ср. выше, стр. 223).

Хоть въ концѣ концовъ рукопись Погодину вернули, но не сразу. Бодянскій хотѣлъ было ѣхать на родину. Графъ Строгановъ приказалъ ему:... „Малороссійская рукопись М. П. Погодина, принятая Обществомъ для напечатанія,.... можетъ оставаться у Васъ до Вашего отъѣзда; когда же отъѣздъ состоится, *доставьте мнѣ* ее на сохраненіе, и я тогда буду отвѣтчикомъ за цѣлость ея передъ Обществомъ и хозяиномъ оной“.... Самъ Бодянскій пишетъ Погодину: „Я говорилъ и долженъ былъ говорить по самому уже дѣлу Графу и Вашему порученію о *требованіи* Вашемъ назадъ рукописи, которой я не имѣлъ права безъ его, какъ Предсѣдателя Общества, воротить Вамъ ее, и воротилъ лично по его же разрѣшенію“. Погодинъ писалъ:„ *Лежа въ постели*, въ лубкахъ, при первомъ сознаніи я надиктовалъ письмо Бодянскому съ требованіемъ „Малороссійской Лѣтописи“, которую мнѣ онъ и прислалъ съ разрѣшенія своего патрона, *посовѣстясь* огорчать или раздражать больного.“ (Тамъ же, стр. 152, 153, 154).

Такъ Погодинъ возвратилъ себѣ свою собственность.

Одною изъ самыхъ непростительныхъ несправедливостей графа С. Г. Строганова является его выговоръ Погодину за изданіе Посошкова.

Какъ извѣстно, знаменитое твореніе Посошкова „О скудости и о богатствѣ“ было впервые найдено и издано М. П. Погодинымъ. Еще въ самомъ началѣ, когда вскорѣ послѣ открытія Погодинъ хотѣлъ читать о Посошковѣ лекцію въ университетѣ, графъ не разрѣшилъ ему, „чтобы она не произвела слишкомъ много эффекту, и не была растолкована криво“ (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. VI, стр. 315). Нужно замѣтить, что многіе (даже изъ самыхъ образованныхъ) знакомые Погодина „вознегодовали“ на него и на Посошкова „за его мысли о *крестьянахъ*“ (тамъ же, стр. 316).

Графъ С. С. Уваровъ исхлопоталъ Высочайшее согласіе на напечатаніе сочиненія Посошкова (стр. 317—319). Помѣстивъ

выписки изъ него въ „Москвитянинѣ“, Погодинъ издалъ все сочиненіе на счетъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое въ засѣданіи своемъ 21 февраля 1842 г. постановило „издать Посошкова на иждивеніе Общества въ пользу издателя въ числѣ тысячи двухсотъ экземпляровъ“ (стр. 320, 321—322). Труды Погодина по изданію Посошкова удостоились Высочайшаго благоволенія, разумѣется, по представленію графа С. С. Уварова. Какъ только узналъ графъ С. Г. Строгановъ о такомъ отличіи Погодину, доставленномъ ему Уваровымъ, онъ написалъ ему слѣдующее убійственное письмо:

„Въ 13 № Сѣверной Пчелы нынѣшняго 1843 года нечаянно прочелъ я извѣстіе о Высочайшемъ благоволеніи, объявленномъ Вашему Высокоблагородію, за поднесеніе Государю Императору экземпляра изданной *Вами* книги „Сочиненія Ивана Посошкова“. Какъ мнѣ извѣстно, изданіе этой книги, которое состоитъ только въ *перепечатаніи* (стр. 321—322), произведено на счетъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, то я и считаю себя въ *необходимости* сдѣлать Вамъ, Милостивый Государь, *замѣчаніе*, что и *поднесеніе* ея, еслибъ оно признано было *нужнымъ* (т. е. самимъ Строгановымъ по его усмотрѣнію), должно быть сдѣлано отъ самого Общества, ибо *оно* только вправѣ располагать такимъ образомъ *своимъ изданіемъ*. (Такимъ образомъ, по Строганову, Погодинъ *только* перепечаталъ текстъ съ рукописи, а *издало* Общество. Что же значитъ „издать“?)

Сообщая Вамъ это замѣчаніе, я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, въ случаѣ, если не сдѣлано отъ Общества какихъ-либо неизвѣстныхъ мнѣ распоряженій, по которымъ изданіе сочиненій Посошкова *предоставлено* въ Вашу *собственность*, доложить содержаніе настоящаго предложенія моего въ первомъ имѣющемъ быть засѣданіи Общества, съ тѣмъ, чтобы, оно, руководствуясь общепринятыми

формами, не иначе представляло къ поднесенію *издаваемыя имъ* сочиненія Государю Императору, какъ чрезъ *посредство своего президента.*"

Это письмо Строганова оскорбило и взволновало Погодина такъ, что онъ даже разхворался. Оправдывая на себѣ приведенную малороссійскую пословицу [1]), Погодинъ отвѣчалъ своему неумолимому начальнику: „На письмо Вашего сіятельства изъ Петербурга симъ отвѣчать честь имѣю: 1) сочиненіе Посошкова составляетъ мою *собственность*, и издано *мною*, а не Московскимъ Обществомъ Исторіи, только на *иждивеніе* Общества, и это напечатано на заглавномъ листѣ—въ мою пользу, за что̀ въ предисловіи и принесена благодарность Обществу. 2) Оно не состоитъ *только въ перепечатаніи*, какъ Вы изволите, къ *оскорбленію* моему, писать, а напечатано мною съ рукописи, *мною* найденной 3) Представлены они г. Министру, а не президенту Общества, потому что и въ *рукописи* были представляемы ему же для испрошенія Высочайшаго соизволенія на напечатаніе. Получивъ разрѣшеніе отъ Г. Министра, а не отъ Общества, я не могъ, не имѣлъ права и не смѣлъ представлять напечатанное сочиненіе ни Обществу, ни президенту *на судъ*, по Вашимъ словамъ: признаютъ ли еще они *нужнымъ* поднесеніе, или нѣтъ, *Государю Императору*. Страдая кровотеченіемъ изъ горла впродолженіи двухъ мѣсяцевъ предъ лицомъ всего университета, и читая лекціи, вопреки приказаніямъ почти всѣхъ членовъ медицинскаго факультета, я по единогласному ихъ приговору долженъ избѣгать всякаго волненія, если не хочу подвергнуть жизнь мою *опасности*. Вы можете судить сами, Ваше сіятельство, должны ли произвести волненіе и огорченіе такія *незаслуженныя* замѣчанія въ профессорѣ, который служитъ усердно и безпорочно слишкомъ 20 лѣтъ, и который разстроилъ здоровье для службы учеными трудами,

---

[1]) См. выше, стр. 228.

коихъ ни одинъ личный врагъ его отвергнуть не смѣетъ? Въ самую *сладостную* минуту, какую только можетъ имѣть русскій гражданинъ и вѣрноподданный, въ минуту *Высочайшаго* благоволенія, *Вы* присылаете мнѣ *съ поспѣшностію* изъ Петербурга *строгій выговоръ*, прибавляя даже литературное *оскорбительное* и несправедливое замѣчаніе по поводу поднесенія той книги, которая доставила мнѣ неоцѣненное счастіе! Вы изволите называть *только перепечатаніемъ* мое *открытіе*, которое я считаю счастливѣйшимъ въ моей жизни литературной.... Такія *послѣдовательныя* дѣйствія въ продолженіи *трехъ лѣтъ* не только лишаютъ меня надежды на всякое снисхожденіе и пощаду со стороны Вашего сіятельства, еслибъ случилось мнѣ по свойственной человѣку слабости дѣйствительно преступиться, какъ журналисту и профессору, но и производятъ во мнѣ и семействѣ моемъ опасеніе за всю мою службу и самую *жизнь*.... Объ опасныхъ слѣдствіяхъ волненія для меня въ моей болѣзни можетъ засвидѣтельствовать Вамъ мой врачъ, профессоръ Иновемцевъ. По всѣмъ симъ причинамъ я нахожусь вынужденнымъ оставить университетъ [1]) и предупредить о томъ Ваше сіятельство. Просьбу оффиціальную объ увольненіи я не подаю теперь потому только, что считаю себя обязаннымъ извѣстить заблаговременно о своемъ намѣреніи г. Министра, котораго просвѣщенному покровительству, вниманію и ободренію я одолженъ сколько, что готовъ принести какія угодно *ему* жертвы и читать лекціи хотя съ одра болѣзни, въ случаѣ его желанія. Въ ожиданіи же рѣшенія я умоляю Ваше сіятельство внять гласу человѣколюбія и освободить меня до моего облегченія отъ выговоровъ за такія дѣйствія, въ коихъ сами Вы, какъ нынѣ, не изволите быть увѣренными" (тамъ же, стр. 322—323).

---

[1]) Quod для гр. С. Г. Строганова demonstrandum erat.

„Постоянныя непріятности со стороны графа С. Г. Строганова, „если не возбудили, то по крайней мѣрѣ утвердили“ въ Погодинѣ мысль оставить на время университетъ и заняться исключительно русской исторіею.... Какъ бы то ни было, вопреки совѣта своей супруги, „со слезами и размышленіями“, Погодинъ 16 февраля 1844 г. подалъ въ университетскій совѣтъ просьбу объ увольненіи, которая была *принята*, и Погодинъ получилъ, несмотря на слухи, что Министръ его не отпускаетъ, полную отставку. Погодинъ писалъ своему другу Максимовичу: „Въ университетѣ старое по старому, а новое по большей части безумствуетъ. Я подалъ въ отставку—отойти отъ зла и сотворить благое, съ полною пенсіею“. Въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ, однако, Погодинъ признавалъ свою неосмотрительность; его прошенія объ отставкѣ только и добивались недоброжелатели. „Вообще этотъ шагъ долженъ я считать теперь совершенно опрометчивымъ и имѣвшимъ вредное вліяніе на гражданскую внѣшнюю мою жизнь“ (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VII, стр. 288—291 passim).

Но картина перемѣнилась, когда графъ С. Г. Строгановъ неожиданно для себя самъ принужденъ былъ выйти въ отставку и лишиться своей власти и авторитета. Тутъ онъ перемѣняетъ тонъ и съ Погодинымъ, котораго около 6 лѣтъ обижалъ и унижалъ.

„Послѣ своего увольненія“, свидѣтельствуетъ Погодинъ, „графъ С. Г. Строгановъ прожилъ въ Москвѣ въ совершенномъ уединеніи, оставленный почти всѣми. Разумѣется, при его гордости это было очень тяжело, и желчь у него копилась“. И. И. Давыдовъ на это замѣтилъ: „Все, что̀ Вы пишете о бывшемъ попечителѣ, есть кара нравственнаго закона (Иванъ Ивановичъ очень любилъ ссылаться на „нравственный законъ“ — см. выше, стр. 45 въ письмѣ къ Ѳ. И. Буслаеву), отъ котораго никто укрыться не можетъ. Если въ немъ не изчезло собственное сознаніе, то какимъ онъ представляется самъ себѣ?

Право, неимовѣрно, что̀ мы съ Вами пережили. Да Вамъ еще легче было пережить этотъ періодъ: Вы прежде сами сочувствовали графу Строганову и многаго отъ него ожидали, хотя довольно посмотрѣть на него и поговорить съ нимъ нѣсколько минутъ, чтобъ разгадать, что̀ это за птица! Не помяни, Господи, грѣховъ нашей юности! Такъ Вы, тогда еще юные, ошибались и увлекались" (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. IX, стр. 250—251).

Строгановъ начинаетъ осыпать ласками Погодина, котораго самъ выжилъ своими придирками изъ университета: онъ принимаетъ его „со всѣми возможными знаками ласки и пріязни". „Нѣжности, оказанныя Вамъ графомъ Строгановымъ", писалъ И. И. Давыдовъ, „принадлежатъ къ тысячѣ несообразностей и несовмѣстностей, антилогическихъ и антипсихологическихъ, которымъ мы бывали свидѣтелями, и сами испытывали; а насъ съ Вами сколько разъ *онъ* обижалъ и оскорблялъ? Такъ можно ли довѣрять этой спокойной наружности, подъ которою таится гибельный ядъ?" (тамъ же, стр. 247—248).

Выше (стр. 199) мы видѣли, что графъ С. Г. Строгановъ, протежируя своихъ новыхъ профессоровъ, стремившихся водворить въ Москвѣ вывезенный ими изъ Германіи нѣмецкій духъ, неблагосклонно относился къ старымъ профессорамъ, какъ бы они ни были заслужены и талантливы. Такъ онъ тѣснилъ Павлова и выжилъ изъ университета, кромѣ М. П. Погодина, еще *Дядьковскаго*. Это былъ знаменитый медикъ и философъ шеллинговой школы, блиставшій на каѳедрахъ университета и московскаго отдѣленія медико-хирургической академіи. Въ 1835 г. его выгнали изъ университета по слѣдующему поводу. Разъ на лекціи онъ коснулся вопроса о *гніеніи* труповъ, причемъ выяснилъ, въ какихъ слояхъ земли, и въ какихъ мѣстностяхъ трупъ не подвергается разложенію, а въ какихъ превращается въ мумію; указавъ на Березовъ, онъ добавилъ, что, тамъ найдя трупъ въ цѣлости, иной можетъ принять его

за нетлѣнныя *мощи*, принадлежащія какому-нибудь *угоднику*. Вотъ объ этомъ то добавленіи и доложено было его врагами попечителю графу Строганову, какъ доказательство его *кощунства* надъ православною религіею. С. Г. Строгановъ предложилъ ему немедленно подать въ отставку. „Это былъ лишь внѣшній предлогъ интриги, давно веденной противъ Дядьковскаго: онъ долго велъ жестокую и упорную борьбу противъ *нѣмцевъ* какъ въ академіи, такъ и въ университетѣ"... Графъ С. Г., очевидно, спасалъ религію (выше, стр. 217) отъ философіи, православіе—по жалобѣ лютеранъ-нѣмцевъ (ср. выше, стр. 208 и 227).

Несправедливое удаленіе погубило Дядьковскаго. „Онъ бросилъ практику.... началъ попивать отъ скуки,... а за тѣмъ явилась тяжкая болѣзнь, отъ которой онъ и умеръ въ Пятигорскѣ.... Судя по отмѣткамъ въ его латинской библіи, едва ли можно было обвинять его въ кощунствѣ" [1]). А для понимающаго дѣло очевидно, что философъ-шеллинговецъ и *не могъ* кощунствовать....

Мы видѣли достаточное число примѣровъ, какъ обходился графъ съ людьми, ему почему-либо не нравившимися и имѣвшими въ такомъ случаѣ неудобство находиться въ сферѣ его власти и въ раіонѣ его вліянія. Если же лицо, вызывавшее неудовольствіе графа, не принадлежало къ числу его безотвѣтныхъ подчиненныхъ, графъ С. Г. Строгановъ прибѣгалъ даже къ доносу:

„Въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1848 г. П. И. Небольсинъ напечаталъ рядъ статей подъ заглавіемъ „Покореніе Сибири". По поводу ихъ Погодинъ замѣтилъ: „*Именитые люди Строгановы* не заслуживаютъ вовсе той чести и славы, которую восписывали имъ русскіе историки; это были смышленые торгаши, которые умѣли пользоваться обстоятельствами и которые жертвовали казнѣ то, въ чемъ отказать не

---

[1]) Былое врачебной Россіи, Л. Ѳ. Змѣева, стр. 56 (и прим.)—57.

могли". „Это", утверждалъ Погодинъ,—„я печаталъ *десять лѣтъ тому назадъ*! А Небольсинъ, предлагая теперь въ „Отечественныхъ Запискахъ" описаніе „Покоренія Сибири", доказываетъ подробно то же самое".... Статьями Небольсина остался весьма недоволенъ графъ С. Г. Строгановъ, и на него, по свидѣтельству Погодина, *„жаловался оффиціально*, какъ отвергающаго заслуги его предковъ" (*Н. П. Барсуковъ*, Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 408 и 409).

Мы видѣли, какъ графъ С. Г. Строгановъ велъ себя съ подвѣдомственными и подчиненными ему лицами. Но въ полномъ видѣ его гордость и нежеланіе признавать надъ собою даже власть самого министра, графа С. С. Уварова, выступаютъ въ ихъ борьбѣ, кончившейся довольно печально какъ для одного, такъ и для другого. Строгановъ лишился мѣста попечителя и званія предсѣдателя Общества исторіи и древностей, Уваровъ—въ концѣ концовъ даже министерскаго портфеля. Желаніе во что бы то ни стало противиться распоряженіямъ Уварова вовлекло С. Г—ча даже въ противорѣчіе съ самимъ собою. И личною властью, и донесеніями по начальству графъ С. Г. въ свое время вредилъ славянофиламъ и подавлялъ ихъ литературную и общественную дѣятельность [1]). Но когда его начальникъ Уваровъ приказалъ ему усилить надзоръ надъ славянофильскими тенденціями, что̀ согласовалось со всѣмъ духомъ предшествовавшаго отношенія попечителя, послѣдній неожиданно мѣняетъ фронтъ и дѣлаетъ министру рѣзкую оппозицію. Но изъ самаго образа дѣйствій его и изъ оффиціальныхъ объясненій видно, что онъ самъ не представлялъ себѣ ясно, чего онъ хочетъ; дѣло было такъ:

Политическія броженія вызвали циркуляръ Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 30 мая 1847 г., обращенный къ попечителямъ учебныхъ округовъ. Главною задачею этого циркуляра было—изложить значеніе *народнаго начала* въ видахъ правительства. Русская словесность въ чистотѣ своей

[1]) См. выше, стр. 217—223.

должна выражать безусловную приверженность православію и самодержавію. Вопросъ о Славянствѣ по отношенію къ Россіи представляетъ двѣ стороны, изъ которыхъ одну злонамѣренно могутъ употребить на возбужденіе умовъ и распространеніе опасной (это разумѣются славянофилы, которые благодаря указаніямъ самого же графа С. Г. Строганова (ср. выше, стр. 221) и товарища министра, князя П. А. Ширинскаго-Шихматова попали въ число крайне *опасныхъ* людей) пропаганды, преступной и возмутительной. Но словенству русскому должна быть чужда всякая примѣсь политическихъ идей; тогда остальнымъ началомъ, въ немъ сокровеннымъ, будетъ наше государственное начало, на которомъ непоколебимо стоятъ тронъ и алтарь, собственно русское начало, русскій духъ, наша святыня. Въ заключеніи министръ возлагалъ свои особенныя надежды на московскій университетъ. Старый блюститель отечественнаго языка въ сердцѣ Россіи, предъ стѣнами священнаго Кремля, университетъ, безъ сомнѣнія, истребитъ вліяніемъ своимъ *необдуманные порывы* нѣкоторыхъ изъ прежнихъ его питомцевъ, *отдѣлившихъ* себя отъ *общихъ историческихъ мнѣній* не столько по какому-либо убѣжденію, сколько по *легкомыслію* и добродушной мечтательности.... Да слышится въ университетахъ имя русскаго, какъ слышится оно въ русскомъ народѣ, который, не мудрствуя лукаво, безъ *воображаемаго* словенства, сохранилъ вѣру отцевъ своихъ, языкъ, нравы, обычаи, или народность.

Здѣсь славянофилы почитаются легкомысленными мечтателями, отдѣлившимися отъ исторіи. Но осуждая строго славянофильскія тенденціи въ пользу традиціонныхъ, циркуляръ въ то же время чисто по славянофильски указываетъ на народъ, сохранившій въ чистотѣ русскую народность: такова была путаница понятій въ то время. Людей же, именно отстаивавшихъ эту самую народность, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, циркуляръ обвиняетъ въ преступной пропагандѣ и въ *отступленіи* отъ исторіи.

Во французскомъ письмѣ графъ С. С. Уваровъ сообщалъ графу С. Г. Строганову, что предметъ циркуляра очень тонкаго свойства и очень сложенъ. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы упрочить идею и предостеречь отъ *злоупотребленій*, на каковыя могло бы *соблазниться* юношество, легко увлекаемое воображеніемъ къ принятію видимостей за сущность. Строгановъ, усвоивъ себѣ смыслъ этой служебной бумаги, не приминетъ де содѣйствовать успѣху мѣръ, которыя въ сущности *предупредительны* и принимаются съ тою цѣлію, чтобы устранена была всякая возможность прибѣгать потомъ къ мѣрамъ другого свойства.

Изъ всѣхъ университетовъ, кромѣ московскаго, въ министерство народнаго просвѣщенія пришло извѣстіе о томъ, что приказаніе министра исполнено, о чемъ гр. Уваровъ и доложилъ Государю.

Но въ Москвѣ—всегдашній врагъ славянофиловъ, гр. Строгановъ почему то вдругъ оскорбился циркуляромъ министра и отказалъ своему начальнику въ повиновеніи, несмотря на Высочайшее одобреніе мыслей Уварова Государемъ. Въ рѣзкой, но весьма *неясно* изложенной *оффиціальной* бумагѣ онъ заявляетъ Уварову, что онъ „не преминулъ бы донести о томъ его Императорскому Величеству и всеподданѣйше представилъ ему мое *собственное* мнѣніе объ этомъ *странномъ* и необычномъ способѣ касаться *двусмысленными* и неопредѣленными выраженіями до столь важнаго и щекотливаго вопроса“; онъ „*усумнился* придерживаться *строгому* смыслу этого предложенія и дѣйствовалъ по сдѣланнымъ мнѣ указаніямъ или лучше сказать, продолжалъ дѣйствовать такъ, какъ *мнѣ* казалось полезнымъ для блага ввѣреннаго мнѣ университета“ (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. IX, стр. 235—241 passim).

10 іюля 1847 г. И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Окружную бумагу отъ министра московскій попечитель еще

держитъ у себя, но теперь *принужденъ* выполнить предписаніе высшаго начальства. Какъ онъ къ *себѣ* не примѣняетъ того, что̀ дѣлаетъ самъ съ начальникомъ? Что̀, еслибъ кто-нибудь изъ *его* подчиненныхъ не выполнилъ его предписанія?" мѣтко спрашиваетъ Давыдовъ. Въ другомъ письмѣ И. И. Давыдовъ съ злорадствомъ писалъ Погодину же: „Циркуляръ, вѣрно, уже прочтенъ въ университетѣ. Досталось же извѣстному лицу за неисполненіе предписаній начальства! Здѣсь всѣ убѣждены, что послѣ этого извѣстная особа должна идти въ отставку. Такъ думаетъ даже братъ извѣстнаго лица. *Дай Богъ!* Мы съ Вами порадуемся за астронома и другихъ тружениковъ, которые избавятся *кошмара*. Кромѣ жестокаго выговора, напоминанія о подчиненности, возвращено ему донесеніе его, какъ не дѣльное и дерзкое" (тамъ же, стр. 241, 242).

Императоръ Николай Павловичъ, не смотря на все расположеніе къ графу С. Г. Строганову, не могъ потерпѣть столь рѣзкаго нарушенія субординаціи. 3 августа 1847 г. графъ А. Ѳ. Орловъ писалъ гр. Строганову, что Государь Императоръ, прочитавъ его донесеніе министру, „изволилъ признать оное *въ высшей степени неприличнымъ* и не соотвѣтствующимъ тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ обязанъ находиться *подчиненный* къ своему начальнику". Донесеніе было возвращено и приложено при письмѣ—съ поставленіемъ на видъ, что С. Г. Строгановъ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ былъ выходить изъ надлежащаго уваженія къ своему начальнику; вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнялось въ обязанность немедленно исполнить циркул. предписаніе о славенофилахъ, данное Уваровымъ, и *предварительно* одобренное Его Императорскимъ Величествомъ. Въ концѣ графъ Орловъ указывалъ, что это сообщеніе сдѣлано черезъ него (а не черезъ статсъ-секретаря Танѣева и не черезъ *непосредственнаго начальника* его, министра)—„единственно изъ уваженія къ особѣ Вашей и

той извѣстной преданности, которую Вы всегда питали къ Императорскому Величеству". 3 ноября того же года графъ С. Г. Строгановъ подалъ уже въ отставку отъ мѣста попечителя, причемъ даже въ своемъ прошеніи не могъ воздержаться отъ выходокъ по адресу Уварова: „Это время довело меня до зрѣлаго убѣжденія, что понятія *мои* о службѣ Вашего Величества *не могутъ* сблизиться съ понятіями о ней Министра Народнаго Просвѣщенія. Опасаясь, что при постоянномъ *состязаніи* съ графомъ Уваровымъ, я легко могу преступить границы, указанныя мнѣ служебными отношеніями, и *не чувствуя* себя способнымъ оставаться *безмолвнымъ исполнителемъ его направленій*" etc. И. И. Давыдовъ въ письмахъ къ Погодину такъ комментировалъ происшествія: „Вы, безъ сомнѣнія, любопытствуете знать, какъ это случилось? Въ *гордости* и *надменности* своей Строгановъ думалъ, что его будутъ удерживать, или что дадутъ ему безсрочный отпускъ. Но колебанія не было ни минуты, и немедленно дано приказаніе представить кандидата. Въ одинъ день данъ указъ объ *отставкѣ* прежняго, на другой—назначенъ новый. Странная участь людей-*эгоистовъ*; паденію ихъ радуются и тѣ, которые ни мало не участвуютъ въ дѣлахъ университета.... Какой прекрасный урокъ гордости и невѣжеству!"... (тамъ же, стр. 241—244).

20 ноября того же года графъ С. Г. Строгановъ былъ уволенъ. Совѣтъ университета избралъ его своимъ почетнымъ членомъ, профессора съ 182 студентами и кандидатами поднесли ему (къ неудовольствію министра) альбомъ съ подписями.

Немудрено, что объ уходѣ Строганова сожалѣли западники вообще, и профессора западническаго направленія въ частности (не прозрѣвавшіе, что онъ съ высоты своего аристократизма видѣлъ въ нихъ лишь „орудія", какъ говоритъ Погодинъ, см. выше, стр. 199). Что же касается славянофиловъ,

то къ сужденію Н. П. Барсукова [1]), будто и они въ лицѣ Хомякова *тоже* выразили сожалѣніе, надобно дать разъясненіе: Хомяковъ сожалѣлъ объ уходѣ Строганова только потому, что на его мѣсто поступилъ попечителемъ пресловутый Д. П. Голохвастовъ. Его назначеніе Хомяковъ считалъ „мало, чѣмъ легче холеры". Хомяковъ жалѣлъ alma mater, который „плохо придется отъ новаго опекуна". Но въ лицѣ Строганова славянофилы теряли только безпощаднаго врага. Разумѣется, западники и уходъ гр. Строганова изображали въ благородной формѣ: „Строгановъ... отвѣчалъ Уварову, что, находя исполненіе этого предписанія противнымъ своей совѣсти, онъ скорѣе готовъ выйти въ отставку", писалъ Бѣлинскій (тамъ же).

За отмщеніемъ дѣло не стало. А. В. Никитенко отмѣчаетъ въ „Дневникѣ" (т. I, стр. 493—494, апрѣль 25—1848 г.): „По мѣрѣ того, какъ въ Европѣ рѣшаются вопросы всемірной важности, у насъ тоже разыгрывается драма... невыразимо печальная для лицъ, съ нею соприкосновенныхъ. Нѣсколько убогихъ литераторовъ съ *Булгаринымъ*, *Калашниковымъ и Борисомъ Ѳедоровымъ* во главѣ—еще до европейскихъ событій пытались очернить въ глазахъ правительства многіе изъ нашихъ журналовъ, особенно „Отечественныя Записки" и „Современникъ".

Но едва раздался громъ европейскихъ переворотовъ, какъ въ *качествѣ доносчиковъ* выступили и лица, гораздо болѣе *сильныя* и опасныя. Графъ С. Г. Строгановъ, бывшій попечитель московскаго университета, *движимый злобой* на министра народнаго просвѣщенія Уварова, который былъ причиною увольненія его отъ должности попечителя, представилъ Государю *записку* объ *ужасныхъ* идеяхъ, будто бы *господствующихъ* въ нашей литературѣ—особенно въ журналахъ, благо-

---

[1]) Стр. 246 тамъ же.

даря *слабости министра* и его цензуры. Баронъ М. А. Корфъ, желая *свергнуть* графа Уварова, чтобы занять *его* постъ, представилъ другую—такую же записку. И вотъ въ городѣ вдругъ узнаютъ, что вслѣдствіе этихъ *доносовъ* учрежденъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ морского министра князя *Меньшикова* и съ участіемъ слѣдующихъ лицъ: *Бутурлина*, *Корфа*, графа *Строганова* (брата бывшаго попечителя), *Дегая* и *Дуббельта*. Цѣль и значеніе этого комитета были облечены *таинственностью*, и отъ того онъ казался еще *страшнѣе*. Наконецъ постепенно выяснилось, что комитетъ учрежденъ для изслѣдованія нынѣшняго направленія русской литературы, преимущественно журналовъ, и для выработки мѣръ обузданія ея на будущее время. *Паническій страхъ* овладѣлъ умами. Распространились слухи, что комитетъ особенно занятъ отыскиваніемъ вредныхъ идей коммунизма, соціализма, всякаго либерализма, истолкованіемъ ихъ и *измышленіемъ жестокихъ наказаній* лицамъ, которыя излагали ихъ печатно, или съ вѣдома которыхъ онѣ проникали въ публику. „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, какъ водится, поставлены были во главѣ виновниковъ распространенія этихъ идей. Министръ Народнаго Просвѣщенія *не былъ* приглашенъ въ засѣданія комитета; ни отъ кого не требовали объясненій, никому не дали знать, въ чемъ его обвиняютъ, а между тѣмъ обвиненія были *тяжкія*. *Ужасъ* овладѣлъ *всѣми* мыслящими и пишущими. *Тайные доносы* и шпіонство еще болѣе усложняли дѣло. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что онъ можетъ оказаться послѣднимъ въ кругу родныхъ и друзей“.

Итакъ, графъ С. Г. Строгановъ, якобы „меценатъ“, своимъ *доносомъ* по личной злобѣ на Уварова—былъ виновникомъ учрежденія тяжелой памяти Бутурлинскаго комитета, положительно сметавшаго русскую литературу съ лица земли —одинаково и славянофиловъ, и западниковъ. Къ характе-

ристикѣ Никитенка добавлять нечего. Ударъ долженъ былъ разразиться даже преимущественно надъ западниками, недавними протеже графа С. Г. Строганова. А это и доказываетъ, что послѣдній не имѣлъ никакой общей принципіальной почвы ни съ западниками, ни съ литераторами вообще.

Въ „Дневникѣ" Погодина подъ 17 апрѣля 1848 г. мы встрѣчаемся съ слѣдующею записью: „Просто Петербургъ не имѣетъ ни смысла, ни ума, испугался и потерялся и даже опасается Москвы, не будетъ ли чего тамъ; *доносы Строганова* и пр." (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. IX, стр. 281—282).

Очевидно, что графъ С. Г. Строгановъ энергично дѣйствовалъ черезъ брата въ сказанномъ негласномъ комитетѣ цензуры надъ цензурою; на это мы встрѣчаемъ указанія Грановскаго. Протеже Строганова, Т. Н. Грановскій „смутилъ" Погодина своими извѣстіями: „Встрѣтился вчера со мной на улицѣ Грановскій", писалъ онъ Шевыреву, „и разсказалъ столько ужасовъ о Петербургѣ, теперешнемъ направленіи, что морозъ по кожѣ подираетъ.... Въ ужасномъ времени мы живемъ.... Я непремѣнно уничтожилъ бы журналъ, не смотря на всѣ виды, если бы не опасался такою внезапностью подать поводъ къ обвиненіямъ и подозрѣніямъ. *О Строгановѣ* сказалъ *Грановскій*: „Онъ такія вещи сдѣлалъ въ послѣднее время, *которыхъ искупить* трудно. Булгарину орденъ, Гречъ—тайный совѣтникъ.... О какое время! Совѣстно даже быть спокойну... Уваровъ сказалъ Грановскому, что все министерство народнаго просвѣщенія вообще было въ опасности.... Не говорите ни слова о литературѣ, ни о вліяніи ея. Мы сами были обвинены..." (тамъ же, стр. 282).

Дѣйствительно, Комитетъ не шутилъ; 11 марта 1848 г. онъ пригласилъ редакторовъ, которымъ было объявлено: „Его Императорское Величество повелѣлъ предупредить редакторовъ, что за всякое дурное направленіе статей ихъ

журналовъ, хотя бы оно выражалось косвенными намеками, *они лично* подвергнутся *строгой отвѣтственности, независимо* отъ отвѣтственной цензуры" (тамъ же, стр. 282—283).

Строгановъ отомстилъ Уварову, но Уваровъ опять отомстилъ Строганову, лишивъ его званія предсѣдателя общества исторіи и древностей и подведя его подъ Высочайшій выговоръ. „Въ сентябрѣ (Никитенко, „Дневникъ", т. I, стр. 495—496, декабрь 1) Уваровъ ѣздилъ въ Москву. Тамошнее „Общество исторіи и древностей", состоящее подъ предсѣдательствомъ Строганова, занималось въ это время печатаніемъ въ русскомъ переводѣ записокъ *Флетчера* (ср. выше, стр. 213). Изданіе это предпринято на основаніе статьи цензурнаго устава, разрѣшающей печатать безъ исключенія предосудительныхъ для Россіи мѣстъ, все, что̀ пишется о ней до водворенія дома Романовыхъ. Графъ Строгановъ лично разрѣшилъ Записки Флетчера, въ которыхъ невыгодно говорится объ Іоаннѣ IV, Ѳеодорѣ и о разныхъ обрядахъ нашей церкви, что̀ впрочемъ давно уже напечатано въ запискахъ *Бера*.... Уваровъ приказалъ остановить печатаніе и довелъ это до свѣдѣнія Государя. Послѣдовало повелѣніе: объявить графу Строганову строжайшій выговоръ черезъ московскаго генералъ-губернатора. Это—неслыханный случай съ генералъ-адъютантомъ. Говорятъ, что *Закревскій* не поцеремонился и послалъ къ графу Строганову квартальнаго надзирателя съ приглашеніемъ явиться къ нему для полученія выговора"....
(*А. В. Никитенко*, Записки и „Дневникъ" т. I, тамъ же).
„Графъ Уваровъ сбросилъ графа Строганова съ мѣста попечителя въ московскомъ университетѣ. Строгановъ отомстилъ ему въ мартѣ, представивъ Государю записку о либерализмѣ, коммунизмѣ и соціализмѣ, господствующихъ въ цензурѣ и во всемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ что графъ Уваровъ самъ едва удержался на мѣстѣ.... Строгановъ „нагадилъ" Уварову, Уваровъ Строганову. Это въ порядкѣ вещей

на Святой Руси, гдѣ такія явленія только доказываютъ обычную и глубокую *безнравственность*, къ которой всѣ привыкли. Но за что погибла книга Флетчера—книга полезная для нашей исторіи? за что пострадалъ секретарь общества Бодянскій, котораго велѣли удалить въ Казань? за что парализовано „Общество", оказавшее не мало услугъ наукѣ?"

Любопытно, что и доносъ на него Уварову графъ С. Г. Строгановъ приписалъ Погодину и Шевыреву, зная, что онъ заслужилъ съ ихъ стороны возможность мщенія черезъ одолѣвшаго въ довѣріи Государя министра гр. С. С. Уварова, къ которому они оба были близки. Графъ вовсе не дѣлалъ изъ своихъ предположеній тайны, ибо этотъ скверный слухъ насчетъ Шевырева и Погодина живо разнесся по Москвѣ. См. у Н. П. Барсукова, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. X, стр. 160—165, особенно, стр. 162—163, слова *А. Е. Студитскаго* („меморандумъ" для гг. Погодина и Шевырева): „во все время пребыванія министра (Уварова) въ Москвѣ вы были вмѣстѣ съ нимъ, и *слѣдовательно*, строили разные ковы и ухищренія противъ гг. Президента (замѣтьте, какъ Президента) и Секретаря Историческаго Общества. Развивая эту мысль, помянутый Президентъ (т. е. С. Г. Строгановъ) замѣтилъ, что „*отъ Погодина* онъ ожидалъ *всего*, но никогда не думалъ, чтобы Шевыревъ, котораго онъ всегда считалъ человѣкомъ добросовѣстнымъ, пожертвовалъ интересомъ дѣла —личной ненависти [1]). Мнѣ это передано въ одномъ мѣстѣ, какъ общественный слухъ; въ другомъ—какъ обвиненіе, именно *высказанное* гр. Строгановымъ.... Между прочимъ, замѣтьте, что для произнесенія этого обвиненія выбрана минута очень удобная: въ подробностяхъ оно высказано вскорѣ по полученіи бумаги изъ Петербурга, когда *впечат-*

---

[1]) Однако, самъ онъ сдѣлалъ то же самое по отношенію къ гр. Уварову (см. выше стр. 246).

лѣніе было". *Клевета* эта до такой степени была распространена въ Москвѣ, что даже *Ю. Ѳ. Самаринъ* ей повѣрилъ"... Повѣрилъ ей и А. В. Никитенко.

Но и лишившись предсѣдательскаго кресла въ Обществѣ, гр. С. Г. Строгановъ не унимался. На засѣданіи 2 ноября 1848 г. онъ позволилъ себѣ выходку противъ гр. С. С. Уварова, о которой Погодинъ (тамъ же, стр. 176) пишетъ: „Къ Шевыреву, и поѣхали къ Голохвастову за совѣтами. Строгановъ назвалъ дѣйствіе министра *пристрастнымъ*. Шевыревъ вспылилъ и сказалъ ему такую жестокую рѣчь, что я испугался"... И. И. Давыдовъ отзывался о томъ же: „Нѣсколько словъ о пресловутомъ Вашемъ засѣданіи, гдѣ (бывшій) Предсѣдатель позволилъ себѣ *дерзость*—назвать дѣйствія верховнаго начальника *пристрастными*. Вы съ С. П. Шевыревымъ вступились и показали *нелѣпость* дерзости; но вѣдь вы дѣла не кончили юридически. Слѣдовало или настоять, чтобъ этотъ эпитетъ былъ записанъ въ протоколъ, или оставить засѣданіе. Но вы не сдѣлали ни того, ни другого, изъ чего-жъ хлопотали? Вотъ, до какой степени прежній Предсѣдатель, онъ же и попечитель, убилъ *самостоятельность и личность* каждаго, что въ его присутствіи всѣ забывали драгоцѣнное право *человѣчности*".

Финалъ борьбы графовъ Уварова и Строганова былъ такой:

„Бывши у Государя", говоритъ графъ Строгановъ, „послѣ обѣда я отошелъ съ нимъ къ камину, гдѣ, закуривъ сигарки, онъ спросилъ меня: „Что ты тамъ печатаешь такое?" —„Государь", отвѣчалъ я, „я печаталъ такое, что̀ всегда готовъ напечатать. Флетчерово сочиненіе относится къ царствованію Ивана Грознаго и сына его Ѳеодора; все худое, замѣченное иностранцемъ о Руси того времени, не относится къ нынѣшней, ничѣмъ не нее непохожей. Уваровъ по личной ко мнѣ враждѣ рѣшился надѣлать изъ этого шуму и представить

В. В-ву, какъ нѣчто зловредное. А я между тѣмъ напечаталъ его въ журналѣ ученаго Общества, бывшаго подъ моимъ предсѣдательствомъ, имѣвшаго весьма тѣсный кругъ читателей, преимущественно, ученыхъ, изъ коихъ, когда объявлена была мною на послѣдній годъ подписка, однихъ архіереевъ изъявило желаніе получить его 33, т. е. изъ всѣхъ, къ кому было сдѣлано отъ меня отношеніе, только 2 не подписались". —Но и *архіереямъ не все* можно дозволять читать!"—„Такъ, Государь, но если ученымъ мы будемъ не дозволять знать и худую сторону нашу, тогда и въ доброй—свѣтъ усомнится".—„Хорошо, хорошо", подхватилъ тогда Государь, „мы все это уладимъ скоро,—и пострадавшій отъ Уварова *возвратится* непремѣнно на свое мѣсто, когда тотъ не будетъ болѣе министромъ, а это, говорю тебѣ, скоро наступитъ! И точно, ровно черезъ годъ (20 окт. 1849 г.) Уваровъ не былъ уже болѣе министромъ". Но и „пострадавшій" не возвратился на свое прежнее мѣсто (*А. А. Кочубинскаго*, О. М. Бодянскій въ его дневникѣ, „Историческій Вѣстникъ", т. 30, дек. 1887 г., стр. 517). Не осуществились также его мечты стать на мѣсто Уварова министромъ народнаго просвѣщенія или президентомъ Академіи Наукъ.

„Разговаривая съ графомъ С. Г. Строгановымъ, пришли къ Министерству Народнаго Просвѣщенія и Академіи Наукъ. Если бы мнѣ когда привелось быть министромъ просвѣщенія, первое, на что обратилъ бы я свое особенное вниманіе, была бы Академія наукъ. Надобно, чтобы она была *чисто-русская*, изъ однихъ русскихъ. Что до того, что мы, конечно, во многомъ не можемъ еще тягаться съ другими? Со временемъ потягаемся и въ этомъ. А теперь—главное, чтобы мы воздѣлывали свое сами, а не чужими руками. Только *свой о своемъ* можетъ радѣть, какъ слѣдуетъ, а наемникъ—наемникъ" [1]).

---

[1]) Сборникъ Общества любителей русской словесности на 1891 г., М., стр. 125, «Выдержки изъ дневника О. М. Бодянскаго», сентября 24 дня 1854 г.

Февраля 18 дня (1855 г.). „Въ 2 часа отправился къ графу С. Г. Строганову, прибывшему утромъ 16-го изъ Петербурга. Я ему вручилъ книгу свою съ положеніями, разсказомъ о пріемѣ меня попечителемъ 5 февраля и узналъ отъ него о разговорѣ его съ Наслѣдницей, спросившей, почему онъ не захотѣлъ остаться на юбилеѣ нашего университета. „Потому, что я вообще не охотникъ до *комедій*", отвѣчалъ онъ, „а тѣмъ болѣе *комедій торжественныхъ*; безъ нихъ же это торжество не могло обойтись, судя по приготовленіямъ къ нему"; и тутъ же разсказалъ ей все, что только зналъ объ этомъ, съ чѣмъ она и согласилась вполнѣ" [1]).

Неизвѣстно, такъ ли разсуждалъ бы гр. С. Г. Строгановъ, если бы онъ былъ самъ попечителемъ въ годъ юбилея.

Въ исполненіи должности воспитателя при безвременно угасшемъ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ графъ С. Г. Строгановъ не снискалъ себѣ ни сочувствія, ни одобренія; а смерть Наслѣдника вызвала даже негодованіе противъ воспитателя, какъ въ ближайшихъ, такъ и въ отдаленныхъ кругахъ общества. Настроеніе общества можно прослѣдить по отмѣткамъ въ „Дневникѣ" А. В. Никитенка.

7 апрѣля 1865 г., среда. „Вчера получены самыя прискорбныя вѣсти о Наслѣдникѣ: онъ умираетъ. Государь вчера собирался ѣхать къ нему. Въ такъ называемомъ интеллигентномъ обществѣ *мало* участія къ этой великой скорби отца и Царя-Освободителя, но народъ будетъ глубоко огорченъ" (Дневникъ, т. II, стр. 20, въ отд. изданіи *пропущено* (!) объ интеллигенціи) [2]).

12. Понедѣльникъ... „Впервые услышалъ я прискорбную вѣсть о смерти Наслѣдника Цесаревича Николая Александ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 129.

[2]) Мѣсто возстановлено по «Русской Старинѣ» за 1891 г., т. 70, г. 22, іюнь, стр. 637. Очевидно, что чья то заботливая рука посгладила «Записки» Никитенка. Нельзя не пожалѣть о столь тенденціозномъ кастрированіи важныхъ историческихъ матеріаловъ.

ровича... Грустно, очень грустно... Въ *публикѣ страшное негодованіе противъ графа С. Г. Строганова.* Въ самомъ дѣлѣ, что̀ дѣлалъ онъ эти три года, которые провелъ при Наслѣдникѣ? Почему скрылъ онъ его болѣзненное состояніе, если о немъ зналъ, и почему не зналъ, если не зналъ?" (стр. 21).

13. Вторникъ. „Заходилъ къ Гончарову—Ничего!.... Вмѣстѣ посѣтовали и *побранили* гр. С. Г. Строганова" (22).

19. Понедѣльникъ. „*Вездѣ* почти *единогласно* слышишь *укоризны* гр. С. Г. Строганову" (23).

25. Воскресенье. „Поутру у Стасюлевича. Онъ три года былъ преподавателемъ исторіи у покойнаго Наслѣдника: Наслѣдникъ, говоритъ онъ, учился очень хорошо и вообще былъ прекрасный человѣкъ. Ста-чъ не можетъ вспомнить о немъ безъ глубокой скорби и умиленія. Онъ показывалъ мнѣ тетради, въ которыхъ царственный юноша записывалъ свои уроки изъ исторіи [1]). Видна особенная тщательность въ занятіяхъ. (Графа С. Г.) Строганова покойный наслѣдникъ *не любилъ*, да и *трудно* любить этого *холоднаго* и сухого человѣка.

Вотъ образчикъ того, какъ въ народѣ смотрятъ на кончину Цесаревича Николая Александровича. Во время Ломоносовскаго обѣда въ залѣ Дворянскаго собранія возлѣ С—ча сидѣлъ какой то купецъ. Когда былъ провозглашенъ тостъ за Наслѣдника—тогда было извѣстно еще только, что онъ опасно боленъ—зала огласилась восторженными криками въ честь его и пожеланіями ему выздоровленія. Крики не умолкали въ теченіи пяти минутъ. С—ча это такъ тронуло, что у него показались слезы на глазахъ. Его сосѣдъ купецъ это замѣтилъ и спросилъ: „Видно, Вы очень любите Наслѣдника?"—„Да", отвѣчалъ С., „потому что знаю его хорошо: я былъ его учителемъ".—„Учителемъ?" повторилъ купецъ:

---

[1]) Ср. «Исторію среднихъ вѣковъ», т. III, предисловіе, стр. V—XII («Изъ Прошедшаго»).

„Ну хорошо, что Вы были его учителемъ, а не *дядькою*, а то Васъ стоило бы *разорвать* на клочки!“ (24—25).

Май 20. Четвергъ. „Всѣхъ умнѣе, кажется, велъ себя докторъ *Здекауеръ*. Онъ еще въ январѣ объяснялъ Государю и Строганову, какъ сомнительно положеніе Наслѣдника, и какой осторожности и вниманія оно требуетъ. Н. Ѳ. Здекауеръ, между прочимъ, никакъ не совѣтовалъ ему купаться въ морѣ“ (стр. 29).

27. Четвергъ. „Графъ С. Г. Строгановъ, говорятъ, игралъ самую жалкую роль во время всей похоронной церемоніи: къ нему *никто* не подходилъ, никто не заводилъ съ нимъ рѣчи“ (32).

Отъ упрековъ, сыпавшихся тогда на графа С. Г. Строганова, пытается защитить его *Ѳ. А. Оомъ*.

„Сколько грѣха приняли на себя тѣ лица, которыя упрекали графа въ суровости, въ жестокости, въ излишнемъ напряженіи умственныхъ силъ Цесаревича! Почему при жизни его не спрашивали они его самого, страдаетъ ли онъ подъ этимъ нравственнымъ гнетомъ?.... Мнѣ случилось прочесть письмо, въ которомъ приближенная къ Императрицѣ особа писала въ Москву, будто графъ не хотѣлъ даже проститься съ тѣломъ Цесаревича послѣ кончины его, ибо немедленно уѣхалъ домой, будто на другой день уже подойдя къ одру, на которомъ лежалъ безжизненный трупъ дорогого воспитанника, онъ костылемъ своимъ приподнялъ вуаль, которою былъ прикрытъ ликъ его“ (Воспоминанія Ѳедора Адольфовича *Оома*, стр. 47 въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1896 г. (г. 34), III, 9, ст. II).

Однако и самъ Ѳ. А. Оомъ сообщаетъ такой фактъ:

„Пріѣхала Императрица (Марія Александровна) и вошла къ (умирающему) Цесаревичу. Анна Ѳеодоровна Тютчева стала требовать *священника* и распоряжаться безъ спросу и вѣдома тѣхъ, которые болѣе имѣли права на эти распо-

ряженія. Графъ Строгановъ, нисколько не стѣсняясь, замѣтилъ ей: Vous n' avez rien à dire et à faire içi; allez vous en. Эти рѣзкія слова послужили поводомъ къ обвиненіямъ старика и къ измышленіямъ на его счетъ, которыхъ онъ, конечно, не заслуживалъ" (тамъ же стр. 43).

Въ исторіи одного изъ величайшихъ дѣяній Царя-Освободителя—уничтоженіи крѣпостного права графъ С. Г. Строгановъ не только не показалъ сочувствія къ идеѣ Государя, столь отличавшаго его, но даже прямо примкнулъ къ группѣ тѣхъ ожесточенныхъ крѣпостниковъ, которые, видя свое дѣло благодаря безповоротному рѣшенію Императора проиграннымъ, пытались такъ или иначе противодѣйствовать намѣреніямъ правительства.

„На Москву было обращено вниманіе всей Россіи; отъ нея ожидали обороны дворянскихъ правъ и матеріальныхъ интересовъ. На ея силу надѣялись.

Въ члены тамошняго комитета наше крупное землевладѣліе, защищавшее освобожденіе крестьянъ по примѣру Англіи *безъ земли,* выслало такихъ своихъ представителей, каковы были князь *А. С. Меньшиковъ* и графъ *С. Г. Строгановъ.* Оба они не могли равнодушно говорить ни объ освобожденіи крестьянъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно предполагалось, ни о *лицахъ*, участвовавшихъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Этимъ ревностнымъ защитникамъ англійскихъ началъ тогда и въ голову не приходило, чтобы дѣло могло разрѣшиться предоставленіемъ крестьянамъ земли въ собственность. Странная судьба нашихъ защитниковъ иностранныхъ порядковъ! Наши аристократы приходили въ негодованіе за то, что Государь не послушался ихъ и не освободилъ крестьянъ на основаніи *англійскихъ* началъ, а нашъ Государь во время пребыванія его въ 1874 г. въ *Лондонѣ* былъ предметомъ самыхъ торжественныхъ и самыхъ популярныхъ овацій именно за то, что онъ освободилъ крестьянъ съ землей.

Московскій комитетъ открывалъ походъ противъ усадебной осѣдлости и въ одномъ изъ своихъ журналовъ постановилъ считать подъ „усадебной осѣдлостію“ однѣ только крестьянскія строенія. Государь принялъ московское дворянство въ послѣдній день пребыванія своего въ Москвѣ. При этомъ пріемѣ онъ сказалъ довольно длинную, глубокопрочувствованную и энергическую рѣчь: „Мнѣ, господа, пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство, но *противъ совѣсти* говорить—не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду, и къ сожалѣнію, благодарить васъ теперь не могу.... Когда вслѣдствіе вызова петербургской и литовскихъ губерній даны мной рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется, но отозвалось нижегородское, а московская губернія—не первая, не вторая, даже и не третья. Это мнѣ было прискорбно.... Помните, что на московскую губернію смотритъ вся Россія. Я готовъ всегда сдѣлать для васъ все, что̀ могу,—дайте же мнѣ возможность стоять за васъ... Я подъ усадебной осѣдлостью понимаю не однѣ строенія, но и всю (усадебную) землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобы я могъ за васъ стоять. Этимъ вы *оправдаете* мою къ вамъ довѣренность“....

Рѣчь эта, какъ и слѣдовало ожидать, произвела на московскихъ дворянъ сильное впечатлѣніе. Едва ли не сейчасъ послѣ этой рѣчи князь А. С. Меньшиковъ и графъ С. Г. Строгановъ оставили московскій комитетъ: по крайней мѣрѣ, въ спискѣ членовъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ, приложенномъ къ „Сборнику правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу“ внесены по Серпуховскому и Клинскому уѣздамъ другія лица съ отмѣткой: „на мѣсто генералъ-адъютантовъ графа Строганова и князя Меньшикова“... („Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ“, глава V, стр. 418—420 въ „Русской Старинѣ“ за 1882 г., г. XIII, т. 34, май, ст. III).

Н. П. Семеновъ въ своемъ сочиненіи „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“ (Томъ II-ой, Второй періодъ занятій) сообщаетъ тоже о роли графа С. Г. Строганова въ крестьянскомъ вопросѣ:

„Изъ лицъ, занимавшихъ тогда высшее положеніе въ государствѣ, мало сочувствовавшими освобожденію крестьянъ съ надѣломъ землею, Ростовцевъ считалъ князя П. П. Гагарина, М. Н. Муравьева, графа *С. Г. Строганова* и графа В. Н. Панина и конечно—по тому самому *не думалъ* о нихъ, какъ о своихъ преемникахъ, сообщая неоднократно, *чего* отъ нихъ ожидаетъ по отношенію къ крестьянскому дѣлу, когда оно будетъ проходить черезъ Государственный Совѣтъ“ (стр. 631).

„Петръ Семеновъ доложилъ (Государю), что совершенно въ иномъ отношеніи къ крестьянскому дѣлу, по мнѣнію Ростовцева (чѣмъ М. Н. Муравьевъ), находились графъ С. Г. Строгановъ и графъ В. Н. Панинъ, землевладѣльцы крупные, великодушные, не имѣющіе никакихъ личныхъ, мелкихъ, и тѣмъ болѣе корыстныхъ интересовъ въ этомъ дѣлѣ, готовые лично нести всякія матеріальныя жертвы для блага отечества и уже *помирившіеся* (sic) съ мыслію о *необходимости* освобожденія крестьянъ. Ростовцевъ былъ увѣренъ, что графъ Строгановъ никогда не будетъ энергическимъ оппонентомъ проекта Редакціонныхъ Коммиссій, что онъ даже ему сочувствуетъ (?) въ общихъ чертахъ, расходясь лишь въ нѣкоторыхъ, *весьма важныхъ*, однако, вопросахъ о способѣ надѣленія крестьянъ *землею* и о *вотчинной* полиціи“ (стр. 632).

„Послѣ кончины Ростовцова въ столицѣ носились слухи, что Государь предлагалъ занять мѣсто предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій графу Сергію Григорьевичу Строганову (состоявшему тогда попечителемъ при въ Бозѣ почившемъ Наслѣдникѣ престола Николаѣ Александровичѣ), который отклонилъ отъ себя это назначеніе“ (стр. 663).

Любопытная книжка „Письма изъ Москвы", 1882 г. (письмо I, отъ 28 мая, стр. 20) называетъ графа С. Г. Строганова „злымъ геніемъ реакціи—начиная съ 1866 г., когда онъ былъ призванъ на совѣтъ и наградилъ насъ между прочимъ министромъ народнаго просвѣщенія, бывшимъ тогда его протеже, а впослѣдствіи врагомъ—графомъ Д. А... Графъ былъ также участникомъ засѣданія 8 марта 1881 года [1]).

Графъ С. Г. Строгановъ избралъ многихъ талантливыхъ молодыхъ людей и устроилъ ихъ при университетѣ; но изъ-за него же Московскій университетъ потерялъ своего великаго воспитанника, *Н. И. Пирогова*, которому, не смотря на все его желаніе, не пришлось быть на Московской каѳедрѣ. Вотъ какъ драматически объ этомъ разсказываетъ самъ потерпѣвшій:

„Первая новость, услышанная мною въ Дерптѣ, была та, что я покуда остался за штатомъ и прогулялъ мое мѣсто въ Москвѣ. Я узналъ, что попечитель Московскаго университета, Строгановъ, настоялъ у министра объ опредѣленіи на каѳедру хирургіи въ Москвѣ *Иноземцева.*

Первое впечатлѣніе отъ этой новости было, сколько помню, очень тяжелое...

Это онъ назначенъ былъ разрушить мои мечты и лишить меня, мою бѣдную мать и бѣдныхъ сестеръ перваго счастія въ жизни! Сколько счастья доставляло и имъ, и мнѣ думать о томъ днѣ, когда, наконецъ, я явлюсь къ нимъ, чтобы жить вмѣстѣ и отблагодарить ихъ за всѣ ихъ попеченія обо мнѣ въ тяжкое время сиротства и нищенства! И вдругъ всѣ надежды, всѣ счастливыя мечты, все пошло прахомъ!

Но чѣмъ же тутъ виноватъ Иноземцевъ?

---

[1]) Объ этомъ засѣданіи можно прочесть въ брошюрѣ Льва Тихомирова, «Конституціоналисты въ эпоху 1881 г.» М. 1895, стр. 82—85.

Да развѣ онъ не зналъ моихъ намѣреній и надеждъ? развѣ онъ не слыхалъ отъ меня, что старуха мать и двѣ сестры ждутъ меня съ нетерпѣніемъ въ Москву? Развѣ ему неизвѣстно было, что̀ я отвѣчалъ на послѣдній вопросъ въ Берлинъ изъ Москвы?

Но онъ не могъ устоять противъ требованія и желанія Строганова? Во первыхъ это, вѣрно, не такъ: Иноземцевъ умѣлъ сдѣлать себя пріятнымъ и отъ природы снабженъ былъ средствами для этой цѣли; а во-вторыхъ, развѣ совѣсть и долгъ чести не требовали отъ товарища, чтобы онъ отказался отъ предлагаемаго, если на это предложеніе имѣлъ гораздо болѣе права не онъ, а другой?

И какова заботливость начальства!

Оно *само* выбираетъ, само *назначаетъ* человѣка, само узнаетъ отъ него, что онъ желаетъ дѣйствовать именно въ томъ университетѣ, гдѣ онъ получилъ образованіе, и гдѣ онъ былъ избранъ для дальнѣйшаго усовершенствованія—и что же? лишь только пришла бѣда, *болѣзнь*, его *забываютъ* и спѣшатъ *его* мѣсто замѣнить другимъ! Да, этотъ другой понравился, *имѣлъ счастіе* понравиться его сіятельству; а кто знаетъ, понравился ли бы еще я? Пожалуй, могло быть и еще хуже,—могло быть, что мнѣ, и здоровому, и прибывшему въ Петербургъ, вліятельный графъ *предпочелъ бы* моего товарища.... (Н. И. Пироговъ, Сочиненія, т. I, стр. 453—454, „Дневникъ стараго врача“).

На мѣстѣ попечителя московскаго учебнаго округа графъ сумѣлъ снискать себѣ симпатіи со стороны студентовъ. Здѣсь является свидѣтелемъ Ѳ. И. Буслаевъ (Мои воспоминанія, стр. 109—111).

„Послѣ двухлѣтняго гнета подъ ферулою Дмитрія Павловича Голохвастова, мы—студенты 1834 г. могли вполнѣ оцѣнить и радостно почувствовать на себѣ самихъ благотворную силу обновленія во всемъ строѣ университетской жизни. Предшественникъ графа Строганова, кн. Сергій Михайловичъ Голицинъ, знаменитый и первый вельможа въ Москвѣ и тоже любимецъ Императора Николая, былъ человѣкъ рѣшительно добрый и благотворительный,—но странное дѣло, ровно ничего для университета не дѣлалъ, а вполнѣ предоставлялъ Голохвастову дѣлать все, что̀ угодно. Онъ даже какъ будто вовсе и не любилъ университета и при насъ въ теченіи 2 лѣтъ ни разу не былъ въ аудиторіяхъ на лекціи; только однажды посѣтилъ онъ нашу казенную столовую во время обѣда, прошелся взадъ и впередъ между столами, и закинувъ голову, смотрѣлъ по верхамъ въ потолокъ, на студентовъ же вовсе ни на кого и не взглянулъ. Графъ же Строгановъ чуть не каждый день посѣщалъ лекціи профессоровъ и внимательно слушалъ каждую сначала до конца, никогда не оскорбляя профессора преждевременнымъ

выходомъ изъ аудиторіи; а во время переходныхъ и выпускныхъ экзаменовъ любилъ знакомиться съ успѣхами и способностями экзаменующихся студентовъ и съ особеннымъ вниманіемъ и участіемъ слѣдилъ за тѣми изъ нихъ, которые были уже у него на примѣтѣ по дарованіямъ и прилежанію. Такихъ онъ прочилъ для будущаго ихъ назначенія въ профессора или въ учителя, какъ напр., Соловьева, Каткова, Селина, Кудрявцева, Шестакова, Кавелина, Ершова, Давыдова, Авилова. Столько же слѣдилъ онъ и за преподаваніемъ въ гимназіи, и присутствуя на урокахъ, знакомился съ учителями и съ даровитѣйшими изъ учениковъ, изъ которыхъ многіе и потомъ всегда пользовались его вниманіемъ и покровительствомъ, какъ напр., *Басистовъ*, ученикъ II московской гимназіи, впослѣдствіи извѣстный педагогъ и литераторъ.....

Графъ не оставлялъ безъ вниманія и низшихъ школъ, и посѣщая ихъ время отъ времени, лично наблюдалъ за успѣхами преподавателей, а иногда и учениковъ, съ которыми любилъ разговаривать, чтобы знакомиться съ ихъ способностями. Вотъ одинъ анекдотъ, который онъ самъ разсказывалъ мнѣ. Однажды въ какомъ то приходскомъ училищѣ онъ былъ на урокѣ изъ катехизиса. Дѣло шло о единомъ Господѣ Богѣ въ трехъ Ипостасяхъ. Законоучитель вызвалъ одного ученика лѣтъ 7 повторить сказанное и объясненное. Мальчуганъ, съ серьезною и спокойною миною, не стѣсняясь присутствіемъ начальства, медленно и твердымъ голосомъ передалъ ученіе о Богѣ Отцѣ, о Богѣ Сынѣ и о Святомъ Духѣ. Графъ, заинтересованный даровитымъ мальчикомъ, спросилъ его: „Ну, а какъ же ты самъ понимаешь, что̀ такое Святой Духъ?“—Мальчикъ подумалъ и, не торопясь, отвѣчалъ: „птица“. —„Какая же птица?“ воздерживаясь отъ улыбки, спросилъ графъ. Мальчуганъ опять подумалъ и такъ же медленно проговорилъ: „*курица*“. Съ трудомъ превозмогая себя, чтобы не расхохотаться, графъ серьезно и ласково спросилъ его: „По-

чему же ты это знаешь, мой милый?"—„А потому"—отвѣчалъ тотъ немедленно и съ увѣренностью, „что *самъ* видѣлъ на образѣ въ церкви".

„Этотъ отвѣтъ", присовокупилъ графъ къ своему разсказу, „окончательно убѣдилъ меня въ даровитости и въ смѣтливой находчивости 7-ми лѣтняго ребенка. Дѣйствительно, на старинныхъ иконахъ символическій голубь не летитъ съ распростертыми крыльями, а стоитъ смирно, подобравъ и прижавши ихъ къ себѣ, и кажется какъ есть дворовою птицею, если намалеванъ неумѣлою рукою сельскаго иконописца".

Въ первый же годъ своего попечительства графъ Строгановъ *оказалъ великую услугу* народному просвѣщенію, *примиривъ* Государя Императора съ Московскимъ университетомъ, который онъ не переставалъ держать въ опалѣ со времени печальной исторіи, окончившейся солдатчиною Полежаева и ссылкою Герцена. Николай Павловичъ называлъ нашъ университетъ „волчьимъ гнѣздомъ", и когда случалось ему проѣзжать *мимо него, долго* оставался въ *дурномъ* расположеніи духа. Потому надобно признать за *особую* его милость къ графу Строганову, что онъ соблаговолилъ посѣтить вмѣстѣ съ нимъ Московскій университетъ и казеннокоштное общежитіе. Не знаю, какъ въ другихъ номерахъ, но въ нашемъ попечитель представилъ Государю всѣхъ насъ до одного, особенно рекомендуя нѣкоторыхъ по успѣшнымъ занятіямъ въ той или другой спеціальности филологическаго факультета. Хорошо помню, что Шестаковъ (Сергій Дмитріевичъ), будущій профессоръ римской словесности, былъ рекомендованъ ему, какъ отличный латинистъ.

Графъ Строгановъ непремѣнно долженъ былъ въ скорѣйшемъ времени *снискать расположеніе* Царя къ московскому университету, чтобы оправдать въ его глазахъ помѣщеніе своего собственнаго сына въ корпорацію студентовъ, которая до сего времени была заподозрѣна правительствомъ. Актъ

примиренія верховной власти съ университетскимъ преподаваніемъ блистательно завершенъ былъ всемилостивѣйшимъ рѣшеніемъ Государя Николая Павловича послать своего собственнаго сына и Наслѣдника-Цесаревича Александра Николаевича въ московскій университетъ—слушать лекціи анатоміи и физіологіи у проф. *Эйнброта*. Этотъ курсъ лекцій состоялся по зимѣ того же года и былъ читанъ спеціально для Цесаревича и его немногочисленной свиты въ одной изъ залъ стараго зданія университета—направо отъ воротъ".

„Графъ С. Г. Строгановъ ничѣмъ не могъ лучше и полнѣе выразить своего довѣрія, уваженія и любви къ московскому университету, какъ тѣмъ, что немедленно по вступленіи въ должность попечителя онъ отдалъ въ него учиться своего старшаго сына и наслѣдника огромнаго майората, даже *рискуя* впасть въ немилость у Государя Николая Павловича, который очень *не жаловалъ* студентовъ" [1]).

Для того, чтобы видѣть, почему студенты не могли не полюбить графа С. Г. Строганова за его гуманное съ ними обращеніе, посмотримъ, въ чемъ была разница, и какъ обращались съ ними другіе начальники.

„Помощники попечителя (князя Сергія Михайловича Голицина) графъ Панинъ и Д. П. Голохвастовъ, необузданные деспоты, видѣли въ каждомъ студентѣ какъ бы своего *личнаго врага*, считая насъ всѣхъ опасною толпою, какъ для нихъ самихъ, такъ и для цѣлаго общества. Они все добивались что то *сломить*, *искоренить*, дать всѣмъ внушительную острастку.

Голохвастовъ былъ язвительнаго, надменнаго характера. Онъ злорадствовалъ всякому случайному, незначительному студенческому промаху, и раздувъ его до maximum'а, нахо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 107.

дилъ для себя особаго рода наслажденіе наложить на него свою кару.

Графъ Панинъ никогда не говорилъ со студентами, какъ съ людьми болѣе или менѣе образованными, что-нибудь понимающими. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на какихъ то мальчишекъ, которыхъ надобно держать непремѣнно въ *ежевыхъ рукавицахъ*, повелительно кричалъ густымъ басомъ, командовалъ, грозилъ, стращалъ. И обѣимъ этимъ личностямъ была дана полная власть надъ университетомъ" (*П. Ѳ. Вистенгофъ*, Изъ моихъ воспоминаній. II, стр. 335, „Историческій Вѣстникъ", г. V, за 1884 г., т. XVI, май).

„Какъ то однажды намъ дали знать, что графъ Панинъ неистовствуетъ въ правленіи университета. Изъ любопытства мы бросились туда. Даже Лермонтовъ молча потянулся за нами. Мы застали слѣдующую сцену: два казеннокоштные студента сидятъ одинъ противъ другого на табуреткахъ, и два университетскихъ солдата совершаютъ надъ ними обрядъ бритья и стрижки. Графъ, атлетическаго роста, принявъ повелительную позу, грозно кричалъ:

— „Вотъ такъ! стриги еще короче! Подъ гребешокъ! Слышишь!—А ты!" обращался онъ къ другому: „чище брей! Не жалѣй мыла, мыль его хорошенько!"

Потомъ обратившись къ сидящимъ жертвамъ, гнѣвно сказалъ:

„Если вы у меня въ другой разъ осмѣлитесь только подумать отпускать себѣ бороды, усы и длинные волосы на головѣ, то я васъ прикажу стричь и брить на барабанѣ, въ карцеръ сажать и затѣмъ въ солдаты отдавать. Вы вѣдь не дьячки! Передайте это тамъ всѣмъ. Ну! ступайте теперь!"

Увидавъ въ эту минуту нашу толпу, онъ закричалъ:

— „Вамъ что тутъ нужно? Вамъ тутъ нечего торчать! Зачѣмъ вы пожаловали сюда? Идите въ свое мѣсто!"

Мы опрометью, толкая другъ друга, выбѣжали изъ правленія, *проклиная* Панина.

Иногда эти *ненавистныя* намъ личности, Панинъ и Голохвастовъ, являлись въ аудиторію для осмотра, все ли въ порядкѣ. Объ этомъ давалось знать всегда заранѣе. Тогда начиналась бѣготня по корридорамъ. Субъ-инспектора, университетскіе солдаты суетились, и въ аудиторіяхъ водворялась тишина" [1]..... „Панинъ и Голохвастовъ, присутствуя на экзаменахъ, злорадствовали нашей неудачѣ" (стр. 337).

А какъ поступалъ графъ С. Г. Строгановъ, мы видѣли уже выше (стр. 262—263). Приведемъ еще разсказъ одного студента, покинувшаго Медико-хирургическую Академію: его не принимали въ московскій университетъ.

— „Почему же?" спросилъ я.

— „Въ Вашемъ аттестатѣ поведеніе названо „*хорошимъ*".

— „Такъ что же?"

— „Съ такой аттестаціей принять Васъ нельзя".

— „Да что же это значитъ? Вѣдь поведеніе названо *хорошимъ*."

— „Это то и значитъ, что оно *нехорошо*"!

Слушая чиновника, я просто диву дался: „хорошо"— значитъ „нехорошо". Что за чепуха?

— „Что же мнѣ дѣлать?" обратился я къ нему.

— „Ужъ, право, не знаю."

— „Я поѣду въ Кіевъ, въ Харьковъ"...

— „Все равно, то же будетъ. Вотъ, еслибъ поведеніе Ваше было названо „отличнымъ", тогда другое дѣло, а „хорошее" поведеніе у насъ во всѣхъ университетахъ принято понимать *дурнымъ*.

Теперь я только понялъ продѣлку (инспектора Академіи) *Шёнрока*, отъ котораго главнымъ образомъ—зависѣла моя

---

[1]) Стр. 336 тамъ же.

аттестація. Ему мало было того, что по его милости я прерывалъ свое образованіе: ему хотѣлось меня вовсе лишить его—иначе я не могъ понять поступка его со мною, да и теперь не могу. Мысль, что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ мною въ Академіи, пропали даромъ, и что, не окончивъ курса, я ставлю себя въ неопредѣленное положеніе, что вся будущность моя гибнетъ, привела меня въ страшное волненіе, и я почти съ отчаяніемъ сказалъ чиновнику:

— „Да дайте же мнѣ ради Бога совѣтъ: что̀ мнѣ дѣлать?"

— „Развѣ вотъ что: попробуйте сходить къ *попечителю*; по четвергамъ графъ принимаетъ всѣхъ: просите его".

— „А если и онъ мнѣ то же скажетъ, если и онъ того же мнѣнія, какъ всѣ университетскія начальства?"

— „О нѣтъ, графъ—прекраснѣйшій человѣкъ и справедливый; Вы можете говорить съ нимъ откровенно: онъ это *любитъ*".

Я поблагодарилъ чиновника и рѣшился сдѣлать попытку.

Въ первый же четвергъ, полный тревоги и самыхъ отчаянныхъ опасеній за свое будущее, явился я къ графу С. Г. Строганову. Меня провели къ нему въ кабинетъ. Передо мной былъ человѣкъ съ блѣднымъ, строгимъ лицомъ, въ правильныхъ чертахъ котораго отражались умъ, благородство и какое то спокойствіе твердаго, рѣшительнаго характера. Онъ сидѣлъ съ протянутою на стулъ перевязанною ногой, которую, какъ я узналъ послѣ, онъ незадолго передъ тѣмъ сломалъ. Подавъ ему прошеніе и аттестатъ, я робко прибавилъ, что мнѣ въ пріемѣ отказали, и что я пришелъ просить его о снисхожденіи.

Графъ посмотрѣлъ мой аттестатъ и сказалъ: „Странно, господа: вы думаете, что, если вы не годитесь въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи, такъ всетаки годны для

Московскаго университета; какое же вы составили о немъ понятіе?"

Хотя у меня и въ помышленіи не было ничего подобнаго, о чемъ говорилъ графъ, однако же, узнавъ уже, что̀ такое по университетскому словарю значило „хорошее" поведеніе, я затруднился сказать что-либо въ опроверженіе такого предположенія и молчалъ, думая только объ одномъ: что̀ будетъ со мною, и куда я дѣнусь, если и онъ откажетъ мнѣ въ пріемѣ. Въ эти критическія минуты моего молчанія и размышленія графъ не спускалъ съ меня глазъ, смотря упорно и пытливо на мое смущенное лицо и наконецъ спросилъ: „Какія у Васъ тамъ были исторіи, за что̀ Вамъ дали такой аттестатъ"?

Не съ разу отвѣтилъ я. Что̀ же я буду разсказывать, думалъ я про себя: лгать я не хочу, да и не могу,—а сказать правду значитъ окончательно погубить себя. Я молчалъ.

— „Вотъ видите ли", сказалъ графъ *необыкновенно спокойнымъ и мягкимъ* тономъ,—„Вы пришли ко мнѣ и про̀сите о снисхожденіи, значитъ, Вы вѣрите тому, что я могу помочь Вамъ, и всетаки не хотите быть откровеннымъ".

Этотъ *ласковый*, *задушевный* тонъ, проникавшій прямо *въ душу*, котораго со времени моего студенчества мнѣ *ни разу* не приходилось еще слышать изъ *устъ начальства*, успокоительно подѣйствовалъ на меня; я ободрился и сказалъ: „Я хотѣлъ бы, Ваше сіятельство, быть съ Вами откровеннымъ, но опасаюсь, что откровенность эта внушитъ Вамъ обо мнѣ невыгодное мнѣніе: впрочемъ, если Вамъ угодно, я разскажу".

—„Да, я хочу этого—говорите!"

Тутъ я коротко, но не пропустивъ ни одного важнаго обстоятельства, разсказалъ то, что̀ со мной было (далъ субику tête à tête за дерзость по физіономіи).

Графъ слушалъ, ни однимъ вопросомъ не прерывая меня, а когда я кончилъ, то также молча взялъ со стола ка-

рандашъ и поперекъ моего прошенія написалъ: *„принять“*. Передавая мнѣ бумагу, онъ сказалъ: „Надѣюсь, что Московскій университетъ не дастъ Вамъ повода къ такимъ поступкамъ; но надѣюсь также, что и Вы будете остерегаться отъ повторенія случившагося съ Вами“.

Разсказъ мой конченъ.

Сорокъ лѣтъ отдѣляютъ меня отъ того дня, когда *великодушная помощь* графа С. Г. Строганова отвела меня отъ края *бездны*, надъ которой я стоялъ, готовый *низринуться* и *погибнуть;* но еслибъ мнѣ суждено было прожить и еще столько же, то и тогда *благоговѣйная признательность* къ памяти этого *благороднѣйшаго* человѣка не изсякла бы изъ моего переполненнаго *благодарностью* сердца“. (NN., Тяжелыя времена (изъ воспоминаній доктора), стр. 320—322, „Историческій Вѣстникъ“, г. V, май, 1884 г., т. XVI).

Но, замѣтимъ, даже и въ отношеніи къ студентамъ не всегда бывалъ графъ столь милостивымъ, особенно, когда они приходили въ столкновеніе съ его любимцами. Такъ изъ-за Чивилева, предъ которымъ графъ заставилъ унижаться Погодина (см. выше, стр. 231—232), пострадалъ *А. А. Фетъ-Шеншинъ*:

„По неизвѣстнымъ соображеніямъ у насъ на словесномъ факультетѣ Чивилевъ читалъ политическую экономію... Заинтересованный совершенно новыми для меня точками зрѣнія на распредѣленіе цѣнностей между людьми, я весьма удовлетворительно приготовился изъ этого предмета. Замѣтилъ ли Чивилевъ, что я не очень усердно посѣщалъ его лекціи, но вышло совершенно неожиданное. Къ великой радости я взялъ билетъ № 1: опредѣленіе политической экономіи. Если бы я сказалъ только, что политическая экономія есть наука о народномъ хозяйствѣ, говорящая о производствѣ, сохраненіи и распредѣленіи цѣнностей, то и тогда экзаменаторъ могъ поставить мнѣ, кажется, не ниже средняго балла. Но Чивилевъ, сказавши: „не такъ!“ и заставивши меня отвѣтить вторично,

проговорилъ: „Если Вы не знаете перваго опредѣленія науки, то о дальнѣйшемъ не можетъ быть и рѣчи (sic)“, и съ этимъ вмѣстѣ поставилъ мнѣ единицу. Единица эта была для меня тѣмъ ужаснѣе, что по всѣмъ остальнымъ предметамъ, въ томъ числѣ и по греческой словесности, я получилъ удовлетворительныя отмѣтки. А тутъ изъ-за этой единицы приходилось оставаться другой годъ на второмъ курсѣ. Чивилевъ былъ *неумолимъ*. О переэкзаменовкѣ въ августѣ надо было просить попечителя, и вотъ, надѣвши парадную форму, въ треуголкѣ и въ шпагѣ, я отправился къ графу С. Г. Строганову.

Если память мнѣ не измѣняетъ, графъ принялъ меня, стоя на костылѣ, такъ какъ прошлой весною опрокинувшаяся подъ нимъ верховая лошадь переломила ему ногу.

—„Вы просите о переэкзаменовкѣ“, сказалъ графъ: „но вѣдь экзаменные списки у меня, я сейчасъ Вамъ ихъ покажу. Я хорошо помню Ваши баллы. Хорошія отмѣтки изъ французскаго и нѣмецкаго я ни во что считаю, мой *камердинеръ* говоритъ по нѣмецки; [1]) изъ латинскаго 5,—*еще бы* Вы на словесномъ факультетѣ не знали по латыни; а вотъ по гречески то у Васъ тройка, а изъ политической экономіи единица“.

—„Я явился къ Вашему сіятельству“, отвѣчалъ я, „не оправдываться, а просить о переэкзаменовкѣ въ августѣ изъ политической экономіи“.

—„Если бы“, отвѣчалъ графъ, „въ университетѣ былъ протянутъ канатъ, на которомъ Вамъ слѣдовало протанцевать, и Вы не протанцевали,—тѣмъ *хуже* для Васъ. Я *ничего* не могу для Васъ сдѣлать!“

Нечего говорить, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ я отправился на лѣтнія вакаціи домой, гдѣ старался объяснить свою неудачу *капризомъ* Чивилева, чѣмъ объясняю ее и понынѣ“ (*А. Фетъ*, Ранніе годы моей жизни, М. 1893, стр. 180—182).

---

[1]) Объ этомъ камердинерѣ см. выше, стр. 194.

За Фета же графъ С. Г. Строгановъ распекалъ А. Д. Галахова (тамъ же, стр. 291): „Строгановъ сказалъ мнѣ“, передавалъ Галаховъ Фету: „Я Васъ вызвалъ, чтобы замѣтить, что Вы въ своей христоматіи помѣстили стихотворенія Фета, не зная, можетъ быть, что онъ—студентъ!“—„Ваше сіятельство“, отвѣчалъ я, „я выбиралъ стихотворенія, заслуживающія, по моему мнѣнію, быть помѣщенными въ христоматію,—и виноватъ, не обращалъ вниманія на *положеніе* автора!“

Bobrov, Evgeniĭ Aleksandrovich

Проф. Евгеній Бобровъ.

ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВѢЩЕНІЕ

въ Россіи XIX в.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

ТОМЪ IV.

КАЗАНЬ
Типо-литографія Императорскаго Университета
1902.

891.79
B663Li
v.4

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ. *А. Смирновъ.*

Проф. Евгеній Бобровъ

ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВѢЩЕНІЕ ВЪ РОССІИ XIX В.

ТОМЪ IV.

Stacks
Wsh
Ith. Acad of Sci
19-74
69354-293

Оглавленіе.

Стр.

I. Литературная дѣятельность В. С. Печерина . . . . . 3.
II. С. А. Москотильниковъ, какъ литераторъ . . . . . 75.
III. Изъ переписки и бумагъ С. А. Москотильникова . . . . . 198.
IV. Къ исторіи «Арзамаса» («Видѣнія» Морелле и Блудова) . . . . 254.
V. И. П. Мятлевъ и народное остроуміе . . . . . 276.
Дополненія. Къ біографіи В. С. Печерина . . . . . 286.
Къ статьямъ о Веневитиновѣ . . . . . 298.
«Драматическія Прибавленія» С. Т. Аксакова . . . . . 305.
Дополненія о М. Г. Павловѣ и пр. . . . . 311.

I.

Литературная дѣятельность В. С. Печерина.

Первую попытку собрать матеріалы для біографіи и характеристики высоко-интересной, но очень мало извѣстной личности проф. В. С. Печерина представляла наша статья о немъ, вошедшая въ I томъ сего сочиненія. Обративши въ той статьѣ преимущественное вниманіе на возможно полное сопоставленіе біографическихъ данныхъ о Печеринѣ, мы почти не касались тамъ его литературной дѣятельности.

Продолжая собираніе матеріаловъ о Печеринѣ, мы нынѣ въ состояніи нѣкоторымъ образомъ восполнить указанный пробѣлъ [1]).

Начало литературной дѣятельности Владимира Сергѣевича относится къ тому періоду его жизни, когда онъ служилъ еще въ Петербургѣ—до отправленія за границу въ качествѣ профессорскаго стипендіата—старшимъ учителемъ

---

[1]) Приводимыя ниже цифры относятся къ страницамъ I статьи о Печеринѣ въ первомъ томѣ этого нашего труда.

при I гимназіи, а при университетѣ лекторомъ латинскаго языка и помощникомъ библіотекаря (стр. 88). Въ научномъ направленіи Печеринъ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ своего учителя, профессора и академика, Христіана Фридриха *Грефе* и предметомъ своихъ спеціальныхъ штудій по классической филологіи избралъ греческую антологію. Это обратило на него особенное вниманіе тогдашняго попечителя С. С. Уварова (стр. 89), ученаго филолога, ученика Грефе. Поэтическая жилка влекла Печерина къ стихотворной передачѣ греческихъ антологическихъ пьесъ на родной языкъ. Уваровъ когда то и самъ, вмѣстѣ съ Батюшковымъ, трудился надъ такими же переводами [1]), которые были напечатаны въ альманахѣ барона *А. А. Дельвига* „Сѣверные цвѣты" на 1825 г. Очень удачные переводы Печерина тоже появились въ печати въ альманахахъ семью годами позднѣе, а именно въ „Невскомъ Альманахѣ" *Аладьина* на 1832 г. (стр. 134—136) и въ „Кометѣ Бѣлы" Погодина на 1833 г. (стр. 251—258).

Но и послѣ этого Печеринъ не оставлялъ занятій антологіею вообще и переводовъ изъ нея въ частности. Въ 1845 г. уже по возвращеніи изъ ученаго путешествія заграницу онъ защищалъ въ Москвѣ диссертацію Observationes criticae in universam Anthologiam graecam (стр. 126), а въ 1838 г. въ плетневскомъ „Современникѣ" появилась анонимная статья, очевидно, принадлежащая Печерину, быть можетъ, даже составляющая переработку его выше названной диссертаціи [2]). Въ текстъ статьи въ качествѣ примѣровъ и доказательствъ вставлено много переводовъ отдѣльныхъ антологическихъ стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя взяты изъ указанныхъ альманаховъ, но кое-гдѣ поправлены, а другія пере-

---

[1]) См. сочиненія Батюшкова, изд. Л. Н. Майкова, т. I, стр. 284—290, № CXIII, (13 пьесъ) и прим. стр. 421—434.

[2]) «О греческой эпиграммѣ», «Современникъ» за 1838 г., ч. XII, стр. 72—88.

ведены въ первый разъ. Изъ приводимыхъ ниже переводовъ Печерина первыя 6 приведены по „Невскому Альманаху“, а прочія по „Кометѣ Бѣлы“—съ добавленіемъ варіантовъ изъ статьи „Современника“. Въ заключеніе приведены переводы, имѣющіяся въ статьѣ объ „эпиграммѣ“, но не бывшія еще въ альманахахъ. Добавимъ, что греческимъ текстомъ Печеринъ пользовался въ классическомъ изданіи греческой антологіи *Якобса*.

1.

Гдѣ Праксите́ль? Гдѣ нынѣ Поликле́та искусныя длани,
Нѣкогда въ мраморный ликъ жизни вливавшія огнь?
Кто благовонны кудри Мелиты, кто огненны очи,
Шеи прелестныя блескъ кто изваяетъ рѣзцемъ?
Гдѣ ваятели?... Славны гдѣ Зодчіе?... дѣвы прекрасной
Образу нуженъ и храмъ, какъ истукану боговъ.

2.

Въ даръ посылаю тебѣ, Родоклея, вѣнокъ: изъ прекрасныхъ
Вешнихъ цвѣтовъ для тебя, милая, самъ его сплелъ.
Есть тутъ лилеи и розы душистыя, есть анемоны,
Нѣжный, пушистый нарцисъ, блѣдны фіалки цвѣты [1]).
Ими чело [2]) увѣнчавъ, перестань, о краса, быть надменной:
Какъ сей вѣнокъ, ты цвѣтешь,—такъ же увянешь, какъ онъ!

---

[1]) фіалки. Чело.
[2]) Ими свое (стр. 81)

3.

Очи, Мелита, твои—очи Геры, а руки—Паллады,
Пафіи—бѣлая грудь, ноги—Өемиды младой!
Счастливъ, кто видитъ тебя; трикраты блаженъ, кто услышитъ;
Полубогъ, кто полюбитъ тебя; равенъ Зевесу—супругъ.

4.

Ужъ распустились фіалки, цвѣтетъ уже жаждущій влаги
Нарцисъ, вдоль по горамъ, лиліи стройны цвѣтутъ;
О Зенофила! взгляни: уже Грацій любимица роза,
Милый Эроту цвѣтокъ, прелесть весны, разцвѣла!...
Что вы напрасно, долины, красуетесь пестрымъ уборомъ?
Всѣхъ вашихъ пышныхъ цвѣтовъ краше дѣвица моя.

5.

Къ милымъ отчизны брегамъ приближаяся, „завтра" сказалъ я:
„Долгій и бурный мой путь кончится; пристань близка!"
Но не сомкнулись уста еще,—море, какъ адъ, потемнѣло,
И сокрушило меня слово пустое сіе [1]).

---

[1]) И сокрушило меня. Слово пустое одно

„Завтра!“ съ надеждою смѣлой [1]), вѣщать не дерзай: Немезида
Всюду настигнетъ тебя, дерзкій карая [2]) языкъ.

6.

Весело блещетъ мой кубокъ, какъ будто гордясь, Зенофила,
Что прикоснулся къ твоимъ сладкорѣчивымъ устамъ...
Жребій завидный!... ахъ! еслибъ, обнявъ меня нѣжной рукою,
Страстнымъ лобзаньемъ ты всю душу испила мою!

Съ Греческ. П—нъ.

Изъ греческой Анѳологіи.

Эпиграммы изъ Мелеагра.

1.

Спишь, Зенофила, мой нѣжный цвѣтокъ?... Ахъ! еслибъ я нынѣ,
Въ сладостный сонъ превратясь, въ очи прокрался твои

---

[1]) съ надеждой отважно

[2]) накажетъ языкъ (стр. 80).

Такъ, чтобъ и тотъ, кто Зевеса могущія вѣжды смыкаетъ,
Мнѣ уступилъ!... я бъ одинъ вѣчно тобою владѣлъ!

2.

Чашу, и примолви: „за здравіе Геліодоры!“
Молви, и съ чистымъ виномъ сладкое имя смѣшай,
И вчерашній вѣнокъ, еще влажный отъ кудрей душистыхъ
Милой, ты, въ память ея, мнѣ возложи на главу...
Видишь-ли? слезы роняетъ и роза, влюбленныхъ подруга,
Плачетъ, что нѣтъ ея здѣсь въ страстныхъ объятьяхъ моихъ.

3.

Клей—поцѣлуи твои, Тимарія, огонь—твои очи:
Взоромъ сжигаешь однимъ, вяжешь лобзаньемъ живымъ.

4.

Быстрый мой вѣстникъ, комаръ, полети! на ушко Зенофилѣ,
Нѣжно коснувшись ея, эти слова ты шепни:
„Онъ тебя ждетъ, и не можетъ уснуть; а ты, друга забывши,
Спишь!“—Ну лети же скорѣй! Ну, пѣснопѣвецъ, лети!
Но берегись! потихоньку скажи, не то—мужа разбудишь;
Съ мужемъ воспрянутъ ревности муки съ одра.

Еслижъ её приведешь, то въ награду тебя я одѣну
Львиною кожей, и дамъ въ руки тебѣ булаву.

5.

Вѣчно въ ушахъ раздаются Эрота пріятные звуки,
Око желаніямъ въ даръ сладкія слезы несетъ;
Нѣтъ мнѣ покоя ни ночью, ни днемъ, и отъ чаровъ (sic) любовныхъ,
Врѣзанъ глубоко, въ душѣ образъ знакомый горитъ.
О легкокрилы Эроты! какъ хищники, вы налетѣли—
Ахъ! отлетите на мигъ, дайте душѣ отдохнуть!

6.

Горе! не сладостный бракъ, но Аидъ, Клеариста, суровый—
Дѣвственный поясъ тебѣ хладной рукой развязалъ.
Поздней порой, у невѣсты, предъ дверью растворчатой, флейты
Сладко звучали; отъ нихъ брачный покой весь гремѣлъ;
Утромъ—весь домъ огласился рыданіемъ, и Гименея
Пѣсни веселыя кликъ въ стонъ обратился глухой;
Факелы тѣ жъ и невѣстѣ у храмины брачной свѣтили
И усопшей на путь въ мрачное царство тѣней.

7.

Горькія слезы въ Аидъ безотрадный сквозь хладную землю,

Милая, шлю тебѣ въ даръ, прежней останки любви;
Горькія слезы ліются на прахъ твой, какъ жертва святая,
Въ память желаній живыхъ, въ память нѣжнѣйшей любви.
Нѣтъ! и по смерти тебя Мелеагръ не забудетъ, и вѣчно
Тяжкій, напрасный мой стонъ будетъ Аидъ оглашать.
Горе мнѣ! горе! гдѣ милый цвѣтокъ мой... Все смерть погубила!
Свѣжую розу мою пепелъ могильный покрылъ.
О! умоляю тебя, земля, человѣковъ всѣхъ матерь,
Тихо на лоно твое бѣдную дѣву прими.

Эпиграмма Антипатра.

(*Нереиды оплакиваютъ разрушеніе Коринѳа*)

Гдѣ красота твоя, городъ Дорійскій, Коринѳъ лучезарный?
Гдѣ твоихъ башенъ вѣнцы? древни сокровища гдѣ? [1])
Гдѣ велелѣпные храмы боговъ, гдѣ чертоги, гдѣ жены,
Отрасль Сеанфа, и тьмы [2]) гражданъ на стогнахъ твоихъ?

---

[1]) древни стяжанья твои?
[2]) Пышноубранныя? тьма.. (стр. 79).

Даже слѣда отъ тебя не осталося, городъ несчастный!
Лютая, все обхвативъ, жадно пожрала война.
Мы лишь однѣ, Океана безсмертныя дщери, остались,
Чтобы надъ прахомъ твоимъ, какъ алкіоны, стенать.

Горячій ключъ.

Здѣсь, подъ яворовъ тѣнью, Эротъ почивалъ утомленный
Въ сладкомъ снѣ, къ ключёвымъ Нимфамъ свой факелъ склонивъ [1]).
Нимфы шепнули другъ дружкѣ: „Что медлимъ? [2]) погасимъ свѣтильникъ!
Съ нимъ погаснетъ огонь, сердце палящій людей!"
Но свѣтильникъ и воды зажегъ: съ той поры и понынѣ
Нимфы, любовью горя, воды кипящія льютъ.

На смерть кузнечика.

Звонкій кузнечикъ, тебѣ у богатаго дома Алхида
Болѣ не пѣть, не видать свѣтлаго солнца тебѣ!

---

[1]) Къ нимфамъ струящихся водъ факелъ горящій склонивъ.
[2]) «Что медлить? (стр. 76).

Ты далеко улетѣлъ, по лугамъ ты порхаешь Плутона:
Тамъ съ Прозерпины цвѣтовъ сладкую росу ты пьешь.

Къ Міиску.

О Міискъ! въ тебѣ пристань обрѣлъ корабль моей жизни,
И послѣдній души вздохъ посвящаю тебѣ.
Юноша милый! повѣрь мнѣ—клянуся твоими очами—
(Свѣтлыя очи твои даже глухимъ говорятъ):
Если ты взглядъ отуманенный бросишь—зима предо мною;
Весело взглянешь—кругомъ сладкая блещетъ весна.

Статуя Александра Великаго.

Дивный ликъ Александра, взоръ огненный, мужества полный,
Чуднымъ искусствомъ Лизиппъ въ мѣди сей мощной явилъ.
Мнится, онъ, очи на небо вперивъ, громовержцу вѣщаетъ:
„Мнѣ подвластна земля! ты, Зевсъ, Олимпомъ владѣй!“

Огненный взоръ Александра и весь его ликъ величавый
Дивнымъ искусствомъ Лизиппъ въ мощной сей мѣди явилъ (варіантъ изъ „Современника“, стр. 77).

(Изъ „Современника“ другая эпиграмма).

Дивный искусствомъ художникъ, Лисиппъ, Сикіонскій ваятель!
Смѣлая длань!... Посмотри! дышитъ огнемъ твоя мѣдь.
Ликъ Александра—великаго!... Нѣтъ! недостойны укора
Персы: тельцу ль устоять противу мощнаго льва? (стр. 78).

Зевсъ и Эротъ.

Зевсъ Купидону грозитъ: „Отыму я, дитя, твои стрѣлы!“
Мальчикъ въ отвѣтъ: „А тебя—въ лебедя вновь обращу!“

Надгробная.

Сабнъ, сынъ Дикóновъ, Акàнѳянинъ здѣсь почиваетъ:
Праведныхъ сладкій покой смертью назвать не дерзай.

На статую Зевса Олимпійскаго.

Или богъ съ неба сошелъ показать тебѣ образъ свой, Фидій,
Или ты самъ въ небеса бога узрѣть возлетѣлъ.

В. Печеринъ.

Эпиграммы изъ „Современника“.

Трупъ Леонида кровавый, увидѣвши, Ксерксъ-побѣдитель,
Дивную доблесть почтивъ, самъ багряницей одѣлъ.
Мертвый тогда возгласилъ Спартанскій герой незабвенный:
„Нѣтъ, не приму никогда должной предателю мзды!
Щитъ—украшенье могилѣ моей: прочь, одежды персидски!
Я спартанцемъ хочу въ царство Айдеса придти“.
(стр. 78).

Прохожій.

Что ты, орелъ, возсѣдишь на гробницѣ? Повѣдай, зачѣмъ ты
Пламенны очи вперилъ въ звѣздны чертоги боговъ?

Орелъ.

Образъ ты видишь Платона души, на Олимпъ возлетѣвшей;
Тѣло жъ покоится здѣсь въ лонѣ родныя земли
(стр. 80).

Здѣсь я, страдалица, Доблесть, сижу на могилѣ Аякса,
Кудри обрѣзавъ съ главы, прахомъ покрытая вся,
Тяжкой печалью въ душѣ пораженная: въ станѣ Аргивянъ
Хитрый, коварный обманъ доблести силу попралъ
(стр. 80).

Второю (послѣ переводовъ изъ греческой антологіи) стадіею литературной дѣятельности В. С. Печерина были его стихотворные переводы изъ Шиллера. Шиллеръ былъ тогда любимцемъ всей русской радикально мыслящей молодежи. Печеринъ переводилъ изъ Шиллера пьэсы, частью, относящіяся къ своей спеціальности—древнему міру, какъ то: „Диѳирамбъ“ и „Пѣвцы древняго міра“, частію общаго содержанія, както: „Чужеземная Дѣва“ и знаменитое „Желаніе лучшаго міра“. „Это „Желаніе“, какъ писалъ переводчикъ своей кузинѣ (т. I сего сочиненія, стр. 113), „хотя только переводъ стихотворенія Шиллера, вылилось у меня изъ глубины души“. „Пѣвцы“ были переведены Печеринымъ на русскій языкъ впервые; остальныя пьэсы были переводимы и до него.

Переводы помѣщались въ журналѣ „Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ“ Н. И. Греча и Ѳ. В. Булгарина—за 1831 г.

1) „Желаніе лучшаго міра“. Томъ XVII („Сына Отечества“ часть 139, „Сѣвернаго Архива“ 35-я), № VII, отъ 12 февраля, стр. 423—424, IV, Стихотворенія. Пополненная редакція перевода того же стихотворенія—т. XVIII, № XIII, отъ 26 марта, стр. 378—379, V, Стихотворенія, 1. Ранѣе эта пьэса была переводима *Жуковскимъ*, „Вѣстникъ Европы“ за 1813 г., ч. 68, № VII+VIII, стр. 197, *Загорскимъ*, „Литературные Листки“, 1824, III, стр. 193, *Губеромъ*, „Телескопъ“, 1831, V, стр. 43.

2) „Чужеземная дѣва". Т. XVIII („Сына Отечества" ч. 140, „Сѣвернаго Архива" ч. 54), № XII, отъ 19 марта, стр 309—310, V, Стихотворенія 1. Ранѣе переведено: *Нечаевымъ*. Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, 1825, ч. V, стр. 289 (Странница"), *И. Виламовымъ* („Дѣвица изъ чужбины"), „Сынъ Отечества" за 1820 г., ч. 66, стр. 128, *Межаковымъ* („Чудесная гостья), „Славянинъ", 1827 г., ч. IV, стр. 298, *Шкляревскимъ* („Дѣва изъ Чужбины"), Стихотворенія, 1831, стр. 23.

3) и 4) „Диѳирамбъ" и „Пѣвцы древняго міра", т. XIX („Сына Отечества" ч. 141, „Сѣвернаго Архива" ч. 55), № XV, отъ 9 апрѣля, стр. 57—58 и 58—59, Стихотворенія, 1 и 2. Прежніе переводы „Диѳирамба": *Вильгельма*, „Сынъ Отечества", 1817 г., ч. 41, № 17, стр. 152, *Жуковскаго*, „Славянинъ", 1827 г., ч. 3, стр. 269, *В. К. К—ма*, „Астраханская Флора", 1827, стр. 85.

Не смотря на точность передачи и музыкальность стиха въ переводахъ Печерина, издатель сочиненій Шиллера на русскомъ языкѣ, Н. В. Гербель не воспользовался ни однимъ Печеринскимъ переводомъ. Въ его собраніе вошли: „Желаніе" въ переводѣ *Жуковскаго* и самого *Гербеля*, „Незнакомка" и „Пѣвцы" въ переводѣ *Гербеля*, „Диѳирамбъ" въ переводахъ *Фета*, *В. Алферьева*, *М. Михайлова*, *Жуковскаго* („Явленіе Боговъ") и *Струговщикова* („Олимпійскіе гости").

Переводы Печерина приводимъ вмѣстѣ съ подлинниками Шиллера—для образца и возможности сличить переводъ съ оригиналомъ.

Нѣмецкіе тексты мы приводимъ по Bibliothek deutscher und ausländischer Klassiker (Leipzig, Bibliogr. Institut), *Schiller*'s Werke, Textrevision von *Heinrich Kurz*, I B.

Желаніе лучшаго міра.

(Изъ Шиллера).

Ахъ! Изъ сей долины тѣсной,
Хладною покрытой мглой,
Гдѣ найду исходъ чудесный?
Сладкій гдѣ найду покой ?
Вижу: холмы отдаленны
Зеленью цвѣтутъ младой...
Дайте крылья! Къ вожделѣнной
Полечу странѣ родной!

Вижу: тамъ златые рдѣютъ
Межъ густыхъ вѣтвей плоды;
Зимни бури тамъ не вѣютъ,
И не вянутъ вѣкъ цвѣты.
Слышу звуки райской лиры,
Чистыхъ пѣніе духовъ,
И разносятъ вкругъ зефиры
Благовонія цвѣтовъ.

Ахъ! Какъ солнечный отраденъ
Вѣчный свѣтъ на тѣхъ лугахъ!
Усладительно прохладенъ
Тонкій воздухъ на холмахъ!
Но—увы! Передо мною
Воды яростно шумятъ,
Грозною катясь волною:
Духъ мой ужасомъ объятъ.

Вотъ челнокъ колышутъ волны...
Но гребца не вижу въ немъ!...
Прочь боязнь! Надежды полный,
Въ путь лети! Ужъ вѣтеркомъ
Парусы надулись бѣлы...

Вѣруй и отваженъ будь:
Въ тѣ чудесные предѣлы
Чудный лишь приводитъ путь!

Sehnsucht.

Ach, aus dieses Thales Gründen,
Die der kalte Nebel drückt,
Könnt ich doch den Ausgang finden,
Ach, wie fühlt' ich mich beglückt!
Dort erbick ich schöne Hügel,
Ewig jung und ewig grün!
Hätt ich Schwingen, hätt ich Flügel,
Nach den Hügeln zög ich hin.

Harmonieen hör ich klingen,
Töne süsser Himmelsruh,
Und die leichten Winde bringen
Mir der Düfte Balsam zu.
Goldne Früchte seh ich glühen,
Winkend zwischen dunkelm Laub,
Und die Blumen, die dort blühen,
Werden keines Winters Raub.

Ach, wie schön muss sichs ergehen
Dort im ew'gen Sonnenschein!
Und die Luft auf jenen Höhen—
O wie labend muss sie sein!
Doch mir wehrt des Stromes Toben,
Der ergrimmt dazwischen braust:

Seine Wellen sind gehoben,
Dass die Seele mir ergraust.

Einen Nachen seh ich schwanken,
Aber, ach! der Fährmann fehlt.
Frisch hinein und ohne Wanken!
Seine Segel sind beseelt.
Du musst glauben, du musst wagen,
Denn die Götter leihn kein Pfand;
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland (S. 152).

Чужеземная дѣва.

(Изъ Шиллера).

У бѣдныхъ пастырей въ селеньѣ
Являлась съ каждою весной
При первомъ жаворонка пѣньѣ
Дѣвица, чудная красой.

Гдѣ родина сей гостьи милой,
Отколь пришла, никто не зналъ;
Дѣвица скоро уходила,—
И слѣдъ прелестной исчезалъ.

Все радостью при ней дышало,
Все нѣжно къ ней сердца влекло;
Но робость тайную внушало
Величественное чело.

Съ собою грозды и лилеи
Несла она съ чужихъ полей,
Гдѣ блещетъ солнца лучъ живѣе,
Гдѣ краше видъ природы всей.

И каждому она дарила
То пышный цвѣтъ, то плодъ златой:
И юноша, и старецъ хилый
Съ дарами каждый шелъ домой.

Всѣ гости ей равно пріятны;
Вотъ юная чета пришла,—
Ей дѣва самый ароматный
Цвѣтокъ съ улыбкой подала.

Das Mädchen aus der Fremde.

In einem Thal bei armen Hirten
Erschien mit jedem jungen Jahr,
Sobald die ersten Lerchen schwirrten,
Ein Mädchen, schön und wunderbar.

Sie war nicht in dem Thal geboren,
Man wusste nicht, woher sie kam,
Und schnell war ihre Spur verloren,
Sobald das Mädchen Abschied nahm.

Beseligend war ihre Nähe
Und alle Herzen wurden weit;

Doch eine Würde, eine Höhe
Entfernte die Vertraulichkeit.

Sie brachte Blumen mit und Früchte,
Gereift auf einer andern Flur,
In einem andern Sonnenlichte,
In einer glüchlichern Natur.

Und theilte Jedem eine Gabe,
Dem Früchte, *Jenem* Blumen aus;
Der Jüngling und der Greis am Stabe,
Ein Jeder gieng beschenkt nach Haus.

Willkommen waren alle Gäste;
Doch nahte sich ein liebend Paar,
Dem reichte sie der Gaben beste,
Der Blumen allerschönste dar (S. 3).

Диѳирамбъ.

(Изъ Шиллера).

Боги—повѣрьте—
Всегда къ намъ нисходятъ
Съ неба толпой:
Бахусъ едва лишь появится милый,
Входитъ съ усмѣшкой Амуръ легкокрилый,
Фебъ величавый съ цѣвницей златой.

Ужъ близки, ужъ входятъ,
Блистая лучами,

И полно жилище
Земное богами.

Что̀, земнородный,
Я въ даръ принесу имъ—
Дивнымъ гостямъ?
Боги! даруйте мнѣ вѣкъ вашъ нетлѣнный!
Что̀ могу дать вамъ я, слабый и бренный?
Ахъ, вознесите меня къ небесамъ!

Веселье живетъ лишь
Въ Зевеса чертогѣ,—
Вы съ нектаромъ чашу
Мнѣ дайте, о боги!

Дай ему чашу,
Геба! Поэту
Нектаръ возлей!
Очи омой ему чудной росою,
Да не трепещетъ предъ Стикса волною,
Да просіяетъ, какъ богъ, межъ людей!

Источникъ небесный
Шумитъ и играетъ.
И сердце спокойно,
И око сіяетъ!

Dithyrambe.

Nimmer, das glaubt mir,
Erscheinen die Götter,

Nimmer allein.
Kaum das ich Bacchus, den Lustigen, habe,
Kommt auch schon Amor, der lächelnde Knabe,
Phöbus, der Herrliche, findet sich ein.

Sie nahen, sie kommen,
Die Himmlischen alle,
Mit Göttern erfüllt sich
Die irdische Halle.

Sagt, wie bewirth ich,
Der Erdgeborne,
Himmlischen Chor?
Schenket mir euer unsterbliches Leben,
Götter! Was kann euch der Sterbliche geben?
Hebet zu eurem Olymp mich empor!

Die Freude, sie wohnt nur
In Jupiters Saale;
O füllet mit Nectar,
O reicht mir die Schale!

Reicht ihm die Schale!
Schenke dem Dichter,
Hebe, nur ein!
Netz ihm die Augen mit himmlischem Thaue,
Dass er den Styx, den verhassten, nicht schaue,
Einer der Unsern sich dünke zu sein.

Sie rauschet, sie perlet,
Die himmlische Quelle,
Der Busen wird ruhig,
Das Auge wird helle (S. 164).

Пѣвцы древняго міра.

(Изъ Шиллера).

Гдѣ, скажите, пѣвцы тѣ могучи, гдѣ доблестны мужи,
Кои народовъ толпы словомъ плѣняли живымъ,
Кои съ небесъ божество низводили на землю, а смертныхъ
Духъ восхищали горѣ на пѣснопѣнья крилахъ?
Ахъ! есть нынѣ пѣвцы,—нѣтъ подвиговъ, радостно лирный
Гласъ пробуждающихъ,—ахъ! некому слушать пѣвца!
Древнихъ вѣковъ пѣснотворцы! летало могучее ваше
Слово изъ устъ во уста, всѣхъ потрясая сердца!
Какъ предъ святынею, всякій предъ тѣмъ преклонялся, что̀ геній
Словомъ живымъ сотворилъ, или волшебнымъ рѣзцемъ.
Пламень пѣвца возжигалъ сердечныя внемлющихъ чувства,—
Внемлющихъ чувства сердецъ пламень питали пѣвца,
И очищали, питая! Счастливецъ, для коего внятно
Въ гласѣ народа живомъ пѣсни звучала душа,
Коему въ жизни, извнѣ божество-небожитель являлось,
Нынѣ едва лишь, едва слышное въ глуби сердецъ!

Die Sänger der Vorwelt.

(1795).

Sagt, wo sind die Vortrefflichen hin, wo find ich die Sänger,
Die mit dem lebenden Wort horchende Völker entzückt,
Die vom Himmel den Gott, zum Himmel den Menschen gesungen,
Und getragen den Geist hoch auf den Flügeln des Lieds?

Ach! noch leben die Sänger; nur fehlen die Thaten, die Lyra
Freudig zu wecken, es fehlt, ach! ein empfangendes Ohr.
Glückliche Dichter der glücklichen Welt! Von Munde zu Munde
Flog, von Geschlecht zu Geschlecht euer empfundenes Wort.
Wie man die Götter empfängt, so begrüsse Jeder mit Andacht,
Was der Genius ihm, redend und bildend, erschuf.
An der Glut des Gesangs entflammten des Hörers Gefühle,
An des Hörers Gefühl nährte der Sänger die Glut—
Nährt' und reinigte sie! Der Glückliche, dem in des Volkes
Stimme noch hell zurück tönte die Seele des Lieds,
Dem noch von Aussen erschien, im Leben, die himmlische Gottheit,
Die der Neuere kaum, kaum noch im Herzen vernimmt (S. 275—276).

Особеннымъ сочувствіемъ современниковъ извѣстнаго лагеря пользовалась поэма В. С. Печерина „Торжество Смерти“, въ которой мы и переходимъ. Она была написана въ періодъ крайняго увлеченія автора идеями атеизма, матеріализма и революціи. Разумѣется, въ Россіи она не могла увидѣть свѣтъ въ печати, но распространялась въ спискахъ. Не можетъ быть она вполнѣ напечатана и теперь еще,—и мы ниже приводимъ изъ нея лишь нѣкоторые отрывки. Всего характернѣе то, что и самъ Печеринъ, отвратившись отъ идей своей бурной юности, и покрывшись монашескою сутаной, отрекся и отъ этого своего произведенія, какъ видимъ мы изъ разговора его съ А. И. Герценомъ.

Герценъ, находившій въ этой поэмѣ достоинства, хотѣлъ ее напечатать въ своихъ изданіяхъ и просилъ у автора при личномъ свиданіи разрѣшенія. Вотъ какъ онъ объ этомъ разсказываетъ:

„Собираясь оставить Печерина, я сказалъ ему:

—„У меня есть просьба къ Вамъ“.

—„Что̀ такое? сдѣлайте одолженіе“.

—„У меня были въ рукахъ въ Петербургѣ нѣсколько Вашихъ стихотвореній; въ числѣ ихъ есть трилогія „Поликратъ Самосскій“, „Торжество смерти“ и еще что-то; нѣтъ ли у Васъ ихъ, или не можете ли Вы мнѣ ихъ дать?“

—„Какъ это Вы вспомнили *такой вздоръ!* Это—*незрѣлыя ребяческія* произведенія *иного* времени и *иного настроенія*“.

—„Можетъ“, замѣтилъ я, улыбаясь, „*поэтому то* они мнѣ и нравятся. Да есть они у Васъ, или нѣтъ?“

—„Нѣтъ, гдѣ же!...“

—„И продиктовать не можете?“

—„Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!“

—„А если я ихъ найду гдѣ-нибудь въ Россіи,—печатать позвольте?“

—„Я, право, на *эти ничтожныя* произведенія смотрю, точно будто *другой* писалъ; мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, какъ больному до бреда послѣ выздоровленія“.

—„Коли Вамъ дѣла нѣтъ, стало, я могу печатать ихъ, положимъ, безъ имени?“

—„Неужели эти стихи Вамъ *нравятся до сихъ поръ*?“

—„Это мое дѣло; Вы мнѣ скажите, позволяете мнѣ ихъ печатать или нѣтъ?“

Прямого отвѣта онъ и тутъ не далъ; я пересталъ приставать“ [1]).

---

[1]) *Герценъ*, Сочиненія, т. VIII, стр. 260—261.

Торжество смерти.

За синимъ за моремъ, въ далекой землѣ,
Сошлись молодцы пировать въ февралѣ.
Тарелки бряжжатъ, и стаканы звенятъ,
И вольныя рѣчи, сверкая, кипятъ.
Дверь настежъ,—съ гуслями вошелъ старичекъ,
И всѣмъ поклонился, и сѣлъ въ уголокъ.
За нимъ съ самопрялкой старуха вошла,
Съ собой для потѣхи кота привела.
Ерошится котъ и сверкаетъ хребтомъ,
Сердито мурлычетъ и машетъ хвостомъ.
Усѣлась старуха—прядетъ и поетъ:
Подъ музыку пляшетъ, мурлыкая, котъ.

Старуха (поетъ въ носъ).

Пряжа тонкая, прядися!
Веретенышко, вертися!
А веревочка, плетися!
Тру—ру, тру—ру, тру—ру!

Котъ.

Мяу, мяу, голубокъ!

Не гуляй, другъ, одинокъ!
Мяу, мяу, молодцы!
Прячьте въ воду всѣ концы!
Мяу, мяу, мяу, мяу, мяу!

И старецъ пустился на гусляхъ играть,
Съ присвистомъ, съ прищёлкомъ пошелъ припѣвать:

Старикъ.

Ай, веревочка свивается,
Ай люли, ай люли!
Въ узелочекъ заплетается,
Ай люли, ай люли!
Да на шейку надѣвается,
Ай люли, ай люли!

Старуха.

Пряжа тонкая, прядися!
Веретенышко, вертися!
А веревочка, плетися!
Тру—ру, тру—ру, тру—ру!

Котъ.

Мяу, мяу, сѣрый котъ:
Кошечка на крышкѣ (sic) ждетъ!
Мяу, мяу, чижикъ мой,
Сидя въ клѣткѣ, смирно пой!
Мяу, мяу, мяу!

Старикъ (закатисто).

Ахъ, головушки вы удалыя,
По французской модѣ завитыя!
Вамъ не долго почивать
На подушечкахъ пуховыхъ,
Вамъ не долго погулять
Въ мягкихъ шапочкахъ бобровыхъ!
Ай, веревочка свивается,
Ай люли, ай люли!
Въ узелочекъ заплетается,
Ай люли, ай люли!
Да на шейку надѣвается,
Ай люли, ай люли!

Старуха.

Пряжа тонкая, прядися!
Веретенышко, вертися!
А веревочка, плетися!
Тру—ру, тру—ру, тру—ру!

Котъ.

Мяу, мяу, котъ глядитъ:
Чижикъ въ клѣткѣ не сидитъ.
Мяу, мяу, чижъ запѣлъ,—
Чижика нашъ котикъ съѣлъ.
Мяу, мяу, мяу, мяу!

Старикъ (закатисто).

Ахъ, вы—шейки бѣлоснѣжныя,
Дѣти барскія—вы, нѣжныя!

Галстучки пеньковые,
Други, покидайте,—
Галстучки шелковые
Къ зимѣ припасайте.
Ай, веревочка свивается.....

(Тутъ баринъ, схватясь за бутылку, сказалъ:)
„Перестань, старый чортъ: ты мнѣ скуку нагналъ!
Старуха, не пой! а ты, котъ, не пляши!
А лучше, старикъ, ты намъ сказку скажи!"
Старушка и котикъ затихнули вмигъ;
И началъ имъ сказочку баять старикъ.

Сказка

о трехъ новыхъ годахъ.

Въ одинъ вечерокъ (настаетъ новый годъ)
Гурьба молодцовъ на попойку идетъ.
Вино и шипитъ, и звѣздится въ кубкàхъ,
И младость бунтуетъ въ могучихъ сердцахъ.
Вино черезъ край начинаетъ ужъ течь;
Течетъ черезъ край и широкая рѣчь.
Свобода и доблесть у всѣхъ на устахъ,
И пѣсня лихая на звонкихъ струнахъ.
И каждый орлинымъ полетомъ летитъ,
И смѣло грядущему въ очи глядитъ.....
. . . . . .
А вотъ и опять настаётъ новый годъ,
И кучка друзей на пирушку идетъ!
Да только не всѣ собрались пировать:
Одинъ за бостонъ, а другой—почивать.

Другой говоритъ: „не приду я, друзья:
Жена у меня и большая семья“.
А третій: „вѣдь я—человѣкъ должностной,
И мнѣ-ль куликàть съ молодежью пустой?“
И вино ужъ не льется рѣкой,
И не слышно ужъ пѣсни лихой:
А только собравшись кружкомъ,
Всякъ шепчется съ другомъ тайкомъ.
А вотъ и опять настаётъ новый годъ—
Да что то никто на пирушку нейдетъ.
А въ темной конуркѣ горитъ огонекъ.
Въ конуркѣ сидитъ молодецъ одинокъ.
Вино на дубовомъ столѣ не кипитъ;
На столикѣ кружка съ водицей стоитъ;
И заперты крѣпко затворы дверей,
Чтобъ не было въ комнатѣ лишнихъ гостей.....

. . . . . .

„И жаворонокъ въ небѣ, какъ въ клѣткѣ, поетъ;
По зѐлену полю гуляетъ народъ.
Тамъ будешь, дружокъ, припѣваючи жить,
Пока ангелы станутъ въ трубы трубить“.
Теперь—слава Богу!—дошли до конца.
За это мнѣ дайте стаканчикъ винца.
Не корите, друзья, за разсказъ мой плохой;
Таковъ ужъ обычай на Руси святой:
Веселую пѣсню за здравье начнемъ,
А послѣ—на вѣчную память сведемъ.
А вамъ я желаю: безъ мукъ и заботъ,
Не разъ, господа, повстрѣчать новый годъ!

Валеріанъ.

На вотъ тебѣ чарка! Да къ чорту ступай,—
И дьявольскихъ сказокъ намъ больше не бай!

Красавица-дѣвица! арфу настрой,
Балладу, романсъ или пѣсню пропой!

Эмилія (строитъ арфу).

Тра—ла—ла—ла—ла—ла....
Я знаю балладу изъ новыхъ временъ,
Какъ съ войскомъ Донъ-Педро вошелъ въ Лиссабонъ.

Валеріанъ.

Ты спой намъ балладу, гдѣ слезы и кровь,
И смерть, и война, и дѣвицы любовь,
Гдѣ русскій дерется до смерти за честь,
Свершивъ надъ тираномъ священную месть!

Эмилія.

Я вовсе не знаю баллады такой:
Довольно вамъ будетъ и пѣсни простой!

Пѣсня

о русскомъ юношѣ.

Какъ цвѣточекъ, отягченный
Утренней росой,
Вся въ слезахъ, склонивъ головку,
Дѣвушка идетъ.

Прохожій.

Душенька, мнѣ сердце рвется,
Глядя на тебя!

Раздѣли со мною горе:
Другъ несчастнымъ—я!

Дѣвушка.

Подъ стѣнами Сантарема
Мой сердечный палъ!
Онъ, какъ левъ, за честь Маріи
До конца стоялъ.
На широкомъ полѣ битвы
Огонекъ горитъ;
На широкомъ полѣ битвы
Рыцарь мой лежитъ.
Капуцинъ пришелъ съ дарами...
„О святой отецъ!
Разрѣши мнѣ душу! Близокъ,
Близокъ мой конецъ!
И послѣднему моленью
Воина внемли:
Обо мнѣ на Русь Святую
Вѣсточку пошли!
Тамъ сидитъ моя невѣста,
Ждетъ въ слезахъ меня...
О святой отецъ! скажи ей,
Какъ скончался я.
Ты скажи, что я до гроба
Милую любилъ,
Умеръ съ вѣрой и за вольность
Душу положилъ."

Пѣвица въ раздумьи склонилась челомъ
И бросила арфу—и слезы ручьемъ!

Валеріанъ.

Красавица-радость! Что сталось съ тобой?
Какъ можно заплакать отъ пѣсни пустой?!

Эмилія (вполголоса).

На широкомъ полѣ битвы
Огонекъ горитъ;
На широкомъ полѣ битвы
Рыцарь мой лежитъ...

И снова въ раздумьи замолкла краса,
И бѣлымъ платочкомъ закрыла глаза.

Валеріанъ.

Красотка-душа! Ты не плачь, не тужи,
А лучше намъ горе свое разскажи!

Эмилія.

Онъ спитъ на поляхъ, Каталонскихъ поляхъ:
Два камня сѣдые, да крестъ въ головахъ.
Я птичкой у матушки въ домѣ жила,
Невинна, рѣзва и тщеславна была.
Онъ увидѣлъ меня—онъ мнѣ сердце отдалъ—
И несчастный! любви за любовь ожидалъ.
Онъ—бѣдный художникъ, поэтъ молодой,—
А я родилàся большой госпожей.
Онъ въ раздумьи гулялъ подъ окошкомъ моимъ,—
Я, глядя съ балкона, смѣялась надъ нимъ.
Онъ презрѣнья не снесъ; онъ былъ нѣженъ душой,—

И покинулъ нашъ городъ, и бросился въ бой,
Гдѣ рать собиралась Испаніи всей,
Гдѣ „вольность“ кричали при звукѣ мечей.
Прощаясь, онъ руки ко мнѣ простиралъ
И долго слезами порогъ обливалъ...
Я смѣялась, стояла съ другимъ у окна,
Равнодушна, какъ мраморъ,—какъ ледъ, холодна.
Онъ палъ на поляхъ, Каталонскихъ поляхъ:
Два камня сѣдые, да крестъ въ головахъ.....
Онъ письмо предъ кончиной ко мнѣ написалъ
И *слезное* мнѣ *ожерелье* прислалъ.

ПИСЬМО ЭДМУНДА КЪ ЭМИЛІИ

(*съ посылкою стихотвореній его*).

Души моей царица! Ожерелье
Вамъ посылаетъ Вашъ пѣвецъ младой:
Быть можетъ, Вамъ на брачное веселье
Поспѣетъ мой подарокъ дорогой.
Не правда ль? Жемчугу богатое собранье?
Смотрите: крупно каждое зерно;
И каждое зерно—слеза, воспоминанье,
И куплено слезой кровавою оно...
Не плавалъ я среди морей опасныхъ,
Не въ пропастяхъ сокровищъ Вамъ искалъ,
Не звонкимъ золотомъ червонцевъ ясныхъ
Вамъ ожерелье покупалъ.
Изъ сердца глубины, при свѣточа сіяньи,
Съ слезами пѣснь моя лилась въ полночный часъ:
Изъ этихъ пѣсенъ, слезъ, живыхъ воспоминаній
Я ожерелье набиралъ для Васъ.
Какъ должную Вамъ дань, съ улыбкою небрежной

Примите эту нить стиховъ и слезъ моихъ:
Такъ боги въ небесахъ пріемлютъ безмятежно
Куренье и мольбы отъ алтарей земныхъ".

Красавица дальше не въ силахъ читать,—
И начала плакать и горько [1]) вздыхать...
Но гости не требуютъ вздоховъ пустыхъ:
Имъ надобно пѣсенъ, видѣній живыхъ.
И нехотя арфу пѣвица беретъ,
И пѣсню о нѣжной графинѣ поетъ:

ПѢСНЯ О ГРАФИНѢ ТУРНЪ [2]).

Въ Тѐченѣ, въ лѣсахъ Богемскихъ
Замокъ на скалѣ стоитъ,
И подъ нимъ спокойно Эльба
Воды свѣтлыя струитъ.
Тамъ графиня молодая,
И уныла, и блѣдна,
Къ небу очи подымая,
На скалѣ стоитъ одна...
„Егерь, егерь мой прекрасный!
Посмотри: на небесахъ
Высоко ужъ мѣсяцъ ясный;

---

[1]) Тяжко. *Вар.*

[2]) Содержатель гостинницы въ *Течинѣ* разсказывалъ мнѣ исторію графини *Турнъ*. Молодая, прелестная 18—лѣтняя дочь владѣтельнаго графа Турна чахнетъ отъ безнадежной любви къ прекрасному графскому егерю. Отецъ каждый годъ возитъ ее на теплыя воды—все напрасно! Она, видимо, умираетъ. Идя пѣшкомъ по живописной долинѣ и имѣя въ виду замокъ *Турнъ*, я мечталъ это стихотвореніе. Жалѣю, что прекрасный матеріалъ не достался въ руки болѣе искуснаго художника.

Тихо въ замкѣ и въ садахъ...
На террасу удалимся!
Тамъ, въ бесѣдкѣ при лунѣ
Насладимся, насладимся
Мы любовью въ тишинѣ!"

Егерь.

Ахъ, *Эльвира*! Вы—графиня!
Кто же я?—Вассалъ простой!
И любовь моя погубитъ
Драгоцѣнный Вашъ покой.
Недоступный надъ долиной
Замокъ графскій вознесенъ:
Недоступною судьбиной—
Я съ Эльвирой разлученъ!

Графиня.

Пусть мой замокъ превышаетъ
Башни дальнихъ городовъ:
Всѣ препоны побѣждаетъ
Всемогущая любовь!
А когда въ бореньи съ міромъ
Ей побѣда измѣнитъ,
Какъ Коломбъ, она изъ міра
Обветшалаго летитъ,
И подъ грознымъ ураганомъ
Смѣлый пробивая слѣдъ,
За могильнымъ океаномъ
Новый открываетъ свѣтъ!

А вотъ одиноко графиня сидитъ,
Въ раздумьи, въ тоскѣ про себя говоритъ:

„Для графа и для егеря одно
Сіяетъ солнце надъ богемскими скалами;
Для графа и для егеря равно
Струится Эльба межъ зелеными лугами.
Святая Дѣва! Чѣмъ виновна я,
Что краше онъ и тѣломъ, и душою,
Чѣмъ всѣ бароны, графы и князья
Съ ихъ титлами, съ ихъ пышностью златою?
Какъ пышно локоны его густые
Віются подъ возвышеннымъ челомъ!
И какъ онъ милъ въ зеленомъ казакинѣ
Съ своимъ ружьемъ двуствольнымъ за плечемъ!
Печальный жребій свой давно я знаю;
Забыть его вовѣки не могу,
Разбить приличій цѣпи не дерзаю,—
И смерти я съ покорностію жду...
Чье сердце строгіе законы свѣта
Желѣзной раздробятъ рукой,—
Тотъ лишь въ прохладной ночи гроба
Найдетъ цѣлительный покой!
Къ чему, родитель, нѣжныя заботы?
Ужъ Ангелъ смерти надо мной паритъ,
И блекнутъ отъ холоднаго дыханья
Младыя розы дѣвственныхъ ланитъ...

Валеріанъ.

Друзья! Чтобъ достойно окончить сей пиръ,
Въ театръ поспѣшимъ: тамъ фантазіи міръ!
Насъ опера ждетъ и волшебный балетъ:
Посмотримъ, что̀ нынче покажетъ поэтъ!

Театръ.

Занавѣсъ еще не поднятъ. Актеръ выходитъ на авансцену и говоритъ:

Прологъ.

Почтеннѣйшіе господа!
Сегодня мы имѣемъ честь
Представить: „*Новое видѣнье,*
Столицы древней разрушенье“,
Иль называемый иначе:
„*Языческій Апокалипсисъ*“,
Дивертисментъ полуволшебный,
Творенье юнаго поэта,
Еще сокрытаго для свѣта...
Директоръ не жалѣлъ издержекъ,
Чтобъ поддержать сію піэсу
И произвесть эффектъ, какъ должно:
Онъ много выписалъ машинъ
И кучу новыхъ декорацій,
И всѣхъ богинь, за исключеньемъ Грацій.
Почтеннѣйшіе господа!
Вы снисхожденье окажите
Поэту и актерамъ,—
И трудъ нашъ общій наградите
Рукоплесканій хоромъ.

(Увертюра. Колокольчикъ звенитъ. Занавѣсъ подымается. Театръ представляетъ воздухъ и заливъ Іонійскаго моря. Вдали виденъ древній, великолѣпный городъ. *Немезида* съ бичемъ въ рукахъ сидитъ на воздушномъ престолѣ, окруженная подземными духами мщенія.

Немезида.

Въ трубы громкія трубите:
Вѣтры всѣ ко мнѣ зовите!

Духи (трубятъ).

Собирайтесь, собирайтесь!
Вѣтры, съ запада слетайтесь! (*трижды*).
Гласъ правдивой Немезиды
За столѣтнія обиды
Васъ на мщеніе зоветъ:
Вѣтры, вѣтры, всѣ впередъ!

Вѣтры прилетаютъ со свистомъ и шелестомъ и, какъ покорные рабы, ложатся у ногъ Немезиды.

Немезида (потрясая бичемъ).

Вѣтры, море обхватите,
Море къ небу всколыхните,
Вздуйте волны, подымите,
И какъ горы, покатите!...
. . . . . .

Вѣтры рѣзвыми прыжками изъявляютъ свою радость, лижутъ ноги Немезиды и потомъ пляшутъ, присвистывая.

Хоръ вѣтровъ.

Пойте и пляшите, други,

Въ рѣзвые свивайтесь круги:
Мщенья, мщенья часъ насталъ!
Лютый врагъ нашъ, ты пропалъ!
Какъ гигантъ, ты сталъ предъ нами,
Насъ съ презрѣньемъ оттолкнулъ
И желѣзными руками
Волны въ пропастяхъ замкнулъ,

Часто, часто осаждали
Мы тебя съ полкомъ валовъ
И позорно отступали
Отъ гранитныхъ береговъ!
Но теперь за всѣ обиды
Бичъ отмщаетъ Немезиды!
Что? и намъ пришла пора?
Ха, ха, ха, ура! ура!

Музыка играетъ галопъ. Вѣтры улетаютъ попарно—въ бурной пляскѣ. Являются на воздухѣ миріяды сердецъ, облитыхъ кровью и пронзенныхъ кинжалами.

Хоръ сердецъ.

Въ грудяхъ юношей мы бились
За свободу, правоту,
Къ безконечному стремились,
Обожали красоту...
. . . . . .
Да прольется жъ надъ симъ градомъ
Мщенья вѣчнаго фіалъ!

О святая Немезида,
Да отмстится намъ обида! (*трижды*)

Немезида ударяетъ бичомъ. Буря начинается. Отдаленные раскаты грома, молнія; вѣтры воютъ, море стонетъ, скалы глухо откликаются; морскія птицы стаями летятъ къ берегу; волны, вынырнувъ изъ бездны, подымаютъ головы къ небу и цѣлуютъ края ризы его (?).. Являются миріяды факеловъ, погасшихъ и курящихся.

Хоръ факеловъ.

Богъ зажегъ насъ, чтобъ сіяли
Мы средь сѣверныхъ ночей,—
И мы съ радостью пріяли
Огнь отъ божескихъ лучей...
. . . . . .
О святая Немезида,
Да отмстится намъ обида! (*трижды*)

Немезида ударяетъ бичемъ. Большой военный корабль крутится въ водоворотѣ, разбивается о скалу и исчезаетъ въ волнахъ...

Хоръ звѣздъ.

Чистой доблести свѣтила,
Мы взошли на небеса,—
И съ надеждой обратили
Къ намъ отечество глаза...
. . . . . .
О святая Немезида,
Да отмстится намъ обида! (*трижды*)

Являются блѣдныя тѣни воиновъ, покрытыя кровью и прахомъ: на головахъ у нихъ терновые вѣнки, перевитые лаврами, а въ рукахъ—переломленные мечи.

Хоръ воиновъ.

Крѣпко мы за вольность бились,
За всемірную любовь;
Но мечи переломились,
И изсякла въ жилахъ кровь!
Къ намъ народы обратили
Очи, смутные отъ слезъ,—
Но,—безсильные!—просили
Только мщенья у небесъ!

. . . . . .

Изрекли ужъ Эвмениды
Приговоръ свой роковой,
И сѣкира Немезиды
Поднята ужъ надъ тобой!

О святая Немезида,
Да отмстится намъ обида! (*трижды*)

Немезида.

Подымается съ престола, и одною рукою потрясая бичемъ, а другою указывая на городъ, говоритъ:

Часъ отмщенья наступаетъ:
Море стогны покрываетъ,
И какъ поясъ, обвиваетъ

Стѣны крѣпкія дворцовъ,
Храмы свѣтлые боговъ.

Поликратъ Самосскій

выходитъ на плоскую кровлю іонійскаго дворца.

О народъ, народъ, молися!
Къ небу вознеси свой гласъ:
За грѣхи караетъ насъ
Бога вышняго десница!

Хоръ утопающаго народа.

Не за наши,—за твои
Богъ караетъ насъ грѣхи...
. . . . . .
И кометы вѣковой
Хвостъ віется за тобой,
Навѣвая смертный холодъ;
Очи въ кровь потоплены,
Какъ затмѣніе луны.
Погибаемъ, погибаемъ!...
. . . . . .

Небо (гремя съ высоты).

И нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!

Земля (глухо откликаясь).

Аминь!
Послѣдній приливъ моря,—городъ исчезаетъ.

Небо и Земля (въ одинъ голосъ).

Аминь!!!

Волны въ торжественныхъ колесницахъ (sic) скачутъ по развалинамъ древняго города; надъ ними въ воздухѣ паритъ Немезида, и потрясая бичемъ, говоритъ:

Мщенье неба совершилось:
Все [1]) волнами поглотилось!
Сѣверные льды сошли.
Карѳагенъ, спокойно шли
Прямо въ Индью корабли:
Нѣтъ враждебныя земли!

Музыка играетъ торжественный маршъ. Являются всѣ народы, прошедшіе, настоящіе и будущіе, и поклоняются Немезидѣ.

Хоръ народовъ.

Преклоняемся, смиряемся,
О богиня, предъ тобой,
И какъ дѣти поучаемся
Чтить любви законъ святой!

---

[1]) Слово, произвольно поставленное вмѣсто какого-то «мудренаго» собственнаго имени.

Наказуется гордыня
И народовъ, и царей,
И равно сѣчетъ богиня
Флотъ, и лодку рыбарей!

Всѣ народы, настоящіе, прошедшіе и будущіе, соединяются съ служебными духами Немезиды и вмѣстѣ съ ними составляютъ большой балетъ. Буря утихаетъ, и надъ гладкою поверхностью моря—съ Востока подымается вѣчное солнце. Музыка играетъ тихій маршъ. Небо и земля посылаютъ взаимныя привѣтствія. Занавѣсъ опускается.

Въ заключеніе тѣ же актеры имѣютъ честь представить

Торжество смерти.

(интермедія).

Занавѣсъ подымается. Театръ представляетъ вселенную во всей ея красотѣ и великолѣпіи. Большой балетъ; небесныя тѣла проходятъ въ стройной пляскѣ подъ музыку мірозданія.

Является *Смерть*—прекрасный юноша на бѣломъ конѣ. На плечахъ его развѣвается легкая бѣлая мантія; на темнорусыхъ кудряхъ вѣнокъ изъ подснѣжниковъ.

Небо, и земля, и народы земли и прочихъ планетъ сопровождаютъ Смерть съ громкими восклицаніями:

Vive la mort! vive la mort! vive la mort!

Смерть.

Обновляйся ликъ природы,—
Ветхій міръ, пади во прахъ!
Вспряньте, юные народы
Въ свѣжихъ вольности вѣнкахъ!

Юные народы тѣснятся около Смерти, обнимаютъ ея колѣна, цѣлуютъ ея серебряныя шпоры и позолоченныя стремена!

Vive la mort! vive la mort! vive la mort!

Хоръ юныхъ народовъ

поетъ.

Веселитеся! Спаситель,
Царь нашъ, міра искупитель,
Въ свѣтломъ торжествѣ грядетъ!
Аллилуія, аллилуія, аллилуія!
. . . . . .
Міръ, тобою обновленный,
Пѣснь хвалы тебѣ поетъ:
Аллилуія, аллилуія, аллилуія!

1. Полухоріе.

. . . . . .
Царствуй, царствуй, богъ веселый,

. . . . . .

Богъ свободы, богъ движенья,
Вѣчнаго преображенья!
Богъ все сокрушающій,
Богъ все воскрешающій,
Богъ все созидающій!
Аллилуія, аллилуія, аллилуія!
Ветхое, ничтожное,
Слабое и ложное
Предъ тобой падетъ!
Вольное, младое,
Творчески живое
Смертью разцвѣтетъ!
Аллилуія, аллилуія, аллилуія!

II. Полухоріе.

Посмотри: скалы сѣдыя
Распахнулись предъ тобой,
И источники живые
Скачутъ сребряной струей.
Ступишь ты,—и разцвѣтаютъ
Пышно изъ могилъ цвѣты;
Изъ цвѣтовъ вѣнки сплетаютъ
Новобрачныя четы.
Надъ могилою спокойной
Радость буйная шумитъ,
И обнявшись, въ пляскѣ стройной
Дѣва съ юношей летитъ.

. . . . . .

Весь хоръ.

Насъ исхитившій отъ тлѣнья
Средь темницы и оковъ,
Гласъ прими благодаренья!...
. . . . . .
А когда мы подъ клюкою
Духомъ склонимся во прахъ,
Боже, дивною рукою
Обнови насъ въ сыновьяхъ!
. . . . . .
Vive la mort! vive la mort! vive la mort!

Процессія удаляется. Музыка замираетъ въ неопредѣленныхъ звукахъ. Актеры и зрители изчезаютъ, какъ тѣни. Поэтъ одинъ со свиткомъ въ рукахъ стоитъ на древнихъ развалинахъ. Богъ смерти является ему въ образѣ черноокой венеціанки.... Поэтъ предъ кончиной еще разъ беретъ арфу и прерывающимся голосомъ поетъ.

Пѣснь умирающаго поэта.

Гори, гори, мой факелъ томный!
Но вспыхни предъ концомъ живѣй!
На мой ты жребій грустный, темный
Сіянье тихое пролей!
Вся жизнь моя—одно желанье,
Несбывшійся надежды сонъ,
Или художника мечтанье,
Набросанное на картонъ.

И страждущая грудь лелѣетъ
Видѣній дивную семью:
Рука дрожитъ, языкъ нѣмѣетъ
Осуществить мечту мою.
Созданье вѣчное готово
И рвется изъ груди поэта...
Кто скажетъ творческое слово?—
И разольется море свѣта!
Давно въ груди поэта рдѣетъ
Россіи свѣтлая заря:
О, выньте изъ груди зарю—
Пролейте на небо Россіи!

Поэтъ начинаетъ бредить:

О, дайте предъ кончиной
Пѣснь громкую пропѣть:
Я съ пѣснью лебединой
Хотѣлъ бы умереть!
Гремитъ на полѣ ратномъ
Побѣды крикъ въ рядахъ,
И я въ крови съ булатнымъ
Мечемъ паду во прахъ!
И счастія Россіи
Залогъ вамъ—кровь моя!
И всѣ грѣхи Россіи
Омоетъ кровь моя!
Мое вы сердце въ урну
Съ почтеньемъ положите
И русскимъ эту урну
Въ день славы покажите!
Хоругвь твоя заблещетъ,
Потомство, предо мной,

Мой пепелъ затрепещетъ
Подъ крышкой гробовой.....
Я силой благодатной
Прольюся на Россію.....
. . . . . .

Поэтъ умираетъ, не докончивъ куплета. Занавѣсъ упадаетъ съ шумомъ—для кого? Поэтъ былъ послѣдній актеръ и послѣдній зритель.

Поэмою „Торжество смерти“, которая представляетъ наибольшее оригинальное произведеніе Печерина, дорожилъ не одинъ Герценъ. Собратъ послѣдняго по оружію и вѣрный другъ до гроба, Н. П. Огаревъ тоже придавалъ этому произведенію, какъ симптому эпохи, важное значеніе, какъ видно изъ его словъ:

„Во время притаенія общественнаго вопроса лучшіе люди, т. е. наиболѣе образованные, тѣ, которые не могли ни пристать къ успокоившейся толпѣ, ни уйти въ чувство собственной отчужденности отъ человѣческаго міра,—ушли въ науку—и въ отвлеченныя стремленія. Это направленіе было естественно. Поневолѣ приходилось спрашивать: что̀ и какъ? И лучшіе люди принялись за разработку теоріи. Практика требовала своего.. Правительство терпѣло научную дѣятельность“ (стр. LXXVI, LXXVII).

„Собственно научная дѣятельность не произвела дѣйствительныхъ талантовъ въ поэзіи. Для этого у нея не было живой связи съ жизнью. Поэзіи приходилось не откликаться на живыя впечатлѣнія, а изобрѣтать ихъ вслѣдствіе теоріи Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ она еще примкнула было къ общественному вопросу въ „Торжествѣ Смерти“ Печерина; но рукопись не вышла изъ предѣловъ тѣснаго кружка друзей и не отозвалась въ публикѣ. Облечь теоретическое пониманіе жизни и общественной будущности въ поэму и разомъ высказать отчаяніе въ исходѣ общественной жизни—шло человѣку съ развитымъ научнымъ пониманіемъ и задыхающемуся подъ тяжестью его времени. Поэма, не смотря на ея отвлеченность, обличала сильный поэтическій талантъ, который могъ бы развиться. Какимъ образомъ авторъ ея погибъ хуже всѣхъ смертей, постигшихъ русскихъ поэтовъ

погибъ равно для науки и для жизни, погибъ заживо, одѣвшись въ рясу іезуита, и отстаивая дѣло мертвое и враждебное всякой общественной свободѣ и здравому смыслу?... Это остается тайной; тѣмъ не менѣе мы со скорбью смотримъ на смрадную могилу, въ которой онъ преступно похоронилъ себя. Воскреснетъ ли онъ въ живое время русской жизни, или ему пріятнѣе жечь протестантскія библіи въ Ирландіи?... Какъ знать? Если внѣшнее чудо могло столкнуть его живого въ гробъ, то внутренняя сила можетъ и вырвать изъ него. Покаяніе не только христіанская мысль, но необходимость для всего человѣчески-искренняго".

Поэма Печерина относится къ 1837 или 38 году. (LXXVII—LXXVIII).

Иначе смотритъ на эту поэму *Ѳ. Г. Достоевскій*. Въ своемъ романѣ „Бѣсы" онъ рецензируетъ ее, приписывая ея авторство своему герою, отставному либеральному профессору сороковыхъ годовъ Степану Трофимовичу Верховенскому. Достоевскій не придаетъ никакого серьезнаго значенія аллегоріи Печерина и передаетъ ея содержаніе въ такой юмористической формѣ:

„Это—поэма не безъ поэзіи и даже не безъ нѣкотораго таланта, странная, но тогда (то-есть вѣрнѣе въ тридцатыхъ годахъ) въ этомъ родѣ часто пописывали. Разсказать же сюжетъ затрудняюсь, ибо, по правдѣ, ничего въ немъ не понимаю. Это какая-то аллегорія въ лирико-драматической формѣ и напоминающая вторую часть Фауста. Сцена открывается хоромъ женщинъ, потомъ хоромъ мужчинъ, потомъ какихъ-то силъ, и въ концѣ всего хоромъ душъ, еще не жившихъ, но которымъ очень бы хотѣлось пожить. Всѣ эти хоры поютъ о чемъ то очень неопредѣленномъ, большею частію, о чьемъ-то проклятіи, но съ оттѣнкомъ высшаго юмора. Но сцена вдругъ перемѣняется, и наступаетъ какой-то „Праздникъ жизни", на которомъ поютъ даже насѣкомыя, является черепаха съ какими-то латинскими сакраментальными

словами, и даже, если припомню, пропѣлъ о чемъ-то одинъ минералъ,—то-есть предметъ уже вовсе неодушевленный. Вообще же всѣ поютъ безпрерывно, а если разговариваютъ, то какъ-то неопредѣленно бранятся, но опять таки съ оттѣнкомъ высшаго значенія. Наконецъ, сцена опять перемѣняется, и является дикое мѣсто, а между утесами бродитъ одинъ цивилизованный молодой человѣкъ, который срываетъ и сосетъ какія-то травы, и на вопросъ феи: „зачѣмъ онъ сосетъ эти травы?“ отвѣтствуетъ, что онъ, чувствуя въ себѣ избытокъ жизни, ищетъ забвенія и находитъ его въ сокѣ этихъ травъ, но что главное желаніе его—поскорѣе потерять умъ (желаніе, можетъ быть, и излишнее). Затѣмъ вдругъ въѣзжаетъ неописанной красоты юноша на черномъ конѣ, и за нимъ слѣдуетъ ужасное множество всѣхъ народовъ. Юноша изображаетъ собою смерть, а всѣ народы ея жаждутъ. И, наконецъ, уже въ самой послѣдней сценѣ вдругъ появляется Вавилонская башня, и какіе-то атлеты ее, наконецъ, достраиваютъ съ пѣсней новой надежды, и когда уже достраиваютъ до самаго верху, то обладатель, положимъ, хоть Олимпа, убѣгаетъ въ комическомъ видѣ, а догадавшееся человѣчество, завладѣвъ его мѣстомъ, тотчасъ же начинаетъ новую жизнь съ полнымъ проникновеніемъ вещей. Ну, вотъ эту-то поэму и нашли тогда опасною“.

Что касается до источниковъ этой поэмы В. С. Печерина, то одинъ изъ нихъ уже указанъ Достоевскимъ: II ч. „Фауста“ Гёте. Вторымъ источникомъ, на нашъ взглядъ, является мистерія А. В. Тимоѳеева „Послѣдній день“, т. е. вселенной. Коснемся этого любопытнаго произведенія, а также и самого автора.

Алексѣй Васильевичъ Тимоѳеевъ (Тимофеевъ), сынъ губернскаго секретаря, родился 15 марта 1812 г. въ г. Курмышѣ Симбирской губерніи, учился (по свѣдѣніямъ казанскаго университетскаго архива) своекоштнымъ полупансіонеромъ въ казанской гимназіи съ 1825 года, окончилъ курсъ 26 іюня 1826 г., поступилъ въ казанскій же университетъ по словесному отдѣленію 13 іюля 1827 г., а утвержденъ студентомъ 6 сентября того же года, но 24 сентября уже переведенъ на нравственно-политическое отдѣленіе, гдѣ и окончилъ курсъ кандидатомъ 26 іюня 1830 г., не имѣя еще 19 лѣтъ. Съ 1831 г. служилъ въ Петербургѣ по удѣламъ помощникомъ столоначальника—до 1834 г., когда вышелъ въ отставку и совершилъ заграничное путешествіе. Съ 1835 г. служилъ опять въ Петербургѣ въ редакціи „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія", и въ 1843 г. перешелъ въ Одессу въ канцелярію къ генералъ-губернатору графу М. С. Воронцову, потомъ возвратился въ Петербургъ, служилъ столоначальникомъ въ Министерствѣ Юстиціи; въ 1849 г. назначенъ въ Уфу губернскимъ прокуроромъ. Здѣсь Тимоѳеевъ прослужилъ 4 года, потомъ вышелъ въ отставку, жилъ два года подъ Москвой, въ имѣніи своей жены, урожденной Свищевой. Въ 1856 г. переѣхалъ въ Москву и поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій къ генералу-губернатору, графу А. А. Закревскому. Въ 1870 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (*Н. В. Гербель*, „Христоматія для всѣхъ", изд. 1873 г., стр. 434—441).

Литературная дѣятельность его протекала подъ эгидою Сенковскаго, Греча и Булгарина, которые ставили его въ уровень съ Пушкинымъ (Пятковскій, Изъ исторіи нашего умственнаго и общественнаго развитія, т. II, стр. 216). Писалъ онъ и прозой, и стихами, сотрудничалъ въ „Сынѣ Отечества", „Библіотекѣ для чтенія" и „Маякѣ", а также и выпускалъ свои труды отдѣльными книжками. Въ 1837 г. вышли его

„Опыты“ въ 3 томахъ съ портретомъ. Его дѣятельность литературная продолжалась съ 1832—1843 г. Послѣ этого онъ замолкъ вплоть до семидесятыхъ годовъ, когда выпустилъ въ свѣтъ большое сочиненіе „Микула Селянинова“ въ 2 т. (1876).

Вышедши въ отставку, Тимоѳеевъ переѣхалъ въ Петербургъ. Скончался у себя въ имѣніи въ Саратовской губерніи, въ іюлѣ 1883 года. И. И. Панаевъ зналъ А. В. Тимоѳеева еще въ его поэтическую пору. „О Тимоѳеевѣ“, пишетъ онъ, „ходили странные слухи: живя на дачѣ въ Парголовѣ одно лѣто, онъ вырылъ, говорятъ, какую-то *пещеру* и въ ней читалъ и писалъ, возбуждая къ себѣ любопытство дачницъ, которыя прозвали его „парголовскимъ пустынникомъ“. Тимоѳеевъ былъ высокъ ростомъ, красивъ и немного туповатъ на видъ. Онъ говорилъ неестественно тихо, и какъ то вдохновенно закатывалъ глаза подъ лобъ. Онъ не въ шутку вообразилъ, что онъ поэтъ, добродушно повѣривъ мистификаціи Сенковскаго“ („Литературныя воспоминанія“, стр. 151).

Музу его можно (кромѣ нѣкоторыхъ удавшихся пѣсенъ въ народномъ духѣ, както: „Борода ль моя, бородушка“, очень популярный романсъ) назвать *нельпо*-романтическою. Свои якобы грандіозные замыслы онъ воплощалъ въ „мистеріяхъ“, которыя доставили ему и его покровителю—Сенковскому насмѣшки. Напр., въ пародіи на балладу Жуковскаго „Смальгольмскій баронъ“ мы читаемъ:

Фантастическій бѣсъ въ кацавейкѣ своей,
Потирая руками, гулялъ.
Слышенъ стукъ у дверей—и на зовъ: „Ну, скорѣй!“
Въ кабинетъ Тимоѳеевъ вбѣжалъ.—
„Подойди, мой *уродецъ*, поэтъ мой *плохой*!
Ты мнѣ *три года* другъ и родня.

Будь мнѣ преданъ душой, а не то — чортъ съ тобой,
Пропадешь ты, какъ песъ, безъ меня!...
Но обманутъ ты не былъ ли глупой мечтой,
Напримѣръ, хоть *мистерій* своихъ?
Ты невольно порой—охъ, раздуй те горой!
Съ панталыку сбиваешься въ нихъ"!—
„Не *мистерилось* мнѣ, не писалъ я пять дней,
А все видѣлъ и слышалъ я самъ"...
—„Ахъ ты, *Миѳъ Тимоѳеичъ*, изъ лыка ты сшитъ!
Мнѣ ты смѣешь совѣты давать!"

(*К. А. Бахтуринъ*, Баронъ Брамбеусъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, изд. Полевого, СПБ. 1888 г., стр. 557—559). Никитенко такъ описываетъ Тимоѳеева:

„Встрѣтилъ недавно Тимоѳеева, бывшаго нѣкогда литераторомъ, но уже давно не появлявшагося въ печати. Я не видѣлъ его лѣтъ 15 и насилу могъ узнать. Лицо его, нѣкогда довольно пріятное, теперь точно опухло и заплыло жиромъ. Онъ женился, разбогатѣлъ, взявъ за женой огромное имѣніе, не служитъ, отъѣдается и отпивается то въ своихъ деревняхъ, то въ Москвѣ. Это былъ большой писака! Писаніе у него было родъ какого то животнаго процесса, какбы совершавшагося безъ его вѣдома и воли. Онъ мало учился и мало думалъ. Какъ подъ мельничными жерновами, у него въ мозгу все превращается въ стихи, и стихи выходили гладкіе, иногда даже въ нихъ присутствовала мысль,—но всетаки, кажется, безъ вѣдома автора. Журналы наполнены были его стихами. Онъ издалъ три тома своихъ сочиненій съ портретомъ—и вдругъ замолчалъ и скрылся куда то. Но вотъ теперь выплылъ съ семьей, съ деньгами и съ брюхомъ —уже безъ стиховъ. Впрочемъ, виноватъ, стихи есть. У него со временемъ развилось странное направленіе: онъ писалъ и пряталъ все написанное. У него полны ящики исписанной

бумаги, которые онъ мнѣ разъ показывалъ.

—„Что же Вы не печатаете?“ спросилъ я его.

—„Да такъ“, отвѣчалъ онъ: „вѣдь я пишу, потому что пишется“.

Несмотря на это, онъ однако любитъ кому-нибудь читать свои произведенія“.

(*А. В. Никитенко*, Записки и дневникъ, т. II, стр. 35—36, 28 марта 1856 г.).

Въ приведенныхъ отрывкахъ поэмы Печерина нельзя не замѣтить пародирующаго, ироническаго тона. Объектомъ для пародіи и послужила напечатанная въ 1834 г. (а „Торжество Смерти“ писано, повидимому, въ 1837 г., см. выше, стр. 56) въ „Библіотекѣ для чтенія“ мистерія „Послѣдній день“; это станетъ ясно, если мы сравнимъ поэму Печерина съ нижеприводимымъ содержаніемъ мистеріи А. В. Тимоѳеева („Опыты“, т. I, стр. 305—347).

Сцена изображаетъ прелестную долину. Разсвѣтъ, небо ясно, легкій вѣтерокъ, благоуханіе цвѣтовъ и пѣніе птичекъ. Посреди долины за столами пируютъ. Вдали городъ, деревни, поля. Предсѣдатель пира проситъ Эмму спѣть, чтобы прогнать дремоту. Эмма воспѣваетъ наслажденіе и приглашаетъ ловить часы. Общее настроеніе, вновь поднятое, портитъ видъ похоронъ. Но предсѣдатель предлагаетъ удалить тревогу разсказами о счастливыхъ моментахъ каждаго изъ пирующихъ. Одинъ юноша высказываетъ довольство судьбою и удовлетвореніемъ физическихъ потребностей. Другой юноша напоминаетъ о бранной славѣ, третій видитъ счастье въ любви, четвертый —въ деньгахъ, для пятаго оно—въ поэзіи—и то счастье непостоянное. Всеобщую тревогу возбуждаетъ заря на *западѣ*, даже цѣлое зарево, хотя нѣтъ еще солнца. Предсѣдатель предполагаетъ, что дѣло объяснится само собою. На тему о счастьи начинаютъ разсуждать женщины: одна жалуется, что у нея дѣти, другая признаётъ себя несчастной, что нѣтъ у нея дѣтей. Третья, четвертая, пятая мечтаютъ о суетѣ, о по-

клонникахъ, о танцахъ, о балахъ, выѣздахъ и т. д. Шестая: „принимать всегда прелата, и я бъ счастлива была!“. Пожилой мужчина резюмируетъ всѣ женскія изъявленія: „ихъ самъ чортъ не сгомонитъ!“ Эмма объясняетъ, что для нея все счастье въ Генрихѣ, предсѣдателѣ пира. Далѣе излагаютъ свое пониманіе счастья пожилые мужчины. Одинъ хочетъ быть славнымъ вельможею, другой желаетъ спокойнаго, идиллическаго уголка, третій мечтаетъ о тепломъ мѣстечкѣ. Старикъ былъ бы доволенъ здоровыми зубами. Еще одинъ заявляетъ, что счастья вообще нѣтъ; другіе, что счастіе—въ паштетахъ или въ швейцарскомъ сырѣ; наконецъ: „наше счастье—вино!“ Вотъ появляется „старикъ въ рубищѣ“, объявляющій конецъ міра и убѣждающій покаяться. Его высмѣиваютъ и даже прогоняютъ.

Затѣмъ излагаетъ свое мнѣніе предсѣдатель. Мысль его такова: „у всякаго свое здѣсь счастье, и счастья нѣтъ ни у кого!“ Хотя онъ вездѣ бывалъ, и все извѣдалъ, но „счастье все его бѣжало“. Его томила скука—и самое царство, и слава не удовлетворили его. Съ радостью покинувъ престолъ, онъ радъ, что его выбрали въ предсѣдатели пиршествъ. Теперь: „во время, въ пору, кстати, вотъ счастья нашего девизъ!“. Восходитъ солнце, но и на западѣ заря становится все багровѣе. Старикъ изъ присутствующихъ начинаетъ изображаетъ ужасное паденіе нравственности; преступленія растутъ. Предсѣдатель говоритъ, что всегда такъ было —съ тѣхъ поръ, какъ среди шести людей, составлявшихъ единое семейство, оказался одинъ братоубійца. Появляются танцовщицы, которыя и пляшутъ, и поютъ, порознь и хоромъ, умоляя Сатурна пощадить „Венеринъ садъ“.

„Вдругъ раздается ужасный ревъ. Со всѣхъ сторонъ появляются дикіе звѣри и, повѣся головы, взрывая когтями землю (sic), идутъ къ пирующимъ. Танцы прерываются. Всѣ въ ужасѣ соединяются въ одну безпорядочную группу. Крикъ,

шумъ, суматоха. Звѣри подошедши къ людямъ, начинаютъ ласкаться къ нимъ. Ужасъ переходитъ въ изумленіе" (стр. 336—337).

У тигра глаза налились кровью, шерсть стоитъ щетиной, а онъ лижетъ руку и какъ будто молитъ о пріютѣ. Собутыльники хотятъ расходиться. Солнце начинаетъ меркнуть; на западѣ появляется другое—необыкновенной величины; тусклое, багровое, оно идетъ прямо къ первому. Повсюду водворяется необыкновенная тишина. Пирующіе, блѣдные, совершенно разстроенные, стоятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Предсѣдатель считаетъ другое солнце простою кометою и требуетъ вина. Но пирующіе даютъ тягу, бѣгутъ домой; нѣкоторые хотятъ отдавать имѣніе нищимъ и идти къ пастору. Всѣ окрестности наполняются народомъ въ перемежку со звѣрями. Вода превращается въ кровь. Оба солнца, сошедшись, сливаются въ одно, и вдругъ раздвинувшись огненною полосою по всему небу, разрѣзываютъ его отъ одного конца до другого. Потомъ полоса исчезаетъ, и небесный сводъ становится чернымъ, какъ смоль. Съ земли наконецъ поднимаются густыя облака чернаго тумана; повсюду глубокій мракъ и торжественная тишина, прерываемая стонами, ревомъ и скрежетомъ зубовъ. Гробы раскрываются съ трескомъ; мертвые встаютъ и присоединяются къ живымъ; земля колеблется. Въ разныхъ мѣстахъ вспыхиваютъ волканы.

Предсѣдатель и Эмма спасаются на утесѣ. Эмма боится, но ея другъ любуется чудной картиною разрушенія міра и подробно описываетъ ее. Онъ смотритъ и на людей, которые прежде ругались небомъ, а теперь ползутъ, глотая прахъ и пыль, и въ униженьи просятъ жизни.

И что жъ? Для этихъ то презрѣнныхъ,
Для этихъ нищихъ—этотъ стройный,
Прекрасный, безконечный міръ

Разрушить!—Нѣтъ! Для наказанья
Дѣтей не разрушаютъ царствъ!

Эмма ужасается, но онъ все резонерствуетъ: „пускай все гибнетъ!“... „Смерть

Не пощадитъ тебя за то,
Что ты трепещешь передъ нею.

Наконецъ онъ утѣшаетъ ее тѣмъ, что, „когда воскресли мертвецы, живые не погибнутъ“, а самъ все любуется видами, пока вѣтеръ не срываетъ ихъ обоихъ съ утеса! они кружатся въ туманѣ и исчезаютъ.

Съ земли начинаетъ подыматься кровавый столбъ. Кругомъ его летаютъ огни въ видѣ огромныхъ молній. Далѣе со всѣхъ сторонъ черный мракъ.

Запѣваетъ „хоръ огненныхъ духовъ“, рекомендующій себя, какъ „порожденье сѣмени древа, зла и огня“; эти духи молятъ сотворить судъ надъ ними и человѣкомъ. Другой „хоръ духовъ въ кровавомъ столбѣ“ выдаетъ себя за кровь невинныхъ убіенныхъ, слезы сиротъ и стоны рабовъ. Эти молятъ Бога о призрѣніи и защитѣ; третій „хоръ черныхъ духовъ“, „порожденіе сѣмени древа, крови и зла“, молитъ сотворить судъ между ними и человѣкомъ (стр. 343—345).

Наконецъ земля затрещала страшно и раскололась въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Изъ огромныхъ разсѣлинъ вспыхиваетъ огонь съ сѣрнымъ, удушливымъ дымомъ. Огонь освѣщаетъ толпы народа, скопившагося во мракѣ и изрыгающаго хулы и отчаяніе.

Кровавый столбъ, поднявшись до самаго неба, упирается въ него. Земля загарается. Небо разверзается; сокрушенный его сводъ со страшнымъ звономъ сыплется по воздуху хрустальными осколками.

Сквозь отверстія пробивается ослѣпительный свѣтъ.

Раздается „хоръ праведниковъ“:

Свѣте нашъ тихій,

Богъ и владыка
Неба, земли!
Дверь милосердья
Намъ—недостойнымъ,
Грѣшнымъ рабамъ,
Въ небѣ отверзи,
И покаянье
Наше прими!

Небо падаетъ цѣлою пеленою. Со всѣхъ сторонъ необыкновенное сіяніе. Земля разрушается въ одно мгновеніе ока и милліонами пылающихъ обломковъ летитъ въ преисподнія бездны. Въ свѣтломъ воздухѣ видны миріады людей, и съ громовымъ эхомъ раздаются въ пространствѣ уничтоженной вселенной

звуки страшной трубы.

(Опыты Т. м. ф. а. Спб, 1837, ч. I, стр. 305—347).

Поступивши въ монахи, отказавшись ради аскетическаго подвига отъ науки и искусства, В. С. Печеринъ, конечно, совершенно перемѣнилъ и взглядъ на прежнюю литературную свою дѣятельность. Но врожденное призваніе къ поэзіи и творчеству, разумѣется, не могло умереть. Несмотря на нѣсколько пренебрежительный отзывъ о своихъ произведеніяхъ (въ разговорѣ съ А. И. Герценомъ, см. выше, стр. 29), В. С., повидимому, отъ времени до времени пописывалъ стихи, и притомъ на своемъ родномъ языкѣ. Это обнаружилось въ 1865 г. [1]), когда В. С. прислалъ И. С. Аксакову, редактору газеты „День", свои стихи, которые должны были показать, что поэтъ „не забылъ ни русскаго языка, ни русскихъ думъ". Стихи чрезвычайно сильно подѣйствовали на отзывчиваго и благороднаго Ивана Сергѣевича. Печатая пьэсы Печерина, онъ воскликнулъ: „Мы не знаемъ, найдется ли въ Россіи человѣкъ, которому глубокая скорбь этихъ искреннихъ, сердечныхъ, ароматическихъ стиховъ не выворотила бы всего сердца!"

Въ этихъ стихотвореніяхъ Печеринъ съ поражающею силой высказываетъ свои чувствованія и сужденія о жизни и постигшей его участи.

---

[1]) См. I т. сего труда, стр. 161.

Non! sa chaleur n'est pas toute glacée!
De souvenir je le sens tressaillir...

Demoutier.

Не погибъ я средь крушенья,
Не пришелъ еще мой часъ,
И средь бурнаго волненья
Мой свѣтильникъ не погасъ!

И подчасъ, какъ молньи, блещутъ
Мысли юности моей,
И въ груди моей трепещутъ
Вдохновенья прежнихъ дней.

Чудится: плывутъ въ эѳирѣ
Звуки пѣсней удалыхъ,
И волшебница на лирѣ
Мнѣ поётъ о снахъ златыхъ.

Рано, рано съ утренней зарею
Вышелъ я изъ хижины родной,
И зеленый лѣсъ передо мною
Разцвѣталъ весеннею красой.

На вѣтвяхъ алмазами сверкали
Капли крупныя росы ночной,
Дикіе цвѣты благоухали
Въ пышномъ лонѣ зелени густой...

На соснѣ, соснѣ высокой
Птичка дивная сидитъ,

И ея живое око
Прямо въ небеса глядитъ.

Встрепенулась и запѣла,
И—весь лѣсъ безмолвенъ сталъ;
Птичка пѣла, пѣла, пѣла,
А я слушалъ и молчалъ.

Заливалась, разливалась,
Будто соловей, она,
И мнѣ пѣснь ея казалась
Тайной грустію полна.

Райская была то птица
И о раѣ пѣснь вела,
И *туда* меня пѣвица
И манила, и звала:

„Вѣчнымъ солнцемъ тамъ сіяетъ
Правды незакатный свѣтъ!
Тамъ любовь не умираетъ:
И разлуки вовсе нѣтъ!

„О духъ, жаждою томимый,
Тамъ тебя блаженство ждетъ!
Тамъ струей неутомимой
Истины потокъ течетъ.

„Тамъ подъ небомъ вѣчно чистымъ
Будешь птичкою парить,
Какъ пчела, изъ розъ душистыхъ
Сладкій медъ ты будешь пить!

„Что тебѣ страна родная
Межъ тумановъ и снѣговъ?
Тамъ—свобода золотая,
Жизнь эѳирная духовъ!“

Птичка пѣла, пѣла, пѣла,
А я слушалъ и—мечталъ!
Быстро жизнь моя летѣла;
Дни прошли—и я не зналъ.

И красуется, какъ прежде, въ пышной
Зелени густой, могучій лѣсъ;
Но пѣвицы дивной ужъ не слышно,
И навѣки слѣдъ ея исчезъ.

Время хладною рукой сорвало
Юности вѣнокъ съ главы моей:
Все померкло—сердце перестало
Вѣрить сладкимъ пѣснямъ вешнихъ дней...

Безпріютнымъ сиротою
Я у хижины родной
Постучался въ дверь клюкою—
Мнѣ отвѣтилъ гласъ чужой:

„Кто ты, странникъ? изъ какого края?
Гдѣ твой Богъ? и гдѣ твоя семья?...
Или, можетъ быть, судьбина злая
На изгнанье обрекла тебя?

„Есть народная святыня,
Есть завѣтный кровъ родной,
И семейство, какъ твердыня,
Насъ хранитъ въ годинѣ злой:

„Неужель на бѣломъ свѣтѣ
Некому тебя обнять,
Пріютить, пригрѣть на сердцѣ
И тебѣ „люблю“ сказать?“

Странникъ.

Ахъ! повѣрь: и мнѣ не чужды были
Ласки матери родной!
И друзья мнѣ счастіе сулили,
И звѣзда свѣтила предо мной!

Но я слышалъ гласъ Красы незримой;
Этотъ гласъ меня очаровалъ:
Я отца, и мать, и край родимой—
Все на жертву ей отдалъ!

Гдѣ ты? гдѣ, Краса небесная!
Гдѣ? въ какой странѣ тебя найду?
За горами-ль за высокими?
За морями-ль за широкими?
Всюду за тобой пойду!

Предо мной вездѣ Она мелькала
И манила за собой:
Я за ней—Она вдругъ исчезала,
Будто призракъ въ тьмѣ ночной.

И теперь бездомнымъ сиротою
По-міру одинъ брожу,
Сладкаго вездѣ ищу покою—
И нигдѣ не нахожу...

Miltown park. авг. 1865.

Н. С. Тихонравовъ въ своихъ бумагахъ сохранилъ намъ еще одно стихотвореніе В. С. Печерина, быть можетъ, лучшее произведеніе его музы.

Прочь, о демонъ лучезарный,
Демонъ счастья и любви!
Искуситель—міръ коварный,
Вспять страдальца не зови!

Хитрая сирена-младость,
Давнихъ пѣсенъ мнѣ не пой!
Кровныхъ узъ святая сладость,
Мнѣ не внятенъ голосъ твой!

За небесныя мечтанія
Я земную жизнь отдалъ,
И тяжелый крестъ изгнанія
Добровольно я подъялъ.

Подъ вѣнкомъ моимъ терновымъ,
Въ потѣ блѣднаго лица
Подвигъ трудный и суровый
Совершу я до конца,

И, какъ жертву примиренія,
Я принесть себя готовъ

На алтарь Твой всесожженія,
О Превѣчная Любовь!

Жизни бурной треволненія
Претерпѣвъ, о мой челнокъ!
Въ пристани уединенія
Пріютися одинокъ!

Слышь! отъ всѣхъ концовъ вселенной
Голосъ тайный вопіётъ:
„Все земное—прахъ! все—тлѣнно!
„Все, какъ дымъ, какъ тѣнь, пройдетъ!“

Этотъ вопль, повсюду слышный,
Къ намъ изъ рода въ родъ гремитъ:
Соломонъ въ чертогахъ пышныхъ
„Суета суетъ!“ гласитъ.

Карлъ, властитель величавый,
Блескомъ царскаго вѣнца
Утомленъ, отъ шума славы
Скрылся въ кельѣ чернеца.

Тяжкую сложивъ порфиру,
Саванъ смерти онъ надѣлъ,—
Взглядъ прощальный бросивъ міру,
Заживо себя отпѣлъ.

На основаніи приведеннаго выше матеріала мы можемъ придти къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ относительно литературной дѣятельности В. С. Печерина.

Поэтическое содержаніе и эстетическое настроеніе, а также потребность творчества были глубоко заложены въ натурѣ Печерина. Но литературная дѣятельность никогда не занимала перваго мѣста въ его жизни. Сначала центромъ и средоточіемъ силъ служила для Печерина научная дѣятельность на поприщѣ избранной спеціальности—классической филологіи. Во вторую половину жизни все поблѣднѣло предъ прозелитскимъ жаромъ монашества и католической пропаганды. Поэзія и въ тотъ, и въ другой періоды его жизни служила то дополнительнымъ токомъ, то выраженіемъ недостающаго. Притомъ въ началѣ В. С. Печеринъ ищетъ поэтическаго содержанія внѣ себя и предпочитаетъ переводы; во II-мъ періодѣ онъ творитъ свое.

Переводы—и очень удачные—сдѣланы были Печеринымъ изъ греческой антологіи и изъ Шиллера.

Греческія эпиграммы и антикизирующія стихотворенія Шиллера дополняли научныя занятія по классической древности и давали исходъ поэтическимъ склонностямъ. Недостающее въ жизни отражалось въ переводѣ стихотвореній Шиллера, посвященныхъ не воспѣванію древняго міра, а выраженію стремленій къ неороманическому идеалу, какъ Sehnsucht.

Собственныя произведенія Печерина распадаются на два отдѣла: „Торжество Смерти“ выражаетъ настроеніе поэта въ

переходную пору его жизни, на рубежѣ между ученымъ, соціалистомъ, изгнанникомъ и монахомъ. Недовольство смѣняется то смѣхомъ, то картинами болѣзненно развитой фантазіи. Дальнѣйшія произведенія рисуютъ тяжелые моменты въ позднѣйшей жизни монаха, когда въ немъ пробуждалась неудовлетворенность даже и этимъ образомъ жизни. Если и поэма, и стихотвореніе о „странникѣ" порою грѣшатъ противъ формы, то значительнаго и всесторонняго совершенства достигаетъ нашъ поэтъ въ своей послѣдней пьэсѣ, выражающей тихое Resignation и постепенное успокоеніе въ лонѣ иночества и самоотреченія.

II.

С. А. Москотильниковъ, какъ литераторъ.

Почтенный казанскій дѣятель, виднѣйшій представитель мѣстной интеллигенціи въ теченіи первой половины XIX в., Савва Андреевичъ Москотильниковъ (1768—1852) былъ извѣстенъ, преимущественно, какъ переводчикъ *Тассо* „Освобожденнаго Іерусалима", и какъ авторъ нѣсколькихъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ казанскихъ изданіяхъ. А между тѣмъ онъ писалъ много и трудился весь свой долгій вѣкъ неутомимо, но значительное большинство его литературныхъ произведеній осталось въ рукописи.

Главнѣйшими источниками для ознакомленія съ литературной дѣятельностію Саввы Андреевича служатъ статьи, появившіяся вскорѣ послѣ его смерти въ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", часть неоффиціальная, понедѣльникъ, 9 февраля 1853 г., № 7 (цензоръ, профессоръ *И. Симоновъ*, редакторъ неофф. части *И. Березинъ*), стр. 52 и 53, и № 8 (окончаніе), 16 февраля, стр. 59, а также № 9, 23 февраля, стр. 67 а. Статья была написана по бумагамъ, доставленнымъ въ редакцію Иваномъ Григорьевичемъ *Горемыкинымъ* (52 б, 59 а), другомъ покойнаго.

Общее сужденіе о трудахъ Саввы Андреевича дано въ статьѣ слѣдующее:

„Конечно, обозрѣвая печатные и ненапечатанные, находящіеся у насъ въ рукахъ труды Саввы Андреевича, мы не имѣемъ основанія придавать особенное значеніе провинціальному писателю, заслужившему нѣкоторую извѣстность себѣ только переводами, въ то время, когда на литературномъ полѣ работалъ незабвенный Н. М. Карамзинъ, но приговоръ нашъ не будетъ пристрастенъ и неоснователенъ, если мы признаемъ въ С. А. Москотильниковѣ довольно искуснаго стилиста и трудолюбиваго переводчика, умѣвшаго выбирать для своего труда возвышенные сюжеты“ (53 а и б),

Изъ трудовъ его перечислены: басни „Два фигляра“, „Волкъ и Лисица“, ода на коронованіе Александра I. и др., и упомянуто (53), что безъ имени автора въ изданіяхъ Новикова помѣщено нѣсколько мелкихъ статей, переводныхъ съ французскаго. Изъ рукописей упоминаются „неоконченный эскизъ драмы изъ испанской жизни“, „Мои Воспоминанія“ (нынѣ уже утрачены) и письмо изъ Москвы. Изъ двухъ послѣднихъ статей (59 а) обѣщано отрывки помѣстить въ томъ же журналѣ; но они не были напечатаны. „Для ознакомленія читателей съ поэтическимъ образомъ воззрѣнія и съ выраженіемъ С. А—ча“, приведена I строфа оды къ Религіи (8 стиховъ—на стр. 59 б). Даны свѣдѣнія еще объ одномъ трудѣ С. А. Москотильникова, нынѣ тоже утраченномъ; а именно одинъ изъ знакомыхъ покойнаго переводчика „Освобожденнаго Іерусалима“, казанскій купецъ *Г. Е. Дегтяревъ* сообщилъ въ редакцію Губ. Вѣдомостей остававшееся неизвѣстнымъ доселѣ начало перевода Псалмовъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Псалтирь, или книга псалмовъ, на славено-русскій языкъ преложенная и съ переводомъ Богослововъ Женевской Церкви, соглашеннымъ съ еврейскимъ текстомъ, свѣренная С. Москотильниковымъ, 1820 и 1828, Казань. Въ этой рукописи переведено только восемь псалмовъ: въ предисловіи переводчикъ объявляетъ, что онъ въ основаніе для своего пере-

вода взялъ переводъ Остервальдовъ, и что онъ „составилъ оный (характеръ слога, приличный предмету) изъ кореннаго славянскаго, приведеннаго въ конструкцію употребительнаго россійскаго языка“ (67 а).

Получивъ благодаря любезности Прасковіи Константиновны Проскуряковой, наслѣдницы Саввы Андреевича, доступъ къ его бумагамъ, я успѣлъ ознакомиться съ тѣмъ, что еще уцѣлѣло. Литературное наслѣдіе покойнаго оказалось довольно богатое. Память Саввы Андреевича дорога для всякаго казанца, дорожащаго культурными традиціями своего города. Но намъ сдается, что литературная дѣятельность С. А. Москотильникова, къ сожалѣнію, оставшаяся подъ спудомъ, имѣла значеніе болѣе широкое, нежели одно только мѣстное... Вотъ почему мы извлекаемъ изъ бумагъ Москотильникова литературныя пьэсы, наиболѣе выдающіяся по своему достоинству. На первомъ планѣ мы должны поставить его трагедію „Останъ“, написанную С. А—чемъ еще въ Ярославлѣ.

Ярославль, какъ извѣстно, былъ колыбелью русскаго театра, и традиціи Волкова, надо полагать, жили тамъ долго. Весьма естественно, что творчество молодого автора выразилось прежде всего на поприщѣ драматургіи.

Всѣ пьэсы печатаются съ рукописей, автографовъ Саввы Андреевича, заключающихся въ двухъ переплетенныхъ тетрадяхъ (1) трагедія, 2) стихотворенія) и въ нѣсколькихъ непереплетенныхъ тетрадяхъ.

Трагедія написана въ царившемъ тогда ложно-классическомъ духѣ шестистопнымъ ямбомъ и съ соблюденіемъ трехъ единствъ. Для нынѣшняго вкуса, черезъ 116 лѣтъ послѣ написанія, въ языкѣ трагедіи, несомнѣнно, окажутся нѣкоторыя погрѣшности противъ правильности, чистоты, а также противъ версификаціи; но для справедливаго сужденія мы должны сравнить трудъ С. А—ча съ пьэсами его современниковъ. На россійской сценѣ главенствовалъ тогда А. С. Сумароковъ со своими трагедіями: но какъ у этого „россійскаго Вольтера“, такъ и у

большинства его послѣдователей, представителей русской трагедіи въ XVIII в., мы найдемъ стихи, ничѣмъ не лучше стиховъ С. А. Москотильникова.

Интрига піэсы съ психологической и сценической стороны проведена ловко и умѣло; авторъ обнаруживаетъ знаніе театра. Герой—Останъ есть настоящій трагическій герой, ведущій борьбу до послѣдней возможности, но гибнущій подъ ударами рока невинною жертвой. Любовь къ Эмирѣ заглушила въ его сердцѣ дикую жажду отмщенія за смерть родителей, погубленныхъ Драгутомъ. Но гуманность и пощада врагу обращаются на гибель самому Остану. Несчастная случайность, недоразумѣніе лишаетъ его дорогого существа. Напрасно ищетъ онъ смерти; его заставляютъ жить, и недавній могущественный побѣдитель на глазахъ зрителя превращается въ безпомощнаго, сломленнаго неумолимою судьбой человѣка. Послѣдняя сцена построена съ большимъ мастерствомъ, и опускающійся занавѣсъ оставляетъ зрителя растроганнымъ и въ тяжеломъ настроеніи.

Нѣсколько безцвѣтнѣе очерчена его возлюбленная—Эмира; но и у нея очень хорошо обрисована борьба между привязанностью и преданностью къ отцу, съ одной стороны,—и любовью къ врагу, губящему и ея отца, и все ихъ государство—съ другой. Гуманность побѣдителя подкупаетъ было ея сердце, и она прощаетъ Остану причиненныя имъ несчастія. Но трупъ отца, наводящій Эмиру на ложную мысль о коварствѣ и предательствѣ со стороны любимаго ею Остана, вызываетъ фатальный взрывъ негодованія.

Каррикатурнымъ для нашего XX в. является, конечно, Драгутъ съ его ничѣмъ ненасытимою злобою и местью. Но мы не смѣемъ осуждать автора; онъ остался только вѣренъ современнымъ ему образцамъ и вкусамъ, т. е. создалъ настоящаго трагическаго „злодѣя“ былыхъ временъ.

Такимъ же непремѣннымъ аттрибутомъ трагедіи, какъ „злодѣй“, являются наперсники, наперсницы, „вѣстникъ“ и т. д.

Большой талантъ автора не можетъ не стать для насъ очевиднымъ, если мы вспомнимъ, что при написаніи трагедіи ему было всего 18 лѣтъ. На переплетѣ тетради значится: № 102 (слѣдовательно, у автора была цѣлая библіотека), e numero librorum Sabbae Moscotilnicov 1787 anno iannuarii I diei.

Что касается имени „Останъ“, то оно могло быть заимствовано изъ слѣдующей книги:

Поповъ Михайло. Старинныя диковинки, или удивительныя приключенія славенскихъ князей, содержащія исторію храбраго Свѣтлосана; Вельдюзя, Полотскаго князя; прекрасной Милославы, славенской княжны; Видостана, индійскаго Царя; *Остана*, Древлянскаго Князя; Липоксая, Скиѳа; Руса, Бориполка, Левсина и странскаго чародѣя Карачуна. Новое (III) изданіе, М. 1794; первое, СПБ, 1770—1771, II изд., СПБ, 1778 въ 3 частяхъ.

ОСТАНЪ.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ

Саввы Москотильникова.

1786 года.

Дѣйствующія лица.

Останъ, государь Персидскій.
Драгутъ, владѣтель Индійскій.
Эмира, дщерь Драгутова.
Сеангиръ } наперсники {Остановъ.
Гаметъ } {Драгутовъ.
Азема, наперсница Эмиры.
Вѣстникъ.
Воины {Остановы.
{Драгутовы.

Дѣйствіе въ столичномъ Индіи городѣ, въ царскомъ домѣ.

ОСТАНЪ. ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I-е.

Явленіе первое.

Драгутъ и Гаметъ.

Драгутъ.

Возможно-ль къ твоему совѣту мнѣ склониться,
И можно-ль съ лютымъ мнѣ злодѣемъ примириться,
Которой, съ дерзостью въ страну пришедъ сію,
Воспаляетъ гнѣвъ къ нему и ненависть мою?
Нѣтъ, нѣтъ! не буду я толико униженнымъ
И силою его не буду устрашеннымъ!
Иль, мнишь, не въ силахъ я противника попрать
И горды замыслы Остана обуздать?

Гаметъ.

Въ Индіи многими днесь овладѣвъ странами,
Персидскіе полки подъ сими ужъ стѣнами;
Останъ, что̀ отъ тебя за слабаго почтенъ,
Отмщеньемъ дышущій и злобой воспаленъ,
Паденьемъ городу престольну угрожаетъ
И месть свою на томъ лишь онъ остгя ановтеъ,

Родитель чтобъ ево ему былъ возвращенъ,
Которой въ бывшую войну тобой плѣненъ.
Не знаетъ онъ еще о смерти Артаксаса...
Но естьли будетъ знать, то можетъ, ополчася,
Источникъ бѣдствія во Индію излить,
Сей градъ, сію страну всю въ пепелъ превратить.
Почто жъ въ толико намъ ввергаться разворенье,
Когда возможность есть сыскать себѣ спасенье?
Скажи, что Артаксасъ поднесь еще живетъ,—
И ежели Останъ отъ странъ сихъ отойдетъ,
Отца его прервать ты обѣщай плѣненье
И мирное потщись содѣлать заключенье.

Драгутъ.

Мнѣ миръ съ нимъ заключить? мнѣ гнѣвъ свой прекратить?
Мнѣ деракому себя Остану покорить?
Повѣрь, что низости такой въ семъ сердцѣ нѣтъ!
Драгутъ ни передъ кѣмъ изъ смертныхъ не падетъ.
Знай, Гаметъ, самъ Останъ раскается въ стремленьѣ,
Когда руки моей познаетъ пораженье.

Гаметъ.

Разсѣянье полковъ и слабость нашихъ силъ
Днесь требуютъ того—и тако рокъ судилъ;
Намъ нужно дѣйствіе столь малаго обмана,
Чтобъ удалить отъ мѣстъ сихъ страшнаго Остана.
Потомъ ты, государь, когда желаешь мстить,
Собравъ полки, враговъ возможешь поразить
Въ срединѣ ихъ земли, самъ бывши безопаснымъ.

Драгутъ.

Нѣтъ, другъ мой, не могу я быть на то согласнымъ;
И имя мира мнѣ всю внутренность язвитъ:
Обманщикомъ же, знай, Драгутъ не можетъ быть—
Притворство таково трусливымъ лишь пристойно;

Но душъ великихъ то нимало не достойно.
Я злобу вѣчную во сердцѣ семъ храню,
И сей строптивый родъ я праведно гоню.

Гаметъ.

Но къ злобѣ что тебя толикой принуждаетъ?

Драгутъ.

Все нынѣ, Гаметъ все ужъ таинство познаетъ.
Гульнара, Персскою владѣвшая страной,
Цвѣтуща въ красотахъ, была любима мной;
Остановъ мнѣ отецъ соперникъ былъ во страсти —
И ахъ!—жестокая къ несносной мнѣ напасти,
Лютѣйшаго врага Драгуту предпочтивъ,
Соединилась съ нимъ, престолъ ему вручивъ.
Толикимъ будучи ударомъ пораженну,
Суди, какъ можно мнѣ не быть ожесточенну:
Какъ можно мнѣ сіе, о Гаметъ, позабыть?
Какъ за сію врагу обиду не отмстить?
Досада, ярость, стыдъ и къ мщенію стремленье,
Изгнавъ любовь, во мнѣ содѣлали селенье.
Собравши вòйска, всѣхъ я Персовъ раззорилъ
И тронъ, враждебный мнѣ, попралъ и низложилъ.
Стремясь Гульнарѣ мстить за злѣйшую обиду,
Я въ скорости сыскалъ ту адскую Эвмениду;
Тутъ съ жадностію въ грудь ея вонзивъ кинжалъ,
Отмщенья въ сладостяхъ я звѣрскихъ утопалъ.
Персіянъ кровь тогда лилась вездѣ рѣками,
И люта смерть надъ ихъ носилася полями.
Не бывъ доволенъ тѣмъ, злодѣя своего,
Чтò былъ причиною терзанья моего,
Плѣнивши, въ Индію привелъ я въ заточенье
И чаялъ получить во злости утѣшенье.
Но могъ ли чаять я, враждебный чтобъ Останъ,

Сей лютый моего спокойствія тираннъ,
Спасенный бывъ досель, былъ столько мнѣ опаснымъ,
И ставъ усердіемъ возженъ, къ отцу столь страстнымъ,
Съ мечемъ противъ меня возстати помышлялъ?
Но я, когда ево намѣренье узналъ,
Убилъ тогда врага, не быть чтобъ принужденнымъ
Отца Останова содѣлать свобожденнымъ,—
И чтобъ лютяя тѣмъ Остана поразить,
Хочу ему сіе убивство я открыть.

Гаметъ.

Прости, о государь, что дерзко столь вѣщаю,
Что я словамъ твоимъ противиться дерзаю:
Усердіе къ тебѣ мое тому виной.
Хоть мщенья злостна страсть владѣетъ днесь тобой,
Но можетъ ли оно причиной быть напасти
Отечества и злой твоихъ народовъ части?
Не хочешь пожалѣть любезну дочь, друзей
И всю сію страну для ярости твоей,
На время малое не хочешь свободиться
Отъ страсти твоея и смыслу покориться.

Явленіе второе.

Прежніе и воинъ.

Драгутъ.

Зачѣмъ сей воинъ здѣсь? что̀ хочетъ онъ сказать?

Воинъ.

Остановъ посланный желаетъ здѣсь предстать.

Драгутъ.

Представь его! (*воинъ уходитъ*) Мой другъ! Злодѣи здѣсь
явятся:

Дай помощь, Гаметъ, мнѣ отъ мщенья удержаться,
Стремленьемъ коего кипитъ во мнѣ вся кровь.
О ненавистный родъ несносныхъ мнѣ враговъ!

Явленіе третіе.

Драгутъ, Гаметъ, Останъ (*въ видѣ посла своего*) **и Сеангиръ.**

Останъ.

Владѣющъ сильными Персидскими странами,
Останъ гласитъ тебѣ моими днесь устнами.
Уже пять лѣтъ прошло, родитель какъ его
Подъ игомъ угнетенъ плѣненья твоего;
И столько жъ лѣтъ почти, какъ Персы раззоренны,
Какъ въ пепелъ грады ихъ тобою превращенны,
И какъ невинныхъ вопль проникнулъ до небесъ,
Какъ сына мать, лишась, лила источникъ слезъ.
Онъ хочетъ знать, имѣлъ причины ты какія
Низвергнуть въ Персію бѣды толико злыя?

Драгутъ.

Кто смѣлость далъ тебѣ, столь дерзко чтобъ вѣщать,
И ты ли можешь мнѣ законы подавать?
Коль сила и война мнѣ первенство вручила,
Такъ изъ рабовъ меня закона исключила;
О томъ жалѣю я, что дерзостный Останъ,
Сокрывшись, не былъ мной въ тьму вѣчну ниспосланъ.

Останъ.

Но онъ, противъ кого Драгутъ толико злобенъ
И смерти матери драгой ему виновенъ,
Тебѣ прощаетъ, лишь...

Драгутъ.

Останъ меня прощаетъ!

Останъ! и прахомъ бывъ, вѣщать мнѣ то дерзаетъ!
Когда бъ онъ въ сихъ мѣстахъ явился предо мной,
Я скоро далъ бы знать ему, кто онъ такой!

Останъ.

Не чти Остана ты толико униженнымъ,
Но днесь ево рукой страшися быть сраженнымъ!

Сеангиръ (тихо Остану).

Постой и воздержись!

Драгутъ.

Страшиться мнѣ его!
Но что вина ко мнѣ прихода твоего?
Что требуетъ Останъ?

Останъ.

Чтобъ Артаксасъ, плѣненный,
Былъ подданнымъ своимъ и сыну возвращенный.
Сего днесь отъ тебя Персидскій проситъ царь,
Сіе онъ почитать въ безцѣнный будетъ даръ.
Склонись, и вся вражда межъ вами прекратится,
Склонись—и вѣчный миръ съ спокойствомъ возвратится!
Останъ готовъ есть все прошедшее забыть,—
Коль хочешь ты, готовъ тебѣ онъ другомъ быть;
Отца ево конецъ лишь сдѣлай заключенью
И, свободивъ, отдай печальному владѣнью.

Драгутъ.

Мнѣ свободить врага, что̀ сердце мнѣ язвитъ!
Не знаетъ сынъ его, о чемъ онъ говоритъ.
Льзя ль быть мнѣ къ такову прошенью преклоненнымъ?
Довольно: онъ—мой врагъ и вѣчно будетъ плѣннымъ!
Надежды нѣтъ ему сей паки видѣть свѣтъ!

Останъ.

Такъ ты не хочешь быть великодушнымъ?

Драгутъ.

Нѣтъ!

Останъ.

Коль просьбой не былъ ты къ щедротѣ преклоненнымъ,
Такъ можешь ты къ тому быть силой принужденнымъ:
Въ сей часъ на сихъ поляхъ узришь твоихъ враговъ,
Всѣхъ подданныхъ твоихъ повергшихъ въ смертный ровъ.
Какъ воды Индовы ихъ кровью обагрятся,
И стѣны какъ сіи и зданья раззорятся,
Какъ жители меча подъ остріемъ падутъ,—
Такъ будетъ, можетъ быть, не столь жестокъ Драгутъ!

Драгутъ.

Довольно я терпѣлъ! Страшися, дерзновенный,
Чтобъ не былъ громомъ ты Драгутовымъ сраженный!
Поди и возвѣсти, что весь Остановъ страхъ
Щитаю я въ мечту и самый мелкій прахъ;
Лишь только вынетъ мечъ, покажетъ лишь движенье,
То будетъ клясть свое онъ дерзкое стремленье,
Узнавши, что отецъ...

Останъ.

Его ты умертвишь!
Ахъ! сколько симъ, увы! Остана поразишь,
Которому отца дни столько драгоцѣнны,
Что, естьли бы могли тѣмъ быть они спасенны,
Онъ далъ бы жизнь свою! Ахъ! Естьли бы ты зрѣлъ,
Какъ страждетъ онъ, то бъ быть тиранномъ не хотѣлъ!

Драгутъ.

Онъ страждетъ! Радуюсь, я онымъ утѣшаюсь,
Я удовольствованъ и мщеньемъ насыщаюсь!
Хотѣлъ бы я, чтобъ сей несносный мой злодѣй
Къ отцу его послàнъ рукою былъ моей.—
Стенаетъ онъ: спѣши, умножь ево стенанье,
Скажи ему, рази, умножь ево терзанье,

Пускай онъ болѣе мученья ощутитъ,
Узнавъ, что Артаксасъ Драгутомъ ужъ убитъ!
(*уходитъ*).

Явленіе четвертое.

Останъ и Сеангиръ.

Останъ.

Что слышу? Онъ убитъ!... Постой, злодѣй лютѣйшей!
Останъ отмститъ тебѣ, отмститъ сей мечъ острѣйшей...
Ужъ нѣтъ ево, ужъ нѣтъ!... О врагъ!... Лишаюсь силъ...
Почто свирѣпой рокъ мя жизни не лишилъ?
Мучитель, варваръ злой, влеки мой духъ изъ тѣла:
Когда душа твоя столь люта быть умѣла,
Когда родителя возмогъ ты поразить,—
Что медлишь сына съ нимъ его соединить?
Исторгни сердце... нѣтъ! ты долженъ сей рукою
Послаться самъ къ нему, покрыться вѣчной тьмою.
О Артаксасъ! здѣсь твой врагомъ разсыпанъ прахъ,
Ты умерщвленъ, увы! въ враждебныхъ сихъ мѣстахъ:
Въ сей день Останъ тебѣ гробницу въ нихъ возставитъ,
И мщеніе его враговъ твоихъ подавитъ;
Свирѣпа смерть ихъ всѣхъ косой своей ссѣчетъ,
И кровь злодѣйская ручьями потечетъ;
Всѣ зданія сіи и стѣны возвышенны,
Въ которыхъ аспиды лютѣйши поселенны,
Твореньи пышныя, что славою цвѣтутъ,
Тиранну гробомъ ставъ, разсыпанны падутъ!
Разрушимъ, истребимъ се адское селенье...
Родитель, днесь ты мной получишь отомщенье!
Пойдемъ... куда спѣшу, куда я устремленъ?

Ахъ, Сеангиръ, весь духъ мой возмущенъ!
Днесь мстить родителя врагамъ я помышляю—
А самъ предъ нимъ, я самъ преступникомъ бываю..
Дивишься ты? дивись: въ сей часъ познаешь ты,
Что сталъ рабомъ Останъ враждебной красоты!

Сеангиръ.

Что рекъ? но кѣмъ, скажи, кѣмъ духъ твой нынѣ страстенъ?
Кому герой и царь Персидскій днесь подвластенъ?

Останъ.

Познаешь все, мой другъ; познаешь! Нѣтъ, стыжусь—
Жалѣй о мнѣ, жалѣй: я въ бездну золъ влекусь.
Во время нашего въ семъ градѣ пребыванья,
Какъ ожидали мы съ врагомъ моимъ свиданья,—
Въ теченье оныхъ дней я видѣлъ въ сихъ мѣстахъ
Предметъ, мнѣ пагубный, цвѣтущій въ красотахъ.
Дѣвица то была, Остану неизвѣстна:
Величественный видъ, осанка той прелестна,
Мгновенно поразивъ любви меня стрѣлой,
Мой духъ и сердце, ахъ! взяла въ плѣнъ вѣчно свой.
Такъ, такъ, мой другъ, ково щиталъ ты за героя,—
Тово лишила ужъ на вѣкъ она покоя!
Въ смятеньѣ, возмущенъ, не зная, что̀ начать,
Дерзнулъ ей, Сеангиръ, въ тотъ самой часъ сказать:
—„Богиня! ахъ, почто въ мѣстахъ сихъ обитаешь,
И красотой своей почто ихъ озаряешь,
Пороковъ гнуснѣйшихъ гдѣ обитаетъ мракъ:
Достойны ль, чтобъ на нихъ ты обращала зракъ?
Послѣдуй мнѣ, спѣши, оставь сіе селенье,
Тиранству боги гдѣ хотятъ послати мщенье!“
Но что... я вдругъ отъ ней, какъ громомъ, былъ сраженъ:
—„Пришлецъ, какъ можешь быть толико дерзновенъ?
Съ какою смѣлостью страны сей врагъ вѣщаетъ!
Или не знаетъ ужъ, что̀ мнѣ онъ предлагаетъ.

Бѣги отъ глазъ моихъ, толико дерзокъ бывъ,
И пользуйсь, отъ меня прощенье получивъ!"
Хотѣлъ вѣщать: ея не зрѣлъ я предъ собою,—
Ушла, и весь мой духъ похитила съ собою.

Сеангиръ.

Того ли требуетъ родитель отъ тебя,
Чтобъ погружалъ въ любви порочной ты себя?
Искоренить враговъ ты днесь предпринимаешь,
А кровью ихъ плѣненъ, ее ты обожаешь;
Но что? къ безвѣстной ты почувствовалъ любовь,
Которая твою волнуетъ столько кровь.
Послѣдуй разуму, порока удалися,—
Не страстью таковой, но мщеньемъ воспалися!

Останъ.

Я знаю, Сеангиръ, что должность преступилъ,
Но можно ль избѣжать, что̀ рокъ опредѣлилъ?
Родитель мой, позволь имѣть мнѣ утѣшенье
Въ сей слабости... Чего прошу!..

Сеангиръ.

О преступленье!
Иль клятвы ты забылъ ужъ, данныя тобой,
Злодѣевъ истребить отмстительной рукой?
Забылъ и то, какъ мать убійцы умертвили,
Какъ кровію ея чертоги омочили—
И раззореніе нещастныхъ Персскихъ странъ,
Которыхъ тронъ и скиптръ Драгутомъ былъ попранъ?
Увидь, се кровію родитель обагренный
Гласъ къ сыну своему возноситъ утомленный:
„Того ль я отъ тебя, о сынъ мой, ожидалъ,
Чтобъ ты, забывъ меня, въ любови утопалъ?
Или не зришь мои окровавленны раны,
Которыми мою отъяли жизнь тиранны?
Почто за мя врагамъ доселѣ не отмстишь?"

Останъ.

Отмщу, родитель мой, и вскорѣ ты узришь
За смерть и кровь твою—злодѣевъ кровь пролиту,
Разсыпанну сію столицу знамениту;
Взнесется къ облакамъ враждебна града дымъ:
Пойдемъ, и изъ него домъ смерти сотворимъ.
Родитель, укрѣпи мнѣ въ сердцѣ добродѣтель!
Клянусь убійцамъ мстить!
(*Къ Сеангиру*).
Ты буди въ томъ свидѣтель!

Явленіе пятое.

Тѣ жъ и воинъ.

Воинъ.

Великій днесь Драгутъ сказать меня прислалъ,
Чтобъ ты изъ града вонъ изъити поспѣшалъ:
Не хочетъ онъ разить, бывъ честью воспящаемъ,
Но яростью къ врагамъ онъ, бывши воспаляемъ,
За малу медленность готовъ явить свой гнѣвъ.

Останъ.

Что можетъ учинить сей злобнѣйшій мнѣ левъ?
Иду изъ града вонъ, чтобъ паки возвратиться;
Пусть знаетъ онъ, что здѣсь чрезъ часъ Останъ явится
Съ оружіемъ своимъ и мстительнымъ мечемъ—
Карать враговъ своихъ и съ лютымъ ихъ царемъ:
Покроетъ мертвыми онъ городъ сей тѣлами!
Пойдемъ, отмщеньемъ днесь чтобъ грянуть надъ врагами!

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II-е.

Явленіе первое.

Эмира и Азема.

Азема.

Ужъ три дни вижу я Эмиры зракъ смущенъ.
Иль духъ печалью твой какою возмятенъ?...
Вздыхаешь ты: ахъ, что̀, скажи, того виною?
Возрастши съ мла̀дыхъ лѣтъ во дружествѣ со мною,
Почто ты чувствіевъ не ввѣришь мнѣ своихъ?

Эмира.

Не множь вопросами ты горестей моихъ!
Иль мало мнѣ причинъ днесь лити слезны токи,
Коль небеса ко мнѣ, нещастной, столь жестоки,
Паденьемъ коль враги отечеству грозятъ
И къ смерти со̀гражданъ моихъ мечи острятъ?
Ужъ городъ сей они полками окружаютъ
И ахъ! безжалостно Индійцевъ погубляютъ.
Такъ можно ль быти мнѣ нечувственной къ сему,
Погибель настоитъ коль роду моему?

Азема.

Похвально отчества оплакивать намъ бѣдства;
Но мы къ спасенію еще имѣемъ средства,
И, можетъ, въ скорости сихъ будемъ зрѣть враговъ,
Посѣченныхъ мечемъ Драгутовыхъ полковъ.
Въ сей часъ онъ воинства ко брани устрояетъ,
И бодрый духъ его надеждой всѣхъ питаетъ.
Посланникъ со тщетой Персидскій возвращенъ.

Эмира.

Ужъ нѣтъ его!

Азема.

Но чѣмъ Эмиры духъ смятенъ?
Скажи мнѣ, что̀ еще? ты взоры отвращаешь.....

Эмира.

Почто, жестокая, меня ты вопрошаешь?
Движенье сердца, ахъ! мой взоръ тебѣ явитъ...
Увы... оставь меня! могу ль спокойна быть?

Азема.

Иль стала болѣе Эмира огорченна
При имени врага...

Эмира.

...врага! Чѣмъ я сраженна?
Почто толико мнѣ жестока часть моя?
О строги небеса!.. но чѣмъ смущаюсь я?
Иль тѣмъ нещастлива уже Эмира стала,
Что чувствій отъ себя пріятныхъ не прогнала,
И воображаетъ что безвѣстнаго красу?
Но—ахъ! я плѣнъ уже красы сея несу.

Азема.

Ты любишь... но кого? Родъ Персовъ, намъ несносный?!
Какой любови жаръ возжегъ тебя поносный!

Эмира.

Азема, ахъ! почто еще меня томить?
Во власти ли моей престать его любить?
Онъ встрѣтился со мной, я имъ была плѣненна,
И вольность имъ моя на вѣкъ ужъ похищенна!
Казалось, что и онъ, Эмирѣ какъ вѣщалъ,
Со склонностію страсть такую жъ ощущалъ;
Изъ устъ его лилась любви въ меня отрава,
Предъ коею ничто—величество и слава!
Но я, ему—увы! суровой взглядъ явивъ,

Оставила, любовь презрѣніемъ покрывъ...
Презрѣньемъ! о судьба! къ чему меня приводишь?
Или другой себѣ ты жертвы не находишь?
Виновна я, когда, несклонность зря мою,
Любезной страждетъ днесь и множитъ скорбь свою.
Ахъ! гдѣ ты, гдѣ? приди, увидь, какъ я терзаюсь,
И въ плѣнъ отдався твой, спокойствія лишаюсь.

Азема.

Престани суетны, царевна, слезы лить:
Пристойно ли тебѣ безвѣстнаго любить?
Иль знаешь ты, что онъ горитъ къ тебѣ во страсти?...
Не знаешь!.. такъ почто взвергать себя въ напасти?

Эмира.

Ахъ! естлибъ ты была любовью возжена,
То бь мыслей сихъ тогда была удалена.
Азема! въ томъ меня днесь сердце увѣряетъ,
Что онъ ко мнѣ любовь такую жъ ощущаетъ.
А ежели—не такъ, и ежели любовь
Не можетъ воспалить дражайшу ону кровь,
Какое будетъ то Эмирѣ пораженье!

Явленіе второе.

Прежніе, Драгутъ и Гаметъ.

Драгутъ.

Индійскихъ воиновъ въ геройскомъ ополченьѣ
Изъ града вонъ исшелъ днесь сынъ мой на враговъ;
Мы въ скорости узримъ ихъ множество полковъ
Попрано на поляхъ подъ градными стѣнами
И кровь злодѣйскую, текущу здѣсь ручьями...
Что вижу? слезы льешь? о чемъ тебѣ стенать?
Скажи, чего еще Драгуту ожидать?

Эмира.

Мидàсъ исшелъ на брань. Ахъ! сердце предвѣщаетъ
Напасть, которой мнѣ рокъ лютый угрожаетъ.
Родитель мой! увы! мнѣ братъ дражайшій милъ,
И слухъ, что онъ пошелъ на брань, мой духъ пронзилъ.
Ахъ! естьли смерть его своей ссѣчетъ косою,
И ежель пораженъ падетъ во время бою,
Эмирѣ будетъ то несноснѣй всякихъ бѣдъ.

Драгутъ.

Пустою страстію твой духъ себя мятетъ:
Стремленье дерзкое злодѣевъ не ужасно;
Хотя они свой рогъ возносятъ, но напрасно:
Онъ скоро будетъ стертъ, въ сей часъ познàютъ месть,
Которую они достойны суть понесть.

Эмира.

Но таинства судебъ отъ смертныхъ сокровенны,—
И можетъ быть, враги, чтò днесь отъ насъ презрѣнны,
Побѣду одержавъ посредствомъ сей войны,
Причиной будутъ, ахъ! паденья сей страны.
Прости, родитель мой, что дщерь сіе вѣщаетъ;
Увы! мой духъ ужъ страхъ безвѣстной ощущаетъ.
Предчувство пагубно хоть тщуся одолѣть,
Но днесь не въ силахъ я спокойствія имѣть!

Драгутъ.

Сія ль прилична мысль царя Индійска дщери?
Престань, и слезный токъ съ печалью ты умѣри:
Стыдись сей слабости, иль дочерью не будь,
И низка столько бывъ, Драгута позабудь!
Героя могутъ ли тронýть какія бѣдства?
Къ спасенью своему вездѣ онъ сыщетъ средства:
Коль паче можетъ ли страшить его война?
Хотя бъ вселенная была ополчена,

Хоть злостный мнѣ бы рокъ былъ оной предводитель,—
Драгутъ бы и тогда остался побѣдитель!

Явленіе третіе.

Прежніе и вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Врагами, государь, твой нынѣ сынъ убитъ.

Драгутъ.

Убитъ!...

Эмира.

Увы!

Вѣстникъ.

Въ сей градъ ужъ люта смерть спѣшитъ,
Твой подданный народъ косою пожинаетъ
И Индовы брега ихъ кровью обагряетъ;
Разбито воинство уже у самыхъ вратъ
Отчаянно едва спасаетъ здѣшній градъ.

Драгутъ.

Останъ, коль жестокò меня ты симъ сражаешь!
Но въ скоромъ времени ты самъ, злодѣй, познàешь,
Познàешь, что Драгутъ ничѣмъ не побѣжденъ.
Вѣщай мнѣ, какъ мой сынъ былъ въ брани убіенъ.

Вѣстникъ.

Уже враги къ стѣнамъ симъ были приближенны;
Ихъ острые мечи блистали вознесенны,
Оружья звукъ и трубъ вездѣ ужъ здѣсь шумѣлъ,—
Какъ храбрѣйшій Мидàсъ изъ града вонъ исшелъ,
Кипящій мужествомъ, преслѣдуемъ полками,

И съ нимъ ужасна смерть явилась надъ полями:
Стремясь по воздуху, тамъ тучи стрѣлъ летятъ
И множествомъ своимъ, какъ мглой, день ясный тмятъ.
Какъ левъ, противъ враговъ стремленье обращаетъ
Твой сынъ и въ бѣгъ коня чрезъ поле понуждаетъ;
Стѣсненныхъ онъ разитъ мечемъ своимъ враговъ:
Катятся шѐломы, главы, ліется кровь;
Какъ громы, отъ небесъ съ перунами летящи,
Удары такъ его, Персіяновъ разящи,
По войску раздались, чиня врагамъ уронъ;
Убивство лютое воздвигло тамъ свой тронъ.
Межъ тѣмъ какъ въ войскѣ брань острѣйшая пылала
И алчно многіе народы пожирала,
Останъ со множествомъ своихъ на брань спѣшитъ;
Какъ пламень, взоръ его въ свирѣпости горитъ.
Какъ множество вѣтровъ Борей жестокій гонитъ,
Какъ сильный вихрь, крутясь, древа окрѣплы ломитъ,
Какъ злой въ пустыни тигръ, дѣтей своихъ лишенъ,
Свой простираетъ бѣгъ въ стремленье, раздраженъ;—
Такъ лютый вождь враговъ Индіянъ поражаетъ
И путь себѣ по ихъ онъ трупамъ отверзаетъ;
Познались отъ всѣхъ удары сей руки,
И нудилися въ бѣгъ Индійскіе полки.
Мидасъ тогда, познавъ силъ нашихъ ослабленье,
И въ сердцѣ на враговъ стѣснивши огорченье,
Боязнью воинство и слабостью коритъ
И ополченіе ко брани вновь крѣпитъ,
Враговъ своихъ мечемъ удары отвращаетъ
И поле храбростью своею возвращаетъ.
Потухшій воспылалъ въ войнскихъ жаръ сердцахъ,
И вновь съ обѣихъ странъ боролся смерти страхъ;
Громчая звукъ мечей въ эфирѣ разносился,
И копей трескъ во слухъ ужаснѣе разился.

Смоченна кровью персть вздымалася въ воздухъ;
Тамъ ужасъ обиталъ, пронзающъ смертныхъ духъ.
Останъ, узрѣвъ свою побѣду воспященну
И силу нашихъ войскъ во мужествѣ стѣсненну,
Позналъ того вину и въ скорости коня
Къ Мидасу обратилъ, толпы мечемъ гоня.
Достигнувъ, руку онъ стремительно возводитъ,
Разитъ; но равной здѣсь отпоръ себѣ находитъ.
Какъ громы страшныѣ разятся межъ собой,
Такъ битва ихъ, гремя, прервала битву вой;
Удары ихъ мечей и мужественна сила
Обѣихъ взоры силъ на оныхъ обратила.
Съ ударомъ каждаго летѣла страшна смерть,
Но друга другъ они не въ силахъ были стерть;
Оружіе лишь въ ихъ сраженьѣ только блещетъ,
Подъ ними, мнилось намъ, земля, стоня, трепещетъ;
Всѣ силы изнуря, перерываютъ бой
И другъ на друга взоръ кидаютъ страшный свой;
Потомъ сраженье вновь—лютяя начинаютъ,
Еще жестчай себя мечами поражаютъ.
Ослабшій наконецъ твой сынъ упалъ отъ ранъ,
И смерти жертвой ставъ, врагами былъ попранъ.
Лишась начальника, Индійскіе народы
Клонятся, какъ трава жестокостью погоды:
Ихъ трупы по полямъ повержены лежатъ,
Оставшіе жъ едва сей защищаютъ градъ.
Ступай, о царь! твое присутство тамъ потребно,
Злодѣевъ чтобъ сдержать стремленіе враждебно;
Геройствомъ собраны, тебя граждане ждутъ,
Которые на все съ царемъ своимъ идутъ:
Умреть, иль побѣдить!

Драгутъ.

Иду на бранно поле

Разить враговъ...

Эмира.

Ахъ! коль и ты въ такой же долѣ,—
Пожертвуешь собой жестокимъ симъ звѣрямъ
И смертью сдѣлаешь конецъ дражайшимъ днямъ,—
Въ какія ввержеши сей градъ и всѣхъ напасти!

Драгутъ.

Но славѣ я моей не дамъ съ державой пасти:
Почувствуютъ Останъ и всѣ его полки,
Вкушая люту смерть, удары сей руки;
Хоть боги сами бы на мя кидали стрѣлы,
Хоть громы бъ надо мной небесны возгремѣли,
Хотя бъ врагомъ мнѣ былъ правитель самъ небесъ,—
То бъ мрачный я, съ собой подвигши Тартаръ весь,
Свирѣпъ, ожесточенъ, съ богами бъ я сразился
И противъ ихъ самихъ идти не усумнился...
Я слышу стонъ, я зрю пролиту сына кровь:
Се онъ, низвергнутый злодѣемъ въ смертный ровъ,
Се кровь граждàнъ моихъ, спекаяся, дымится,
И злости жертвой ставъ, кипящая, курится!
—Жди, злой тиранъ, себѣ за то достойной мзды:
Ты въ скорости сберешь жестокости плоды;
Уже готовится убивству отомщенье,
И въ скорости его познаешь пораженье;
Днесь адъ ужъ на тебя разверзъ свои уста!

Явленіе четвертое.

Прежніе и воинъ.

Воинъ.

Индѣйцы прогнаны, разломаны врата,

И въ сей же часъ Останъ симъ градомъ овладѣетъ,
Когда своимъ Драгутъ на помощь не приспѣетъ.

Драгутъ (Гамету).

Пойдемъ, мой другъ, пойдемъ противныхъ силу стерть
И громомъ ярости надъ ними возгремѣть!

Явленіе пятое.

Эмира и Азема.

Эмира.

Азема! онъ ушелъ! разстроенъ весь мой духъ,
Надежды гласъ въ моихъ ужъ чувствіяхъ потухъ.
Родитель! ѹзритъ ли когда тебя Эмира,
Или тобой на вѣкъ оставлена я сира?
Почто, о боги, вы жестоки столько мнѣ,
За что готовите погибель сей странѣ?
Скончалъ животъ мой братъ, въ опасности родитель;
Почто жестокій сей Индѣйскій раззоритель,
Почто сей лютый врагъ во варварствѣ своемъ
Не погрузилъ свой мечъ кровавый въ сердцѣ семъ?
Не зрѣла бъ граду я погибели грозящей,
И мой толико духъ растерзанный, томящей!

Азема.

Почто тебѣ себя въ отчаянье ввергать,
И отягченный духъ почто еще терзать?
Иль вовсе лишены надежды мы спасенья,
Когда геройскія съ Драгутомъ ополченья
Днесь въ мужествѣ своемъ сей защищаютъ градъ?
Хоть то себѣ возьми намѣсто ты отрадъ,
Сколь въ свѣтѣ щастія случаи здѣсь превратны,
И, можетъ, въ скорости къ намъ прѝдутъ дни пріятны.

Эмира.

Ахъ, льзя ли щастливой когда Эмирѣ быть,
И льзя ли ужъ судьбы удары отвратить,
Когда побиты всѣ Индѣйскіе герои,
Когда вломились въ градъ уже враждебны вои,
Коль кровью сограждàнъ поля напоены,—
Такъ могутъ ли враги ужъ быть побѣждены,
И можно ль намъ сея избавиться напасти?

Азема.

Враги подвержены въ сраженьѣ равной части,
И ихъ избитыя въ поляхъ лежатъ тѣла:
Къ побѣдѣ жъ ихъ одна Мидàса смерть ввела.

Эмира.

Мидаса смерть мой духъ, какъ громомъ, поражаетъ....
Но что еще мое днесь сердце ощущаетъ,
И чѣмъ еще моя встревожена душа?...
Азема! рокъ меня, вновь бѣдствіемъ страша,
Убитымъ тотъ предметъ мнѣ въ мысляхъ воображаетъ,
Къ которому мой духъ любовію пылаетъ.

Азема.

Ахъ! время ли тебѣ...

Эмира.

Жестокая! твой взоръ
Во страсти мнѣ явитъ премножество укоръ.
Такъ, я стыжусь ея; но я уже невластна
Разрушити тотъ плѣнъ, душа въ кой взята страстна.
Мой духъ расторгнутъ весь въ различныя страны,
Бѣды я въ коихъ зрю вездѣ возращены;
Не зная, что̀ начать, мой страшно умъ томится,
И въ скорости душа съ симъ тѣломъ разлучится.

Азема.

Пойдемъ во храмъ боговъ, имъ жертвы принесемъ:

Они всемощны суть и въ бѣдствіи твоемъ
Содѣлаютъ тебѣ желанно облегченье
И, можетъ, прекратятъ и скорби, и мученье.

Эмира.

О щедрые цари сего пространна міра!
Отъ васъ ждетъ помощи нещастная Эмира:
Вы можете скончать мой слезный токъ и стонъ—
Иль духъ нещастнѣйшій изъ тѣла вынуть вонъ!

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III-е.

Явленіе первое.

Эмира и Азема.

Эмира.

Чего намъ ждать? увы! я тщетно возсылала
Мольбы къ богамъ и въ нихъ спасенія искала.
Я зрѣла: жертвы дымъ, въ эфиръ не возносясь,
Всю жертву помрачалъ, вокругъ ея крутясь;
Во мракѣ ужасномъ свой грозный взоръ кумиры,
Являя всѣмъ, бѣды вѣщаютъ днесь Эмиры.
Азема, поспѣши и принеси мнѣ вѣсть,
Живетъ ли мой отецъ, дана ль злодѣю месть,
Иль градъ съ народомъ сей Индійскимъ погибаетъ?

Явленіе второе.

Эмира (*одна*).

Мятется весь мой духъ, и сердце обмираетъ;
Минуту каждую грозитъ мнѣ новый страхъ,
И въ бурныхъ я плыву безъ помощи волнахъ;
Пристанища мнѣ нѣтъ въ пучинѣ сей ужасной,
Въ которой, погруженъ, мой гибнетъ разумъ страстной.
О боги, коими обширный созданъ свѣтъ!
Иль жертвы вамъ другой, кромѣ Индійцовъ, нѣтъ?
Когда же днесь они предметомъ гнѣва стали,
Почто вы жизнь мою доселѣ не скончали?
Стократно бъ щастливѣй во смерти рокъ былъ мой:
Не зрѣла бъ смерти я любезна брата злой,
Не зрѣла бъ я свое отечество въ напасти
И не горѣла бы, увы! въ постыдной страсти....
Что слышу?... вопль и звукъ мечей мнѣ въ слухъ разятъ!
Чѣмъ небеса еще, нещастной, мнѣ грозятъ?
Родитель! не вотще ль тебя я ожидаю?
Убитъ ты! ахъ! почто сіе я воображаю?
Погибели его мнѣ—смерти слухъ лютѣй,
И драгоцѣннѣе мнѣ жизнь ево моей.....
Увы! сбылось сіе! мой духъ уже трепещетъ,
Ужъ злобный рокъ на мя ударъ сей страшный мещетъ!
Что, что мнѣ днесь начать?...

Явленіе третіе.

Эмира и Азема.

Эмира.

Азема... ахъ! твой видъ
Безъ рѣчи мнѣ твоей ужасно духъ разитъ.
Скажи...

Азема.

Во градѣ семъ ужасное смятенье,
И только видно лишь Индійцовъ умерщвленье.
Останъ, вездѣ скача, сѣчетъ своимъ мечемъ,
Погибель нанося граждàнамъ здѣшнимъ всѣмъ;
Во всѣхъ мѣстахъ смерть, вопль, жестокія тревоги,
И, можетъ быть, враги въ сіи взойдутъ чертоги.

Эмира.

Но знаешь ли, въ какой родитель мой судьбѣ?
Скажи, скорѣй скажи, извѣстно ль то тебѣ.

Азема.

Я слышала, одни убитымъ почитаютъ;
Другіе, вопія, что живъ онъ, увѣряютъ,
И что спѣшитъ свой домъ и дщерь свою спасать.
Въ смятеньѣ жъ не могла я истину узнать.

Эмира.

Судьба! почто ко мнѣ толико ты жестока?

Азема.

Въ опасности понесть тягчайши казни рока,
Потребно скрыться намъ.

Эмира.

Возможно ль скрыться гдѣ?
Коль небеса разятъ, спасенья нѣтъ нигдѣ!
Нетерпѣливо, знай, я смерти ожидаю.
Пусть прѝдутъ здѣсь враги, пусть кровь мою прольютъ,
Пусть сердце страждуще изъ тѣла извлекутъ—
И тѣмъ освободятъ Эмиру отъ мученья!...
Но се они ужъ здѣсь; я слышу вопль смятенья.
Рази, свирѣпой рокъ! готова въ жертву я!
Дражайша брата кровь на полѣ пролія,
Что медлишь мя терзать, убійца и мучитель?
Какой явѝтся мнѣ предметъ?... ахъ! мой родитель!

Явленіе четвертое.

Прежніе и Драгутъ съ воинами своими.

Драгутъ.

Совершилось всіо!

Эмира.

Ахъ! сколь сіи намъ страшны дни,
О боги!

Драгутъ.

Боги... Злѣй мнѣ фуріевъ они!
Всего лишенъ, однимъ я только утѣшаюсь,
Что взоромъ дщери я дражайшей наслаждаюсь.
Ты, ты того виной, что бой я прекратилъ,
И алченъ зрѣть тебя, я мѣсто уступилъ.
А безъ того бъ, Драгутъ хотя вкусилъ бы смерть,
Но мужества во мнѣ сей страхъ не могъ бы стерть:
Я съ славой умеръ бы въ геройскомъ защищеньѣ
И гнусно бъ не бѣжалъ, оставивши сраженье;
Но, ахъ! узрѣть тебя, жива ли ты, узнать,—
Знай, то меня теперь принудило бѣжать!

Эмира.

Увы! Родитель мой, коль грозна намъ судьбина!
Въ отраду мнѣ одна осталася кончина.
Почто ты далъ мнѣ жизнь? къ чему она нужна,
Когда я столько бѣдъ сносить принуждена?...
Но се ужъ здѣсь враги!... о часть моя сурова!

Явленіе пятое.

Прежніе, Останъ, Сеангиръ и воины Остановы.

Останъ (*съ обнаженнымъ мечемъ*).

Не скроешься, злодѣй, и мзда тебѣ готова:
Сей мечъ теченье дней тиранскихъ прекратитъ
И мщеньемъ за отца Остана усладитъ!

Эмира (отвращая ударъ).

Постой! коль жертвы ты какой себѣ желаешь,
Смягчи, ахъ! лютость мной, которой ты пылаешь;
Вотъ грудь моя, рази,—а пощади отца!
Рази меня, не дай мнѣ зрѣть его конца!

Останъ (узнавъ Эмиру).

Что вижу я?

Драгутъ.

Сражай, насыться, кровопійца,
И побѣдитель бывъ, будь срамный ты убійца!
Отъемли у меня, чтò можеши отнять;
Но твердость ты мою не силенъ всколебать!
Иль мнишь мя устрашить, во гробъ свергая мрака?
Знай, муки большей нѣтъ мнѣ, твоего какъ зрака.
Представь отца и все, чтò можешь вобразить,
Чтобъ пущей злобой могъ ты чувства упоить:
Жесточе ударяй мечемъ симъ изощреннымъ,
Коль мнишь, что я могу быть мужества лишеннымъ.
Отмщай отца, чтò мной.....

Останъ (вознося руку).

Ты примешь должну месть!

Эмира.

Могу ль тебя, могу ль я къ жалости привесть,
И тронутъ ли тебя горчайши слезны токи?
Иль чувствія въ тебѣ, какъ камень, ахъ! жестоки?

Останъ.

Ужъ поздно умолять,—онъ долженъ умереть!

Драгутъ.

Я долженъ: поражай, мнѣ свѣтъ несносно зрѣть,
Коль первенство судьбой дано злодѣю люту,
Противно щастье коль превратное Драгуту.
Рази! что медлишь? иль поднять страшишься мечъ,
Чтобъ побѣжденнаго уже врага посѣчь?....
Яришься ты: на то съ презрѣньемъ я взираю,
И зря въ тебѣ врага, тебя пренебрегаю!

Останъ.

Довольно! въ сей же часъ свои ты скончишь дни:
Мнѣ нужны въ месть тобой убитаго они!

Эмира.

Мучитель, злобной тигръ! ты жизнь мою отъемлешь:
Иль гласу жалости въ жестокости не внемлешь?
И звѣри лютые чувствительнѣй тебя!
Иль мнишь героемъ быть, героя погубя,
Кой, будучи лишенъ послѣдня защищенья,
Тебѣ не дѣлаетъ малѣйша противленья?
Ахъ! сжалься, зри мое отчаянье и стонъ:
Отъ тягости судьбы моей исходитъ онъ;
Зависитъ отъ тебя быть варваромъ, тиранномъ,
Иль зрѣть чувствительну къ тебѣ мя въ дарѣ данномъ.

Останъ.

О боги! что̀ начать? весь умъ разсѣянъ мой,
И ахъ! я не могу ужъ властвовать собой!
Вы, воины, Драгута взявъ, ведите
И въ крѣпкія врага оковы заключите!

Драгутъ.

Хоть тысячью цѣпей меня отяготишь,—
Но вольность духа, знай, во мнѣ не премѣнишь!

Явленіе шестое.

Останъ и Сеангиръ.

Останъ.

Судьба! къ чему меня, къ чему ты привлекаешь?
Ты страшныхъ бѣдствій мнѣ пучину открываешь.
Я сталъ врагомъ отца!.. о рокъ!... ахъ! зри, мой другъ,—
Въ какихъ днесь пропастяхъ мой блуудитъ страстный духъ.
Познай, ахъ! Сеангиръ! познай, что дщерь злодѣя
Въ любви мой мучитъ духъ, симъ сердцемъ овладѣя.

Сеангиръ.

Что рекъ?

Останъ.

Воспомни, какъ въ чертогахъ прежде сихъ
Я видѣлъ впервые причину мукъ моихъ,
Чтò красотой меня своею поразила
И страсть во мнѣ къ себѣ любови воспалила.
Эмира то была!

Сеангиръ.

И ею ты горишь?
Ахъ! государь, или порока въ томъ не зришь?
Сей варваръ, кѣмъ она на свѣтъ произведенна,
Есть врагъ, которымъ мать Остана убіенна,
И кой пресѣкъ отца тебѣ дражайша дни.
Престань любить ее и страсти прогони,
Которыя тебя толико покорили,
Что должный мщенья жаръ къ злодѣю утушили.

Останъ.

Но кто бы, видя токъ, пролитый изъ очей,
Толь красныхъ, не явилъ сей слабости моей!

Жестокосердый другъ! ты видѣлъ то волненье,
Ты видѣлъ, въ яростномъ какъ злобы напряженьѣ
Я руку на врага къ отмщенію вознесъ,—
Хотѣлъ разить: увы! исполненная слезъ,
Эмира предъ меня стремительно предстала:
—„Онъ—мой отецъ!“ рекла,—и твердость всколебала;
Ты зрѣлъ, какъ я, его словами раздраженъ,
Вновь поднялъ мечъ; но ахъ! ей паки былъ сраженъ!
Драгутъ—отецъ ея, убійца Артаксаса!....
Стремятся на меня всѣ бѣдства, съединяся.

Сеангиръ.

Такъ ты уже себя любови покорилъ?

Останъ.

Жестокой! хочешь ты, чтобъ я тиранномъ былъ?
Ахъ! Естьли бъ вѣдалъ ты, что̀ царь твой ощущаетъ!
Сраженный рокомъ, духъ мой страждетъ и стонаетъ.
Я долженъ мстить врагу, я долженъ острый мечъ
Въ злодѣйску грудь вонзить и дни его пресѣчь;
Но слезы, коихъ мнѣ и капля драгоцѣнна,
Велятъ, чтобъ мной была отмщенья злость забвенна.
Могу ль нещастія Эмиры быть виной,
Которыя красы боготворимы мной?
Когда ее узрю, стенаньемъ отягченну,
Готовъ ей жертвовать—хотя бы всю вселенну!

Сеангиръ.

Но боги, коими клялся врагамъ ты мстить
И за родителя злодѣйску кровь пролить,
Снесутъ ли таково сей клятвы преступленье,
Которымъ ты нанесъ ихъ власти оскорбленье?
Они не преминутъ свой гнѣвъ съ небесъ послать,
Чтобъ клятвъ преступника достойно наказать.

Перуны ихъ гремятъ ужъ надъ твоей главою:
Страшись! Зри тѣнь отца, забвеннаго тобою:
Се онъ, кончаяся врагомъ отъ данныхъ ранъ,
—„Доколь“, гласитъ, „доколь еще живетъ тираннъ?
Но, ахъ! мой сынъ, себя въ пороки повергая,
Мнѣ жизнь отъемлетъ вновь, лютѣе поражая!“

Останъ.

Такъ должно мнѣ уже оружьемъ мщенья быть,
Мнѣ должно жизнь свою съ Эмирой погубить?
Довольно! ты узрѣшь, въ отчаянье стѣсненна,
На жизнь Драгутову Остана устремленна:
Я умерщвлю его, я кровь его пролью!
Но въ слѣдъ за нимъ и самъ окончу жизнь мою!
Такъ! въ сей же часъ пойду, исторгну духъ я злостный,
Во грудь его свой мечъ вонзивши смертоносный!
Нѣтъ, нѣтъ! не жди, о рокъ! сей жертвы отъ меня,
Чтобъ мной Эмира, ахъ! лишилась свѣтла дня:
Скорѣе все, что̀ есть на свѣтѣ, потеряю,
А нежель тѣ красы, которы обожаю.

Сеангиръ.

И ты ужъ не герой, которымъ прежде былъ!
Ты честь свою и все, любя ее, забылъ:
Гдѣ дѣлось мужество, гдѣ лавры прежней славы,
Чудились коей всѣ сосѣднія державы?
Не стало ужъ ея: Остана я не зрю!

Останъ.

Коль ты бъ измѣрилъ жаръ, которымъ я горю,
Ты бъ зрѣлъ, укоръ ли я иль жалости достоинъ;
Я слабъ противиться красамъ.

Сеангиръ.

Се храбрый воинъ,

Который прежде былъ никѣмъ не побѣжденъ,—
О чести небрежетъ, Эмирой бывъ плѣненъ!
Ея лишь только онъ заразы исчисляетъ
И днесь родителя безъ мщенья оставляетъ!

Останъ.

Но должно ль мщенья злость невинности сносить?
Пусть виненъ есть Драгутъ; но мнѣ не возвратить
Отъ адскихъ нѣдръ отца, когда отмщенье злобно—
Однимъ ударомъ жизнь двоихъ скончать удобно!
И есть ли онымъ я дражайшія лишусь,
Такъ, сердце се пронзивъ, я кровью обольюсь;
Пошлю къ родителю я жертвы сей куренье:
Пусть оной тѣнь его получитъ отомщенье.
Ахъ! нѣтъ, не принуждай меня ко злости сей,
Коль можетъ кончить дни она драгой моей!....
Оставь меня собрать разсѣянныя мысли;
Оставь, и самъ полки Персидскихъ войскъ исчисли.

Явленіе седьмое.

Останъ (*одинъ*).

Къ чему прибѣгнуть мнѣ, и что теперь начать,
Что мнѣ пристанищемъ средь бурныхъ волнъ избрать?
О пагубный мнѣ градъ! чертоги, полны бѣдствій!
Какихъ мнѣ ожидать, средь васъ живущи, слѣдствій?
Эмира! вся моя надежда есть въ тебѣ,
Отрады отъ тебя я нынѣ жду себѣ.....
Но что? я—врагъ ея, я—бѣдъ ея причиной:
Бывалъ ли кто гонимъ столь лютою судьбиной?...
Нѣтъ! я пойду и все ей въ жертву предложу,
Всѣхъ подданныхъ ея отъ плѣну свобожу;

Отдавъ корону ей моихъ завоеваній,
Или не получу отъ ней своихъ желаній?
Иль нечувствительна Эмира можетъ быть
И не восхощетъ мнѣ руки своей вручить?
Пойду, и въ ней найду искомую отраду,
И можетъ быть, моихъ мученій всѣхъ награду!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV-е

Явленіе первое.

Эмира и Азема.

Эмира.

Почто тебѣ моихъ слезъ токи осушать,
Коль небеса мнѣ ихъ судили проливать?
Я вижу: и сама со мною ты стенаешь;
Но, ахъ! напастей всѣхъ моихъ еще не знаешь.
Открыта ужъ тебѣ Эмирина любовь,
Что̀ пламенемъ сію зажгла несчастнымъ кровь.
Не знала прежде я, кто мукъ моихъ причина;
Но въ сей лютѣйшій часъ жестокая судьбина
Открыла мнѣ его... страшусь сказать... Останъ!...

Азема.

Останъ тобой любимъ!

Эмира.

Ты помнишь, сей тиранъ,
Подъ именемъ посла въ мѣстахъ сихъ какъ явился,
Въ то время въ сердце онъ мое еще вселился.

Невѣдомымъ тогда Эмирѣ страстной бывъ,
Былъ сноснымъ мнѣ, свое величество сокрывъ;
Но что? какимъ была я громомъ пораженна,
Въ свирѣпствѣ зрѣть его и злобѣ принужденна.
Любви предметомъ бывъ, открылся мнѣ злодѣй,
Похитившій, что̀ мнѣ дражайше въ жизни сей:
Убійца брата, врагъ родителя, гражданства,
И полный лютаго къ Индіянамъ тиранства...
Увы! могу ль сіе названіе давать
Тому, кого мой духъ не въ силахъ проклинать?
Онъ милъ еще, и ахъ! къ стыду и злой напасти
Избавить не могу себя поносной страсти.

Азема.

Мнѣ мнится, что и онъ то жъ чувствуетъ къ тебѣ;
Конечно, любитъ онъ: вообрази себѣ,
Какъ, въ злости варварства къ убивству устремленный,
Отъ взора твоего казался онъ смятенный:
Готовъ ужъ былъ разить,—но, просьбу внявъ твою,
Онъ руку удержалъ въ стремленіи свою.

Эмира.

Нѣтъ, нѣтъ! онъ большее злодѣйство умышляетъ,
И, можетъ, для того дни смерти отлагаетъ,
Дабы лютѣйши могъ намъ бѣдствія нанесть.
Ты зришь, колику онъ питаетъ въ сердцѣ месть.

Азема.

Но, можетъ, месть сія любовью утишится,
И къ намъ спокойствіе минувше возвратится?

Эмира.

Что жъ дѣлать мнѣ велишь?

Азема.

Употребить любовь
Къ спасенію отца, ей одолѣть враговъ:

Коль будетъ и Останъ сей страстію палимымъ,
Не можетъ быти онъ къ тебѣ неупросимымъ.

Эмира.

И ты велишь любить отечества врага,
Кой кровью обагрилъ здѣсь Индовы брега!..
Сколь лестно бы сіе Эмирѣ было страстной—
Нѣтъ, нѣтъ! онъ—варваръ злой въ жестокости ужасной,
Чтò ненавидѣть мнѣ должно, а не любить!

Азема.

Но естьли будетъ онъ согласенъ свободить
Родителя, прервать народовъ сихъ плѣненье
И царству возвратить сему успокоенье,
Не оправдаешь ли сама ты той любви,
Которая горитъ давно въ твоей крови?

Эмира.

Вотще, Азема, ты о семъ напоминаешь
И суетной меня надеждой обольщаешь:
Мнѣ рокъ судилъ однихъ напастей ожидать
И лютыхъ бѣдствіевъ въ пучинѣ утопать.
Какъ бытіе мое на свѣтѣ разрушится,
Тогда нещастіе Эмиры прекратится...
Но вотъ ужъ здѣсь тотъ врагъ, чтò рокомъ намъ посланъ.

Явленіе второе.

Тѣ жъ и Останъ.

Останъ.

Или чудовищемъ въ глазахъ твоихъ Останъ?...
Страшатся всѣ меня, какъ тигра убѣгаютъ.

Эмира.

О небо, чѣмъ еще судьбы меня сражаютъ?

Останъ.

Что должно дѣлать мнѣ? приближиться страшусь!
Ахъ! нѣтъ, неволею къ красамъ ея влекусь.

Эмира.

Не приближайсь ко мнѣ, врагъ отчества, злой варваръ,
Котораго родилъ свирѣпствующій Тартаръ!
Иль жизни окончать ты хочешь дни моей?
Се жертва предъ тобой: напейся крови сей!

Останъ.

Такъ варваръ твой—Останъ! о имя, мнѣ ужасно!
И ты, мой коей духъ и сердце днесь подвластно,
Названьемъ хочешь симъ растерзанна терзать
И къ смерти дней драгихъ возможешь призывать?
Немилосердая, или моихъ движеній
Не хочешь видѣть ты, не зришь моихъ волненій,
Которымъ стала ты, прекрасная, виной,
Любовью воспаливъ днесь духъ ослабшій мой?

Эмира.

И можешь съ симъ ко мнѣ, предстать мнѣ, дерзновенный,
Тиранствомъ дышущій и злобой напоенный.
Ты можешь предлагать Эмирѣ о любви,
Нещастнѣйшихъ граждàнъ омытый во крови,—
Ты, коего рука мечъ острый погрузила
Въ грудь брата моего и дни его затмила,
И кѣмъ родитель мой короны днесь лишенъ!
О боги! для чего досель онъ не сраженъ?...
Ахъ! что вѣщаю я!.. Мнѣ сердце измѣняетъ!...
Нѣтъ, нѣтъ, сокройсь: мнѣ взоръ твой муки причиняетъ.

Останъ.

Я знаю, я—твоихъ нещастій всѣхъ виной:

Моей нанесены здѣсь бѣдствія рукой,
Мной кровію сіи чертоги обагренны;
Но, естьли бъ я возмогъ суровства, мной творенны,
Загладить—и тебя во щастьѣ прежнемъ зрѣть,
И чтобъ названія тиранна не имѣть:
Я всѣмъ бы жертвовалъ! Ахъ! сжалься надъ нещастнымъ,
Которой, нынѣ ставъ тобой безмѣрно страстнымъ,
Отмщеніе свое въ сіи часы клянетъ,
Возмогъ коль учинить дражайшей онымъ вредъ.
Ничѣмъ я предъ тобой себя не оправдаю,
Но съ жизнью самъ себя на судъ тебѣ вручаю;
Иль могутъ чувства сихъ красотъ суровы быть,
И могутъ страстнаго къ мученью осудить?...
Корону, царску власть, народы побѣжденны,
И кои нынѣ мной—къ нещастію—плѣненны,
Тебѣ я возвращу... жестокая, молчишь?
Не отвѣчаешь мнѣ... почто меня томишь?

Эмира.

Великодушье коль обѣщано неложно,
И естьли таковымъ Остану быть возможно,
Такъ можешь, чаю, ты мое прошенье внять
И дщери страждущей родителя отдать;
Но взоръ мнѣ твой явитъ, что льщуся я напрасно:
Возможетъ ли внимать чудовище ужасно,
И варваръ можетъ ли великодушнымъ быть,
Принудилъ что̀ меня толико бѣдъ сносить!

Останъ.

Ты—варварка, не я! стократно ты лютяя,
Тобою страстнаго укорами терзая.

Эмира.

Но естьли любишь ты, почто жъ не внемлешь мнѣ?
Почто не возвратишь монарха сей странѣ?

Ахъ! сжалься надо мной, хоть для ради любови;
Или пролей уже нещастной токъ сей крови.

Останъ.

Чего ты требуешь?.. о боги, злѣйшей рокъ!
Ты паче мѣры мнѣ въ сіи часы жестокъ!
Эмира! требуй жизнь мою, коль хочешь, въ жертву,—
Но свободить врага...

Эмира.

Такъ зри Эмиру мертву:
Довольствуйся, тираннъ! (*падаетъ въ руки Аземѣ*)

Останъ.

Что вижу? смерть въ очахъ
Начертана ея. Какой грозитъ мнѣ страхъ!
Эмира! ты безъ чувствъ! чего я днесь лишаюсь!..
Приди въ себя, возстань! На все я соглашаюсь:
Свободенъ твой отецъ!

Эмира.

Свободенъ... иль мечта?...

Останъ.

Нѣтъ! не мечта: твоя рушила красота
Оковы и его прервала заключенье,
Повергши въ лютое Остана преступленье.

Эмира.

Льзя ль преступленіемъ щедроту называть,
Которою себя ты хочешь украшать?
Ты далъ мнѣ жизнь: или о томъ уже жалѣешь?

Останъ.

Колико разслаблять ты страстный духъ умѣешь! (*къ Аземѣ*)
Скажи, чтобъ былъ Драгутъ въ мѣста сіи введенъ.

Явленіе третіе.

Останъ и Эмира.

Останъ.

Что сдѣлать я хочу? къ чему я приведенъ?
Я должность пренебрегъ страстямъ во угожденье
И позабылъ отца, оставивши отмщенье.
Такъ быть должно сему: любовь мнѣ то велитъ,
Мнѣ пламень тотъ—уставъ, мой коимъ духъ горитъ.
Ахъ! сколько ты властна надъ сердцемъ симъ, плѣненнымъ
И страстію къ тебѣ безмѣрной уязвленнымъ—
Но естьли я въ тебѣ въ награду жертвы сей
Томленіе одно найду души моей,
Въ какую бездну золъ повергнусь я тобою!

Эмира.

Отъ смерти ставъ твоей избавлена рукою,
И бѣдства коль мои ты благостью пресѣкъ,
Я благодарною останусь на вѣкъ;
Не варварства твои въ семъ будутъ воображеньѣ,—
Но чтить твое всегда я буду снисхожденье.

Останъ.

Ты благодарною къ Остану хочешь быть,
Ты хочешь симъ мои томленья наградить.
Ахъ! сколько мало мнѣ утѣхъ ты обѣщаешь!
Жестока! ты моимъ стенаньямъ не внимаешь,
Не зришь любви моей, не зришь, какъ стражду я,
Ставъ вольности лишенъ тобою моея.

Эмира.

Ты хочешь, чтобы я тѣ чувствія открыла,
Которыя досель во сердцѣ семъ таила,

И чтобъ любовь.... ахъ! что ослабша изрекла!..
Увы!... хоть прежде я сокрыть ее могла,—
Но днесь... О рокъ! почто ты въ сихъ мѣстахъ явился?
Узнай!... мой духъ уже давно тобой плѣнился!...

Останъ.

И такъ ужъ я щастливъ! иль только сладкой сонъ
Въ мечтанье прекратилъ страданья мнѣ и стонъ?
Нѣтъ, нѣтъ! я въ явѣ зрю... судьба, часы счастливы!
Ты чувствуешь любовь и чувства горделивы...

Эмира.

Ты слабости узналъ днесь духа моего;
Но болѣе не жди признанія сего,
И чувства коль въ тебѣ не столько ужъ суровы,
Се здѣсь родитель мой: разрушь его оковы!

Явленіе четвертое.

Прежніе и Драгутъ (*въ цѣпяхъ*) **и воины.**

Останъ.

Разрушу ихъ! (*въ сторону*) О рокъ!.. и я преступникъ сталъ!
Почто я не могу?... нѣтъ, я ужъ предпріялъ... (*Къ Драгуту*)
Забывъ содѣланны тобою разоренья
Въ нещастной Персіи, забывши утѣсненья
И Артаксаса смерть, ты коей виненъ былъ,
И коей ты меня родителя лишилъ,—
Я, все простивъ тебѣ, изъ плѣну свобождаю
И для нея тебѣ корону возвращаю.
Прими то отъ твоей властителя судьбы!

Драгутъ.

Ты мнѣ властителемъ! иль мы тебѣ рабы?
Похитивъ городъ сей чрезъ гнусное тиранство,

Желаешь и меня присвоити въ подданство?
Знай! царь—Драгутъ всегда, и духъ свободный сей
Не знаетъ никогда царя судьбы своей.
Ты мнимой щедростью Драгута унижаешь:
Отдай лишь мечъ;—тогда изъ опыта познаешь,
Что я могу себѣ корону возвратить;
Но отъ врага ее гнушаюсь получить!

Останъ.

Остави тщетное свое ожесточенье
Богамъ, ты коимъ днесь чинишь сопротивленье!
[1]) Прошло величество, и тронъ твой низложенъ;
Но онъ коль мной тебѣ быть можетъ возвращенъ,
Коль вмѣсто злобы зришь мя къ дружеству готовымъ,—
Почто столь быть тебѣ въ упорности суровымъ,
И варварствомъ почто тебѣ меня корить,
Коль щедростью его хочу я наградить?
Коликимъ варварствомъ ты, прежде упоенный,
Къ убивству Персовъ былъ во злобѣ устремленный?
Не паче ли тебя тиранномъ должно звать,
Когда въ жестокости ты могъ животъ отнять
Безсильныя жены, лишенной защищенья...
То—мать моя была!... колико огорченья!
И что еще? о злость! похищенный во плѣнъ,
Родитель мой тобой былъ люто умерщвленъ.
Онъ умерщвленъ тобой, а я тебѣ прощаю!
Ахъ! сколько я предъ нимъ преступникомъ бываю!
Не раздражай меня; но въ часть свою вмѣстись,
Иль мщенья моего вторично ты страшись!

Драгутъ.

Ты долженъ мстить: почто жъ досель не поражаешь?

---

[1]) Отъ стиха «Прошло величество» и до стиха «Не раздражай меня» отмѣчено въ подлинной рукописи особыми знаками.

Иль недостойнымъ мя руки своей щитаешь?
О рокъ! къ чему Драгутъ днесь приведенъ тобой!
Останъ! узнай: я врагъ всегда лютѣйшій твой:
Мнѣ щедрости твои съ тобой равно несносны;
А естьли бъ получилъ я дàры столь поносны,
То бъ смерть тебѣ за нихъ наградою была!

Эмира.

Но естьли дщерь тебѣ поднесь еще мила,
И естьли ты любовь къ ней прежнюю питаешь,
Почто же бѣдствіи прервати отвергаешь?
Возможно ль смертному противиться судьбамъ?
Не паче ль должно чтить уставы оныхъ намъ?
Или не внемлешь ты граждàнъ несчастныхъ стона,
Кой можешь прекратить, когда со властью трона,
Днесь возвращаема, не отречешься взять.

Драгутъ.

Престань къ тому, престань Драгута принуждать!
Мнѣ гнусно быть врагу щедротой одолженнымъ,
Отъ благодарности бывъ столько отдаленнымъ;
И ежели за скиптръ враждой я заплачу,
Какую честь отъ той измѣны получу?

Останъ.

Такъ кто жъ тебѣ претитъ вражду сію оставить—
И тѣмъ спокойствіе народовъ сихъ возставить?

Драгутъ.

То жъ само, что̀ тебя въ сей градъ ввело съ мечемъ
Возстати на меня,—съ различьемъ только тѣмъ,
Что пламень сей во мнѣ дотоль не прекратится,
Доколь злодѣевъ родъ изъ жизни истребится!

Останъ.

Когда въ упорствѣ ты своемъ толико твердъ,
Останъ не можетъ быть ужъ больше милосердъ:

Суровостью твоей мнѣ чувства возвращенны—
И оной предъ отцемъ избавленъ я измѣны.
Свободы нѣтъ тебѣ!

Эмира.

Ты паки сталъ жестокъ!

Останъ.

Быть должно таковымъ, когда...

Эмира.

О лютый рокъ!
Почто жъ ты прежде льстилъ надеждой мнѣ сладчайшей,
Или, чтобъ послѣ влить мнѣ въ сердце ядъ горчайшей?

Останъ.

Онъ самъ противится спасенью своему:
Коль будетъ столько гордъ, нѣтъ вольности ему!
(*уходитъ, и воины за нимъ*).

Явленіе пятое.

Драгутъ и Эмира.

Эмира.

Могу ль я на тебѣ сіи оковы видѣть,
Которыя и ты бъ былъ долженъ ненавидѣть?

Драгутъ.

Я ненавижу ихъ; но пасть передъ врагомъ
Всего несноснѣй мнѣ, и—есть ли въ томъ одномъ
Искать мнѣ надлежитъ себѣ освобожденья,
Я лучше всѣ стерплю тягчайшія мученья,

А нежель своего величества лишусь:
Пусть знаетъ онъ, что я нещастья не боюсь!

Эмира.

Но онъ не требуетъ, чтобъ духомъ униженнымъ
Ты палъ къ ногамъ его, а—сердцемъ умягченнымъ
На мѣсто, имъ въ сей градъ взнесенныхъ прежде, золъ
Онъ отдаетъ тебѣ со властію престолъ.
Суровства нѣтъ ужъ въ немъ, и я не вижу злобы.

Драгутъ.

Незлобенъ! Онъ рожденъ изъ тигровой утробы.
Или забыла ты, какъ въ лютыхъ сихъ часахъ
Смерть подданныхъ моихъ повергла на поляхъ,
Какъ мечъ его, въ крови Мидаса обагренный,
Немилосердо сѣкъ народы побѣжденны,
Ручьями коихъ кровь, со Индомъ съединясь,
Тиранство шумомъ волнъ гласитъ, къ морямъ стремясь?
Свирѣпства огнь еще здѣсь въ ужасѣ пылаетъ,
И варварство враговъ градъ здѣшній наполняетъ.
Забыла ты! но я не въ силахъ то забыть,
Не въ силахъ лютому злодѣю другомъ быть.
Онъ вольность мнѣ отдастъ: знай въ саму ту минуту
За дары онъ свои кончину приметъ люту:
Сія рука... но что? Измѣнникъ буду я...
О жесточайша часть судьбины моея!

Эмира.

Его ужъ нынѣ къ намъ суровство сокращенно;
Такъ сердце для чего твое ожесточенно?

Драгутъ.

Тебѣ ль меня, тебѣ ль прилично укорять?
Велѣнью ты должна родителя внимать.

Эмира.

Ахъ! Естьли бъ я къ тебѣ усердьемъ не пылала

И жизнь твою своей дороже не щитала,
Ты бъ не былъ просьбою моей отягощенъ!
Коль ты не можешь быть съ Останомъ примиренъ,
Позволь хоть мнѣ ему принесть мое прошенье,
Чтобъ онъ прервалъ твое въ оковахъ заключенье.

Драгутъ.

Поди! Пускай мои онъ узы разрѣшитъ
И за злодѣйство месть себѣ возстановитъ!

(*Эмира уходитъ*).

Явленіе шестое.

Драгутъ (*одинъ*).

Къ чему я приведенъ жестокими судьбами!
Свободы я лишенъ, отягощенъ цѣпями,
И въ тѣхъ еще мѣстахъ, которыми владѣлъ,
И гдѣ могуществомъ и славою процвѣлъ,—
Я долженъ зрѣть народъ со мною свой въ неволѣ
И долженъ зрѣть врага на собственномъ престолѣ,
Врага лютѣйшаго, что̀ сердце мнѣ грызетъ;
И я досель еще, досель зрю днѐвный свѣтъ!
Мнѣ стала жизнь моя днесь всѣхъ мученій злѣя...
Нѣтъ, нѣтъ! надлѐжитъ жить, чтобъ наказать злодѣя:
Пусть сниметъ онъ сіи оковы съ рукъ моихъ,
Пусть онъ скончаетъ тѣмъ теченье дней своихъ,
Пусть кровь его рукой Драгутовой прольется,
И онымъ власть моя вторично вознесется!
О! Естьли бъ я возмогъ желанье совершить,
Возмогъ бы мечъ въ груди враждебной погрузить!
Съ какою бъ радостью я кровью сей питался,
Когда бъ мой лютый врагъ мной дней своихъ лишался!

Но что я говорю? Пришли ужъ тѣ часы,
Что̀ смертной остріе познàетъ онъ косы!
О боги мщенія, цари жилищъ подземныхъ,
Придите въ помощь мнѣ изъ пропастей претемныхъ,
Подвигните съ собой въ сей часъ ужасный адъ
И влейте въ сердце мнѣ острѣйшій злобы ядъ,
Взнесите руку вы къ удару смертоносну,
Лютѣе чтобъ извлечь Остана душу злостну,
И тѣмъ отмстивъ врагу, во славѣ чтобъ возстать,
Иль дни мои скорѣй несносны окончать!

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V-е.

Театръ представляетъ ночь.

Явленіе первое.

Останъ (*одинъ*).

Сокройся отъ меня, ужасно привидѣнье:
Престань меня терзать, не мучи воображенье!....
Но ты преслѣдуешь, ты гонишься за мной?...
Куда мнѣ скрыться, гдѣ сыскать себѣ покой....
Я вижу: Артаксасъ въ крови своей трепещетъ,
Кинжалъ въ груди его; онъ взоры томны мещетъ;
Онъ, испуская духъ, вѣщаетъ мнѣ: „Злодѣй,

Я вновь теперь сраженъ измѣною твоей!
Ты врагъ мнѣ сталъ!"... О гласъ, мой страшно духъ разящій!
Я—врагъ родителя, врагъ, тѣнь его томящій...
Но что мѣшаетъ мнѣ злодѣйску грудь пронзить
И кровь тиранскую за кровь отца пролить?
Пойдемъ, пошлемъ врага въ пучину вѣчной ночи,
Сразимъ!.. но какъ мнѣ зрѣть драгой сомкнуты очи?
Ударомъ симъ она повержется во адъ....
Я вижу тѣнь ея, я зрю померкшій взглядъ,
Съ которымъ къ небесамъ ослабшій гласъ возноситъ
И мнѣ за варварство и злость отмщенья проситъ.
Тираннъ! возможешь ли суровымъ столько быть
И можешь ли ты то, что̀ любишь, погубить?
Не внемлю ничему; исчезни, сожалѣнье:
Иду въ крови врага омыти преступленье!—
Прочь, прочь, чудовище! Что хочешь ты начать?
Драгута умертвивъ, Эмиры жизнь отнять,
Повергнуть въ бездну, что̀ мнѣ въ свѣтѣ драгоцѣнно,
И чувствіе во что̀ мое переселенно,
Все въ жертву лютому отмщенію пожерть—
И въ утѣшеніе себѣ оставить смерть!...
Нѣтъ, силъ не достаётъ: оставь мнѣ то, родитель!
Могу ль изъ мстителя я сдѣлаться мучитель?
Сей злобы нѣтъ во мнѣ.. ахъ! что я говорю:
Я самъ, я самъ свое злодѣйство нынѣ зрю;
Мнѣ люты фуріи духъ, сердце раздираютъ;
Сіи мѣста вину Остана возглашаютъ....
Я слышу громъ небесъ, ужаснѣй стала ночь..
Мечтаніе одно другое гонитъ прочь..
Се страшный тѣни видъ тьму мрачну разсѣкаетъ:
Се Артаксасъ чело мнѣ грозное являетъ.
Родитель мой..... Что зрю?

Явленіе второе.

Останъ и Драгутъ (*съ обнаженнымъ мечемъ*).

Драгутъ.

Готовься въ тотъ же мракъ
Сойти! твой скоро днесь померкнетъ злостный зракъ:
Умри, иль защищайсь!

Останъ.

Какимъ ты позволеньемъ
Пришелъ въ сіи мѣста съ столь дерзостнымъ стремленьемъ?
На то ли я тебѣ оковы разрѣшилъ,
Чтобъ ты мнѣ за сіе злодѣйствіемъ платилъ?
Нещастный! удались, оставь меня спокойнымъ,
Коль хочешь данныя свободы быть достойнымъ!

Драгутъ.

Какъ? Мнѣ спокоиться? Мнѣ въ подлости стенать?
Не думай, чтобъ себя столь могъ я унижать!
Свобода мнѣ твоя лишь ненависть вспаляетъ:
Отъ сей руки Драгутъ свободы ожидаетъ.
Ты долженъ обнажить днесь свой къ сраженью мечъ
И тѣмъ: иль дни врага Останова пресѣчь,—
Иль сихъ нещастныхъ странъ ставъ бѣдствія виною,
Низвергнуться во адъ Драгутовой рукою!

Останъ.

Къ чему меня ты днесь стремишься принуждать:
Ты тщишься жаръ щедротъ въ Останѣ потушать
И хочешь, чтобы я, тебя избавивъ смерти,
Вновь руки восхотѣлъ къ суровости простерти.
Чего тебѣ желать, коль скиптръ и царска власть
Мной отданы тебѣ, коль я пресѣкъ напасть?..

Драгутъ.

Жестокой врагъ! почто о томъ напоминаешь,
Почто дарами ты мнѣ чувствія терзаешь?
Знай: гнусны мнѣ они, равно съ моимъ врагомъ!
Просилъ ли я тебя, просилъ ли я о томъ?
А естьли дочь сіи мнѣ дàры испросила
И къ гибели твоей меня вооружила,
Такъ долженъ защищать мечемъ свою ты честь!

Останъ.

Я защищу ее: въ сей часъ ты примешь месть,
Въ сей часъ узритъ Драгутъ ужасны двери гроба!
Распространяйсь во мнѣ суровства прежня злоба
И изостри мой мечь, лютѣй чтобъ поразить....
Нѣтъ! прочь! не принуждай меня столь злобнымъ быть!

Драгутъ.

Почто сей жалостью ты робость покрываешь,
Котору въ подлости своей ты ощущаешь?

Останъ (хватаяся за мечъ).

Нѣтъ силъ сего снести! Познаешь ты, злодѣй,
Что робости Останъ не знаетъ низкой сей.

(*Сражаются, и Останъ поражаетъ Драгута*).

Свергайся въ вѣчну ночь!

Драгутъ.

Ты щастливъ сталъ, и рокъ,
Чтò столько былъ къ моимъ нещастіямъ жестокъ,
Окончивъ дни мои, тебѣ вручилъ побѣду!

Останъ.

Къ лютѣйшимъ бѣдствамъ мнѣ и жесточайшу врѐду!

Явленіе третіе.

Прежніе, Сеангиръ и воины.

Сеангиръ.

Гласъ ужасный и вопль въ сей часъ мой слухъ пронзилъ...
Какой предметъ я зрю? и ты уже отмстилъ?

Останъ.

Отмстилъ.... И что еще? Зри жертву вожделѣнну,
Которой ты хотѣлъ, зри грудь его пронзенну,
Зри страшный лютаго отмщенія предметъ:
Исполнилъ я—хотя неволей—твой совѣтъ!
Но я кляну его, кляну ударъ нещастный,
Которымъ всѣхъ утѣхъ Останъ лишился страстный.
О, естьли бъ могъ я жизнь Драгуту возвратить!

Драгутъ.

Не требую сего, и не желаю жить!
Единымъ лишь теперь, единымъ я томлюся,
Что, не сразивъ враговъ, со свѣтомъ разстаюся.
Въ теченье дней моихъ стремился я къ тому,
Чтобъ месть свою явить злодѣю моему,
И ненавистнаго чтобъ рода истребленьемъ
Сей пламень погасить; но естьли пораженьемъ
Жестокія судьбы послѣдній часъ мнѣ сей,—
Умру: однако, знай, что злобы огнь моей
И смертію никакъ не можетъ потушиться:
Онъ долженъ и во гробъ со мною ниспуститься....
Ужъ меркнетъ свѣтъ.. Мой зракъ покрыла темнота:
Разверзлись мрачныя мнѣ вѣчности врата.....

Явленіе послѣднее.

Прежніе, Эмира и Азема.

Эмира (*узрѣвъ Драгута*).

Что вижу я?

Драгутъ.

Прости! (*умираетъ*).

Эмира.

Ты жизнь свою кончаешь.....
О злѣйшій часъ!... Тираннъ! коль адомъ ты пылаешь!
Что медлишь поразить досель Эмиры грудь
И къ тѣни тѣмъ открыть родителя мнѣ путь?
О боги! есть ли гдѣ злодѣйствія подобны?
И тигры къ такову свирѣпству неудобны,
Какимъ мучитель сей явился упоенъ,
Ни самый адскій зѣвъ!..

Останъ.

Такъ я ужъ осужденъ
Лютѣйшимъ варваромъ въ глазахъ твоихъ казаться?
О естьли бъ предъ тобой возмогъ я оправдаться!

Эмира.

И ты еще, злодѣй, еще дерзаешь льстить?
Кто изъ тирановъ могъ толико злобенъ быть!
Ты лютости огнемъ и злобы ядомъ дышешь,
И память варварства пролитой кровью пишешь,—
Той кровью, коя мнѣ любезнѣе моей;
Такъ, славься въ свѣтѣ семъ жестокостью своей,
Которая никакъ не сродна человѣку,—
И будь страшилищемъ по семъ—грядущу вѣку.

Останъ.

Но страсть моя къ тебѣ велитъ ли быти тѣмъ
Любовнику, что̀ днесь живетъ въ плѣну твоемъ?

Въ несносномъ пламени Эмирою пылая,
Могу ль я злобнымъ быть, любовь позабывая?

Эмира.

Любовь.... О, сколько бъ я довольною была,
Когда бъ она врага тиранскій духъ возжгла!
Терзаніе твое мнѣ было бъ во отмщенье,
Коль безуспѣшно ты ввергался бы въ мученье...
Но что я говорю? я ту жъ питаю страсть,
И свергшися тобой въ лютѣйшую напасть,
Кляну тебя, увы! и вкупѣ обожаю,
Стыжусь, но тщетно сей я пламень погашаю:
Мнѣ нѣтъ довольно силъ избавиться любви....
Нѣтъ, нѣтъ! Мѣста сіи, обагрены въ крови
Родителя, что̀ ты днесь предалъ умерщвленью,
Довольно подадутъ мнѣ силъ ко одолѣнью
Поносной страсти сей и вложатъ въ руки мнѣ
Кинжалъ, которымъ я прейду къ другой странѣ!

(*вынимаетъ кинжалъ и закалается*).

Останъ.

Эмира! ахъ, постой!.. о рокъ!

Эмира.

Я умираю!
Въ отмщенье жъ тѣнь мою Остану оставляю:
Пускай съ Драгутовой она, соединясь,
Со фуріями рветъ твой духъ, въ него вселясь!
Пусть страхъ предметовъ сихъ всегда тебѣ предходитъ:
Эмира въ томъ хотя отмщеніе находитъ.
Родитель мой! во мракъ я слѣдую тебѣ;
Спокойно кончу жизнь, благодаря судьбѣ,
Что̀ болѣе сего меня не поражаетъ....
Мой тѣло духъ уже на вѣки оставляетъ.

Останъ.

Она скончала жизнь... Чего я днесь лишенъ!
О небеса! какимъ я громомъ пораженъ!...
Мой умъ отходитъ прочь, вся кровь во мнѣ хладѣетъ,
Летитъ изъ тѣла духъ, и сердце каменѣетъ..
Эмира! ахъ! куда, куда сокрылась ты?
Гдѣ въ безднѣ погребла свои ты красоты?...
Ужъ нѣтъ тебя, ужъ нѣтъ!.. судьбы мои свирѣпы!
Въ какой спѣшишь ты мракъ, въ каки идешь вертепы?....
Постой меня, постой: я слѣдую съ тобой!..
Мой меркнетъ зракъ: о рокъ! что сдѣлалось со мной!
(упадаетъ въ руки предстоящихъ).
Сокрылся свѣтъ отъ глазъ.... предметы помрачились...
Или съ Эмирой въ гробъ всѣ твари ниспустились?
Или Останъ уже отъ міра отдаленъ—
И въ темныхъ пропастяхъ во адѣ заключенъ?....
Гдѣ я?

Сеангиръ.

Ахъ! Государь, познай сіи чертоги
И расточенный смыслъ свой собери!

Останъ.

О боги!
Почто ударомъ симъ разите вы мой духъ?
Мной жизни свѣтъ, увы! дражайшія потухъ!
Я варваръ сталъ—лютяй звѣрей въ пустыняхъ дикихъ:
И тѣ не дѣлаютъ сихъ злостей превеликихъ.
Я мщеньемъ паче мѣръ несытымъ упоенъ,
Въ крови невинныхъ былъ сихъ гражданъ погруженъ:
Свирѣпства моего въ мѣстахъ сихъ огнь пылаетъ
И стоны къ небесамъ нещастныхъ возсылаетъ;
Спокойство ихъ отсѣкъ и щастіе съ царемъ,
И мнясь любовникъ быть, въ неистовствѣ своемъ
Сразивъ отца, повергъ съ нимъ въ гробъ свою дражайшу
И съ нею погубилъ утѣху, мнѣ сладчайшу!
О кровожаждуща родителева тѣнь!

Тобой затмился, ахъ! драгой Эмиры день!....
Но что безплодно я днесь жалобы теряю:
Почто я жизнь мою несносну продолжаю?
Стремись, мой духъ, стремись любезныя во слѣдъ!

(*возноситъ руку, чтобъ заколоться; но мечъ отнимаютъ*).

Почто мѣшаете вы мнѣ оставить свѣтъ?
Онъ мнѣ несносенъ сталъ, какъ я лишенъ всего,
Что̀ было живота миляя моего;
Коль варварствъ я моихъ не въ силахъ вида зрѣти,
Мнѣ гнусна стала жизнь: хочу теперь умрети!
Вооружись, вся тварь, на пагубу мою,
И поразивъ мой духъ, исторгни жизнь мою!
Пошлите, боги, громъ, перунами разите,
Пошлите огнь и весь составъ мой истребите!
Разверзися, пожри меня, свирѣпый адъ!
Лютѣйша будетъ казнь на мѣсто мнѣ отрадъ.
Отмстите тѣнь, что̀ мной убивствомъ пораженна;
По смерти мнѣ ея несносна вся вселенна!

Конецъ *трагедіи.*

Стихотворенія.

БАСНЬ.

Два Фигляра.

Въ прошедши времена одинъ изъ тѣхъ людей,
Что̀ хитростью своей
Превраты чудны намъ являютъ—
И тѣмъ народъ увеселяютъ:
Одинъ—я говорю—изъ нихъ
Не рѣдко забавлялъ
И удивлялъ
И городъ, и деревни
Различіемъ чудесъ.
Узрѣвъ сіе, невѣжды древни
Подумали, что тутъ проворитъ бѣсъ.

Товарищъ, въ таковомъ искусствѣ превосходный,
Услышавъ гласъ народный
И множество ему сплетаемыхъ похвалъ,
Завидуя, скучать ужъ сталъ;
Къ тому жъ увѣренъ бывъ,
Что, знаніе его съ своимъ сравнивъ,
Найдетъ всё маловажно,
И такъ на дѣйствіе отважно
Въ негодованіи собранію предсталъ
И зрителямъ вѣщалъ:

„Не стыдно ль вамъ прельщаться
„Бездѣлками его?
„Какъ можно имъ сравняться
„Со преимуществомъ искусства моего?
„И коль слова мои невѣрны передъ вами,
„На самомъ дѣлѣ то увидите глазами!“—
„Въ хитрѣйшихъ я дѣлахъ—отличный рукодѣй!“
Соперникъ возглашаетъ
И съ гордымъ видомъ выступаетъ
Въ толпу собравшихся людей.
Тамъ, окруженный всѣми, ставъ,
И нѣчто въ варварскихъ словахъ пробормотавъ,
Во ожиданіи стоящему народу
Картъ показалъ колоду;
Потомъ ее жъ проворно въ верхъ пустилъ
И въ птицу превратилъ;
А далѣе предметъ узрѣли новъ:
Вдругъ нѣсколько шаровъ
Пропавшей птицы мѣсто занимали
И такъ же скоро исчезали.
За симъ
Явилось имъ
Летяще яицо, и разны превращенья,
Достойны удивленья;
Явилось много новыхъ штукъ,
Что̀ дѣлали хвалу его проворству рукъ.

Противникъ же его, въ надменіи высокомъ,
Презрительнымъ на все взираетъ окомъ;
И яко чародѣй,
Выходитъ предъ людей;
Обряду онаго никакъ не забываетъ,
Какой въ подобныхъ дѣйствіяхъ бываетъ.
И между тѣмъ, какъ всякой ждалъ

Явленій съ жадностью: „Возьмите“, онъ сказалъ,
Подавъ имъ зеркало чудесно;
„Не будетъ ли оно для васъ прелестно,
„Когда являемое имъ
„Угодно вамъ почтить вниманіемъ своимъ?“
Чрезъ множество ужъ рукъ то зеркало несется,—
И кто бы ни смотрѣлъ, не можетъ наглядѣться,
Столь много находя въ себѣ красотъ,
Достоинствъ и добротъ!
Потомъ хитрецъ, замѣтивши въ собраньѣ
Секретаря, что̀ въ разысканьѣ
Пандектовъ и судовъ свой вѣкъ препроводилъ,—
Сему вручивъ бумагу, говорилъ:
„Прими, мой другъ, въ подарокъ вексель сей!
„Отъ искренности всей
„Тебѣ его вручаю
„И въ благодарность мнѣ единственно желаю,
„Чтобъ ты слегка хоть дунулъ на него;
„А больше ничего!“
Лишь только дунулъ, въ мигъ всѣ буквы здѣсь пропали,
И тщетно ихъ глаза его искали:
Бумагу видитъ онъ въ рукахъ своихъ одну,
Отъ цифровъ и нулей совсѣмъ оголену.
Мошенникъ награжденъ подобными жъ дарами;
Но вмѣсто кошелька,
Которой подала Волхва ему рука,
Веревка предъ его явилася глазами!
Во удивленье было всѣмъ,
Въ искусствѣ какъ своемъ
Онъ столько счастливо металъ въ игрѣ костями,
Что деньги всѣ и съ кошельками
Отъ общества всего
Нашлись въ карманѣ у него.

„Взгляните Вы на сей прелестнѣйшій портретъ“,
Сказалъ онъ одному, кто близь его стоялъ:
Хоть былъ онъ юныхъ лѣтъ,
Но слабость здравія въ немъ блѣдный цвѣтъ являлъ,—
„Сіе твореніе прекрасно
„Тебѣ на вѣкъ подвластно“.
Едва лишь Волхвъ изрекъ,
Съ восторгомъ сладостнымъ тотъ юный человѣкъ
Изображенье принимаетъ.
Но что онъ зритъ?
Портретъ свой видъ
Въ тотъ часъ теряетъ:
Въ замѣнъ лица прелестнаго сего
Въ рукахъ явился у него
Пилюлями наполненный сосудъ!
Понявъ загадку, всѣ захохотали тутъ.
Пригоршню шелеговъ схватилъ старикъ скупой,
Которы у него въ червонцы превратились:
Онъ взоръ на нихъ кидаетъ алчный свой;
Но, ахъ! еще не насладились
Глаза его симъ зрѣлищемъ прекраснымъ,
Какъ словомъ громогласнымъ
Ужъ Чародѣй имъ перейти велитъ
Къ его наслѣднику младому!
Послушны бывъ сему приказа грому,
Они свой видъ
Прекрасный потеряли—
И шелегами вдругъ, какъ прежде были, стали.

Противоборецъ, удивленъ
Такими чудесами,
Нашелся принужденъ
Своими произнесть устами,
Что онъ охотно уступаетъ

Сопернику, достойному похвалъ,
Что онъ подобнаго досель еще не знаетъ.
„Я вижу“, онъ сказалъ,
„Что ты не иначе способность пріобрѣлъ,
„И столько въ дѣлѣ рукъ своихъ успѣлъ,
„Какъ опытомъ извѣдавъ всѣ обманы.
„Не нужны для тебя всѣ фокусны стаканы:
„Обманываю я по временамъ людей,—
„Обманываешь ты, въ году сколь видимъ дней.

Писана въ Ярославлѣ 1786 года.

Эта басня, повидимому, есть не оригинальное произведеніе Саввы Андреевича, а переводъ. Другой переводъ, который мы приводимъ здѣсь для сравненія, принадлежитъ казанскому же поэту, Николаю Мисаиловичу Ибрагимову:

Фиглярь и порокъ.

Заморскій фокусникъ ухватками фиглярства
Гремѣлъ по всей Москвѣ средь черни и боярства:
Ну чортъ, дескать, его искусствомъ надѣлилъ,
Иль тайно самъ его руками шевелилъ.
Вотъ невзначай Порокъ въ газетномъ прибавленьѣ,
Увидѣлъ о его проказахъ объявленье,
И ревности нося внутрь сердца уязвленье,
Шасть на позорище, и въ голосъ: „Господа!
„На споръ, на споръ иду съ симъ мастеромъ предъ вами,
Кому между двоими нами,
По силѣ вашего суда
И приговора,

Впредь одному носить названіе провора".—
„Исфоль, мой ратъ тякатца съ тфой
Притъ славна пуплика такой!" [1])
Пробормоталъ отвѣтъ осанистый нѣмчина,
Собранію кивнулъ и шаркнулъ въ знакъ начина.

Вотъ шарики съ стола беретъ въ виду гостей:
Разжалъ—они исчезли изъ горстей,
А вмѣсто шариковъ вдругъ—карты очутились,
И лентъ въ катушки обратились.
Потомъ коробочки пустыя, изподъ дна,
Невидимо наполнились пшена.
Тутъ кажетъ кошелекъ и руки всѣмъ пустыя:
Тряхнулъ—посыпались монеты золотыя.

И изъ того жъ пустого кошелька
Его художная рука
Достала нѣсколько яичекъ
И вылупила—птичекъ.

Всѣ, словомъ, дивности, съ рифалемъ [2]) въ перекоръ,
Представилъ публикѣ въ позоръ,
Какими въ зданіяхъ лубошныхъ при качеляхъ
Морочатъ о Святой иль Троицкой недѣляхъ.

Тогда соперникъ въ свой чередъ
Смиренно выступилъ въ передъ,
Исполнилъ должные пріемы и обряды,
Расклалъ свои снаряды.

Вотъ зеркало ко всѣмъ чудесное вертитъ:
И кто въ него ни поглядитъ,
Оно обворожаетъ

---

[1]) Т. е. Изволь, я радъ тягаться съ тобой
Предъ славной публикой такой.

[2]) Ривалемъ, т. е. соперникомъ. Нѣмцы французское *v* охотно выговариваютъ, какъ свое *фау*.

Надеждой сладкой всѣхъ;
Всякъ въ будущемъ воображаетъ
Авось, удачу и успѣхъ.

Потомъ со знаками подслуги и заботы
Поддѣльное письмо своей работы
Въ оффиціи приказному вручилъ
И дунуть на него просилъ.
Лишь только сдѣлалъ: „фукъ“ сговорчивый подъячій,
Вдругъ на губы ему вскочилъ замокъ висячій
Съ минуту посмѣшивъ народъ,
Расколдовалъ опять голодный ротъ.

Тутъ вытащилъ, крехтя, и на столѣ поставилъ
Корзину, винами и ромомъ полныхъ, флягъ,
И нѣсколько въ нее пакетовъ картъ прибавилъ:
Махнулъ—явился крестъ окровавленныхъ шпагъ.

Потомъ рукою мѣткой въ руку ловку
Мошну мошеннику метнулъ,
Тотъ цапъ, разжалъ, взглянулъ—
Анъ держитъ . . . . . съ петлею веревку.

Тутъ обратясь съ жезломъ къ кому то не изъ баръ,
Прибывшему.... подъ судъ съ глухова воеводства:
„Возьмите, говоритъ, сей талисманъ господства,
„Сей Государевой довѣренности даръ“.
Но только лишь за жезлъ Грабилинъ ухватился,
Въ сѣкиру жезлъ въ рукѣ дрожащей превратился.

Потомъ взвалилъ на столъ огромный пень,
И взоръ остановя на тучномъ Езуитѣ,
Сказалъ: „честной отецъ! приближтесь и тронѝте“.—
Лишь только тронулъ пень смиренникъ и степень [1]),

[1]) Т. е. степенникъ.

Онъ разсыпается въ драгія вина, снѣли.
И полнитъ запахомъ пріятнымъ домъ *камеди*.

Порокъ коробочку игорныхъ взялъ костей
И по правамъ удачнаго обмана
Всѣ деньги отъ гостей
Переметались въ глубь его кармана.

Тутъ вынулъ маленькой портретъ
И подалъ моднику, которой въ цвѣтѣ лѣтъ
Смотрѣлъ уныло
И видѣлъ хило:

„Не правда ль, что сіи черты
Видъ совершенной красоты?
Вотъ взоры пламенны и нѣжны,
Вотъ груди бѣлоснѣжны!
Возьмите же, я вамъ красавицу дарю".
Тотъ взялъ съ кивкомъ, съ словцомъ: „благодарю!"
И къ носу поднося портретецъ, жмуритъ вѣки:
Что жъ видитъ на рукѣ?—конфекты.... изъ аптеки!

Червонецъ, спрятанный въ мошну ростовщика,
Вмигъ самъ-тридцатъ разкрытый уродился;
И шелегъ самъ-тридцатъ въ рукахъ его сынка
Изъ тѣхъ червонныхъ очутился.

Въ рукахъ порока сей златой кружокъ
Хозяина или гостей съ соизволенья—
Принять всѣ образы, какъ оборотень, могъ,
Окромѣ—къ ближнему любви и сожалѣнья;
И что ни видѣли, являвшееся вновь,
Ни мало съ прежнимъ не имѣло сходства.

Порокъ снискалъ себѣ всеобщую любовь
И въ мастерствѣ почтенъ достойнымъ превосходства;
Фигляръ и самъ признался напрямки,

Какъ бѣдный ни стыдился,
Что онъ въ ученики
Къ пороку не годился.
(Изъ Ге.).

Николай Ибрагимовъ.

Труды Казанскаго Общества любителей отечественной словесности. Книга первая. Казань, 1815, стр. 283—286, XXVI, Басни, 8.

Мы не могли опредѣлить, кто тотъ иностранный писатель Ге....., котораго басня была переведена Москотильниковымъ и Ибрагимовымъ. Напрасно искали мы оригинала въ Fabeln und Lehrgedichte *Геллерта.* Переводъ Ибрагимова, хотя и позднѣйшій, повидимому, ближе къ подлиннику, но по литературнымъ достоинствамъ далеко уступаетъ переводу С. А. Москотильникова.

ОДА

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I-му.

Въ знакъ благодарности Сочинителя
За Всевысочайшую милость.

Расторглись массы грозныхъ тучъ:
На свѣтлояхонтовомъ сводѣ
Златой блистаетъ солнца лучъ;
Всё дышетъ радостью въ природѣ,
Съ улыбкой всё встрѣчаетъ день.
Въ вертепы скрылась мрачна тѣнь;
Мечтанья, призраки нощные
И мглою облеченный страхъ,
На черныхъ врановыхъ крылахъ
Несутся въ пропасти земныя.

Къ намъ свѣтъ низлился съ теплотой—
И твари снова оживились;
Предметы съ новой красотой
Предъ око смертнаго явились.
Восторгомъ духъ его объятъ,
Сердечны чувства въ немъ горятъ
Къ Творцу міровъ благоговѣньемъ.
Порядокъ, стройность естества
Въ благихъ намъ свойствахъ БОЖЕСТВА
Неложнымъ служатъ увѣреньемъ.

Но чей мы образъ въ солнцѣ зримъ?—
МОНАРХЪ! ТЕБЯ изображаетъ
Оно восходомъ намъ своимъ;
Оно живитъ и освѣщаетъ,
Мракъ нощи гонитъ предъ собой:
Россійскій край блаженъ ТОБОЙ;
ТЫ добрымъ дни даешь златые,
Съ Небесъ ТЫ свелъ Астреинъ вѣкъ;
ТОБОЙ сталъ счастливъ человѣкъ,
Войдя въ права свои святыя.

ТЫ въ милостяхъ, въ наградахъ щедръ;
Но—еслибъ къ гибели несчастныхъ
Изъ Адскихъ зло, возникнувъ нѣдръ,
Явилось въ видахъ здѣсь ужасныхъ,—
Перунъ разить его готовъ.
ТВОЙ правый судъ есть судъ боговъ:
Вельможа гордый съ безпомощнымъ
Предъ нимъ не разнствуютъ ничѣмъ;

Во гнѣвѣ праведномъ ТВОЕМЪ
Достойна месть грозитъ порочнымъ.

Злосчастный нѣкогда Каласъ—
Слѣпаго жертва суевѣрства!—
Подвигнулъ Музъ Фернейскихъ гласъ
Противу лжи, противу звѣрства:
Великій *Генриха* Пѣвецъ,
Коснувшись глубины сердецъ,
Склонилъ Европу удивленну
Возстать противу общихъ золъ:
Поставить истинѣ престолъ,
Почтить природы власть священну.

Каласъ на Сѣверѣ другой
ТВОЕ владычество прославилъ:
Гонимъ разгнѣванной судьбой,
Онъ въ лютыхъ мукахъ жизнь оставилъ;
А варварство, гордясь, рекло:
„Для пользы общей нужно зло;
„Потребенъ бичь и истязанье,
„Гдѣ разумъ правду слабъ познать:
„Коль ревность должно показать,
„Невинной гибнетъ пусть въ терзаньѣ!“—

О Ангелъ мира! Царь сердецъ!
Возмогъ ли ТЫ безъ содроганья,
Благій бывъ подданныхъ Отецъ,—
Внять гласу крови и страданья?

Ахъ, нѣтъ!—ТВОЙ скиптръ виновнымъ мститъ
И пламенны перуны мещетъ....
ЕКАТЕРИНА зритъ съ небесъ
На токъ пролитый горькихъ слезъ...
И кто жъ изъ злыхъ не вострепещетъ?

Монархъ! Ты—образъ БОЖЕСТВА:
Ты въ дѣйствіяхъ Ему подобенъ;
Какъ извергъ гнусный естества,
Погибнетъ тотъ, кто въ сердцѣ злобенъ;
Но слабыхъ различишь отъ злыхъ.
Хоть слабость въ слѣдствіяхъ своихъ
Вредна для общаго блаженства,—
Различна въ чувствахъ съ зломъ она.
Въ удѣлъ намъ бренность лишь дана:
О! коль мы чужды совершенства!

Я судъ ТВОЙ истинный воспѣлъ,
Я робкими дерзнулъ устами
Вѣщать гремящихъ славу дѣлъ—
Вѣщать . . . . . но лиры мнѣлъ струнами,
Или звучащей музъ трубой
Воспѣть достойно предъ ТОБОЙ?
Одни лишь пылки ощущенья,
Въ моемъ разливши сердцѣ жаръ,
Принесть ТЕБѢ стремятся въ даръ
Сей слабый знакъ благодаренья.

ТВОЕЙ державною рукой
Отъ стрѣлъ вражды спасенъ я нынѣ;

Исчезли бѣдства предо мной,
И я въ восторгѣ рекъ Судьбинѣ:
„Ты мнѣ съ улыбкой кажешь видъ;
„Я счастливъ: всё мнѣ то твердитъ;
„Но милостей чтобъ быть достойнымъ,
„Дай больше средствъ полезнымъ быть,
„ЦАРЮ, Отечеству служить
„И пѣть на лирѣ гласомъ стройнымъ!“

Писана въ Казани 1801-го года.

Пѣвецъ вооружался противу зла и былъ за то награжденъ; но зло скрытно его преслѣдовало—и наконецъ чрезъ осмнадцать лѣтъ сыскало случай явно отмстить ему жестокимъ образомъ.

Эта ода С. А. Москотильникова относится къ извѣстному запрещенію пытокъ Императоромъ Александромъ I по поводу случая гибели одного обвиняемаго, но невиннаго, въ Казани при полицейскомъ розыскѣ. Указъ отъ 27 сентября 1801 г. (Полное Собраніе Законовъ, т. 26, № 20022), данный въ Москвѣ послѣ коронаціи (15 сентября), былъ воспѣтъ Г. Р. Державинымъ въ особой одѣ „Милость“, откуда мы заимствуемъ IX строфу.

Сквозь вратъ проходитъ сокровенныхъ
Всеобщая къ тебѣ любовь;
Въ странахъ ты слышишь отдаленныхъ
Пролитую слезу и кровь;
И какъ елень въ жаръ къ току водну
Стремится жажду утолять,
Такъ человѣчества ты къ стону
Спѣшишь, чтобъ ихъ скорѣй унять.

(Академическое изданіе Я. К. Грота, т. II, № 76, стр. 385—386).

СОНЪ ДРУГА

(*Г. П. Каменева*),

написанный имъ предъ своею кончиною, и въ послѣдствіи пережившимъ его другомъ исправленный.

Рдяное солнце въ облакѣ мрачномъ
Скоро сокрылось отъ глазъ:
Всё пріумолкло, всё пріуныло,
Дремлютъ лѣса.

Ночь въ колесницѣ черной, печальной
Тихо съ востока летитъ,
Влажныя тѣни стелетъ на землю;
Тускнетъ рѣка.

Скуки унылой тяжкое бремя
Душу мою тяготитъ;
Скорби жестоки, горести чуетъ
Сердце мое.

Сердце тоскуетъ, слезы ліются
Градомъ изъ томныхъ очей:
Всё будто кажетъ, всё предвѣщаетъ
Близку мнѣ смерть.

Въ хижину мирну къ милой подругѣ
Съ смутной душею спѣшу
Въ нѣдрахъ покоя, кроткой дремоты
Горе забыть.

Въ длинной одеждѣ, блѣденъ, печаленъ,
Перстъ приложивши къ губамъ,
Сонъ опускаетъ черную ризу
Мнѣ на глаза.

Съ духомъ смущеннымъ я засыпаю;
Сердце хладѣетъ во мнѣ.—
Мрачные виды взору открылись:
Ужасъ и страхъ!

Въ пасмурный вечеръ, съ трепетомъ въ чувствахъ
Я на кладбищѣ сижу;
Камни надгробны, смерти жилища
Окрестъ меня.

Заревнымъ цвѣтомъ небо покрыто,
Смотритъ кровавымъ лицемъ;
Въ рдяномъ пространствѣ око не видитъ
Звѣздъ и луны.

Въ воздухѣ душномъ всё увядаетъ,
Блёкнетъ, на что̀ ни взгляну;
Древнія сосны зноемъ томятся—
Ноютъ—молчатъ;

Воздухъ, сгущенный паромъ зловоннымъ,
Грудь мою тяжко тѣснитъ;
Въ лютомъ мученьѣ чувствую близко
Горькую смерть.

Камни надгробны вдругъ потряслися:
Скорбный услышалъ я вздохъ;
Глухо и томно онъ отозвался
Въ сердцѣ моемъ.

Въ робости, въ страхѣ могъ ли примѣтить,
Вздохъ сей отколь происшелъ?—
Вижу: открылась хладна могила
Близко меня.

Вижу: выходитъ медленнымъ шагомъ
Страшный мертвецъ изъ нея:
Въ гробной одеждѣ, въ саванѣ бѣломъ
Мнѣ предстаётъ.

Я ужаснулся: волосы дыбомъ
Встали надъ блѣднымъ челомъ.
Тѣнь, подошедши, гласомъ могильнымъ
Мнѣ прорекла:

„Вздохъ этотъ тяжкой, чадо печали!
„Въ слухъ твой проникъ изъ земли.
„Стонетъ природа, тлѣнью предавшись:
„Се твой удѣлъ!

„Скоро и ты здѣсь, въ нѣдрахъ безмолвныхъ
„Матери нашей земли—
„Скоро здѣсь будешь въ тѣсной могилѣ
„Съ нами лежать“.

ЭПИТАФІЯ ДРУГУ.

Въ комъ нѣкогда пылалъ небесный, чистый пламень,
Кто былъ любимецъ Музъ, кто добродѣтель чтилъ,
Кто сладость дружбы зналъ, несчастнаго любилъ,—
Того оставшій прахъ здѣсь кроетъ хладный камень.

Но даръ ВСЕВЫШНЯГО—свѣтъ, въ мракѣ заключенный,
Къ источнику его изъ тлѣна возлетѣлъ.
О другъ! напрасно ты, уныньемъ отягченный,
Въ природѣ смерть одну и разрушенье зрѣлъ.

Первый изъ сихъ двухъ куплетовъ вырѣзанъ на камнѣ, покрывающемъ гробъ покойнаго коммерціи совѣтника Гаврилы Петровича Каменева. И Сонъ, и Эпитафія писаны въ 1803 году.

Основа слѣдующихъ небольшихъ стиховъ составилась во снѣ. Сочинителю мечталось, что онъ разговариваетъ съ пріятелями о потерянномъ другѣ, и пробудясь, онъ спѣшилъ выразить сей мечтательный разговоръ.

А я?—ни слова?—Нѣтъ! что̀ было, всё скажу.
Я послѣ столькихъ лѣтъ какъ будто бы гляжу

На милыхъ; съ милыми какъ будто бы пирую;
По вкусу, будто бы, по запаху я чую
Пырячьи яица, съ груздями пирожокъ,
Иль Керестурьевской говядины горшокъ.
Вотъ Венъ де Ринъ!—а здѣсь въ бутылкѣ золотится
Нектаръ, что̀ съ береговъ Британскихъ къ намъ струится.
Приправа жъ лучшая—въ душѣ двоихъ друзей,
Чуждавшихся всегда Лукулловыхъ затѣй.

Писано въ 1831 году.

БОРИСУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ МАНСУРОВУ,

въ день его Ангела—2 Маія 1811 года.

Дщерь юна времени, вѣнчанна красотой,
Вливая духъ и жизнь въ творенья обновленны,
Грядетъ, и розами путь стелетъ предъ собой:
Подобно дни твои, намъ столько вожделѣнны,
Да процвѣтаютъ вновь до самыхъ позднихъ лѣтъ!
И каждый новый годъ намъ радость принесетъ.

Кончину этого губернатора, правившаго Казанью съ 1804—1814 г., съ которымъ, какъ видно, Савва Андреевичъ стоялъ въ добрыхъ отношеніяхъ, почтилъ онъ слѣдующимъ некрологомъ:

Казань, 21-го Октября.

На сихъ дняхъ лишилась Казань почтеннѣйшаго своего Господина Гражданскаго Губернатора и Кавалера Бориса

Александровича Мансурова, которой управлявъ Казанскою Губерніею близь одиннатцати лѣтъ, скончался текущаго Октября 15-го дня въ 10 часовъ по полудни на шестьдесятъ четвертомъ году отъ рожденія.

18-го дня сегожъ Октября въ Казенный Губернаторскій домъ собравшееся на выносъ Духовенство, Генералитетъ, Гражданскіе, Военные, Ученыхъ и прочихъ отдѣленій чиновники и Гражданство, сопровождали тѣло покойнаго въ Каѳедральный Благовѣщенскій Соборъ со всѣми сему печальному случаю приличными обрядами и почестями. Предъ гробомъ, поставленнымъ подъ балдахиномъ несены были Гг. Губернскими Прокуроромъ и Стряпчими всѣ знаки отличія покойнаго въ предшествіи по порядку Господина правящаго должность Казанскаго Гражданскаго Губернатора, Вице-Губернатора и Кавалера Федора Петровича Гурьева со всѣми Гражданскими чиновниками и Гражданствомъ, при многочисленномъ стеченіи народа по всѣмъ тѣмъ улицамъ, гдѣ продолжалось погребательное шествіе. По совершеніи Божественной литургіи Богоявленской церкви Протоіерей Петръ Талісвъ сказывалъ приличную проповѣдь, изъяснивъ живыми чертами доблести почтеннаго мужа, коего общество лишилось: и когда окончанъ былъ духовный обрядъ погребенія, тогда рыданіе ближнихъ и слезы горести всѣхъ бывшихъ при томъ въ полной мѣрѣ возвѣстили общее и нелицемѣрное сѣтованіе. Тѣло покойнаго предано землѣ въ монастырѣ Кизическомъ, при гробѣ отца его, бывшаго нѣкогда въ Казани Оберъ-Комендантомъ.

Сей нынѣ преставившійся, достойный мужъ, отъ юности посвятивъ себя Отечеству, во время царствованія *Екатерины Великой* служилъ подъ знаменемъ Орловъ Россійскихъ. Преходя постепенно воинскія достоинства и отличивъ себя иройскими подвигами, чувствовалъ въ цѣлую жизнь свою слѣдствія почтенныхъ ранъ, полученныхъ имъ за Отечество. Въ Бозѣ почивающая *Великая Монархиня* наградила подвиги его

помѣстьями въ Польскихъ Губерніяхъ; а въ нынѣшнее вожделенное царствованіе ввѣрено ему по воли *Государя Императора* управленіе Казанской Губерніи. Миролюбіе и кротость были отличительными чертами его характера. Во время продолжительной и мучительной болѣзни, тогда уже престалъ онъ заниматься предмѣтами должности, когда истощенныя силы совершенно ему измѣнили и его послѣднія *желанія* заключались въ томъ, чтобъ миръ и доброе согласіе сохранились по смерти его между чиновниками, препоручая достойнѣйшихъ изъ нихъ оставленнымъ письмомъ благости Августѣйшаго *Монарха.*

Миръ праху твоему почтенный мужъ! и любовь народная соорудитъ тебѣ памятникъ въ сердцахъ своихъ!

(*Сообщено отъ Г. Совѣтника Губернскаго Правленія С. А. Москотильникова и съ благодарностью здѣсь помѣщается*).

(Казанскія Извѣстія, № 43, Суббота, Октября 24-го дня, 1814 года, стр. 537—538).

НАДПИСЬ къ картинѣ при случаѣ торжествованія возстановленія мира въ Европѣ. 1814.

Россія! громъ тебѣ вручили небеса;
Народамъ судишь ты, враждебну власть караешь,
Европѣ миръ даришь, блескъ тронамъ возвращаешь:
Въ тебѣ открылъ Творецъ намъ правды чудеса.

НА СМЕРТЬ знакомыхъ, мужа и жены—(*Серебрянниковыхъ* купцовъ?), любившихъ другъ друга столь много, что послѣдняя не перенесла потери перваго.

О нѣжная чета! и смерть, взмахнувъ косой,
Любовью связанныхъ сердецъ не раздѣлила:
Подруга вѣрная за милымъ воспарила
Въ селенья вѣчности.—Почтимъ ихъ прахъ слезой!

ОДА

На день коронованія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I,

писанная въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1814-го года.

Творца міровъ верховна власть,
По вѣчнымъ мудрости законамъ
Царей и царствъ измѣривъ часть,
Даетъ и блескъ, и силу тронамъ:
Онъ сѣнію всемощныхъ крылъ
Избранный Свой народъ покрылъ—
Народъ, Имъ къ славѣ вознесенной!
Онъ скипетръ *АЛЕКСАНДРУ* далъ
И гласомъ кротости воззвалъ
Златые дни для полвселенной.

Насталъ для Россовъ новый вѣкъ (1);
Въ порфиру ангелъ облеченный
Торжественно съ престола рекъ:
„Внемлите сей обѣтъ священный,
„Что̀ я предъ небесами далъ:
„Я правиломъ себѣ избралъ

„Въ слѣдъ шествовать *ЕКАТЕРИНЫ* (2):
„Да благость съ истиной святой
„Текутъ, обнявшись, предо мной—
„Сравнять пути сего стремнины".

Ты рекъ—и грозный изувѣръ,
Сомнѣньемъ, страхомъ [1]) порожденный,
Законныхъ чуждъ, открытыхъ мѣръ,
И мракомъ тайны облеченный,
Отъ насъ со стономъ отлетѣлъ (3);
Несчастный узникъ свѣтъ узрѣлъ:
Забвенъ отъ смертныхъ и природы,
Лобзалъ къ нему простерту длань
И слёзы благодарны въ дань
Принесъ творцу его свободы.

Ты рекъ—и общества уставъ
На вѣкъ закономъ утвердился (4);
Мгновенно духъ народныхъ правъ
Вездѣ свободой оживился.
Свобода! вѣрный другъ царей,
Когда подъ сѣнію твоей
Траяны, Титы, Антонины
Порокамъ страшны лишь однимъ,—
О! какъ вліяніемъ твоимъ
Прославленъ вѣкъ *ЕКАТЕРИНЫ*!

---

[1]) Печатный текстъ: Сомнѣньемъ, страхомъ въ свѣтъ рожденный,

Ты рекъ—и просвѣщенья храмъ
Величіемъ облекся новымъ;
Обширнымъ Азіи странамъ,
Борея областямъ суровымъ
Наукъ пролился яркій свѣтъ,
И гдѣ лишь только Россъ живетъ,
Явились новые лицеи (5);
Аѳины въ сѣверъ пренеслись,
И лирны звуки раздались,
Сведя съ небесъ къ намъ вѣкъ Астреи.

Тринадцать кратъ свой къ югу взоръ
Склонялъ небесный сынъ Латоны;
Тринадцать кратъ веселый хоръ
Съ дарами щедрыя Помоны
День счастья общего встрѣчалъ,
Когда чело твое вѣнчалъ
Творецъ помазаньемъ священнымъ,
Когда во плескахъ Кремль шумѣлъ,
Когда пѣснь радости воспѣлъ
Народъ твой съ сердцемъ восхищеннымъ.

И протекли тринадцать лѣтъ,
Въ пучинѣ канувъ безконечной!
Всё къ вѣчности стремитъ полетъ
Въ сей жизни смертныхъ быстротечной;
Но славѣ благотворныхъ дѣлъ
Безсмертіе дано въ удѣлъ:
Вотъ душъ небесныхъ утѣшенье!
Достойна пища вотъ сердецъ!

Тогда блистающій вѣнецъ
Царей не тщетно украшенье.

Нѣтъ! слава та не есть мечта,
И будетъ вѣчна въ родъ изъ рода.—
Монархъ! тмочисленны уста
Тебя зовутъ отцемъ народа;
Тебѣ въ сердцахъ воздвигнутъ храмъ,
Въ сердцахъ курится ѳиміамъ;
Сердцами Россовъ ты владѣешь;
Любовь—тебѣ ограда, щитъ,
И громъ враговъ твоихъ сразитъ—
Враговъ?—но ты ихъ не имѣешь!

Прошли тѣ смутны времена,
Когда Европа, вихремъ брани
Во всѣхъ концахъ потрясена,
Твои вооружила длани;
Когда Россійскіе Орлы,
Стремясь среди палящей мглы,
Права народовъ защищали (6),
Когда сыны твои съ тобой,
Безстрашной шествуя ногой,
На смерть и ужасы дерзали.

Прошелъ уже тотъ грозный годъ,
Обильный бѣдствіями, славой,
Когда, карая смертныхъ родъ,
Судьба стезей вела кровавой

Атиллу Сеинскихъ бреговъ.
Но тщетно тысящи громовъ
Носились Росса надъ главою:
Ты въ крѣпости иройскихъ силъ
Врага попралъ и низложилъ,
Отверзъ Европѣ дверь къ покою (7).

Такъ каменной горы хребетъ,—
Когда багряны тучи рдѣютъ,
Во мракахъ кроя солнца свѣтъ,
Когда тифоны воздухъ рѣютъ,
Стихійный разрушая строй,
И бездна яростной волной
Въ утесы сѣ ревомъ ударяетъ—
Недвижимъ, въ крѣпости своей
Смѣется гнѣву бурныхъ дней
И силы вихрей презираетъ.

Молчитъ оружій звукъ, мечей:
На крылахъ легкаго зефира
Во свѣтѣ радужныхъ лучей
Слетѣлъ къ намъ кроткій ангелъ мира—
И съ нимъ всѣхъ радостей соборъ.
О! какъ его прекрасенъ взоръ!
Съ какимъ восторгомъ другъ природы
Его внимаетъ нѣжный гласъ!—
Пришелъ къ намъ вожделѣнный часъ,
Пришелъ утѣшить смертныхъ роды!

Въ смиренной храминѣ моей
Къ тебѣ душею возлетаю,

Тебя, избранный изъ царей.
На лирѣ скромной пѣть дерзаю.
Пусть щастьемъ буду я забвенъ:
Но, чувствомъ общимъ увлеченъ,
Пою и сердцемъ, и устами
Блаженство, славу нашихъ лѣтъ;
Со мной вѣщаетъ цѣлый свѣтъ:
„Безсмертенъ *Александръ* дѣлами!"

---

1)—1801 годъ, какъ начало столѣтія, ознаменовался воцареніемъ *Александра* Благословеннаго [1]).

2)—Высочайшій Манифестъ при [2]) восшествіи на престолъ.

3)—Упраздненіе Тайной Экспедиціи.

4)—Подтвержденіе особымъ Высочайшимъ Манифестомъ Дворянской [3]) Грамоты и Городоваго Положенія.

5)—Учрежденіе университетовъ и другихъ учебныхъ [4]) заведеній.

6)—Войны, бывшія въ 1805 и 1807 годахъ.

7)—Послѣдняя война съ Франціею [5]) и паденіе Наполеона Бонапарте.

Сочинитель не смѣлъ, по несовершенству труда, поднесть оды своей Государю Императору, но доволь-

---

[1]) Печатный текстъ: 1)—1801 годъ, какъ начало девятагонадесять столѣтія, ознаменованъ былъ возшествіемъ на престолъ *Государя Императора Александра I-го.*

[2]) Манифестъ, изданный при...

[3]) данной Благородному Дворянству Грамоты...

[4]) . . . и прочихъ ученыхъ. . . .

[5]) . . . съ Франціею . . . въ печатномъ текстѣ нѣтъ.

ствовался только напечатаніемъ оной въ I части Трудовъ Казанскаго Общества любителей отечественной словесности въ 1815 году [1]).

БАСНЬ.

ВОЛКЪ и ЛИСИЦА.

Волкъ, видя, что пастухъ овецъ своихъ стрижетъ,
Лисицѣ говорилъ: „Что, кумушка, ты скажешь:
„Ужель тому ушей ослиныхъ не привяжешь,
„Съ скотины кто своей вдругъ кожи не сдеретъ?"
Лиса, подумавши, дала ему отвѣтъ:
„Коль правду, куманёкъ, сказать не постыдимся,
„Мы оба въ пастухи съ тобою не годимся:
„Съ привычкой нашею кто стадо сбережетъ?"

Писана въ 1815 году [2]).

РЕЛИГІЯ.

О ты, небесъ любезна дщерь,
Источникъ чистыхъ наслажденій,
Вводящая ко свѣту дверь
Чрезъ силу вышнихъ вдохновеній,
Союзъ творенія съ Творцемъ!
Грядущаго въ залогъ ты вѣка
Уставлена для человѣка
Его Владыкой и Отцемъ.

---

[1]) III. Ода, стр. 82—86 и примѣчанія—стр. 87.

[2]) Напечатана въ «Трудахъ Казанскаго Общества любителей отечественной словесности», книга первая, стр. 286—287 XXVI, Басни, 9.

Религія! тебя мечтой
Безумецъ нарицать дерзаетъ;
Прельщенно сердце суетой
Твоихъ сокровищницъ не знаетъ!—
Возможно ль? чадо Божества,
Предметъ верховнаго Завѣта,
Послѣдню гаситъ искру свѣта,
Въ корѣ завившись вещества!

Ужель природы стройный чинъ,
Гдѣ—солнцъ ли блещутъ миріады,
Или цвѣтетъ пустынный кринъ,
Альпійскихъ ли хребтовъ громады,
Иль скрытый въ бреніи кристаллъ,—
Всё умъ, всемощіе являетъ,—
Ужели намъ не возвѣщаетъ
ТОГО, вселенну КТО создалъ?

Живая сила бытія
И мысли присное теченье
Твердитъ, что существую я.
Единство чувства, разсужденье—
Ужель смѣшенье грубыхъ тѣлъ?
Ужели сущность нераздѣльну,
Въ своихъ желаньяхъ безпредѣльну,
Законъ стихійный произвелъ?

Хотя бъ въ порокахъ я погрязъ,
Страстьми, соблазномъ увлекаемъ:
Гремящій въ сердцѣ слышу гласъ,

И имъ бываю осуждаемъ;
Иль зло тщусь лживо оправдать
Священной истины правами,—
Но тщетно бъ и злодѣи сами
Ее дерзнули отрицать!

Сихъ истинъ корень гдѣ жъ сокрытъ,
Всегда, всемѣстно неизмѣнныхъ?
Ужели *Свѣтъ* не озаритъ
Существъ, познать ЕГО рожденныхъ?
Есть БОГЪ, есть данный ИМЪ законъ,
Что всё въ природѣ печатлѣетъ:
Хоть огнь подъ пепломъ скрытно рдѣетъ,
Откроется въ сіяньѣ онъ.

Я сущностей противныхъ брань
Въ себѣ нерѣдко ощущаю;
Возложивъ свою на рало длань,
Тогда жъ вспять взоры обращаю:
Душею добродѣтель чту,
Въ ней чая прочнаго блаженства;
Но, чуждъ прямаго совершенства,
Гоню и призракъ, и мечту!

Что жъ сихъ противностей виной?
Какой источникъ заблужденья?
Почто я самъ дѣлюсь съ собой
Между безсмертія и тлѣнья?
Сію глубоку тайну мнѣ
Сказуетъ *СЛОВО ОТКРОВЕННО*;

Мое въ томъ сердце убѣжденно,
Что я—изгнанія въ странѣ.

Сынъ Вѣчности, прельщенный палъ,
Склонясь ко твари вожделѣньемъ.
Онъ *Свѣтомъ* прежде обладалъ,
Былъ счастливъ *Мудрости* вожденьемъ,
Имѣлъ безсмертіе въ удѣлъ.
Но *Свѣтъ* во внутренность сокрылся,
Составъ во тлѣнность превратился,
И—*Грѣхъ въ плодахъ своихъ созрѣлъ*.

Но—если *Правда* изрекла
Виновной твари наказанье,
И жизнь во смертность облекла—
Любовь дала обѣтованье
Изгнаннику присущей быть:
Крестомъ очистить преступленья
И средствомъ *Отчаго* влеченья
Вновь къ жизни смертность возродить.

Вотъ въ чемъ религіи предметъ!
Вотъ *Мудрыхъ* многоцѣнный *Камень*,
Что̀ благо высшее даетъ,
Изъ *тьмы* изводитъ *Свѣта* пламень,
Побѣдный намъ даритъ вѣнецъ,
Міры сближаетъ раздѣленны!
И—въ ней единой сокровенны
Временъ Начало и Конецъ.

Писано въ 1817 году.

ПОСЛАНІЕ

Къ графу Д. И. Хвостову.

Любимецъ нѣжныхъ Музъ, почтенный мой Хвостовъ!
Въ престольный Градъ Петра отъ Волжскихъ береговъ
Я духомъ дреношусь бесѣдовать съ тобою.
О чемъ же?—Иль ума парящаго игрою
Воздушный хороводъ составить изъ Сильфидъ?
Иль въ повѣсти сказать, чѣмъ славенъ древній Книдъ?
Нѣтъ!—тягостью заботъ, какъ ношей, угнетенный,
Могу ль туда полетъ направить дерзновенный,
Гдѣ геній кажетъ намъ въ идеяхъ чудеса?
И такъ я обращусь къ себѣ: что небеса
Для жизни сей въ удѣлъ напутственный мнѣ дали,
Когда на Дскѣ Судебъ мой жребій начертали?
Каковъ я внутренно, какимъ являюсь внѣ?
Какой дорогой шелъ отъ дѣтства къ сѣдинѣ?

Не знатенъ родомъ я. Но честность коль едина
Достоинствомъ прямымъ быть можетъ гражданина,
Которой ближнимъ въ вѣкъ не наносилъ вреда:
Родитель мой почтенъ въ душѣ моей всегда.
Онъ несъ тяжелый крестъ и, преданъ Провидѣнью,
Покорствовалъ во всемъ Его опредѣленью.

Прими, дражайша тѣнь, сыновни слезы въ дань!
Твоя въ младенчествѣ меня водила длань;
Твоя примѣрна жизнь—тѣ истины священны,
Тѣ правила *любви*, тобою мнѣ вперенны,
На коихъ зиждется блаженства вѣчный храмъ,
И кои лишь одни угодны небесамъ,

Во свѣтѣ чистыхъ душъ тебя мнѣ представляютъ:—
И горести, какъ паръ предъ солнцемъ, исчезаютъ.

Какъ быстро протекли безпечности лѣта!—
Отверзлись предо мной въ жизнь смутную врата.
Безъ опытовъ, съ душой, невѣдущей обмановъ,
И тѣхъ надъ мнѣніемъ мечтательныхъ тиранновъ,
Что̀ вѣсютъ каждый шагъ, и взглядъ, и выборъ словъ,
Я жертвой былъ плутовъ, иль глупыхъ гордецовъ:
На дѣйствія мои ядъ зависть проливала,
А дружба ложная мнѣ ковы соплетала.
Но царскій гласъ враждой гонимаго воззвалъ;
Царь осьмиклассный чинъ мнѣ въ ободренье далъ.
Съ тѣхъ поръ служу Царю чиновникомъ губернскимъ;
Стрегу я истину, и покушеньямъ дерзкимъ
Преграды полагать священнымъ долгомъ чту;
Законы совѣсти не ставлю за мечту.
Мятежныхъ случаевъ, сколь можно, избѣгая,
И мирный въ жизни кровъ всему предпочитая,
Пріемныхъ не любя—гдѣ потъ пройметъ, иль дрожь—
Страшился я служить въ столицѣ у вельможъ.
Я время съ должностью дѣлю, или съ друзьями;
Или у комелька досужными часами
За трубкой табаку бесѣдую съ собой:
Товарищъ мнѣ—Баконъ, а часомъ—Громобой.
Служу давно уже въ одномъ, не скучась, чинѣ;
Хоть хвалятъ—орденомъ не крашусь и понынѣ.
Что жъ въ этомъ странности?—Слѣпаго счастья сынъ
Нерѣдко иногда высокъ, какъ исполинъ!

Вотъ вѣрный списокъ мой! черты всѣ справедливы;
Не къ мѣсту иногда питомцы Музъ болтливы;

Но хоть минуту симъ, почтенный мой, займись:
Гдѣ должно—пожалѣй, а индѣ—улыбнись.

Писано 1818 года.

БАСНЬ.

ТИГРЪ-НРАВОУЧИТЕЛЬ.

Что кровожаденъ *Тигръ,* что онъ чрезмѣрно злобенъ,
И только лишь терзать слабѣйшу тварь способенъ,
Хотя бъ я не сказалъ, о томъ извѣстенъ свѣтъ.
Въ природныхъ качествахъ для звѣря нѣтъ порока;
Но Тигръ—по случаю, или по власти рока,
Что̀ подъ луною всѣмъ удѣлы раздаетъ—
Какимъ-то образомъ въ звѣряхъ поотличился:
У *Ламы* взялъ колпакъ, наставникомъ явился.
Онъ добродѣтелей вѣщалъ о красотѣ,
Гремѣлъ противъ грѣха отверстыми устами,
Училъ терпѣнію, душевной простотѣ
И кротость прославлялъ, любиму небесами.
Оселъ въ избыткѣ чувствъ горячи слёзы лилъ,
Ученью мудрости въ толпѣ звѣрей внимая;
Но быстроока *Рысь*, получше примѣчая,
Тотчасъ увидала, каковъ наставникъ былъ.
„Слова, какъ сотъ!“ рекла: „но съ рыла кровь струится.
„Кто жъ можетъ кротости у Тигра научиться?“

Читатель! знаешь ли, къ чему такой примѣръ?
Нерѣдко видимъ мы, какъ злобный лицемѣръ

О доблестяхъ души разсказомъ слухъ плѣняетъ;
Но самъ себѣ всегда дѣлами измѣняетъ.

Писана въ 1818 году.

НАДПИСЬ къ портрету Тасса.

Духъ вѣченъ, коль дѣтей для вѣчности раждаетъ,
Творитъ—и въ міръ чудесъ съ собой насъ преселяетъ.

Того жъ года.

ХОЛЕРА.

Холера къ намъ пришла: о страшный гнѣвъ природы!
Какимъ подобіемъ вѣрнѣй изобразить·
Сей бичъ, которымъ Богъ караетъ грѣшныхъ роды?—
Таковъ тиранновъ* гнѣвъ, коль можно примѣнить:
Несчастны жертвы сей во мракѣ поядаетъ:
Холерой кончивъ жизнь, всякъ будто исчезаетъ.

Панглоссъ! „всё къ лучшему“ сказавъ, ты—явной лжецъ!
Лишь тѣмъ ты правъ, что смерть здѣсь всѣмъ бѣдамъ конецъ.

---

*Разумѣется, не у насъ и не нынѣ. Но Сочинитель въ холеру лишился единственнаго своего слуги [1]), послѣ коего остались малолѣтнія сироты; страдалъ самъ отъ простуды, и воображеніе на все предъ нимъ накидывало чорный крепъ.

Писано 1830 года.

---

[1]) Константина Ѳедоровича Пушкарева, отца Прасковіи Константиновны Проскуряковой.

ДЕРЖАВИНУ.

Латонинъ сынъ, воспѣвъ Титановъ древню брань,
Орфея (1) нѣкогда исполнилъ вдохновенья:
Въ природѣ видѣлъ сей небесъ простерту длань,
И чувствомъ окрыленъ къ Творцу благоговѣнья,
Его величіемъ свой гимнъ одушевилъ:
Идею *Вѣчности* въ умъ *смертнаго* вмѣстилъ.

А Пиндаръ, звучною восхитясь славой дѣлъ,
Талантъ свой посвятилъ подвижникамъ Элиды:
Борьбу, ристанія на стройной лирѣ пѣлъ,
И состязался самъ съ питомкой *Піэриды* (2).
Любви, веселостей былъ другъ Анакреонъ:
Пріятенъ, милъ его свободный, легкій тонъ!

Но—кѣмъ *Безсмертіе души*, кѣмъ *БОГЪ* воспѣтъ,
Фелицу славилъ кто, и отъ чудесъ творенья
Вознесся мыслію въ Несотворенный Свѣтъ,
Кто привлекательной игрой воображенья
Прелестныхъ Грацій къ намъ на сѣверъ преселилъ:
Тотъ лиру трехъ одинъ своею замѣнилъ.

Писано въ 1832 году.

---

(1). Древніе въ своей мистикѣ представляли Аполлона, воспѣвшаго на Олимпѣ побѣду Юпитера надъ Титанами. Орфей, творецъ священныхъ гимновъ, былъ допущенъ къ таинствамъ, въ которыхъ преподавалось ближайшее познаніе Бога и природы.

2) Корина Өеспійская состязалась о первенствѣ съ Пиндаромъ на Олимпійскихъ играхъ въ Элидѣ.

На обновленіе Казанскаго Памятника.

Потомокъ храбрыхъ, зри! Се новой лѣпотой
Облекся Памятникъ ихъ вѣчной, громкой славы!
Дай руку, Музульманъ! Любви союзъ святой
— — — — — сынъ одной державы. [1])

МОСКВА, 13-го Августа 1805 года.

Мой милой другъ, Герасимъ Кириловичъ!

Простившись съ вами и со всѣмъ тѣмъ, что̀ въ Казани для меня любезно, казалось, я остался одинъ между небомъ и землею; казалось, что порвалось звено, связующее меня съ прочими существами, и я почувствовалъ пустоту въ моемъ сердцѣ, избалованномъ нѣгою любви и дружбы.

Въ семъ состояніи мыслей и чувствъ проѣхалъ я довольно медленно берегъ рѣки Волги до *Васильева*, и пьяныя дѣти трезваго Харона переправили меня на другой берегъ. Скоро повозка моя увязла въ грудахъ песка, и уставшія лошади не могли ея вытащить, несмотря на то, что я всталъ и тѣмъ уменьшилъ, какъ Вы и сами знаете, самую бо̀льшую часть ее тяжести [2])! Въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ обозъ; я надѣялся, что человѣкъ не можетъ отказать въ помощи человѣку; но ожиданіе мое было обмануто—и при всѣхъ убѣжденіяхъ даже заплатить имъ легчайшею русскою монетою за извлеченіе меня изъ сыпучей пучины, ни одинъ изъ спавшихъ ямщиковъ не имѣлъ жалости къ моему непріятному положенію: не хотѣлъ разстаться съ сномъ и пожертвовать на нѣсколько минутъ успокоеніемъ долгу человѣчества за пять рублей.—Успокоеніе на голомъ пескѣ подъ однимъ покровомъ темной ночи, когда мы и на возвышенныхъ мас-

---

[1]) Недостающее срѣзано при переплетѣ тетради—автографа поэта. Обновленіе памятника было въ 1831 г., а 2 окт. 1832 г. было его вторичное освященіе, причемъ было большое торжество и обѣдъ отъ попечителей памятника, купцовъ *Л. Ф. Крупеникова* и *П. И. Котелова*. (Историческое описаніе памятника etc. архим. *Гавріила*, Казань, 1833, стр. 24 и 27).

[2]) Иронія.

сахъ нѣжнаго пуха рѣдко его имѣемъ..... Какія это грубыя существа!

Истощивъ всѣ силы, и не подавшись ни одного шагу впередъ, принужденъ я былъ послать моего Михайлу въ Свіяжскъ для истребованія почтовыхъ лошадей въ добавокъ къ прежнимъ.— Ямщикъ, со мною ѣхавшій, между тѣмъ растянулся на пескѣ и захрапѣлъ изо всей силы; а я—въ продолженіи четырехъ часовъ не могъ сомкнуть глазъ ни на одну минуту. Наконецъ возвратился Михайла съ извѣстіемъ о жестокосердіи Свіяжской почтовой экспедиціи, которая, не сочтя своею обязанностію вытаскивать проѣзжихъ изъ песковъ, отказала въ посылкѣ лошадей: и едва сыскался одинъ человѣколюбивой черемисинъ, который за полтора рубли пріѣхалъ изъ Свіяжска съ парою лошадей, припрягъ ихъ и помогъ мнѣ доѣхать до города, за что̀ я заплатилъ ему вдвое противу выпрошенной цѣны; и пусть Богъ ему платитъ такъ же сугубо за всякое доброе дѣло!

Другая уже ночь по выѣздѣ моемъ изъ Казани облекала природу мраками, и я ѣхалъ Чебоксарскими лѣсами. Все меня окружающее пребывало въ безмолвіи; одно шепетаніе листьевъ, одинъ глухой звукъ замоченнаго дождемъ колокольчика, прерывая глубокое молчаніе, терялись въ воздушномъ пространствѣ, и сердце мое ощущало священный трепетъ. Естьли бъ я въ семъ уединеніи увидѣлъ чувашенина, приносящаго въ дубравѣ жертву Киреметю, вѣрно бы вмѣстѣ съ нимъ преклонилъ колѣна предъ божествомъ лѣсовъ—и не погрѣшилъ бы, принося дань почитанія Всемогуществу, являющемуся намъ и во мракахъ нощи, и въ сіяніи солнца.

При въѣздѣ моемъ въ Нижегородскую губернію вдругъ представилась мнѣ дорога, обсаженная березами. Это сдѣлало на меня очень пріятное впечатлѣніе: и какъ по моему мнѣнію, красота и благо должны бъ быть синонимы, то мнѣ вздумалось вообразить, что я въѣзжаю въ царство Астреи; но я скоро былъ выведенъ изъ заблужденія: сборъ болѣе 15—ко.

съ души на наемъ почтовыхъ лошадей, а, по разсказамъ нѣкоторыхъ, до 30—ко. простирающейся; поставка десяти паръ Васильскимъ городничимъ за 300 и сдача другимъ по 250 р.; жалобы крестьянъ на неравность земскихъ повинностей по капризамъ исправниковъ; небреженіе или, можетъ быть, и потачка начальника, которой ни одного изъ подобныхъ негодяевъ не только не отдавалъ подъ судъ, но и не удалялъ подъ видомъ увольненія отъ должности, и наконецъ своевольства казачьихъ пикетовъ, гдѣ даже и съ меня просили на команду—все сіе убѣдило меня, что Казанская губернія лучше многихъ.

Я не заѣзжалъ въ Нижней и тѣмъ сберегъ для себя нѣсколько часовъ, чтобы замѣнить медленность отъ неудобства дороги, которая и по наступившему ненастью, и по песчаности грунта Владимирской губерніи дѣлалась, чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже. Едва дотащился я по пескамъ до Муромскаго перевоза, гдѣ протянутой чрезъ рѣку канатъ служитъ вмѣсто кормчаго и веселъ; паромъ наполненъ былъ разными фигурами, и ямщикъ мой скоро началъ разговоръ съ знакомымъ ему мельникомъ, коего рыжая борода окладисто разстилалась по широкой груди. Нечувствительно дошли до изъясненія причинъ, по которымъ на казенныя суда нынѣ менѣе нанимается рабочихъ людей, нежели прежде; и по мнѣнію мельника, это было дьявольское навожденіе, которое научило двигать суда машинами.—„Чортова сила вездѣ нынѣ дѣйствуетъ!“ продолжалъ рыжебородый мельникъ: „и какую же приноситъ пользу? правда, что подрядчикамъ дешевѣе обходятся поставки; но между тѣмъ сколько бы людей можно было занять прежними способами и доставить имъ пропитаніе“. Подивитесь, любезной другъ, и крайнему суевѣрію, и смѣшанному съ нимъ здравомыслію!

Наскучивъ безпокойствомъ дороги, я надѣялся взять въ Муромѣ хотя маленькій отдыхъ. Спрашивалъ моего ямщика, есть ли тамъ какой-нибудь трактиръ, и онъ увѣрилъ меня, что есть; а мельникъ съ патріотическимъ самолюбіемъ под-

твердилъ, что я въ Муромскомъ каменномъ трактирѣ найду всякое кушанье—и даже чай, если мнѣ будетъ угодно. Я спѣшилъ въѣхать въ городъ; скоро увидѣлъ замаранной, каменной домъ съ разбитыми въ верхнемъ этажѣ стеклами и лотокъ черныхъ калачей. У дверей нижняго жилья меня впускаютъ въ пустую комнату съ одною скамьею и столомъ топорной работы, гдѣ вѣтеръ дулъ изо всѣхъ угловъ; спѣшу послать Михайлу, чтобъ изготовили мнѣ кушанье или, по крайности, испекли пироговъ; но мнѣ сказываютъ, что, кромѣ калачей, ничего нѣтъ; а естьли мнѣ надобна селянка или пирогъ съ рыбою, то бъ подождалъ до зимы, возвращающей въ Муромской трактиръ изобиліе, и возвышающей его въ достоинство харчевни. Сколько я бранилъ Муромъ,—этотъ городъ, славящейся древностію въ бытописаніяхъ Россіи, и сколько доволенъ былъ, услышавъ, что я всѣ удобности отдохновенія могу найти во Владимирѣ, гдѣ есть домъ Благороднаго Собранія, надежное пристанище проѣзжихъ.

Наконецъ въѣзжаю въ столицу древняго княженія, вхожу въ клубъ, гдѣ отводятъ мнѣ парадную гостинную комнату; но въ коей не было ни однихъ канапе для отдохновенія; въ коей пышность владимирскаго дворянства доказывалась двумя липовыми ломберными столами и обломанною люстрою. Спрашиваю, какъ поздно бываетъ ужинъ; но отвѣтствуютъ, что его нѣтъ; требую, чтобъ, по крайности, изжарили мнѣ пару рябчиковъ; но говорятъ, что ихъ во всемъ городѣ сыскать не можно; а въ замѣнъ сего недостатка утѣшалъ меня передъ окнами владимирской пѣвецъ съ черною бородою, точная копія покойнаго Петра Матвѣича Степанова—и звукъ балалайки еще болѣе возвышалъ прелести похмѣльной мелодіи! Приготовили однакожъ между тѣмъ жаренова цыпленка, подали бутылку жидкаго краснаго вина, назвавъ его пышнымъ именемъ Шато-Морго, и я послѣ ужина, проѣхавъ не болѣе, какъ въ пять минутъ все то, что̀ есть лучшаго въ населеніи Владимира, пустился далѣе.

„И такъ къ чему было опредѣлять станціонныхъ смотрителей, естьли и при ихъ глазахъ бѣдной путешественникъ не избавленъ отъ грабительства ямщиковъ подмосковныхъ? Для чего я заплатилъ въ казну 46 р. съ копѣйками, когда подорожная не обезпечила меня отъ безстыднаго ихъ корыстолюбія?“ Такъ думалъ я за семдесятъ пять верстъ отъ Москвы, гдѣ учтивой почталіонъ извинялся предо мною, что лошади, бывшія въ разгонѣ, еще не возвратились, и гдѣ ямщики сосѣдственной станціи взяли съ меня двойные прогоны за четыре лошади.—День клонился къ вечеру, небо покрывалось тучами, и я призывалъ бурю къ отмщенію за меня жаднымъ головорѣзамъ. Скоро природа въ громовыхъ трескахъ отвѣтствовала, что мое желаніе исполнено; дождь шумѣлъ, предметы скрылись во мракахъ; однѣ только молніи, сверкая, водили робкой взоръ по черной дорогѣ; на ямщикѣ не осталось ни одной сухой нитки—но за что жъ страдалъ мой бѣдной Михайла? Въ четыре часа, кои казались столькими же днями, едва успѣлъ я переѣхать семнадцать верстъ и остановился ночевать въ *Буньковѣ*, откуда на утро принужденъ былъ заплатить до Москвы болѣе тринадцати рублей; но раздраженный мой духъ, по крайности, утѣшался тѣмъ, что станціонный ямщикъ, не доѣхавъ осьми верстъ, потерялъ цѣлую треть изъ своихъ разсчетовъ.

Во время проѣзда С. А. Москотильникова губернаторомъ въ Нижнемъ (1804—1812) былъ Андрей Максимовичъ *Руновскій*, а во Владимирѣ (1802—1812) князь Иванъ Михайловичъ *Долгорукій*. Въ біографіи послѣдняго, составленной *М. А. Дмитріевымъ* (изд. II, М. 1863, стр. 75—76) имѣются свѣдѣнія о Собраніи, „Редутѣ“ (какъ его называли), бывшемъ предметомъ особенныхъ заботъ старшины этого клуба, Дмитрія Петровича *Дурова*, воспѣтаго княземъ въ комедіи „Дурыломъ“. О Дуровѣ ср. еще въ „Кладбищѣ моего сердца“ (изд. II, 1890), стр. 105—106 (27 октября).

ПИГМАЛІОНЪ,

ЛИРИЧЕСКАЯ СЦЕНА

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

ЖАНА ЖАКА РУССО.

Театръ представляетъ мастерскую комнату скульптора; по сторонамъ видны куски мрамора, группы и неотдѣланныя статуи; далѣе представляется другая статуя, скрытая подъ завѣсою изъ легкой и блистательной матеріи, украшенною бахрамами и гирляндами. Задумавшійся Пигмаліонъ сидитъ, облокотясь въ положеніи безпокоющагося и печальнаго человѣка. Вдругъ потомъ вставъ, беретъ со стола орудія, къ его искусству принадлежащія, дѣлаетъ нѣсколько ударовъ рѣзцомъ по нѣкоторымъ изъ его недодѣлковъ, отступаетъ и смотритъ на оные съ видомъ недовольнымъ и унылымъ.

Пигмаліонъ.

Нѣтъ здѣсь ни души, ни жизни! Это одинъ только хладный камень; изъ него ничто и никогда не можетъ быть произведено!

О способность! О талантъ! Гдѣ вы? что съ вами сдѣлалось?—Потухъ жаръ, меня воспламенявшій, мое воображеніе оледенѣло, и мраморъ исходитъ хладенъ изъ рукъ моихъ. Пигмаліонъ не творитъ уже боговъ и сталъ ни что иное, какъ обыкновенный художникъ. Подлыя орудія, преставшія быть орудіями славы моей,—я васъ оставляю: не посрамляйте болѣе рукъ моихъ!

Онъ бросаетъ съ негодованіемъ орудія свои, потомъ нѣсколько времени прохаживается въ размышленіи и, сложивъ руки.

Что я сталъ? какая странная произошла во мнѣ перемѣна?—

Тиръ, городъ пышный и цвѣтущей! памятники искусствъ, коими ты блещешь, меня уже не привлекаютъ; я потерялъ вкусъ, съ коимъ прежде удивлялся имъ. Сообщество художни-

ковъ и философовъ сдѣлалось мнѣ скучнымъ. Обращеніе съ живописцами и стихотворцами не имѣетъ для меня пріятностей. Почести и слава не возвышаютъ души моей; похвалы тѣхъ, кои прославлены будутъ потомствомъ, уже меня не трогаютъ; самое дружество потеряло для меня всѣ свои прелести.

И вы, юные предметы, совершеннѣйшія произведенія природы, коимъ искусство мое подражать дерзало, и по стезямъ коихъ удовольствіе влекло меня безпрестанно; прелестные образцы, воспламенявшіе меня вдругъ любовію и творческимъ воображеніемъ! превзошедъ васъ, я сдѣлался къ вамъ равнодушенъ.

Садится и разсматриваетъ все вокругъ себя.

Въ этомъ мѣстѣ, посвященномъ искусству моему, будучи удерживаемъ непостижимымъ очарованіемъ, я неспособенъ ничего дѣлать и не могу отселѣ удалиться. Прехожу заблуждающими шагами отъ одного предмета къ другому; мое слабое орудіе не познаетъ своего правителя, и эти грубыя произведенія, оставленныя робкому ихъ несовершенству, не ощущаютъ уже той руки, которая нѣкогда ихъ одушевляла.

Встаетъ стремительно.

Такъ, такъ! —Я лишился творческаго духа. —Столь молодъ еще, я пережилъ мое дарованіе!....

Но какой это внутренній жаръ, меня пожирающей? что̀ такое меня воспламеняетъ? какъ! въ томности погасающаго духа чувствуютъ ли эти движенія, эти порывы бурныхъ страстей, это непреодолимое безпокойство, это внутреннее волненіе, меня возмущающее, и коего причины я не постигаю?

Я страшился, чтобъ удивленіе собственному творенію моему не навлекло разсѣянности мыслей въ трудахъ моихъ, и я скрылъ его подъ эту завѣсу. Мои недостойныя руки дерзнули покрыть этотъ памятникъ ихъ славы. Съ того времени, какъ я его не вижу, я сталъ болѣе смущенъ, но не внимателенъ.

Сколь мнѣ любезно, сколь драгоцѣнно становится это безсмертное произведеніе. Когда мой погасшій духъ не будетъ

болѣе раждать ничего великаго, прекраснаго, достойнаго меня,— я тогда покажу мою Галатею и скажу: „вотъ мое твореніе!"... О моя Галатея! Когда я всего лишусь, ты мнѣ останешься, и я буду утѣшенъ.

Приближается къ завѣсѣ, потомъ отдаляется; идетъ опять, и приближаясь, останавливается, смотритъ на нее и вздыхаетъ.

Но почто скрывать ее? что въ томъ пользы? вовлеченному въ праздность, почто мнѣ похищать у себя единое утѣшеніе разсматривать лучшее изъ моихъ твореній? можетъ быть, не осталось ли въ немъ какого-либо недостатка, мною не примѣченнаго: можетъ быть, предуспѣю я присовокупить нѣчто къ ея украшенію. Столь прелестному предмету ни въ какой воображаемой пріятности не должно имѣть недостатка.—Можетъ быть, этотъ самой предметъ оживитъ мое утомленное воображеніе. Должно его увидѣть; должно снова разсмотрѣть его.— Что̀ я говорю?—Ахъ! я его еще не разсматривалъ: я только ему удивлялся.

Намѣревается поднять завѣсу и покидаетъ ее, какъ бы устрашенный.

Я не знаю, какое движеніе испытываю, прикасаясь этому покрывалу. Ужасъ меня объемлетъ: кажется, касаюсь я святилищу нѣкоего божества..... Пигмаліонъ! Это—камень; это произведеніе рукъ твоихъ.—Что нужды?... поклоняются въ нашихъ храмахъ богамъ, изъ той же составленнымъ матеріи, и такими жъ произведеннымъ руками.

Въ трепетѣ подъемлетъ завѣсу и, покланяясь, простирается предъ статуею Галатеи, поставленной на пьедесталѣ весьма маломъ, утвержденномъ на возвышеніи, образованномъ нѣсколькими полуциркульными степенями.

О Галатея! пріими мое поклоненіе! такъ, я обманулся: я желалъ сдѣлать тебя нимфою, но произвелъ божество! Сама Венусъ не столько прекрасна, какъ ты!

Тщета, слабость человѣка!— я не могу удержаться отъ удивленія собственному моему творенію; упоясь самолюбіемъ, обожаю самого себя въ томъ, что̀ я образовалъ. — Нѣтъ! никогда ничего столь прекраснаго не являлось въ природѣ: я превзошелъ твореніе боговъ.

Какъ? столько красотъ произошло изъ рукъ моихъ! и такъ руки мои имъ прикасались — и такъ мои уста могли — я примѣчаю недостатокъ. Эта одежда много покрываетъ наготу: должно здѣсь болѣе выразить; прелести, скрываемыя ею, должны быть лучше означены.

Беретъ молотокъ и рѣзецъ; послѣ, тихо приближаясь, всходитъ съ колебаніемъ по ступенькамъ къ статуѣ, которой онъ, кажется, не смѣетъ коснуться; наконецъ, поднявъ уже рѣзецъ, вдругъ останавливается.

Какой трепетъ! какое смущеніе! едва удерживаю рѣзецъ въ колеблющейся рукѣ моей.... не могу—не смѣю—нѣтъ, нѣтъ, я все испорчу!

Ободряется и, наложивъ рѣзецъ, производитъ ударъ, но, объятый ужасомъ, роняетъ его и произноситъ великій крикъ.

Боги! я чувствую, что трепещущее тѣло отражаетъ рѣзецъ.—

Сходитъ въ трепетъ и замѣшательствѣ.

Тщетной страхъ! безразсудное ослѣпленіе!—нѣтъ!—я не прикоснусь ей; боги меня ужасаютъ: безъ сумнѣнія, она посвящена уже въ санъ ихъ.

Снова разсматривая статую.

Что хочешь ты перемѣнить?—смотри, какія новыя хочешь дать ей прелести?—Ахъ! Одно только совершенство есть въ ней—недостатокъ! Божественная Галатея, при меньшемъ совершенствѣ тебѣ ничего бъ недоставало!

Съ чувствительностію.

Но тебѣ недостаетъ души: твой образъ не можетъ безъ нея быть.

Съ усугубленною чувствительностію.

Сколь же душа, сотворенная для оживленія такого тѣла, должна быть прекрасна!

Останавливается долгое время и потомъ, съвъ, говоритъ томнымъ и измѣняющимся голосомъ.

Какія смѣю я возраждать желанія? Какое безумное хотѣніе? что̀ такое я чувствую?—О небо! Завѣса обольщенія ниспадаетъ, и я не смѣю взирать во внутренность моего сердца: оно бы гнусно явилось предо мною.

Долгое молчаніе въ глубокомъ унынiи.

И такъ вотъ та благородная страсть, которая приводитъ меня въ заблуженіе: итакъ, для этого неодушевленнаго предмета я не могу удалиться отселѣ.—Мраморъ, камень! безобразной и грубой составъ, образованной этимъ желѣзомъ!—Безразсудной! войди въ самого себя; трепещи о себѣ—смотри на твое заблужденіе, смотри на твое безуміе! - Но нѣтъ—

Стремительно.

Нѣтъ! я не потерялъ разсудка; нѣтъ! я не заблуждаю; нѣтъ! я ни въ чемъ себя не укоряю.—Не безжизненный мраморъ меня плѣняетъ, но живое существо, ему подобное, образъ, которой представляетъ онъ моему взору; въ какомъ бы мѣстѣ ни былъ этотъ обожаемый образъ, какое бъ ни украшалъ онъ тѣло, и какая-бъ рука его ни сотворила: къ нему устремятся всѣ желанія моего сердца. Такъ! безумство мое состоитъ только въ различеніи красоты; единое мое преступленіе—въ чувствительности къ ней! Итакъ, нѣтъ здѣсь ничего, для меня постыднаго!

Съ уменьшенною живностью(sic), *но всегда съ страстью.*

Какія пламенныя стрѣлы кажутся стремящимися изъ этого предмета, чтобъ возжечь мои чувства и возвратиться съ душею моею къ ихъ источнику! Увы, онъ неподвиженъ и хладенъ въ ту самую минуту, когда мое сердце, воспаленное его прелестями, желало бы оставить мое тѣло, чтобъ разгорячить его. Я въ изступленіи своемъ чувствую возможность исторг-

нуться внѣ самого себя; я чувствую возможность дать ей жизнь и оживотворить ее моею душею. Ахъ, пусть умретъ Пигмаліонъ, чтобъ жить въ Галатеѣ!—Что̀ изрекъ я? О небо! Естьли бъ я сталъ ею, я бъ не увидалъ ея болѣе, я бъ не былъ уже тотъ, кто ее обожаетъ.—Нѣтъ, пусть живетъ моя Галатея, пусть не буду я ею! Ахъ, пусть буду я всегда другой, чтобъ всегда желать быть ею, чтобъ ее видѣть, чтобъ ее любить, и быть любимымъ ею!—

Въ изступленіи.

Смятеніе, желанія, бѣшенство, безсиліе, ужасная любовь, гибельная любовь!—Ахъ! весь адъ вмѣщается въ волнующемся моемъ сердцѣ.—Боги всесильные!—Благодѣтельные боги!—Боги народа, познавшіе слабости человѣковъ!—Ахъ, вы сколько являли чудесъ для меньшихъ причинъ: взгляните на этотъ предметъ, взгляните на мое сердце, будьте справедливы и достойны вашихъ жертвенниковъ!

Съ восхищеніемъ болѣе умилительнымъ.

И ты, высочайшая сущность, скрывающаяся отъ чувствъ, и едиными сердцами ощущаемая; душа міра, начало всякаго бытія; ты, которая любовію подаешь согласіе стихіямъ, жизнь—веществу, чувствованіе—тѣламъ, и образъ—всякому существу, священный огнь, небесная Венусъ, коею все сохраняется и возрождается безпрестанно! Ахъ! гдѣ твое равновѣсіе? гдѣ твоя распространительная сила? гдѣ законъ природы въ чувствованіи, кое я испытую? Гдѣ твоя живительная теплота въ безсиліи тщетныхъ моихъ желаній? весь твой пламень сосредоточенъ въ моемъ сердцѣ, и хладъ смерти—въ этомъ мраморѣ: я гибну отъ излишества жизни, коей ему недостаетъ.—Увы, я не ожидаю чуда: оно существуетъ и должно престать; порядокъ возмутился, природа оскорблена! Возврати ея законамъ владычество ихъ, возстанови благотворное ея теченіе и источи равно божественное твое вліяніе! такъ, двухъ существъ недостаетъ къ полнотѣ вещей: раздѣли имъ этотъ пожирающій пламень,

который сожигаетъ одного, не оживляя другого.—Ты образовала рукою моею эти прелести и эти черты, ожидающія только чувствованія и жизни; отдай ей половину моей, отдай ей всю, естьли то нужно: для меня довольно существовать въ ней. О ты, удостоивающая улыбкою жертвоприношенія смертныхъ! что не чувствуетъ, то не воздаетъ тебѣ почестей: распространи твою славу съ твоими твореніями. Богиня красоты, удали отъ природы поношеніе, чтобъ столь совершенный образецъ былъ подобіемъ ничтожества.

Восходитъ опять по ступенькамъ съ чувствованіемъ увѣренія и радости.

Мои чувства ко мнѣ возвращаются. Какое неожиданное спокойствіе! Какая нечаянная бодрость меня оживляетъ! Смертный жаръ сожигалъ кровь мою: бальзамъ увѣренія и надежды разливается по моимъ жиламъ; кажется, я возраждаюсь.

Итакъ, чувствованіе нашей зависимости служитъ нѣкогда къ нашему утѣшенію. Сколько бъ ни были нещастны смертные, но когда призовутъ боговъ, спокойствіе къ нимъ возвращается.—

Но ложное упованіе обманываетъ виновниковъ несмысленныхъ желаній. Увы! въ состояніи, въ какомъ нахожусь я, призываютъ все, и ничто насъ не внимаетъ. Надежда, обольщающая насъ, есть безразсуднѣе самого желанія.

Постыжденный толикими заблужденіями, я даже не смѣю болѣе воззрѣть на причину; обращая взоръ мой на этотъ пагубной предметъ, я чувствую новое смущеніе; трепетаніе сердца занимаетъ во мнѣ духъ, тайный ужасъ меня остановляетъ.—

Горькая иронія.

Ахъ, смотри, нещастный, будь неустрашимъ: осмѣлься воззрѣть на статую!

Онъ видитъ ее оживляющеюся и отвращается, объятый ужасомъ, и съ стѣсненнымъ отъ горести сердцемъ.

Что я видѣлъ? Боги, что̀ мнѣ казалось видѣть? цвѣтъ живности, пламень въ очахъ, самое движеніе — недовольно было надѣяться чуда:—къ довершенію бѣдствія, наконецъ я его увидѣлъ!

Крайнее уныніе.

Нещастной! И такъ это совершилось.... твое изступленіе достигло своего послѣдняго предѣла: твой разсудокъ такъ же оставляетъ тебя, какъ и твоя способность!—не оплакивай его, Пигмаліонъ! Утрата его скроетъ твое посрамленіе.

Жестокое негодованіе.

Очень много щастія влюбленному въ камень содѣлаться мечтателемъ!

Оборотясь, видитъ, что статуя движется и сходитъ по ступенькамъ; онъ бросается на колѣни, возводитъ взоръ и руки къ небесамъ.

Безсмертные боги! Венусъ! Галатея! о чудо изступленныя любви!

Галатея, прикасаясь къ самой себѣ, произноситъ: „Я".

Пигмаліонъ восхищенный.

Я!

Галатея, еще трогая себя.

Это—я!

Пигмаліонъ.

Восхитительное мечтаніе, достигшее даже до моего слуха! ахъ! не оставляй никогда чувствъ моихъ!

Галатея, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, и прикасаясь къ мрамору.

Это—не я!

Пигмаліонъ въ волненіи, въ восхищеніяхъ, едва удерживаемыхъ, слѣдуетъ глазами за всѣми ея движеніями, слушаетъ ее, смотритъ на нее съ ненасытнымъ вниманіемъ, которое едва дышать ему позволяетъ.

Галатея приближается къ нему и смотритъ на него;

онъ стремительно встаетъ, простираетъ къ ней руки и смотритъ на нее съ восторгомъ. Она кладетъ на него руку; онъ трепещетъ, беретъ сію руку, прикладываетъ ее къ своему сердцу и потомъ осыпаетъ ее пламенными поцѣлуями.

Галатея со вздохомъ: Ахъ! еще „я"!

Пигмаліонъ. Такъ, дражайшій и прелестный предметъ! Такъ, достойное и совершеннѣйшее твореніе руки моей, моего сердца и боговъ: это—ты! Это ты одна; я тебѣ отдалъ все мое бытіе и буду жить единою тобою!

Конецъ.

Столпотвореніе.

(Изъ *Мерсье*).

Когда міръ, водами потопа еще упоенный, возникалъ изъ развалинъ своихъ, новые жители опустошенной земли узрѣли себя въ совершенной наготѣ на безплодныхъ прибрежіяхъ; но когда къ сей бѣдности присоединился страхъ, когда послышался въ отдаленности громъ, вторичнымъ пораженіемъ имъ угрожающій, тогда, совокупленные чувствомъ ужаса, они воздѣли руки къ небесамъ и вѣщали одинъ другому, что есть превыше ихъ страшное и сокровенное Могущество, неограниченно владычествующее надъ бреннымъ ихъ бытіемъ.

Такъ мысля, я заснулъ, и въ мечтѣ видѣлъ разсѣянныхъ въ сокрушеніи духа смертныхъ, кои, убѣгая ревущихъ волнъ, взлѣзали на крутизны высочайшія; но и здѣсь яростная стихія преслѣдовать ихъ еще не преставала.

Наги были сіи несчастные, и измѣряли бездну водъ взоромъ отчаянія; самый слабый ударъ грома, хотя уже скончавающагося, казалось, опять возвращался для довершенія гибели тѣхъ, которыхъ пощадило море, коснящее своимъ удаленіемъ. Сіе обширное и исполняющее душу горестію наводненіе являлось чѣмъ то болѣе страшнымъ, нежели пламень, по земли клубящійся: сія влажная пучина, гдѣ всё дремало въ недвижимости, сіи стоячія и чернѣющіяся воды, кои подмывали корни

послѣднихъ растеній, украшавшихъ землю, кои поглощали и ихъ вѣтви, и ихъ плоды, представляли зрѣлище повсемственнаго (sic) опустошенія, и сей необозримый разливъ поражалъ око ужасомъ.

То была комета, внезапно воды свои съ грознымъ ревомъ пролившая: птицы небесныя не обрѣтали болѣе мѣста, гдѣ бъ могли успокоиться; растительная почва земли, въ жалкомъ видѣ растворенная, вездѣ катила илъ громадами. Я увидѣлъ Столпъ, сооруженный объятыми страхомъ земнородными,—въ намѣреніи обезопасить себя отъ подобнаго бѣдствія. Сей памятникъ ихъ слабости и ихъ безумія остался недовершеннымъ; сей исполинскій Столпъ представилъ въ себѣ одно лишь ознаменованіе тщетныхъ замысловъ и ничтожнаго предпріятія; сіи торопливые зватели были остановлены въ пылу ихъ дерзкой надежды, когда Вышній раздѣлилъ языки столь утонченными и столь различными измѣненіями, что всякое согласное начинаніе содѣлалось для нихъ вовсе невозможнымъ.

Довольно внятно вѣщалъ имъ Божій гласъ: „Идите! „провождайте дни свои, каждый въ мирѣ, не утомляя себя „трудами, толико безполезными!“ Но смертные не уразумѣли уроковъ Божественной мудрости; и тогда открылось зрѣлище, величайшаго достойное посмѣянія: каждый хотѣлъ воздвигнуть свой собственный столпъ, хотѣлъ воздвигнуть досязающій до небесъ; и многіе изъ нихъ, едва успѣвъ возвысить зданіе свое на нѣсколько локтей, вообразили себя уже вознесшимися въ превыспренность, потому что горы въ отдаленности казались ниже параллельной точки ихъ зрѣнія.

Всѣ сіи зодчіе, въ нестройномъ разгласіи вопіющіе, что они поставили надежнѣйшую и никакимъ опасностямъ не подверженную—для всхода на небо лѣствицу, взаимно другъ друга во лжи изобличали; каждый, держась на верху столпа своего, взывалъ: „Теките ко мнѣ! я ближе всѣхъ къ „*зор*-

нимъ обителямъ!" Иной утверждалъ, что солнце, безъ сомнѣнія, есть искомый Богъ, луна — супруга, а звѣзды—дѣти его; другіе, болѣе чувственностію ослѣпленные, преклоняли колѣна предъ воломъ, овномъ, или голубицею; однимъ словомъ: всѣ изобрѣли для себя грубыя божества; но еще пагубнѣе было то, что каждый жрецъ, выставляя себя предъ истуканомъ, тяготящимъ столпъ его, хотѣлъ купно съ нимъ быть обоготворяемымъ; каждый жрецъ возглашалъ: „Поражайте, пронзайте остріемъ меча всѣхъ непокорныхъ: это—злочестивцы!" И при воплѣ сихъ изувѣровъ неистовство влекло на закланіе жертвы, тщетно умолявшія, чтобъ допустили ихъ создать столпъ по ихъ собственному чертежу!

Безчисленны виды безумія, мечтавшаго приносить кумирамъ своимъ богочтительную дань! Высота столпа произвела закруженіе въ головахъ слабыхъ, и не осталось того уродливаго образа, которой бы не явился предметомъ поклоненія съ торжественнѣйшими обрядами: каждый жрецъ имѣлъ языкъ особенный, и поступь, отличную отъ поступи своего сосѣда: иной плясалъ, иной держалъ руки въ горизонтальномъ протяженіи; сей стоялъ, не трогаясь ни однимъ членомъ, а тотъ возбранялъ себѣ и пищу, и питіе, находя странную добродѣтель въ прильпеніи кожи къ костямъ; нѣкоторые даже рѣзали у себя кусками тѣло: и сіи изступленные покушались убѣдить другихъ къ подражанію.

Наконецъ: я видѣлъ глупости народныя отъ волхвовъ фараоновыхъ до святоши гробницы Медардовой; слышалъ крикъ фигляровъ, ханжей, расколоначальниковъ, заклинателей, чародѣевъ и предвозвѣстниковъ судьбы, произносимый каждымъ на высотѣ столпа своего: какая смѣсь! какое несносное разгласіе!

Далѣе—видѣлъ я мудраго, которой съ спокойнымъ духомъ вѣщалъ окружавшимъ его, что Вселенная есть Храмъ Божества: ясность неба сообщалась душѣ его, и при сравне-

ніи всѣхъ столповъ, человѣками созданныхъ,—съ неизмѣримымъ кругомъ тверди, сей мгновенно преобразовался въ мысляхъ моихъ въ истинный Храмъ, гдѣ Богъ открываетъ Себя намъ весьма ощутительно: небеса — предѣлъ сей священной Скиніи, и ея безконечное, ея поразительное величіе не имѣетъ ничего излишняго ни для Природы, ни для вездѣсущности Творца, оную содержащаго.

Вознесите выше и выше своды и куполы храмовъ, коими гордится зодчество; присовокупите еще мыслію къ отважности сооруженія: какъ ничтожно все сіе будетъ предъ сводомъ Храма, вездѣ и всегда отверстаго, гдѣ каждый изъ человѣковъ можетъ, возведя взоры свои, обожать Непостижимаго и покланяться Ему въ духѣ и истинѣ!

Рукотворенный Храмъ въ извѣстное токмо время освѣщаемъ бываетъ возженными свѣтильниками; но они меркнутъ и истощеваются; они требуютъ возобновленія: здѣсь есть свѣтильникъ — пучина, свѣта неистощимая! — и когда лучи его обратятся на гемисферу, намъ противоположную, въ тотъ самый часъ заступаетъ мѣсто его несчетное множество иныхъ свѣтильниковъ, открывающихъ предъ окомъ смертнаго безпредѣльную обширность сіяющаго велелѣпія: душа, объятая удивленіемъ, или безмолвствуетъ въ восторгѣ своемъ, или молится!

Сіи разноцвѣтныя облака, горизонтъ препоясующія, и коихъ полупрозрачности и нѣжнымъ переливамъ тѣней кисть никогда въ совершенствѣ подражать не можетъ, малоцѣннѣе ли цвѣтосмѣшеній, искусствомъ производимыхъ съ толикими усиліями?

Но въ семъ, столь высоко сциптрованномъ (sic) Храмѣ гдѣ алтарь? гдѣ священнодѣйствующій? И тотъ, и другой соединены въ сердцѣ человѣка, если совѣсть его чиста, безхитростна и невинна: на семъ алтарѣ человѣкъ можетъ воскурить предъ Богомъ ѳиміамъ хвалы и поклоненія, можетъ принесть всеблагому Творцу своему благодарную жертву за

способности, коими обогащена душа его, за божественный пламень, его озаряющій, за неоцѣненное достоинство познавать и любить Подателя сихъ обильныхъ даровъ; человѣкъ-жертвоприноситель предаетъ Ему все свое существованіе и посвящаетъ оное на то, чтобъ хвалить и обожать.

Древній Поэтъ научалъ израильтянъ прославленію величества Божія, и мнѣ послышалось, что за нимъ повторяютъ: *Господи Боже мой! возвеличился еси зѣло; во исповѣданіе и въ велелѣпоту облеклся еси; вся премудростію сотворилъ еси.— Яко взятся великолѣтіе Твое превыше небесъ!*

При семъ воскликновеніи я узрѣлъ всѣ человѣческіе столпы превратившимися въ колоннады, помосты, своды, подпоры и украшенія. Альпы заключились подъ симъ величественнымъ сводомъ; лучезарное солнце освѣтило неизмѣримую окружность, въ которой терялись взоры; но всё въ совокупности составило одинъ священный Храмъ, и прекраснѣйшія изреченія Соломона проникли въ слухъ мой: *Аще небо и небо небеси не довлѣютъ Тебѣ—и колѣми паче домъ сей, его же создахъ!*

Гласъ, тако вѣщающій, содѣлался столь крѣпокъ, столь гремящъ, столь величественъ, что мои чувственные органы не могли вмѣстить оный безъ чрезвычайнаго потрясенія, и я проснулся....

Приводимъ теперь эскизъ или планъ *драмы* изъ испанской жизни. Сюжетъ былъ набросанъ Саввою Андреевичемъ лишь въ видѣ канвы, и дѣло на этомъ остановилось. По крайней мѣрѣ, въ бумагахъ нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ на то, чтобы сюжетъ этотъ былъ потомъ имъ обработанъ и изложенъ въ цѣломъ произведеніи. *И. Г. Горемыкинъ* (см. выше, стр. 75) считалъ этотъ набросокъ эскизомъ *драмы*. Самъ С. А. называетъ де Мендозу героемъ „повѣсти". Нѣтъ сомнѣнія, что сюжетъ при его обработкѣ въ драму доставилъ бы нѣсколько благодарныхъ сценъ. Сравнивая этотъ набросокъ съ драмою

„Останъ“, мы должны отмѣтить въ качествѣ весьма характерной особенности, что въ противоположность первой псевдоклассической и языческой трагедіи С. А—ча, здѣсь въ этой драмѣ выдвигается на первый планъ благодѣтельное и *смиряющее* значеніе христіанской религіи. Судя по бумагѣ и титламъ, набросокъ относится къ первымъ годамъ XIX в.

Донъ *Іеронимо де Мендоза*, 1-й герой *повѣсти*.
Донна *Аврелія де Пизарро*, его любовница.
Донъ *Гонзальво де Капрара*, его врагъ.
Донъ *Себастіано де Капрара*, отецъ сего послѣдняго.
Отелло, } исполнители злодѣянія.
Его товарищъ, }
Графъ де Мендоза, министръ правосудія.

Дѣйствіе въ Толедѣ и въ замкѣ де Капрара въ горахъ при источникахъ Таго. Іеронимо и Гонзальво—товарищи въ университетѣ. Успѣхи перваго поселяютъ въ послѣднемъ [1]) зависть и вражду. Оба ищутъ руки Аврелiи, коей предпочтеніе къ Іеронимо, усугубивъ вражду Гонзальво, побуждаютъ его къ мщенію. Онъ беретъ твердое намѣреніе сдѣлать обоихъ нещастными: во время прогулки нападаетъ съ сообщниками; двое злодѣевъ похищаютъ Аврелію; но Іеронимо поражаетъ его смертельно и самъ принужденъ скрыться въ то время, какъ домъ его сожигаютъ исполнители жестокихъ предпріятій Гонзальва, и онъ, лишаясь всего имѣнія, остается безпомощнымъ. Во время препровожденія Аврелiи громъ убиваетъ одного изъ злодѣевъ; Отелло раскаивается, служитъ Аврелiи для развѣдыванія обстоятельствъ и свидѣтельствуетъ предъ правосудіемъ. Между тѣмъ до полученія успѣха она скрывается въ неизвѣстности. Себастіано по привезеніи тѣла его сына въ его замокъ погребаетъ оное въ подземельѣ и клянется мстить. Убѣгающій Іеронимо случайно приходитъ въ

---

[1]) Описка: Успѣхи перваго поселяютъ въ *первомъ*.

его замокъ: не зная хозяина, привлекается къ откровенности. Себастіано узнаетъ врага; не открывая себя, изъявляетъ притворное соболѣзнованіе, предлагаетъ убѣжище, но во время ужина даетъ усыпляющее питіе, и Іеронимо просыпается, заключенный въ гробницахъ, гдѣ Себастіано, представъ, открывается ему и усугубляетъ его страданіе, сказавъ, что прахъ убитой имъ Авреліи соединенъ съ прахомъ его сына для отомщенія. Малая пища продолжаетъ въ семъ жилищѣ ужаса дни нещастнаго, которой, *покоряясь религіи*, удерживается отъ самоубійства. По долгомъ времени неизвѣстный персонажъ подъ маскою является и изрекаетъ, что онъ долженъ или соотвѣтствовать страсти, которую къ нему почувствовала дочь Себастіана, имѣвъ случай его узнать, или умереть; Іеронимо избираетъ послѣднее: пьетъ изъ сосуда, подносимаго неизвѣстнымъ персонажемъ, питіе, почитаемое имъ ядомъ. Чувства теряются, подобно распространяющемуся хладу смерти; но просыпается въ объятіяхъ Авреліи; узнаетъ, что правосудіе открыло истинныхъ преступниковъ, что отчаянный Себастіано прекратилъ жизнь, что у Себастіана не было дочери, но напротивъ того—Аврелія, успѣвшая въ своихъ намѣреніяхъ, хотѣла болѣе удостовѣриться въ его любви и испытала чрезъ предпріятый ею способъ его твердость. Графъ де Мендоза объявляетъ имъ благоволеніе короля, вознаграждающаго ихъ всѣхъ достояніемъ преступника.

Кромѣ приведенныхъ выше, есть еще другіе переводы Саввы Андреевича. Въ литературѣ С. А. Москотильниковъ отмѣчается, какъ переводчикъ Т. Тасса „Освобожденнаго Іерусалима“. Переводъ этотъ (съ гравюрами) выходилъ въ 2 томахъ и двумя изданіями, 1819 и 1820—21 г. (по указанію Геннади). Нашъ поэтъ всю жизнь работалъ надъ улучшеніемъ перевода и собирался еще разъ его переиздать. Сохранилась большая рукопись, автографъ in folio въ 2 частяхъ: I часть—21 тетрадь и

II часть въ 9 тетрадяхъ (частію брульонъ, не переписанный). Новый переводъ былъ сдѣланъ уже не съ французскаго перевода, какъ прежде, а прямо съ *италіанскаго* подлинника. На рукописи проставленъ 1836 г., который потомъ переправленъ на 1840. Такъ какъ эта рукопись уже никогда не будетъ напечатана, то мы ознакомимъ читателя съ нѣкоторыми отрывками изъ предисловія, начала и конца поэмы.

Аллегорія Поэмы.

Торквато Тассо въ предварительномъ своемъ разсужденіи объ аллегоріи поэмы вообще, сказавъ нѣсколько словъ о твореніяхъ извѣстнѣйшихъ пѣснотворцевъ, подъ привлекательнымъ покровомъ піитическаго вымысла представляющихъ уму внимательному истины высокія, такъ изъясняетъ потомъ Аллегорію Іерусалима Освобожденнаго (*слѣдуетъ самая Аллегорія*) Вотъ мысли Тасса! я счелъ нужнымъ Аллегорію Поэмы его употребить взамѣнъ Предисловія, оставляя впрочемъ объ анализѣ силъ, или способностей души, и о дѣйствіяхъ ихъ судить психологамъ.

Пѣснь первая.

Содержаніе.

Богъ посылаетъ въ Тортозу ангела, и Годфридъ собираетъ потомъ къ себѣ христіанскихъ князей. Здѣсь сіи знаменитые герои единогласно избираютъ его верховнымъ вождемъ надъ всѣми иными вождями. Онъ хочетъ прежде всего обозрѣть полки свои въ ихъ ратномъ устройствѣ, и, обозрѣвъ, идетъ съ ними по пути, ведущему къ Сіонскимъ стѣнамъ. Между тѣмъ грозная о его нашествіи вѣсть смущаетъ царя Палестинскаго.

I.

Пою благочестную брань и полководца, освобождавшаго великій Гробъ Христовъ. Много подвизался онъ и силами разума, и крѣпостію мышцы; много претерпѣлъ для содержанія знаменитаго пріобрѣтенія! И тщетно Адъ возсталъ противу его; и тщетно ополчились народы Азіи и Ливіи, во едино совокупившіеся: небо покровительствовало ему и собрало подъ священныя знамена разсѣянныхъ его сподвижниковъ.

II.

О Муза, не на Геликонѣ изъ лавровъ скорогибнущихъ украшеніе на главу себѣ сплетающая, но въ небесахъ—тамъ, гдѣ гремятъ совоспѣванія вѣчной радости,—увѣнчанныхъ златымъ сіяніемъ звѣздъ немерцающихъ! Ты вдохни въ грудь мою твой небесный жаръ; твоимъ удостой озарить свѣтомъ мое пѣснословеніе: прости мнѣ, если отчасти прикрою я въ немъ истину цвѣтами и придамъ красоты другія къ красотамъ твоимъ!

III.

Ты вѣдаешь, что смертный съ жадностію бѣжитъ туда, гдѣ ласковый Парнассъ обильнѣе разливаетъ свои сладости; ты вѣдаешь, что истина, прелестями витійства облеченная, влечетъ къ себѣ и покоряетъ сердца строптивѣйшія. Такъ представляемъ мы болѣзнію одержимому младенцу края сосуда, сладкою влагою орошенныя: счастливо обманутый, вкушаетъ онъ горькіе соки—и жизнь обрѣтаетъ въ своемъ заблужденіи.

(Конецъ).

141.

Владѣтель Самарканды, никогда не склонявшій великаго сердца своего къ постыдному уничиженію, какъ скоро

услышалъ имя, славою пронесенное отъ жаркихъ степей Еѳіопіи до хладнаго небосклона Медвѣдицы: „Сдаюсь," отвѣчалъ, „вотъ мое оружіе! И я долженъ симъ почтить твои доблести. Но побѣда надъ Алтаморомъ не одну честь приноситъ побѣдителю: къ лавру, тебя увѣнчавшему, присоединитъ она и богатство многое."

142.

„Нѣжная супруга во мзду свободы моей предложитъ тебѣ жемчугъ свой и золото царства Самаркандскаго."— „Нѣтъ!" возразилъ Годфридъ на слова его: „Небо не вложило въ грудь мою сердца корыстолюбиваго; храни для себя все, что̀ шлютъ берега Индіи, и чѣмъ богата Персія: не способенъ я полагать въ цѣну жизнь человѣка, и не для мѣны или купли, но для побѣды пришелъ я въ Азію".

143.

Умолкъ; и поручивъ плѣнника своимъ тѣлохранителямъ, продолжаетъ погоню за бѣгущими. Спѣшатъ послѣдніе укрыться въ окопахъ; но и тамъ—не спасеніе, а смерть себѣ обрѣтаютъ. Тотъ же часъ взятъ уже станъ и закипѣлъ убійствомъ: кровь течетъ ручьями отъ шатра къ шатру, обагряетъ добычу и портитъ громады пышностей, служившихъ украшеніемъ гордымъ варварамъ.

144.

Такъ восторжествовалъ Годфридъ; и солнце не закатилось еще. Грядетъ побѣдитель съ воинствомъ въ освобожденный Градъ—жилище божественнаго Искупителя; и не слагая съ себя окропленной кровію невѣрныхъ мантіи, входитъ въ Храмъ со своими знаменитыми сподвижниками. Здѣсь посвящаетъ пріобрѣтенные имъ трофеи Вышнему: здѣсь, простершись предъ великимъ Гробомъ, заключаетъ исполненіе обѣта благодареніемъ.

Осталось неизвѣстнымъ, что, кромѣ Тасса, С. А. Москотильниковъ принимался еще и за переводъ *Аріоста*. Сохранилась рукопись, автографъ in 8° съ такимъ заглавіемъ: „Неистовый Роландъ. Героическая поэма Г. Аріоста. Переводъ съ французскаго, книга четвертая. Въ Казанѣ. 1821 года.“ Рукопись—бѣловая, и повидимому, предназначалась къ печати. Имѣются пѣсни 34 — 46 на 464 стр.; утеряны листы 65 — 66, 79—80, 113—128 и 431—432. Приведемъ начало и конецъ. Переводъ цѣликомъ, разумѣется, никогда не увидитъ свѣта.

Начало.

Гнусныя Гарпіи, алчныя и ненасытныя чудовища! Устремясь на Италію, преданную заблужденіямъ и гибельной слѣпотѣ— безъ сомнѣнія, въ наказаніе за ея преступленія — вы оставляете въ жертву ужасамъ глада нѣжную мать съ младенцомъ ея, тщетно простирающихъ къ вамъ невинныя руки свои, и въ одинъ разъ пожираете всё, что̀ было бы достаточно пропитать ихъ пѣлые годы. О! какъ виновенъ тотъ, кто первый отверзъ вамъ пути, чрезъ столько вѣковъ загражденные, и коими внезапно вринулись всѣ язвы и поврежденія, съ того времени заразившія Италію! Вринулись они—и добрые нравы, всё, что̀ составляетъ пріятности жизни, исчезло: сладкій миръ изгнанъ съ тѣхъ дней изъ отечественной страны нашей, и, можетъ статься, на долгое время оставлена она всѣмъ бѣдствіямъ, какія влекутъ за собою голодъ и брань. Такъ! бѣдствія сіи продолжатся, пока мать, погруженная въ горести, не разбудитъ усыпленныхъ чадъ своихъ жестокимъ потрясеніемъ, укоритъ ихъ въ забвеніи священнѣйшихъ должностей— и возопіетъ: „Или нѣтъ между вами Каласовъ и Зефовъ, которые избавили бы трапезы наши отъ чудовищъ сихъ, и водворили прежнюю безопасность, подобно тому, какъ великодушные сыны Борея возвратили ее Финею, или, какъ мужественный Астольфъ потомъ монарху Еѳіопіи?

Всѣ приведены были въ изумленіе и негодованіе безпримѣрною его дерзостію: перестали ѣсть, перестали пить, перестали и говорить, ожидая, что̀ скажетъ рыцарь сей. Приближась къ Карлу и Ротеру, онъ обратился къ послѣднему и сказалъ грознымъ и суровымъ голосомъ:

„Я—Родомонтъ, король Срацынскій, и пріѣхалъ вызвать тебя на битву. Прежде, нежели солнце сокроетъ въ водахъ лучи свои, я хочу доказать предъ всѣми, что ты, невѣренъ бывъ своему государю, которому измѣнилъ, и какъ вѣроломецъ, — недостоинъ занимать мѣсто съ храбрыми рыцарями, окружающими тебя. Хотя стыдъ твой явенъ, потому что ты отступилъ отъ вѣры своей,—но я и еще намѣренъ огласить оный на полѣ сраженія, чтобъ изобличить тебя предъ лицемъ цѣлой вселенной. Когда здѣсь есть кто-нибудь, которой бы захотѣлъ сразиться со мною вмѣсто тебя, я вызываю его; когда мало одного, пусть соединятся многіе. Я поддержу противу всѣхъ, что не сказано мною ничего ложнаго“.

Вотъ весьма любопытныя философскія замѣтки С. А. Москотильникова, рисующія его міровоззрѣніе.

1.

Мы вѣримъ, что земля имѣетъ движеніе, хотя видимымъ обращеніемъ солнца и круга звѣзднаго иное получаемъ на чувства наши впечатлѣніе; вѣримъ потому, что сіе послѣднее противорѣчитъ заключеніямъ разума:—для чего жъ отвергать нравственныя истины, когда ими только разрѣшаются противорѣчія въ существѣ человѣческомъ?

2.

Требуютъ математическихъ и чувственныхъ доказательствъ, чтобы удостовѣриться въ истинѣ; но образы мысли и внутреннихъ ощущеній математически опредѣлены быть не

могутъ: напротивъ того, ими опредѣляются математическія аксіомы. Наука о тѣлахъ имѣетъ свои границы, и гдѣ онѣ оканчиваются, тамъ начинается другой рядъ истинъ, столько же сомнѣнію не подверженныхъ, какъ и то, что *я существую*.

3.

Видя гармоническія отношенія въ цѣломъ и частяхъ его, должно предполагать планъ въ законахъ существъ; совершеннѣйшія изъ оныхъ одарены самодѣятельностію, ощущеніемъ бытія своего и разумомъ; кто жъ дерзнетъ отрицать принадлежность сихъ преимуществъ первоначальной Причинѣ въ высочайшей степени? Итакъ, верховный Разумъ не только сотворилъ міръ, но сохраняетъ его и управляетъ имъ; ибо допускать бездѣйствіе сего разума по сотвореніи есть противорѣчить тѣмъ понятіямъ, кои сами собою представляются о разумѣ.

4.

Но безчисленные виды, подъ коими являются сущности, бытіе имѣющія, утомляютъ напряженное вниманіе слабаго человѣка. Мысль, при воззрѣніи на неизмѣримость творенія преносящаяся отъ безконечно великаго къ безконечно малому, представляетъ тысящи различныхъ образовъ существованія. И естьли во всемъ, подверженномъ близкому испытанію чувствъ моихъ, я встрѣчаю поразительное различіе, то какая бездна открывается воображенію, заблуждающему въ миріадахъ системъ солнечныхъ!—и я дерзаю опредѣлить Неизреченнаго! Я дерзаю Неизмѣримаго заключить въ предѣлы понятій моей организаціи, теряющейся въ безпредѣльномъ морѣ существованій!

5.

Съ тѣхъ поръ, какъ по мѣрѣ возраста я началъ разсуждать о впечатлѣніяхъ, производимыхъ предметами, организація животнаго царства всегда была для меня поразительна.

Какая печать развитія силъ, толико различныхъ въ своихъ свойствахъ! Какая постепенность отъ невинности агнца, жующаго траву, до злобной жадности плотояднаго тигра,— отъ пернатыхъ, съ радостнымъ пѣніемъ встрѣчающихъ восходящее солнце, до тѣхъ, кои, убѣгая свѣта, кроются во мракѣ; отъ питающихся нѣжными соками цвѣтовъ до сосущихъ въ нѣдрахъ земли ядовитую влажность, отъ порхающей бабочки до вьющаго тенеты паука! О какъ удивительна работная храмина природы! Не знаю, по какому внутреннему чувству видъ паука отлично дѣйствовалъ непріятнымъ образомъ на мое воображеніе, а особливо съ того времени, когда въ одну ночь я видѣлъ во снѣ большое сего рода насѣкомое, прямо спускающееся ко мнѣ по длинной его нити, и въ слѣдующее затѣмъ утро сердце мое жестоко уязвлено было открытіемъ злонамѣреннаго человѣка, разрушившаго домашнее мое спокойствіе. Нѣкогда, разбирая прекрасно выработанныя фигуры въ Естественной исторіи Суринама, я увидѣлъ изображеніе тарантула, сосущаго маленькую колибри,— и въ страшномъ содроганіи я бросилъ книгу съ тѣмъ, чтобъ избавиться отъ ненавистнаго зрѣлища. О таинство, смиренно чтимое носящими иго твое! Коль глубоко твое основаніе! И гдѣ кончится высота твоя?

Текстъ. Не убойтеся отъ убивающихъ тѣла, души не могущихъ убити.

Его уже нѣтъ на свѣтѣ — но сколько живыхъ, другимъ образомъ отравляющихъ дни мои!

6.

Нравственное зло существуетъ. Оно имѣетъ источникъ свой въ самодѣятельности и волѣ разумныхъ существъ: каковы жители, таково и мѣсто пребыванія. Не найдемъ ли мы точной мѣры и подобій въ томъ, что̀ называемъ физическимъ зломъ, и не откроемъ ли отношеній его къ нравственному?

7.

Глупость двояка. Глупость природныхъ недостатковъ или неосторожности разнится отъ глупости порока, которой далекъ отъ мудрости, какъ небо отъ земли. Нигдѣ она столько не явна, какъ въ самолюбіи. Стоитъ только наблюдать движенія сего родителя пороковъ, чтобы иногда самому себѣ казаться достойнымъ посмѣянія.

Знаменіе Іоны, бывшаго три дни во чревѣ китовомъ, еже дается по слову Христову вопрошавшимъ его книжникамъ, ибо —вѣщаетъ Онъ—и Сынъ человѣческій пребудетъ три дни въ нѣдрахъ земли,—кажется, имѣетъ сходство съ притчею о женѣ, сокрывшей квасъ въ трехъ сажахъ муки, „дондеже вскисоша вся". Христіанинъ, спогребающійся Іисусу крещеніемъ! И ты три раза погружаемъ былъ въ водѣ и нареченъ чадомъ царствія Божія.

Прибавимъ еще замѣтку, навѣянную чтеніемъ мистика Я. Бёма, съ которымъ Савва Андреевичъ, не знавшій нѣмецкаго языка, ознакомился въ французскомъ переводѣ.

При чтеніи Іякова Бема *l'Aurore naissante* главы 5-й de la substance corporelle, de l'être et de la proprieté d'un ange, мнѣ показалось странно сравненіе ощущеній человѣческихъ, посредствомъ пяти чувствъ производимыхъ, съ дѣйствіями по тому жъ порядку въ существѣ *Превысочайшаго*. Законъ чувствъ, коими получаются впечатлѣнія, есть законъ ограниченной твари. Даже самъ человѣкъ превыше сего закона, когда онъ изъ чувственныхъ впечатлѣній выработываетъ отвлеченныя понятія, служащія пищею его духу, которой есть единственное подобіе Творца.—Развѣ, можетъ статься, сочинитель имѣлъ въ предметѣ, что все чувственное есть образъ

неподлежащаго чувствамъ,—что все видимое есть оболочка невидимаго; но и въ семъ случаѣ законъ раздѣльныхъ впечатлѣній представляетъ уму ограниченность существа, сему закону подверженнаго, и съ вездѣсущностію, вседѣятельностію и всемощіемъ, не измѣряемыми ни временемъ, ни мѣстомъ, въ понятіи соединенъ быть не можетъ. Естьли бы существо въ прехожденіи бытія своего получило другую организацію, впечатлѣнія такъ же слѣдовали бы особеннымъ путемъ. Сколь бѣдна наша пятичувственная организація, то доказываетъ намъ невозможность проникнуть во внутреннія свойства даже тѣлесныхъ вещей.—Я страшусь и помыслить, чтобъ сей набожный сочинитель имѣлъ мысль соединить *Бога* нераздѣльно съ натурою, или чтобъ натура во всѣхъ своихъ (?) была то, что̀ мы представляемъ себѣ въ понятіяхъ о высочайшемъ Существѣ.

III.

Изъ переписки и бумагъ С. А. Москотильникова.

Какъ намъ извѣстно, многіе казанскіе археологи и историки принимались писать біографію своего замѣчательнаго земляка, С. А. Москотильникова. Но по разнымъ причинамъ эта задача остается невыполненною и по сіе время. Между тѣмъ съ теченіемъ времени богатое собраніе бумагъ Саввы Андреевича, бывшее въ рукахъ его наслѣдницы, Прасковіи Константиновны Проскуряковой, не увеличивалось, а въ значительной степени уменьшалось: самые важные для біографіи документы постепенно утрачивались. Съ потерею этихъ данныхъ писаніе біографіи становится все труднѣе и труднѣе. Многіе періоды жизни С. А. Москотильникова за неимѣніемъ достаточнаго числа свѣдѣній останутся навсегда неизвѣстными или неосвѣщенными.

Однако, и въ томъ видѣ, въ какомъ собраніе бумагъ С. А. Москотильникова находится нынѣ, оно, если не представляетъ всѣхъ нужныхъ матеріаловъ для подробнаго жизнеописанія, то заключаетъ весьма много любопытныхъ и интересныхъ фактовъ. Вотъ почему въ дополненіе къ предшествующей статьѣ мы сочли нелишнимъ въ качествѣ матеріаловъ для біографіи С. А. Москотильникова и для культурной исторіи того времени, сообщить здѣсь наиболѣе любопытные документы изъ переписки и прочихъ его бумагъ, располагая ихъ, насколько можно, въ хронологическомъ порядкѣ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи первыхъ лѣтъ службы С. А. Москотильникова нужно считать слѣдующій документъ.

№ 1.

Аттестатъ. (№ 186).

По указу Ея Императорскаго Величества данъ сей находившемуся при дѣлахъ генералъ губернаторскихъ Нижегородскаго Намѣстническаго Правленія губернскому регистратору Саввѣ Москотильникову, втомъ, что онъ вступя вслужбу Ея Императорскаго Величества изкупцовъ первѣе въ Ярославской городовой магистратъ 1782 марта 14 копеистомъ, гдѣ производимъ былъ 1783 апреля 2-го подканцеляристомъ и 784 маія 1-го канцеляристомъ, а потомъ изтребованъ бывъ вканцелярію ярославскаго и вологодскаго г-на генералъ-губернатора 786-го августа 19 помѣщенъ вштатъ вологодской гражданской палаты напослѣдокъ же опредѣленъ вздѣшнее намѣстническое правленіе 788 августа 22 и во ономъ того 788 годовъ ноября 20 числа награжденъ чиномъ губернскаго регистратора; во всѣ продолженіе здѣсь служенія своего отличилъ себя оказанною къ исполненію возлагаемыхъ на него должностей ревностію, непосрѣдственными впроизводствѣ дѣлъ успѣхами и похвальнымъ повѣденіемъ; вчемъ отдавая ему должную справѣдливость свидѣтельствую насемъ подписа-

ніемъ моимъ приложеніемъ герба моего печати. Внижнемъ Новѣгородѣ, Апреля 8-го дня 1793 года.

Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни моей генералъ порутчикъ правитель Нижегородскаго намѣстничества и кавалеръ Іванъ Бела....

Слѣдующія письма относятся къ знаменитому процессу 1801 г., повлекшему за собой запрещеніе пытокъ [1]). Посланный на слѣдствіе флигель-адъютантъ баронъ *П. Р. Альбедиль* завязалъ съ Саввою Андреевичемъ отношенія, продолжавшіяся весьма долго. Баронъ Альбедиль и впослѣдствіи былъ защитникомъ казанскаго поэта.

15 ноября 1801. № 2.

Мой любезный другъ Савва Андреевичь!

Мнѣ весьма лестно сообщать моимъ друзьямъ извѣстія, которыя могутъ имъ принесть истинное удо*волс*твіе.—Заботясь крайне о критическомъ положеніи, въ которое вы поставлены послѣдними обстоятельствами, старался я сколько возможно изторгнуть всеподданнѣйшую вашу просьбу изъ кучи бумагъ коими наполнены канцеляріи статсъ-секретарей, и довести ее до высочайшаго воззрѣнія. Но не успѣвъ въ томъ чтобъ она миновала заведенной очереди рѣшился прибѣгнуть къ самому Михайлѣ Никитичу Муравьеву, и хотя кратко но выразительно изъяснивъ состояніе ваше просилъ убѣдительнѣйше Его Превосходительство. Къ нечаянному моему удово*лс*твію получается отъ него дни черезъ три сообщеніе къ Генералу Прокурору съ изображеніемъ высочайшаго повелѣнія чтобъ васъ опредѣлить въ Казани стряпчимъ уголовныхъ дѣлъ. Судите о моей радости которая тѣмъ непритворнѣе, чѣмъ искреннѣе то участіе, которое принималъ я всегда въ вашихъ обстоя-

---

[1]) Ср. выше, стр. 146.

тельствахъ.—Но какъ въ Сенатѣ здѣлано уже опредѣленіе о всѣхъ стряпческихъ мѣстахъ, то я нѣсколько было посумнился о дѣйствительномъ исполненіи Монаршей воли, потому найпаче, что Сенатъ объявляемый объ васъ отъ Генер. прокурора указъ, долженъ принять съ замѣчаніемъ и возраженіемъ основаннымъ на положеніи августа 1-го въ которомъ предписано въ опредѣленіи къ мѣстамъ сообразоваться съ чиномъ ищущихъ оныхъ. Однакоже Александръ Андреевичъ приказалъ заготовить докладную Государю записку, испрашивая въ оной, чтобъ Его И. В. благоволилъ дать сенату подписной объ васъ указъ. И тогда можно будетъ поздравить васъ, что вы первый опредѣлены къ мѣсту съ отступленіемъ отъ положеннаго правила.—Сколько бы былъ я радъ, естлибы и Федоръ Осиповичъ получилъ исполненіе своего желанія. Благосостояніе моихъ искреннихъ пріятелей имѣло бы вліяніе и на мое собственное щастіе. Прощайте.

(Адресъ на оборотѣ) Саввѣ Андреевичу
Москотильникову.

№ 3.

22 Ноября.

Что я предвидѣлъ, то и сбылось, мой любезный другъ Савва Андреевичъ! Когда приготовленъ былъ докладъ отъ Генерала-прокурора, какимъ образомъ сообразить назначеніе васъ въ Губ. стряпчіе съ положеніемъ Августа 1-го, то я успѣлъ чрезъ моихъ благодѣтелей добиться того, что въ докладѣ пріобщено было мнѣніе о дачѣ вамъ чина сему мѣсту соотвѣтственнаго. И къ полному моему удовольствію вышла высочайшая резолюція о произведеніи васъ въ коллежскіе ассессоры; о чемъ и объявленъ вчера указъ Сенату, съ тѣмъ, чтобъ опредѣленному отъ Сената въ Казань стряпчимъ уголовныхъ дѣлъ, дать другое мѣсто при первой ваканціи. Но его оказался Берштель. Не хотѣли обидѣть старика и отца семей-

ства; и потому дано отъ Александра Андреевича предложеніе Сенату о оставленіи его стряпчимъ казенныхъ дѣлъ, а Миллера оставить впредь до опредѣленія.—Искренне поздравляя васъ съ симъ новымъ знакомъ Монаршаго къ вамъ благоволенія, которое вѣроятно будетъ основаніемъ вашего благосостоянія на грядущее время, долгомъ щитаю предварить васъ, что къ скорѣйшему и успѣшнейшему произведенію сего дѣла, далъ я на вашъ щотъ нѣкоторыя обѣщанія которыя надѣюсь не отречетесь вы исполнить, потому наипаче что по настоящему посту будете вы имѣть нѣкоторую связь съ канцеляріею нашею, и что современемъ можно вамъ надѣяться не выѣжжая изъ Казани поступить въ Губ. Прокуроры.—Прощайте! любите меня какъ и прежде

NB. Ея высокоблагородію, Г-жѣ Коллежской Ассессоршѣ, высокопочтенной супругѣ Казанскаго стряпчаго уголовныхъ дѣлъ и пр. и пр. милостивой Государынѣ Аграфенѣ Федоровнѣ покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое нижайшее почитаніе; и извинить меня, что я можетъ быть не весь прописалъ титулъ.

Оба письма съ широкою черной каймою вложены въ бумагу, на которой дрожащимъ почеркомъ (старческимъ) Саввы Андреевича написано: „Эти два письма пріятеля моего К... ...евскаго заключаютъ въ себѣ и правду и ложь. Онъ хотѣлъ выставить себя дѣйствующимъ лицомъ, и воспользоваться благодарностію будто бы для другихъ.

Но я уже зналъ, что ходатаемъ за меня былъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, и рѣшительная воля Государя Императора наградить меня и чиномъ и мѣстомъ, тогда какъ Генералъ-Прокуроръ выставлялъ къ тому препятствія“ [1]).

---

[1]) См. письмо № 8, стр. 218 ниже.

Слѣдующій документъ бросаетъ печальное освѣщеніе на порядки, господствовавшіе тогда въ губернскихъ учрежденіяхъ. Мы увидимъ, что̀ за господа хозяйничали въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ даже въ такомъ центрѣ, какъ Казань, и какими средствами пользовались, чтобы выжить неподходящаго имъ—по своей неподкупной честности С. А. Москотильникова, которому, несмотря на Монаршее благоволеніе, опять угрожала опасность попасть подъ судъ. Здѣсь же содержатся любопытныя автобіографическія данныя объ обстоятельствахъ, при какихъ С. А. перебрался въ Казань.

№ 4.

Высокоблагородному Господину надворному совѣтнику и казанскому губернскому прокурору Александръ Николаевичу Овцыну

Казанскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго коллежскаго ассессора Москотильникова

прошеніе.

Извѣстно мнѣ, что по рапорту вашему къ его Высокопревосходительству Господину генералу-прокурору, посланному при первомъ отправленіи въ правительствующій сенатъ производившагося во исполненіе Всевысочайшаго имяннаго Его Императорского Величества указа въ казанской гражданской палатѣ дѣла объ открывшихся въ Казанѣ противозаконныхъ истязаніяхъ, правительствующій сенатъ, обратя оное въ палату для нѣкоторыхъ дополненій, предписалъ учинить выправку, когда, и за что я, удаленъ бывъ губернскимъ правленіемъ отъ исправленія секретарской въ здѣшнемъ городовомъ магистратѣ должности, преданъ сужденію въ палату уголовнаго суда, и рѣшено ли чѣмъ имянно сіе дѣло, или остается въ нерѣшеніи. Въ послѣдствіе чего гражданская па-

лата и требовала о семъ свѣденія отъ губернскаго правленія и палаты уголовнаго суда.

Надѣюсь я, что о невинности моей по тому предмету, которой отъ бывшаго здѣсь въ Казанѣ господина гражданскаго губернатора *Муханова* употребленъ былъ предлогомъ къ преданію меня подъ судъ, засвидѣтельствовала уже палата уголовнаго суда, отдавшая мнѣ всю справедливость въ учиненномъ ею по дѣлу сему рѣшенію; но какъ опредѣленіе губернскаго правленія, 2-го числа іюля прошлаго 1801 года о отрѣшеніи меня отъ магистрата послѣдовавшее, основано на такихъ причинахъ, кои, удалены бывъ отъ прямой истины, удовлетворяли только личному на меня помянутаго господина гражданскаго губернатора неудовольствію, и неправильность заключенія губернскаго правленія открыта быть можетъ тѣми жъ самыми обстоятельствами, изъ коихъ собраны были выправки въ крайне отвлеченномъ видѣ: слѣдовательно, къ поспѣшнѣйшему отвращенію незаслуженнаго мною нареканія, и къ предупрежденію могущихъ иногда по сему предмету произойти излишнихъ переписокъ я поспѣшаю вамъ, какъ начальнику, съ коимъ имѣю честь по должности моей раздѣлять труды, представить мое оправданіе въ нижеслѣдующемъ:

1-е) Служеніе мое при господинѣ управлявшемъ должность нижегородскаго и пензенскаго генералъ-губернатора сопровождаемо было неоднократными о награжденіи меня чиномъ правительствующему сенату представленіями, свидѣтельствовавшими о безпорочности, прилежаніи и способностяхъ моихъ. Въ семъ же самомъ видѣ отправлялъ я и секретарскую должность въ нижегородскомъ городовомъ магистратѣ, изъ коего въ 1793-мъ году уволенъ былъ на нѣкоторое время въ Казань для свиданія съ престарѣлымъ родителемъ моимъ, находившимся въ болѣзни. Перемѣна воздуха и осеннее время подвергли меня здѣсь немаловременной болѣзни, въ продолженіи чего увѣдомился я, что нижегородской городовой магистратъ принялъ уже на мѣсто мое другого. По выздоровле-

ніи, желая службу мою продолжать въ казанской губерніи на тотъ конецъ, дабы имѣть легчайшіе способы къ попеченію о родителѣ моемъ съ его семействомъ, подалъ я просьбу о опредѣленіи меня къ должности въ казанской казенной палатѣ, гдѣ бывшей тогда господинъ казанскій вицегубернаторъ *Лаптевъ* удостовѣрилъ меня о заступленіи секретарскаго мѣста. Но какъ на посланное изъ оной въ нижегородское губернское правленіе сообщеніе о томъ, нѣтъ ли къ перемѣщенію моему каковыхъ-либо препятствій чрезъ долгое время не было получаемо увѣдомленія: слѣдовательно, побуждаемый нуждою содержанія семейственнаго, и рѣшился я по убѣдительному приглашенію присутствующихъ казанскаго городового магистрата принять на себя правленіе въ ономъ секретарской должности съ утвержденіемъ губернскаго правленія. Но присутствующіе нижегородскаго городового магистрата, едва согласившіеся даже и къ временному меня увольненію, хотя скоро по истеченіи оному срока приняли на мѣсто мое въ секретари другого, однако жъ желали вытребовать меня въ Нижней и тѣмъ принудить заступить прежнее мѣсто. Слѣдствіемъ сего былъ поданной отъ нижегородскаго магистрата въ тамошнее губернское правленіе по случаю вышеизъясненнаго требованія здѣшней казенной палаты рапортъ, въ коемъ, сверхъ обязанія меня сдачею дѣлъ, покусились оболгать меня, будто бъ я имѣлъ на рукахъ своихъ нѣкоторое число денегъ изъ магистратской суммы, и къ вящщему усугубленію видовъ для привлеченія меня въ Нижней собирали свѣденія еще о всѣхъ партикулярныхъ на мнѣ долгахъ безъ всякой просьбы о томъ кредиторовъ моихъ, коихъ я потомъ безъ посредства нижегородскаго магистрата удовольствовалъ. Съ сего то самого рапорта нижегородское отъ здѣшняго губернскаго правленія требовало о высылкѣ меня въ Нижней; противу чего въ поданномъ объясненіи возразилъ я, что невозможно было остаться у меня ни малѣйшему количеству изъ магистратской суммы, сколько по порядку, въ законахъ предписанному для

храненія оной, столько и по каждомѣсячному чрезъ уѣзднаго стряпчаго суммѣ сей свидѣтельству, каковое даже въ самое время отпуска моего изъ Нижняго въ Казань въ первыхъ числахъ августа 1793 года происходило; открылъ клевету и тѣмъ самымъ, что въ числѣ показуемыхъ якобъ оставшимися у меня денегъ включены и такія, кои въ магистратъ во все время служенія моего не поступали; присовокупилъ къ сему и о несовмѣстной услужливости магистрата, учинившагося требователемъ частныхъ одолженій безъ воли заимодавцевъ, равно какъ и то, что, когда уже магистратъ по болѣзни, удержавшей мое на срокъ возвращеніе, самъ принялъ въ секретари къ себѣ другого, которой и вступилъ въ производство всѣхъ дѣлъ, у меня бывшихъ, то не было никакой обязанности моей, оставя мѣсто, къ коему я былъ принятъ, возвращаться для сдачи дѣлъ, находившихся въ распоряженіи преемника моего; и сіе объясненіе мое отъ казанскаго въ нижегородское губернское правленіе отправлено было въ августѣ мѣсяцѣ 1794-го года; неизвѣстно мнѣ, обратило ли оное на присутствующихъ нижегородскаго магистрата за поступокъ ихъ строгость закона. Но прекращеніе несправедливаго требованія и глубокое въ разсужденіи меня молчаніе сдѣлались совершеннымъ доказательствомъ невинности моей. Итакъ не было никакой причины казанскому губернскому правленію поставлять мнѣ въ порокъ такой случай, въ которомъ только имѣлъ я несчастіе быть оклеветаннымъ, а тѣмъ паче все сіе обстоятельство учиненною справкою представить въ инаковомъ совершенно видѣ; однако жъ оное, желая сдѣлать невинность мою сумнительною, въ резолюціи своей не только сказало, будто бъ я противу обнесенія въ удержаніи магистратскихъ денегъ оправдывался неучиненіемъ имъ свидѣтельства, но и заключило, будто бъ о службѣ моей по нижегородской губерніи нѣтъ никакого свѣденія; хотя, напротивъ того, видѣло даже изъ вышеизъясненнаго сообщенія губернскаго правленія,

что я службу мою въ Ярославлѣ и въ Нижнемъ продолжалъ съ похвалою; а господинъ губернаторъ по случаю третичнаго правительствующему сенату о награжденіи меня чиномъ въ прошломъ 1798-мъ году представленія имѣлъ при дѣлахъ своихъ формулярной о службѣ моей списокъ, учиненной съ данныхъ мнѣ аттестатовъ.

2-е) Казанской городовой магистратъ, издавна по многому числу дѣлъ содержа двухъ секретарей, лѣтъ съ пять тому назадъ принялъ въ сотоварищи мнѣ одного отрѣшеннаго изъ вятскихъ приказныхъ служителей. Онъ скоро по разнымъ своимъ видамъ началъ противу меня заводить разныя интриги, пользуясь неопытностью присутствующихъ. Чувствительныя во многихъ случаяхъ огорченія, присовокупясь къ истощенію силъ моихъ отъ немалыхъ по должности трудовъ, побудили меня просить отъ оной увольненія, которое въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1798-го года и получилъ. Сей вятчанинъ и другой таковой же, принятый на мое мѣсто, по неудовольствію ко мнѣ перваго изъ нихъ, до вторичнаго меня по послѣдовавшемъ отрѣшеніи ихъ въ магистратъ приглашенія, дѣлали все то, чѣмъ только могли нанести мнѣ вредъ, и по случаю требованія губернскимъ правленіемъ отвѣта о недѣятельности магистрата по двумъ вексельнымъ дѣламъ секретаря *Гаврикова* съ мѣщанами *Смирновымъ* и *Пушниковымъ* внушили присутствующимъ магистрата къ мнимому оправданію объясниться, будто бъ сихъ дѣлъ отъ прежнихъ присутствующихъ, да и отъ меня въ сдачу не получили. Губернское правленіе предписало магистрату взять о семъ отъ меня и отъ прежнихъ присутствующихъ отвѣтъ. Я доказалъ, что не только дѣла сіи поступили къ новымъ присутствующимъ, но и производство по онымъ при нихъ имѣло свое теченіе. Магистратъ, обнаруженный въ клеветѣ, сокрывъ подробности моего о семъ доказательства, рапортовалъ только правленію о теченіи оныхъ дѣлъ; а правленіе въ резолюціи своей апрѣля 4 числа 1800 года заключило „сообщить

въ 1-й департаментъ палаты суда и расправы, чтобъ благоволила о утайкѣ оныхъ дѣлъ, о ложныхъ магистрата донесеніяхъ и самыхъ неисполненіяхъ, изслѣдуя, съ виновными поступить по законамъ". И такъ взысканіе съ оклеветателей и подтвержденіе въ полной мѣрѣ невинности моей зависѣло отъ рѣшенія палаты; но по Всемилостивѣйшему манифесту, прошлаго 1801 года апрѣля 2 дня состоявшемуся, съ уничтоженіемъ дѣла все сіе осталось въ безгласности. Однако жъ губернское правленіе, собирая всѣ виды къ учиненію послѣдняго обо мнѣ заключенія, не усумнилось сказать, вопреки явной истины, будто бъ упущеніе по изъясненнымъ двумъ дѣламъ болѣе относилось ко мнѣ.

3-е) Оное правленіе сему жъ основаніемъ поставило учиненное имъ магистрату за неполное представленіе о наложеніи на домъ мѣщанина *Коровина* ареста подтвержденіе; но ошибка, не навлекшая вреда, и самымъ выговоромъ довольно уже наказанная, едва ли бы уже за Всемилостивѣйшимъ Государя Императора манифестомъ долженствовала употреблена быть средствомъ къ отягощенію судьбы моей.

4-е) Изъясненные мною во 2-мъ отдѣленіи сего прошенія происки двухъ вятскихъ моихъ въ магистратѣ преемниковъ распростерлись до того, что сей магистратъ въ доношеніи палатѣ суда и расправы оклеветалъ меня утратою по одному дѣлу рѣшительнаго опредѣленія. Но какъ дѣло сіе прежде утвержденія подписомъ рѣшенія достигло окончанія своего поданными отъ обѣихъ сторонъ мировыми просьбами, которыя внесены были тогда жъ въ докладной реэстръ, и отмѣчена была судейскою рукою резолюція о почисленіи дѣла рѣшеннымъ, а потомъ и въ генеральномъ журналѣ таковая жъ учинена была; то для учиненія клеветы своей вѣроятною уничтожили сію резолюцію, какъ въ докладномъ реэстрѣ, такъ и въ генеральномъ журналѣ перепискою вновь цѣлыхъ тетрадей, и утверждали, будто бъ мировыя просьбы оставлены были мною безъ доклада, весь же свой доносъ ос-

новали на отысканной и представленной отъ нихъ заготовленной мною бумагѣ, въ каковомъ видѣ надлежало быть рѣшенію сего дѣла. Палата, найдя правильнымъ принятіе по оному мировыхъ прошеній, оправдала меня за собственнымъ ихъ въ клевстѣ признаніемъ; но въ разсужденіи заготовленія мною предварительныхъ бумагъ къ учиненію рѣшеній сдѣлала мнѣ подтвержденіе о исправленіи должности моей согласно съ закономъ. Не спорю, что я заготовлялъ сіи имѣющія въ себѣ содержаніе рѣшенія бумаги прежде отмѣтки судейской резолюціи, къ чему я по необходимости принужденъ былъ неопытностію присутствующихъ магистрата, не имѣющихъ способности въ полной мѣрѣ исполнить правило, въ указѣ 1767 года декабря 11 числа изображенное. Но бумаги сіи прежде исполненія законнаго обряда не могли назваться рѣшеніями, и казалось бы, что сіе обстоятельство, уже преданное тѣмъ же Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ забвенію, не долженствовало служить къ учиненію предосудительнаго обо мнѣ заключенія.

5-е) Губернское правленіе, требовавъ отвѣтъ отъ городового магистрата въ медленности по дѣлу о вексельной коммерціи совѣтника *Плаксина* на мѣщанинѣ *Киреевѣ* претензіи и въ непоказаніи онаго по вѣдомостямъ въ числѣ нерѣшенныхъ, хотя видѣло изъ рапорта магистрата, что оное рѣшено было собственнымъ должника признаніемъ и за силою 1740-го года указа не подлежало къ сочиненію особаго протокола, а требовало одного только исполненія и потому между не получившими рѣшенія дѣлами не числилось, но заключило резолюціею 6-го апрѣля прошлаго 1801 года одного меня отдать за сіе подъ судъ, отвращенной полученнымъ въ скорости потомъ Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ. Нельзя отрицать въ семъ случаѣ личнаго ко мнѣ неблаговоленія: ибо естьли бъ и подлинно отзывъ магистрата былъ неправиленъ, то одного меня подвергать исключительному наказанію не было ни малѣйшей причины.

6-е) Сіе неблаговоленіе въ яснѣйшихъ чертахъ открывается изъ дѣла о взысканіи съ цеховаго *Кузнецова* слѣдующихъ Приказу общественнаго призрѣнія денегъ ста одиннадцати рублей съ копейками, которое было въ производствѣ по магистрату у другого секретаря. Правленіе видѣло, что я, получивъ предписаніе губернскаго прокурора, взялъ сіе дѣло изъ экспедиціи сотоварища моего, открылъ по немъ принятіе и присвоеніе внесенныхъ отъ Кузнецова денегъ бывшимъ повытчикомъ *Керштеннымъ*. По моему единственно докладу взяты надлежащія мѣры къ возвращенію оныхъ, и я не упустилъ ничего того, что̀ требовалось моею должностію; но со всѣмъ тѣмъ оное правленіе по сему самому дѣлу заключило сдѣлать выписку о мнимыхъ неисправностяхъ моихъ. А съ чего уже въ послѣдней его резолюціи сказано, будто бъ по сему дѣлу означается слабое мое смотрѣніе за порядкомъ производства дѣлъ, того я и доразумѣть не могу, тѣмъ болѣе, что по распоряженію магистрата я надъ экспедиціею другого секретаря никогда никакого властнаго надзора не имѣлъ.

7-е) Губернское правленіе обвиняло меня даже и въ томъ, что экзекуторъ онаго, бывая иногда для надзиранія въ магистратѣ, не заставалъ меня тамо въ девятомъ часу, но удалило отъ вниманія своего, что̀ я, сверхъ магистратскихъ по экспедиціи моей дѣлъ, обязанъ былъ находиться для исправленія таковой же должности въ городовомъ сиротскомъ судѣ и городской шестигласной думѣ, а иногда заниматься даже и особенными отъ градскаго общества порученіями, что̀ все требовало удѣленія каждодневно нѣкотораго времени отъ бытности въ магистратѣ. А что дѣйствительно я былъ озабоченъ всѣми сими исполненіями, то извѣстно изъ отношеній магистрата губернскому правленію и изъ учиненнаго бывшимъ казанскимъ гражданскимъ губернаторомъ господиномъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ *Казинскимъ* о награжденіи меня чиномъ правительствующему сенату представленія. Итакъ не было никакой основательной причины винить ме-

ня въ удѣленіи нѣсколькихъ часовъ для прочихъ должностей, мнѣ порученныхъ.

8-е) По дѣлу купецкой жены *Селивановой* со свекромъ ея, купцомъ *Уткинымъ*, бывшему въ разсмотрѣніи избранныхъ медіаторовъ, невинность моя уже засвидѣтельствована рѣшеніемъ палаты уголовнаго суда. Засвидѣтельствовано такъ же и то, что я вмѣсто приписываемаго мнѣ господиномъ гражданскимъ губернаторомъ *Мухановымъ* отклоненія дѣла сего отъ окончанія, былъ примирителемъ сей распри и достигъ таковаго жъ конца въ прочихъ дѣлахъ; почему мнѣ и остается присовокупить только, что сіе то самое Селивановой съ Уткинымъ дѣло подвигло на неблагорасположеніе ко мнѣ помянутаго господина губернатора Муханова, входившаго примѣтнымъ образомъ въ защищеніе просительницы, какъ то видѣть можно изъ сущности самого дѣла, и почитавшаго меня препоною къ совершенію ея намѣреній. Сей то самой случай былъ основаніемъ отчужденія меня отъ должности, о чемъ постановленная 2-го числа іюля прошлаго 1801 года въ присутствіи губернскаго правленія резолюція наполнена между прочимъ таковыми упреками, какими благомысліе и чувствительность едва ли и самого виновнаго отяготить рѣшится.

Угнетенный, не имѣющій надежды преклонить сердце огорченнаго начальника, я двумя просьбами испрашивалъ отъ городового магистрата дать мнѣ засвидѣтельствованныя копіи какъ съ указа о семъ губернскаго правленія, такъ и съ другихъ документовъ, а особливо съ нѣкоторыхъ помянутаго господина губернатора Муханова предложеній, къ открытію изъ всего того невинности моей и напрасно претерпѣваемаго нареканія, но не могъ дождаться на сіи просьбы никакого удовлетворенія. Ободрялъ себя внутреннимъ увѣреніемъ въ незаслуженіи упрека. Но твердость моя подверглась жестокому опыту, и я содѣлался отягощенъ немаловременною болѣзнію. При выздоровленіи жъ употребленъ бывъ господи-

номъ флигель-адъютантомъ и кавалеромъ барономъ *Альбедилемъ* въ порученномъ ему отъ Государя Императора дѣлѣ, я удостоился Всевысочайшаго благоволенія.

Двоекратно рекомендованъ былъ я отъ нижегородскаго губернскаго начальства за способность мою, поведеніе и успѣхи въ службѣ къ награжденію чиномъ; двоекратно аттестованъ отъ здѣшняго магистрата отличнымъ образомъ; но къ достовѣрности о томъ прилежаніи и исправности, съ какою я преходилъ должность мою въ ономъ магистратѣ, ничто столько послужить не можетъ, какъ присылаемыя о теченіи дѣлъ вѣдомости, изъ сравненія коихъ можно усмотрѣть все то замѣшательство и неуспѣшность, какимъ подвергся магистратъ со времени выбытія моего при множественномъ числѣ дѣлъ, въ него вступающихъ, и къ отвращенію коихъ Вы нынѣ по начальству своему пеклись принять надлежащія мѣры. Вамъ извѣстно правленіе мною нынѣшней моей должности, извѣстенъ мой характеръ, мой образъ мыслей и мое поведеніе. Отъ Васъ, яко имѣющаго въ виду всѣ упражненія, сопряженныя съ моимъ званіемъ, зависитъ засвидѣтельствованіе, есть ли что-либо въ поступкахъ и дѣлахъ моихъ, сходное съ заключеніемъ губернскаго правленія.

По всѣмъ симъ причинамъ покорнѣйше прошу собственнымъ обозрѣніемъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ, кои значатся въ справкѣ губернскаго правленія, удостовѣриться въ невинности моей и представить начальству, куда слѣдуетъ, дабы по случаю внесенія въ дѣло о истязаніяхъ, истребованнаго палатою, обо мнѣ свѣденія не закрыты были предъ лицемъ верховного правительства подлинныя обстоятельства, служащія къ моему оправданію.

Сентября
1802 года (*даты числа нѣтъ*).

Несмотря на столь тяжелыя служебныя обстоятельства, Савва Андреевичъ не покидалъ своихъ литературныхъ заня-

тій и приготовлялъ къ изданію сборникъ, куда должны были, кромѣ его собственныхъ, войти еще произведенія его друзей: *Г. П. Каменева, Н. С. Арцибашева* и *И. И. Чернявскаго.* Сборникъ не увидѣлъ свѣта, но сохранилось предисловіе и посвященіе къ нему — брульонъ. Судя по почерку и бумагѣ, набросокъ относится къ началу прошлаго XIX в.

№ 5.

Духъ, любимецъ небесъ, распространяющій окрестъ себя благость и просвѣщеніе, достоинъ алтарей, созидаемыхъ не изъ хладнаго мрамора, но изъ пламенныхъ чувствованій, сердечной благодарности. Почтенный патріотъ! мы въ тебѣ признаёмъ сего благотворнаго духа, и почитая тебя, чтимъ самую добродѣтель. Пусть ласкательство, преклоняясь предъ тщеславнымъ истуканомъ, ищетъ за сіе мзды въ мечтательныхъ надеждахъ. Далече убѣгая столь презрительнаго побужденія, мы приносимъ тебѣ дань истиннаго усердія.

Въ слабыхъ начаткахъ ты, конечно, не будешь искать совершенства, тебя достойнаго, но не откажешь благосклоннымъ принятіемъ ободрить упражняющихся къ успѣхамъ, съ ихъ силами соразмѣрнымъ, не откажешь, чтобъ имя твое содѣлалось первымъ украшеніемъ труда, тебѣ посвящаемаго

отъ Сочинителей.

Читатель! ты видишь плоды упражненій четырехъ членовъ маленькаго круга.

Подъ мирнымъ кровомъ простоты, далеко устраняющейся отъ шума, сопровождающаго блестящую пышность, въ тѣ сладкія минуты, когда нѣжное дружество, раздѣляя ощущенія сердецъ, между собою близкихъ, приводило въ забвеніе превратности жизни, когда въ тихой бесѣдѣ душа, разстроганная изображеніемъ или великихъ дѣлъ, возвышающихъ человѣчество, или зла, бросающаго черную тѣнь на картину прав-

ственнаго бытія, предавалась попеременно и пріятнымъ восторгамъ, и горестнымъ впечатлѣніямъ, полнота сихъ чувствованій образовала собранные здѣсь опыты упражненій четверыхъ жителей Казани. Читатель! различіе состояній не различило нашихъ склонностей, и естьли при недостаткахъ, свойственныхъ начинающимъ, ты найдешь что-нибудь могущее занять тебя, естьли нахмуренное чело критики не лишитъ надежды въ одобреніи, вторая книжка будетъ слѣдовать за первою.

№ 6.

С. А. Москотильниковъ стремился завязать сношенія и съ иногородними литераторами: такъ онъ интересовался дѣятельностію Петербурскаго Вольнаго Общества любителей словесности наукъ, и художествъ. Въ статьѣ „Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной дѣятельности А. Х. Востокова" (Журналъ Министерства народного просвѣщенія, за 1890 г., ч. 268, мартъ, стр. 93—94, № XIV) мы находимъ слѣдующее.

17-го іюня 1805 г. членъ *Н. С. Арцибышевъ* представилъ переводъ въ прозѣ первой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима" отъ имени губернскаго стряпчаго въ Казани, *С. А. Москотильникова*, который желалъ быть избраннымъ въ корреспонденты Общества. Разсмотрѣть этотъ переводъ было поручено *А. Х. Востокову*, который представилъ о немъ слѣдующій отзывъ, читанный въ засѣданіи Общества 1-го іюля 1805 года:

„По препорученію Общества разсматривалъ я „Первую пѣснь „Освобожденнаго Іерусалима", переводъ съ французскаго", присланный изъ Казани г. Москотельниковымъ, объявившимъ чрезъ г. Арцыбашева желаніе участвовать въ трудахъ Общества.

Кромѣ сего опыта трудовъ его, извѣстенъ намъ г. Москотельниковъ одною одою, помѣщенною между сочиненіями г-дъ Каменева, Арцыбашева и Чернявскаго, въ тѣхъ тетра-

дяхъ, кои доставлены были Обществу отъ г-на Языкова; и я по однимъ тѣмъ стихамъ далъ бы голосъ на принятіе г. Москотельникова въ корреспонденты нашего Общества.

Но въ разсужденіе представляемаго имъ нынѣ опыта, вопервыхъ пожалѣемъ, что переведенъ не съ самаго оригинала, а съ какого то французскаго перевода. Освобожденный Іерусалимъ и прежде съ французскаго жъ переведенъ извѣстнымъ Мих. Поповымъ [1]), почему и надлежало бы сличить переводъ г. Москотельникова съ переводомъ Попова и притомъ знать, который именно изъ разныхъ французскихъ переводовъ служилъ образцомъ тому и другому. Изъ сего бы можно было вѣрнѣе оцѣнить доброту каждаго. Но рецензентъ не имѣлъ у себя ни одного изъ французскихъ переводовъ, ни также русскаго, сдѣланнаго Поповымъ. Онъ читалъ когда то сей послѣдній и помнитъ, что начиненъ славянщизною. О переводѣ г. Москотельникова нельзя этова сказать, а развѣ только найдутся въ немъ галлицизмы и другія неисправности, напримѣръ:

Страница 1. „Пою священную войну и полководца, освободившаго гробъ Спасителя". По русски бы лучше сказать: полководца, освободившаго Спасителевъ гробъ.

Страница 2. „Такъ, се будешь ты, начальствующій ихъ легіонами" съ французскаго Oui, ce sera toi. По русски: ты будешь, и проч.

Страница 8. „Небесныя могущества", то-есть, ангели. По русски: силы небесныя.

Страница 9. „Да будетъ онъ, провозгласили они, душа нашихъ предпріятій и да начальствуетъ нами". По русски: да будетъ онъ душею предпріятій нашихъ и да начальствуетъ надъ нами.

Страница 10. „Слава разноситъ повсюду вѣсть сего знаменитаго избранія"— вѣсть о семъ знаменитомъ избраніи.

[1]) Освобожденный Іерусалимъ, въ 20-ти пѣсняхъ. Соч. Тасса. Пер. съ фр. Михайла Поповъ. 1771. Изд. 2-е М. 1787.

Страница 11. „И тотъ и другой изшедъ, изъ сѣни олтарей, прикрыли бранными шлемами длинные власы ихъ“—свои власы.

Страница 13. „Утолить жажду, его пожирающую la soif qui le devore“ употребительнѣе переводится: жажду снѣдающую или томящую.

Страница 18. „Между тѣмъ бдительный полководецъ не изъятъ опасности; но она сокрыта во глубинѣ его сердца“—не изъятъ опасенія, надлежало бы сказать.

Страница 19. “Возрастшій посреди сраженій“-возросшій посреди сраженій. Можетъ быть это ошибка переписщика.

Страница 20. „Въ радости созерцаютъ они ихъ избавителей и братьевъ“—своихъ избавителей и проч.

Также въ собственныхъ именахъ многое недосмотрено; въ одномъ мѣстѣ переведено Ренальдъ, въ другомъ Ренодъ; вмѣсто Генуи написано Женева; вмѣсто Кипра Критъ.

Въ заключеніе скажу: поэму, какова Освобожденный Іерусалимъ, если переводитъ прозою, то ужъ не иною, какъ прозою Фенелона или Хераскова. Іюля 1-го дня 1805 г.

Ц. А. В.

(т. е. Цензоръ Александръ Востоковъ).

Съ этимъ отзывомъ согласились и другіе цензоры, и Савва Андреевичъ въ засѣданіи 15 іюля 1805 г. избранъ былъ въ корреспонденты Общества.

Переписка съ барономъ П. Р. Альбедилемъ.

Родъ Альбедилей (собственно *Альфендилей*) ведетъ свое начало изъ Италіи. Выходцы этой фамиліи поселились въ XIV в. въ Лифляндіи, а въ XVIII ст. вѣтвь этого рода перебралась въ Швецію, гдѣ въ 1720 г. Альбедили были возведены въ баронское достоинство. Баронъ Петръ Романовичъ (1764—1830) былъ сынъ русскаго гофмейстера. Любимецъ императора Александра I, цѣнившаго его открытый нравъ,

П. Р. служилъ въ разныхъ придворныхъ званіяхъ: гофмаршаломъ, вице-президентомъ придворной конторы, управляющимъ гофъ-интендантской конторою. Объ его командировкѣ въ Казань см. выше, стр. 200. Письма П. Р. Альбедиля писаны безграмотно.

№ 7.

(*Автографъ*).

Москва октября 1-го дня 1801 года.

Милостивой Государь мой! Сава Андреевичъ. На представленіе мое Государь соизволилъ васъ пожаловать въ титулярные совѣтники [1]); равнымъ же образомъ Господина подпорутчика Унгебаура принять въ службу и опредѣленъ въ штатъ провьянской,—жене нещастнаго, также цеха портного Мухина, назначенно ежегодно каждому 150 р.—Прошу всемъ тымъ известить, а васъ за скромностъ, и труды особенно благодарю и поту (?) по первой почтѣ ваши данныя бумаги присланны быть имѣютъ. Вашъ покорнѣйшій слуга баронъ Альбедилъ.

Его благородію

Саввѣ Андрѣевичу

Москотилникову

въ Казанѣ.

№ 8.

Государь мой Сава Андреевичъ! По моему возвращенію изъ Штокголма ваше писмо которое съ штафѣтомъ пущенно после получилъ, когда уже Дмитрей Прокофьевичъ Трощинскій мнѣ сказалъ что ваше прошеніе *Государю* донесенно и на оное Сенату потвержденіе вышло, естли васъ поделу виновнымъ нашли, *почему отвѣту, и никакого оправданіи отъ васъ не отобрали.*—Когда я васъ употребылъ къ отысканіе

[1]) С. А. былъ тогда губернскій секретарь и былъ произведенъ черезъ чинъ. См. *С. М. Шпилевскаго*, Заботы Имп. Александра I о Казани, стр. 6.

истенны, то уже противорѣчить Губернаторское на васъ представленіе; будтѣ вы спокойны, владеи ваши и все тѣ которые стараются васъ аклевѣтать явственные доказатѣльствы ваши ихъ совершенно накажутъ, ибо настоящѣе дело переиначить неть средство выдумать! — Потому и не тревожтесъ, а делайтѣ противу техъ—свое замѣчаніе, а явственными доказатѣльствами прописавъ подробно пишитѣ къ Дмитрію Прокофьевичу равнымъ образомъ, и меня уведомтѣ, долженъ притомъ вамъ сказать я часто бываю впосилькѣ, втакомъ случае по экстроности вамъ нужно Д: П: давать знать, и онъ вамъ благотворитѣль чрезъ коего вы второе награжденіе получили;— между протчимъ я известился, господинъ Столбовской всему признаеться и предъ Государемъ преступленіе и какіе онъ *на тотъ случай* — начальнинское повѣленіе имѣлъ, желаеть открыть.—Естли ето правда, дайтѣ бедному случай себя оправдать, и тойже дорогою свое прошеніе отправить, да за известіемъ мнѣ тоже дать знать;

всемъ вашимъ домашнимъ мое почтеніе, надейтесъ сколько сихъ моихъ посредствомъ своимъ васъ неоставлю незабывайтѣ вашего Слугу П: Альбедилъ.

С: П:

апреля 27-го дня

1802.

№ 9 (*Черновое*).

Милостивый Государь,

Баронъ Петръ Романовичъ,

Девятнадцатый уже истекаетъ годъ, какъ Ваше Превосходительство отыскали меня въ казанскомъ моемъ уединеніи и употребили при возложенномъ тогда на Васъ отъ Августѣйшаго Монарха порученіи открыть убійцевъ несчастной жертвы въ Казанѣ. Я самъ тогда стеналъ подъ желѣзнымъ игомъ угнѣтавшаго меня неправосудія; но Вы простерли ко мнѣ благодѣтельную Вашу руку—и милости Государя Импе-

ратора измѣнили судьбу мою. Я помнилъ обѣщаніе, изліявшееся отъ чувствительнаго сердца Вашего, что Вы будете всегда моимъ благодѣтелемъ; но до сихъ поръ не хотѣлъ быть въ тягость великодушнѣйшему изъ человѣковъ.

Нынѣ гонитъ меня мщеніе, и эпоха казанскихъ пытокъ слилась черезъ незамѣтные переходы съ эпохою казанскихъ доносителей. Многіе случаи соединялись между собою въ теченіи времени, и причины, повидимому, малозначущія, раждали важныя слѣдствія. Вотъ что заставило меня описать случаи публичной жизни моей въ ихъ связи, начиная съ маловажныхъ приключеній неопытной молодости, и повторяя тѣ, которые извѣстны уже Вашему Превосходительству. Безъ предъидущихъ нельзя объяснить послѣдующихъ.

Благодѣтель мой! не поскучайте прочесть меморіалъ, при семъ прилагаемый, изъ котораго увидите адскіе замыслы на мое погубленіе. Въ крайности моей прибѣгаю къ Вашему защищенію и предаю въ Ваши руки судьбу мою. Я всего долженъ страшиться отъ ненависти, клеветы и предубѣжденія, которое тѣмъ удобнѣе въ незнающихъ меня поселить было можно, что я, по склонности моей къ уединенію и занятіямъ кабинета, всегда удалялся тщеславныхъ обществъ. И хотя увѣренъ въ правотѣ моей, хотя увѣренъ въ томъ, что не могу быть обвиненъ Вышнимъ Правосудіемъ: но могу потерпѣть отъ скороспѣшнаго довѣрія неосновательнымъ представленіямъ по уваженію лицъ; могу умереть отъ продолжительнаго стѣсненія подъ ничтожными или сомнительными предлогами. Уже и теперь слабая грудь моя начинаетъ чувствовать признаки убійственной болѣзни; а бѣдность стоитъ за мною съ ужаснымъ бичемъ ея. О! ежели бы не имѣлъ я подруги, которой страданія терзаютъ сердце мое!—оно бы могло еще наслаждаться спокойствіемъ.

Ваше Превосходительство! не откажите и не замедлите Вашею мнѣ помощію. Сдѣлайте, какое Вамъ угодно и, въ какомъ болѣе для меня безопасности, употребленіе изъ мемо-

ріала моего, и самъ Богъ, Верховный Покровитель невинности, да управитъ путь его изъ рукъ Вашихъ!—Писавъ самую истину, я могу опасаться только того, чтобы не узнали преждевременно тѣ, до кого сіе касается. Злоба дерзка и на многое изобрѣтательна. Вотъ что побудило меня вложить письмо и меморіалъ въ большой пакетъ съ книгою моего перевода и запечатать въ качествѣ посылки чрезъ тяжелую почту на имя графа Дмитрія Ивановича Хвостова, которой по своей благосклонности ведетъ иногда со мною переписку и пересылается книгами; если жъ бы я отправилъ съ наружною надписью на имя Вашего Превосходительства, то могъ бы навлечь сомнѣніе по незабытому здѣсь случаю.

Осчастливьте меня принятіемъ въ Вашъ кабинетъ перевода моего въ воспоминаніе переводчика. Онъ также не можетъ похвалиться счастіемъ, какъ и творецъ оригинала [1]). Заглазность изданія была причиною ошибокъ, о которыхъ, кромѣ печатнаго при концѣ каждой части указателя, я вложилъ особливыя записочки, гдѣ было нужно. Переводъ и еще поправленъ, и второе изданіе, которое готовится въ московской университетской типографіи, будетъ совершеннѣе перваго.

О беззаконномъ постановленіи казанской уголовной палаты, которое изволите увидѣть изъ меморіала, донесъ уже губернскій прокуроръ князь Дмитрію Ивановичу Лобанову-Ростовскому; сдѣлайте милость, убѣдите его къ защитѣ моей, которой я не надѣюсь въ Казанѣ, не смотря на очевидность безпримѣрнаго неправосудія. Графъ Викторъ Павловичъ, зная меня, можетъ быть, также не откажетъ въ своемъ покровительствѣ, коль скоро узнаетъ истину, но я не могъ къ нему адресоваться открытымъ образомъ по обстоятельствамъ.

Не писалъ я ничего о содержаніи меморіала моего и къ почтенному знакомцу моему графу Дмитрію Ивановичу Хвостову; отъ благорасположенія Вашего зависитъ, должно

---

[1]) Т. е. *Тассо*.

ли о чемъ предварить его. Я увѣренъ въ доброй душѣ его.

Еще покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство! Не откажите успокоить хотя нѣсколькими строчками страждущаго въ угнѣтеніи и разрѣшить, не нужно ли мнѣ принять другихъ мѣръ, хотя знаю, что открытый путь можетъ представить множество затрудненій отъ руки сильныхъ. Будущую службу мою, безъ которой по недостаточному состоянію моему обойтись не могу, предоставляю во власть Вышняго Промысла, и если угодно будетъ Августѣйшему Монарху моему, не отрекусь, куда бы онъ меня ни благоволилъ назначить.

Съ моимъ совершеннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію честь имѣю пребыть навсегда

Вашего Превосходительства,
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшій слуга
Савва Москотильниковъ.

Марта
1820 года.
Казань.

№ 10.

(*Отпускъ*).

Милостивый Государь,
Баронъ Петръ Романовичъ!

Съ чувствомъ живѣйшей признательности получилъ я почтеннѣйшее письмо Вашего Превосходительства, тогда какъ уже совѣстился безпокоить васъ моими хлопотами; и исполняя благодѣтельную волю вашу, спѣшу на оное отвѣтствовать.

По пріѣздѣ въ Казань покойнаго г. сенатора *Соймонова* я подалъ ему прошеніе и оправдательную записку: въ первомъ открывалъ всю связь казанскихъ интригъ, кои, продолжаясь съ 1814-го по 1819 годъ, были причиною терпи-

мыхъ мною непріятностей [1]); а въ послѣдней дѣлалъ подробное возраженіе на представленіе г.г. сенаторовъ о мнимыхъ безпорядкахъ Губернскаго Правленія. И какъ г. Соймоновъ готовился тогда ревизовать оное, то я просилъ его при семъ удобномъ случаѣ воззрѣть на самыя дѣла, меня оправдывавшія, на оставшіе признаки трудовъ моихъ, пока не коснулось еще ихъ время, все поядающее, и представить вышней власти о разрѣшеніи моей участи.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ того г. Соймоновъ удовольствовался только препровожденіемъ просьбы и записки моей въ Казанскую Уголовную Палату для общаго съ дѣломъ разсмотрѣнія; и тогда то отзывался онъ Вашему Превосходительству о готовности его *доставить мнѣ всю возможную и скорую защиту въ открытіи моей невинности.*

Между тѣмъ Казанское дворянство и чиновники [2]) избрали меня членомъ въ учрежденный тогда Комитетъ, долженствовавшій заняться устройствомъ городскихъ доходовъ и полиціи. Г.Г. сенаторъ Соймоновъ и гражданскій губернаторъ сомнѣвались, должно ли допустить сей выборъ, но наконецъ уступили надобности и обще [3])... По возвращеніи г-на Соймонова изъ Екатеринбурга читано было ему изготовленное Комитетомъ Положеніе, которымъ онъ остался крайнѣ доволенъ, и при отъѣздѣ въ С.-п.бургъ, прощаясь со мною, удостовѣрилъ меня, что онъ истинно расположенъ сдѣлать мнѣ добро [4]), коль скоро случай къ тому представится. Положеніе, подписанное уже по его отбытіи, отправлено къ нему чрезъ г. правящаго должность Гражданскаго Губернатора, и Комитетъ формально просилъ поставить на уваженіе вы*шша*го началь-

---

[1]) *Зачеркнуто:* плачевной судьбы многихъ.

[2]) *Зачеркнуто:* многочисленною подпискою.

[3]) Уголокъ оторванъ. *Зачеркнуто:* необходимости, требовавшей употребленія небольшихъ моихъ способностей, а особливо свѣдѣній, опытностію пріобрѣтенныхъ.

[4]) *Зачеркнуто:* ходатайствовать за меня.

ства какъ успѣшные труды мои, такъ и благонамѣренность, опытами доказанную.

Въ то жъ самое время возложено было на Комитетъ обревизовать Градскую Думу въ трехлѣтнихъ ея дѣйстіяхъ, что̀ также требовало съ моей стороны немалыхъ трудовъ; но г. Соймоновъ по полученіи о томъ донесенія, кажется, недоволенъ былъ, что обревизованіе кончилось однимъ только дѣйствительнымъ исправленіемъ недостатковъ Думы, а не громкою на бумагѣ отдачею членовъ ея подъ судъ. Сіе неудовольствіе можно было замѣтить изъ нѣкоторыхъ вопросовъ его о предметахъ, вѣроятно, имъ недосмотрѣнныхъ.

Скоро послѣ отбытія г. Соймонова я избранъ отъ дворянства депутатомъ въ Квартирную Коммисію, оставаясь при томъ и членомъ Комитета для уравненія городскихъ повинностей. Тщетна однако жъ была надежда моя на данное обѣщаніе; и наконецъ я узналъ, что учрежденный по представленію г. Соймонова временный Департаментъ предварительно опредѣленъ заняться прежде слѣдствіями о чиновникахъ земской полиціи, а по окончаніи всего того приступить къ разсмотрѣнію о бывшихъ членахъ Губернскаго Правленія. Неизвѣстно мнѣ, утвердилъ ли г. Соймоновъ сіе предположеніе, но, безъ сомнѣнія, имѣлъ оное въ виду своемъ изъ полученныхъ имъ донесеній. Чего жъ мнѣ оставалось ожидать, когда и по сихъ поръ ни одно дѣло по уѣздамъ еще не приблизилось къ концу своему?

Въ своей крайности я вынужденъ былъ принесть всеподданнѣйшую просьбу мою блаженной памяти Государю Императору, и сославшись на оправдывающее меня торжественнымъ образомъ довѣріе цѣлаго общества, умолялъ о порученіи кому-либо изъ начальствующихъ лицъ разсмотрѣть бумаги, мною г. Соймонову поданныя, умолялъ о разрѣшеніи моей участи и дозволеніи употребить послѣдніе дни жизни моей на служеніе отечеству. Августѣйшій Монархъ, милостиво

принявъ просьбу мою, тогда жъ приказалъ г. Статсъ-Секретарю увѣдомить меня, что оная по Высочайшему Его Величества повелѣнію препровождена въ Комитетъ гг. Министровъ на разсмотрѣніе.

Комитетъ г.г. Министровъ, слѣдуя обыкновенному теченію дѣлъ, не рѣшился на истребованіе къ себѣ бумагъ, поданныхъ мною къ г. Соймонову, но опредѣлилъ, возложить на попеченіе г. министра юстиціи, чтобъ дѣло мое приведено было къ окончанію въ самоскорѣйшемъ времени. Опредѣленіе сіе удостоено Высочайшаго утвержденія, и потому въ февралѣ мѣсяцѣ минувшаго 1825 года г. министръ юстиціи сдѣлалъ палатѣ о разрѣшеніи и рѣшеніи дѣла съ донесеніемъ ему о послѣдующемъ строжайшее предписаніе, и съ тѣмъ купно поручилъ губернскому прокурору имѣть особенное за исполненіемъ сего наблюденіе.

Временный Департаментъ, хотя бы долженъ былъ приступить къ соображенію съ донесеніями гг. сенаторовъ поданнаго уже мною г. Соймонову оправданія, на точномъ основаніи мнѣнія Государственнаго Совѣта о чиновникахъ Архангельской губерніи, 1824 года 3-го маія Высочайше конфирмованнаго, но, считая мое оправданіе партикулярною запискою, разсудилъ дать мнѣ вопросные пункты: по многосложности предметовъ составилъ ихъ, можетъ быть, по недостаточности соображенія, не въ полномъ видѣ, и я, принужденъ бывъ на данные вопросы повторять то же, что̀ объяснилъ въ оправданіи, — почелъ за нужное изъяснить о предметахъ, не включенныхъ въ вопросы. Сдѣлали послѣ того дополненіе, и въ сей перепискѣ протекло нѣсколько мѣсяцевъ. Сколько можно знать подсудимому, теперь, кажется, собираетъ Департаментъ выправки, но, занимаясь болѣе одними проформами, едва ли распространилъ на всѣ существенныя части свое требованіе, изъ чего также должно произойти замедлительнымъ дополненіямъ. Я долженъ былъ по

необходимости обратиться съ просьбою къ губернскому прокурору о приближеніи дѣла къ скорѣйшему окончанію.

Жестоко угнетаетъ меня и та мысль, что Департаментъ даже и по собраніи справокъ найдется въ затрудненіи судить о вещахъ, превышающихъ власть его. Предразсудокъ и постороннія вліянія вовлекли г.г. сенаторовъ въ дѣйствія, отяготившія судьбу невинныхъ, и какъ осмѣлится нижнее мѣсто выставить истину въ ея существенномъ видѣ? Для сего нужна рѣшительность, нуженъ умъ, нужно сердце, выше обыкновеннаго. Я бѣденъ—и при всемъ томъ мелочная зависть смотритъ на меня непрямыми глазами; а это не бездѣлица.

Вотъ, благодѣтель мой, въ какомъ я нахожусь положеніи! Мнѣ уже пятьдесятъ девятой годъ, и однако жъ съ приближеніемъ старости нѣтъ никакой перспективы къ спокойствію. Если нѣтъ другихъ кратчайшихъ мѣръ къ перемѣнѣ моей участи, то по крайности одно слово Ваше сильно будетъ убѣдить господина генералъ-губернатора въ пользу мою: можетъ быть, онъ рѣшится сдѣлать то, чего не сдѣлалъ покойный г. Соймоновъ, и вознаградитъ мое терпѣніе исходатайствованіемъ мнѣ должности, приличной лѣтамъ моимъ и семейственнымъ отношеніямъ.

№ 11.

Милостивый Государь мой Савва Андрѣевичъ!

Г. Полковникъ Трескинъ, бывъ у меня здѣсь лично, объяснялъ мнѣ непріятное положеніе ваше;—о чемъ я крайне сожалѣю и желалъ бы помочь вамъ; но услышавъ, что для разсмотрѣнія дѣлъ до васъ касающихся составлена особая коммисія—нахожусь въ затрудненіи до окончанія оной ходатайствовать здѣсь о мѣстѣ для васъ, потому болѣе, что какъ я полагаю, вы и надлежащаго себѣ свидѣтельства теперь по-

лучить не можете.—Слѣдовательно остается вамъ, ожидать окончанія Коммиссіи, и потомъ самимъ сюда въ С.-Петербургъ пріѣхать,—тогда уже я пріятнымъ удовольствіемъ себѣ поставлю ходатайствовать къ доставленію вамъ здѣсь мѣста по вѣдомству моего управленія, которое бы васъ могло успокоить.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего Высокоблагородія
Покорный Слуга
Б: П: Альбедиль.

(*собственноручная только подпись*)

С.-Петербургъ.
Декабря 28-го дня
1821 года.

Адресъ на оборотѣ.
Его Высокоблагородію
Милостивому Государю моему
Саввѣ Андрѣевичу
Москательникову
въ *Казанѣ.*

№ 12.

Милостивый Государь мой, Савва Андрѣевичъ!

Нѣкогда Г. Сенаторъ Соймоновъ отзывался ко мнѣ, что когда дѣла бывшей въ Казани слѣдственной Коммиссіи по предположенію его, представленному на утвержденіе высшаго Начальства, воспримутъ надлежащее теченіе, то онъ вмѣнитъ себѣ въ обязанность доставить вамъ всю возможную и скорую защиту въ открытіи вашей невинности. Не получая же давно отъ васъ никакихъ извѣстій и постоянно принимая участіе въ положеніи вашемъ, я вызываю васъ, Милостивый Государь мой, увѣдомить меня, въ какомъ состояніи дѣло ваше и отъ

кого разсмотрѣніе онаго нынѣ болѣе зависитъ, и находитесь ли вы отъ всѣхъ преслѣдованій свободными.

Съ Истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
Вашего Высокоблагородія
Покорнѣйшимъ слугою
б: П: Альбедиль
(*только подпись собственною рукою*)

20-го Генваря 1826 г.
Его Высокоблагородію
С. А. Москотильникову.

№ 13.

Воззваніе къ обитателямъ Казанской губерніи при слухѣ о вшествіи непріятеля въ Москву.

Друзья и братья! если вѣрить молвѣ, если измѣрять зло по чувствамъ робкихъ душъ, нѣдро царства русскаго уже растерзано рукою хищника: варвары, слишкомъ двадцать лѣтъ обагряющіе землю кровію, коихъ чело запечатлѣно богоотступничествомъ, а сердце исполнено предательства и разврата, дерзостно вступили въ мѣста, свято нами чтимыя. Мрачныя тучи дыма надъ пылающею Москвою возносятся къ гнѣвнымъ небесамъ, и кровь—не чуждыхъ, но кровь русская, и оскверненные храмы вопіютъ о мщеніи.

Народъ русскій! ты не забылъ Пожарскаго и Минина; дѣла предковъ твоихъ гремѣли донынѣ въ потомствѣ; современныя царства еще недавно трепетали при имени Суворова—и ты ли подклонишь выю подъ яремъ рабства? Доблественные потомки древнихъ побѣдителей Азіи, наши братья и соотечественники! Чтя Бога и правду, вы ли допустите возобладать вами оскорбителямъ всякой святыни? О! если не кипитъ сердце ваше при сей ужасной мысли, если оно хлад-

но къ ея впечатлѣніямъ, знаете ли, что̀ васъ ожидаетъ? Клятвопреступное присвоеніе достоянія вашего, стѣсненіе промышленности, искаженіе чистоты нравовъ подъ игомъ соблазнителей и поруганіе невинности подъ жезломъ неправосудія! Ахъ! какъ вострепещутъ хладныя кости прародителей вашихъ при сей безднѣ волъ и уничиженія потомковъ своихъ—кости, донынѣ покоившіяся въ землѣ мирной!

Нѣтъ, друзья и братья! если и одно о томъ воображеніе заставляетъ васъ содрогаться; если ощущеніе собственнаго достоинства для васъ не чуждо, и если свобода вамъ драгоцѣнна, вы еще можете поставить преграду злу совокупными усиліями. Отважная рѣшительность способна произвесть дѣла великія. Да будетъ вамъ примѣромъ твердость Испанцовъ, горсти народа въ сравненіи съ нами, но народа, уже нѣсколько лѣтъ посрамляющаго алчнаго властолюбца—въ возмездіе за его измѣну и вѣроломство. Двигнемся—и тысящи къ намъ присоединятся! Защитить отечество, быть незабвенными въ потомствѣ, насъ благословляющемъ, и даже умереть за вѣру и согражданъ своихъ—есть подвигъ, сопровождаемый чувствованіемъ превыше всякаго другаго, и Богъ, съ именемъ Коего мы вооружимся, оправдаетъ успѣхомъ достохвальное предпріятіе.

N.B. Казанцы готовы были жертвовать и жизнію, и имѣніемъ отечеству: посылали нарочнаго для развѣданія о положеніи нашихъ войскъ и непріятеля, но полученный чрезъ сего нарочнаго отъ графа Толстаго изъ Нижняго словесный отвѣтъ успокоилъ движенія.

1812. Сентябрь.

№ 14.

СПИСОКЪ

съ письма къ Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому, по вступленіи его въ 1814 году въ званіе Министра Юстиціи.

Богъ, Которой управляетъ жребіемъ царствъ, полагаетъ вѣсъ, число и мѣру дѣламъ человѣческимъ, и по мановенію Коего все является во время свое,—избралъ любезное отечество наше къ совершенію великаго переворота въ Европѣ, провелъ его по стезямъ тернистымъ къ безсмертной славѣ, и —что̀ всего болѣе исполняетъ душу сладостнымъ чувствованіемъ—явилъ торжество кроткой добродѣтели надъ гордостію бѣсновавшагося властолюбца.

Августѣйшій Монархъ нашъ, положивъ основаніе прочному спокойствію христіанскихъ народовъ, съ усугубленными силами предается теперь попеченію о благѣ подданныхъ, давно уже принесшихъ ему въ даръ пылающія любовію сердца свои. Нѣкоторыя измѣненія въ образѣ внутренняго управленія, или въ способахъ, на коихъ утверждается общее и частное благосостояніе, не будутъ ли плодомъ отеческихъ его помышленій и усердія истинныхъ патріотовъ, совѣтъ его составляющихъ?

Если позволено человѣку, посвятившему себя на служеніе отечеству—и хотя въ маломъ кругѣ дѣйствующему по мѣрѣ силъ своихъ, но восхищающемуся всѣмъ тѣмъ, что̀ изящно и истинно, всѣмъ тѣмъ, что̀ носитъ на себѣ печать благотворительности,—изъяснить мысли свои о нѣкоторыхъ предметахъ, въ настоящемъ вещей положеніи обращающихъ его вниманіе: то предъ кѣмъ другимъ онъ можетъ съ увѣренностію чистой совѣсти предстать для сего, какъ не предъ Вами, почтеннѣйшій благодѣтель человѣчества—въ полной надеждѣ, что, если мысли сіи при улучшеніи ихъ умами возвышеннѣйшими мо-

гутъ принесть хотя малѣйшую пользу, то обратятся въ дѣло и достигнутъ цѣли своей; если же зрѣлая опытность найдетъ оныя несообразными или съ истинною пользою, или съ возможностію исполненія, то не причтутся въ дерзость изложившему ихъ, но преданы будутъ съ снисходительнымъ неопытной ревности его извиненіемъ—всегдашнему молчанію.

На точномъ исполненіи законовъ основывается благоденствіе народа, успѣхи земледѣлія и промышленности, и вѣрное доставленіе общей государственной массѣ тѣхъ потребностей, кои заимствуетъ она изъ частныхъ источниковъ, безъ ихъ истощенія. Важно, почтенно званіе гражданскаго чиновника, на какой бы то ни было степени, сколько по симъ отношеніямъ, столько и потому, что характеръ его долженъ быть примѣромъ нравственнаго усовершенствованія; что имѣющій власть наблюдательную или судебную надъ дѣяніями человѣческими самъ долженъ являться безпорочнымъ въ своихъ дѣяніяхъ. Изрекающій приговоръ надъ присвоившимъ себѣ чуждое достояніе, или нарушителемъ священныхъ обязанностей общежитія, долженъ быть свободенъ отъ внутреннихъ самому себѣ упрековъ въ подобныхъ нарушеніяхъ. Съ сими расположеніями чиновниковъ духъ закона можетъ разливать животворную силу свою въ великомъ тѣлѣ государства и въ членахъ его.

Публичныя должности возлагаются на людей двоякаго рода: благородное дворянство составляетъ первый, а къ другому принадлежатъ всѣ тѣ, которые отличными способностями и заслугами пріобрѣтаютъ довѣріе начальства. Первые, большею частію, имѣютъ наслѣдственное состояніе; и таковыхъ единственнымъ предметомъ, единственною душевною нуждою долженствуетъ быть честь и ревность къ пользѣ общей, безъ всякихъ влеченій необходимости къ обезпеченію жизни своей. Послѣдніе, какъ любимыя чада природы, ведомыя Промыс-

ломъ въ образованіи своихъ способностей, конечно, не менѣе одушевляются честію и благородными побужденіями, но съ тѣмъ вмѣстѣ необходимость налагаетъ на нихъ тягостную обязанность помышлять, если не о устроеніи своего состоянія, то по крайности объ удовлетвореніи нуждамъ своего семейства.

Оклады годоваго жалованья, получаемаго гражданскими чиновниками въ губерніяхъ, по Высочайшему Учрежденію образованныхъ, принаровлены къ тѣмъ штатамъ, коимъ протекло болѣе полувѣка. Въ то время они, можетъ статься, были достаточны, если не съ избыткомъ для семейственнаго содержанія, то, по крайней мѣрѣ, для первыхъ жизненныхъ потребностей; можетъ статься, болѣе, нежели достаточны для человѣка одинокаго: но потомъ, и особливо со времени великихъ перемѣнъ, порожденныхъ Революціею, симъ буйственнымъ исчадіемъ своевольнаго ума, измѣнилось положеніе вещей; далеко превзошло ту мѣру отношеній, въ какихъ прежде находились взаимныя потребности; и цѣна всего нужнаго въ жизни, возвышаясь въ постепенной прогрессіи, болѣе, нежели въ десять разъ уже превосходитъ ту, какая за тридцать лѣтъ предъ симъ существовала.

Избравъ для примѣра среднее между высшаго и нижняго состояніе, представимъ себѣ гражданскаго чиновника въ губерніи, получающаго отъ 600 до 800 руб. годового оклада, и которой, кромѣ своего мѣста, другихъ доходовъ не имѣетъ. Какъ благомыслящій гражданинъ, избѣгая разсѣянной жизни, онъ составилъ для себя семейство, по необходимости долженъ имѣть услугу и снабдить себя тѣми принадлежностями, которыя придаютъ благопристойную наружность; а безъ таковой онъ не можетъ избѣжать пренебреженія. Но въ чемъ должны состоять способы удовлетворить симъ потребностямъ, когда посредственный ремесленникъ, пріобрѣтая столько жъ своими трудами, и не озабочиваясь равными нуждами, имѣетъ не болѣе, какъ одно только пропитаніе?

Человѣкъ, облеченный публичною должностію, можетъ прилежнымъ оной исполненіемъ быть полезнымъ для многихъ, не въ однихъ только общихъ преметахъ, но и въ тѣхъ, гдѣ обязанности званія его имѣютъ отношеніе къ справедливому сохраненію частной пользы, можетъ служить совѣтомъ и дѣломъ своему ближнему, гдѣ позволяетъ истина; и если благодарность принадлежитъ къ ощущеніямъ существа нравственнаго, то можетъ изъ сего заимствовать способы для жизни своей. Но онъ произнесъ торжественно, предъ лицомъ Бога, въ священномъ храмѣ правосудія клятву не имѣть въ виду таковой благодарности; руки его связуются строгимъ закономъ; и хотя бы внутреннее убѣжденіе совѣсти представляло ему, что мечъ закона обнажается только противъ злоупотребленій; что запрещенія онаго не простираются до невозможнаго, и что скромность, какъ естественное слѣдствіе общей признательности, будетъ покровомъ для того, кто не былъ никогда въ тягость человѣчеству,—но если чувства его нѣжны и разборчивы, если въ религіи онъ видитъ нѣчто болѣе, чѣмъ преданія человѣческія: не долженъ ли онъ терять уваженіе къ самому себѣ за нарушеніе клятвы, которую онъ никогда не считалъ донимъ только наружнымъ средствомъ обузданія? не долженъ ли заключить въ сердцѣ своемъ горесть, раждаемую обстоятельствами, противными душевнымъ его расположеніямъ?

Но, если бы злоба и зависть, столь часто преслѣдующія дѣянія человѣческія, вооружились противу сего чиновника; если бъ дерзнули характеръ его омрачать клеветою, и—что̀ не была бы уже клевета—порицать въ нарушеніи закона: онъ увидѣлъ бы себя въ необходимости, или употребить къ своему защищенію постыдную ложь, или, какъ преступникъ, предаться ужасной казни, не говоря уже, что и одно предубѣжденіе было бы роковымъ для него ударомъ. Наконецъ, если онъ не былъ столько поврежденъ въ сердцѣ, чтобъ службу

почитать лишь способомъ къ обогащенію, бѣдность въ старости содѣлается неизбѣжнымъ его жребіемъ.

Таково положеніе всѣхъ тѣхъ, коихъ жизнь зависитъ отъ службы, и однѣ только душевныя свойства различаютъ ихъ. Но какое острое зрѣніе можетъ услѣдить въ семъ извилистомъ лабиринтѣ за поступками каждаго? Какую черту положитъ человѣкъ, угнетаемый желѣзнымъ игомъ необходимости, самъ для себя между позволеннымъ и непозволеннымъ, на которой остановились бы его дѣйствія? и какимъ образомъ исполнять будетъ строгую должность правосудія надъ нарушителями закона, коего предписаніямъ въ полной мѣрѣ удовлетворить онъ чувствуетъ самого себя не въ силахъ?—*Иже есть безъ грѣха въ васъ, первѣе верзи камень наню.*

Итакъ, если благоустройство внутренняго управленія и точное исполненіе законовъ должно быть основаніемъ народнаго благоденствія; если общественная нравственность много зависитъ отъ примѣровъ, и характеръ гражданскаго чиновника можетъ имѣть вліяніе на кругъ его дѣйствованій; если потребно сдѣлать его почтеннымъ въ глазахъ другихъ и своихъ собственныхъ: нужно обезпечить жизнь его пристойнымъ образомъ и извлечь его изъ того тягостнаго положенія, въ которомъ нужда есть сильнѣйшимъ для него закономъ.

Исчислить жизненныя потребности чиновника, въ точномъ отношеніи къ его званію, къ обстоятельствамъ той страны, гдѣ онъ имѣетъ свое мѣстопребываніе, и къ различію губернскихъ городовъ съ уѣздными; привесть все сіе въ сложность, и назначить годовой окладъ, которой бы поставилъ его въ счастливую средину между недостаткомъ и излишествомъ, есть дѣло, предлежащее благодѣтельнымъ попеченіямъ верховной власти; а ближайшее средство къ изобрѣтенію источниковъ для удовлетворенія сему новому расходу состоитъ въ томъ, чтобъ всю сумму для чиновъ и служителей, составляющихъ губернское управленіе по исполнительной, судебной и экономической части обратить въ земскую повинность цѣлой губерніи.

Сумма сія, при назначеніи достаточныхъ для каждаго чиновника окладовъ, не была бы въ тягость ни гражданству, ни поселянамъ. Всѣ состоянія почувствовали бы въ скорости благотворныя слѣдствія сего учрежденія тѣмъ болѣе, что честь и добродѣтель въ первенствующихъ чиновникахъ воздѣйствуютъ съ полною свободою при обезпеченіи ихъ содержанія; а порокъ не будетъ имѣть ни малѣйшаго извиненія: всякое къ оному поползновеніе накажется съ усугубленною строгостію, и лихоимецъ представится чудовищемъ предъ очами каждаго благомыслящаго. Нѣтъ ничего, столь сильнаго въ направленіи дѣйствій человѣческихъ, какъ общее мнѣніе: но не должно ли оно въ самой натурѣ вещей имѣть свое основаніе?

Простите мнѣ великодушно, Ваше Высокопревосходительство, если мои душевныя ощущенія завлекли меня далѣе моихъ обязанностей! Предпріятіе мое не есть плодъ кичливости разума, желающаго отличить себя, но истекаетъ изъ сердца, прилѣпленнаго къ добру, хотя и слабаго въ существенномъ онаго исполненіи. Если Вы, Милостивый Государь, удостоите принять строки сіи съ свойственнымъ Вамъ снисхожденіемъ, Ваша благосклонность ободритъ меня къ употребленію малой и несовершенной опытности моей по возможности для той цѣли, къ которой долженъ стремиться каждый почитатель Бога и истины.

Далѣе слѣдуетъ письмо Ивана Ивановича *Чернявскаго*, профессора русскаго языка и исторіи въ Виленскомъ университетѣ. Чернявскій когда-то вмѣстѣ съ Каменевымъ, Арцибашевымъ и Москотильниковымъ образовывалъ одинъ дружескій кружокъ, и тоже, вѣроятно, былъ масонъ (см. выше, стр. 213).

№ 15.

Милостивый Государь
Савва Андреевичь!

И такъ, полвѣка совершилось въ глазахъ нашихъ. Сколько разнообразныхъ явленій, сколько произшествій,

сколько чувствованій волновало нашу душу, и потрясало бренный нашъ составъ?

Будемъ благодарить Бога подавшаго намъ столько радостей, подавшаго силы перенести столько горестей. Сколько друзей, сколько враговъ равнолѣтнихъ съ нами не видятъ уже солнца. Да почіетъ прахъ и тѣхъ и другихъ въ мирѣ. Pascitur in vivis livor, post fata queiscit. Вражда—удѣлъ жизни.

Видѣли, что было съ нами, незнаемъ, что случится впередъ. Не ужели же будемъ страшиться? И размышленія нашей юности и опыты полвѣка научили насъ съ полною довѣренностію ввѣряться благому Промыслу.

Будемъ только достойны его, а впрочемъ ab quo fata trahunt, virtus secura sequetur.

Содержаніе дружескаго письма, скажете вы, слишкомъ важно. Правда, но могъ ли я заняться маловажнымъ при воспоминаніи 12-го и 30-го Января. Такъ Савва Андреевичъ—съ Богомъ впередъ въ другую половину вѣка. Можетъ быть, событія первой послужатъ содержаніемъ сладостной, нравоучительной, легкой нашей бесѣды во второй половинѣ вѣка. Ainsi soit—il.

Вашъ на всегда
Иванъ Чернявскій.

P. S. Касательно уплаты истраченныхъ денегъ нашимъ родственникамъ, есть ли иначе нельзя, мы беремъ оную на себя. Но только постарайтесь Савва Андреевичъ чтобъ оная была разложена на нѣсколько лѣтъ и по крайней мѣрѣ на три года. Годовую часть, мы доставимъ тотчасъ по требованію.

Не имѣя собственныхъ дѣтей, Савва Андреевичъ горячо любилъ двухъ сестеръ—воспитанницъ, Анастасію и Прасковію Константиновну Пушкаревыхъ (см. выше, стр. 167). Отношенія воспитателя къ обѣимъ дѣвочкамъ ярко обрисовываются прилагаемыми письмами.

№ 16.

Милой въ Альбомъ.

„Святая цѣпь любви—небесной, не земной
Мою съ твоей душой давно соединила!"
Такъ дѣва юная мнѣ съ чувствомъ говорила.
Я тожъ сказалъ—и вотъ—сошлась зима съ весной!

гг. Сопѣлкиныхъ и Свирѣлкиныхъ.

№ 17.

Безцѣннѣйшій Папинька!

Наступилъ день Вашего Ангела, день столь радостный для меня и столь нетерпѣливо ожидаемый! Прихожу къ Вамъ съ сердцемъ, исполненнымъ нѣжнѣйшихъ чувствованій дѣтской любви и живѣйшей признательности за Ваши родительскія обо мнѣ попеченія, и спѣшу представить Вамъ искреннѣйшее поздравленіе съ драгоцѣннымъ для меня днемъ Вашего Ангела! Отецъ Небесный да услышитъ мои усерднѣйшія моленія, къ Нему возсылаемыя о Вашемъ долголѣтіи и благополучіи—да изліетъ на Васъ свои неизреченныя милости и продлитъ Вашу жизнь на многія годы, для счастія моего и всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ несказанное утѣшеніе пользоваться Вашею пріязнію. Удостойте, безцѣннѣйшій Папинька! благосклонно принять ето искреннее изъявленіе дѣтской любви и глубочайшаго уваженія, коими преисполнены къ Вамъ душа и сердце Вашей почтительной дочери, и утвердить ихъ Вашимъ священнымъ благословеніемъ.

№ 18.

(Писано Анастасіей Константиновной).

Безцѣнный Батинька! съ Днемъ Ангела Васъ поздравляю,
Но изъясню ли то, чего душей желаю?
Прекрасенъ свѣтлый день, природы съ нимъ свѣтла:
Дай Богъ, чтобъ Ваша жизнь тамъ радостна была!
Весенніе луга красуются цвѣтами;
Дай Богъ, чтобъ Ваша жизнь цвѣла такъ между нами!
Я знаю, Батинька, какъ любите Вы насъ:
Желаю, чтобъ и я—такъ утѣшала Васъ!
Мой благодѣтель сей привѣтъ отъ Настиньки примите
И въ свой день Ангела меня Вы обоймите!
Моленіе мое, о Боже нашъ, внемли
И благодѣтелю—все доброе пошли!

№ 19.

Отвѣтъ (собственноручный)
Саввы Андреевича.

О Настенька! О милой другъ!
Ты, съ Ангеломъ меня поздравя,
Желала мнѣ въ сей жизни благъ;
Желала также быть сама мнѣ утѣшеньемъ.

* *
*

И я тебѣ желаю благъ!
Ни знать не нужна, ни богатство.
Будь добродѣтельна, умна:
Тогда ты будешь мнѣ великимъ утѣшеньемъ.

№ 20.

Другъ мой, милая Настенька!

Благодарю тебя за любовь твою. Будь увѣрена, что и я тебя люблю, какъ мою родную, и очень радъ, ежели ты довольна своимъ положеніемъ: ничего столько не желаю, какъ того, чтобъ ты и Паша были счастливы. Нѣтъ нужды въ богатствѣ: была бы только надежда на Бога, а Онъ никогда не оставляетъ ввѣряющихся Ему: я это испыталъ въ теченіи цѣлой жизни.

Посылаю тебѣ на постъ Четвероевангеліе. На первой недѣлѣ будетъ къ намъ новый начальникъ Сергій Павловичъ Шиповъ: его хвалютъ, а каковъ точно будетъ, увидимъ.

Порфирія Ивановича поцѣлуй за меня и скажи всѣмъ вашимъ мое почтеніе. Паша теперь, слава Богу, здорова и въ пансіонѣ, а послѣ завтра пріѣдетъ ко мнѣ. Будьте и вы всѣ здоровы. Этова истинно желаетъ

Твой и сердцемъ и душою С. Москотильниковъ.
24 февраля 1841 г. Казань.

Слѣдующее письмо (черновикъ) адресовано, повидимому, какому то масону.

№ 21.

Милостивый Государь
Иванъ Игнатьевичъ!

Я читалъ почтенное письмо ваше къ Борису Александровичу. Нѣкоторыя въ немъ выраженія подтвердили увѣренность мою, что мы, несмотря на жребій жизни, разлучающій насъ мѣстнымъ пребываніемъ, другъ друга взаимно помнимъ, и что души наши (:есть ли это угодно великому Пастыреначальнику:) навсегда познакомились. Примите, мой почтенный другъ, сіе нелѣстное увѣреніе въ моей къ вамъ сердечной привязанности, съ которою другое васъ наименованіе никакъ несовмѣстно.

Для духовной гордости, сего потаеннаго змѣйка, кроющагося въ сердцѣ человѣческомъ, лѣстно изъ устъ вашихъ слышать похвалу. Но—почтенный другъ, я бы тогда имѣлъ на нее право, естьлибъ кресты въ жизни моей переносилъ безъ роптанія. И естьли нынѣ вхожу въ училище преданности, то потому, можетъ быть, что они очень легки, и при всемъ томъ мало еще имѣю той сердечной кротости, которая благословляетъ орудія, къ наложенію креста Промысломъ употребляемыя. Правда, что за нѣсколько лѣтъ имѣлъ я довольно тяжкія, но къ стыду моему признаться долженъ, что не употребилъ ихъ въ тогдашнее время къ смиренію, покорствующему подъ десницею, наказующею меня, хотя послѣ ощутительно въ сердцѣ моемъ и даже очевидно испыталъ истинну сихъ словъ: „*наказуя наказа мя Господь; смерти же не предаде мя*". Я преисполненъ въ душѣ моей благодарности къ Максиму Ивановичу Невзорову за сочиненія госпожи Гіонъ (*письмо не окончено*).

Надъ Саввою Андреевичемъ разразилась новая бѣда, и онъ попалъ подъ уголовный судъ. Долго ждалъ несправедливо обвиненный оправданія—и наконецъ обратился съ прошеніемъ на *Высочайшее Имя*. Къ этому процессу и относятся письма къ барону Альбедилю, №№ 9—12, см. выше, стр. 218—227.

№ 22.

Господину Коллежскому Совѣтнику Москотильникову, утруждавшему Государя Императора всеподданнѣйшею своею просьбою, о разсмотрѣніи оправданій его о безвинномъ преданіи его суду и объ освобожденіи его отъ онаго,—симъ по волѣ Его Величества объявляется, что прошеніе то, по Высочайшему повелѣнію, внесено въ Комитетъ гг. Министровъ на разсмотрѣніе.

№ 1469. Ст. Петербургъ. 27 Ноября 1824 г.

Статсъ-секретарь Муравьевъ.

№ 23.

СПИСОКЪ

со всеподданнѣйшаго прошенія моего покойному Государю Императору Александру I-му, посланнаго въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1824 года.

Всемилостивѣйшій Государь!

Пять лѣтъ уже стражду я, и стражду безвинно, потому только, что имѣлъ враговъ:—имѣлъ ихъ частію и по тѣмъ давнишнимъ происшествіямъ, которыя осчастливили меня твоею Монаршею милостію при случаѣ отправленія въ Казань *барона Альбедиля*.

Непріятности, возродившіяся между бывшимъ Казанскимъ гражданскимъ губернаторомъ графомъ Толстовымъ и нѣсколькими изъ дворянъ, были послѣдуемы ревизіею гг. сенаторовъ, и я, какъ губернскій чиновникъ, увлеченъ былъ въ общее для многихъ бѣдствіе. Ни то—что при всѣхъ изысканіяхъ не нашлось въ цѣлой губерніи никого, мною обиженнаго; ни то—что при всѣхъ домогательствахъ неблагонамѣренности не нашлось никого, кто бы покусился даже и оклеветать меня въ преступленіи, на которое всего болѣе обращается строгость закона; ни мое недостаточное состояніе—явный признакъ того, что я никогда не считалъ службу способомъ къ обогащенію—не могли защитить меня. Дѣламъ губернскаго правленія данъ превратный толкъ; покрыто молчаніемъ всё, противорѣчившее предпріятымъ намѣреніямъ; и предразсудокъ вовлекъ въ заблужденіе людей, можетъ быть, добрыхъ, но дѣйствовавшихъ по направленію другихъ.

Между тѣмъ, прежде еще окончанія ревизіи, сысканъ случай наклонить меня къ подачѣ просьбы объ отставкѣ. Исполнивъ то въ надеждѣ успокоить моихъ недоброжелателей, скоро увидѣлъ я, что симъ только болѣе обезоружилъ себя, лишась средствъ дѣйствовать по губернскому правленію къ заблаговременному опроверженію неправильныхъ обвиненій.

По воспослѣдованіи Высочайшаго твоего указа объ уничтоженіи учрежденной въ Казани по представленію гг. ревизоровъ Слѣдственной Коммисіи, и по прибытіи г. сенатора Соймонова, я подалъ ему въ Ноябрѣ 1882 года прошеніе, изъясняющее весь постепенный ходъ возникшихъ въ Казани раздоровъ, приложилъ подробную записку, основывая мое оправданіе на подлинныхъ актахъ губернскаго правленія и на очевидной истинѣ: просилъ воззрѣть на обстоятельства, съ перваго даже взгляда невинность мою открывающія, и представить высшему правительству о разрѣшеніи моей участи.—Г. сенаторъ могъ бы легко по слѣдамъ, еще не истребленнымъ всепоядающимъ временемъ, болѣе удостовѣриться въ томъ при производимомъ тогда имъ обревизованіи губернскаго правленія; но онъ только препроводилъ просьбу мою и записку для общаго съ дѣломъ разсмотрѣнія въ Уголовную Палату, въ которой такъ, какъ и въ составившемся потомъ Временномъ оной Палаты Департаментѣ, къ сему и донынѣ приступа еще не сдѣлано. Не смѣю роптать: онъ, можетъ быть, почиталъ себя не въ правѣ поступить иначе.

И самое общее мнѣніе меня торжественно оправдывало. Въ 1823 году я избранъ отъ дворянства членомъ въ Комитетъ, учрежденный тогда въ Казани для уравненія городскихъ повинностей, а послѣ того таковымъ же въ Квартирную Коммиссію; и затрудненія, какія представляло при сихъ случаяхъ мое положеніе, должны были уступить общему всей

публики желанію. Комитетъ, имѣвшій въ числѣ членовъ своихъ и губернскаго предводителя дворянства, отдалъ справедливость благонамѣреннымъ трудамъ моимъ и формально просилъ губернское начальство о исходатайствованіи высшаго на оные воззрѣнія.

Тяжко, Государь, быть подъ судомъ невинному! И одна форма обыкновеннаго теченія таковыхъ дѣлъ есть уже для него по своей продолжительности жестокое и не заслуженное наказаніе. Семейственныя горести, бѣдность— однѣ онѣ подавятъ сѣдѣющую главу мою, прежде нежели достигну я до того радостнаго дня, когда оправданъ буду правосудіемъ человѣческимъ.

Александрамъ дано Промысломъ разсѣкать неразрѣшимые узлы Гордіевы.—Прекраснѣйшій іероглифъ древности, хотѣвшей изобразить благотворное могущество монарха!— Прости, Государь, сравненію, къ которому прибѣгаетъ пылкая чувствительность твоего вѣрноподданнаго! Весна дней моихъ увѣнчана была твоею милостію, и ужели во гнѣвѣ твоемъ скончается жизнь моя? Повели кому-либо изъ начальствующихъ разсмотрѣть и удостовѣриться въ истинѣ представленнаго мною оправданія. Удостой освободить меня отъ постыднаго нареканія быть подъ судомъ, удостой отверсть мнѣ путь къ посвященію послѣднихъ лѣтъ моихъ на службу тебѣ и отечеству!

№ 24.

Отношенія Саввы Андреевича къ женѣ обрисовываются ниже приводимою духовной ея.

Духовная жены С. А. Москотильникова.

Во имя Отца, и Сына и Святого Духа: Аминь!

Я нижеподписавшаяся, Коллежская совѣтница Агрипина Ѳеодорова дочь Москотильникова, находясь въ болѣзненномъ

положеніи, и не зная, угодно ли будетъ Вышнему продолжить жизнь мою, нынѣ завѣщеваю любезному супругу моему Коллежскому Совѣтнику Саввѣ Андреевичу Москотильникову домъ, принадлежащій мнѣ по крѣпости, въ которомъ мы жительствуемъ, и всё, что я ни имѣю, какъ то: малое число крѣпостныхъ людей и движимое имущество, съ предоставленіемъ на его попеченіе заплатить за меня извѣстные ему долги, въ томъ числѣ и ту сумму, которая, бывъ взята мною заимообразно при покупкѣ дома, еще до нынѣ остается незаплаченною по снисходительному терпѣнію заимодавцевъ. Знаю, что долги сіи едвали не превосходятъ цѣну всего мною завѣщаваемаго, и что симъ самымъ имѣніемъ, пріобрѣтеннымъ мною, а не наслѣдственнымъ, я обязана его жъ ко мнѣ благорасположенію и любви; но любезный супругъ мой проститъ мнѣ невозможность оставить ему болѣе въ воспоминаніе той, которая сорокъ лѣтъ раздѣляла съ нимъ и горести, и сладости жизни. Сіе завѣщаніе, учиненное мною въ твердомъ разумѣ и памяти, и на будущее время, если Богъ продлитъ еще жизнь мою, не должно подлежать никакому измѣненію; а зарукоприкладствовать оное вмѣсто себя за неумѣніемъ мною писать довѣряю Духовному Отцу моему. Марта 20 дня 1829-го года. Къ сему духовному завѣщанію вмѣсто завѣщательницы Коллежской Совѣтницы Агрипины Ѳеодоровой Москотильниковой учинившей оное въ твердомъ разумѣ и памяти, по ея прошенію за неумѣніемъ её писать, Духовной Отецъ ея Града Казани Тихвинской Церкви Протоіерей Георгій Покровскій руку приложилъ.

Что сіе духовное завѣщаніе означенною Коллежскою Совѣтницею Аграфеною Федоровою по мужѣ Москотильниковою учинено въ твердомъ разумѣ и памяти и по ея прошенію за неумѣніемъ ею писать, зарукоприкладствовано духовнымъ ея Отцемъ въ томъ свидѣтельствуя подписуюся Коллежскій совѣтникъ Иванъ Христофоровъ сынъ Германовъ.

Въ томъ же свидѣтельствую и подписуюсь, коллежскій совѣтникъ Ермолай Ивановъ сынъ Камашевъ I.

Въ томъ же свидѣтельствую и подписуюсь титулярный совѣтникъ Лука Алексѣевъ сынъ Левитскій.

Въ томъ же свидѣтельствую и подписуюсь Титулярный совѣтникъ Степанъ Филипповъ сынъ Кудрявцевъ(?).

№ 25.

1829 года Маія 17 дня по указу Его Императорскаго Величества въ Казанской Палатѣ Гражданскаго Суда слушано прошеніе Коллежскаго Совѣтника Саввы Андрѣева Москотельникова, при которомъ представя сіе духовное завѣщаніе просилъ о утвержденіи онаго и о выдачѣ ему обратно, причемъ изъясня, что завѣщательница жена ево минувшаго 1829 года Апрѣля 11 дня померла завѣщанному имѣнію объявилъ цѣну всего на восемь тысячь триста шесдесятъ рублей изъ коей суммы недвижимаго имѣнія на шесть тысячъ восемьсотъ шесдесятъ рублей. По распоряженію сей Палаты отъ подписавшихся подъ означеннымъ завѣщаніемъ рукоприкладчика города Казани Тихвинской Церкви протоіерея Георгія Покровскаго и свидѣтелей, отобраны надлѣжащимъ порядкомъ показанія, коими они помянутое завѣщаніе утвѣрдили во всей силѣ, причемъ Казанская Градская Полиція донесла, что завѣщательница Москотельникова померла Апрѣля 11 числа. По чему 1829 г. Октября 15 дня *опредѣлено*: По разсмотрѣніи представленнаго духовнаго завѣщанія ничего въ немъ противозаконнаго не оказалось, споровъ противу онаго и запрещенія на имѣніе завѣщательницы не открылось, да и представлено въ узаконенный срокъ почему утвердя оное завѣщаніе во всей его силѣ, записать въ крѣпостную книгу и выдать просителю Коллежскому Совѣтнику Москотельникову съ росписскою, причемъ взыскать съ него Москотельникова съ объявленной имъ недвижимому имѣнію суммы шести тысячъ восми сотъ шестидесяти рублей заисключеніемъ изъ оной

слѣдующей ему по закону 7-й части девять сотъ восемьдесятъ рублей съ *остайнаго* затѣмъ количества пяти тысячь восьмисотъ осьмидесяти рублей, слѣдующіе казнѣ пошлины двѣсти тритцать пять рублей дватцать копѣекъ за актъ десять рублей и за листъ бумаги на которомъ помянутое завѣщаніе по суммѣ завѣщанному имѣнію должно быть писано дватцать рублей, съ цѣны же движимому имѣнію на основаніи указа 1827 года октября 1-го дня пошлинъ не взыскивать. Въ слѣдствіе чего по взысканіи вышеписанныхъ денегъ всего двухъ сотъ шестидесяти пяти рублей дватцати копѣекъ, сіе духовное завѣщаніе и выдается ему Г. Москотельникову съ роспискою. Маія 23 дня 1830 года. Дворянскій Заседатель Алексей Стражевъ.

Секретарь Ефимъ Колом—
Губернскій Регистраторъ Покровскій.

С. А. Москотильниковъ втеченіе своей долгой службы пользовался симпатіею и вниманіемъ своихъ начальниковъ. Приведенная записка принадлежитъ губернатору Стрекалову.

№ 26.

Поздравляю васъ Савва Андреевичъ съ монаршею милостію, весьма радъ что служба ваша и труды достойно вознаграждаются.

10 января
1838 года. Стрекаловъ.

Послѣднія письма относятся къ тому печальному періоду жизни Саввы Андреевича, когда онъ наконецъ вышелъ въ отставку и долгое время—1½ года не получалъ ни жалованья, ни пенсіи, а потому впалъ въ большую нужду; былъ принужденъ распродавать свое имущество,—и даже свое лучшее утѣшеніе, свою богатую библіотеку. Письма писаны старческимъ, дрожащимъ почеркомъ, по прежнему крупнымъ, но разбираемымъ съ большимъ трудомъ.

№ 27.

Скажите, почтеннѣйшій Константинъ Осиповичъ, угодно ли вамъ оставить у себя Philosophie de la Nature? Если угодно, то пришлите за нее деньги 50 р., а если нѣтъ, то возвратите книгу, вмѣстѣ съ каталогами, которые, кажется, вамъ не нужны.

Вашъ покорнѣйшій
слуга, С. Москотильниковъ.

17 Іюня
1846 г.

№ 28.

Отвѣтъ на предъидущее.

Прошу Васъ покорнѣйше, почтеннѣйшій Савва Андреевичъ,(?) что я до сихъ поръ не успѣлъ возвратить Вамъ каталога и Philosophie de la nature. О книгахъ Вашихъ я предлагалъ Матвею Демьяновичу, но онъ не находитъ ихъ нужными для библіотеки, а Philosophie de la nature я никакъ не успѣлъ прочитать и благодарю Васъ за желаніе доставить мнѣ это удовольствіе.

Съ истиннымъ уваженіемъ къ Вамъ имѣю честь пребыть Вашъ покорнѣйшій

слуга К. Александровъ.

P. S. Пришлите ко мнѣ человѣка часовъ въ 5 пополудни.

Константинъ Осиповичъ Александровъ-Дольникъ служилъ въ канцеляріи губернатора; это—извѣстный другъ Николая Ивановича Второва. Матвѣй Демьяновичъ Завилѣйскій былъ тогда вице-губернаторомъ въ Казани.

№ 29.

(Действительному Тайному Совѣтнику Льву Алексѣевичу *Перовскому*).

Ваше Высокопревосходительство,
Милостивѣйшій Государь!

Служивъ шестьдесятъ лѣтъ Престолу и Отечеству, и въ теченіи многихъ лѣтъ занимая мѣсто Совѣтника въ Казанскомъ Губернскомъ Правленіи, по моимъ правиламъ я не только не пріобрѣлъ себѣ никакого состоянія, но вынужденъ былъ продать единственный мой домъ, даже войти въ долги, отпустить числящіяся за мною по формулярному списку двѣ души дворовыхъ людей, и употребить деньги на прожитокъ, по недостатку жалованья, опредѣленнаго прежними штатами.

Съ начала 1845 года наступилъ семдесятъ осьмой годъ моей жизни; здоровье мое совершенно разстроилось, а зрѣніе померкло отъ безпрестанныхъ трудовъ. Я былъ боленъ нѣсколько недѣль и постомъ въ минувшемъ Апрѣлѣ подалъ просьбу объ отставкѣ, объяснивъ въ ней, что я не имѣю никакихъ способовъ ни къ продовольствію себя съ моими домашними, ни къ платежу необходимостью навлеченныхъ долговъ, кромѣ жалованья и столовыхъ денегъ, штатомъ, во 2-й день минувшаго Генваря Высочайше утвержденнымъ, Совѣтнику Губернскаго Правленія предоставленныхъ, и съ прекращеніемъ или уменьшеніемъ сего содержанія, одна горькая нищета будетъ послѣдствіемъ ничѣмъ не очерненной службы и потери зрѣнія.

Г. Вице-Губернаторъ объявилъ мнѣ, что просьба моя, чрезъ г. Военнаго Губернатора съ формулярнымъ о службѣ моей спискомъ и ходатайствомъ объ удовлетворительной пенсіи, представлена къ Вашему Высокопревосходительству, и съ тѣмъ вмѣстѣ убѣдилъ продолжить занятія мои по должности. Я исполнилъ его желаніе, хотя, при усиленномъ напря-

женіи не одинъ разъ подвергался опасному приливу крови къ глазамъ. Наконецъ, 13 іюня объявленъ мнѣ указъ Правительствующаго Сената объ увольненіи меня согласно прошенію моему отъ службы, но о назначеніи пенсіи донынѣ я ни отъ кого извѣщенія не имѣю.

Ваше Высокопревосходительство!

99 статья устава предполагаетъ зависящее отъ Высочайшей воли исключеніе изъ общихъ правилъ о пенсіяхъ. Удостойте обратить благосклонный взоръ на службу, безпорочно продолженную долѣе полувѣка, чему немного примѣровъ, и въ моемъ бѣдственномъ положеніи спасите меня отъ нищеты, столь убійственной въ глубокой старости! (тѣмъ болѣе горестной, что судьба ввѣрила моему попеченію одну безпомощную сироту, по талантамъ ея нѣжно мною любимую, и которая, кромѣ Бога и меня, другой подпоры себѣ не имѣетъ).

Уповая на Вашу справедливость и на Ваше великодушіе, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностью честь имѣю пребыть

Вашего Высокопревосходительства
всепокорнѣйшій слуга.

№ 30.

(*Адресъ*)
Его Высокоблагородію Милостивому Государю Петру Ивановичу Полю, Г-ну Полицеймейстеру. Въ С.-Петербургѣ (письмо-брульонъ писано рукою Прасковьи Константиновны).

Милостивый Государь,
Петръ Ивановичъ!

Прослуживъ шестьдесятъ лѣтъ престолу и отечеству, я тогда только подалъ просьбу въ отставку, когда помрачились глаза мои отъ безпрестанныхъ трудовъ моихъ. Несмотря

на то, что я имѣлъ способности и пользовался всегда довѣріемъ начальства, я ничего не пріобрѣлъ службою, потому что не поступалъ противу чести и совѣсти. Итакъ по бѣдности моей просилъ обратить мнѣ въ пенсіонъ полное содержаніе совѣтника по послѣднему штату.

Уже полтора года, какъ я отставленъ, уже полтора года, какъ прекратилось мнѣ жалованье; я задолжалъ и дошелъ до послѣдней крайности. На три письма мои Левъ Алексѣевичъ черезъ губернатора отвѣчалъ два раза, что я буду немедленно увѣдомленъ о пенсіонѣ моемъ по утвержденіи онаго Государемъ Императоромъ, но и до сихъ поръ я остаюсь безъ всего. По старому знакомству покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь: не откажите справиться, если можно, и увѣдомить меня, чего и скоро ли могу я надѣяться. Симъ много обяжете того, кто съ совершеннымъ къ Вамъ почитаніемъ и таковою жъ преданностію всегда пребудетъ

Вашъ, Милостиваго Государя,
Покорнѣйшій слуга.

Октября 17-го 1846-го года.
Казань.

№ 31.

Милостивый Государь
Савва Андрѣевичъ

На почтеннѣйшее письмо ваше отъ 17-го Октября, поспѣшаю и имѣю удовольствіе увѣдомить васъ Милостивый Государь, что о назначеніи за службу вашу пансіона по 428 руб. серебромъ въ годъ, положеніе Комитета Гг. Министровъ, Высочайше утверждено 22-го Октября прошедшаго мѣсяца; о чемъ, въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ и сообщеніе отъ Г. Министра внутреннихъ дѣлъ Казанскому военному Губернатору для надлежащаго распоряженія.

Съ симъ вмѣстѣ покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ истинномъ моемъ къ вамъ уваженіи и совершенной преданности, съ коими на всегда честь имѣю быть

вашимъ
Милостиваго Государя
покорнѣйшимъ слугою
Петръ Поль.

8-го Ноября 1846.
С. Петербургъ.

№ 32.

Духовное завѣщаніе даетъ намъ яркую картину печальнаго матеріальнаго положенія, въ какомъ находился С. А. въ послѣдніе годы своей долгой жизни.

Копія съ духовнаго завѣщанія Статскаго Совѣтника и Кавалера Саввы Андреевича Москотильникова.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа; аминь. Я, нижеподписавшійся, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, Савва Андреевичъ Москотильниковъ на семьдесятъ осьмомъ году жизни, въ слабомъ положеніи здоровья, но въ полныхъ силахъ ума и въ твердой памяти, симъ духовнымъ завѣщаніемъ объявляю что я все благопріобрѣтенное мною, скудное мое движимое имущество, въ чемъ бы ни заключалось, по смерти моей оставляю въ полное распоряженіе моей любезнѣйшей пріемной дочери изъ Казанскаго мѣщанства, дѣвицѣ Прасковьѣ Константиновнѣ, въ актахъ частнаго благороднаго пансіона, гдѣ она получила свое образованіе, названной по воспитателѣ Москотильниковою. Надѣюсь, что сего имущества, по превращеніи онаго посредствомъ продажи или залога въ наличныя

деньги, достанетъ на скромное погребеніе моего тѣла по христіанскому обряду и на платежъ нѣсколькихъ долговъ, о которыхъ она, какъ ближайшій другъ мой, совершенно извѣстна. Затѣмъ весь остатокъ, если таковой быть можетъ, завѣщеваю ей въ собственность, какъ должную награду за ея дѣтскую ко мнѣ преданность и въ память нѣжно-любившаго ее воспитателя. Къ сему жъ принадлежитъ и квитанція Казанскаго Уѣзднаго Казначейства, въ двухъ стахъ сорока рубляхъ ассигнаціями, взнесенныхъ мною и отправленныхъ въ сохранную казну на обезпеченіе платежа податей и другихъ повинностей за одну изъ двухъ душъ дворовыхъ людей, по послѣдней ревизіи за мною по г. Казани написанныхъ, за которыхъ однако жъ всѣ подати и повинности мною платимы были бездоимочно. Изъ означенныхъ дворовыхъ людей кучеру Степану Прокофьеву съ его второбрачною женою и рожденнымъ послѣ ревизіи сыномъ давно уже выдана мною отпускная, а Марка Афанасьевъ, ремесломъ столяръ, послѣ ревизіи женился на вдовѣ изъ свободнаго состоянія, и оба отпущены безоброчно для снисканія здѣсь въ городѣ собственными трудами себѣ содержанія. Сихъ послѣднихъ предоставляю исполнительницѣ моего завѣщанія, по ея волѣ или продать кому-либо въ населенное имѣніе или просить о принятіи ихъ въ казну съ выдачею за нихъ узаконенной суммы, и дать имъ отпускную по надлежащему. Ей оставляю литературные труды мои, и ей же передаю для храненія мои служебные акты, дипломъ на званіе члена Общества любителей наукъ, словесности и художествъ и Казанскаго любителей отечественной словесности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и бронзовую медаль 1814 года, какъ памятникъ участія моего въ славѣ отечественной. Не могу ничего завѣщать многочисленнымъ семействамъ братьевъ моихъ по отцѣ, но рожденныхъ отъ другой матери. Еще съ малолѣтства разлученный съ родителемъ, когда онъ вступилъ во второй бракъ, я оставленъ былъ соб-

ственному о жизни моей попеченію, а по смерти родителя, братья мои, одни наслѣдовавъ, промышленнымъ его заведеніемъ пріобрѣли отъ поташнаго завода капиталъ многотысячный, были несравненно богатѣе меня, и если положеніе нѣкоторыхъ измѣнилось впослѣдствіи, я не имѣю способовъ къ улучшенію ихъ жребія. Вотъ мое оправданіе. Представить по смерти моей сіе духовное завѣщаніе къ утвержденію, куда слѣдуетъ, въ законный срокъ поручаю вышепоименованной пріемной моей дочери, или кому она отъ себя довѣритъ. Генваря 1845 года къ сему духовному завѣщанію Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Савва Андреевъ Москотильниковъ руку приложилъ. Сіе духовное завѣщаніе, съ точныхъ словъ завѣщателя, писалъ Губернскій Регистраторъ Александръ Яковлевъ сынъ Канцеровъ. Что сіе Духовное завѣщаніе Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Саввою Андреевичемъ учинено въ здравомъ умѣ и твердой памяти и подлинно подписано его рукою, въ томъ, свидѣтельствуя, подписуюсь духовный отецъ его, Казанской Николо-Ляпуновской церкви Священникъ, Константинъ Павловъ Полетаевъ. Свидѣтельствую, что сіе духовное завѣщаніе учинено въ здравомъ умѣ и твердой памяти и подписано собственноручно Статскимъ Совѣтникомъ Саввою Андреевичемъ сыномъ Москотильниковымъ Казанскій Вице-Губернаторъ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Матвѣй Демьяновъ сынъ Завѣлейскій. Въ томъ же свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ Надворный Совѣтникъ Иванъ Афанасьевъ сынъ Сокольскій.

Въ вышеприведенныхъ документахъ и письмахъ заключается не мало данныхъ не только для біографіи С. А. Москотильникова, но и для изображенія картины культурнаго состоянія провинціальнаго русскаго общества въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ, равно и по исторіи города Казани.

Недавно стала выходить въ свѣтъ исторія города Москвы, составляемая почтеннымъ ученымъ *И. Е. Забѣлинымъ* по весьма широкой программѣ, имѣющей охватывать всѣ жизненныя проявленія Москвы на всемъ протяженіи ея многовѣковой исторіи.

Подобная исторія Казани пока еще, къ сожалѣнію, немыслима: и не собраны матеріалы, и то, что̀ собрано, мало обработано. Но если когда-либо такая исторія будетъ написана, и если въ этой книгѣ будетъ отведена глава и культурной исторіи нашего города, то одна изъ почетнѣйшихъ страницъ такой главы будетъ, несомнѣнно, посвящена тому лицу, о коемъ трактуютъ собранные нами матеріалы,—С. А. Москотильникову.

IV. Къ исторіи «Арзамаса»

(*„Видѣнія“* МОРЕЛЛЕ и БЛУДОВА).

Какъ извѣстно, внѣшнимъ поводомъ къ основанію Арзамасскаго Общества послужила піэса *Д. Н. Блудова*, написанная въ 1815 г. въ защиту *В. А. Жуковскаго*, на котораго напалъ князь *А. А. Шаховской* въ своей комедіи „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды“. Сочиненіе Д. Н. Блудова „Видѣніе въ какой то оградѣ“ считаютъ подражаніемъ піэсѣ французскаго аббата *Morellet*, „La Vision de Charles Palissot“. Къ сожалѣнію, никто до сихъ поръ не занялся сопоставленіемъ этихъ двухъ піэсъ, чтобы опредѣлить степень зависимости одной отъ другой и сравнительное ихъ достоинство. Такое сличеніе затруднялось еще тѣмъ, что Блудовское „Видѣніе“ оставалось въ рукописи (напечатано теперь *В. И. Саитовымъ* въ „Остафьевскомъ архивѣ князей Вяземскихъ“, въ примѣчаніяхъ къ I тому, стр. 409—413).

Піэса Морелле появилась въ 1760 г. въ самый разгаръ борьбы между французскимъ дворомъ и энциклопедистами. Довольно подробное описаніе интересующаго насъ эпизода можно найти въ книгѣ *И. И. Иванова*, „Политическая роль французскаго театра“, М. 1895, стр. 104—107 и 358—374. Презрѣнный писака *Палиссо* (1740—1814), вставши подъ защиту двора и министровъ „стараго режима“, сдѣлалъ нѣсколько весьма рѣзкихъ и въ высшей степени оскорбитель-

ныхъ вылазокъ противъ лучшихъ и передовыхъ тогдашнихъ французскихъ писателей, преимущественно, противъ *Ж. Ж. Руссо* и кружка энциклопедистовъ, пытаясь ихъ осмѣять въ нѣсколькихъ комедіяхъ, изъ которыхъ „Философы“ были апогеемъ неприличія. „Философы“—хищные обманщики, будто бы пытающіеся эксплуатировать довѣрчивыхъ простаковъ. Они готовы подраться между собой, когда интересы ихъ сталкиваются. Наконецъ грязныя продѣлки ихъ обнаруживаются, и ихъ прогоняютъ. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ является на сцену на четвереренькахъ въ видѣ протеста противъ цивилизаціи. При написаніи своей пьэсы Палиссо воспользовался комедіей *Мольера* „Ученыя женщины“, а въ текстѣ вставилъ массу выдержекъ изъ сочиненій энциклопедистовъ, извращая и коверкая ихъ.

Одинъ изъ второстепенныхъ энциклопедистовъ, аббатъ *Андре Морелле* (1727—1819) былъ такъ возмущенъ этою наглой и скандальною выходкой Палиссо, что выпустилъ убійственный памфлетъ на комедію Палиссо подъ формою ея „Предисловія“. Остальныя обстоятельства будутъ ясны изъ приводимыхъ нами мѣстъ изъ первоисточника, воспоминаній самого Морелле.

„Г. Палиссо поставилъ свою комедію „Философы", гдѣ *Гельвецій*, *Руссо*, *Дидро*, *Даламберъ* и др. были выведены на сцену, какъ плуты, враги всякаго авторитета и разрушители какой бы то ни было морали. Я присутствовалъ на второмъ представленіи вмѣстѣ съ *Мальзербомъ*. Тогда я проживалъ неподалеку отъ театра... Въ негодованіи я вернулся домой,— и почти однимъ разомъ, въ теченіе большей части ночи я написалъ „Предисловіе къ комедіи „Философы".

Я долженъ здѣсь признаться: въ этомъ сочиненіи я значительно переступаю границы литературной шутки по отношенію къ Палиссо, и еще теперь я за свои прегрѣшенія, нельзя сказать, чтобы не испытывалъ угрызеній совѣсти; но коечѣмъ можно нѣсколько извинить мою ошибку. Всѣ тамъ приведенные мною факты изъ жизни Палиссо я получилъ отъ человѣка, пользовавшагося хорошей репутаціею честности, la Condamine. За два дня до того я обѣдалъ у него съ г. Trudaine. Не говорили ни о чемъ иномъ, какъ о новой піэсѣ, которой первое представленіе уже состоялось. Онъ отвелъ меня въ простѣнокъ между окнами (embrassure) и сказалъ мнѣ: „Хотите ли знать, что за человѣкъ нынѣ разыгрываетъ кавалера нравовъ и религіи? вотъ исторія его жизни". Въ то же время онъ прочелъ мнѣ небольшое сочиненіе въ формѣ des Quand, гдѣ Палиссо былъ обрисованъ съ ногъ до головы. Память моя тогда была довольно вѣрная. Я зналъ Ляконда-мина за хорошаго человѣка и хорошаго ловца (fureteur)—и

даже не слишкомъ легковѣрнаго для любопытнаго. Факты, имъ собранные, очень естественно умѣщались въ рамку, которая предо мною открылась.

На слѣдующее утро я отнесъ мой набросокъ къ *Даламберу* и *Тюрго*, моимъ единственнымъ конфидентамъ. Они нашли его очень хорошимъ. Тюрго контрассигнировалъ мое произведеніе, и я послалъ его въ Ліонъ къ Jean - Marie Bruyset, книгопродавцу, моему земляку и другу. Онъ уже напечаталъ мнѣ les Si, и les Pourquoi и „Всеобщую молитву" (La Prière universelle). Черезъ нѣсколько дней онъ вернулъ мнѣ мое сочиненіе напечатаннымъ. Я роздалъ экземпляры нѣсколькимъ разносчикамъ (кольпортёрамъ). Брошюра чрезвычайно быстро разошлась, ее читали повсюду: и въ Тюйлери, и въ Пале-Роялѣ видѣли группы читателей, смѣющихся взрывами смѣха (aux éclats). Я заботливо скрывалъ себя. Но всетаки мнѣ не удалось избѣгнуть самому читать „Предисловіе" въ нѣсколькихъ домахъ, гдѣ за мной признавали талантъ хорошаго чтеца, и я повсюду слышалъ, что брошюра великолѣпна, при чемъ не былъ принужденъ что-либо изъ нея уступать, дабы не обнаружить (déceler) себя.

Къ несчастію мой тріумфъ былъ преходящимъ. Въ свой памфлетъ я помѣстилъ принцесу de Robecq, молодую и хорошенькую женщину. Впрочемъ я, не называя ея, сказалъ только:

„И увидятъ, какъ важная барыня, очень больная, пожелаетъ вмѣсто всякаго утѣшенія передъ смертью,—присутствовать на первомъ представленіи и скажетъ: „Видѣста очи мои мщеніе".

Чтобы понять эти слова, надобно знать, что г-жа Робекъ, которая старалась выказывать (affichait) большую ненависть ко всему, что̀ называли „философами", подверглась уже жестокому нападенію въ предисловіи къ Fils naturel Дидро: ибо съ этихъ поръ знали, что это онъ позволилъ себѣ дойти

до такого увлеченія. Она была въ бѣшенствѣ: она приняла Палиссо, преодолѣла всѣ препятствія, какія полиція противопоставляла представленію его произведенія; наконецъ, умирая отъ чахотки, и харкая кровью, она пришла на первое представленіе подъ руку съ авторомъ и принимала его въ своей ложѣ, откуда ей пришлось уйти въ 4-мъ актѣ.

Это покровительство открытое, аффишированное, казалось мнѣ, удобно могло было быть отмѣчено въ маленькомъ памфлетѣ, разъ оно было столь публичнымъ. Однако это и было слово, которое навлекло на меня lettre de cachet; съ нимъ меня взяли и отвели въ Бастилью, гдѣ я пробылъ 2 мѣсяца безъ всякаго общенія.

Шуазёль любилъ (тогда или прежде) Робекъ. Она умирала. Палиссо мою шутку, гдѣ ей попало, адресовалъ ей, какъ „отъ автора", —жестокость, на которую я былъ неспособенъ. Она потребовала у Шуазёля мщенія. Начались розыски. Разносчикъ (colporteur) продалъ меня.

Коммисаръ и экземптъ полиціи, арестовавшіе меня, потребовали мои бумаги; я выдалъ имъ безъ затрудненій три другихъ маленькихъ сочиненія, которыя я приготовлялъ для слѣдующихъ недѣль, потому что я разошолся (en train) и продолжалъ бы охоту еще долго. Это дало поводъ Вольтеру при извѣстіи о моемъ задержаніи сказать: „Жаль, что такой хорошій офицеръ попалъ въ плѣнъ въ началѣ кампаніи".

Мое плѣненіе окончилось въ послѣдніе дни августа. Своей свободою я обязанъ *Мальзербу*, маршалу *Ноэлю* и особенно женѣ маршала *Люксанбура*. Имъ я обязанъ тѣмъ, что меня не выгнали изъ Парижа,—идея, которую было внушили Шуазёлю нѣкоторые покровители Палиссо. Я долженъ еще сказать, что на мое несчастіе г-жа Робекъ, которую я не могъ считать столь больною, потому что она была на комедіи, умерла приблизительно чрезъ двѣ недѣли послѣ моего заключенія; а это не замедлило поднять противъ меня всѣхъ чув-

ствительныхъ (sensibles) женщинъ и всѣхъ придворныхъ, которые повторяли, что это я ей нанесъ смертельный ударъ, и что на мнѣ слѣдуетъ показать примѣръ. Къ счастью я нашелъ защитниковъ и былъ освобожденъ"...

(Mémoires inédits de l'abbé *Morellet*. Deuxième édition, considérablement augmentée. Tome I. Paris, 1822. Chap. IV, p. 89—93).

Приведемъ теперь самый текстъ памфлета Морелле по его Mélanges de littérature et de philosophie, Paris, т. II, 1818, стр. 1—12. Морелле снабдилъ свое произведеніе такимъ „предувѣдомленіемъ":

„Авторъ помѣщаетъ слѣдующую пьэсу въ число „прегрѣшеній юности"—Delicta juventutis, и по этой именно причинѣ онъ откинулъ бы ее изъ настоящаго собранія, если бы она не составляла части исторіи литературы XVIII в., и если бы она не была сохранена съ сочиненіями Вольтера—того же времени въ сборникѣ подъ заглавіемъ Facéties parisiennes; такимъ образомъ она была черезчуръ распространена, чтобы можно было надѣяться ее совершенно уничтожить. Но, перепечатывая ее, нужно было исключить изъ нея сильныя обвиненія и преувеличенія, какія общественная молва и, безъ сомнѣнія, духъ партіи распространили противъ автора пьэсы „Философы", который, конечно, былъ очень тяжело виноватъ предъ тѣми, кого этимъ именемъ называли, но котораго не слѣдовало побороть тѣмъ же орудіемъ, какое употреблялъ онъ самъ. Авторъ „Видѣнія", связанный съ издателями Энциклопедіи, въ которую онъ поставлялъ нѣкоторыя статьи, заслуживалъ извиненія за то, что онъ хотѣлъ защитить ихъ въ глазахъ правительства отъ того рода преслѣдованія, какое противъ нихъ возбуждали. Но, защищая дѣло своихъ друзей —и свое собственное, онъ сознается, что преступилъ законные предѣлы, и проситъ, чтобы эта пьэса была печатаема не въ иномъ видѣ, какъ она вошла въ это изданіе".

Предисловіе

къ комедіи „Философы“ или Видѣніе Шарля Палиссо.

И въ первый день мѣсяца января года отъ Р. Х. 1760 сидѣлъ я у себя въ комнатѣ въ улицѣ Basse-du-Rempart, и не имѣлъ нисколько денегъ.

И я сказалъ: „Охъ, кто дастъ мнѣ краснорѣчіе г-на Chaumeix [1]), легкость Бертье, и глубину Фрерона? И я напишу хорошую сатиру, и продамъ ее за 400 франковъ, и къ Пасхѣ подарю себѣ новый камзолъ“.

И я вращалъ эти мысли въ своемъ умѣ, и я услышалъ голосъ, называвшій меня по имени, и былъ я охваченъ страхомъ, потому что я боюсь, даже когда я одинъ, и голосъ ободрилъ меня и сказалъ мнѣ:

„Я избралъ тебя изъ тысячи, чтобы освятить театръ французской комедіи, чтобы сдѣлать изъ него училище религіи, и чтобы побороть тамъ философію, какъ до сего дня тамъ поборали смѣшное.

„И комедія станетъ назидательнымъ зрѣлищемъ, и капуцины станутъ туда посылать своихъ послушниковъ, и настоятели семинарій — молодыхъ своихъ клерковъ, и благочестіе будетъ примирено съ театромъ, какъ уже примирили его съ разумомъ [2]).

---

[1]) О *Шомеи* см. у *В. А. Бильбасова*, Дидро въ Петербургѣ, СПБ., 1884, стр. 289—290, примѣчаніе № 30. Шомеи умеръ въ Москвѣ, гдѣ былъ школьнымъ учителемъ.

[2]) Намекъ на сочиненіе епископа du Puy, брата г. де Помпиньяна, подъ заглавіемъ «О благочестіи, примиренномъ съ разумомъ» (de la Dévotion réconciliée avec l' esprit), о которомъ Даламберъ говаривалъ, что это — la réconciliation normande (примиреніе притворное).

„И станутъ отнынѣ распознавать набожныхъ по ихъ постоянному пребыванію (assiduité) въ комедіи и по рукоплесканіямъ, какія они тебѣ будутъ расточать,—а людей нерелигіозныхъ и философовъ,—по презрѣнію, съ какимъ они будутъ относиться къ твоей пьэсѣ и къ ея поклонникамъ.

„И ты разрисуешь гнусными красками философію, и ты обвинишь философовъ въ томъ, что у нихъ нѣтъ ни доброй нравственности, ни честности, что они подстрекаютъ къ мятежу и ненавидятъ правительство: и въ твою пользу я заставлю замолчать законы, которые строго осуждаютъ (proscrivent) клевету.

„И ты преувеличишь ошибки тѣхъ немногочисленныхъ, которые въ метафизическихъ трудахъ своихъ черезчуръ далеко пошли въ свободѣ мысли, и отравишь ядомъ то, что̀ они скажутъ истиннаго.

„И ты станешь убѣждать своихъ зрителей, что люди всегда похожи на свои книги, потому что на этомъ ты самъ еще выиграешь: ты не будешь обезславленъ болѣе, нежели твои произведенія.

„И ты дашь понять, что у всѣхъ тѣхъ, кого зовутъ философами, убѣжденія одни и тѣ же, чтобы заблужденія одного кого-нибудь сдѣлали ненавистными всѣхъ прочихъ.

„И наименованіе философіи будетъ на французскомъ языкѣ обидою: и когда увидятъ, какъ кто-либо приноситъ другому вредъ, скажутъ: „это—философъ!“

„И, чтобы назначать на мѣста въ академіяхъ, не станутъ болѣе спрашивать, какія у кандидатовъ сочиненія, а—кто ихъ духовникъ; и у дверей въ залу повѣсятъ кружку (tronc) и кропильницу, и пріемныя разсужденія будутъ проповѣди противъ безвѣрія (incrédulité).

„И пригласятъ колоніи испанскихъ и португальскихъ монаховъ, дабы возстановить простоту вѣры и чистоту нравовъ изъ вѣковъ невѣжества, и чтобы искоренить философію, —учредятъ нѣсколько трибуналовъ св. инквизиціи.

„И ничего не станутъ печатать, что̀ не будетъ одобрено тремя докторами богословія изъ Коимбры или Саламанки и четырьмя инквизиторами.

„И каждый годъ будетъ по маленькому auto da fé, гдѣ станутъ сжигать въ изображеніи (in effigie),—но это только въ теченіе первыхъ лѣтъ,—извѣстное число литераторовъ во спасеніе и поученіе прочимъ.

„И когда ненавистный свѣтъ этой проклятой философіи окончательно будетъ затушенъ, и всѣ знаменитые люди, которые теперь посреди васъ, разсѣятся по Голландіи, Пруссіи, Англіи, вы всѣ возликуете и скажете:

Enfin tout philosophe est banni de céans,
Et nous n'y vivrons plus qu'avec d'honnêts gens!

„Наконецъ всякій философъ отсюда изгнанъ—
И мы останемся поживать только съ честными людьми“ [1]).

И твоя именно комедія произведетъ эти великія событія.

„И я сказалъ голосу: „Какъ же исполнится слово твое? вѣдь я не знаю театра: у меня нѣтъ иной извѣстности, кромѣ, какъ черезъ философовъ, на которыхъ я написалъ мои „Маленькія письма“ (Petites lettres). Моя трагедія Zarès была извѣстна лишь по II акту; моихъ „Опекуновъ“ (Tuteurs) забыли вплоть до имени; а за то, что въ Нанси я написалъ пьэсу „Оригиналы“, которая неизвѣстна до сего дня, меня едва не выгнали изъ академіи“.

И голосъ продолжалъ: „Не бойся ничего! Я пребуду съ тобою, и я дарую твое пьэсѣ счастливый успѣхъ; и мэтръ *Алиборонъ*, по прозванію Фреронъ, членъ Анжерской академіи, поможетъ тебѣ въ работѣ, и авторъ Cacouacs (Моро), котораго я вдохновила, и Авраамъ Chaumeix, и авторъ апологіи Сентъ-Бартелеми (Caveyrac), котораго я наименовала сыномъ мо-

---

[1]) Два стиха изъ комедіи «Философы».

имъ, и авторъ рѣчи, которая 10 марта будетъ произнесена во французской Академіи (Помпиньянъ).

„И ты соберешь эпиграммы начальниковъ клермонской коллегіи, и декламаціи Journal'я de Trévoux, и клеветы изъ Année littéraire, и тонкости „Какуаковъ" и аргументы Gazette ecclésiastique, и остроты твоихъ болтуній, и черты краснорѣчія изъ епископскихъ посланій.

„И ты возьмешь избитую интригу, и ты сопоставишь нѣсколько сценъ, одну подлѣ другой; и эти сцены будутъ либо пустыя мудрствованія, либо грубыя клеветы, либо возмутительныя нападки на личности; и ты назовешь это „Философы".

„И ты прочтешь свою пьэсу монсеньёру епископу В. (Du Puy) прежде представленія, и онъ найдетъ ее очень поучительною.

„И увидятъ одну большую барыню, очень больную (мадамъ де Р.), желающую вмѣсто всякаго утѣшенія, прежде, чѣмъ умереть, присутствовать на первомъ представленіи твоей пьэсы и она скажетъ:

„Нынѣ отпущаеши рабыню твою, Владыко, съ миромъ, яко видѣста очи мои мщеніе".

„И эта большая барыня въ своемъ завѣщаніи откажетъ сумму на благочестивыя цѣли—на покупку сотни билетовъ въ партерѣ на каждое представленіе твоей комедіи,—и билеты будутъ распредѣлены для большей славы Бога и твоей—между людьми, которые обяжутся апплодировать; и чтобы быть еще болѣе увѣреннымъ въ ихъ голосахъ, ты въ заключеніи скажешь черезъ одного изъ твоихъ актеровъ, что „старинный вкусъ еще держится въ партерѣ".

„И дворъ, и городъ захотятъ посмотрѣть твою комедію, и толпа тамъ будетъ больше, чѣмъ на первыхъ представленіяхъ „Заиры", и удвоятъ полицейскій нарядъ, и продастся, когда напечатаютъ, твоей піесы 20,000 экземпляровъ.

„И хотя бы твоя піеса была безъ интереса, хотя бы она была жалка и плоска, мои слуги станутъ рукоплескать зловредностямъ, какія ты расточишь, и мы сдѣлаемъ людей образованныхъ—смѣшными, а философовъ ненавистными.

И я сказалъ голосу: „Я въ рукахъ твоихъ, что̀ глина въ рукахъ горшечника; но начальство (magistrats) не захочетъ дозволить представленія моей комедіи, и чтобы этотъ родъ зрѣлищъ укоренился въ нашемъ народѣ; актеры не пожелаютъ ее играть, и если ее представятъ, то я подвергаюсь случайности, что меня прикончитъ кто-нибудь изъ тѣхъ, кого я оскорбилъ".

И голосъ продолжалъ: „Имѣй увѣренность! я предъ тобой изглажу всѣ затрудненія; могущественные люди станутъ покровительствовать твоей піесѣ и спрячутся за нее; и для тебя одного отклонятся отъ обыкновенныхъ полицейскихъ законовъ; и не позволятъ на сценѣ представлять притворство, скандалъ, плутовство, глупости и т. п., но одну только философію разрѣшатъ.

„И актеры возлюбятъ денежки болѣе, нежели честь, и не станутъ ожидать, чтобы ихъ силой принуждали играть твою пьесу; и если кто изъ ихъ товарищей (дѣвица Clairon) представитъ имъ, что они утратятъ дружбу литераторовъ, которыхъ они почитали, они найдутъ хорошимъ, что ты на самомъ ихъ театрѣ нападаешь на этого нескромнаго цензора; и ты сообщишь твоимъ актерамъ, что эти плуты - философы нашли себѣ приверженцевъ даже среди актрисъ.

„И чтобы обезопасить тебя противъ исправленія, котораго ты долженъ бояться, ибо тамъ, гдѣ законы молчатъ, возвращаетъ себѣ право насиліе, я ожесточу спину твою, какъ горбъ верблюдовъ Мадіана и Эфа, и кожу твою, словно шкуру дикихъ ословъ (онагровъ) въ пустынѣ.

„И если ты такимъ образомъ исполнишь мои желанія, хотя бы ты и былъ наималѣйшій среди литераторовъ, ты

сразу станешь знаменитостью, и на тебя будутъ показывать пальцемъ, и скажутъ: „Вотъ *авторъ пьэсы*: „*Философы*“! *вотъ онъ*!“ Ибо твой малый духъ я избралъ, дабы побить геній,— и невѣжество твое, чтобы обезславить знаніе.

И друзья литературы не захотятъ болѣе принимать тебя у себя на дому, какъ до твоей комедіи; но они спросятъ, что̀ ты за человѣкъ, и что дѣлалъ ранѣе, чѣмъ написалъ комедію „Философы“.

„И разскажутъ имъ, какъ ты происходишь изъ уроженцевъ Нанси, и какъ ты съ раннихъ поръ творилъ невеликія произведенія и великія глупости.

„И какъ ты составилъ комедію въ Лотарингіи, гдѣ ты вывелъ на сцену женщину, почтенную и по роду, и по талантамъ, г-жу дю Шатле (Châtelet), и философа, которому ты не достоинъ развязать шнурки у башмаковъ (Ж. Ж. Руссо); и какъ честные люди, твои земляки, хотѣли выгнать тебя изъ Нансійской академіи, и какъ философъ, котораго ты и обругалъ, и еще обругаешь, былъ твоимъ предстателемъ.

„И какъ посреди нѣкоей оргіи ты отрекся отъ христіанства передъ однимъ изъ твоихъ товарищей (Poinsinet).

„И какъ Фреронъ, членъ Анжерской академіи, нашелъ тебя годнымъ способствовать его великимъ намѣреніямъ, и взялъ тебя къ себѣ въ нору лаять съ нимъ и надругаться надъ талантами и геніемъ.

„И когда такимъ образомъ соберутъ твои дѣянія и подвиги и нѣсколько ознакомятся съ твоими малыми твореніями, то удивятся, какъ это ты-то сталъ апостоломъ нравственности и защитникомъ религіи; и ты отвѣтишь, что рвеніе покрываетъ множество прегрѣшеній, и что больше значитъ быть доказчикомъ, чѣмъ невѣрующимъ, и больше клеветникомъ, нежели философомъ,—и твой отвѣтъ найдутъ хорошимъ.

„И если тебя спросятъ, кто тебя послалъ, и кто тебѣ приказалъ писать твою комедію, ты скажешь, что это я, и я сейчасъ дамъ тебѣ себя знать, и открою тебѣ глаза.

И голосъ пересталъ вѣщать, и я почувствовалъ, что какъ-бы облако разсѣевается предъ моими зрачками, и я узрѣлъ маленькую женщину, одѣтую въ разноцвѣтное платье, и она была въ прическѣ конца царствованія Луи XIV; и она держала въ правой рукѣ стилетъ, а въ лѣвой—четки, и съ руки ея свѣшивались на лентахъ—кресты разныхъ орденовъ, командорскіе жезлы, бархатныя судейскія шапочки, много митръ, патенты всякаго рода и большое количество кошельковъ.

И она дѣлала много гримасъ.

И глаза ея были опущены, и она смотрѣла внизъ и назадъ себя съ безпокойствомъ.

И я видѣлъ, что она замѣтно росла, пока я на нее глядѣлъ, и я сдѣлаю предположеніе, что чрезъ малое время она будетъ сильна и могущественна.

И на лбу ея было написано: Набожность *политическая*", и на груди ея: „Я жду".

И я распростерся у ногъ ея, и она дала мнѣ одинъ изъ кошельковъ, и она положила мнѣ на голову руку, и я почувствовалъ себя одушетвореннымъ ея духомъ, и я сѣлъ писать—свою комедію „Философы", какъ отсюда само собой понятно (comme il s'en-suit).

Перейдемъ теперь къ памфлету Д. Н. Блудова, направленному противъ князя А. А. Шаховскаго и А. С. Шишкова.

Видѣніе въ какой-то оградѣ,

изданное обществомъ ученыхъ людей.

Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable.

Предувѣдомленіе отъ издателей.

Общество друзей литературы, забытыхъ Фортуною и живущихъ вдали отъ столицы, собиралось по назначеннымъ днямъ въ одномъ Арзамасскомъ трактирѣ. Тамъ члены Общества за столомъ, покрытымъ ветхою скатертью и не обремененнымъ блюдами, проводили вечера въ разговорахъ о предметѣ, ими любимомъ; никогда не ссорились, но часто спорили, и споры ихъ иногда продолжались до утра. Случилось, что въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, возлѣ ихъ скромной академіи, за тонкою перегородкою, ночевалъ какой-то пріѣзжій, никому незнакомый въ Арзамасѣ. Но вдругъ, въ срединѣ ночи, спокойствіе литературнаго разговора было нарушено страннымъ шипѣньемъ и бормотаньемъ какъ будто сквозь сонъ. Эти чудные звуки выходили изъ комнаты пріѣзжаго, а любопытство—порокъ не однѣхъ женщинъ. Оно возбудилось въ Арзамасскомъ ученомъ обществѣ. Одинъ молодой членъ подошелъ къ перегородкѣ, за нимъ другіе. Широкая щель открыла передъ ними догорающій ночникъ, постелю и тучное тѣло

ихъ сосѣда [1]). Онъ былъ погруженъ въ крѣпкій сонъ, но сонъ не мѣшалъ ужасному волненію. Долго чудесный проѣзжій вертѣлся подъ одѣяломъ, наконецъ спустился съ постели и началъ бродить по комнатѣ. Бока его раздувались отъ одышки, потъ лился съ него градомъ, ежеминутно у него вырывались невнятныя слова; но вдругъ онъ остановился, размахнулъ руками и, не просыпаясь, даже не переставая храпѣть, громкимъ голосомъ прокричалъ реляцію о какомъ-то видѣніи. Потомъ, безъ отдыха и продолжая спать, онъ повторилъ ее въ другой, въ третій, въ четвертый разъ и наконецъ столько разъ, что члены Общества успѣли записать всѣ слова его отъ перваго до послѣдняго. Общество почитаетъ обязанностью сообщить сіе видѣніе публикѣ. Само по себѣ оно не весьма любопытно; но не можетъ ли послужить дополненіемъ къ исторіи магнетическаго сна? Что касается до сочиненій и авторовъ, о которыхъ грезилъ проѣзжій, то, вѣроятно, они не существуютъ. По крайней мѣрѣ, ни имена сихъ авторовъ, ни ссоры ихъ не дошли до свѣдѣнія мирныхъ литераторовъ Арзамаса.

Видѣніе въ какой-то оградѣ.

И было въ лѣто второе отъ Лейпцигской битвы, въ мѣсяцъ третій, въ день пятый на десять, и былъ въ Словесницѣ и видѣлъ въ Словесницѣ мерзость и запустѣніе, и отъ чтенія стиховъ моихъ пронзилъ меня хладъ полунощи.

И вотще обращалъ я взоры мои одесную и ошую и по стѣнамъ обнаженнымъ чертога, и по сѣдалищамъ, и по лавкамъ, и не было ни друговъ, ни соглядатаевъ.

И чтеніе стиховъ моихъ достигало средины, и всѣ словесные братія уснули вмалѣ, и смутился я духомъ моимъ, и помыслилъ: „Возстану, иду во свояси“.

И былъ я въ оградѣ Словесницы, и встрѣтила меня буря зѣльна и была вьюга отъ страны сѣверной и отъ по-

[1]) Князь А. А. Шаховской.

морія, и отъ Москвы, и отъ Волги, и снѣгъ осыпалъ меня, бѣлый, какъ волна агнцевъ юнчихъ, и дрожалъ я, какъ листья древа проклятаго.

И началъ я глаголать въ сердцѣ моемъ и сказалъ: „Нѣтъ надежды на счастіе, и лишился я всѣхъ подпоръ моихъ; и разсердилъ я слѣпца Эдипа, и раздразнилъ я безумца Леара, и надоѣлъ я прочимъ друзьямъ моимъ; и нѣтъ уже друзей у меня, и нѣтъ денегъ, и есть заимодавцы".

И клялъ я судьбу мою, творящую наперекоръ мнѣ во всѣхъ дѣлахъ моихъ, ибо слезливъ я въ сатирахъ своихъ и забавенъ въ своихъ трагедіяхъ; и хочу я, чтобъ смѣялись надъ врагами моими, и смѣются одни враги мои; и люблю я красавицу, и уродъ мнѣ любовница; и пишу я стихи, и стихи мои—проза.

И вздохнулъ я отъ глубины утробы моей, и воскликнулъ я гласомъ великимъ и тонкимъ: „О, кто стихамъ моимъ дастъ игривость и легкость Мѣшкова, и силу тельца Барабанова, и чистоту двухъ Хлыстовыхъ!" [1]).

„И дерзну я, и возгремлю сатирами, и напишу я сатиру на моихъ благодѣтелей; и преложу я сатиру въ комедію, и комедію начиню я балетами, и за казенный убытокъ возьму изъ казны я пятьсотъ рублей, и не заплачу я долговъ моихъ".

„И что помышляю о радостяхъ? Уже не блистать мнѣ въ листкахъ и на сценѣ; уже прежнія чада главы моей скончалися тихою смертію, и новыя чада родятся полумертвыя".

И умолкъ я, и восплакалъ я, какъ послѣ успѣха чужой трагедіи, и положилъ я руки мои на чрево мое, и очи мои сокрылись въ ланитахъ моихъ.

И се послышалъ я въ десномъ ухѣ моемъ нѣкій гласъ охриплый и рѣзкій, какъ гласъ вѣтра въ ущеліяхъ горныхъ, какъ гласъ чтеца на Словесницѣ.

---

[1]) Александръ Семеновичъ Шишковъ, Петръ Матвѣевичъ Карабановъ, Хвостовы Александръ Семеновичъ и графъ Дмитрій Ивановичъ.

И помыслилъ я: „Се не Мѣшковъ ли глаголетъ?“ и озрѣлся я, и узрѣлъ сквозь оконце Мѣшкова, предъ столомъ спящаго.

И гласъ охриплый шепталъ мнѣ на ухо шуее; и озрѣлся я и узрѣлъ единую колесницу ветхую и внималъ единому храпу конскому.

И страхъ зѣльный напалъ на меня, и воздымались останки власовъ моихъ, и помышлялъ я о бѣгствѣ, и чрево мое давило ноги мои, и былъ я недвижимъ, какъ ходъ комедій моихъ.

И сказалъ мнѣ гласъ охриплый: „Не бойся!“ И испугался я больше прежняго.

И снова сказалъ мнѣ гласъ охриплый: „Не бойся, озрися вспять и зри, и узришь!“

И подъялъ меня какъ духъ бурный, и подвигнулъ меня, и сталъ я чревомъ къ дому Словесницы, и не узрѣлъ я дома Словесницы.

И на мѣстѣ дома Словесницы узрѣлъ я нѣкій міръ извращенный, и тамъ, въ сумракѣ странномъ, предметы мѣняются въ видахъ своихъ, и маки тамъ кажутся розами, и за ѳиміамъ курится тамъ ельникъ, и гуща квасная тамъ кажется нектаромъ, и толокно тамъ—амброзія, и гудки почитаются лирами.

И носился въ туманѣ свитокъ великій, какъ ветхій столбецъ Приказа посольскаго, и развивался столбецъ, и по малу исшелъ изъ столбца чудный призракъ во образѣ старца.

И явился мнѣ старецъ въ лучахъ изъ замерзлыхъ сосулекъ, и лицо его было, какъ древняя хартія, и власы его, какъ снѣгъ вешній, съ багрянымъ пескомъ перемѣшанный.

И старецъ возсѣлъ на два мѣха изъ кожи воловьей, и исполнены мѣхи корнями словесъ, и предъ мѣхами сидящій, обнимая колѣна мрачнаго старца, внималъ ему и лелѣялъ его, какъ чадо избранное, и вѣщалъ мнѣ призракъ: „Чадо второе, приди и внимай мнѣ!

„И почто смущаешься духомъ, и почто ужасаешься скудости мыслей, и что плачешь надъ безплодіемъ главы твоей? И духъ твой не зависитъ отъ мыслей, и даръ твой не требуетъ знаній, и даръ твой питается чувствомъ единымъ, живущимъ вѣчно въ тебѣ и во мнѣ.

„И оное чувство и сушитъ насъ, и пучитъ, и грызетъ насъ, и движетъ, и не престанетъ возбуждать насъ, и мы не престанемъ писать, доколѣ будетъ чуждое счастіе, доколѣ будутъ терзать насъ успѣхи ума;

„И когда погибнутъ таланты, и когда глупость возсядетъ на судилище вкуса, и тогда мы умолкнемъ, и увы! не придетъ сіе время!

„И онымъ чувствомъ безсмертнымъ умертвилъ ты геній, создавшій въ Россіи трагедію, и почто есть другіе? О, чадо! Ополчись и успѣвай, и завидуй, и уязвляй!

„И напиши нѣчто и назови сіе нѣчто комедіей, и раздѣли сіе нѣчто на пять тетрадей, и тетрадь назовется дѣйствіемъ.

„И хвали ироевъ русскихъ, и усыпи ихъ своими хвалами, и тверди о славѣ Россіи, и будь для русской сцены безславіемъ, и русскій языкъ прославляй стихами не русскими.

„И подражай Моліеру, и никто не узнаетъ Моліера, и превращай тонкое въ грубое, и забавное въ сонное, и Селимену въ знакомку Буянова;

„И то не главное въ твоей нареченной комедіи; но омочи перо твое въ желчь твою и возненавидь кроткаго юношу, дерзнувшаго оскорбить тебя талантами и успѣхами;

„И разъярись на него безплодною яростью, и лягни въ него десною рукою твоею и твоей грязью природной обрызгай его и друзей его:

„И представь не то, что̀ въ немъ есть, но чего ты желалъ бы ему; и, чтобъ онъ казался глупцомъ, ты вложи въ него умъ свой, и стихи его да завянутъ въ рукахъ твоихъ,

какъ цвѣты отъ куренія смраднаго, и заснетъ онъ спокойно подъ шумомъ ругательствъ твоихъ;

„И въ день оный придетъ къ тебѣ храбрость чудесная, и потъ хладный покроетъ тебя и стихи твои и достигнетъ до зрителей;

„И ты будешь остороженъ и мудръ, и соберешь ты полчище крѣпкое, и будутъ въ томъ полчищѣ тридесять креселъ и сто мѣстъ за креслами и пять-на-десять воинственныхъ женъ и сто воиновъ пѣшихъ:

„И поставится полчище отъ верху чертога до ниву и отъ десныя страны и до шуія, и отъ скрипицъ и до преддверія, и единый воинъ, какъ бѣсомъ движимый, приближится къ спокойнымъ врагамъ твоимъ и вопьется въ спящаго юношу;

„И, внимая мнимымъ стихамъ твоимъ, всѣ зрители будутъ преходить постепенно отъ жалости къ гнѣву и отъ гнѣва къ презрѣнію и отъ презрѣнія ко сну;

„И во всеобщемъ успеніи вознесется громъ дружины твоей, и громъ не разбудитъ зрителей, зане еще будутъ тянуться стихи твои;

„И когда отыдутъ стихи твои, и се враги твоя воскликнутъ: „И сперва да явится онъ, усыпитель нашъ, да приметъ дань благодарности за благодѣяніе неумышленное“;

„И будетъ дружина твоя плескать тебѣ по найму и презирать тебя даромъ, и будетъ Словесница, зѣвая, хвалить тебя;

„И ты будешь одинъ восхищаться собою и съ умиленіемъ скажешь: „Се нынѣ день торжества, и свершилось мщеніе, и безъ барыша я отыду въ домъ свой, но съ миромъ, и всѣмъ глупцамъ миръ“.

И престалъ вѣщать старецъ, и вложилъ онъ мнѣ въ сердце главу зміи малой, и наполнился я духа старчаго, и престало видѣнное, и сбудется.

Въ обѣихъ приведенныхъ пьэсахъ центральное мѣсто занимаетъ „видѣніе". У Морелле этотъ являющійся призракъ есть аллегорическая фигура политической реакціи, у Блудова же—отдѣльное, реальное лицо, Шишковъ. Во французской сатирѣ литераторъ Палиссо изображенъ излагающимъ въ видѣ предисловія къ комедіи тѣ обстоятельства, коими сопровождалось ея написаніе. У насъ—передаютъ якобы подслушанную „реляцію" князя А. А. Шаховского, будто бы находящагося въ „магнетическомъ снѣ". Русская варіація въ естественности уступаетъ французскому подлиннику. Внѣшняя библейская форма удержана и у Блудова.

Громадное различіе замѣчается въ точкѣ зрѣнія на предметъ и въ общемъ значеніи сатиры.

Морелле жестоко нападаетъ на личность Палиссо; онъ искусно комбинируетъ всѣ данныя его біографіи и создаетъ отталкивающую, уничтожающую каррикатуру, строгую вѣрность которой, однако, самъ потерпѣвшій не можетъ отрицать. Всею силою своего благороднаго негодованія обрушивается Морелле на подлаго и продажнаго пасквилянта, имѣющаго за собою за то внѣшнюю силу и могущество. Морелле уничтожаетъ личность противника, но его интересуетъ не самая эта личность; его оружіе направлено не на жалкаго и презрѣннаго Палиссо, а на ту всесильную партію, которая не побрезговала воспользоваться услугами темной личности якобы для защиты оскорбляемой религіи и нравственности. Морелле въ лицѣ Палиссо поражаетъ дворъ Людовика XV, угрясшій

въ неслыханномъ развратѣ—и тѣмъ не менѣе выдающій себя поборникомъ добрыхъ нравовъ, облыгающій „философовъ", мнимыхъ враговъ цивилизаціи и добра. Наша русская сатира избрала себѣ несравненно болѣе скромную задачу. Перунъ мечется не во французскихъ грозныхъ дѣятелей политической реакціи, преслѣдующей науку и литературу, готовой разсадить „философовъ" по тюрьмамъ и Бастильямъ. „Видѣніе" въ какомъ то градѣ" имѣетъ цѣлію высмѣять двухъ довольно добродушныхъ литературныхъ дѣятелей, поклонниковъ стараго вкуса, осмѣливающихся не восторгаться безусловно всѣми поэтическими твореніями молодежи. И самъ авторъ Д. Н. Блудовъ—далеко не Морелле по убѣжденіямъ и характеру дѣятельности, да и Шишковъ съ Шаховскимъ не Палиссо, а въ общемъ люди не безъ заслугъ.

Морелле, уничтожая Палиссо, больно поражалъ развращенныхъ герцоговъ и епископовъ, стоявшихъ у кормила правленія. Стрѣлы остроумія Блудова задѣваютъ только личности Шишкова и Шаховского, какъ представителей обветшалой „Словесницы", т. е. „Бесѣды любителей русскаго слова"; поэтому сатира Блудова, строго говоря, есть, по преимуществу, сатира характера не общественнаго, а личнаго.

Личность Палиссо обрисована во весь ростъ и главнымъ образомъ со стороны внутренней и нравственной. Сатира Блудова не такъ сильна по чувству и не такъ глубока по содержанію, какъ французская. Соотвѣтственно этому, и личности двухъ старцевъ осмѣяны со стороны внѣшности. Съ особенною любовью Блудовъ смѣется надъ толщиною Шаховского, надъ его тонкимъ голосомъ, надъ узенькими глазами и т. д. У Шишкова высмѣяны его охриплый голосъ, цвѣтъ лица, сѣдые его волосы (!). Изъ душевныхъ свойствъ и обстоятельствъ жизни потерпѣвшихъ подверглись осмѣянію у Шаховского задолженность, неуспѣхъ его собственныхъ театральныхъ піэсъ (неправда!) и вздохъ зависти при успѣхѣ

чужихъ, сожительство съ „уродомъ", актрисою Катериной Ежовою, трусость; у Шишкова задѣты его любовь къ корнесловію и его „старчій духъ", сродный змѣиной головѣ....

Сравнивая „видѣнія" Морелле и Блудова, мы не можемъ не притти къ тому заключенію, что русская сатира, уступая французской по глубинѣ содержанія, художественности формы и силѣ чувства, стоитъ значительно ниже ея какъ по широтѣ замысла, такъ и по степени важности общественнаго и литературнаго значенія.

О происхожденіи этой піэсы Блудова *Ф. Ф. Вигель* сообщаетъ слѣдующее (Записки, изд. 1892 г., ч. IV, стр. 172): „Для полученія наслѣдства Блудовъ когда то ѣздилъ въ Оренбургскую губернію. Дорогой случилось ему остановиться въ Арзамасѣ; рядомъ съ комнатой, въ которой онъ ночевалъ, была другая, куда нѣсколько человѣкъ пришли отужинать, и ему послышалось, что они толкуютъ о литературѣ. Тотчасъ молодое воображеніе его создало изъ нихъ общество мирныхъ жителей, которые въ тихой, безвѣстной долѣ своей посвящаютъ вечера сужденіямъ о предметѣ, который тогда исключительно занималъ его. Воспоминаніе объ этомъ вечерѣ и о другомъ, проведенномъ со мною, подало ему мысль библейскимъ слогомъ написать нѣчто подъ названіемъ „Видѣніе въ какой то оградѣ". Арзамасскіе любители словесности въ одно изъ своихъ вечернихъ собраній слышатъ странный шорохъ въ сосѣдней комнатѣ; Шаховской въ магнетическомъ снѣ бродитъ по ней; они прислушиваются, а онъ разсказываетъ, какъ въ памятную намъ бурную ночь вздумалось ему остановиться передъ окошкомъ опустѣвшей залы дома Державина, и какія чудеса ему тамъ привидѣлись. Потомъ принимается онъ исповѣдывать всѣ тайные, но всѣмъ извѣстные грѣхи свои. Писано было отмѣнно забавно, а для Шаховского съ товарищами довольно язвительно".

V. И. П. Мятлевъ и народное остроуміе.

(*„Разговоръ барина съ Аѳонькой“*).

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ пользовался популярностью въ литературныхъ кругахъ, а также у нѣкоторой части читающаго общества И. П. Мятлевъ („Ишка Мятлевъ“, какъ его окрестилъ Лермонтовъ). Особенно нравился созданный имъ типъ степной помѣщицы, Курдюковой, ѣздящей по заграницамъ и сыпящей разсказами на французско-нижегородскомъ нарѣчіи, пополамъ съ русскимъ языкомъ. Разсказы этой барыни самъ Лермонтовъ готовъ былъ затвердить „отъ слова до слова“. Мятлевъ въ легкихъ стишкахъ смѣялся вообще надъ аристократничаньемъ дурнаго тона, надъ французящими русскими интеллигентами, отставшими отъ своего родного, русскаго, не понимающими Россіи и своего собственнаго народа.

Изъ стихотвореній въ этомъ родѣ распространенностью пользовался „Разговоръ барина съ Аѳонькой“, напечатанный впервые въ III томѣ сборника А. Ф. Смирдина „Сто русскихъ литераторовъ“, 1845, стр. 126—130. Баринъ разспрашиваетъ своего бѣглаго двороваго, Аѳоньку объ его жизни на волѣ и о состояніи своей деревни; тотъ отвѣчаетъ ему каламбурами, которые баринъ принимаетъ за чистую монету.

Бѣлинскій вообще относился строго къ твореніямъ Мятлева, но объ его „Разговорѣ“ высказалъ слѣдующее весьма вѣрное сужденіе (Сочиненія, изд. 1860 года, т. IX, стр. 470):

„Разговоръ барина съ Аѳонькой дѣйствительно хорошъ, и потому, впрочемъ, что не сочиненъ г. Мятлевымъ, а списанъ имъ со словъ какого-нибудь Аѳоньки, почему и отличается тѣмъ особеннымъ юморомъ, который такъ свойственъ людямъ этого сословія, когда они разсуждаютъ о барахъ“.

Бѣлинскій угадалъ въ этомъ случаѣ. Мятлевъ почти цѣликомъ, дословно записалъ шуточный діалогъ, ходячій въ народѣ. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ табеллярнаго сравненія „Разговора“ Мятлева съ слѣдующимъ разговоромъ изъ собранія *А. Н. Аѳанасьева* „Русскія народныя сказки“, т. III, изд. II, 1873 г., стр. 396—397, статья 230, „Хорошо и худо“, варіантъ *с*. Обѣ редакціи риѳмованы. Риѳмы у насъ отмѣчены курсивомъ.

Разговоръ барина съ Аѳоньной. **Хорошо и худо.**

Баринъ.

Здравія желаю, гг. *сенатдры!*
Я прихожу изъ банковой *кон-*
торы—
Не французскій, не нѣмецкій,
человѣкъ *россійскій*,
Приношу вамъ поклонъ *низкій*.
Эй, малый!
Жены моей *приданой*,
Кривой *крѣпостной*,
Удалая головка, долбленой *глазъ*:
Много ли *васъ*?

Аѳонька.

Одинъ!

Баринъ.

А это ты, Аѳонька!...
Ты, который бѣжалъ, когда я *женился?*
Да куда жъ ты *сокрылся?*

—Аѳонька! гдѣ былъ-побывалъ, какъ отъ меня *бѣжалъ?*

Аѳонька.

А я, съ позволенія Вашего, въ деревнѣ Вашей подъ овиномъ *сидѣлъ.*

—Въ вашей, сударь, деревнѣ— у мужика подъ овиномъ *лежалъ.*

— Ну, а кабы овинъ то *вспыхнулъ?*
— Я бъ его прочь *отпихнулъ!*

Баринъ.

Дуракъ! А если бъ этотъ овинъ *сгорѣлъ?*

— А кабы овинъ то *загорѣлся?*

Аѳонька.

Я бы, съ позволенія Вашего, вышедши, руки *погрѣлъ!*

— Я бы, сударь, *погрѣлся!*

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы, какой онъ грубіянъ!

— Стало, ты мою деревню знаешь?

Ну, скажи, пожалуйста, Аѳонька:
Ты жилъ въ моей деревнѣ—
Какъ мои мужики живутъ?

— Знаю, сударь.

— Что, богаты мои мужички?

Аѳонька.

Зажиточно.

Баринъ.

Да какъ зажиточно?

Аѳонька.

Да очень зажиточно!

Баринъ.

Да какъ же, братецъ мой, зажиточно?

Аѳонька.

А такъ зажиточно,
Что въ семи домахъ одинъ топоръ:

— Богаты, сударь! у семи дворовъ одинъ топоръ,
да и тотъ безъ топорища.
— Что жъ они съ нимъ дѣлаютъ?

По утру дрова *рубятъ*,
А вечеромъ въ кулакъ *трубятъ*.

— Да въ лѣсъ ѣздятъ, дрова *рубятъ*: одинъ то дрова рубитъ,
а шестеро въ кулакъ *трубятъ*.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенатòры!
Слѣдовательно, мои мужики—плотники и музыканты.
Ну скажи, пожалуста, Аѳонька, какъ у меня хлѣбъ уродился?

— Хорошъ ли хлѣбъ у насъ?

Аѳонька.

Хорошо-съ!

Баринъ.

Да какъ хорошо?

Аѳонька.

Да очень хорошо.

Баринъ.

Да какъ же, братецъ ты мой,
хорошо?

Аѳонька.

А такъ хорошо,
Что колосъ отъ *колоса*—
Не слыхать дѣвичья *голоса*;
Снопъ отъ снопа—
Столбовая верста;
А копна отъ копны—
Цѣлый день ѣзды!

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы!
Слѣдовательно, мой хлѣбъ хорошо уродился.
Что же, Аѳонька, хлѣбъ то мой продали,
Или сюда везутъ?

— Хорошъ, сударь! Снопъ отъ снопа—будетъ цѣлая верста; копна отъ копны—день ѣзды!

— Гдѣ жъ его склали?
— На вашемъ дворѣ, на печномъ столбѣ!
— Хорошее это дѣло!

Авонька.

Нѣтъ! его не продали, и не сюда везутъ,
А ваши шелудивыя собаки разыгрались
И уронили весь хлѣбъ въ лахань!

— Хорошо, да не очень: Ваши борзыя разыгрались; столбъ *упалъ* — хлѣбъ въ лохань *попалъ*.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенатòры!
Слѣдовательно, мой хлѣбъ *пропалъ*.

— Неужто весь *пропалъ*?

Авонька.

Нѣтъ! не пропалъ, а въ потребу *попалъ*.

Баринъ.

Что же изъ него *сотворили*?

Авонька.

Бражку *сварили*.

— Нѣтъ, сударь солоду наро*стили*, да пива навар*или*.

— А много вышло?
— Много! въ ложкѣ растирали, въ ковшѣ разводи*ли*! 77 бочекъ накат*или*!

Баринъ.

Да пьяна ли эта брага?

— Да пьяно ли пиво?

Авонька.

Пьяна.

Баринъ.

Да какъ же пьяна?

Аѳонька.

Да очинно пьяна.

Баринъ.

Да какъ же, братецъ мой, пьяна?

Аѳонька.

Да такъ пьяна,
Что, если *старость* поднесть,
Да его милость тройнымъ полѣномъ оплесть,
То его милость и со двора не свесть.

— *Вамъ, сударь,* ковшомъ поднесть, да четвертнымъ полѣномъ сверху оплесть, такъ и со двора не свесть.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенатòры!
Какой онъ грубіянъ!

Изъ сравненія этихъ двухъ редакцій мы убѣждаемся, что перемѣны, внесенныя въ народную тему „Разговора" Мятлевымъ отъ себя, весьма незначительны. Они всѣ сводятся вотъ къ чему. Въ началѣ прибавлено обращеніе барина къ какимъ то „сенатòрамъ", заявленіе о приходѣ изъ банка, гдѣ, надо полагать, баринъ раздобывалъ денегъ, и признаніе себя русскимъ человѣкомъ. Оклика Аѳоньки и запроса, сколько людей, нѣтъ у Аѳанасьева, но они имѣются въ другомъ народномъ пересказѣ „Разговора", которой мы приведемъ ниже. Затѣмъ въ самомъ діалогѣ вставлены три раза Мятлевымъ *повторенія* вопросовъ: о степени зажиточности мужиковъ, о хорошемъ уро-

жаѣ и о пьяности браги; еще внесены комичные выводы барина о томъ, что его мужики—музыканты, и что хлѣбъ уродился хорошо, да замѣчанія о грубіянствѣ Аѳоньки. Полѣно, которое предлагаютъ поднести *барину,* Мятлевъ назначаетъ старостѣ—вѣроятно, въ угоду цензурѣ. Эти несущественныя вставки, замѣтимъ, *расширяютъ* объемъ разсказа. Но самый народный разсказъ остался у Мятлева совершенно безъ измѣненій—даже со всѣми риѳмами.

Для того, чтобы лучше убѣдиться въ народномъ происхожденіи мятлевскаго „Разговора барина съ Аѳонькой", приведемъ еще одинъ народный варіантъ, сохраненный у *С. В. Максимова*, и кое въ чемъ дополняющій варіантъ Аѳанасьева.

„Между шутками наибольшимъ уваженіемъ пользуется слѣдующій діалогъ въ родѣ театральнаго представленія, разыгрываемаго обыкновенно барскими лакеями. Разговариваютъ двое: одинъ одѣтъ бариномъ, другой рваным лакеемъ. Разговоръ этотъ вездѣ почти одинъ и тотъ же.

Баринъ: Аѳонька Новò*й*!

Аѳонька: Чего, Баринъ голò*й*?

Б: Много ли *васъ* у *насъ*?

А: Одинъ только я, сударь.

Б: Стой, не расходись: я буду повѣр*ять*—всякаго въ ремесло какое назнач*ать*, въ Питеръ на выучку посыл*ать*. Отчего ты, мошенникъ, бѣ*жалъ*?

А: Вашу милость за волосы подер*жалъ*.

Б: Я бы тебя прост*илъ*, а, можетъ, и нагр*адилъ*: въ острогъ бы тебя пос*адилъ*!

А: Я, сударь, не зн*алъ*,—а то бы еще дальше забѣ*жалъ*!

Б: Гдѣ жъ ты это время прожив*алъ*?

А: Да все въ вашей новокупленной деревнѣ—въ сараѣ проле*жалъ*.

Б: А! такъ ты и новокупленную деревню мою знаешь? Скажи-ко, братъ, каково крестьяне мои живутъ?

А: Хорошо живутъ, баринъ: у семи дворовъ одинъ топоръ.

Б: Какъ же они, мошенникъ, дрова то *рубятъ?*

А: Одинъ *рубитъ*, а семеро въ трубы *трубятъ*. А вотъ хлѣбъ у нихъ, баринъ, хорошъ уродился.

Б: А каковъ въ самомъ дѣлѣ?

А: Колосъ отъ *колосу* не слыхать дѣвичья *голосу*; копна отъ копны на день ѣзды—а какъ тише поѣдешь, такъ и два дни проѣдешь.

Б: А что они съ нимъ сдѣлали?.

А: А взяли, собрали, истолкли да и поставили подъ печной столбъ просушить. Да несчастьицо, сударь, повстрѣчалось.

Б: Какое?

А: Были у нихъ двѣ кошки блудливы: пролили лоханку, хлѣбъ то и подмочили.

Б: Что же они съ нимъ сдѣлали: неужто такъ и бросили?

А: Нѣтъ, баринъ: они сварили пиво, да такое чудесное, что, если Вамъ его стаканъ подне*сти* да сзади четвертиннымъ полѣномъ опле*сти*, такъ будетъ пле*сти*.

Вотъ и театръ доморощенный; но монологъ этотъ смѣшилъ дѣвокъ до хохоту, а на почтенныхъ лицахъ вызывалъ лишь легкую улыбку, да и то въ деревняхъ, что̀ называлось прежде, вольныхъ, т. е. у крестьянъ государственныхъ".

(*С. Максимовъ*, Лѣсная глушь. Картины народнаго быта, т. II, Спб. 1871, стр. 48—49, статья „Крестьянскія посидѣлки въ Костромской губерніи", описаніе святочной вечеринки").

Этотъ варіантъ Максимова кончается тамъ же, гдѣ и редакція Мятлева. Аѳанасьевскіе варіанты идутъ далѣе. Аѳонька повѣствуетъ о разныхъ промыслахъ, къ какимъ онъ прибѣгалъ во время своего житья на волѣ. По отношенію къ Аѳанасьевской передачѣ редакція Мятлева представляетъ лишь первую часть ея. Но Максимовскій разсказъ показываетъ, что

въ народѣ ходила и краткая редакція, совершенно соотвѣтствующая по объему и предмету повѣствованія—той редакціи, которая была слышана и записана Мятлевымъ.

На основаніи всего изложеннаго выше, нельзя не признать совершенно ошибочнымъ такое сужденіе новѣйшаго біографа Мятлева, *А. Амфитеатрова* (при трехтомномъ изданіи Іогансона, 1894 г., т. I, стр. XXVII—XXVIII):

„Бѣлинскій при всей своей антипатіи къ таланту Мятлева не отказался признать печать народности на „Разговорѣ барина съ Аѳонькой". Предположеніе, будто этотъ разговоръ записанъ съ натуры, *ошибочно*! Юмористическіе диспуты въ такомъ родѣ весьма многочисленны, разнообразны и по большой части очень длинны. Мятлевъ же далъ намъ *совершенно самостоятельный варіантъ*, попытавшись въ немъ *кратко и сжато* (!) изложить *всѣ* типическія особенности народнаго остроумія этихъ глумливыхъ каррикатуръ на халатное барство и продувную дворню".

Бѣлинскій вовсе *не* ошибся въ своемъ предположеніи, что „Разговоръ барина съ Аѳонькой" былъ подслушанъ Мятлевымъ, и съ нѣкоторыми несущественными добавками записанъ именно съ натуры. Редакція Мятлева, какъ мы видѣли выше, какъ разъ совершенно не самостоятельна, а рабски воспроизводитъ народный діалогъ; притомъ она не передаетъ *всѣхъ* типическихъ особенностей его остроумія, ибо воспроизводитъ лишь начало, первую часть діалога, но передаетъ его не сжато и не кратко, а наоборотъ, въ распространеніи и въ расширеніи, благодаря собственнымъ несущественнымъ вставкамъ Мятлева.

Дополненія.

Къ біографіи В. С. Печерина.

Приведемъ еще нѣкоторыя вновь собранныя нами извѣстія о жизни этого эллиниста-монаха.

Любопытныя свѣдѣнія о предкахъ и родственникахъ Владимира Сергѣевича имѣются въ мемуарахъ его родного дяди: „Записки о моихъ предкахъ и о себѣ, на память дѣтямъ въ 1816 г. сдѣланныя въ 5 главахъ". Составлены онѣ *Ѳедоромъ Пантелеймоновичемъ* Печеринымъ (1737—1816), братомъ отца нашего писателя, и напечатаны Алексѣемъ Владимировичемъ *Телесницкимъ* въ „Русской Старинѣ", т. 72, 1891 г. (г. 22), декабрь, ст. VIII, стр. 587—614.

О родѣ Печериныхъ или Печерскихъ дядя профессора, Ѳедоръ Пантелеймоновичъ Печеринъ сообщалъ слѣдующее (стр. 587):

„Предки мои, по прозванію *Печерскіе*, выѣхали въ Россію изъ Польши; но кто именно изъ нихъ, и въ которомъ году выѣхалъ,—неизвѣстно. Въ званіи были нѣкоторые купеческомъ. Печеринымъ писаться сталъ дѣдъ мой Ѳедоръ Ивановичъ". Когда его двоюродный братъ, баронъ Василій Петровичъ *Поспѣловъ* представилъ его Государю Петру I, послѣдній, приподнявъ ему волосы, падавшіе ему на лобъ, произнесъ: „Въ этомъ маломъ будетъ путь!" Елизавета 24 февраля 1737 г. произвела указомъ Ѳедора Ив. Печерина изъ лакеевъ въ

мундшенки съ жалованьемъ отъ вотчинной канцеляріи по 40 р. въ годъ (стр. 588). Потомъ Ѳ. И. былъ обермундшенкомъ (обязанность его была подавать питье Государынѣ при столѣ). Его жена была сидѣльницей при Императрицѣ (укладывать спать и говорить, пока не уснетъ). Елизавета очень благоволила къ Ѳ. И. Печерину, называла его „*дядею*"; когда она замѣчала, что онъ, стоя при ней, дремалъ во время ужина, говорила: „Дядя спать хочетъ: пора вставать!" и сама выходила изъ-за стола. У Ѳедора Ивановича былъ сынъ *Пантелеймонъ Ѳедоровичъ* или *Пантій*, воспитанникъ въ Пажескомъ корпусѣ. Онъ постоянно былъ при дворѣ и пользовался милостью Императрицы и И. И. Шувалова. По смерти Елизаветы Государь Петръ III приказалъ дать знать Печерину Ѳ. И-чу и другимъ нѣкоторымъ придворнымъ, что онъ не любитъ *стариковъ*-большихъ *париковъ*, и что ему угодно ихъ отставить съ награжденіемъ чиномъ генералъ-майора; Ѳ. И. отвѣчалъ: „Что̀ намъ за честь, ежели нечего будетъ ѣсть!" И Государь приказалъ дать имъ по 700 душъ. Но по случаю скораго паденія Петра III Ѳ. И. Печеринъ не успѣлъ получить ни чина, ни денегъ (стр. 589—591).

Сынъ его и дѣдъ поэта, Пантелеймонъ Ѳедоровичъ былъ выпущенъ изъ корпуса поручикомъ въ 1764 г. и отставленъ капитаномъ въ 1770 г.; съ 1775 г. служилъ по полиціи въ Москвѣ, въ IX части (стр. 592—593). Былъ женатъ на Вѣрѣ Владимировнѣ *Дружининой* и выдалъ дочь за капитана А. Д. *Аристова*. Служилъ П. Ѳ. потомъ еще засѣдателемъ верхняго суда въ Рязани (стр. 600).

Младшій его сынъ и отецъ поэта, *Сергѣй Пантелеймоновичъ* родился въ 1781 г. и служилъ въ военной службѣ. Около 1806 г. женился на дочери статскаго совѣтника *Симоновскаго* (въ селеніи Кобыжчѣ Козелецкаго уѣзда Черниговской губерніи); впослѣдствіи полковникомъ въ отставкѣ С. П. проживалъ въ Одессѣ. У него былъ единственный сынъ

Владимиръ, профессоръ (стр. 608, прим.) Старшій братъ С. П—ча и дядя поэта, Ѳедоръ Пантелеймоновичъ (тоже не чуждый литературѣ, какъ переводчикъ книгъ: „Новый Робинзонъ", „Храмъ Мадры", „Цвѣтокъ на гробъ Людовика XVI", „Французскій или новый Жилблазъ"; онъ учился у профессора Матвѣя *Гаврилова*) служилъ въ Преображенскомъ полку каптенармусомъ (стр. 599) и выпущенъ сержантомъ (1792—1794 г.), а въ 1795 г. переименованъ въ капитаны. Въ 1796 г. назначенъ въ Казань землемѣромъ по генеральному межеванію. Еще ранѣе, въ 1792 г. онъ бывалъ въ Казани у своего дяди, *И. С. Ильина*, служившаго совѣтникомъ Казенной палаты. Въ Казани Ѳ. П. пробылъ до 1803 г., когда Межевая контора отсюда переведена была въ Вятку (стр. 607). Ѣздилъ въ Москву, гдѣ и нашелъ брата Сергѣя, изъ полку въ отпускъ пріѣхавшаго. Съ нимъ вмѣстѣ отправился Ѳ. П. въ деревню, а оттуда и съ батюшкой въ Егорьевскъ, гдѣ утвердили раздѣлъ имѣнія (стр. 608). Женатъ былъ Ѳ. П. на урожд. *Ясинской* и умеръ въ 1835 г. въ званіи члена Московской межевой канцеляріи (стр. 604). Дочь его, Вѣра Ѳедоровна (1800—1852) вышла въ 1835 г. замужъ за московскаго сенатора Николая Яковлевича *Трегубова* (прим. на стр. 617). Поэтъ-профессоръ (моложе ея на 8 лѣтъ) поддерживалъ съ ней дружбу и переписку. Одно его письмо къ ней приведено у насъ въ I части сего труда на стр. 112—113.

О студенческихъ годахъ В. С. Печерина другъ его юности (въ тотъ же кружокъ входили еще *А. В. Никитенко* и *Ѳ. В. Чижовъ*), *Дм. Вас. Полѣновъ*, племянникъ тогдашняго попечителя петербургскаго округа, *К. М. Бороздина*, сообщаетъ:

„Изъ студентовъ университета, кончившихъ курсъ во время попечительства Бороздина, онъ особенно поддерживалъ

А. В. Никитенка, которому и далъ ходъ, *Ѳ. В. Чижова*, нынѣшняго московскаго дѣятеля, а въ началѣ своего поприща занимавшаго каѳедру математики въ званіи адъюнктъ-профессора, *В. Печерина*, котораго онъ высоко ставилъ за его способности къ изученію языковъ. Прибавимъ къ нимъ покойнаго В. С. Порошина" (стр. 74, изъ письма *Д. В. Полѣнова* къ М. П. Погодину отъ 19 іюня 1869 г. Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ. 1869, т. I, приложенія, или стр. 62—63 въ „Очеркѣ жизни и дѣятельности *Д. В. Полѣнова*," сост. *И. Хрущовымъ*, Спб., 1879, приложенія).

К. М. Бороздинъ, изъ числа первыхъ нашихъ палеологовъ и археологовъ, былъ женатъ на дочери извѣстнаго друга Г. Р. Державина—*Н. А. Львова*—Прасковьѣ Николаевнѣ, которая воспитывалась у „барда Екатерины", ходила за нимъ до смерти и описала его кончину (изд. Я. К. Грота, т. VIII, стр. 998). В. С. Печеринъ хвалилъ державинскіе переводы изъ Анакреона (тамъ же, стр. 758).

„Существуетъ предсказаніе, что Петербургъ когда-нибудь погибнетъ отъ воды, и что море его зальетъ. Лермонтовъ, одаренный большими самородными способностями къ живописи, какъ и къ поэзіи, любилъ чертить перомъ и даже кистью видъ разъяреннаго моря, изъ-за котораго подымалась оконечность Александровской колонны съ вѣнчающимъ ее ангеломъ. Въ такомъ изображеніи отзывалась его безотрадная, жаждавшая горя фантазія" (Воспоминанія графа Влад. Александр. *Сологуба*, СПБ. 1887, стр. 43). Это предсказаніе, повидимому, было извѣстно и В. С. Печерину.

Замѣтимъ еще, что въ нѣкоторыхъ спискахъ поэма Печерина озаглавлена такъ: „Pot-pourri или чего хочешь, того просишь!—для февральскаго праздника 1834 года".

Сотрудничая въ журналахъ *Н. И. Греча*, Владиміръ Сергѣевичъ началъ себѣ пріобрѣтать нѣкоторую извѣстность,

какъ писатель. Нѣкій провинціалъ („Петербургъ въ 1831—1832 гг. по письмамъ провинціала. Изъ писемъ *И. В. Росковшенка*", „Русская Старина", г. 31, за 1900 г., февраль, т. 101, ст. XI, стр. 480) пишетъ отъ 2 октября 1831 г.:

„На дняхъ познакомился съ однимъ поэтомъ, который участвуетъ въ „Сынѣ Отечества", *Печеринымъ*. Онъ здѣсь въ университетѣ, кажется, читаетъ латинскій языкъ. Онъ обожаетъ Шиллера и живетъ въ мірѣ идеаловъ. Самъ онъ, кажется, въ литературномъ отношеніи много значитъ".... и отъ 22 октября 1831 г.: „я обязанъ своей лѣни, что незнакомъ (?) до сихъ поръ съ Печеринымъ" (стр. 482).

Насчетъ отправленія В. С. Печерина за границу въ ученую командировку мы нашли слѣдующее сообщеніе у *Н. М. Колмакова*, „Домъ и фамилія графовъ Строгоновыхъ" (1752—1887), гл. V, стр. 84—85 въ „Русской Старинѣ", г. 18, за 1887 г., т. 54, апрѣль, ст. IV:

„Мы твердо помнимъ то время, когда С. Г., живя въ Петербургѣ, назначенный въ 1835 г. попечителемъ московскаго университета, собиралъ отовсюду свѣдѣнія о талантливыхъ молодыхъ людяхъ, любящихъ науку и въ особенности исторію.

Разговаривая съ нимъ по этому предмету, и зная, какъ студ. СПБ-скаго унив., что окончившій въ ономъ курсъ наукъ *Грановскій* посвятилъ себя исключительно исторіи и уже написалъ статью о евреяхъ, я указалъ ему на *Грановскаго* и *Печерина*, какъ на способнѣйшихъ молодыхъ людей.

Рекомендація моя, какъ юнаго студента, не остановила графа; онъ, увѣрившись въ правдивости моихъ словъ, немедленно вызвалъ Грановскаго и Печерина, предложилъ имъ ѣхать за границу и потомъ занять каѳедры въ московскомъ университетѣ. Послѣдствія всего этого извѣстны.

Но добавимъ, что графъ не только искалъ и поощрялъ талантливыхъ и способныхъ молодыхъ людей къ наукѣ и вообще на полезный трудъ: нѣтъ, онъ дѣлалъ болѣе сего. Онъ слѣдилъ за сими молодыми людьми и научалъ ихъ держаться

добра и быть достойными гражданами Россіи.... Въ подтвержденіе сего скажемъ, что Печеринъ, избранный имъ на каѳедру, кажется, классической литературы (sic) въ Москвѣ, впослѣдствіи измѣнилъ своему назначенію. Отправившись заграницу, онъ подъ вліяніемъ іезуитовъ не пожелалъ возвратиться въ отечество и остался тамъ. Графъ *несказанно скорбитъ объ этомъ*, пишетъ къ нему, напоминаетъ ему о долгѣ и совѣтуетъ возвратиться въ отечество. Но все было тщетно: Печеринъ остался заграницею."

Не можемъ не выразить своего сомнѣнія по поводу этого разсказа. Выходитъ, что всею своею профессорской карьерою Печеринъ былъ обязанъ Н. М. Колмакову, который порекомендовалъ его графу С. Г. Строганову!! Намъ сдается, что Печеринъ при своихъ связяхъ ничуть не нуждался въ протекціи строгоновской, а тѣмъ паче—колмаковской. Печеринъ былъ любимецъ попечителя К. М. Бороздина (см. выше), гдѣ его поддерживалъ секретарь Бороздина, А. В. Никитенко; въ качествѣ еще студента Печеринъ стяжалъ особенное покровительство профессора и академика *Х. Ф. Гребе.* Кромѣ того, переводы изъ греческой антологіи обратили на Печерина милость С. С. Уварова, вскорѣ занявшаго мѣсто министра народнаго просвѣщенія, и стоявшаго подъ сильнымъ вліяніемъ Грефе (I ч., стр. 95—98). Наконецъ министромъ въ то время былъ балтъ, свѣтлѣйшій князь Карлъ Андреевичъ *Ливенъ*, а Грефе самъ былъ женатъ (стр 93, тамъ же) на балтійкѣ, лифляндской дворянкѣ, Хедвигѣ Карловнѣ *Самсонъ фонъ Химмельшерна*, и какъ нѣмецъ-академикъ, несомнѣнно, долженъ былъ быть близокъ къ министру, остзейскому дворянину. Въ своихъ мемуарахъ (тамъ же, стр. 104—105) Печеринъ не говоритъ, кто за него ходатайствовалъ на счетъ командировки, но по смыслу контекста и цѣлаго разсказа ясно, что этимъ Печеринъ обязанъ, преимущественно, Грефе и Уварову, которымъ онъ и писалъ изъ за-границы о своихъ занятіяхъ; ни однимъ словомъ онъ не упоминаетъ о графѣ С. Г. Строгоновѣ, у кото-

раго потомъ служилъ въ Москвѣ. Протекція Колмакова могла пригодиться Грановскому, не имѣвшему другихъ связей, но, не смотря на всѣ увѣренія разсказчика, его „твердая память" ему, очевидно, измѣнила касательно Печерина. Притомъ, если бъ Печеринъ точно далъ обязательство отслужить свою профессорскую стипендію въ Московскомъ университетѣ, то былъ бы прямо изъ за-границы и посланъ туда. А между тѣмъ, по сообщенію А. В. Никитенка (ч. I сего труда, стр. 123) попечитель, князь Дондуковъ-Корсаковъ сильно настаивалъ на назначеніи Печерина (и Крюкова) не въ Московскій, а именно, въ его родной, Петербургскій университетъ; въ Москву же Печеринъ попалъ лишь потому, что и „другіе университеты тоже нуждаются въ профессорахъ". При вопросѣ о размѣщеніи вернувшихся изъ-за границы профессорскихъ стипендіатовъ по различнымъ университетамъ, Московскій попечитель дѣйствительно могъ требовать Печерина къ себѣ на пустовавшую каѳедру греческой словесности. Это и могъ имѣть въ виду эмигрантъ Печеринъ, 23 марта 1837 г. писавшій изъ -за границы французское письмо графу С. Г. Строганову, какбы упрекая его: „Вы *призвали* меня въ Москву... Ахъ, г. графъ, сколько зла Вы сдѣлали, сами того не желая!" (I ч. сего труда, стр. 138).

Ко времени службы В. С. Печерина профессоромъ Московскаго университета относятся слѣдующія замѣтки:

С. П. Шевыревъ, совершенно обошедшій Печерина въ „Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей", въ „Исторіи Московскаго университета" (стр. 559) замѣчаетъ, что кандидатъ Печеринъ служилъ въ 1836 г. до начала іюня.

Д. В. Волуевъ пишетъ *И. В. Кирѣевскому* 21 ноября 1835 г. (Татевскій Сборникъ *С. А. Рачинскаго,* Спб., 1899. ч. I, ст. IX, стр. 104):

„Университетъ поправляется, и особенно словесное отдѣленіе: новые два профессора—греческаго и латинскаго, *Печеринъ* и Крюковъ отличные, а философію будетъ читать Надеждинъ, котораго выпишутъ изъ чужихъ краевъ".

Изъ бумагъ *В. П. Барышникова*, бывшаго до 1837 г. чиновникомъ особыхъ порученій при Московскомъ генералъ-губернаторѣ, князѣ *Д. В. Голицинѣ* („Русскій Архивъ", за 1901 г., кн. 3, стр. 527—528) мы ознакомились съ „Извѣтами И. М. Снегирева," профессора латинской словесности при университетѣ и изслѣдователя русской старины. Ничто же сумняся, почтенный профессоръ доносилъ, что въ Москвѣ существуетъ два тайныя общества: въ одномъ начальникомъ проф. *И. И. Давыдовъ* (!), въ другомъ *С. Т. Аксаковъ*. Наружно они ведутъ борьбу, но на самомъ дѣлѣ оба общества суть члены одного, главами котораго являются митрополитъ *Филаретъ* (sic) и *М. М. Сперанскій*! Въ приложенномъ спискѣ среди членовъ фигурируютъ все—коллеги Ивана Михайловича, профессоры (528): Чивилевъ, Иноземцевъ, Филомаѳитскій, *Печеринъ*, воспитанникъ Сперанскаго (sic); эта выдумка должна была, надо полагать, доказывать особенную зловредность Печерина, воспитанника самого главы этого тайнаго общества), Крюковъ, воспитанникъ Уварова (!), Павловъ, Надеждинъ и т. д., словомъ всѣ молодые, сколько-нибудь выдающіеся профессора, особенно побывавшіе за границей. Неизвѣстно, имѣла ли какія-либо послѣдствія эта ябеда....

Къ эмигрантскому періоду жизни В. С. Печерина относятся замѣтки: въ 1860 г. ѣздилъ въ Англію для свиданія съ В. С. Печеринымъ *Ѳ. В. Чижовъ*, его давній другъ („Русскій Архивъ" за 1896 г., т. I, стр. 385, письма *А. О. Россетъ*).

У Герцена въ его журналѣ отъ 15 марта 1863 г., № 159, стр. 1317(б), отмѣчено, что въ „общій фондъ (для пособія нуждающимся эмигрантамъ) полученъ отъ В. Печерина 1 фунтъ стерлинговъ", а въ № 36, стр. 298 отъ 15 февраля 1859 г. редакція просила прислать для „Полярной Звѣзды" списокъ стихотвореній Печерина: „Торжество смерти", „Поликратъ Самосскій", „Годовщина".

Г. *Хрущовъ* въ своей брошюрѣ „Очеркъ жизни и дѣятельности Д. В. Полѣнова", Спб. 1879, сообщаетъ (прим. 3 на стр. 23): „О Печеринѣ сохранились воспоминанія знавшихъ его людей, какъ о человѣкѣ, выходящемъ изъ ряду по силѣ ума и количеству глубокихъ познаній... Онъ еще въ молодыхъ годахъ удалился за границу, перешелъ въ католичество и *нынѣ находится въ Ирландіи въ санѣ епископа.*" Тамъ-же приведены отрывки изъ писемъ „лучшаго друга Дмитрія Васильевича", Ѳ. В. Чижова, писавшаго ему въ 1873 г. по поводу юнаго поколѣнія: „Припомни начало *пятницъ* у Никитенка: тоже всё было юное поколѣніе, всё ломающее, но не лихо, правда, въ меньшемъ объемѣ ломки" (на этихъ пятницахъ бывалъ и Печеринъ), и въ томъ же году; „Третьяго дня я получилъ письмо изъ Дублина отъ Печерина, въ которомъ къ тебѣ (т. е. къ Д. В. Полѣнову) относятся слѣдующія строки: „Жаль, что ты не писалъ мнѣ прежде, что остановишься у Полѣнова; я бы просилъ тебя отдать ему отъ меня низкій поклонъ; я очень хорошо его помню, какъ самаго любезнаго и солиднаго собесѣдника въ кругу Никитенка".

---

29 августа 1842 г. Ѳ. В. Чижовъ писалъ А. В. Никитенку изъ Остенде:

„Третьяго дня я разстался съ Печеринымъ, пробылъ у нихъ въ монастырѣ почти сутки. Онъ, кажется, очень и очень доволенъ своимъ положеніемъ, и это мнѣ тоже доставило удовольствіе. Вникнувши въ ихъ бытъ, я понялъ его довольство: обстоятельства и самолюбіе воспитали въ немъ страсть къ дѣятельности. За нею онъ бросался повсюду, и

не справляясь съ своими силами, поднимая на плечи тяжести, налагаемыя не убѣжденіемъ, а безпредѣльно высокимъ понятіемъ о себѣ, и низкимъ—о людяхъ, онъ падалъ подъ ними на каждомъ шагу. Разумѣется, по общему порядку вещей, вездѣ виноваты были люди—одни за то, что при его появленіи не подняли знамя свободы и не провозгласили его своимъ диктаторомъ, другіе — за то, что при первомъ его словѣ не сдѣлали его представителемъ европейской учености и не разослали объявленія по всему міру, какъ о Пикѣ Мирандолійскомъ, а преспокойно заставили учить за $^1/_2$ франка—и то снисходя къ его бѣдности. Сквернавцы-люди цѣнятъ только то, что̀ приноситъ имъ существенную, нравственную или физическую пользу, и не вѣрятъ на слово. Является онъ въ монастырь; монахамъ того и надобно. Первое, онъ—образованный человѣкъ, и на него можно указать, какъ на заблудшаго сына, обратившагося къ католицизму не по дѣтской простотѣ, а по убѣжденію, увидѣвъ въ немъ единственный источникъ святой истины. Второе,—греко-россійскаго исповѣданія, о чемъ было возвѣщено во всѣхъ газетахъ. Третье, онъ превосходно знаетъ древніе и новѣйшіе языки. Они его поняли превосходно. Говорятъ ему: „Сынъ плоти, ты думаешь здѣсь найти отдыхъ; не такъ мы смотримъ на жизнь нашу: каждая минута наша посвящена на служеніе Богу. Онъ предписываетъ намъ пути дѣятельности, и каждый шагъ нашъ есть шагъ человѣчества“. Почти это говорилъ мнѣ монахъ изъ братіи Печерина. Ему только того и надобно. Но—говорятъ они, „испыталъ ли ты себя, достанетъ ли у тебя силъ исполнить высокое назначеніе“? И вотъ пища самолюбію и надменности! Испытай себя, тебѣ годъ на испытаніе. Оно состоитъ въ безусловной покорности души и тѣла; каждую недѣлю долженъ ты отдавать отчетъ и въ твоихъ дѣйствіяхъ, и въ твоихъ помышленіяхъ; всегда неожиданно одинъ изъ братіи имѣетъ право спросить тебя о твоихъ мысляхъ и чувствахъ.

Къ этому присоедините строгое веденіе и наблюденіе въ пищѣ, питіи и всѣхъ мелочахъ жизни. Все это открыло имъ Печерина всего совершенно, что̀, впрочемъ, и не трудно. Они увидѣли, что онъ жаждетъ дѣятельности, но въ то же время не имѣетъ ни малѣйшей воли; конечно, уму его дано обширное поприще науки, именно его лингвистикѣ; лишь только онъ вздумаетъ зайти далѣе, монахъ улыбнется и говоритъ: „Этого мы не ожидаемъ, нѣтъ: для нашего высокаго назначенія мало дѣтскихъ силъ человѣческихъ". Это все Печеринъ самъ мнѣ разсказывалъ, разумѣется, смотря на это съ другой точки зрѣнія. Чувствамъ дана полная свобода. Волѣ ни одного шагу, ни полшагу, а онъ только того и желалъ. Мы говорили съ нимъ все по-французски; по русски онъ говорилъ неохотно; къ тому же, по правиламъ монастырскимъ, во всякомъ дѣйствіи, выходящемъ изъ общаго хода, непремѣнно долженъ быть свидѣтель изъ братіи. Не знаю, подчиняясь ли этому правилу, или желая избѣгнуть глазъ на глазъ нашего разговора, только онъ не оставался со мною ни на минуту; однажды онъ пришелъ, а *брата* его не было тутъ; онъ тотчасъ же пошелъ за нимъ,—и тотъ уже сказалъ, что это не необходимо. Въ религіозныхъ понятіяхъ мы сошлись, но не могли сойтись съ исключительностію ихъ одѣяній (?) и съ тѣмъ, что, какъ онъ говоритъ: „Богъ оцѣнитъ наше самопожертвованіе и вознаградитъ насъ". Я говорю: „Господа, развѣ вы не вознаграждены такъ хвалимымъ вашимъ спокойствіемъ"? Не знаю, шутя ли, или вправду, они очень приглашали меня быть ихъ братомъ. Я говорю: „Нѣтъ, господа: мнѣ Богъ далъ другое служеніе". Они мнѣ предлагали даромъ учить меня по-голландски и по-испански; я принялъ ихъ предложеніе и сказалъ, что воспользуюсь имъ при случаѣ.

Жаль мнѣ одного, что Печеринъ не христіански говоритъ, когда дѣло коснется до образованности Россіи и до формы нашей религіи".

(„Русская Старина“, 30-ый годъ изданія, т. 100, за 1899 г., ноябрь, стр. 367—368).

Относительно времени смерти В. С. Печерина полагаютъ, что онъ скончался въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго XIX вѣка.

Къ статьямъ о Д. В. Веневитиновѣ.

Мѣсто изъ Оссіана, переведенное Веневитиновымъ, было переводимо еще *Н. И. Гнѣдичемъ* и *П. А. Катенинымъ*. Въ сочиненіяхъ Гнѣдича, изд. 1884, т. I, стр. 8—23 имѣются „Красоты Оссіана или пѣсни въ Сельмѣ"; слова Кольмы на стр. 11—12. „Въ Сочиненіяхъ и переводахъ въ стихахъ" Павла Катенина, 1832 г., ч. II, пѣсни Сельмы занимаютъ стр. 5—17, причемъ пѣснь Кольмы помѣщена на стр. 6—7. Замѣтимъ еще, что ту же пѣснь Кольмы въ 1799 году стихами переводилъ на русскій языкъ еще *А. Х. Востоковъ*; переводъ его не сохранился (см. *В. И. Срезневскій*,—Замѣтки Востокова о его жизни, СПБ. 1901, стр. 16 и 62).

Приведемъ еще два стихотворенія на смерть Д. В. Веневитинова.

Разговоръ на гробѣ поэта.

Посѣтитель.

Веди меня, честной отецъ,
На гробъ священный, гдѣ пѣвецъ
Уснулъ такъ рано вѣчнымъ сномъ.

Пустынникъ.

Но говорите вы о комъ?

Посѣтитель.

Гдѣ Веневитинова гробъ?

Пустынникъ.

Ну, какъ не знать! да, вотъ сугробъ.
Идти не безпокойно ль вамъ?
Не привыкать ужъ грѣшнымъ намъ...
Ходить по снѣгу не впервой.
Вонъ, за рѣшеткою простой,
Весь снѣгомъ занесенный камень.

Посѣтитель.

И не горитъ священный пламень
На гробѣ томъ, гдѣ ты сокрытъ,
Любимецъ дѣвственныхъ Харитъ!

Пустынникъ.

Вѣдь онъ схороненъ здѣсь недавно.
Намъ матушка его исправно
Гостинцы возитъ, дай Богъ ей!
Насъ помнитъ милостью своей.
Какая жъ добрая, ей Богу...
Ну что прочистить бы дорогу:
Пройдти нельзя—лѣнивцы все!
Житье-съ въ монастырѣ, житье!

Посѣтитель.

Простите мнѣ вопросъ нескромный:
Когда житейской жизни (?) волны
Носили Васъ по морю бѣдъ,
Зналъ ваше имя: но обѣтъ
Предъ небомъ Вы произнесли,
Простившись съ радостьми земли;

Съ тѣхъ поръ я видѣлъ Васъ едва ли.
Скажите же, какъ Васъ назвали,
Въ безплотный постригая чинъ?

Пустынникъ.

Всемногогрѣшный Валентинъ.

Посѣтитель.

А! Валентинъ.... вотъ Вы съ мечтами
Разстались навсегда; а нами
Играетъ жизнь, какъ вѣтръ перомъ.

Пустынникъ.

Не сказано ль: кто Божій домъ
Селеній грѣшныхъ паче любитъ,
И ради истины святой
Свою кто душу коль погубитъ,
Блаженный обрѣтетъ покой?...

Посѣтитель.

Да, да, и Вы получше стали.

Пустынникъ.

Мы чужды въ сихъ стѣнахъ печали,
И монастырскій хлѣбъ при томъ
Подъёмистъ, сударь; чудо ль въ томъ?

Посѣтитель.

Но все мірскими же руками
Поля засѣяны, хлѣбъ снятъ,

И все лишь поселянъ трудами
Живемъ; они насъ богатятъ.
Молитва жъ есть души свѣтило,
Да озаритъ дневной нашъ трудъ.

Пустынникъ.

Но чрезъ священное горнило
Проходитъ хлѣбъ сей, и несутъ
Мольбы святыхъ благословенье
Общеполезнымъ всѣмъ трудамъ.
Вотъ Сергій былъ монахъ—спасенье
Онъ Руси даровалъ, князьямъ;
Святительской своей рукою
Двухъ иноковъ благословилъ;
Побѣда куплена цѣною
Его молитвъ—

Посѣтитель.

И Русскихъ силъ!

Пустынникъ.

Такъ не совсѣмъ же безполезны
Отшельники?

Посѣтитель.

Кто жъ говоритъ?

Пустынникъ.

Всѣ насъ злословятъ. Царь небесный!
Но нами этотъ свѣтъ забытъ.

Посѣтитель.

А между тѣмъ какъ, прозябая,
Вы мертвой жизнью на гробахъ,
Цвѣтами темными вѣнчая
Подъ урнами сокрытый прахъ,
Любви и дружбы чувства скрыли
Подъ черной рясой—мы двоихъ
На *Божью ниву* [1]) проводили;
Мы живы, а судьба для нихъ
Чело свое разоблачила.

Пустынникъ.

Такъ воля Вышняго судила....
Кому изъ родственниковъ ихъ
Придетъ чреда, у насъ готово
Другое мѣсто. Божье слово
Не мимо йдетъ, что всякъ часъ
Нежданной смертію для насъ
Грозитъ—о Господи, мой Боже!

Посѣтитель.

Поэтъ! Твое прекрасно ложе:
Но въ темной храминѣ своей
Ты не окованъ; мавзолей
Не бременитъ священный прахъ,
Эѳирнымъ тѣломъ облеченный:

---

[1]) Нѣмецкое Gottesacker мнѣ кажется выразительнѣе нашего: *кладбище. Прим. Соч.*

Онъ ужъ давно на небесахъ;
А смертный, сладко обольщенный,
Мечтаетъ, въ гробѣ заключивъ,
Что, перстью мирно опочивъ,
Ты здѣсь подъ каменной доскою,
Чтобы служить смѣшной игрою
Его фантазіи пустой.
Нѣтъ, не таковъ же жребій твой!

Пустынникъ.

Душа его теперь у Бога.

Посѣтитель.

Къ Нему вездѣ и все дорога!
Мы тѣломъ, духомъ вѣчно съ Нимъ;
И мы, безумцы, дорожимъ
Воспоминаніемъ, слезою,
Когда вселенныя съ душою
Въ сліяньи мы, коль жизнь сія
Есть урна тайная Твоя,
Гдѣ самъ во всемъ перегораешь.

Пустынникъ.

Конечно такъ: не примѣчаешь,
Какъ смерть придетъ; но мы горимъ,
Какъ передъ образомъ святымъ
Въ лампадѣ огнь—

Посѣтитель.

Не предъ кивотомъ

Горите вы сихъ стѣнъ подъ сводомъ,
Но..... *(Ударяютъ въ колоколъ)*

Пустынникъ.

Я слышу колокола звонъ:
Къ вечерни поспѣшу. Простите.
Монаха келью посѣтите.

Посѣтитель.

Нѣтъ, мнѣ пора. Но я опять
Сберуся къ вамъ, какъ время будетъ.

Пустынникъ.

Молю, да съ Вами вѣкъ пребудетъ
Его святая благодать!

М. Лихонинъ.

(„Московскій Телеграфъ" за 1829 г., ч. 27, стр. 40—45).

На кончину Д. В. Веневитинова.

Природа вновь цвѣтетъ, и роза нѣгой дышетъ!
Гдѣ жъ юный нашъ пѣвецъ? Увы! подъ сей доской;
А старость дряхлая дрожащею рукой
Ему надгробье пишетъ!

(Сочиненія *И. И. Дмитріева*, изданіе *А. А. Флоридова*, 1893 г., т. I, стр. 252, № 209. Стихотвореніе 1827 года, напечатанное въ 1842 г.).

„Драматическія Прибавленія“ С. Т. Аксакова.

С. Т. Аксаковъ съ раннихъ лѣтъ былъ страстнымъ любителемъ театра. Онъ имѣлъ обширныя знакомства среди тогдашнихъ актеровъ и драматурговъ, о которыхъ оставилъ весьма цѣнныя воспоминанія, пытался самъ писать для театра (переводилъ изъ Мольера), выступалъ на любительскихъ „благородныхъ“ спектакляхъ и наконецъ писалъ рецензіи о театральныхъ представленіяхъ (сгруппированныя нынѣ въ IV томѣ полнаго собранія его сочиненій).

Къ „Московскому Вѣстнику“, издававшемуся М. П. Погодинымъ при соучастіи членовъ такъ называемаго „веневитиновскаго“ кружка, С. Т. Аксаковъ, который имѣлъ къ этому журналу отношенія, какъ его цензоръ, сдѣлалъ опытъ прилагать особое прибавленіе, состоявшее исключительно изъ театральныхъ рецензій. Заглавіе этому приложенію было „Драматическое Прибавленіе“. Прилагались они къ „Московскому Вѣстнику“ съ іюня 1828 г., и вышло ихъ всего 6 книжекъ. VII-е и VIII-е „Прибавленія“ вошли уже въ составъ самого журнала. Въ октябрѣ изданіе „Драматическихъ Прибавленій“ прекратилось.

Издатель сочиненій С. Т. Аксакова въ предисловіи къ IV тому (Спб., 1886) указалъ, что собираніе мелкихъ статеекъ Сергѣя Тимоѳеевича стоило ему немалыхъ затрудненій. Въ

частности ему не удалось найти V-го и окончанія VI-го „Драматическихъ Прибавленій". Отдѣльныя тетрадочки ихъ обыкновенно не переплетались вмѣстѣ съ книжками журнала, а потому онѣ и не сохранялись, утрачивались. Полнаго экземпляра „Московскаго Вѣстника" съ „Драматическими Прибавленіями" не оказалось *нигде*: ни въ частныхъ библіотекахъ, ни въ Императорской Публичной, ни въ Московской Румянцевскаго музея и бывшей Чертковской. Въ Академіи Наукъ нашлись четыре первыя тетради, а по экземплярамъ покойныхъ библіофиловъ, Г. Н. Геннади и князя В. Ѳ. Одоевскаго удалось возстановить начало шестой тетради (рецензіи *N. N.* на „Сына Любви", драму въ 5 дѣйствіяхъ Коцебу, и „Хлопотуна", водевиль Писарева,—*N* на „Какаду", комедію князя А. А. Шаховского, „Лучшій день въ жизни", оперу Малышева, „Урокъ женатымъ", комедію Шаховского же и „Зефиръ", балетъ Дюпора, рец. *N.* и письмо кн. Шаховского къ издателю „Московскаго Вѣстника" о представленіи водевиля Шаховского „Женщина-Лунатикъ", обрывающееся въ найденномъ экземплярѣ на полуфразѣ: „Онъ игралъ хорошо (Сабуровъ), и если въ немъ не совсѣмъ былъ виденъ молодой человѣкъ самого большого свѣта, то, по крайней мѣрѣ"....

Такимъ образомъ въ изданіе сочиненій С. Т. Аксакова 1886 года вошли лишь „Драматическія Прибавленія" № I—IV, VII и VIII и начало VI-го. № V-й совершенно отсутствуетъ. Въ заключеніе издатель выразилъ надежду, что лица, у которыхъ могли бы найтись V-ое и конецъ VI-го „Прибавленія", не откажутъ ему въ сообщеніи этихъ рѣдкостей, которыя въ такомъ случаѣ будутъ перепечатаны имъ въ видѣ особаго дополненія къ его изданію.

Мнѣ удалось имѣть въ рукахъ, вѣроятно, *unicum*, полный экземпляръ „Московскаго Вѣстника" за 1828 г. со всѣми переплетенными вмѣстѣ съ журналомъ „Драматическими Прибавленіями". Въ свое время я предлагалъ копію съ этой ненаходимой рѣдкости издателю сочиненій С. Т. Аксакова.

Но, вопреки своему приглашенію, выраженному печатно, издатель, г. Мартыновъ не воспользовался моимъ предложеніемъ.

Послѣ того, въ 1896 году вышло новое „Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова", уже не въ Петербургѣ, и не у Мартынова, а въ Москвѣ у А. А. Карцева. И въ это изданіе, въ IV томъ „Драматическія Прибавленія" вошли не въ полномъ видѣ, т. е. по прежнему, безъ V-го и безъ конца VI-го „Прибавленія". Здѣсь предисловія никакого не имѣется.

Затерянныя „Драматическія Прибавленія" увидѣли наконецъ свѣтъ (вторично) въ моемъ трудѣ „Литература и просвѣщеніе въ Россіи", т. III, стр. 3—27. Тамъ я отпечаталъ и недостававшее, но мною разысканное, V-е „Прибавленіе", и конецъ VI-го, начиная съ письма князя Шаховского.

Теперь, когда „Драматическія Прибавленія" находятся предъ нами вновь въ полномъ видѣ, можно приступить къ рѣшенію вопроса, что̀ въ нихъ принадлежитъ *самому* Сергѣю Тимоѳеевичу, и что̀ именно должно быть перепечатываемо въ полномъ собраніи его сочиненій.

Издатель собранія 1886 года полагалъ, что „Драматическія Прибавленія" состояли *почти исключительно* изъ статей и замѣтокъ" Сергѣя Тимоѳеевича. Теперь, особенно съ отысканіемъ недостававшихъ „Прибавленій" очевидно, что издатель былъ неправъ. Разсмотримъ составъ каждой тетради „Драматическихъ Прибавленій":

№ I заключаетъ въ себѣ рецензіи: „Панъ Твердовскій", волшебная опера въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе М. Н. Загоскина, новая музыка А. Н. Верстовскаго; представленіе 10 іюня 1828 г. (подписана *М.*; есть примѣчанія *S*, т. е. Шевырева); конецъ рецензіи, начиная со слова: „Г. Лавровъ игралъ роль Твердовскаго безъ искусства" подписанъ „Любитель разнорусскаго театра" (это есть псевдонимъ самого С. Т. Аксаковъ С. Т. наконецъ: „Модная Лавка", комедія въ трехъ дѣйст

сочиненіе И. А. Крылова, „Леонъ и Тамаида“, балетъ. Рецензія подписана *N. N.* Итакъ, въ № I „Прибавленій“ участвовало всего *четыре* человѣка.

№ II заключаетъ всего одну рецензію „Любителя русскаго театра“ на представленіе 19 іюня: „Отелло или венеціанскій мавръ“, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Есть примѣчаніе Погодина.

№ III заключаетъ рецензію „Любителя русскаго театра“ на спектакль 3 іюля: опера „Панъ Твердовскій“ и—„Пять лѣтъ въ два часа, или какъ дороги утки“, опера-водевиль въ 2 д. перед. съ фр. Писарева.

Въ № IV „Драматическихъ Прибавленій“ *Л. Р. Т.* (т. е. „Любитель русскаго театра“) помѣстилъ рецензію на спектакль 22 іюля: „Пожарскій“, трагедія въ 3 д. (Крюковского) въ стихахъ и водевиль „Король и Пастухъ“ въ 1 д. съ дивертисманомъ (переводъ съ фр. кн. Шаховского).

Въ № V имѣется рецензія *N.* на представленіе 20 августа: „Благородный Театръ“, комедія въ 4 д. въ стихахъ соч. М. Н. Загоскина и „Великодушіе Турецкаго Паши“, большой пантоминный дивертисманъ соч. г. Глушковскаго. При рецензіи отмѣтка „Сообщено“ и примѣчаніе: „Эта статья доставлена отъ неизвѣстнаго. Мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ ее, желая представить Публикѣ и артистамъ сужденія *разныхъ* лицъ, ибо въ суммѣ правда“. При статьѣ есть 2 примѣчанія *Л. Р. Т.* Въ томъ же № рецензія *Л. Р. Т.* на спектакль 23 августа: „Батюшкина дочка“, ком. въ 3 д. въ прозѣ, кн. Шаховского, „Дядя на прокатъ“, комедія-водевиль въ 1 д. (передѣлка съ франц. А. И. Писарева) и дивертисманъ „Праздникъ жатвы“. Потомъ идетъ еще рецензія *N N.* на спектакль 26 августа: „Жизнь игрока“ трилогія и „Волшебная флейта“, балетъ. Итакъ въ этомъ № у С. Т. Аксакова пер отрудника.

бавле ъ № VI рецензія *N. N.* на представленіе 31 августа: ненах любви“, драма въ 5 д. Коцебу и „Хлопотунъ“, воде-

вить, передѣл. съ фр. А. И. Писарева. Слѣдующая рецензія на представленіе 4 сентября: „Какаду", комедія въ 1 д. въ стихахъ, кн. Шаховского, „Лучшій день въ жизни" опера-водевиль, въ 2 д. перев. съ франц. Малышева, „Урокъ женатымъ", ком. въ 1 д. въ стихахъ кн. Шаховского, „Зефиръ" балетъ въ 1 д. Дюпора—подписана *N.* и отмѣчена „Сообщено". Потомъ идетъ рецензія кн. Шаховского на спектакль 12 сентября: „Женщина-лунатикъ", опера-водевиль въ 3 д. передѣл. съ франц. кн. Шаховского и „Мужъ и любовникъ" ком. въ 1 д.; рецензія—въ формѣ письма къ издателю „М. Вѣстника", Погодину. Это былъ первый дебютъ на гастроли пріѣхавшей въ Москву Семеновой. Такъ же есть и о второмъ ея дебютѣ сообщеніе *N. N.* подъ заглавіемъ: „Еще нѣсколько словъ о г-жѣ Семеновой", игравшей въ „Красной Шапочкѣ" Розу-Любовь и въ „Швейцарскомъ семействѣ" Эмелину. Въ этомъ № „Прибавленій" С. Т. совсѣмъ *не* участвовалъ своими статьями.

Въ VII и VIII №№, вошедшихъ въ составъ „Московскаго Вѣстника" №№ 19—20, всѣ рецензіи принадлежатъ *N.*: на спектакль 11 сентября „Аристофанъ", историческая ком. въ 3 д. въ стихахъ кн. Шаховского, и „Пять лѣтъ въ два часа", опера-водевиль Писарева (есть примѣчаніе *Л. Р. Т.*), *N* же на 19 сентября: „Пустодомы", ком. въ 5 д. въ стихахъ кн. Шаховского, и его же „Новая суматоха или женихъ чужихъ невѣстъ", опера; на 16 сентября „Сватъ не впопадъ", комедія-водевиль въ 1 д. перев. съ фр. Ленскаго, „Альцеста или Сошествіе Геркулеса въ адъ", большой героическій пантомимный балетъ въ 4 д. Дидло; на 3 октября: „Лукавинъ", ком. въ 5 д. въ стихахъ, передѣл. съ англійскаго Писарева,— „Пурсоньякъ Фалалей или Рухусъ Пумперникель въ новомъ видѣ", водев. въ 1 д. перев. съ фр. кн. Шаховского и разнохарактерный дивертисманъ. Значитъ, и въ этихъ №№ С. Т. Аксаковъ *не участвовалъ.*

Подводя итоги, мы видимъ, что С. Т. Аксакову въ „Драматическихъ Прибавленіяхъ“ принадлежатъ только №№ II—IV; въ № VI—VIII онъ не участвовалъ вовсе; въ №№ I и V—С. Т. участвовалъ, но не одинъ, а съ другими сотрудниками.

На основаніи этого подлежатъ включенію въ *полное* собраніе сочиненій Сергѣя Тимоѳеевича только тѣ рецензіи, которыя принадлежатъ ему лично, да еще тѣ, которыя, хотя писаны не имъ, но снабжены его примѣчаніями. Подпись самого С. Т. Аксакова—„Любитель русскаго театра“, или инициалы этихъ словъ: *Л. Р. Т.* Кромѣ него, участвовали въ „Драматическихъ Прибавленіяхъ“ кн. А. А. Шаховской, *М.*, *N.*, *NN.*—четыре человѣка. Погодинъ и Шевыревъ, подобно Аксакову, иногда снабжали чужія статьи примѣчаніями.

Перепечатывать въ будущемъ „полномъ“ собраніи сочиненій С. Т. Аксакова *безусловно* надо слѣдующее:

1) конецъ рецензіи на оперу „Панъ Твердовскій“—со словъ: „Г. Лавровъ игралъ“ и т. д. Къ спектаклю 10 іюня относится только написанное Аксаковымъ. Начало есть разсужденіе *М.* (объ этой оперѣ вообще).

2) Рецензія на „Отелло“.

3) Рецензія на спектакль 3 іюля: опера „Панъ Твердовскій“ и „Пять лѣтъ въ два часа“.

4) Рецензія на „Пожарскаго“ и „Короля-пастуха“.

5) Рецензія на „Благородный театръ“, комедію Загоскина и „Великодушіе турецкаго паши“, на „Аристофана“ (примѣчанія Аксакова) и рецензія на „Батюшкину дочку“, „Дядя на прокатъ“ и „Праздникъ жатвы“.

Все остальное содержаніе „Драматическихъ Прибавленій“, какъ не принадлежащее С. Т. Аксакову, и какъ совершенно не представляющее нынѣ само по себѣ никакого интереса,—безъ ущерба для дѣла можетъ быть оставлено безъ дальнѣйшаго перепечатыванія.